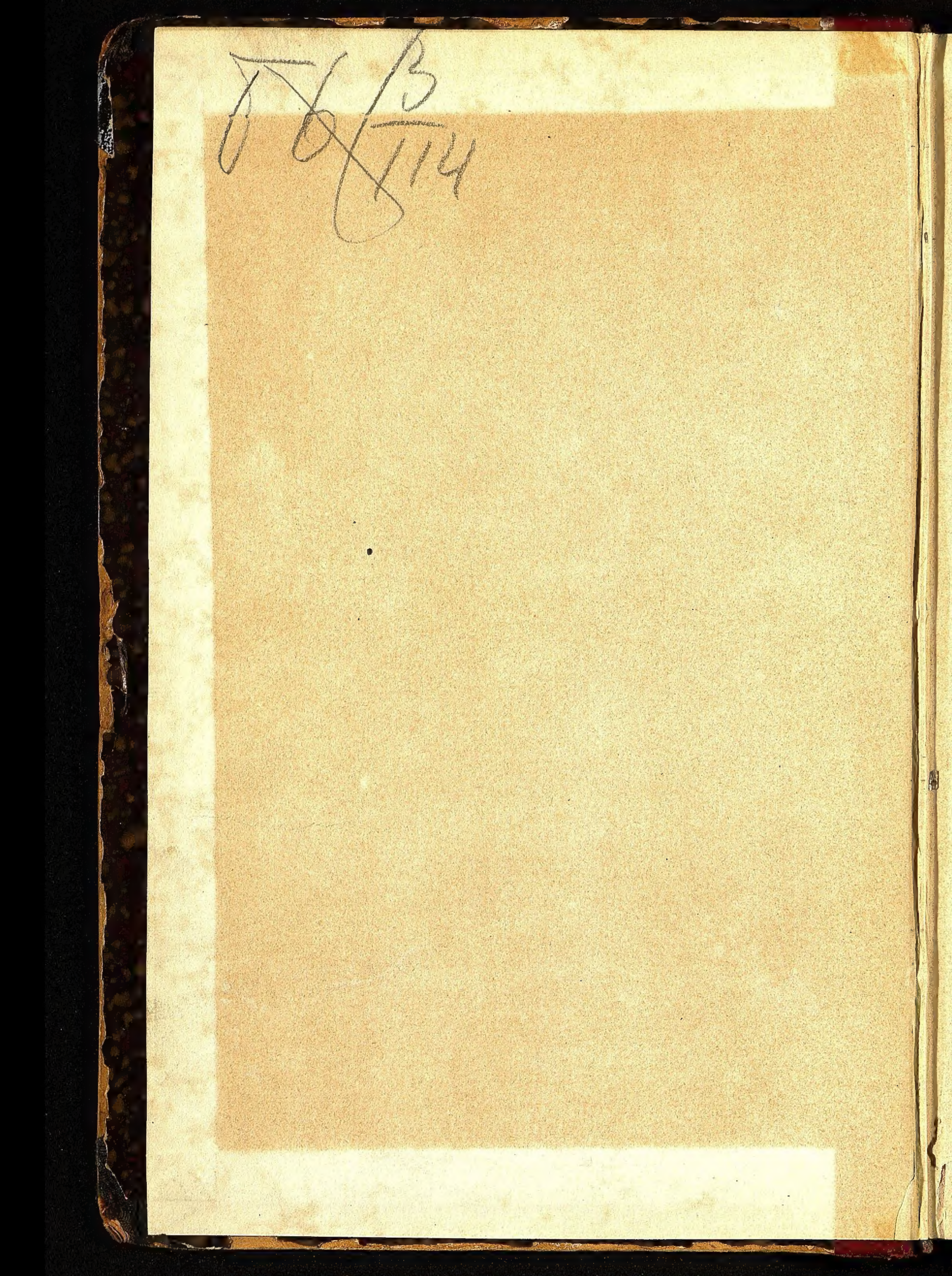

В
114

СОЧИНЕНІЯ

Д. И.

ИЛОВАЙСКАГО.

ч. I

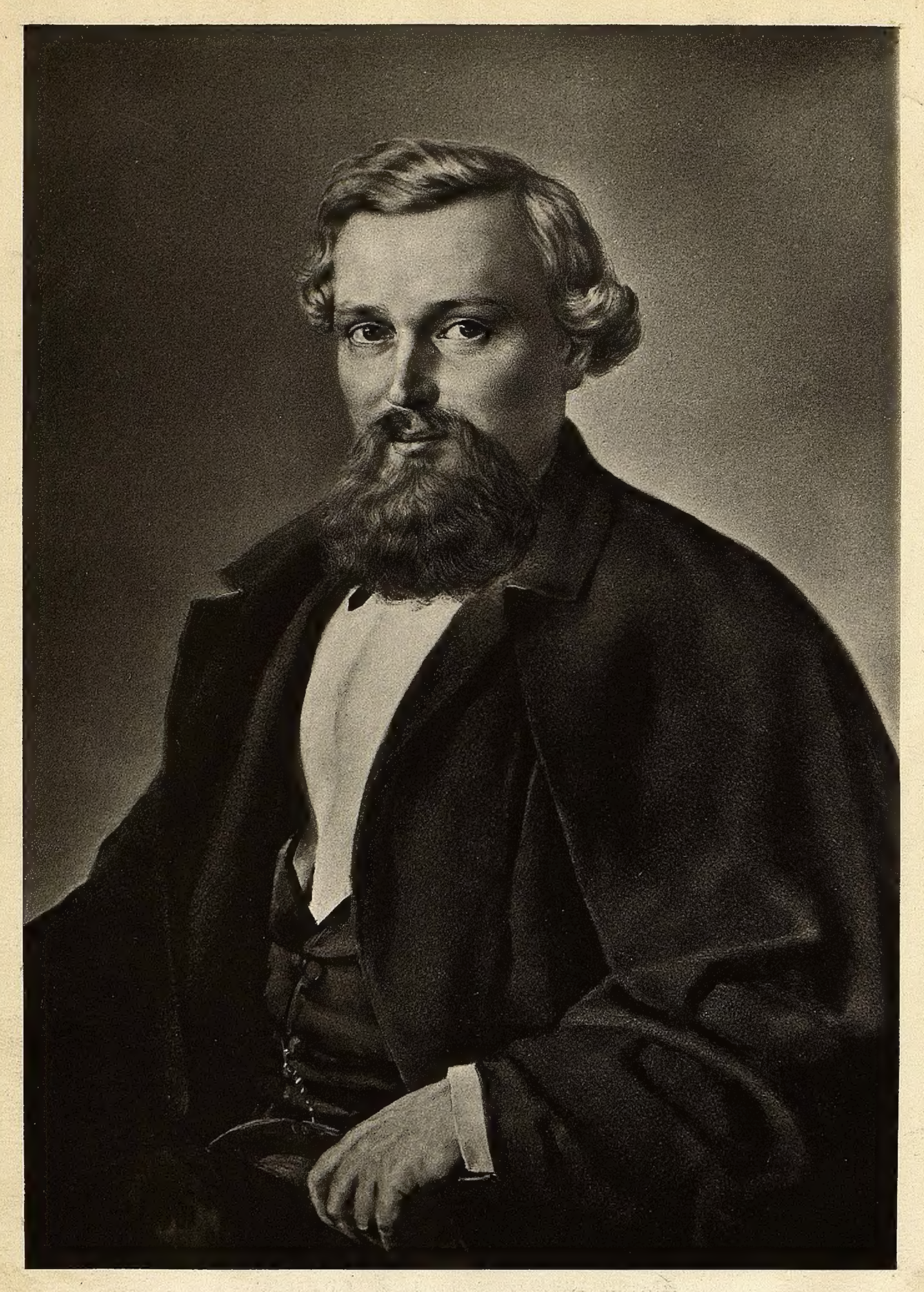
История Рязанскаго княжества
Екатерина Романовна Дашкова.
Графъ Яковъ Сиверсъ.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца А. Л. Васильева.
1884.

ИСТОРІЯ РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

ГРАФЪ ЯКОВЪ СИВЕРСЪ.



Д. Иловайскій.

съ портрета, писаннаго Шервудомъ въ 1882 году.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И.

ИЛОВАЙСКАГО.

Съ портретомъ автора.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца А. Л. Васильева.
1884.

Типографія И. С. Дурново. Страстной бул., д. гр. Мусина-Пушкина.

Четверть вѣка прошло со времени моего перваго ученаго труда, т. е. Исторіи Рязанскаго Княжества, которая появилась на свѣтъ почти въ концѣ 1858 года, въ качествѣ магистерской диссертаціи. Полагаю, срокъ достаточный для того, чтобы подвести нѣкоторые итоги своей научной и литературной дѣятельности, т. е. собрать, если не все, покрайней мѣрѣ довольно многое изъ того, что было рязсѣяно по разнымъ угламъ. Такое подведеніе итоговъ предпринимаю тѣмъ охотнѣе, что въ данномъ случаѣ оно облегчается помощью радушнаго издателя. Впрочемъ дальнѣйшее его усердіе вѣроятно будетъ зависѣть отъ успѣха или неуспѣха настоящаго тома. Для этого тома, кромѣ помянутой диссертаціи, я выбралъ изъ своихъ сочиненій два біографическихъ очерка, которые относятся также къ первому періоду моей авторской дѣятельности. Выпуская вновь эти свои труды, я ограничился только необходимыми поправками или замѣтками, не вдаваясь въ какія-либо большія перемѣны, въ которыхъ при томъ не вижу и особой надобности.

Въ слѣдующемъ томѣ предполагается помѣстить Гродненскій сеймъ 1793 года, т. е. мою докторскую диссертацію, и выборъ изъ массы статей, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Д. Иловайскій.

ИСТОРІЯ

РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА.

Je dedie ce livre à mes maîtres, à ceux qui vivent et à ceux qui ne sont plus.

Hist. de France par Michelet.

Главнымъ источникомъ для этого труда послужили русскія лѣтописи, преимущественно сѣверныя. Хотя извѣстія о Рязанскихъ событіяхъ въ нихъ вообще рѣдки, отрывочны и мѣстами пристрастны; но вмѣстѣ взятыя онѣ составляютъ значительную массу фактовъ. Самую твердую опору для изслѣдованій представляютъ конечно договорныя и жалованныя грамматы, разсѣянныя въ изданіяхъ Археографической коммиссіи и въ Собраніи Государственныхъ грамматъ и договоровъ. Иностранныхъ извѣстій о Древнерязанскомъ краѣ мы имѣемъ очень мало.

Нельзя сказать, чтобы мнѣ пришлось трудиться надъ матеріалами, совершенно нетронутыми. Были и прежде нѣкоторыя попытки, если неразработать, то по крайней мѣрѣ, собрать сырые матеріалы. Первая извѣстная мнѣ попытка въ этомъ родѣ относится къ концу прошлаго и началу настоящаго столѣтія. Сборникъ имѣетъ такое заглавіе: „Достопамятности въ Россійской исторіи, большею частію къ Рязанской области надлежащія, выбранныя изъ отысканныхъ въ Рязанской духовной консисторіи разныхъ тетрадей и бумагъ и собранныя въ видѣ лѣтописи въ 1793 и 1794 гг. по случаю присланнаго изъ св. правит. сѵнода 1791 г. Августа 31 дня къ его преосв. Симону архіепископу Рязанскому указа о присылкѣ лѣтописей въ оный сѵнодъ; а 1816 года вновь пересмотрѣнная, исправленная и дополненная“. Изъ какихъ же тетрадей и бумагъ сдѣланы выписки для этихъ Достопамятностей? Главнымъ образомъ изъ Родословца Русскихъ князей и Географиче-

скаго Словаря, составленнаго Щекатовымъ; а въ послѣднемъ историческое обозрѣніе Рязанскаго княжества основано на извлеченіяхъ изъ Исторіи Татищева и Никоновой Лѣтописи. Гораздо важнѣе такихъ выписокъ встрѣчающіяся въ Достопамятностяхъ сокращенія и отрывки изъ разныхъ грамматъ, жалованныхъ и судныхъ.

Въ связи съ „Достопамятностями" находятся труды бывшаго учителя Рязанской гимназіи Т. Воздвиженскаго: „Историческое обозрѣніе Рязанской Іерархіи" 1820 г. и „Историческое обозрѣніе Рязанской губерніи" 1822 г. Болѣе заслуживаетъ вниманія первая книга, содержаніе которой заимствовано изъ Рязан. Достопамятностей, которыя до сихъ поръ остаются неизданными. Уже потому самому, что г. Воздвиженскій сдѣлалъ извѣстными многія любопытныя грамматы, вошедшія въ Достопамятности, онъ оказалъ большую услугу наукѣ. Вторая книга представляетъ очень мало интереса тамъ, гдѣ дѣло идетъ о временахъ Княжества. По большей части это рядъ выписокъ, почти слово въ слово, изъ Татищева, Щекатова и Карамзина, ничѣмъ несвязанныхъ и часто противорѣчащихъ другъ другу. Но мы не имѣемъ права пренебрегать и этимъ трудомъ, потому что у г. Воздвиженскаго, какъ Рязанскаго старожила, встрѣчаются мѣстами любопытныя замѣтки, которыя могутъ навести на разныя соображенія.

Очень важны для исторіи Рязанскаго края грамматы и акты, собранные А. И. Пискаревымъ, 1854 г.; но за исключеніемъ немногихъ, эти документы относятся ко временамъ позднѣйшимъ *). Сочиненія по Русской исторіи, и разсѣянныя въ повременныхъ изданіяхъ статьи, которыми я пользовался, будутъ указаны при самыхъ изслѣдованіяхъ. Новыхъ неизданныхъ доселѣ источниковъ мнѣ удалось собрать очень немного.

Излагая исторію Рязанскаго княжества, я имѣлъ въ виду слѣдующее: во первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до сихъ поръ разрозненнымъ и отры-

---

*) Тоже можно сказать о его „Собраніи надписей съ памятниковъ Рязанской старины" въ Запискахъ Археол. Общ. Т. VIII. СПБ. 1856.

вочнымъ, во вторыхъ, указать на самыя важныя эпохи, которыя переживало княжество, и въ третьихъ, по возможности проникнуть въ его внутренній бытъ. Хотѣлось бы дать болѣе мѣста послѣдней, бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни народа; но здѣсь историкъ встрѣчаетъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и отсутствію предварительныхъ изслѣдованій. Отчетливое изображеніе древне-рязанскаго быта невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстныя преданія, пѣсни, повѣрья, остатки прежнихъ обычаевъ; пока русская археологія и филологія не приведетъ въ извѣстность и не объяснитъ хотя наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ рязанской письменности, а равно и памятниковъ искусства, принадлежащихъ Рязанскому краю.

ГЛАВА I.

Финское население въ области Оки. Вятичи. Главные пути Славянской колонизаціи. Восточные удѣлы. Св. Глѣбъ въ Муромѣ. Происхожденіе города Рязани. Борьба Олега Святославича съ дѣтьми Мономаха. Ярославъ Святославичъ. Его характеръ и дѣятельность на сѣверовостокѣ. Успѣхи христіанства. Неудачи Ярослава на югѣ. Обособленіе Муромо-Рязанскаго княжества.

„По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемеси свой языкъ, Мордва свой языкъ", говоритъ нашъ начальный лѣтописецъ, перечисляя народы, населявшіе древнюю Россію. „А се суть иніи (т. е. не славянскіе) языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва" и пр. Слѣдовательно, рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями Финскаго или Чудскаго племени. Но заговоривъ о Финскомъ племени и его подраздѣленіяхъ, мы чувствуемъ подъ собою почву, далеко нетвердую. Этотъ важный элементъ въ составѣ Русскаго государства представляетъ еще задачу для исторіи, и мы пока напрасно ищемъ въ ученой литературѣ авторитета, на который могли бы смѣло опереться въ своихъ выводахъ. Особенно мало сдѣлано для исторіи и этнографіи Финновъ восточной Россіи.

Финскіе народцы, обитавшіе въ области Оки, по нѣкоторымъ признакамъ, составляли только часть большаго Мордовскаго племени. Нетрудно представить себѣ главныя черты ихъ быта при началѣ нашей исторіи; безъ всякаго сомнѣнія онъ былъ очень простъ и немногосложенъ, какъ у всѣхъ народовъ, невышедшихъ еще изъ состоянія дикости. Разсѣянные небольшими группами или отдѣльными семьями Финны жили въ глуши первобытныхъ лѣсовъ, на берегу рѣкъ и безконечныхъ болотъ; охота и, вѣроятно, пчеловодство

служили имъ главнымъ источникомъ существованія; земледѣліе, можетъ быть, и въ тѣ времена входило уже въ число ихъ занятій; но ему неблагопріятствовали лѣсистая природа страны и мѣстами скупая, песчаноглинистая почва. Въ этомъ случаѣ для насъ драгоцѣнны слова Герберштейна, которыми онъ въ первой половинѣ XVI вѣка характеризуетъ Мордовское племя. „Къ востоку и югу отъ рѣки Мокши, говоритъ онъ, лежатъ огромные лѣса, въ которыхъ обитаетъ Мордва, народъ говорящій особеннымъ языкомъ. Они отчасти идолопоклонники, отчасти магометане; живутъ разбросанными селеніями, обработываютъ поля; питаются мясомъ дикихъ животныхъ и медомъ; богаты дорогими мѣхами; народъ суровый, храбро отбивающій отъ себя татарскихъ хищниковъ; почти всѣ пѣшіе, вооружены длинными луками и превосходные стрѣлки". Если сравнимъ съ этимъ извѣстіемъ описаніе чисто Мордовскаго быта въ наше время, то въ главныхъ чертахъ мы находимъ большое сходство; отсюда имѣемъ право заключить, что и съ IX вѣка по XVI этотъ бытъ измѣнился очень мало. Такъ, напримѣръ, Мордва до сихъ поръ отличается свойственною дикарямъ неразборчивостію въ выборѣ пищи; только въ недавнее время она оставила привычку пожирать самыхъ нечистыхъ животныхъ; а мясо медвѣдей, волковъ, ежей, бѣлокъ, вьюновъ и ястребовъ еще не вышло изъ употребленія.

Въ XVI вѣкѣ часть Мордвы исповѣдывала исламъ, заимствованный у сосѣднихъ Болгаръ, Казанскихъ и Касимовскихъ Татаръ; но въ IX вѣкѣ язычество въ этихъ странахъ еще не встрѣчало себѣ никакого противодѣйствія. Къ сожалѣнію религіозныя вѣрованія сѣверовосточныхъ Финновъ далеко не приведены въ извѣстность для того, чтобы можно было построить изъ нихъ полную систему. Однако, благодаря замѣткамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, мы имѣемъ довольно цѣльное понятіе о язычествѣ Мордовскаго племени; видимъ, что оно прошло нѣсколько ступеней религіознаго развитія и не лишено присутствія господствующей идеи. Верховное божество называется Шкай; за нимъ слѣдуютъ нисшіе боги и богини, между которыми раздѣлены заботы по управленію различными частями міра, таковы: Керемять, Азарава, Паксязаръ и Паксязарава, Вирьязаръ и Вирьязарава, Ведьязаръ и Ведьязарава, Лугазаръ и Лугазарава, Юртазаръ и Юртазарава и пр. Всѣ эти имена встрѣчаются въ молитвахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ у Мордвиновъ, которые вообще поздно, неохотно подчинились христіанству, и упорно продолжаютъ сохранять многія языческія вѣрованія и обряды.

Приведенныя имена свидѣтельствуютъ, что Мордва почитала высшее начало подъ именемъ Азаръ; но что это божество, какъ и у другихъ народовъ, разрѣшалось на отдѣльныя силы природы; такимъ образомъ явились: Ведь-язаръ лѣсной богъ, Юрт-азаръ домашній богъ и т. д. въ родѣ славянскихъ лѣшихъ и домовыхъ.

Нижнее теченіе Оки почти до самаго устья занимало племя Мурома, которое прежде другихъ племенъ, обитавшихъ по Окѣ, примкнуло къ возникающему Государству, и нѣсколько опередило ихъ въ развитіи общественныхъ формъ. Въ IX столѣтіи мы находимъ здѣсь городъ Муромъ, который можетъ быть и распространилъ свое имя на ближнюю часть Мордвы. Близость Волги, по которой шелъ водный путь изъ Новгорода въ Болгарію и Козарію болѣе всего способствовала раннему участію Мери и Муромы въ Русской исторіи. Язычество Муромы, судя по той борьбѣ, которую должны были выдержать противъ него первые проповѣдники христіанства, достигло нѣкоторой степени развитія. Не знаемъ, на сколько ихъ вѣрованія были общи съ Мордвою; но у насъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій объ обрядахъ Муромцевъ въ концѣ XI столѣтія. „Очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе... дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся... кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребающе, и битвы и кроеніе и лицъ настрѣканія и дранія творяще“ [1]).

Между всѣми Мордовскими народцами для насъ особенно важна Мещера, которая обитала по притокамъ Оки выше Муромы. Донынѣ вся сѣверная часть Рязанской губерніи носитъ названіе „Мещерской стороны“. Древніе лѣтописцы не отличаютъ ее отъ Мери и Мордвы, и не знаютъ ея имени [2]). Затерянные въ непроходимыхъ дебряхъ и болотахъ между притоками средней Оки, Мещеряки долѣе своихъ сосѣдей остаются на степени совершенной дикости и ускользаютъ отъ вниманія исторіи.

Итакъ, прежде нежели появился Славянскій элементъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ мы говоримъ, Финскія племена съ незапамятныхъ временъ были здѣсь полные хозяева, и самымъ замѣтнымъ памятникомъ ихъ древняго господства безспорно служатъ до сихъ поръ многія темныя для насъ географическія названія.

---

[1]) Изъ житія Муромскаго Кн. Константина.

[2]) Вѣроятнѣе всего, что названіе Мещера есть только видоизмѣненіе слова Меря.

Самымъ крайнимъ Славянскимъ племенемъ на востокѣ въ IX в. являются Вятичи. О происхожденіи Вятичей и ихъ сосѣдей Радимичей сохранилось у лѣтописца, какъ извѣстно, любопытное преданіе, изъ котораго заключаютъ, что эти племена, отдѣлившіяся отъ семейства Ляховъ, заняли свои мѣста гораздо позднѣе другихъ Славянъ и что въ народѣ еще въ XI вѣкѣ сохранилась память объ ихъ движеніи на востокъ. Вятичи заняли верхнее теченіе Оки, и такимъ образомъ пришли въ прикосновеніе съ Мерею и Мордвою, которые повидимому безъ особенной борьбы подвинулись на сѣверъ. Едва ли могли существовать серьозныя причины къ столкновенію съ пришельцами при огромномъ количествѣ порожнихъ земель и при ничтожности домашняго хозяйства у Финновъ. Къ тому же и самое Финское племя, скудно одаренное отъ природы, съ явнымъ недостаткомъ энергіи, вслѣдствіе неизмѣннаго историческаго закона должно было всюду отступать передъ породою, болѣе развитою. Трудно провести границы между Мещерою и ея новыми сосѣдями; приблизительно можемъ сказать, что селенія Вятичей въ первые вѣка нашей исторіи простирались до рѣки Лопасни на сѣверѣ и до верховьевъ Дона на востокѣ.

Немногими, но очень яркими красками изображаетъ Несторъ языческій бытъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ. „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци небываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику и възлажахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ“. Судя по первымъ словамъ упомянутыя племена не имѣли ни земледѣлія, ни домашняго хозяйства. Но далѣе видно, что они жили селами и имѣли довольно опредѣленные обычаи или обряды относительно брака и погребенія; а подобное обстоятельство уже предполагаетъ нѣкоторую степень религіознаго развитія и указываетъ на начала общественной жизни. Впрочемъ трудно рѣшить, на сколько слова Нестора относились собственно къ Вятичамъ IX столѣтія, потому что едва ли можно приравнять ихъ къ Сѣверянамъ, которые поселились на своихъ мѣстахъ гораздо ранѣе и жили по сосѣдству съ Греческимъ воднымъ

путемъ. Ясно, по крайней мѣрѣ, что Вятичи въ тѣ времена были самымъ дикимъ племенемъ между восточными Славянами: удаленные отъ двухъ главныхъ центровъ русской гражданственности, они позднѣе другихъ вышли изъ племеннаго быта, такъ что русскіе города упоминаются у нихъ не ранѣе XII в.

Движеніемъ Радимичей и Вятичей повидимому прекратилось разселеніе Славянскихъ племенъ въ Россіи: онѣ перестаютъ занимать земли болѣе или менѣе густыми массами и отодвигать далѣе на сѣверъ и востокъ жилища Финновъ. Послѣдніе теперь спокойно могли оставаться на своихъ мѣстахъ; но уже навсегда должны были подчиниться вліянію своихъ сосѣдей. Медленно и туго Финское племя проникается Славянскимъ элементомъ; но тѣмъ вѣрнѣе и глубже пускаетъ онъ свои корни. Проводникомъ этого неотразимаго вліянія послужила у насъ, какъ и вездѣ, система военной или княжеской колонизаціи, начало которой совпадаетъ съ началомъ Русской исторіи. Славянорусская колонизація идетъ отчасти отъ Новгорода на востокъ великимъ Волжскимъ путемъ и достигаетъ нижняго теченія Оки. Извѣстно, что Новгородское юношество издавна ходило по рѣкамъ въ дальнія страны съ двоякою цѣлью—грабежа и торговли. Эти то походы и проложили пути Славянскому вліянію на Финскомъ сѣверовостокѣ. Съ движеніемъ славянскаго элемента изъ Новгорода по Волгѣ встрѣчается другое движеніе изъ юго-западной Руси по Окѣ [3]).

---

[3]) По словамъ начальной лѣтописи, Святославъ въ 964 г. идетъ на Оку и на Волгу, приходитъ къ Вятичамъ и спрашиваетъ у нихъ по обыкновенію: „кому дань даете". Они отвѣчаютъ: „даемъ Козарамъ по шелягу отъ рала". Затѣмъ Святославъ обращается на Козаръ и громитъ ихъ царство. Вятичи однако не соглашаются добровольно платить ему дань, какъ показываетъ извѣстіе лѣтописца подъ 966 г.: „Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи".

Зависимость Радимичей и Вятичей отъ Русскихъ князей прекратилась вѣроятно во время пребыванія Святослава въ Болгаріи, и сынъ его Владиміръ укрѣпившись на Кіевскомъ столѣ, долженъ былъ вступить въ новую борьбу съ воинственными племенами. Именно въ 981 г. Владиміръ „Вятичи побѣди, и възложа нань дань отъ плуга, яко же и отецъ его имаше". Но этимъ дѣло не кончилось: подъ слѣдующимъ годомъ опять извѣстіе: „Заратишися Вятичи, и иде на ня Владиміръ, и побѣди е второе". Въ 988 году онъ воюетъ съ Радимичами, которымъ Волчій Хвостъ наноситъ пораженіе. При этомъ случаѣ лѣтописецъ еще разъ вспоминаетъ, что Радимичи (а слѣдовательно и Вятичи) были родомъ изъ Ляховъ: „пришедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ ведутъ и до сего дне", прибавляетъ онъ, вообще показывая къ нимъ явное нерасположеніе. Такое нераспо-

Съ подчиненіемъ Вятичей Кіевскимъ князьямъ верховья Оки вошли въ составъ Русскихъ владѣній. Устья этой рѣки принадлежали къ нимъ еще прежде, по этому и среднее теченіе не могло далѣе оставаться внѣ предѣловъ зараждающагося государства, тѣмъ болѣе что малочисленное туземное населеніе было не въ состояніи оказать значительное сопротивленіе Русскимъ Князьямъ. Лѣтопись даже и не упоминаетъ о покореніи Мещеры, которое само собой подразумѣвается при походахъ Владиміра на сѣверовостокъ. Преемники его въ XI столѣтіи спокойно проходятъ съ своими дружинами по Мещерскимъ землямъ и ведутъ здѣсь междоусобныя войны, не обращая вниманія на бѣдныхъ жителей. Близь сліянія Волги и Оки дальнѣйшее движеніе Русскаго господства должно было на время остановиться: препятствіемъ явилось довольно сильное по тому времени государство Болгаръ [4]). Помимо враждебныхъ столкновеній Камскіе Болгары были знакомы Русскимъ князьямъ по сношеніямъ другаго рода. Они служили тогда дѣятельными посредниками въ торговлѣ между мусульманскою Азіею и восточною Европою. Болгарскіе купцы ѣздили съ своими товарами вверхъ по Волгѣ въ страну Веси; а чрезъ Мордовскую землю, слѣдовательно по Окѣ, отправлялись въ югозападную Русь и ходили до Кіева. Извѣстія Арабскихъ писателей подтверждаются разсказомъ нашего лѣтописца о магометанскихъ проповѣдникахъ у Владиміра и торговымъ договоромъ Русскихъ съ Болгарами въ его княженіе. Если удачные походы Св. князя на Камскихъ Болгаръ и не сокрушили эту преграду къ распространенію Русскаго вліянія внизъ по Волгѣ, за то окончательно закрѣпили за нимъ всю Окскую систему. Но начала гражданственности еще не скоро проникли въ эту лѣсную глушь; первый городъ упоминается здѣсь спустя цѣлое столѣтіе.

Когда Владиміръ раздавалъ своимъ сыновьямъ города, Муромская земля досталась на долю Глѣба [5]).

ложеніе очень понятно, если вспомнимъ что у Вятичей, и вѣроятно отчасти у Радимичей, въ его время язычество существовало еще въ полной силѣ.

[4]) Мы еще можемъ сомнѣваться въ томъ, чтобы походъ Владиміра 987 г. относился къ Волжскимъ Болгарамъ; но кромѣ этого года есть извѣстія и о другихъ походахъ на Болгаръ. Въ одномъ изъ нихъ прямо говорится (997 г.): „Ходи Владимеръ на Болгары Волжскія и Камскія“. (Ник. I. 108).

[5]) Замѣчательно при этомъ, что онъ никого не назначилъ въ страну Вятичей и Радимичей. Такое обстоятельство объясняется недостаткомъ городовъ въ то время

Но для насъ особенно важно дѣленіе волостей между сыновьями Ярослава I; оно на долго опредѣлило дальнѣйшее развитіе отдѣльныхъ частей древней Россіи. Святославъ Ярославичъ получилъ на свою долю Черниговскій удѣлъ. Къ этому удѣлу кромѣ Сѣверской земли причислялась долина Оки и Тмутраканское княжество, точно также какъ къ Переяславскому удѣлу Всеволода принадлежало почти все верхнее Поволожье. Существованіе такого дѣленія подтверждается событіями восточной Руси во второй половинѣ XI в. и особенно Любецкимъ съѣздомъ, на которомъ все теченіе Оки навсегда укрѣплено за родомъ Святослава Ярославича. Подобная обширность владѣній, сосредоточенныхъ въ рукахъ одного рода, нисколько не смущала остальныхъ князей. Вся эта лѣсная глушь имѣла въ ихъ глазахъ очень мало цѣны; самые Святославичи, какъ увидимъ, долго не могутъ помириться съ угрюмою природою своихъ удѣловъ, и обнаруживаютъ стремленіе къ завѣтному Приднѣпровью.

Между тѣмъ какъ дѣятельность сыновей и внуковъ Владиміра Св. преимущественно сосредоточивалась около Днѣпра, народы, заселявшіе область Оки, все еще прозябаютъ въ тѣни своихъ первобытныхъ лѣсовъ. Признаки жизни замѣтны только въ отдаленномъ Муромѣ. Здѣсь первымъ удѣльнымъ княземъ является Св. Глѣбъ [6]. Нѣтъ

на сѣверовостокъ отъ Десны до самыхъ низовьевъ Оки. Сѣверная половина этого пространства, т. е. собственно Рязанскія земли, была причислена къ Муромскому княженію; а южная степная полоса связана была съ Тмутраканскимъ княжествомъ. Послѣ битвы при Лиственѣ Мстиславъ, первый удѣльный князь Тмутраканскій, соединилъ въ своихъ рукахъ обѣ части; названіе Тмутракани распространилось далеко на сѣверъ; отсюда то произошло у нѣкоторыхъ историковъ смѣшеніе этого имени съ Рязанью, которая въ то время еще не выступала на историческое поприще. Знаменитый Олегъ Гориславичъ, будучи княземъ Тмутраканскимъ и Рязанскимъ, еще болѣе способствовалъ такому заблужденію. Но въ настоящее время послѣ доказательствъ гр. А. Н. Мусина-Пушкина нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что Тмутракань и Греческая Таматарха или древняя Фанагорія одно и тоже. („Историч. изслѣд. о мѣстопол. древ. Рос. Тмут. княженія". (См. сводъ всѣхъ доказательствъ и защиту Мусина-Пушкина противъ возраженій Г. И. Спасскаго въ Изслѣдов. о Рус. Ист. Погод. III. 145—153).

[6]) Мы не знаемъ, когда именно онъ отправился въ свой удѣлъ. По лѣтописи Владиміръ роздалъ города сыновьямъ въ 889 г. въ то время, когда Глѣбъ былъ еще младенцемъ, или, что вѣроятнѣе, совсѣмъ не родился. Въ 1015 г. Борисъ, любимый братъ его, изображается юношею, у котораго только что пробиваются усы и борода; а Глѣбъ былъ моложе Бориса. Вообще прибытіе Глѣба на сѣверъ можно приблизительно отнести къ 1010 г.

сомнѣнія, что главною заботою молодаго князя было насажденіе христіанства въ этомъ крайнемъ уголкѣ тогдашней Руси. Самая разсылка по городамъ сыновей Владиміра, которая по лѣтописи слѣдуетъ за ихъ крещеніемъ, можетъ быть находилась въ связи съ заботами Великаго Князя о распространеніи новой религіи. Но это благое дѣло, кажется, не имѣло большаго успѣха въ короткій срокъ пребыванія Глѣба на сѣверѣ [7]). Послѣ его смерти христіанство должно было еще въ продолженіе цѣлаго столѣтія выдерживать здѣсь борьбу съ языческою партіею прежде, нежели могло провозгласить побѣду на своей сторонѣ. При столкновеніяхъ христіанскаго начала съ язычествомъ Муромскій край въ то время оживлялся еще торговыми сношеніями съ Камской Болгаріей, что не мѣшало иногда Муромцамъ вступать въ борьбу съ сильными Болгарами и безпокойными племенами Мордвы. Въ княженіе Ярослава I Муромъ повидимому на ряду съ Ростовомъ игралъ незавидную роль ссылочнаго мѣста для опальныхъ бояръ. Такъ въ 1019 г. Великій Князь прогнѣвался за что-то на Новгородскаго посадника Константина (сынъ знаменитаго Добрыни) и заточилъ его въ Ростовъ, „и на третіе лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ на рѣцѣ на Оцѣ“ [8]).

Между тѣмъ въ юговосточной части Муромо-Рязанскихъ земель никогда не прерывались враждебныя столкновенія съ степными кочевниками. Въ началѣ X в. изъ Приуральскихъ степей вслѣдъ за Уграми подвинулись на западъ Печенѣги и потянулись къ нижнему Днѣпру. За Печенѣгами являются ихъ соплеменники Торки. Въ 1055 г. въ первый разъ упоминается о приходѣ Половцевъ въ Русскую землю. Они оттѣсняютъ болѣе слабыхъ предшественниковъ, и въ 1068 г. открываютъ упорную борьбу съ нашими князьями; а къ концу XI в. ихъ необозримыя кочевья раскинулись по всему степному пространству южной Россіи. Сосѣдство съ этими дикими ордами конечно не осталось безъ вліянія на жителей Приокскихъ земель, и внесло въ эти земли новый элементъ населенія, враждебный Славянорусскому началу. Стоитъ только прочесть у лѣтописца описаніе Половецкаго быта, чтобы понять, каково могло быть вліяніе кочевниковъ. „Яко же се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отецъ своихъ, кровь

---

[7]) Въ прологѣ Мая 21 сказано о Св. Глѣбѣ: „много покусився невозможе одолѣти его (Мурома) и обратити во Св. Крещеніе; но поживѣ вдалѣ его два поприща (два лѣта) и отъ Святополка позванъ лестію“.

[8]) П. С. Р. Л. V. 134.

проливати, и хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки, и сусолы; поимають мачехи своя, ятрови, и ины обычая отець своихъ творятъ“.

27 Декабря 1076 г. скончался Святославъ Ярославичъ, оставивъ пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. При жизни отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ во Владимірѣ Волынскомъ, Романъ въ Тмутракани; неизвѣстно, гдѣ княжилъ Давидъ; а Ярославъ, самый младшій [9]), по юности своей вѣроятно находился при отцѣ; впрочемъ можно догадываться, что ему назначались въ удѣлъ Муроморязанскія волости. Съ возвратомъ Изяслава произошло перемѣщеніе удѣльныхъ князей, которое повлекло за собою неизбѣжныя усобицы. Здѣсь мы по необходимости должны коснуться этихъ усобицъ съ той стороны, съ которой онѣ имѣли вліяніе на судьбы Муроморязанскаго края.

Изгнанный изъ Новгорода, Глѣбъ Святославичъ погибъ въ землѣ Заволоцкой Чуди; Олегъ, лишенный Владиміра Волынскаго, жилъ нѣкоторое время въ Черниговѣ у дяди Всеволода. Изъ этого впрочемъ нельзя заключить, что онъ не имѣлъ тогда никакого удѣла; безъ сомнѣнія ему предоставлены были вмѣстѣ съ младшимъ братомъ все тѣже Муроморязанскія земли. Нѣсколько времени спустя, мы дѣйствительно находимъ въ Муромѣ посадниковъ Олега. Но, какъ замѣчено, князья не дорожили своими сѣверовосточными областями и не любили скучать въ этой глухой сторонѣ; поэтому Олегъ не поѣхалъ къ себѣ въ Муромъ, а явился у брата въ Тмутракани, и отсюда начинаетъ рядъ попытокъ отнять у Всеволода и Мономаха Черниговъ, какъ достояніе своего отца. Средства для борьбы съ старшими князьями у младшихъ въ то время находились всегда подъ руками, т. е. наемныя Половецкія дружины. Первая попытка Олега, предпринятая вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Борисомъ Вячеславичемъ, въ началѣ имѣла успѣхъ, но кончилась несчастною для нихъ Нѣжатинскою битвою, 3-го Окт. 1078 г. Послѣ того во все время Всеволодова княженія въ Кіевѣ незамѣтно, что бы Олегъ возобновилъ свои усилія занять Черниговъ; когда погибъ братъ его Романъ, онъ даже пробылъ два года плѣнникомъ у Грековъ. Но

---

[9]) Что Ярославъ былъ младшій, доказываетъ картина въ Изборникѣ Святослава, 1073 г.; она изображаетъ Святослава съ супругою и пятерыхъ его сыновей; Ярославъ представленъ здѣсь еще мальчикомъ.

освободившись изъ плѣна, Олегъ занялъ Тмутраканское княжество и выжидалъ опять удобнаго случая завладѣть Черниговскимъ удѣломъ. Такой случай представился послѣ кончины Всеволода. Воспользовавшись сильнымъ пораженіемъ Святополка и Мономаха отъ Половцевъ подъ Триполемъ, Олегъ въ 1094 г. опять явился съ своими дикими союзниками у воротъ Чернигова. На этотъ разъ Мономахъ, не имѣя достаточныхъ силъ, чтобъ отразить враговъ, помирился съ своимъ соперникомъ, и вышелъ изъ города.

Но между тѣмъ какъ Святославичи принимали главное участіе въ событіяхъ Южной Россіи, ихъ сѣверныя волости оставались безъ надежной защиты отъ нападенія непріязненныхъ сосѣдей. Въ Муромѣ управляли посадники Олега. Неизвѣстно, были ли они сами виноваты въ безпорядкахъ или не имѣли достаточно средствъ и власти удерживать въ повиновеніи безпокойную Муромскую молодежь, которая выгодамъ торговли съ зажиточными Болгарами предпочитала грабежи ихъ судовъ по Волгѣ и Окѣ. Обиженные обратились съ жалобами къ Олегу и брату его Ярославу [10]). Неполучивъ удовлетворенія, Болгары взялись за оружіе, и въ 1088 г. захватили Муромъ. Впрочемъ они оставались здѣсь недолго, и вѣроятно довольствуясь разграбленіемъ города, ушли во свояси: по крайней мѣрѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, опять упоминается о посадникахъ Черниговскаго князя въ Муромѣ.

И во второй разъ Олегъ недолго княжилъ въ отцовскомъ городѣ. Въ слѣдующемъ 1095 г. непріязненныя отношенія Святославичей къ Мономаху и Святополку опять переходятъ въ сильное междоусобіе. Поводомъ къ неудовольствію послужила явная недовѣрчивость Олега къ двоюроднымъ братьямъ, когда они пригласили его идти вмѣстѣ съ ними на Половцевъ. Олегъ пошелъ но не вмѣстѣ, а другою дорогою, и, кажется, уклонился отъ битвы съ своими прежними союзниками. Онъ также не согласился выдать Русскимъ князьямъ сына Половецкаго князя Итларя, послѣ того какъ отецъ былъ умерщвленъ въ Переяславлѣ. Мономахъ и Святополкъ однако не вступили прямо въ борьбу съ Олегомъ, а прежде хотѣли вѣроятно лишить его помощи брата Давида; по этому они въ концѣ 1085 г. вывели послѣдняго изъ Смоленска въ Новгородъ, а въ Смоленскѣ посадили Мономаховича Изяслава. Вскорѣ однако Давидъ воротился и опять

---

[10]) Татищ. II, 140.

занялъ Смоленскую волость. Около того же времени Изяславъ Владиміровичъ является въ Курскѣ. Неизвѣстно, потерпѣлъ ли Изяславъ у Курска неудачу, или взялъ его, но потомъ оставилъ, угрожаемый сосѣдствомъ Олега Черниговскаго; только въ томъ же году онъ уходитъ съ юга и отправляется въ другую волость Святославичей—Муромскую землю. Муромцы, можетъ быть недовольные боярскимъ управленіемъ и желавшіе имѣть собственнаго князя, охотно приняли Изяслава и выдали ему Олеговыхъ посадниковъ [11]). Хотя въ письмѣ своемъ къ Олегу Владиміръ въ послѣдствіи осуждаетъ сына за то, что онъ пожелалъ чужаго и послушался своихъ алчныхъ дружинниковъ; но едвали можно думать, чтобы Изяславъ въ этомъ случаѣ осмѣлился поступить противъ воли Мономаха, который держалъ своихъ дѣтей въ строгомъ повиновеніи. Очень можетъ быть, что занятіе Мурома находилось въ связи съ открывшеюся вскорѣ усобицею между Черниговскимъ княземъ и его двоюродными братьями. Извѣстно, что въ 1076 году Олегъ отвѣчалъ изъ Чернигова гордымъ отказомъ на приглашеніе братьевъ пріѣхать въ Кіевъ, и не хотѣлъ предстать на судъ предъ епископами, игумнами и смердами. Тогда Святополкъ и Мономахъ припомнили ему дружбу съ варварами и рѣшились по обыкновенію предоставить дѣло суду Божьему. Услыхавъ о приближеніи противниковъ, Олегъ 3 Мая 1096 года вышелъ изъ Чернигова, и заперся въ крѣпкомъ Стародубѣ. Здѣсь онъ защищался 33 дня, и началъ просить мира только тогда, когда граждане доведены были до крайняго изнеможенія; а помощь между тѣмъ не являлась. Великій Князь и Владиміръ согласились на миръ, и послали Олега къ брату Давиду, что бы вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ улаживаться о волостяхъ. Олегъ отправился къ Смоленску; но Смольняне отказались принять въ свой городъ князя, который пріобрѣлъ недобрую славу за свою дружбу съ Половцами. Огорченный такою неудачею Гориславичъ обратился на востокъ и пошелъ къ *Рязани* [12]). Тутъ въ первый разъ встрѣчается въ лѣтописи это имя, и мы остановимся на немъ нѣсколько времени прежде, нежели послѣдуемъ за дальнѣйшимъ теченіемъ событій.

Съ XI столѣтія Славянскія поселенія на Финскомъ сѣверовостокѣ начинаютъ принимать все болѣе и болѣе значительные размѣры,

---

[11]) Лавр. 98.

[12]) Лавр. 98. Ник. II, 12.

благодаря строительной дѣятельности Русскихъ князей. Главнымъ средствомъ для утвержденія власти въ подчиненныхъ земляхъ всегда и вездѣ служило построеніе крѣпостей тамъ, гдѣ ихъ не было и военное занятіе городовъ, уже существующихъ. Точно такъ поступали и древніе Русскіе князья: они строили новые города на востокъ и на западъ отъ великаго воднаго пути, имѣя въ виду защиту края, сборъ дани съ туземныхъ жителей и заселеніе пустыхъ земель. Строительная дѣятельность особенно усиливается со временъ Владиміра Св. и Ярослава I. Стукъ топора и смѣшанные человѣческіе голоса съ тѣхъ поръ постоянно нарушаютъ спокойствіе дремучихъ лѣсовъ на сѣверовостокѣ Россіи. Нѣсколько десятковъ домиковъ съ землянымъ валомъ вокругъ показываются надъ рѣкою въ тѣни зеленыхъ рощъ, и путникъ, плывущій въ лодкѣ, замѣчаетъ въ окрестностяхъ движеніе, а иногда различаетъ остроконечную кровлю съ крестомъ, и слышитъ звонъ била [13]), призывающаго на молитву, въ мѣстахъ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ печально каркали вороны, бѣлки прыгали по деревьямъ, торопливо пробѣгали лисицы и другіе звѣрки; да изрѣдка хрустѣли вѣтви подъ тяжелою лапою медвѣдя, или изъ чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, съ головы до ногъ закутаннаго въ звѣриныя шкуры. Ранѣе началось построеніе городовъ въ Суздальской и Ростовской областяхъ; нѣсколько позднѣе встрѣчаются они по Окѣ, гдѣ туземное населеніе было еще болѣе дико и малочисленно; а лѣса и болота чаще и недоступнѣе. Первый городъ послѣ Мурома здѣсь упоминается Рязань. Но когда именно она основана? какимъ княземъ? при какихъ обстоятельствахъ? на всѣ эти вопросы при настоящемъ состояніи источниковъ положительные отвѣты невозможны; поэтому мы должны ограничиться однѣми соображеніями.

Подъ 1096 г. лѣтопись говоритъ объ Олегѣ, непринятомъ Смольнянами: „и иде къ Рязаню“. Слѣдовательно Рязань какъ городъ существовала еще прежде этого года; а какъ названіе страны она и прежде и послѣ обнимала большое пространство земель, лежавшихъ по среднему теченію Оки, по ея притокамъ съ правой стороны и по верхнему Дону. Происхожденіе самаго слова Рязань до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено. Во всякомъ случаѣ мы не согласимся съ тѣмъ, кто вздумаетъ производить его отъ глагола

---

[13]) Кривая желѣзная полоса, употреблявшаяся въ старину вмѣсто колокола. Образчикъ такого била сохраняется и теперь въ г. Пронскѣ.

„рѣзать“ и сближать съ древнею монетою „рѣзань“. Вѣроятнѣе всего сближеніе этого названія съ мѣстнымъ словомъ *ряса*, которое означаетъ топкое, нѣсколько болотистое мѣсто, обыкновенно заросшее мелкимъ кривымъ лѣсомъ или кустарникомъ [14]). Въ связи съ этимъ корнемъ находятся имена нѣсколькихъ Рясъ (рѣки въ южной части Рязан. губ.), города Ряжска и наконецъ Рязани. Правописаніе послѣдняго слова установилось не скоро; въ источникахъ оно читается Рязань, Резань и даже Рѣзань; родъ этого слова также опредѣлился не вдругъ; въ первый разъ оно встрѣчается въ муж. родѣ: „и идекъ Рязаню“. Слѣдовательно, въ данномъ словѣ прежде всего сказалась характеристическая черта мѣстной природы; а потомъ названіе страны перешло къ первому появившемуся здѣсь городу. Когда же основанъ городъ? Въ этомъ случаѣ мы предлагаемъ слѣдующую догатку. Съ тѣхъ поръ какъ Муромъ, на основаніи поземельнаго раздѣла между сыновьями Ярослава I, вошелъ въ близкія отношенія къ Чернигову, у Черниговскихъ князей естественно явилась потребность связать крайніе пункты своихъ обширныхъ владѣній, централизовать подчиненныя рязанскія племена и противупоставить укрѣпленные пункты напору кочевыхъ варваровъ. Именно около того времени на юговосточные предѣлы надвигаютъ Половцы, которые потѣснили далѣе къ сѣверу разсѣянную Мещеру и раскинули свои вежи до самыхъ береговъ Прони. Основаніе города на Окѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она достигаетъ наибольшаго югозападнаго изгиба, и, принявъ Проню, поворачиваетъ на сѣверъ, безспорно удовлетворяло означеннымъ потребностямъ времени. Вѣроятно здѣсь существовали уже Финскія поселенія; потомъ пришли Русскіе колонисты, срубили обычный острогъ и начали собирать ясакъ съ туземцевъ. Мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если начало города отнесемъ къ шестидесятымъ годамъ XI столѣтія и основаніе его припишемъ дѣятельности Святослава Ярославича Черниговскаго. Съ тѣмъ же значеніемъ и еще нѣсколько ранѣе является въ исторіи Курскъ на восточномъ краю Черниговскаго удѣла. (Жит. Св. Ѳеодосія).

Итакъ Олегъ удалился въ одно изъ наслѣдственныхъ владѣній своего рода, въ Рязань. Но заранѣе можно было предвидѣть, что гордый и храбрый князь не останется спокойно въ этой бѣдной во-

---

14) Чт. О. И. и. Д. 1846 г. III. Опыт. простонар. Словот. Макарова. Въ Историч. Сборникѣ Погод. VI прим. 164. Рязань приводится въ числѣ географическихъ названій, прототипы которыхъ встрѣчаются у Дунайскихъ Славянъ.

лости, которую надобно было еще дѣлить съ своимъ младшимъ братомъ, и не потерпитъ дальнѣйшаго нарушенія своихъ правъ на сравнительно богатый Муромъ. Онъ и теперь не захотѣлъ выполнить даннаго слова ѣхать въ Кіевъ и положиться на правосудіе враждебныхъ князей; а по обыкновенію предпочелъ рѣшить дѣло оружіемъ. Въ томъ же 1096 г. Олегъ присоединилъ къ Рязанской дружинѣ воиновъ своего брата Давида и пошелъ на племянника. Когда вѣсть объ опасности дошла до Изяслава, онъ поспѣшилъ призвать на помощь дружины ближнихъ Переяславскихъ удѣловъ Суздаля, Ростова, Бѣлоозера и приготовился къ оборонѣ. „Ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ“, прислалъ сказать ему Олегъ: „а это волость моего отца; когда сяду здѣсь, то хочу урядиться съ твоимъ отцомъ, который выгналъ меня изъ роднаго города; а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба“. Юноша, надѣясь на многочисленную рать, не хотѣлъ уступить справедливому требованію дяди, и бодро вышелъ ему на встрѣчу. Самъ лѣтописецъ, вообще неблагосклонный къ Олегу, въ этомъ случаѣ принимаетъ его сторону. „Олегъ же надѣялся на правду, яко правъ бѣ въ семъ Олегъ“, прибавляетъ онъ,—„и поиде къ граду съ вои“. На полянѣ у воротъ Мурома 6 Сентября произошла упорная битва; Изяславъ палъ мертвый, и войско его обратилось въ бѣгство; одна часть разсѣялась по лѣсу, а другая укрылась въ городъ. Гражданамъ теперь не оставалось ничего болѣе, какъ съ покорностію принять прежняго князя. Тѣло Изяслава съ честію было похоронено въ монастырѣ Св. Спаса, а въ послѣдствіи перенесено отсюда въ Новгородъ. Олегъ неудовольствовался тѣмъ, что задержалъ молодую жену племянника, и приказалъ поковать Ростовцевъ, Суздальцевъ и Бѣлоозерцевъ, захваченныхъ въ Муромѣ; но далъ полную волю своей мести: онъ овладѣлъ землями Суздальскою и Ростовскою; посажалъ своихъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани [15]. Это занятіе чужихъ волостей опять влекло за собою неизбѣжныя войны. Братъ убитаго Изяслава Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ, спѣшитъ вступиться за права своего рода, и присылаетъ къ Олегу съ словами: „ступай изъ Суздаля въ Муромъ, въ чужой волости не сиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ, но это не удивительно: въ войнахъ погибаютъ и цари и знатные мужи“. Олегъ въ свою очередь повторяетъ ошибку

---

[15]) Лавр. 107, 108.

юноши Изяслава, и послѣ удачи показываетъ ту же заносчивость. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ не только отвѣчалъ отказомъ на справедливое требованіе племянника, но задумалъ овладѣть и Новгородомъ. Олегъ расположился съ войскомъ на полѣ у Ростова; а младшаго брата своего Ярослава выслалъ напередъ въ сторожахъ. Здѣсь въ первый разъ, въ лѣтописи, является дѣйствующимъ лицомъ этотъ родоначальникъ Рязанскихъ князей.

Послѣ отца Ярославъ остался очень молодъ, такъ что первое время онъ вѣроятно жилъ у дяди Всеволода. Когда послѣдній въ 1078 г. сдѣлался Великимъ Княземъ и раздѣлилъ племянникамъ удѣлы, Ярославу досталась Рязань, самая незавидная изъ отцовскихъ земель. Мы не знаемъ, когда именно младшій Святославичъ отправился въ свой удѣлъ, и какое участіе принималъ до 1096 г. въ непостоянной судьбѣ старшаго брата; по крайней мѣрѣ не встрѣчаемъ его до тѣхъ поръ, пока Олегъ не перенесъ свою безпокойную дѣятельность изъ южной Россіи въ сѣверовосточную. Присутствіе Ярослава въ Рязани прежде означеннаго года отчасти обнаруживается тѣмъ, что сынъ Мономаха изъ Курска отправился прямо въ Муромъ, гдѣ находились посадники Олега, и на пути миновалъ Рязань вѣроятно потому, что она управлялась въ то время собственнымъ княземъ. Послѣдняя догатка получитъ еще большую степень вѣроятности, если возмемъ въ разсчетъ другое современное обстоятельство. Безъ сомнѣнія одну изъ главныхъ заботъ Ярослава составляло построеніе городовъ въ своей малонаселенной волости. Дѣйствительно подъ 1096 г. мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе; „заложенъ былъ градъ Переяславль Рязанскій у церкви Св. Николы Стараго [16]). Судя по словамъ Герберштейна, древняя крѣпость, около которой въ послѣдствіи образовался городъ Переяславль, первоначально называлась Ярославомъ или Ярославлемъ, т. е. по имени своего основателя [17]). Можетъ быть около того же времени получилъ свое начало и городъ Пронскъ. Вмѣстѣ съ Рязанскою дружиною конечно Ярославъ послѣдовалъ за Олегомъ въ его походѣ къ Мурому и принялъ непосредственное участіе въ борьбѣ съ дѣтьми Мономаха. Но роль его пока была второстепенная; очевидно онъ находится въ полномъ повиновеніи у старшаго брата, и лѣтописецъ до времени не считаетъ нужнымъ говорить о его присутствіи въ полкахъ Олега.

---

16) Рязан. Дост. изъ особ. записки.

17) Rer. Mosc. auct. 48.

Посовѣтовавшись съ Новгородцами, Мстиславъ послалъ въ сторожахъ Добрыню Рагуйловича, который схватилъ Олеговыхъ сборщиковъ податей. Услыхавъ о томъ, Ярославъ, стоявшій тогда на Медвѣдицѣ, въ ту же ночь бѣжалъ къ Олегу. Послѣдній отступилъ сначала къ Ростову, потомъ къ Суздалю; но преслѣдуемый Мстиславомъ, онъ велѣлъ зажечь Суздаль и удалился въ Муромъ. Изгнавъ непріятелей изъ своихъ родовыхъ волостей, скромный Мстиславъ не желаетъ продолжать безполезную войну съ крестнымъ отцемъ и опять предлагаетъ ему помириться. „Я моложе тебя", говоритъ онъ Олегу; „пересылайся съ моимъ отцемъ и возврати захваченную дружину; а я во всемъ тебя послушаю [18]). Къ тому же времени вѣроятно относится извѣстное письмо Владиміра Мономаха къ Олегу [19]). Не смотря на печаль о потерѣ сына, Владиміръ однако соглашается на кроткія убѣжденія Мстислава: первый обращается къ своему врагу съ словами примиренія и въ трогательномъ посланіи къ нему изливаетъ чувства отца и христіанина. Олегъ, чувствуя себя не въ силахъ бороться съ племянникомъ, изъявилъ готовность къ миру; молодой князь, оставшись въ Суздалѣ, довѣрчиво распустилъ своихъ ратниковъ по селамъ, и даже не выставилъ въ полѣ обычныхъ сторожей.

Настала первая недѣля великаго поста. Мстиславъ сидѣлъ за обѣдомъ, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Олегъ уже появился на Клязьмѣ. Послѣдній однако напрасно разсчитывалъ на то, что племянникъ, застигнутый врасплохъ, поспѣшитъ удалиться изъ Суздаля. Въ два дня Мстиславъ успѣлъ опять собрать сильную дружину изъ Новогородцевъ, Ростовцевъ, Бѣлозерцевъ. Онъ не хотѣлъ оставаться подъ защитою укрѣпленій; а вышелъ въ поле и приготовился къ битвѣ. Олегъ почему то промедлилъ еще четыре дня, и далъ время подоспѣть младшему брату Мстислава Вячеславу, котораго Мономахъ послалъ съ Половцами на помощь къ сыну. Только на пятый день Святославичи двинулись впередъ и на берегахъ Колакши вступили въ битву съ дѣтьми Мономаха. Дѣло кончилось въ пользу послѣднихъ. Разбитый Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата; а самъ пошелъ къ Рязани, вѣроятно для того,

---

18) Лавр. 108.

19) Въ этомъ случаѣ мы держится мнѣнія Карамзина (II, пр. 177) и думаемъ, что оно не могло быть написано послѣ изгнанія Олега изъ Мурома, какъ показываютъ слова: „и ты сидиши въ своемъ удѣлѣ". Далѣе см. то мѣсто, гдѣ Мономахъ проситъ Олега отпустить его сноху, т. е. жену покойнаго Изяслава.

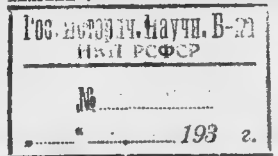
чтобы собирать новое войско. Но дѣятельный противникъ на этотъ разъ рѣшился не оставлять своего преслѣдованія до тѣхъ поръ, пока не принудитъ неугомоннаго дядю къ окончательному миру: поэтому онъ не останавливается долго передъ Муромомъ, довольствуется выдачею Изяславовой дружины и по Окѣ спѣшитъ за Олегомъ. Послѣдній, не дожидаясь его, убѣгаетъ изъ Рязани. Мстиславъ и здѣсь заключаетъ миръ съ гражданами, освобождаетъ изъ плѣна своихъ людей, и въ третій разъ посылаетъ къ дядѣ съ мирными предложеніями. „Не бѣгай", говоритъ онъ Олегу; „а пошли лучше къ братьямъ съ просьбою; они не лишатъ тебя Русской земли; я также попрошу за тебя своего отца". Олегъ наконецъ далъ обѣщаніе послѣдовать его совѣту, и Мстиславъ воротился въ Суздаль [20]).

Въ словахъ Мстислава для насъ особенно замѣчательно выраженіе: „они не лишатъ тебя Русской земли". Слѣдовательно, всѣ усилія Олега: занятіе чужихъ волостей, измѣны, битвы—все до сихъ поръ направлено было къ тому, чтобы силою воротить отцовскія волости въ Приднѣпровьѣ, которое, какъ извѣстно, въ то время по преимуществу называлось Русскою землею. Но оружіе измѣнило Олегу; по неволѣ пришлось положиться на великодушіе своихъ враговъ. Любецкій сеймъ 1097 г. положилъ конецъ борьбѣ за Черниговскую волость. Святославичамъ были возвращены почти всѣ отцовскія земли, т. е. Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Вятичи, Муромъ и Рязань. Давидъ занялъ Черниговское княжество [21]), Олегъ Сѣверское, а Ярославъ Муромо-Рязанское. Съ того времени согласіе между Мономахомъ и Святославичами не прекращалось до самой его смерти. Они вмѣстѣ наказываютъ Давида Игоревича за вѣроломное ослѣпленіе Василька, и еще разъ скрѣпляютъ свой союзъ на Витичевскомъ съѣздѣ. Но въ знаменитыхъ походахъ на Половцевъ принимаетъ участіе только Давидъ Святославичъ; Олегъ по прежнему уклоняется отъ встрѣчи съ старыми союзниками; а Ярославъ почти совсѣмъ остается чуждъ событіямъ южной Россіи; мы не встрѣчаемъ его ни на съѣздахъ, ни въ походахъ. Только разъ, подъ 1101 г., онъ появляется вмѣстѣ съ братьями на рѣкѣ Золотчѣ, чтобы идти съ ними на Половцевъ. Походъ однако не состоялся, и

---

[20]) Лавр. 109.

[21]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1112 г. сказано: „поставиша Ѳеогноста епископомъ Чернигову, и радъ бѣ князь Давыдъ и княгини".



у Сакова былъ заключенъ миръ. Не ранѣе 1123 г. потомъ мы находимъ его въ Приднѣпровьѣ. Посмотримъ между тѣмъ, какова была его дѣятельность на сѣверѣ.

Первое знакомство съ младшимъ Святославичемъ даетъ намъ несовсѣмъ выгодное понятіе о его личности. Ярославъ въ повиновеніи у своего брата, и подлѣ него не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ собственной воли; на полѣ битвы онъ является несчастнымъ вождемъ, и первый обращается въ бѣгство, услыхавъ о приближеніи передоваго непріятельскаго отряда. Наконецъ до 1097 г. онъ какъ будто не имѣетъ собственнаго удѣла, потому что Олегъ распоряжается въ Муромѣ и въ Рязани какъ полный хозяинъ. Но было бы слишкомъ поспѣшно заключать о его ничтожности съ перваго поверхностнаго взгляда. Дѣятельность Ярослава дѣйствительно обнаруживаетъ въ немъ присутствіе кроткаго, невоинственнаго характера. Какъ младшій братъ онъ, по духу того времени, почитаетъ Олега вмѣсто отца; но впрочемъ подчиняется ему именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ ихъ общихъ интересахъ, т. е. о возвращеніи отцовскаго удѣла на югѣ; въ случаѣ успѣха за Ярославомъ оставались всѣ Муроморязанскія волости, а по смерти братьевъ онъ конечно надѣялся перейти въ Черниговъ. Но если Ярославъ не обнаружилъ личной отваги и стремленія къ военнымъ подвигамъ—тѣхъ качествъ, которыя составляли принадлежность современныхъ ему князей; за то онъ имѣетъ право на сочувствіе историка по своему участію въ успѣхахъ Русской цивилизаціи на сѣверовосточномъ краю Россіи. Мы уже говорили о томъ, что онъ не былъ чуждъ строительной дѣятельности, и вѣроятно ему обязаны своимъ началомъ нѣкоторые древніе города Рязанскаго княжества, какъ напримѣръ, Переяславль и Пронскъ. Еще болѣе великая заслуга Ярослава, отличавшагося глубокимъ благочестіемъ, заключается въ его усиліяхъ утвердить христіанскую религію между подвластными племенами.

Въ земляхъ Мещеры на средней Окѣ христіанство безъ сомнѣнія появилось вмѣстѣ съ первыми городами; на тѣсную связь этихъ двухъ началъ указываетъ извѣстіе о первоначальномъ основаніи Переяславля Рязанскаго, который былъ заложенъ у церкви Св. Николы Стараго. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ успѣхахъ проповѣди въ собственно Рязанской области; можно однако съ достовѣрностію предположить, что христіанство за стѣнами городовъ распространялось здѣсь очень медленно; хотя ничего не слышно объ упорномъ сопро-

тивлении со стороны туземцевъ. Не такъ тихо утвердилась новая религія въ странѣ Муромской. Крещеніе Муромы, начатое Св. Глѣбомъ, послѣ него почти прекратилось на нѣкоторое время. Язычники, пользуясь смутною эпохою междоусобій и отдаленностію отъ главныхъ центровъ русской жизни, начали сильно тѣснить малочисленную христіанскую общину; но не могли однако ее уничтожить (церковь св. Спаса въ Муромѣ 1096 г.). Вмѣстѣ съ язычествомъ,—которое у Муромцевъ стояло на нѣкоторой степени развитія и вѣроятно имѣло особый классъ жрецовъ-кудесниковъ,—противъ русскаго вліянія соединился магометанскій элементъ, занесенный сюда Болгарами; послѣдніе не только имѣли постоянныя торговыя сношенія съ Поволжскими и Поокскими племенами, но даже нѣсколько времени господствовали въ Муромѣ [22]). Между тѣмъ какъ Болгары поддерживали мусульманъ, язычники находили опору въ сосѣдней Мордвѣ.

Получивъ въ свое распоряженіе все Муромо-Рязанское княжество Ярославъ рѣшился вступить въ борьбу со всѣми элементами, враждебными христіанству. Когда его сыновья Михаилъ и Ѳедоръ прибыли въ Муромъ, какъ намѣстники отца, языческая партія встрѣтила ихъ явнымъ возстаніемъ, и одинъ изъ княжичей, Михаилъ, былъ убитъ. Тогда Ярославу пришлось вооруженною рукою брать непокорный городъ. Но онъ по характеру своему не любилъ крутыхъ мѣръ, а старался дѣйствовать на народъ путемъ кроткихъ увѣщаній, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгалъ къ угрозамъ. Преданіе разсказываетъ, что въ самомъ городѣ возобновилась попытка къ мятежу и сдѣлано было покушеніе на жизнь князя; но что онъ укротилъ язычниковъ однимъ появленіемъ своимъ передъ ними съ иконою Богоматери. Борьба окончилась побѣдою христіанства, и, по словамъ преданія, даже совершилось торжественное крещеніе Муромскихъ язычниковъ на рѣкѣ Окѣ, подобно крещенію Кіевлянъ при Св. Владимірѣ [23]). Мы думаемъ, что походъ Ярослава на Мордву

---

22) На магометанскій элементъ въ Муромѣ указываетъ Жит. Благовѣр. Кн. Константина.

23) Весь этотъ разсказъ объ обращеніи Муромы въ христіанство взятъ изъ житія Благовѣрнаго князя Константина и чадъ его, написаннаго во время Іоанна Грознаго. Касательно тождества Ярослава Святославича и благовѣр. кн. Константина мы не имѣемъ причинъ отрицать доказательства, приведенныя въ Исторіи Русской церкви Е. Р. Ф. 1848 г. I. ст. 35, примѣч. 56, а именно: годъ событія, означенный въ прологѣ надобно читать не 6700 а 6600, „иначе а) вовсе невѣроятно, чтобы

1103 года произошелъ въ связи съ этою религіозною борьбою. Закоренѣлые язычники повидимому оставили Муромъ, и съ толпами Мордвы открыли нападеніе на Русскія волости. 4 Марта Ярославъ далъ битву дикарямъ [24]). Но уже замѣчено было, что онъ не имѣлъ удачи въ военныхъ предпріятіяхъ и не отличался талантами вождя; князь потерпѣлъ пораженіе. Вѣроятно были и другія столкновенія съ ними, но лѣтопись запомнила только самую значительную битву.

Почти въ одно время съ торжествомъ христіанства въ Муромской землѣ побѣждено было язычество у Вятичей. Успѣхи христіанской проповѣди въ этой части Россіи замедлились особенно потому, что власть Русскихъ князей до самаго XII в. ограничивалась здѣсь только нѣкоторыми укрѣпленными пунктами; а масса населенія находилась въ слабой зависимости отъ потомковъ Игоря, управляясь собственными князьями или старшинами, которые не всегда признавали надъ собою господство Русскихъ князей. Такъ, напримѣръ, Мономахъ долженъ былъ предпринимать походы для ихъ усмиренія: „въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ первую зиму", говоритъ онъ въ своемъ поученіи (Лавр. 103); а нѣсколько выше сказано: „первое къ Ростову идохъ; сквозѣ Вятичѣ, посла мя отецъ". Слова „сквозѣ Вятичѣ" намекаютъ на то, что подобный путь былъ не совсѣмъ легокъ и безопасенъ.

въ 1192 г. было въ Муромѣ грубое язычество, послѣ того какъ мы видимъ тамъ цѣлый рядъ князей Чернигово-Муромскихъ. б) По лѣтописямъ извѣстно, что въ 1095 г. былъ въ Муромѣ Спасскій монастырь. в) По жизнеописанію кн. Константинъ выставляется недалекимъ отъ времени Св. Глѣба; жизнеописатель не дѣлаетъ и намека на другихъ князей Муромскихъ. г) По жизнеописанію предъ прибытіемъ Константина въ Муромъ здѣсь имѣли силу Мордва и Болгары-мусульмане. Но къ началу XIII в. невремя было такому порядку дѣлъ. Между тѣмъ извѣстно, что Ярославъ Святославичъ воевалъ въ 1104 г. съ Муромскою Мордвою; а въ 1107 г. Болгары воевали въ Суздальской области. д) Константинъ Святославичъ Муромскій XIII вѣка вовсе неизвѣстенъ въ исторіи, и даже нѣтъ мѣста въ хронологіи его княженію. А личныя обстоятельства Ярослава Святославича ни въ чемъ не разнорѣчатъ съ житіемъ Константина... Митрополитъ Никифоръ (1104—1124) писалъ къ Ярославу князю Муромскому посланіе противъ Латинянъ (Москвит. 1844 г. Ноябрь, стр. 129. Ж. М. Н. Пр. 1834 г. часть I, стр. 154). У игум. Даніила въ его „хожденіи" записанъ князь Ярославъ-Панкратій: но имя Константина Ярославъ могъ принять въ монашествѣ, если только имя Панкратія не ошибка писца".

[24]) Лавр. 119. Ник. 1. 37.

Въ первой трети XII в. [25]) св. Кукша съ ученикомъ своимъ Никономъ, оставивъ Кіевопечерскую обитель, проповѣдывалъ слово Божіе въ странѣ дикихъ Вятичей, крестилъ много народу, и смертію мученика запечатлѣлъ здѣсь торжество новой религіи. Христіанство въ свою очередь помогало распространенію княжеской власти въ Славянскихъ и Финскихъ земляхъ: такъ въ половинѣ XII вѣка Вятичи уже спокойно повинуются намѣстникамъ Черниговскихъ князей. Съ тѣхъ поръ христіанская проповѣдь могла свободно проникать въ Рязанскую область съ югозападной и сѣверовосточной стороны.

18 Марта 1115 года скончался знаменитый Олегъ Гориславичъ, а въ 1123 г. умеръ въ Черниговѣ и старшій братъ его кроткій Давидъ. Изъ сыновей Святослава въ живыхъ оставался только Ярославъ, который имѣлъ теперь неоспоримое право на первый столъ въ удѣлѣ своего отца. Дѣйствительно, онъ тотчасъ переходитъ на югъ и садится въ Черниговѣ. Пока былъ живъ Мономахъ, Ярославъ спокойно пользовался своими правами. Спустя два года по кончинѣ Владиміра, онъ остался старшимъ въ цѣломъ родѣ Игоревичей; но Кіевскій столъ по желанію гражданъ занимаетъ его племянникъ Мстиславъ Владиміровичъ, и Ярославъ не обнаруживаетъ никакой попытки присвоить себѣ фактическое старшинство. Онъ совершенно доволенъ своимъ Черниговскимъ удѣломъ, ничего не ищетъ кромѣ спокойствія, и беретъ съ Мстислава только клятву поддерживать его въ Черниговѣ. Если существовала подобная клятва, стало быть существовали и причины, по которымъ ее требовали. Вѣроятно кто нибудь изъ родныхъ племянниковъ Ярослава, Давидовичей или Ольговичей, показывалъ неуваженіе къ правамъ дяди, который по своему личному характеру не могъ пріобрѣсти вліянія на младшихъ князей. Опасенія Ярослава вскорѣ оправдались.

Въ 1127 г. Всеволодъ Ольговичъ нечаянно напалъ на Черниговъ, захватилъ дядю въ свои руки, а дружину его перебилъ и ограбилъ. Такая удача Всеволода объясняется сочувствіемъ къ нему Черниговскихъ гражданъ, которые, можетъ быть, тяготились княженіемъ невоинственнаго Ярослава. Великій князь изъявилъ намѣреніе наказать Всеволода и возвратить удѣлъ своему дядѣ; поэтому онъ вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Всеволодъ поспѣшилъ отпустить Ярослава въ Муромъ и призвать на помощь Половцевъ.

---

[25]) См. Ист. Рус. Цер. Е. Р. Ф. I. 33.

Послѣдніе дѣйствительно пришли въ числѣ 7000 человѣкъ; но отъ рѣки Выря воротились назадъ. Ольговичъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, началъ упрашивать Мстислава, подкупалъ его совѣтниковъ и такимъ образомъ протянулъ время до зимы. Когда пришелъ изъ Мурома Ярославъ и сталъ говорить Кіевскому Князю: „ты цѣловалъ мнѣ крестъ, ступай на Всеволода", Мстиславъ находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны обязанность наблюдать справедливость между младшими родичами и крестное цѣлованіе побуждали его вступиться за дядю; съ другой виновный Всеволодъ приходился ему зятемъ, потому что былъ женатъ на его дочери. За послѣдняго стояли лучшіе Кіевскіе бояре; въ пользу его подалъ голосъ Андреевскій игуменъ Григорій, который пользовался расположеніемъ еще Владиміра Мономаха и былъ почитаемъ всѣмъ народомъ. Великій Князь въ раздумьѣ обратился къ собору священниковъ, такъ какъ послѣ смерти митрополита Никиты мѣсто его оставалось тогда незанятымъ. Не трудно было предвидѣть рѣшеніе собора, потому что большая часть голосовъ уже заранѣе принадлежала Всеволоду. Къ тому же наше древнее духовенство считало одною изъ главныхъ своихъ обязанностей отвращать князей отъ междоусобій и пролитія крови. Такъ оно поступило и теперь: соборъ принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Мстиславъ послушался; но дорого стоила ему впослѣдствіи эта несправедливость, „и плакася того вся дни живота своего", говоритъ о немъ лѣтописецъ [26]). Ярославъ оставилъ всякую попытку поддерживать свои права, съ грустію воротился въ Муромъ, и прожилъ тамъ еще два года. Онъ скончался въ 1129 г.

Между тѣмъ какъ дѣятельность Ярослава главнымъ образомъ сосредоточивалась около Мурома и Чернигова, для насъ замѣчательна та роль, которую приняла на себя въ то время Рязань. Съ тѣхъ поръ, какъ Тмутракань, отрѣзанная Половцами отъ южной Россіи, исчезаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, ея значеніе отчасти перешло къ Рязани, которая также лежала на Русской украйнѣ: младшіе безъудѣльные князья, обиженные старшими,—такъ называемые изгои—находятъ здѣсь для себя убѣжище. Подъ 1114 годомъ есть извѣстіе о кончинѣ двухъ такихъ князей въ Рязани: одинъ изъ нихъ былъ Романъ Всеславичъ Полоцкій, неизвѣстно какимъ образомъ сюда по-

---

[26]) Лавр. 130. Ипат. 10. Ник. II. 60.

павшій; другой Мстиславъ, внукъ Игоря Ярославича и племянникъ извѣстнаго Давида Игоревича; послѣдній являлся вѣрнымъ помощникомъ своего дяди, участвовалъ въ Половецкихъ походахъ, а потомъ грабилъ суда на какомъ то морѣ. Въ Рязани же скончался въ одинъ годъ съ Ярославомъ Михаилъ Вячеславичъ, внукъ Мономаха [27]). Кромѣ того есть извѣстіе, что Ярославъ Святославичъ, изгнанный въ 1127 г. изъ Чернигова, на пути въ Муромъ оставилъ въ Рязани какого-то Святополка [28]); но потомъ о Святополкѣ болѣе не упоминается. По смерти Ярослава Святославича всѣ Муромо-Рязанскія земли достаются его сыновьямъ Юрію, Святославу и Ростиславу.

Съ Ярославомъ оканчивается тѣсная связь между княжествами Черниговo-Сѣверскимъ и Муромо-Рязанскимъ. Еще вниманіе Ярослава обращено на югъ; онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы утвердиться въ Приднѣпровьѣ; но сыновья его уже не возобновляютъ никакихъ притязаній на старшинство въ родѣ Святославичей и не думаютъ покидать своихъ сѣверовосточныхъ волостей для того, чтобы отыскивать невѣрныя земли на югѣ. Съ того времени среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется изъ общей системы удѣловъ, и начинаетъ жить своею собственною жизнію, подобно княжеству Полоцкому и Галицкому.

---

[27]) Ник. II. 44. 64. Карам. II. прим. 256.

[28]) Татищ. называетъ его братомъ Ярослава (II. 233.). Карам. (II прим. 247). отвергаетъ это извѣстіе, дѣйствительно невѣроятное, потому что ни прежде, ни послѣ не видно, чтобы Ярославъ имѣлъ брата Святополка; достовѣрнѣе, что это былъ одинъ изъ его племянниковъ.

ГЛАВА II.

1129—1237.

Сыновья Ярослава. Начало борьбы съ Суздалемъ. Ростиславъ Ярославичъ два раза изгнанъ изъ Рязани. Набѣги Половцевъ. Построеніе новыхъ городовъ. Глѣбъ Ростиславичъ. Отношенія къ Андрею Боголюбскому. Участіе Глѣба въ событіяхъ Суздальскаго княжества по смерти Боголюбскаго. Примиреніе съ Михаиломъ Юрьевичемъ. Война со Всеволодомъ III. Пораженіе на Колакшѣ. Плѣнъ и кончина Глѣба. Зависимость Рязани отъ Владимірскаго Князя. Первое междоусобіе Глѣбовичей. Вмѣшательство Всеволода III и Черниговцевъ. Муромскіе князья. Походъ на Камскихъ Болгаръ. Вторая усобица и война со Всеволодомъ. Отдѣленіе Рязанской епископіи отъ Черниговской. Третья война со Всеволодомъ. Осада Пронска. Плѣнъ Рязанскихъ князей и освобожденіе. Второе поколѣніе Глѣбовичей. Братоубійство *).

Сыновья Ярослава размѣстились на отцовской землѣ такимъ образомъ: Юрій сѣлъ въ Муромѣ, а Святославъ и Ростиславъ въ Рязани [1]). Здѣсь подъ словомъ Рязань надобно разумѣть названіе цѣлой области, въ которой, кромѣ собственной Рязани, были въ то время и другіе города; такъ, два года спустя послѣ смерти Ярослава, читаемъ слѣдующее извѣстіе: „Того же лѣта (1131) князи Рязанстіи и *Пронстіи* и Муромстіи много Половець побиша“. Слѣдовательно, Пронскъ уже существовалъ и имѣлъ своихъ князей. Нельзя не обратить вниманія на множественное число, употребленное при этомъ случаѣ; оно показываетъ, что Ярославъ оставилъ

---

*) Имѣя въ виду собрать всѣ лѣтописныя извѣстія о Рязанскомъ Княжествѣ, мы посвящаемъ эту главу преимущественно описанію многочисленныхъ, хотя и не всегда интересныхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ; не забудемъ, что эти лѣтописныя извѣстія о войнахъ служатъ намъ почти единственнымъ источникомъ для исторіи Рязани до самаго XIV вѣка.

[1]) Воскр. Лѣт. 242. (По нов. изд.).

довольно многочисленное семейство; что при трехъ упомянутыхъ братьяхъ надобно подразумѣвать ихъ сыновей и племянниковъ. Далѣе изъ того же общаго предпріятія мы заключаемъ, что эти князья въ то время жили въ согласіи между собою и дружно дѣйствовали противъ внѣшнихъ непріятелей. Борьба съ степными варварами на Рязанской украйнѣ продолжалась непрерывно до позднѣйшихъ временъ; лѣтопись по обыкновенію упоминаетъ только о столкновеніяхъ наиболѣе значительныхъ. Такъ въ 1136 г., во время набѣга на Рязанскую землю, былъ убитъ Печенѣжскій богатырь Темирхозя [2]). Печенѣги, какъ видно, далеко не были истреблены въ половинѣ XI ст.; разсѣянные остатки ихъ перемѣшались съ Половцами и долго еще грабили сосѣднія земли. Въ 1143 г. скончался Юрій Ярославичъ Муромскій, не оставивъ дѣтей. Старшій столъ перешелъ къ слѣдующему брату Святославу, который до того времени сидѣлъ въ Рязани. На его мѣсто пересаживается младшій братъ Ростиславъ (вѣроятно изъ Пронска). Спустя два года Святославъ скончался въ Муромѣ, и Ростиславъ, надобно полагать, опять занялъ или хотѣлъ занять его мѣсто, а въ Рязани посадилъ своего меньшаго сына Глѣба [3]). Но у Святослава былъ сынъ Владиміръ; онъ или совсѣмъ не получилъ волости отъ дяди, или хотѣлъ наслѣдовать отцовскій удѣлъ. Какъ бы то ни было миръ и согласіе недолго существовали въ семьѣ Муромо-Рязанскихъ Ярославичей, и въ этомъ углу Россіи открывается борьба между дядею и племянникомъ. Послѣдній находитъ помощь и покровительство у двухъ сосѣднихъ съ Рязанью князей, Святослава Ольговича Сѣверскаго и Юрія Владиміровича Суздальскаго. Можетъ быть, это то обстоятельство и послужило поводомъ къ первому столкновенію между княжествами Суздальскимъ и Рязанскимъ. Впрочемъ такое столкновеніе кромѣ личныхъ отношеній было неизбѣжно и по другимъ причинамъ. Около половины XII вѣка на сѣверовостокѣ, между Волгою и Клязьмою, усиливается Суздальское княжество, благодаря своему выгодному положенію и умной дѣятельности Юрія Долгорукаго на поприщѣ славянской колонизаціи; сюда, на свѣжую дѣвственную почву, начинаютъ отливать съ югозапада жизненные соки древней Россіи. Сосѣднія волости вскорѣ не могли, хотя инстинктивно, не почувствовать опасенія за свою самостоятельность, и каждая по мѣрѣ своихъ силъ готовится

---

[2]) Ник. II. 65, 136.

[3]) Ипат. 21.

противодѣйствовать слишкомъ быстро возраставшему могуществу сосѣда.

Извѣстно, что въ 1146 г. занятіе Кіевскаго стола Изяславомъ Мстиславичемъ и несчастная судьба Игоря Ольговича повлекли за собою цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ, которыя отозвались почти во всѣхъ Русскихъ княжествахъ. Святославъ Ольговичъ Сѣверскій пригласилъ Давидовичей соединиться съ нимъ для освобожденія изъ плѣна злополучнаго Игоря. Но Давидовичи болѣе заботились объ удержаніи за собою Черниговскихъ волостей, нежели объ участи двоюроднаго брата; поэтому они вступили въ союзъ съ Мстиславичами противъ Ольговичей. Святославъ обратился тогда къ Юрію Суздальскому, и за освобожденіе Игоря предложилъ ему помощь, если онъ захочетъ добывать себѣ Кіевъ, которымъ Изяславъ не по праву завладѣлъ мимо своихъ дядей. Юрій, разумѣется, былъ радъ случаю вмѣшаться въ дѣла Южной Руси и овладѣть завѣтнымъ Кіевскимъ столомъ. Пока Долгорукій готовился лично предпринять походъ на югъ, въ станѣ Сѣверскаго князя явился племянникъ Ростислава Рязанскаго Владиміръ Святославичъ. Въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ онъ принимаетъ участіе, какъ усердный союзникъ Святослава и Юрія, очевидно стараясь пріобрѣсть ихъ расположеніе и покровительство, и его нельзя сравнивать съ извѣстнымъ Галицкимъ изгнанникомъ Иваномъ Берладникомъ, который сначала служитъ Ольговичамъ, а потомъ оставляетъ ихъ и переходитъ къ Мстиславичамъ.

Между тѣмъ и дѣятельный Кіевскій Князь съ своей стороны приготовилъ всѣ средства для успѣшной борьбы съ Юріемъ и его союзниками. Кромѣ собственной дружины Изяславъ могъ располагать силами своего брата Ростислава Смоленскаго, Черниговскихъ Давидовичей и Новгородцевъ; мало того, къ нему же примкнули и Рязанцы. Общіе враги соединили интересы князей и привели къ союзу Мстиславичей съ Ростиславомъ Рязанскимъ. Когда Долгорукій двинулся на помощь къ Святославу, осажденному въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Изяславъ, въ надеждѣ отвлечь Юрія, послалъ степью гонца въ Рязань съ просьбою, чтобы Ростиславъ напалъ на Суздальскую землю. Ростиславъ поспѣшилъ исполнить его желаніе, и дѣйствительно, Юрій, получивъ о томъ извѣстіе, отправилъ на югъ только сына Ивана, а самъ отъ Козельска повернулъ назадъ. Рязанскій князь дорого поплатился за свое смѣлое нападеніе; борьба съ Суздальцами пришлась ему не по силамъ. Онъ не только долженъ былъ спасаться отступленіемъ; но не могъ держаться въ самой Рязани противъ Юрьеви-

чей Ростислава и Андрея, и принужденъ былъ бѣжать къ одному изъ сосѣднихъ Половецкихъ хановъ Ельтуку [4]). Такъ неудачно было начало долговременной вражды Рязанскихъ князей съ родомъ Долгорукаго. Изгнавъ Ростислава изъ его волости, Юрій безъ сомнѣнія воспользовался случаемъ наградить Владиміра Святославича за его вѣрную службу и посадилъ его въ Муромѣ. Въ 1147 г. Владиміръ былъ въ числѣ гостей Юрія, когда послѣдній угощалъ союзника своего Святослава Ольговича въ знаменитомъ помѣстьѣ боярина Кучка. На Рязанскомъ столѣ около того времени является Давидъ Святославичъ [5]).

Давидовичи Черниговскіе измѣняютъ Изяславу и намѣрены обманомъ захватить его на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Кіевлянинъ Улѣбъ спѣшитъ къ Великому Князю съ вѣстію, что противъ него соединились всѣ Черниговскіе князья, и Рязанскіе, и Суздальскіе; хотятъ его убить. О какихъ Рязанскихъ князьяхъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ? Вѣроятно это были: во-первыхъ Владиміръ Святославичъ Муромскій (въ лѣтописи не разъ подъ именемъ Рязанскихъ князей упоминаются собственно Муромскіе); во-вторыхъ Игорь Давидовичъ, который сѣлъ въ Рязани послѣ Давида Святославича. Наконецъ мы имѣемъ прямое извѣстіе, что даже одинъ изъ сыновей Ростислава Ярославича, Андрей, изъ Ельца прибылъ въ Черниговъ и соединился съ Давидовичами [6]). Узнавъ объ измѣнѣ Давидовичей,

---

4) Ипат. 26, 29.

5) Ник. лѣт. подъ 1147 г. упоминаетъ о двухъ довольно загадочныхъ Рязанскихъ князьяхъ. „Того же лѣта преставился князь Давыдъ Святославичь въ Рязани, и сяде по немъ братъ его Игорь Святославичь на великомъ княженіи въ Рязани“. II. 95. И потомъ подъ 1149 г. „приде изъ Рязани въ Кіевъ къ великому князю Юрію Владиміричю князь Игорь Давыдовичь“, стр. 112. Карамзинъ (II, прим. 300) отвергаетъ первое извѣстіе и говоритъ, что такихъ князей небывало. Мы не можемъ голословно повторить такое рѣшеніе. Очень можетъ быть, что Давидъ Святославичъ былъ братъ Владиміра, другой племянникъ Ростислава, занявшій мѣсто послѣдняго послѣ его изгнанія: а по смерти Давида Рязанскій столъ перешелъ къ его брату или сыну Игорю (смотря потому, что вѣрнѣе Святославичъ или Давидовичъ). Пришествіе Игоря въ Кіевъ къ Юрію Долгорукому совпадаетъ со временемъ появленія Ростислава въ Рязани. Вообще, эпизодъ о князьяхъ Давидѣ и Игорѣ довольно правдоподобно наполняетъ промежутокъ въ исторіи Рязанскаго княжества между изгнаніемъ Ростислава и его возвращеніемъ.

6) Ник. II. 97.

Изяславъ посылаетъ сказать брату Ростиславу: „ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смольнянъ, пусть удерживаютъ Юрія, и къ присяжникамъ (ротникамъ) своимъ пошли въ Рязань и всюду“ [7]). Слѣдовательно Рязанскіе князья въ этой враждѣ раздѣлились между двумя сторонами, также какъ Мономаховичи. Нѣтъ сомнѣнія, что Изяславъ главнымъ образомъ говоритъ о Ростиславѣ Ярославичѣ. Но послѣдній на этотъ разъ ничего не сдѣлалъ въ пользу Кіевскаго князя, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Покрайней мѣрѣ въ слѣдующемъ 1148 г. Рязанскія дружины являются на театрѣ войны только въ лагерѣ Ольговичей и Давидовичей.

Не ранѣе 1149 г. [8]) удалось Ростиславу воротить свою наслѣдственную волость, конечно при помощи союзныхъ Половцевъ. Обстоятельства въ это время ему благопріятствовали. Хотя Долгорукій и овладѣлъ Кіевомъ; но все вниманіе его и всѣ силы были заняты борьбою съ племянникомъ, такъ что онъ не могъ оказать дѣятельной помощи своимъ отдаленнымъ союзникамъ. Пока Суздальскій князь и его сыновья оставались на югѣ, Ростиславъ могъ нетолько спокойно княжить въ Рязанскомъ удѣлѣ, но и удержать въ повиновеніи своихъ младшихъ родичей, какъ можно заключить изъ слѣдующаго извѣстія. Когда Юрій, лишившись Кіева, въ 1151 г. изъ Остерскаго городка началъ собирать силы, чтобы снова идти на племянника, и послалъ за помощью въ Рязань, то „небѣ ему оттуду ничтоже“, говоритъ лѣтописецъ [9]). Обстоятельства перемѣнились, когда Суздальскій князь воротился на Сѣверъ. Уступая необходимости, Ростиславъ долженъ былъ измѣнить прежнимъ союзникамъ и признать себя подручникомъ Юрія. Въ 1152 г., услыхавъ о разореніи своего Городка, Долгорукій послалъ за помощью къ Рязанскимъ князьямъ; Ростиславъ Ярославичъ явился на его призывъ съ полками Муромскими и Рязанскими [10]). Походъ, какъ извѣстно, кончился неудачною осадою Чернигова, и незамѣтно вообще, чтобы Рязанцы отличились тогда усердіемъ къ дѣлу Суздальскаго князя. Что это временное подчиненіе было вынуждено обстоятельствами, доказываетъ дальнѣйшее поведеніе Ростислава. Спустя два года, Юрій предпринялъ свой послѣдній походъ на племянника. Сильный конскій па-

---

7) Ипат. 32.

8) Въ этомъ году пришелъ въ Кіевъ изъ Рязани Игорь Давидовичъ.

9) Ник. II. 123.

10) Ibid. 131. Ипат. 69.

дежъ заставилъ его воротиться отъ Козельска. Вслѣдъ затѣмъ произошло враждебное столкновеніе съ Рязанскимъ княземъ. Ясно, что Ростиславъ нехотѣлъ помириться съ ролью подручника и отказался участвовать въ походѣ Суздальцевъ; а можетъ быть, какъ и въ 1146 г., онъ произвелъ движеніе въ пользу Мстиславичей. Какъ бы то ни было, новая борьба съ сосѣдомъ опять кончилась изгнаніемъ Ростислава изъ Рязани, которую Долгорукій теперь отдалъ своему знаменитому сыну Андрею. Но Рязанскій князь гораздо болѣе походилъ на своего дядю Олега, нежели на отца Ярослава. Онъ ни въ какомъ случаѣ не думалъ отказаться отъ своихъ правъ, тѣмъ болѣе, что средства для борьбы въ тѣ времена обиженные князья легко могли найти въ южныхъ степяхъ Россіи. Ростиславъ незамедлилъ воротиться съ Половцами, и ночью въ расплохъ напалъ на Андрея. Юрьевичъ, явившійся такимъ храбрымъ и предусмотрительнымъ вождемъ въ войнѣ съ Изяславомъ II, на этотъ разъ неуберегся отъ нечаянности, и едва имѣлъ время спастись бѣгствомъ, столь поспѣшнымъ, что не успѣлъ даже надѣть другаго сапога. Дружина его подверглась совершенному истребленію: часть ея утонула въ Окѣ во время бѣгства; остальные засыпаны были въ ямѣ по приказанію Ростислава. Андрей убѣжалъ въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль [11]). Подобный успѣхъ внезапнаго нападенія заставляетъ насъ предполагать, что Рязанскій Князь пользовался содѣйствіемъ населенія, которое, хотя рѣдко и неохотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ, однако не любило вообще подчиняться чужимъ князьямъ.

Такимъ образомъ при жизни Юрія Долгорукаго съ одной стороны и Ростислава Ярославича съ другой окончился первый актъ борьбы между Суздальскимъ и Рязанскимъ княжествомъ. Неговоря уже о личномъ превосходствѣ Суздальскихъ князей, перевѣсъ матеріальныхъ средствъ очевидно былъ на ихъ сторонѣ. При этомъ ненадобно упускать изъ вида нераздѣльность Суздальско-Ростовской волости во времена Юрія и сына его Боголюбскаго, тогда какъ Муромо-Рязанское княжество было подѣлено между потомками Ярослава, недолго сохранявшими свое единодушіе. Если дѣлать заключеніе о характерѣ Ростислава по его поведенію, то, очевидно, ему нельзя отказать въ настойчивости и какой-то суровой энергіи. При такихъ свойствахъ князя борьба, какъ мы видѣли, приняла подъ конецъ ожесточенный

---

[11]) Арц. кн. II, стр. 148. Онъ не указываетъ, откуда взялъ это извѣстіе.

характеръ. Ростиславъ замѣчателенъ для насъ особенно въ типическомъ отношеніи, потому что онъ вмѣстѣ съ дядею Олегомъ начинаетъ цѣлый рядъ Рязанскихъ князей, отмѣченныхъ общею печатью жесткаго, безпокойнаго характера.

Теперь посмотримъ на другія стороны дѣятельности первыхъ Ярославичей. На югѣ шла обычная вражда съ кочевниками. Мы видѣли, что изгнанный Ростиславъ два раза находилъ убѣжище у Половецкихъ хановъ и получалъ отъ нихъ помощь. Но такіе союзы дорого обходились русскимъ областямъ и нисколько не мѣшали набѣгамъ другихъ сосѣднихъ ордъ. Изъ временъ Ростислава лѣтопись упоминаетъ о слѣдующихъ столкновеніяхъ съ варварами. Подъ 1148 г. сказано, что въ княженіе Игоря Давидовича тысяцкій Константинъ побилъ многихъ Половцевъ въ загонѣ. На другой годъ Половцы опять сдѣлали набѣгъ, и уже съ награбленною добычей возвращались домой, когда Рязанскіе князья, собравшись вмѣстѣ, догнали ихъ на рѣкѣ Большой Воронѣ и жестоко побили. Въ 1156 г. повторилось тоже самое: варвары поплѣнили окрестности Ельца; князья погнались за ними въ степи, ночью напали на спящихъ Половцевъ и отняли полонъ, а самихъ избили [12]).

На востокѣ время отъ времени повторялась вражда съ Камскими Болгарами. Есть извѣстіе, что въ 1155 г. они сдѣлали нападеніе на Муромскія и Рязанскія земли [13]). Вѣроятно дѣло необходилось безъ непріязненныхъ столкновеній и съ Мордовскими дикарями.

Между тѣмъ Славянская колонизація шла своимъ чередомъ. Посреди лѣсовъ и степей на крутыхъ берегахъ рѣкъ являлись укрѣпленные пункты или такъ называемые города, число которыхъ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ географическомъ отношеніи для юго-восточной Руси XII в. особенно важны походы Святослава Ольговича Сѣверскаго въ 1146 и 1147 гг. Темная зелень лѣсовъ, скрывавшая до того времени отъ вниманія исторіи землю Вятичей и западную часть Рязанскаго княжества, проясняется: мы открываемъ здѣсь

---

[12]) Ник. II. 106. 119. 155. Ибъ Игорѣ Давидовичѣ прибавлено въ Ряз. Дост. Подъ 1155 г. встрѣч. довольно странное извѣстіе: „Того же лѣта приходиша Татарове въ Резань и на Хапорть, и много зла сотвориша, овехъ избиша, а другихъ въ плѣнъ отведоша“. Ник. 11. 151. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣло идетъ также о Половцахъ; а Хапорть испорченное названіе Хоперъ.

[13]) Тат. III. 98.

присутствіе довольно густаго населенія и многочисленные города, а именно: Брянскъ, Карачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣдославль, Колтескъ, Пронскъ, Елецъ, Осетръ, Лобынскъ, Тѣшиловъ и Нериньскъ [14]).

Построеніе новыхъ городовъ конечно было дѣломъ князей; но лѣтописи рѣдко указываютъ намъ на эту сторону ихъ дѣятельности. Объ Ростиславѣ Ярославичѣ напримѣръ лѣтописецъ только одинъ разъ, подъ 1153 г., замѣтилъ, что онъ построилъ на берегу Оки крѣпость и назвалъ ее своимъ именемъ, т. е. Ростиславль [15]).

Къ 1155 г. мы относимъ смерть Ростислава Ярославича, основываясь на слѣдующемъ извѣстіи. Въ этомъ году Рязанскіе князья возобновили оборонительный союзъ съ Мстиславичами и цѣловали крестъ Ростиславу Смоленскому на всей любви, при чемъ они всѣ смотрѣли на Ростислава и имѣли себѣ его отцемъ [16]). Если обратить вниманіе на самый тонъ этаго извѣстія, то нельзя не придти къ тому заключенію, что онъ болѣе идетъ къ дѣтямъ Рязанскаго князя, нежели къ нему самому: послѣдній приходился дядею Смоленскому Ростиславу въ цѣломъ родѣ Ярослава I. Но союзъ съ Смоленскимъ княземъ не избавилъ Рязанскихъ Ростиславичей отъ подчиненія Суздалю. При Андреѣ Боголюбскомъ они постоянно играютъ роль его подручниковъ. Въ 1160 г. Боголюбскій, подражая своему великому дѣду въ защитѣ Русской земли, хотѣлъ нанести сильный ударъ степнымъ варварамъ, и послалъ на нихъ своего сына Изяслава съ суздальскою дружиною. Къ Изяславу присоединилось много другихъ князей, между прочимъ Муромскіе, Рязанскіе и Пронскіе. Дружины переправились за Донъ и далеко углубились въ степи; Половцы хотѣли дать отпоръ но были побѣждены и разсыпались во всѣ стороны; Русскіе ихъ преслѣдовали. На Ржавцахъ варвары собрались и въ другой разъ ударили на наши войска; побѣда очень дорого стоила Русскимъ, и князья съ немногими людьми воротились домой [17]). Въ слѣдующемъ году скончался Владиміръ Святославичъ Муромскій [18]). Въ Муромѣ садится сынъ его Юрій; а Рязанскій столъ

---

[14]) Ник. II. 93. 95. Ипат. 28. 29.

[15]) Ник. II. 137.

[16]) Ипат. 79.

[17]) Ник. II. 178.

[18]) Ibid 189. Въ лѣтописи онъ названъ при этомъ случаѣ Великимъ княземъ Рязанскимъ.

занимаетъ младшій Ростиславичъ Глѣбъ; о его братѣ Андреѣ лѣтописи болѣе не упоминаютъ.

Съ этихъ поръ вниманіе наше преимущественно сосредоточивается на дѣятельности Глѣба. Къ несчастію, лѣтописцы слишкомъ скупы на извѣстія о событіяхъ Рязанскаго княжества. Только изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ намековъ мы узнаемъ кое что объ отношеніяхъ его къ сосѣдямъ. Такъ въ 1167 г. Владиміръ Мстиславичъ во время распри съ племянникомъ своимъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ Мстиславомъ отправился въ Суздальскую землю къ Андрею. Послѣдній велѣлъ ему сказать: „ступай (пока) въ Рязань къ Глѣбу Ростиславичу; я надѣлю тебя“. Владиміръ дѣйствительно пошелъ въ Рязань, оставивъ жену и дѣтей въ Глуховѣ. О подчиненіи Рязанцевъ Андрею свидѣтельствуютъ знаменитые походы его дружинъ; Муромскіе и Рязанскіе князья почти постоянно принимаютъ въ нихъ участіе. Въ 1164 году Юрій Муромскій ходилъ съ Андреемъ на Болгаръ. Только въ первомъ походѣ его войскъ на югъ, когда Кіевъ былъ взятъ приступомъ, о Рязанцахъ и Муромцахъ не упоминается. При не удачной осадѣ Новгорода, въ 1169 г. встрѣчаются сыновья Глѣба Рязанскаго и Юрія Муромскаго. Въ 1170 г. тѣже князья съ Мстиславомъ Андреевичемъ громили Волжскихъ Болгаръ: воинамъ однако очень не понравился этотъ походъ, „понеже неудобно зимѣ воевати Болгары“, говоритъ лѣтописецъ. Далѣе, Муромо-Рязанскія дружины участвовали во второмъ походѣ на Кіевъ, столь несчастливомъ для войскъ Боголюбскаго [19]).

29 Іюня 1174 г. погибъ Андрей подъ ударами заговорщиковъ. По видимому настала пора освобожденія для всѣхъ слабѣйшихъ князей, которые должны были смиряться предъ его непреклонною волею; мало того, имъ представлялся теперь удобный случай отомстить Суздальцамъ за прежнія обиды. Опасеніе такого возмездія ясно обнаружилось во Владимірѣ, куда съѣхались всѣ дружинники Андрея. „За какимъ княземъ мы пошлемъ“? говорили они: „сосѣдями у насъ князья Муромскіе и Рязанскіе; боимся ихъ мести, какъ вдругъ придутъ на насъ войною; а князя у насъ нѣтъ. Пошлемъ къ Рязанскому Глѣбу и скажемъ ему: хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ“ [20]). (Глѣбъ былъ женатъ на дочери Ро-

---

[19]) Лѣт. Пер. Сузд. 75. 79. Ник. II. 216. Ипат. 109.

[20]) Ипат. 116.

стислава, старшаго брата Боголюбскаго). Слова: „боимся ихъ мести“, заставляютъ предполагать, что въ княженіе Андрея Рязанцы и Муромцы немало терпѣли отъ насилія Суздальцевъ, хотя лѣтописи умалчиваютъ объ этомъ обстоятельствѣ. Но Глѣбъ Ростиславичъ, кажется, думалъ не столько о мести, сколько о томъ, чтобы пріобрѣсти вліяніе на дѣла Суздальскаго княжества, и такимъ образомъ предупредить опасность съ этой стороны. Безъ сомнѣнія не случайно явились на Владимірскомъ съѣздѣ рязанскіе бояре Дѣдилецъ и Борисъ Куневичъ [21]). Лѣтопись прямо говоритъ, что Суздальцы, забывши клятву, данную Юрію Долгорукому, не имѣть у себя князьями младшихъ его сыновей Михаила и Всеволода, послушались Рязанскихъ бояръ, и отправили къ Глѣбу посольство изъ знатнѣйшихъ людей: они просили его послать своихъ мужей вмѣстѣ съ Суздальскими въ Черниговъ за двумя Ростиславичами. Слѣдовательно, Дѣдилецъ и Куневичъ дѣйствовали искусно: они умѣли застращать Андрееву дружину и привести ее къ упомянутому рѣшенію. Надобно полагать, что ихъ поддерживала цѣлая боярская партія, которая имѣла свои причины устранять братьевъ Андрея. Дѣло принимало такой оборотъ, будто Суздальцы получали себѣ князей изъ рукъ Глѣба Ростиславича. Послѣдній, разумѣется, поспѣшилъ исполнить просьбу и призвать своихъ шурьевъ. Нельзя незамѣтить при этомъ, что извѣстія лѣтописей объ участіи, которое въ то время пришлось на долю Глѣба въ событіяхъ сосѣдняго княжества, далеко неполны и оставляютъ еще довольно мѣста предположеніямъ. Ростиславичи поѣхали на Сѣверъ, но не одни, а вмѣстѣ съ своими дядями Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами. Не совсѣмъ вѣроятнымъ кажется извѣстіе о томъ, будто Ростиславичи по собственному желанію пригласили съ собой Юрьевичей и дали старшинство Михаилу. Такая уступка конечно была вынуждена обстоятельствами, т. е. борьбою партій въ Суздальской области или враждою старыхъ и новыхъ городовъ, и вліяніемъ Черниговскаго князя Святослава Всеволодовича, который держалъ сторону Юрьевичей. Можетъ быть опасеніе, что Владимірцамъ будутъ помогать Черниговцы, именно и заставило партію Ростовскихъ бояръ искать поддержки въ Рязанскомъ Князѣ. Какъ бы то нибыло междоусобія незамедлили обнаружиться, лишь только Михаилъ Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ прибыли на сѣверъ. На первый разъ Ярополкъ при помощи Муромскихъ и Ря-

---

[21]) Тат. III. 201.

занскихъ полковъ заставилъ Михаила покинуть Владиміръ и воротиться въ южную Русь.

Глѣбъ, казалось, достигъ своей цѣли, и за свою дѣятельную помощь имѣлъ полное право расчитывать на благодарность шурьевъ. Но въ этомъ случаѣ Рязанскій князь обнаружилъ недостатокъ дальновидности, не принявъ никакихъ мѣръ для того, чтобы упрочить въ Суздальской землѣ господство своихъ союзниковъ, которые не отличались ни благоразуміемъ, ни мужествомъ. Онъ помогъ имъ только ограбить богатый Владимірскій соборъ, и съ большою добычею воротился въ Рязань. Можетъ быть, онъ ошибся въ расчетѣ подчинить своему вліянію молодыхъ Суздальскихъ князей, которые стали слушаться болѣе Ростовскихъ бояръ. Покрайней мѣрѣ Глѣбъ остается въ сторонѣ при вторичномъ столкновеніи дядей съ племянниками. Мстиславъ и Ярополкъ несъумѣли отразить соперниковъ, и въ 1176 г. постыднымъ образомъ уступили имъ свое мѣсто. Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ въ Рязань. Такимъ образомъ обстоятельства, благопріятныя Глѣбу, миновались очень скоро; съ этихъ поръ начинается для него цѣлый рядъ неудачъ, которыя приводятъ за собою неизбѣжную катастрофу.

Олегъ Святославичъ, сынъ Черниговскаго князя, возвращаясь изъ Москвы, куда онъ провожалъ двухъ княгинь, женъ Михаила и Всеволода, задумалъ увеличить свою Лопасненскую волость, и отнялъ у Рязанцевъ городъ Свирѣльскъ, принадлежавшій прежде къ Черниговскому княжеству. Глѣбъ отрядилъ противъ него своего племянника Юрьевича; но послѣдній проигралъ битву на рѣкѣ Свирѣли [22]). Въ томъ же году Михаилъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ пошелъ на Рязань, что бы отмстить Глѣбу за его союзъ съ Ростиславичами и воротить всѣ драгоцѣнности, похищенныя имъ изъ Владиміра. Глѣбъ, незадолго потерпѣвшій неудачу противъ такого слабаго противника, какъ Олегъ Святославичъ, конечно не имѣлъ никакой охоты вступать въ борьбу съ Михаиломъ, который велъ на него соединенные полки всей Суздальской земли. На рѣкѣ Нерской (впад. въ Москву) встрѣтили Михаила Рязанскіе послы, и сказали отъ имени своего князя: „Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ я во всемъ виноватъ, а теперь возвращу все что взялъ у шурьевъ своихъ Мстислава и Ярополка, все до послѣдняго золотника“ [23]). Добродушный Михаилъ охотно

---

[22]) Ипат. 118.

[23]) Лѣт. Пер. Суз. 88. Никон. II. 228.

согласился на миръ съ Рязанцами, которые дѣйствительно отдали ему назадъ всю добычу Глѣба. Она состояла изъ золота, серебра, оружія и рукописей; особенно важно было для Владимірцевъ возвращеніе знаменитаго образа Богоматери; между прочими вещами находился и мечь Св. Бориса, тотъ самый, который составлялъ любимое оружіе Андрея Боголюбскаго и котораго онъ напрасно искалъ въ часъ своей гибели. При этомъ Глѣбъ долженъ былъ дать клятву въ томъ, что не будетъ помогать своимъ шурьямъ противъ Михаила и Всеволода [24]).

Но извѣстно, какъ часто наши древніе князья грѣшили противъ крестнаго цѣлованія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ Михаилъ Юрьевичъ, и Ростиславичи снова въ союзѣ съ Глѣбомъ дѣлаютъ попытку занять Суздальскія волости. Первый Мстиславъ изъ Новгорода пошелъ на Всеволода, но былъ побѣжденъ на Юрьевскомъ полѣ, и, непринятый опять Новгородцами, отправился къ Глѣбу Рязанскому. Вѣсть о несчастіи шурина застала Глѣба посреди военныхъ приготовленій; вѣроятно онъ расчитывалъ напасть на Владимірскую область между тѣмъ, какъ Всеволодъ былъ занятъ войною съ Мстиславомъ и Ростовцами. Когда Мстиславъ прибылъ въ Рязань, Глѣбъ, наученный опытомъ, уже неохотно слушалъ воинственныя рѣчи своихъ шурьевъ, и сначала совѣтовалъ имъ отправить пословъ во Владиміръ, чтобы мирнымъ образомъ уладиться со Всеволодомъ. Прежнія неудачи однако не исправили Ростиславичей; побуждаемые Ростовскими боярами, они непремѣнно хотѣли рѣшить дѣло оружіемъ, и увлекли Рязанскаго Князя въ бѣдственную для него войну. Она началась осенью 1177 г. нападеніемъ Глѣба на Москву; онъ сжегъ ее и опустошилъ окрестныя селенія. Всеволодъ пошелъ было на него съ своими дружинами; но на походѣ узналъ, что противникъ его воротился въ Рязань; въ тоже время къ нему явились Новгородцы и совѣтовали подождать своихъ согражданъ. Владимірскій Князь послушался ихъ и отъ Ширинскаго лѣса воротился назадъ. Онъ рѣшилъ однимъ могучимъ ударомъ уничтожить своего безпокойнаго сосѣда и началъ собирать огромныя силы. Святославъ Ольговичъ Черниговскій, союзникъ Юрьевичей, прислалъ къ нему на помощь сыновей Олега и Владиміра; вмѣстѣ съ ними прибылъ князь Русскаго Переяславля Владиміръ Глѣбовичъ, племянникъ Всеволода; кромѣ того къ войскамъ Всеволода присоединилась дружина Ново-

---

[24]) Татищ. III. 215.

городцевъ [25]). Съ такими то грозными силами Всеволодъ выступилъ въ походъ зимою того же года и вошелъ въ Рязанскiе предѣлы. Глѣбъ, какъ видно, не дремалъ, и съ своей стороны собралъ также значительную рать для борьбы съ Владимiрскимъ Княземъ. Кромѣ тѣхъ Ростовцевъ, которые держали сторону его шурьевъ, онъ повелъ съ собою толпы Половцевъ, и прямымъ путемъ черезъ лѣса устремился къ Владимiру. Всеволодъ достигъ Коломны, когда пришла къ нему вѣсть, что Рязанскiй Князь уже разграбилъ богатую соборную церковь въ Боголюбовѣ, щедро украшенную Андреемъ, и опустошаетъ окрестности его столицы, при чемъ особенно свирѣпствуютъ степные варвары. Поспѣшивъ воротиться назадъ, Всеволодъ на берегу Колакши встрѣтилъ Рязанцевъ и Половцевъ, которые возвращались со множествомъ добычи и плѣнниковъ. Въ то время случилась оттепель, ледъ на рѣкѣ сдѣлался очень тонокъ и въ продолженiе цѣлаго мѣсяца оба войска стояли другъ противъ друга въ ожиданiи болѣе удобной переправы. Между тѣмъ какъ происходили мелкiя стычки и перестрѣлка, Глѣбъ предложилъ миръ противнику; но тотъ не принялъ предложенiя, потому что сильно сердился на Глѣба за опустошенiе своей земли.

Настала масляная недѣля. 20 февраля Юрьевичъ приготовилъ полки къ битвѣ, и послалъ на другую сторону Колакши обозъ съ дружиною Переяславцевъ подъ начальствомъ своего племянника Владимiра Глѣбовича. Противъ Владимiра Глѣбъ отрядилъ Мстислава Ростиславича; а самъ съ сыновьями своими Романомъ и Игоремъ, съ шуриномъ Ярополкомъ и со всѣмъ остальнымъ войскомъ перешелъ рѣку, думая, что Всеволодъ остался на той сторонѣ съ немногими людьми. Рязанцы подошли къ Прусковой горѣ, за которою стоялъ Великокняжескiй полкъ, и были уже отъ него въ одномъ перелетѣ стрѣлы, когда Глѣбъ увидалъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, постоянный бѣглецъ съ поля битвы, и на этотъ разъ оборотилъ тылъ передъ Владимiромъ Глѣбовичемъ. Рязанскiй князь поспѣшилъ отступить; но уже было поздно. Окруженные войсками Всеволода, Рязанцы вступили въ жестокую, но непродолжительную

---

[25]) Въ Ник. II. 233. сказано „и съ Новогородци". Можетъ быть это была таже самая Милонѣжкова чадь, о которой говорится выше. Мы думаемъ, что именно объ этой битвѣ вспоминали Новогородцы передъ Липецкимъ сраженiемъ въ 1216 г. говоря „мы нехочемъ измрети на конѣхъ, но якоже отци наши билися на Колакши пѣши". П. С. Р. Л. IV. 24.

сѣчу. Пораженіе ихъ было совершенное. Самъ Глѣбъ, сынъ его Романъ, шуринъ Мстиславъ попались въ плѣнъ съ большею частію дружины и со множествомъ знатныхъ бояръ или думцевъ Рязанскаго Князя; между ними находились: знаменитый воевода Боголюбскаго Борисъ Жидиславичъ, сторонникъ Ростиславичей; потомъ Яковъ Деденковъ, Олстинъ и разъ уже встрѣчавшійся намъ Дѣдилецъ. Половцы, плохіе воины въ рукопашной битвѣ, дорого поплатились за свои разбои. Сѣверный лѣтописецъ смотритъ на это пораженіе какъ на справедливое наказаніе Божіе за грѣхи Глѣба, т. е. за то зло, которое онъ причинилъ Владимірской землѣ; „внюже мѣру мѣрите, говоритъ онъ, возмѣрится вамъ; судъ безъ милости несотворшему милости".

Въ чистый понедѣльникъ побѣдители съ торжествомъ вступили во Владиміръ [26]). Велика была радость гражданъ при видѣ плѣнныхъ князей; въ соборномъ храмѣ Богородицы принесена благодарность Богу; потомъ нѣсколько дней продолжалось въ городѣ шумное веселіе. Всеволодъ обошелся съ побѣжденными довольно милостиво: Глѣбъ съ сыномъ и шуриномъ отданы были подъ стражу, но не посажены въ темницу; имъ опредѣлено содержаніе изъ княжескаго дома; даже Суздальцы и Ростовцы не лишены были полной свободы. Владимірскимъ гражданамъ сильно не нравилось то, что ихъ князь держитъ своихъ плѣнныхъ какъ гостей. На третій день они подняли мятежъ и съ оружіемъ пришли на княжескій дворъ, требуя большей строгости въ обращеніи съ врагами. Всеволодъ, не желая подвергнуть плѣнниковъ оскорбленію со стороны народа, велѣлъ посадить ихъ въ порубъ [27]). Въ тоже время онъ послалъ своихъ людей въ Рязань съ требованіемъ, чтобы Рязанцы выдали ему Ярополка Ростиславича, въ противномъ случаѣ грозилъ явиться съ войскомъ въ ихъ землѣ. Ярополкъ вмѣстѣ съ Игоремъ Глѣбовичемъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во время роковой битвы. Онъ удалился

---

[26]) „Владимірцы слыша сіе, вышли всѣ въ срѣтеніе побѣдителю враговъ своихъ съ великою радостію. Всеволодъ же учредя полки, пошелъ во Владиміръ: на переди Олегъ и Владиміръ Святославичи съ ихъ полки, за ними Глѣбъ Рязанскій съ сыномъ, шуриномъ и со многими его плѣнники ведены связаны, за ними Всеволодъ на конѣ со своими, таже Владиміръ Глѣбовичъ съ Переяславцы". Тат. III. 225.

[27]) Замѣчательно при этомъ случаѣ, что народъ, роптавшій на снисхожденіе къ плѣнникамъ, обвинялъ Глѣба Рязанскаго между прочимъ и въ смерти Андрея Боголюбскаго, которая будто бы учинилась по его внушенію ibid. 227.

въ пограничныя степи куда то на рѣку Воронежъ, и тамъ, гонимый страхомъ, переходилъ изъ одного мѣста въ другое [28]. Рязанцы, подумавъ между собою, сказали: „князь нашъ и братія наша погибли за чужаго князя"; пошли на Воронежъ, взяли Ярополка, и выдали Владимірцамъ, которые посадили его также въ порубъ.

Между тѣмъ нашлись князья, которые приняли участіе въ бѣдственномъ положеніи Глѣба. Мы уже говорили о союзѣ Ростислава Смоленскаго съ Рязанскими Ярославичами въ 1155 г. Этотъ союзъ былъ скрѣпленъ кромѣ того и родственными отношеніями: знаменитый Ростиславичъ Мстиславъ Храбрый женился на дочери Глѣба. Мстиславъ незамедлилъ обратиться къ Святославу Всеволодовичу Черниговскому, прося его заступиться у своего союзника Всеволода за плѣнныхъ князей и склонить его къ ихъ освобожденію. Съ тою же просьбою прислала въ Черниговъ Рязанская княгиня жена Глѣбова. Святославъ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ во Вдадиміръ Черниговскаго епископа Порфирія съ игуменомъ Ефремомъ. Извѣстно, что духовенство преимущественно брало на себя священную обязанность миротворцевъ во времена княжескихъ усобицъ. Всеволодъ не остался глухъ къ ходатайству Черниговскаго князя, которому онъ многимъ былъ обязанъ; но исполнилъ его желаніе только въ половину. Ростиславичи послѣ вторичнаго мятежа Владимірскихъ гражданъ были отпущены въ Смоленскъ. Очевидно Всеволодъ не считалъ для себя опасными своихъ племянниковъ и легко согласился дать имъ свободу; но иначе онъ думалъ о Рязанскомъ князѣ. Онъ зналъ, какъ ненадежно спокойствіе его княжества, если Глѣбъ опять явится во главѣ Рязанскихъ дружинъ, и предложилъ ему самыя тягостныя условія мира. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояли эти условія. Святославъ Черниговскій просилъ отпустить Глѣба въ Южную Россію. „Лучше умру здѣсь, а не пойду въ Русь", отвѣчалъ упрямый Глѣбъ. Слѣдовательно ему предлагали свободу безъ княжества. По другому извѣстію Всеволодъ требовалъ отъ него уступки Коломны и ближнихъ волостей; Глѣбъ не хотѣлъ согласиться и на это условіе [29]. Рязанскій Князь, какъ видно, съ твердостію переносилъ свое несчастіе и вполнѣ обнаружилъ при этомъ свой гордый, непреклонный характеръ. 30 Іюня того же 1177 г. Глѣбъ умеръ въ темницѣ [30]. Послы Святослава Всеволодовича по

---

[28]) Ник. II. 235, 236.

[29]) Ипат. 119. Тат. III. 228.

[30]) Въ лѣтописи, какъ замѣтилъ С. М. Соловьевъ (И. Р. II. Прим. 342), упо-

смерти Глѣба продолжали хлопотать за его сына Романа, который въ свою очередь приходился зятемъ Черниговскому князю. Цѣлые два года тянулись переговоры, и не ранѣе 1179 г. согласился Всеволодъ отпустить Романа на Рязанское княженіе. Объ условіяхъ, на которыхъ послѣдній долженъ былъ цѣловать крестъ, лѣтописцы не говорятъ прямо; но для насъ многозначительны ихъ короткія выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „а Романа сына его едва выстояша, цѣловавше крестъ“, или „а князя Романа укрѣпивше крестнымъ цѣлованіемъ, и смиривше зѣло отпустиша въ Рязань“ [31]). Очевидно здѣсь дѣло идетъ о совершенной покорности Всеволоду Юрьевичу.

Такимъ образомъ окончился второй актъ борьбы Рязанскихъ князей съ Владиміро-Суздальскими и на этотъ разъ еще болѣе рѣшительнымъ торжествомъ послѣднихъ. Мы видѣли, что Глѣбъ съ успѣхомъ могъ вмѣшаться въ дѣла сосѣдняго княжества и даже быть для него грознымъ, но только до тѣхъ поръ, пока оно страдало отъ внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ. Лишь только Михаилу и потомъ Всеволоду удавалось соединить Владимірцевъ, Суздальцевъ, Ростовцевъ и Переяславцевъ, борьба съ ними опять становилась не подъ силу Рязанскому князю. При томъ же, не отказывая Глѣбу въ дѣятельномъ, мужественномъ характерѣ, мы имѣемъ полное право обвинить его въ недостаткѣ благоразумія и проницательности. Онъ несъумѣлъ оцѣнить ни Ростиславичей, ни Юрьевичей, и, не расчитавъ средства, довелъ борьбу до крайности. Поколѣніе Рязанскихъ Ярославичей по характеру своему конечно стояло ближе къ князьямъ южной Россіи, нежели къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ: подобно первымъ они предпочитали рѣшать споры судомъ Божьимъ, и не придерживались осторожной, расчетливой политики послѣднихъ.

Пораженіе на Колакшѣ и плѣнъ князей кромѣ униженія и подчиненія Рязанской земли Владимірскому Князю влекли за собою другое обычное явленіе того времени. Степные варвары, узнавъ о несчастіи сосѣдей, незамедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы пограбить Рязанскія волости. По этому первымъ дѣломъ Романа Глѣбовича по возвращеніи въ свою отчину былъ походъ на хищниковъ, которымъ онъ нанесъ пораженіе на рѣкѣ Большой Воронѣ.

треблено при этомъ довольно странное выраженіе: „Тогда же князь Глѣбъ мертвъ бысть“. Ипат. 120.

[31]) Ипат. 120. Ник. II. 236.

Съ 1180 г. уже начинаются усобицы между братьями. Глѣбъ оставилъ послѣ себя довольно многочисленную семью; намъ извѣстны имена шестерыхъ его сыновей: Романъ, Игорь, Святославъ, Всеволодъ, Владимиръ и Ярославъ. Поводъ къ неудовольствіямъ подалъ старшій Глѣбовичъ Романъ. Зависимость отъ Всеволода III конечно была тягостна для Рязанскаго Князя. При однѣхъ собственныхъ силахъ онъ не могъ начать новую борьбу съ могущественнымъ сосѣдомъ; отсюда понятенъ тѣсный союзъ Романа съ его тестемъ Черниговскимъ княземъ Святославомъ Всеволодичемъ. Въ то время еще несовсѣмъ ослабла связь Рязани съ Черниговымъ, какъ съ метрополіей; въ отношеніи церковной іерархіи оба княжества составляли еще одну епископію. Очень можетъ быть при этомъ, что Святославъ, принимавшій дѣятельное участіе въ освобожденіи зятя, и, будучи доселѣ въ дружескихъ отношеніяхъ со Всеволодомъ, безъ особенныхъ препятствій надѣялся утвердить свое вліяніе на дѣла Рязанскаго княжества и быть тамошнимъ князьямъ въ отца мѣсто.

Романъ затѣялъ споръ о волостяхъ съ младшими братьями Всеволодомъ и Владиміромъ, которые княжили на Пронѣ. Дѣло дошло до войны. Тѣснимые старшимъ братомъ, съ которымъ соединились Игорь и Святославъ Глѣбовичи, Пронскіе князья обратились къ Всеволоду. Можетъ быть и самая ссора произошла въ слѣдствіе того, что младшіе братья предпочитали Владимірское вліяніе и не хотѣли подчиниться Черниговскому. „Ты нашъ господинъ и отецъ", посылаютъ они сказать Всеволоду: „братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаясь своего тестя Святослава, а тебѣ онъ цѣловалъ крестъ и нарушилъ клятву". Великій Князь сначала хотѣлъ уладить дѣло мирнымъ образомъ, и велѣлъ сказать Роману, чтобы онъ не обижалъ братьевъ. Встрѣтивъ неповиновеніе своей волѣ, онъ собралъ полки и выступилъ въ походъ. Между тѣмъ Романъ успѣлъ извѣстить Святослава Всеволодовича о своей опасности; тесть немедленно отправилъ къ нему на помощь Черниговскую дружину подъ начальствомъ своего сына Глѣба, который занялъ Коломну, какъ передовой Рязанскій постъ со стороны Суздальнаго княжества. Великій Князь осадилъ Коломну, и, заставивъ Святославича выдти изъ города, отослалъ его съ бывшими при немъ боярами во Владиміръ, а Черниговскую дружину велѣлъ развести по своимъ городамъ [32]). Романъ, осаждавшій въ то время своихъ брать-

[32]) Лѣтописи темно выражаются на счетъ того, какимъ образомъ Глѣбъ попался въ руки Всеволода. Лавр. 164: „Ту въ Коломнѣ Святославича Глѣба я князь

евъ въ Пронскѣ, при вѣсти о приближеніи Всеволода снялъ осаду и пошелъ къ нему на встрѣчу. Младшіе Глѣбовичи поспѣшили соединиться съ Владимірскими полками.

Передовая Рязанская дружина, переправившись за Оку предалась безпечности и пьянству; въ слѣдствіе чего она подверглась нечаянному нападенію; большая часть ея, притиснутая къ рѣкѣ, была избита или взята въ плѣнъ; а многіе потонули въ Окѣ, стараясь достигнуть другаго берега. Романъ, услыхавъ о пораженіи сторожевыхъ отрядовъ, побѣжалъ въ степь мимо Рязани, въ которой затворилъ братьевъ Игоря и Святослава. Всеволодъ пошелъ по его слѣдамъ, взялъ мимоходомъ Борисовъ—Глѣбовъ и осадилъ Рязань. Побѣжденные прислали просить Великаго Князя о мирѣ, на который онъ охотно согласился. Романъ и братья снова цѣловали крестъ Всеволоду на всей его волѣ; при чемъ клялись не обижать другъ друга и не вступаться въ чужіе предѣлы. Устроивъ Рязанскія дѣла и раздѣливъ волости между братьями по старшинству, Всеволодъ воротился во Владиміръ.

Вмѣшательство Святослава Черниговскаго и плѣнъ его сына не обошлись безъ открытой войны между имъ и Владимірскимъ княземъ. Извѣстна ихъ встрѣча на крутыхъ берегахъ рѣчки Влены. Осторожный Всеволодъ уклонялся отъ рѣшительной битвы и берегъ Суздальскую дружину; но онъ не былъ такъ бережливъ въ отношеніи къ своимъ подручникамъ, и приказалъ Рязанскимъ князьямъ сдѣлать нападеніе. Ночью Рязанцы перешли Влену, ворвались въ лагерь Святослава и произвели тамъ смятеніе. Но за минутную удачу они поплатились довольно дорого, когда на помощь къ Черниговцамъ подоспѣлъ Всеволодъ Святославичъ, рьяное мужество котораго въ послѣдствіи такими живыми красками очерчено въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Рязанцы обратились въ бѣгство, потерявъ много убитыми и плѣнными; между послѣдними находился ихъ воевода Иворъ Мирославичъ, котораго на разсвѣтѣ привели къ Святославу Всеволодовичу. Тѣмъ и кончились на этотъ разъ военныя дѣйствія между Всеволодомъ и Святославомъ. Но въ томъ же году Рязанскіе князья

Всеволодъ". Ипат. 122: „Слышавъ же Всеволодъ, еже прислалъ Святославъ сына своего, помогая зяти своему, и позва и къ себѣ: Глѣбъ же Святославичь нехотѣ ѣхати, но и волею неволею ѣха къ нему, *за не бяшеть въ его рукахъ*". Ник. 11, 240: „Ему же оплошившемуся, и всѣмъ пьянымъ бывшимъ, и тако стражей его поимаша, сице же и самого князя Глѣба Святославича изымаша".

вмѣстѣ съ Владимірцами должны были идти въ новый походъ, къ Торжку, противъ своего дяди Ярополка Ростиславича, которому такъ усердно помогалъ ихъ отецъ [33]).

Въ послѣднемъ походѣ участвовали и Муромскіе князья. Лѣтописи еще не совсѣмъ теряютъ изъ виду Рязанскій край, и по временамъ посвящаютъ ему нѣсколько строкъ; но о Муромѣ онѣ почти забываютъ. Только изрѣдка намъ удается встрѣтить Муромскихъ князей гдѣ нибудь въ дальнемъ походѣ въ качествѣ подручниковъ. Объ ихъ внутренней дѣятельности, объ отношеніяхъ между собою мы рѣшительно ничего незнаемъ. На молчаніи источниковъ развѣ можемъ основать только то предположеніе, что здѣсь было болѣе внутренней тишины и согласія, нежели въ Рязани; что Муромскія событія были слишкомъ незначительны и не могли обратить на себя вниманіе лѣтописцевъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы лѣтописцы совсѣмъ не знали о томъ, что дѣлается въ Муромѣ; напротивъ ихъ немногія извѣстія о Муромскихъ князьяхъ отличаются иногда удивительною точностію. Таково извѣстіе о смерти Юрія Владиміровича: онъ скончался 19-го января 1174 г. и положенъ въ Муромской церкви Христа Спасителя, которая была имъ самимъ построена [34]). Послѣ него осталось нѣсколько сыновей; намъ извѣстны Давидъ, Владиміръ и Игорь. Гибель Андрея Боголюбскаго, кажется, и Муромскимъ князьямъ внушила надежду освободить свою волость отъ подчиненія сосѣднему княжеству. По крайней мѣрѣ Суздальская дружина на извѣстномъ соборѣ во Владимірѣ изъявляетъ опасеніе подвергнуться нападенію не однихъ Рязанцевъ, но и Муромцевъ. Въ борьбѣ Юрьевичей съ Ростиславичами Муромскіе полки дѣйствительно помогаютъ послѣднимъ. Но тѣмъ и кончилось это стремленіе къ самостоятельности, если оно въ самомъ дѣлѣ существовало. Въ княженіе Всеволода III Муромскіе князья постоянно являются его усердными подручниками, и по первому требованію ведутъ къ нему на помощь свои немногочисленныя дружины.

Между интересами Муромской волости одно изъ главныхъ мѣстъ безспорно занимали отношенія къ Волжскимъ Болгарамъ. Извѣстно, какъ важна была для сѣверовосточной Россіи торговая дѣятельность этого народа; извѣстно и то, что мирная торговля нерѣдко прерывалась враждебными столкновеніями. Зачинщиками въ такомъ случаѣ

---

[33]) Ипат. 124. Ник. II. 241.

[34]) Лавр. 156.

являлись обыкновенно жители Русскихъ княжествъ, именно тѣ разбойничьи шайки, которыя старались поживиться на счетъ богатыхъ сосѣдей и грабили ихъ суда по Окѣ и по Волгѣ. Особенно сильные были грабежи, производимые Рязанцами и Муромцами въ 1183 г. Болгары два раза присылали къ Всеволоду III съ жалобами на разбои. Всеволодъ хотя и отдалъ приказаніе ловить грабителей, но не употребилъ противъ нихъ никакихъ энергическихъ мѣръ. Дерзость шаекъ простерлась до того, что они начали ходить въ самую землю мусульманъ, нападать на ихъ города и селенія. Ожесточенные Болгары собрались въ значительныхъ силахъ, сѣли на суда, опустошили окрестности Мурома, доходили до самой Рязани, и, набравъ много плѣнниковъ и скота, воротились назадъ [35]).

Подобное вторженіе въ свою очередь немогло остаться безъ наказанія со стороны Всеволода Юрьевича. По своимъ отношеніямъ къ Рязани и Мурому онъ считалъ обязанностію защищать ихъ земли отъ внѣшнихъ враговъ. Впрочемъ мы нерѣдко видимъ въ нашей древней исторіи, что Русскіе князья на войну съ сосѣдними народами смотрятъ какъ на дѣло народное, и, забывая собственные счеты, предпринимаютъ походы соединенными силами. Такъ случилось и теперь. Всеволодъ неограничился тѣми средствами, которыя у него были подъ руками; онъ послалъ просить помощи въ Кіевъ къ Святославу Всеволодовичу и приглашалъ его принять участіе въ оборонѣ Русскихъ земель отъ иноплеменниковъ. Не только Святославъ, но и другіе южнорусскіе князья отозвались на этотъ призывъ. Весною 1184 г. полки изъ Кіевской, Черниговской, Смоленской и Сѣверской земель сошлись на берегахъ Оки. Оставивъ свои дружины въ Рязанскихъ городахъ Коломнѣ, Ростиславлѣ и Борисовѣ, союзные князья велѣли готовить суда, а сами поѣхали во Владиміръ на Клязьмѣ. Число князей простиралось до 8, а именно: три южныхъ Изяславъ Глѣбовичъ Переяславскій, Владиміръ, сынъ Кіевскаго Святослава, и Мстиславъ, сынъ Давида Смоленскаго; четверо Рязанскихъ Глѣбовичей Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ, и одинъ Муромскій, Владиміръ Юрьевичъ. Великій Князь пять дней весело пировалъ съ своими гостями, и потомъ 20 Мая выступилъ съ ними въ походъ. Владимірскіе полки по Клязьмѣ отправились въ Оку и здѣсь соединились съ союзными дружинами; конница пошла полемъ мимо Мордовскихъ селеній; а судовая рать спустилась внизъ по Волгѣ;

---

[35]) Татищ. III. 248.

Рязанцы составляли задній отрядъ. 8 Іюня князья достигли устья Цивили, оставили здѣсь свои суда подъ прикрытіемъ Бѣлозерской дружины и съ конными полками вступили въ землю Серебряныхъ Болгаръ. Съ ближними Мордовскими племенами Великій Князь заключилъ миръ, и дикари охотно продавали Русскимъ войскамъ съѣстные припасы [36]). Для насъ очень интересны сохранившіяся подробности этого похода; онѣ даютъ намъ довольно ясное представленіе о предпріятіяхъ подобнаго рода и въ особенности объ образѣ веденія войны нашихъ князей съ Волжскими Болгарами. Результатъ похода въ 1184 г. нельзя назвать вполнѣ удачнымъ; хотя Русскіе одержали верхъ надъ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, набрали много плѣнниковъ и добычи; но Великій Князь, сильно огорченный смертію своего храбраго племянника Изяслава Глѣбовича, заключилъ миръ съ Серебряными Болгарами, и, не взявши ни одного города, воротился назадъ тѣмъ же порядкомъ, т. е. на судахъ; а конницу послалъ черезъ земли Мордвы, съ которыми на этотъ разъ не обошлось безъ непріятельскихъ столкновеній.

Мы видѣли, что при сыновьяхъ Глѣба Ростиславича начинаются усобицы между Рязанскими и Пронскими князьями—усобицы, которыя ослабляли ихъ силы и много содѣйствовали униженію цѣлаго Княжества. Великій Князь ненадолго примирилъ братьевъ; несогласіе и вражда незамедлили обнаружиться опять. Посылая въ Кіевъ къ Святославу съ просьбою помочь ему войскомъ противъ Болгаръ, Всеволодъ между прочимъ писалъ къ нему, что „Рязанскіе князья, хотя братья родные, но между собою воюютъ, о Русской же землѣ и отечествѣ мало радѣютъ“ [37]).

Въ 1186 г. Глѣбовичи произвели новый дѣлежъ волостей: Романъ, Игорь и Владиміръ сѣли на Рязани, а Всеволодъ и Святославъ на Пронѣ [38]). Вслѣдъ затѣмъ Романъ посылаетъ звать къ себѣ Пронскихъ князей на совѣтъ для того, чтобы разобрать ихъ вражду съ Игоремъ и Владиміромъ. Но меньшіе братья узнали отъ бояръ, что старшіе хотятъ ихъ схватить. Разумѣется, Пронскіе князья вмѣсто того, чтобы ѣхать на съѣздъ, начали укрѣплять свой городъ и готовиться къ оборонѣ; а старшіе братья собрали войско и стали раззорять Пронскую волость. Всеволодъ, узнавъ о распрѣ, послалъ

---

[36]) Тат. III. 250.

[37]) Тат. III. 249.

[38]) Ряз. Дост. (изъ родосл.).

двухъ бояръ въ Рязань уговаривать Глѣбовичей, чтобы они прекратили вражду. „Что вы дѣлаете!“ велѣлъ онъ сказать имъ. „Удивительно ли, что поганые воевали насъ; вы вотъ теперь хотите убить своихъ братьевъ“. „Укоризны Всеволода и соединенныя съ ними угрозы только раздражили Рязанскихъ князей и воздвигли еще большую вражду между ними. Всеволодъ и Святославъ просили помощи у Великаго Князя, и онъ отправилъ къ нимъ 300 человѣкъ Владимірской дружины, которые съ радостію были приняты въ Пронскѣ. Старшіе Глѣбовичи осадили городъ. На помощь къ осажденнымъ Всеволодъ послалъ новое войско подъ начальствомъ своего родственника Ярослава Владиміровича, съ которымъ соединились Муромскіе князья Владиміръ и Давидъ Юрьевичи. Слухъ о приближеніи сѣверныхъ князей заставилъ Романа съ братьями снять осаду и воротиться въ Рязань. Всеволодъ Глѣбовичъ, оставивъ въ Пронскѣ брата Святослава, самъ поѣхалъ на встрѣчу къ полкамъ В. Князя, нашелъ ихъ въ Коломнѣ и увѣдомилъ объ освобожденіи своего города. Муромцы воротились домой; а Всеволодъ съ Ярославомъ отправился во Владиміръ, чтобы посовѣтоваться съ В. Княземъ. Рязанцы спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, и снова осадили Пронскъ. Но Святославъ защищался мужественно. Непріятели переняли у жителей воду, и тѣ начали изнемогать отъ жажды. Тогда братья велѣли сказать Святославу: „не мори себя и дружину голодомъ и гражданъ не мори; иди къ намъ; вѣдь ты нашъ братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ; только не приставай къ брату Всеволоду“. Послѣдніе слова намекаютъ на то, что главнымъ зачинщикомъ распри былъ Всеволодъ, который встрѣчается въ Пронскѣ и во время войны 1180 г. Вѣроятно опираясь на помощь изъ Владиміра, Всеволодъ стремился къ обособленію своей волости и къ освобожденію себя отъ вліянія старшихъ Рязанскихъ князей. Святославъ Глѣбовичъ началъ думать съ своими боярами. Тѣ сказали ему: „братъ твой ушелъ во Владиміръ, а тебя оставилъ“, и совѣтовали отворить городъ. Святославъ послушался своей дружины. Братья поцѣловали съ нимъ крестъ и посадили его въ Пронскѣ; но дружину Всеволода Глѣбовича, перевязавши, отвели въ Рязань вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми; взяли себѣ также все имѣніе его бояръ. Многіе Владимірцы, присланные В. Княземъ на помощь городу, были также задержаны плѣнниками.

Въ то время Всеволодъ Глѣбовичъ возвращался изъ Владиміра въ Пронскъ. Дорогою онъ узналъ о случившемся и сильно опечалился измѣною брата Святослава и плѣномъ своего семейства. Те-

перь ему оставалось только думать о мщеніи. Онъ захватилъ Коломну, извѣстилъ обо всемъ В. Князя и началъ дѣлать набѣги на волости братьевъ [39]). В. Князь особенно былъ недоволенъ тѣмъ, что Святославъ выдалъ его людей и позволилъ ихъ перевязать. „Отдай мнѣ мою дружину добромъ, какъ ты ее у меня взялъ", послалъ онъ сказать Пронскому князю; „если ты миришься съ братьями, зачѣмъ же выдаешь мою дружину. Я послалъ ихъ къ тебѣ по твоему же челобитью; когда ты былъ ротенъ и они ротные; ты сталъ миренъ и они мирны". Глѣбовичи спѣшили отклонить войну съ Великимъ Княземъ и отправили къ нему посольство съ такими словами: „ты отецъ, ты господинъ, ты братъ; за твою обиду мы прежде тебя сложимъ свои головы; а теперь не сердись на насъ; мы воевали съ братомъ своимъ *за то, что онъ насъ не слушаетъ*; а тебѣ кланяемся и отпускаемъ твоихъ мужей". В. Князь хотя и отложилъ походъ, но не хотѣлъ согласиться на миръ, и Рязанское посольство воротилось безъ успѣха. Тогда Глѣбовичи обратились къ посредству Черниговскихъ князей и духовенства. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1187 г. послы Святослава и Ярослава Всеволодичей вмѣстѣ съ Порфиріемъ епископомъ Черниговскимъ и Рязанскимъ отправились во Владиміръ на Клязьмѣ ходатайствовать о мирѣ. Порфирій уговорилъ и Владимірскаго епископа Луку поддержать его въ этомъ дѣлѣ. Всеволодъ наконецъ согласился на миръ и отправилъ вмѣстѣ съ Порфиріемъ и Черниговскими послами своихъ бояръ въ Рязань для окончательныхъ переговоровъ, отпустивъ въ тоже время многихъ рязанскихъ плѣнниковъ. Далѣе лѣтописи намекаютъ на какое-то коварство со стороны епископа Порфирія; но не говорятъ прямо, въ чемъ оно заключалось. Изъ ихъ расказовъ можно понять только слѣдующее. Посольство прибыло въ Рязань къ Роману, Игорю, Владиміру, Святославу и Ярославу Глѣбовичамъ. Здѣсь Порфирій вступилъ въ переговоры съ князьями тайно отъ другихъ пословъ, и повелъ дѣло совсѣмъ не такъ, какъ желалъ Всеволодъ Юрьевичъ; затѣмъ онъ поспѣшно уѣхалъ въ Черниговъ. Епископъ навлекъ на себя гнѣвъ В. Князя, такъ что тотъ хотѣлъ послать за нимъ въ погоню; но уже было поздно. Порфирій по словамъ лѣтописи поступилъ „не по святительски, но какъ перемѣтчикъ, человѣкъ ложный; онъ исполнился срама и безчестья" [40]). Но мы должны быть осторожны въ

[39]) Тат. 273—276.

[40]) Лавр. 170.

этомъ случаѣ, и не можемъ сложить всю вину на коварство Черниговскаго епископа. Сѣверные лѣтописцы очевидно пристрастны къ своему князю и смотрятъ на дѣло только съ Владимірской точки зрѣнія. Главное затрудненіе заключается въ томъ, что для насъ остались неизвѣстны переговоры Всеволода съ Рязанскими князьями и тѣ условія, на которыхъ онъ соглашался дать имъ миръ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія были очень тяжелы, и Порфирій несовѣтовалъ князьямъ ихъ принимать; ему естественнѣе было стоять за интересы своей епископіи, нежели содѣйствовать видамъ Владимірскаго князя. И притомъ какая же могла быть у Порфирія цѣль ссорить обѣ стороны въ то время, когда онъ былъ посланъ именно съ тѣмъ, чтобы ихъ помирить? Наконецъ самая темнота лѣтописи, восклицанія и изрѣченія, которыми сопровождается это извѣстіе, заставляютъ подозрѣвать многое недосказанное.

Какъ бы то ни было начатые переговоры не повели къ миру; Владимірскіе послы воротились назадъ, и бѣдный Рязанскій край жестоко поплатился за упорство своихъ князей. Главнымъ виновникомъ новой войны безъ сомнѣнія былъ Всеволодъ Глѣбовичъ, которому братья не хотѣли возвратить Пронска. Въ томъ же году В. Князь отправился на Рязань съ Ярославомъ Всеволодовичемъ; на пути присоединился къ нему Владиміръ Юрьевичъ изъ Мурома и Всеволодъ Глѣбовичъ изъ Коломны. Переправившись за Оку, они сожгли много селеній и набрали большое число плѣнниковъ [41]). Почти одновременно съ этимъ несчастіемъ, которое пришло съ сѣвера, Половцы нагрянули съ юга и много зла причинили сельскимъ жителямъ. Рязанскіе князья на этотъ разъ не рѣшились выдти изъ своихъ укрѣпленій, чтобы встрѣтить въ полѣ того или другаго непріятеля, и получили миръ отъ В. Князя неиначе, какъ согласившись на всѣ его требованія. Несмотря на молчаніе лѣтописей нельзя сомнѣваться въ послѣднемъ, потому что вскорѣ Глѣбовичи опять являются подручниками Всеволода III въ его походахъ, а въ Пронскѣ опять находимъ княземъ ихъ брата Всеволода.

Наказывая младшихъ князей за непокорность, Всеволодъ III въ

---

[41]) Въ Лавр. 171 при этомъ случаѣ сказано „идоша Копонову". въ Л. Пер. Суз. 100 „идоша къ Попову". у Татищ. III. 284: „къ Опакову". Ни одно изъ этихъ названій невыдерживаетъ критики. См. Изсл. и Лекц. Погод. IV. 249. Мы принимаемъ извѣстіе Ник. II. 254; здѣсь говорится только о разореніи волостей и селъ.

тоже время строго исполнялъ обязанности В. Князя въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ онъ былъ вмѣсто отца; защищалъ ихъ отъ иноплеменниковъ и не давалъ въ обиду русскимъ князьямъ. Между Черниговымъ и Рязанью происходили нерѣдко споры по поводу границъ, которыя еще неопредѣлились; Ярославичи, кажется, заняли нѣкоторыя волости, принадлежавшія прежде Ольговичамъ. Святославъ Всеволодовичъ, представитель послѣднихъ и въ тоже время В. Князь Кіевскій, вступился за интересы своего дома; въ 1194 г. онъ собралъ Черниговскихъ и Сѣверскихъ князей въ Карачевъ для совѣта, и положилъ идти съ ними на Рязанцевъ. Опасаясь встрѣтить помѣху со стороны сѣвернаго Владиміра, Святославъ предварительно хотѣлъ имѣть его согласіе; но получилъ отказъ, и воротился назадъ изъ Карачева.

Въ послѣднее десятилѣтіе XII столѣтія господствовало совершенное согласіе между Всеволодомъ III и Рязанскими князьями. Мы находимъ даже болѣе, чѣмъ мирныя отношенія. Осенью 1196 г. В. Князь женилъ сына Константина на дочери Мстислава Романовича Смоленскаго. Свадьба совершилась 15 Октября, и съ большимъ веселіемъ была отпразднована во Владимірѣ. Въ числѣ гостей встрѣчаемъ трехъ Рязанскихъ Глѣбовичей: Романа, Всеволода и Владиміра—послѣдняго съ сыномъ Глѣбомъ,—также и троихъ Юрьевичей Муромскихъ: Владиміра, Давида и Игоря [42]). Спустя 10 дней послѣ свадьбы происходили постриги Всеволодова сына Владиміра, которыя подали поводъ къ новымъ пирамъ и забавамъ. Князья веселились болѣе мѣсяца, и разъѣхались по домамъ, богато одаренные отъ хозяина конями, золотыми и серебряными кубками, платьемъ и паволоками; не одни князья, и свита ихъ также щедро одѣлена была подарками. Нельзя не пожалѣть при этомъ случаѣ о томъ, что наши лѣтописцы слишкомъ скупы на подобныя извѣстія.

Уже въ слѣдующемъ году Рязанцы и Муромцы вмѣстѣ съ В. Княземъ должны были принять участіе въ междоусобіяхъ южнорусскихъ князей. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что теперь князья Рязанскіе шли на югъ безъ принужденія; они охотно поддерживали своихъ давнишнихъ союзниковъ и родственниковъ Ростиславичей Смоленскихъ противъ враждебныхъ имъ Ольговичей. Еще прежде нежели самъ

---

[42]) Л. Пер. Сузд. 102; а въ Ник. (II. 261). Муромскіе князья названы: Владиміръ, Давидъ и Юрій.

В. Князь съ своими подручниками предпринялъ походъ, Рязанскій княжичъ Глѣбъ Владиміровичъ, зять Давида Ростиславича, уже ратовалъ въ войскахъ своего тестя [43]). Замѣчательно при этомъ извѣстіе лѣтописи о томъ, что Всеволодъ заключилъ миръ съ Ярославомъ Ольговичемъ противъ желанія Рязанскихъ князей [44]).

Дружескія отношенія Ростиславичей и Глѣбовичей время отъ времени подкрѣплялись брачными союзами. Въ 1198 г. В. Князь Кіевскій отдалъ дочь свою Всеславу за младшаго изъ братьевъ Ярослава Глѣбовича [45]). За этимъ бракомъ послѣдовало очень важное событіе для Рязанской области. До сихъ поръ она вмѣстѣ съ Муромскимъ, Сѣверскимъ и Черниговскимъ княжествомъ составляла одну епископію, и въ церковномъ отношеніи была подчинена Черниговскому епископу, который, разумѣется, всегда находился подъ вліяніемъ своего князя. Нѣтъ сомнѣнія, что потомки Ярослава Рязанскаго уже давно стремились освободить свою волость отъ подобнаго вліянія Ольговичей; но для этого требовалось согласіе Кіевскаго митрополита, а слѣдовательно и Кіевскаго князя. Въ послѣднихъ годахъ XII в. представился къ тому удобный случай: Кіевскимъ княземъ былъ въ то время Рюрикъ Ростиславичъ, союзникъ Рязанцевъ. По просьбѣ своего зятя Ярослава Глѣбовича онъ изъявилъ согласіе на раздѣленіе Черниговской епископіи, и склонилъ къ тому митрополита Іоанна. 26 Сентября 1198 г. Митрополитъ поставилъ первымъ Рязанскимъ епископомъ игумна Арсенія.

Слѣдующій 1199 годъ ознаменованъ однимъ изъ великихъ походовъ на Половцевъ, безпокоившихъ Рязанскіе предѣлы. Походъ былъ предпринятъ по просьбѣ Рязанскихъ князей подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Всеволода. Идя берегомъ Дона, онъ углубился далеко въ степи; но воротился, не встрѣтивъ Половцевъ. Варвары сдѣлались очень робки, и уходили на югъ по мѣрѣ приближенія княжескихъ полковъ. Спустя семь лѣтъ, Рязанцы опять ходили въ степи и побрали Половецкія вежи; освободили изъ неволи многихъ христіанъ; захватили большое количество плѣнниковъ, коней, воловъ и овецъ [46]).

Съ 1186 г. наружное согласіе между Рязанскими князьями и

---

[43]) Ипат. 147.

[44]) Ibid. 150. См. противуположное извѣстіе у Арц. I. 2. прим. 1631.

[45]) Ипат. 152 подъ 1199 г. мы принимаемъ хронологію Татищева. III. 329.

[46]) Лавр. 179. Л. Пер. Суз. 108.

Всеволодомъ III повидимому не нарушалось въ продолженіе 20 лѣтъ. Если и были какіе поводы къ неудовольствію, по крайней мѣрѣ они не производили явнаго разрыва, и лѣтописцы о нихъ умалчиваютъ. Но нельзя сказать, чтобы въ этотъ періодъ времени господствовали миръ и согласіе въ самомъ домѣ Глѣба Ростиславича. Изъ сыновей его къ концу означеннаго періода оставались въ живыхъ только двое Романъ и Святославъ. Въ 1194 г. скончался Игорь Глѣбовичъ; онъ оставилъ сыновей: Ингваря, Юрія, Романа, Глѣба и Олега. Около 1207 г. умеръ въ Пронскѣ Всеволодъ, послѣ котораго остался одинъ только сынъ Киръ Михаилъ. Неизвѣстно, когда сошли въ могилу Владиміръ и Ярославъ; они уже болѣе не встрѣчаются въ исторіи, и мѣсто ихъ заступаютъ четыре Владиміровича: Глѣбъ, Константинъ, Олегъ, Изяславъ.

Смерть Глѣбовичей влекла за собою новый раздѣлъ волостей, слѣдовательно новыя распри. Недовольными оказались теперь двое Владиміровичей Глѣбъ и Олегъ, которые не замедлили обратиться къ Великому Князю съ жалобами на своихъ дядей; но вѣроятно не получили удовлетворенія и до перваго удобнаго случая затаили въ своей душѣ желаніе мести. Случай незамедлилъ представиться. Въ 1207 г. Великій Князь отправлялся въ походъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго и по обыкновенію послалъ звать съ собою князей Рязанскихъ и Давида Муромскаго (братъ его Владиміръ скончался 1203 г. 18 Декабря). Въ Москвѣ Всеволодъ соединился съ своимъ сыномъ Константиномъ, который привелъ къ нему на помощь Новогородскую дружину. Отсюда они отправились къ устью Оки, гдѣ должны были соединиться съ Рязанскими полками. Во время пути къ Великому Князю пришло извѣстіе, что Глѣбовичи замышляютъ измѣну, и что они уже вступили въ тайныя сношенія съ Ольговичами. Обвинителями явились тѣже самые Глѣбъ и Олегъ; они посредствомъ своихъ бояръ увѣдомили Всеволода объ опасности. Трудно рѣшить, какую долю правды заключало въ себѣ подобное обвиненіе. Лѣтописи въ этомъ случаѣ несогласны: Никоновская (11, 298) и Новогородская (П. С. Р. Л. Ш. 30), прямо называютъ Глѣба и Олега клеветниками; а Лаврентьевская (181) выдаетъ обвиненіе за извѣстную истину; но мы знаемъ ея пристрастіе къ Владимірскимъ князьямъ и въ особенности къ Всеволоду III. Кромѣ того за несчастныхъ Глѣбовичей передъ потомствомъ говоритъ самая личность обвинителей: если характеръ Олега Владиміровича еще не вполнѣ извѣстенъ; за то братъ его Глѣбъ встрѣтится съ нами

опять, въ качествѣ гнуснаго злодѣя. Впрочемъ обстоятельства были не въ пользу обвиненныхъ и дѣйствительно могли бросить тѣнь на ихъ поведеніе въ отношеніи къ Великому Князю. Киръ Михаилъ, занявшій Пронскъ по смерти отца, былъ зятемъ Всеволода Чермнаго, и потому отказался принять участіе въ походѣ на Кіевскаго князя. При этомъ очень вѣроятно извѣстіе, что Всеволодъ Чермный пересылался и съ прочими Рязанскими князьями; что онъ неуспѣвши склонить ихъ совершенно на свою сторону, уговорилъ по крайней мѣрѣ способствовать къ примиренію съ Владимірскимъ княземъ. Какъ бы то ни было послѣдній былъ сильно встревоженъ сношеніями Глѣбовичей съ Ольговичами, которыя могли быть представлены ему въ превратномъ видѣ. Великій Князь долго разсуждалъ съ своими совѣтниками, какъ поступить ему въ такомъ случаѣ, и рѣшился, скрывъ до времени свое неудовольствіе, захватить въ плѣнъ обвиненныхъ въ измѣнѣ.

Когда полки Всеволода разбили шатры по отлогому берегу Оки, на другой сторонѣ уже дожидались Рязанскіе отряды подъ начальствомъ восьми князей, именно: Романа и Святослава Глѣбовичей—послѣдній съ двумя сыновьями Мстиславомъ и Ростиславомъ;—потомъ Ингваря и Юрія Игоревичей, Глѣба и Олега Владимировичей; при нихъ находилась и Муромская дружина съ Давидомъ Юрьевичемъ. Всеволодъ послалъ звать всѣхъ князей къ себѣ въ лагерь, принялъ ихъ очень радушно и пригласилъ къ обѣду. Однако въ одномъ шатрѣ съ собою Великій Князь посадилъ только Олега и Глѣба; а остальные шестеро Рязанскихъ князей сѣли обѣдать въ другомъ шатрѣ. Ясно, что доносы объ измѣнѣ начались еще прежде; а теперь Всеволодъ хотѣлъ только привести дѣло въ ясность. Онъ послалъ Давида Муромскаго и своего тысяцкаго Михаила Борисовича уличить обвиненныхъ. Послѣдніе клятвами стали увѣрять въ своей невинности и просили назвать клеветниковъ. Князь Давидъ Муромскій и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ одного шатра въ другой, пока Всеволодъ не послалъ вмѣстѣ съ ними Глѣба и Олега. Неизвѣстно, какія доказательства представили племянники въ изобличеніе дядей; знаемъ только результатъ переговоровъ. Всеволоду донесли наконецъ, что истина обнаружилась; тогда онъ велѣлъ схватить шестерыхъ князей вмѣстѣ съ ихъ боярами и отвести во Владиміръ [47]) Это происшествіе случилось 22 Сентября въ субботу. На

[47]) Лавр. 182.

другой день Всеволодъ переправился за Оку; отрядилъ судовую дружину съ съѣстными припасами внизъ по рѣкѣ къ Ольгову; а самъ съ остальными войсками пошелъ къ Пронску, огнемъ и мечемъ опустошая Рязанскую землю.

Киръ Михаилъ, услыхавъ о приближеніи грозы, нерѣшился дожидаться ее въ своемъ городѣ, и, оставивъ Пронскъ, удалился къ тестю Всеволоду Чермному. Граждане однако не упали духомъ, взяли къ себѣ третьяго Владиміровича Изяслава и рѣшились защищаться до крайности. Въ слѣдующую субботу Великій Князь подошелъ къ Пронску, и послалъ боярина Михаила Борисовича склонять гражданъ къ покорности безъ кровопролитія. Но Проняне надѣялись на твердость своихъ стѣнъ и отвѣчали гордымъ отказомъ. Великокняжескіе полки со всѣхъ сторонъ обступили городъ и отняли воду. Граждане бились храбро; по ночамъ они выходили изъ города и крали воду. Всеволодъ велѣлъ день и ночь караулить смѣльчаковъ, и разставилъ отряды у всѣхъ воротъ: сынъ его Константинъ сталъ на горѣ съ восточной стороны города; у другихъ воротъ помѣстился Ярославъ съ Переяславцами, у третьихъ Давидъ съ Муромцами; а самъ Великій Князь съ остальными войсками расположился за рѣкою на Половецкомъ полѣ. Граждане упорно защищались, и дѣлали частыя вылазки, чтобы достать воды. Интересный эпизодъ этой войны составляетъ битва у Ольгова. Всеволодъ отрядилъ съ своимъ полкомъ Олега Владиміровича за съѣстными припасами къ лодкамъ, которыя стояли у одного острова Оки противъ городка Ольгова. Когда Олегъ былъ у Ожска, пришла вѣсть, что Рязанцы вышли изъ города подъ начальствомъ третьяго Игоревича Романа и напали на Владимірскую судовую дружину. Великокняжескій отрядъ вовремя подоспѣлъ къ ней на помощь. Рязанцы, очутившись между двумя непріятелями, были разбиты: Романъ бѣжалъ въ Рязань; а Олегъ воротился назадъ съ побѣдою и съѣстными припасами. Около трехъ недѣль Проняне выдерживали осаду; наконецъ изнемогли отъ жажды, и 18 Октября въ день св. Ап. и Ев. Луки отворили ворота. Укрѣпивши ихъ крестнымъ цѣлованіемъ, Великій Князь оставилъ здѣсь Давида Муромскаго и своего посадника Ослядюка [48]), и, взявъ съ собою

[48]) Въ Лавр. 182. сказано, что Великій Князь посадилъ въ Пронскѣ Олега Владиміровича. Но мы слѣдуемъ въ этомъ случаѣ извѣстію Лѣт. Пер. Суз. 108. тѣмъ болѣе, что Олегъ умираетъ вскорѣ не въ Пронскѣ, а въ Бѣлгородѣ. См. Ист. Р. Солов. IV. 375.

супругу Киръ Михаила Вѣру Всеволодовну, его бояръ и все ихъ имущество, самъ пошелъ къ Рязани, сажая по городамъ своихъ посадниковъ. Недоходя 20 верстъ до города, онъ остановился возлѣ села Добрый Сотъ и готовился къ переправѣ черезъ Проню. Тутъ явились къ нему Рязанскіе послы съ повинною головою, и стали просить его, чтобы онъ не ходилъ къ ихъ городу. Епископъ Арсеній съ своей стороны нѣсколько разъ присылалъ сказать Всеволоду: „Господинъ, Великій Князь, ты христіанинъ; не проливай же крови христіанской, не опустошай честныхъ мѣстъ, не жги святыхъ церквей, въ которыхъ приносится жертва Богу и молитва за тебя; мы готовы исполнить всю твою волю". Всеволодъ согласился даровать миръ Рязанцамъ, но съ условіемъ, чтобы они выдали ему остальныхъ князей. За тѣмъ онъ повернулъ къ Окѣ и переправился черезъ нее подъ Коломною. Слѣдомъ за нимъ спѣшилъ епископъ Рязанскій. Сильный дождь, сопровождаемый бурею, взломалъ ледъ на Окѣ. Несмотря на опасность, Арсеній въ лодкѣ переѣхалъ рѣку, и догналъ Всеволода около устья Нерской [49]). Епископъ отъ имени всѣхъ Рязанцевъ пріѣхалъ просить Великаго Князя объ освобожденіи князей и окончательномъ примиреніи. Просьба его на этотъ разъ не имѣла успѣха. Всеволодъ повторилъ прежнее требованіе, чтобы присланы были остальные князья, и велѣлъ епископу слѣдовать за собою во Владиміръ, куда онъ воротился 21 Ноября. Рязанцы собрались, подумали, и рѣшили на время покориться необходимости, т. е. взяли остальныхъ князей съ княгинями и отослали ихъ во Владиміръ. Впрочемъ далеко не всѣ Рязанскіе князья потеряли свободу. Владиміровичи Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ—замѣчательно, что послѣдній не былъ задержанъ,—недовольные тѣмъ, что Всеволодъ отдалъ Пронскъ не имъ, а Муромскому князю, въ слѣдующемъ 1208 г. съ Половцами явились подъ стѣнами города, и послали сказать Давиду, что Пронскъ приходится имъ отчина, а не ему. Послѣдній не сталъ спорить и отвѣчалъ имъ: „братья, я не самъ набился на Пронскъ; посадилъ меня здѣсь Всеволодъ; теперь городъ вашъ, а я пойду въ свою волость". Князья уладились между собою. Давидъ отправился въ Муромъ; въ Пронскѣ однако сѣлъ Киръ Михаилъ, а Олегъ Владиміровичъ вслѣдъ за тѣмъ скончался въ Бѣлгородѣ [50]).

Въ томъ же году Всеволодъ III отправилъ въ Рязань сына своего

---

[49]) Ник. II. 302. Лавр. 182.

[50]) Л. Пер. Суд. 109.

Ярослава, отпустивъ съ нимъ епископа Арсенія; а по другимъ городамъ разослалъ своихъ посадниковъ. Недолго однако Рязанцы смирялись передъ могуществомъ Великаго Князя. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они нарушили крестное цѣлованіе; въ нѣкоторыхъ городахъ начались явныя возмущенія; многіе изъ Владимірцевъ были заключены въ оковы, а иные засыпаны въ погребахъ или повѣшены. Очень можетъ быть, что сами дружинники Великаго Князя были причиною новыхъ смутъ; они вѣроятно позволяли себѣ слишкомъ многое въ покоренныхъ городахъ и притѣсненіями вывели изъ терпѣнія жителей, и безъ того не отличавшихся мягкимъ характеромъ. Въ этомъ движеніи принималъ участіе и Глѣбъ Владиміровичъ, ожидавшій безъ сомнѣнія получить отъ Великаго Князя болѣе, нежели онъ получилъ на самомъ дѣлѣ. Повидимому онъ расчитывалъ на Рязанскій столъ, и теперь съ неудовольствіемъ видѣлъ на немъ Ярослава Всеволодовича. Лѣтопись прямо говоритъ, что граждане Рязанскіе вошли въ сношенія съ Пронскими князьями Глѣбомъ и Изяславомъ Владиміровичами, и хотѣли выдать имъ Ярослава. Ярославъ, свѣдавъ о заговорѣ, сдѣлался очень остороженъ, и послалъ извѣстить обо всемъ отца. Всеволодъ немедленно пришелъ съ войскомъ къ Рязани и расположился подлѣ города. Ярославъ вышелъ къ нему на встрѣчу; явились и Рязанскіе послы; но вмѣсто изъявленія покорности они начали говорить Великому Князю „по своему обыкновенію дерзкія рѣчи“ [51]). Тогда Всеволодъ приказалъ жителямъ выдти изъ города съ женами, дѣтьми, и съ имуществомъ, которое они могли унести. Рязань была отдана въ жертву пламени. Такой же участи подверглись Бѣлгородъ и нѣкоторые другіе города, вѣроятно тѣ самые, въ которыхъ сдѣлано насиліе Великокняжескимъ посадникамъ. За тѣмъ Всеволодъ пошелъ назадъ; жителей разоренныхъ Рязанскихъ городовъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальскаго княжества, а лучшихъ людей и епископа Арсенія взялъ съ собою во Владиміръ. Однако и теперь, послѣ такихъ жестокихъ уроковъ, князья, остававшіеся на свободѣ, все еще не хотѣли смиряться передъ могуществомъ Всеволода. Зимою 1209 г. Киръ Михаилъ и

---

[51]) Ник. II. 305. Лавр. 183. Извѣстіе о томъ, что Всеволодъ позвалъ Рязанцевъ за Оку *на ряды* и захватилъ ихъ, (Карам. III. прим. 130; а въ П. С. Р. Л. I. 211. сказано, что Всеволодъ позвалъ ихъ *на миръ)* вѣроятно относится къ Рязанскимъ боярамъ, къ лучшимъ людямъ, безъ которыхъ граждане немогли защищаться.

Изяславъ Владиміровичъ, думая воспользоваться войною Всеволода съ Новогородцами, напали на его собственное княжество, и произвели грабежи около Москвы; но они не знали того, что Великій Князь и Новогородцы уже помирились. Всеволодъ послалъ противъ нихъ сына Юрія, который на рѣкѣ Тростнѣ уничтожилъ дружину Изяслава. Послѣдній едва успѣлъ спастись бѣгствомъ; а Киръ Михаилъ, не дожидаясь непріятелей, бросился посцѣшно за Оку, и потерялъ много людей во время переправы. Въ слѣдующемъ 1210 г. Всеволодъ еще разъ послалъ войско въ Рязанскую землю подъ начальствомъ воеводы (меченоши) Козьмы Родивоновича, который завоевалъ берега рѣки Пры и съ большою добычею воротился во Владиміръ [52]).

Такимъ образомъ третій актъ борьбы Рязани съ Владиміро-Суздальскимъ княжествомъ кончился совершеннымъ покореніемъ первой. О Рязанскихъ князьяхъ болѣе неслышно до самой смерти Всеволода III. Рязанскіе города лишены были чести управляться хотя чужимъ княземъ и должны были опять подчиниться Владимірскимъ посадникамъ и тіунамъ. Униженіе было полное. Митрополитъ Матвѣй, пріѣзжавшій во Владиміръ мирить Ольговичей со Всеволодомъ, ходатайствовалъ объ освобожденіи Рязанскихъ князей. Ему удалось только выпросить свободу княгинямъ [53]).

Завоеваніе однако не могло быть прочнымъ. Причина успѣховъ главнымъ образомъ заключалась въ соединеніи силъ съ одной стороны и въ разъединеніи съ другой; а потомъ и въ самой личности Великаго Всеволода, который безспорно былъ умнѣе всѣхъ современныхъ князей; хотя онъ уступалъ своему знаменитому брату въ величавости политическихъ стремленій, но также какъ и Андрей вѣрно умѣлъ расчитывать средства и ловко пользоваться обстоятельствами. Онъ однако не могъ стать выше узкихъ волостныхъ понятій своего времени, и не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы упрочить свои пріобрѣтенія. Мало того, Всеволодъ самъ своимъ завѣщаніемъ приготовилъ неминуемыя усобицы между сыновьями, предоставивъ старшинство не Константину, а Юрію. 14 Апрѣля 1212 г. умеръ Великій князь. Юрій Всеволодовичъ, занявшій Владимірскій столъ,

---

[52]) Ник. II. 306, 307. Тат. III. 353—366.

[53]) Извѣстіе Татищева, будто Всеволодъ III по просьбѣ Матвѣя освободилъ всѣхъ Рязанскихъ князей и возвратилъ имъ княжество, очевидно невѣрно. III. 366.

почти немедленно долженъ былъ вступить въ борьбу съ братомъ Константиномъ Ростовскимъ; а при такомъ условіи отцовскія завоеванія были для него только лишнимъ бременемъ. Рязанцы, недавно покоренные, безъ сомнѣнія еще не свыклись съ новымъ порядкомъ, и тяготились зависимостію отъ посадниковъ и тіуновъ чуждаго князя, тѣмъ болѣе, что оставались еще на свободѣ нѣкоторые Рязанскіе князья, какъ напримѣръ храбрый Изяславъ Владиміровичъ и Киръ Михаилъ, которые всегда могли явиться въ своихъ отчинахъ съ дружинами Ольговичей или съ толпами Половцевъ. Отсюда понятно, почему Юрій послѣ первой же усобицы съ Константиномъ рѣшился освободить Рязанскихъ плѣнниковъ, по совѣту младшихъ братьевъ и бояръ. Онъ одарилъ князей и дружину ихъ золотомъ, серебромъ, конями; утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ на родину [54]). Этимъ добродушнымъ поступкомъ Юрій за одинъ разъ избавлялъ себя отъ лишнихъ заботъ удерживать въ покорности Рязанцевъ и могъ пріобрѣсти себѣ союзниковъ для борьбы съ Ростовскимъ княземъ. Послѣднее условіе по всей вѣроятности было одною изъ статей крестнаго цѣлованія. Однако въ послѣдствіи незамѣтно, чтобы Рязанцы помогали Юрію противъ Константина, между тѣмъ какъ Муромская дружина постоянно сопровождала его въ походахъ. Напротивъ, судя по словамъ одного боярина передъ Липецкою битвою, можно подумать, что Рязанскіе князья держали сторону Константина [55]).

Не всѣ князья, плѣненные Всеволодомъ, воротились въ свою землю. Романъ Глѣбовичъ скончался во Владимірской темницѣ; братъ его Святославъ, если и дожилъ до освобожденія, то немного времени пользовался своимъ старшинствомъ, и вѣроятно вскорѣ умеръ, потому что имя его потомъ уже ни разу невстрѣчается въ Рязанскихъ событіяхъ. Такимъ образомъ первое поколѣніе Глѣбовичей сошло со сцены во второмъ десятилѣтіи XIII ст. и уступило мѣсто своимъ сыновьямъ.

Въ 1216 г., послѣ Липецкой битвы, Константинъ возвратилъ свое старшинство, утраченное на время вслѣдствіе отцовскаго завѣщанія. Незамѣтно однако, чтобы онъ имѣлъ значительное вліяніе на дѣла Рязанской области, и для насъ остаются совершенно неизвѣстными его отношенія къ сосѣднимъ князьямъ. Великій Князь по

---

[54]) Л. Пер. Суз. 111.

[55]) П. С. Р. Л. I. 213.

видимому предоставилъ Рязанцевъ самимъ себѣ и не хотѣлъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшиваться въ ихъ внутренніе раздоры. Такое поведеніе со стороны Константина мы объясняемъ во первыхъ дробленіемъ Суздальскаго Княжества; а во вторыхъ кроткимъ, миролюбивымъ характеромъ Великаго Князя, который свою дѣятельность исключительно посвящаетъ на устроеніе собственныхъ волостей.

Источники особенно скупы на извѣстія о Рязанскихъ событіяхъ между смертію Всеволода и нашествіемъ Татаръ. Только одинъ случай обратилъ на себя вниманіе сѣверныхъ лѣтописцевъ (Ипат. л. совсѣмъ о немъ не упоминаетъ) и довольно подробно расказанъ ими. Но и тутъ передъ нами одни результаты предъидущихъ обстоятельствъ, которыя остаются закрытые густымъ туманомъ.

Это было въ 1217 году.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Глѣбъ Владиміровичъ, уже знакомый намъ съ темной стороны по событіямъ 1207 г. Онъ княжитъ повидимому въ самой Рязани; но недовольствуется старшимъ столомъ; а замышляетъ избить родичей вѣроятно для того, чтобы захватить ихъ волости. Глѣбъ дѣйствуетъ въ соединеніи съ братомъ Константиномъ. Ихъ злодѣйскій планъ задуманъ и приведенъ въ исполненіе довольно искусно. Глѣбъ приглашаетъ князей съѣхаться на рядъ, т. е. дружескимъ образомъ за чаркой крѣпкаго меду уладить на время безконечные споры объ удѣлахъ; подобные съѣзды, какъ мы знаемъ, не были рѣдкостію въ древней Руси. Шестеро внуковъ Глѣба, неподозрѣвая западни, явились на его призывъ. Одинъ изъ нихъ Изяславъ Владиміровичъ, мужественный защитникъ Пронска, былъ родной братъ заговорщикамъ; остальные пять приходились имъ двоюродными, именно: Киръ Михаилъ Всеволодовичъ, Ростиславъ и Святославъ Святославичи, Романъ и Глѣбъ Игоревичи. Князья съ своими боярами и слугами приплыли въ лодкахъ и высадились на берегу Оки верстахъ въ 6 отъ столицы на мѣстѣ, называемомъ Исады. Здѣсь подъ тѣнью густыхъ вязовъ разбиты были шатры. 20 Іюля, въ день Пр. Иліи, Глѣбъ пригласилъ въ свой шатеръ остальныхъ князей и съ видомъ радушія принялся угощать своихъ гостей; а между тѣмъ подлѣ шатра были скрыты вооруженные слуги обоихъ заговорщиковъ вмѣстѣ съ Половцами, и ожидали только знака, чтобы начать кровопролитіе. Когда веселый пиръ былъ въ самомъ разгарѣ и головы князей уже порядочно отуманились отъ винныхъ паровъ, Глѣбъ и Константинъ вдругъ

обнажили мечи и бросились на братьевъ... Всѣ шестеро были убиты; вмѣстѣ съ князьями погибло множество бояръ и слугъ [56]).

Конечно главную роль въ этой кровавой, возмутительной драмѣ играла самая личность братоубійцъ; но многое объясняется въ ней и характеромъ времени. Надобно представить себѣ ту отдаленную эпоху, когда волости и старшинство составляли главные интересы князей и поддерживали ихъ страсти въ постоянномъ напряженіи; надобно вспомнить о той грубости и дикости нравовъ, которыя еще упорно сопротивлялись благотворному вліянію христіанства и оставались вѣрны своимъ языческимъ началамъ, особенно по сосѣдству съ такими дикарями, какъ Половцы. Не въ одной Россіи, въ цѣлой Европѣ господствовала тогда грубая физическая сила; въ Германіи XIII вѣкъ представляетъ полное развитіе кулачнаго права. Незамѣтно однако, чтобы эта черная страница Рязанской исторіи произвела особенное впечатлѣніе на современниковъ. Лѣтописецъ начинаетъ свой разсказъ обычнымъ воспоминаніемъ о Каинѣ: о Святополкѣ, о діавольскомъ прельщеніи и пр. потомъ, едва успѣвши передать самый фактъ, онъ обращается къ другимъ событіямъ, такъ что мы остаемся опять въ невѣденіи, что же послѣдовало за сценою братоубійства? и должны довольствоваться собственными соображеніями, основываясь на двухъ, трехъ намекахъ. Во первыхъ, Глѣбъ едва ли имѣлъ намѣреніе истребить всѣхъ родственниковъ; прежде всего онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ болѣе опасныхъ. Во вторыхъ, заговоръ удался не вполнѣ; лѣтопись говоритъ, что не успѣлъ пріѣхать на съѣздъ (только) Ингварь Игоревичъ, потому что „неприспѣло еще его время". Слѣдовательно на убійство обречено было семь старшихъ князей; одинъ изъ семи спасся, именно Ингварь Игоревичъ. Онъ то явился мстителемъ за смерть братьевъ и началъ войну съ убійцами. Мы опять знаемъ только результаты этой войны. Ингварь, получивъ помощь отъ Великаго Князя Владимірскаго Юрія, одолѣлъ противниковъ; Глѣбъ съ братомъ бѣжалъ къ своимъ союзникамъ Половцамъ. Нѣсколько разъ возвращались они къ Рязани съ толпами варваровъ, но безъ успѣха; наконецъ въ 1219 г. Владиміровичи окончательно были разбиты Игоревичами [57]), бѣжали въ

---

[56]) Лавр. 186. П. С. Р. Л. III. 36. Ник. II. 334.

[57]) Воскр. Лѣт. 126. Въ Лавр. 188 сказано: „Ингварь съ своею братьею": а въ Ник. II. 341: „Братаничже ихъ князь Юрій Игоревичъ совокупишась и з братьею".

степи, и болѣе не показывались на Рязанской украйнѣ. Есть преданіе, что Глѣбъ въ безуміи окончилъ свою жизнь; впрочемъ это уже извѣстное по Русскимъ лѣтописямъ наказаніе для братоубійцъ. Константинъ послѣ встрѣчается въ югозападной Руси; именно въ 1241 г. мы находимъ его въ службѣ Ростислава Михайловича Черниговскаго. Спустя 20 лѣтъ сынъ его Евстафій, котораго лѣтопись называетъ окаяннымъ и безбожнымъ, является въ Литовскихъ полкахъ, ходившихъ на Польшу; а въ 1264 г. онъ погибъ въ Литвѣ во время смутъ, наступившихъ послѣ смерти Миндовга [58]).

За тѣмъ лѣтописи опять набрасываютъ покрывало на Рязанскія событія, и забываютъ объ этомъ уголкѣ древней Руси до самаго 1237 г. Такое молчаніе заставляетъ предполагать, что здѣсь послѣ жестокой усобицы настала тишина, которую изрѣдка нарушали незначительныя схватки съ дикарями или мелкія княжескія несогласія, необратившія на себя вниманіе современниковъ. По смерти Ингваря († 1220—1224) старшій Рязанскій столъ перешелъ къ его брату Юрію. Сколько можно судить о послѣднемъ по его поведенію въ бѣдственную годину Татарскаго нашествія, т. е. слѣдуя отголоску народнаго преданія, это былъ князь умный, мужественный, умѣвшій пріобрѣсти уваженіе младшихъ родичей и по возможности держать ихъ въ повиновеніи. Отношенія его къ Великому Князю Владимірскому для насъ довольно загадочны: извѣстіе о помощи, оказанной послѣднимъ въ 1219 г., предполагаетъ союзъ и дружбу; а отказъ Юрія II соединиться съ Рязанцами противъ Батыя набрасываетъ тѣнь на эти отношенія. Такую перемѣну можно объяснить притязаніями на господство съ одной стороны и стремленіемъ къ полной независимости съ другой. Между обычными походами Суздальскихъ и Муромскихъ дружинъ на Болгаръ и Мордву только разъ, подъ 1232 г. упоминается объ участіи Рязанцевъ.

Прежде нежели будемъ продолжать разсказъ о событіяхъ Рязанскаго княжества, бросимъ взглядъ на его внутреннее состояніе въ концѣ XII и началѣ XIII в., на сколько позволяютъ это сдѣлать наши скудные источники. Въ жизни каждаго народа встрѣчаются грани, которыя съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ себѣ права гражданства въ исторической литературѣ; слѣдуя обычаю, необходимо останавливаться передъ ними для того, чтобы оглянуться на-

---

[58]) Ипат. 180, 200, 202.

задъ, вывести результаты изъ пройденнаго періода, и на описаніи мирной, домашней дѣятельности народа нѣсколько отдохнуть послѣ утомительной перспективы безконечныхъ войнъ. Къ такимъ рубежамъ въ нашей исторіи принадлежитъ начало Татарскаго ига, важное вліяніе котораго на послѣдующее развитіе Русской жизни не можетъ быть подвержено сомнѣнію. Нѣтъ нужды прибавлять, что оно имѣло особенную важность въ исторіи Рязанскаго Княжества, которое должно было выдержать первый и самый сильный ударъ дикихъ завоевателей.

ГЛАВА III.

Внутреннее состоянiе Рязанскаго Княжества въ концѣ XII и началѣ XIII вв.

Природа края. Города по Окѣ и Пронѣ. Основное ядро Княжества. Границы. Муромскiй удѣлъ. Сосѣдство съ Мордвою и Половцами. Христiанскiй элементъ населенiя. Характеристика князей и народа. Рязанскiе бояре. Средства пропитанiя. Торговыя сношенiя.

Географическое положенiе Рязанской области вообще можно обозначить среднимъ теченiемъ Оки вмѣстѣ съ ея притоками. Распредѣленiе пространства и населенiя по обѣ стороны было неравное; южная часть далеко преобладала надъ сѣверною. Природа края не представляетъ большаго разнообразiя въ формахъ своей поверхности. Сѣверная, т. е. Мещерская, сторона Оки есть низменная, болотистая полоса съ тощею, песчаною почвою. Въ старину она сплошь покрыта была лѣсами, значительные остатки которыхъ сохранились до нашихъ временъ. Бѣдное финское населенiе, затерявшееся въ этихъ лѣсахъ, долго удерживало свою первобытную физiономiю, и только въ недавнее время его можно назвать обрусѣвшимъ. Не такъ бѣдна и однообразна природа на южной или собственно Рязанской сторонѣ Оки. Здѣсь поверхность замѣтно поднимается; пригорки и углубленiя сообщаютъ ей волнообразный характеръ; почва, сначала глинистая, чѣмъ далѣе идетъ къ югу, тѣмъ болѣе и болѣе переходитъ въ черноземную. Въ старину и эта полоса была богата лѣсами; но они оставляли довольно пространства лугамъ и нивамъ, и придавали мѣстности болѣе живописные виды, нежели на сѣверѣ. На югъ эта полоса ограничивалась тою кривою линiей, которая обозначаетъ водораздѣлъ притоковъ Оки и Дона между верховьями Упы и Воронежа. Далѣе къ югу лѣса болѣе и болѣе рѣдѣли и уступали мѣсто кустарникамъ, которые переходили въ открытую степь.

Первое славянское поселеніе, первое зерно русской цивилизаціи, брошенное на финскую почву средней Оки, какъ извѣстно, былъ городъ Рязань. Онъ лежалъ на крутомъ берегу рѣки, версты четыре ниже устья Прони. Судя по остаткамъ Старо-Рязанскихъ валовъ, площадь города представляла форму прямоугольника, и имѣла въ длину немного болѣе $^3/_4$ версты, а въ ширину немного менѣе. Изъ внутреннихъ построекъ города положительно извѣстенъ только каменный соборъ во имя Бориса и Глѣба, сооруженный, если не ошибаемся, Глѣбомъ Ростиславичемъ. Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ храмѣ подъ 1194 г. потому, что въ немъ похороненъ былъ Игорь Глѣбовичъ [1]). Новѣйшія археологическія изслѣдованія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что до XIV в. онъ служилъ мѣстомъ погребенія для княжеской фамиліи [2]). Мы уже говорили, что основаніе Рязани, какъ Черниговской колоніи, удовлетворяло современнымъ стратегическимъ и административнымъ потребностямъ. Потомъ, когда этотъ городъ сдѣлался центромъ особеннаго княжества, то естественно онъ послужилъ исходнымъ пунктомъ, откуда Славянскія поселенія мало по малу распространились по окрестнымъ землямъ. Князья Рязанскіе, какъ и всѣ другіе, старались увеличивать число городовъ въ своихъ волостяхъ. Этимъ числомъ измѣрялось въ то время могущество князей; города лучше всего закрѣпляли за ними туземныя племена и служили защитою для края. Судя по незначительнымъ размѣрамъ дошедшихъ до насъ городковъ и городищъ, построеніе такихъ укрѣпленій не представляло большихъ трудностей, и для нихъ всегда можно было найти нѣсколько десятковъ или сотенъ

---

[1]) Ник. II. 260.

[2]) Въ 1836 г. одинъ купеческій сынъ изъ города Спаска, по имени Дмитрій Тихоміровъ, молодой ревностный археологъ производилъ цѣлое лѣто раскопки на Старо-Рязанскомъ городищѣ, и снесъ одинъ изъ двухъ холмовъ, который по преданію заключалъ въ себѣ остатки собора. Дѣйствительно здѣсь открыты были основаніе церкви, полъ изъ каменныхъ плитъ, большое количество гробовъ изъ тесанаго камня со скелетами внутри, остатки одеждъ и пр. Подробности открытій см. въ статьѣ того же Тихомірова: „Историч. свѣд. объ археологич. изслѣд. въ Старой Рязани". М. 1844. г. Другой холмъ, который по преданію образовался на мѣстѣ княжескаго терема, къ сожалѣнію до сихъ поръ остается нетронутымъ. Г. Ходаковскій, въ опроверженіе г. Калайдовича (Письма къ А. Ѳ. Малиновскому), доказывалъ, что предположеніе о княжескомъ дворцѣ невѣроятно, потому что въ XIII ст. еще не было въ обыкновеніи у Русскихъ князей жить въ каменныхъ дворцахъ. Оба холма по его мнѣнію заключаютъ остатки церквей. Ист. сборн. Погод. Т. I.

людей отъ излишка населенія, накопившагося въ другихъ мѣстахъ, потомъ изъ туземныхъ жителей, изъ плѣнныхъ и т. д.

Главное и самое естественное направленіе, которому подчинилось движеніе Рязанской колонизаціи, пошло вверхъ по Окѣ; она служила проводникомъ Славянской гражданственности въ Мещерскую глушь и была жизненною артеріею для цѣлаго края. Притомъ борьба между Рязанскимъ и сосѣднимъ Суздальскимъ княжествомъ началась уже съ конца XI ст.; слѣдовательно являлась насущная потребность оградить себя крѣпостями съ этой стороны. Правый берегъ Оки на всемъ протяженіи Рязанской области господствуетъ надъ лѣвымъ; мѣстами онъ довольно высокъ, обрывистъ и въ прежнія времена представлялъ много удобныхъ пунктовъ для укрѣпленія. Дѣйствительно въ концѣ XII и въ началѣ XIII вв. мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ крѣпостей. Самыми очевидными слѣдами ихъ существованія служатъ остатки земляныхъ валовъ, кое гдѣ уцѣлѣвшіе по окраинамъ крутаго берега; другія напоминаютъ о себѣ названіями селъ и деревень, каковы: Городецъ, Городище, Городецкая и пр.; были и такія, которыя не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Если отъ Рязани пойдемъ вверхъ по Окѣ, то первый извѣстный городъ на правомъ берегу встрѣчается намъ Ожскъ. Далѣе за нимъ находимъ Ольговъ [3]), который занималъ высокій обрывистый уголъ, образуемый впаденіемъ въ Оку рѣчки Гусевки. Слѣды крѣпости замѣтны до сихъ поръ. Между двумя упомянутыми городами лежалъ третій Козарь, но только на противуположномъ берегу рѣки. Объ немъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1147 г. „Того же лѣта въ Резани во градѣ Козари отъ иконы святыя Пятницы быша чудеса и исцѣленія многа“ [4]). Верстахъ въ 12 повыше Ольгова возникалъ Переяславль Рязанскій. Происхожденіе этого города связано съ религіознымъ началомъ. Подъ 1095 г. упомянуто о заложеніи его около церкви св. Николы Стараго; а потомъ подъ 1198 г. говорится, что при Великомъ князѣ Рязанскомъ Романѣ Игоревичѣ епископъ Арсеній

---

[3]) Лавр. 182. Судя по расказу лѣтописи, Ожскъ былъ недалеко отъ Ольгова внизъ по Окѣ, можетъ быть, на мѣстѣ одного изъ теперешнихъ селъ Вышгорода или Половскаго; первое обращаетъ на себя вниманіе своимъ именемъ, а второе слѣдами осыпей со стороны рѣки.

[4]) Ник. II. 103. Мы предполагаемъ его мѣстность тамъ, гдѣ теперь находится село того же имени. Впрочемъ въ этомъ отношеніи сомнительно полагаться на одну Ник. лѣт., которая неслишкомъ разборчиво придаетъ многимъ мѣстамъ названіе городовъ.

І-й заложилъ Переяславль у Озера Карасева [5]). Эти два извѣстія объ основаніи того же города нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Если существовала церковь, то подлѣ нея навѣрно было какое нибудь поселеніе. Въ концѣ XI в. положено начало укрѣпленіямъ; ихъ то надобно подразумѣвать въ первомъ извѣстіи о заложеніи города. Въ послѣдствіи явилась потребность увеличить его размѣры, и, спустя столѣтіе, въ Переяславлѣ воздвигаются новыя укрѣпленія по благословенію перваго Рязанскаго епископа съ молитвословіемъ и освященіемъ воды [6]). Верстахъ въ 30 повыше Переяславля лежалъ городъ Борисовъ-Глѣбовъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1180 г. [7]). На рѣкѣ Москвѣ близъ ея устья стояла знаменитая Коломна [8]). Въ первый разъ въ лѣтописи она является подъ 1177 г. по случаю похода Всеволода на Глѣба Рязанскаго; послѣднему можно приписать ея построеніе. Этотъ городъ немного выдавался за естественную границу Рязанскаго княжества и долженъ былъ служить ему оплотомъ со стороны сосѣдняго Суздаля. Коломна, какъ мы видѣли, была первою преградою на томъ водномъ пути, которымъ обыкновенно Суздальскіе князья отправлялись на Рязанскую землю; тотъ же водный путь связывалъ Суздальскую область съ волостями Сѣверскихъ князей или собственно съ землею Вятичей, что было невыгодно для Рязанцевъ въ случаѣ одновременной вражды съ тѣми и другими сосѣдями; примѣръ тому мы уже видѣли во время войнъ

---

[5]) Ряз. Дост.

[6]) При этомъ позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующую догадку. Съ XV вѣка положительно извѣстно, что Переяславль Рязанскій состоялъ собственно изъ двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ города (кремля) и острога, которые стояли рядомъ другъ подлѣ друга. Очень можетъ быть, что второе извѣстіе объ основаніи Переяславля относится къ острогу. Самое участіе Епископа въ этомъ дѣлѣ становится понятно, если вспомнимъ, что внутри острога помѣщалась соборная Борисо-Глѣбская церковь; тутъ же находились архіерейскій домъ и владычняя слобода.

[7]) Лавр. 164 По смыслу лѣтописнаго расказа этотъ городъ стоялъ на дорогѣ отъ Коломны къ Старой Рязани. Вѣроятно онъ находился на правомъ берегу Оки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ запустѣлое *Романово* городище съ значительными остатками укрѣпленій. По туземному преданію городище запустѣло отъ того, что жители его переведены въ нынѣшній уѣздный Ярославской губ. городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ; а городищенская церковь Бориса и Глѣба перенесена въ близь лежащее село Вакино. Изсл. и Лек. Погод. IV. 248.

[8]) „*Коломень* ближайшій округъ; *околомень* подлѣ". Чт. Об. И. и Д. 3. Опытъ рус. прост. слов. Макарова.

Юрія Долгорукаго съ Ростиславомъ Рязанскимъ. Слѣдовательно, положеніе Коломны въ стратегическомъ отношеніи было очень важно; отсюда понятно, почему оно становится постояннымъ яблокомъ раздора между двумя княжествами. Близъ впаденія Осетра, по лѣвую сторону, возвышались укрѣпленія Ростиславля. Это единственный Рязанскій городъ, за исключеніемъ Переяславля, объ основаніи котораго упоминаютъ лѣтописи: Ростиславъ Ярославичъ построилъ его въ 1153 г. [9]). Если не ошибаемся, это былъ крайній сѣверозападный пунктъ собственно Рязанскихъ поселеній. Здѣсь онѣ сталкивались съ городами Вятичей, которыхъ построеніе шло на встрѣчу Рязанскимъ, т. е. отъ верховьевъ Оки.

Въ одно время съ своимъ главнымъ направленіемъ Рязанская колонизація, исходя отъ того же пункта, пошла еще вверхъ по Пронѣ, и составила другую линію укрѣпленій, обращенную на югъ. Какъ тамъ представлялась потребность огородить княжество со стороны Суздальцевъ, такъ здѣсь необходимо было воздвигнуть рядъ крѣпостей въ защиту отъ Половцевъ, которые со второй половины XI в. изъ своихъ степей сильно напирали на юговосточныя украйны. Лѣвый берегъ Прони, также какъ правый Оки, возвышенный и холмистый, довольно хорошо соотвѣтствовалъ своему назначенію. Къ сожалѣнію источники сохранили намъ слишкомъ мало именъ, которыя можно было бы размѣстить въ этомъ направленіи. Въ эпоху до-Татарскую мы знаемъ здѣсь только одинъ городъ Пронскъ. О Пронскихъ князьяхъ лѣтопись упоминаетъ еще подъ 1131 г.; какъ о городѣ о немъ въ первый разъ говорится подъ 1146 г. [10]). Онъ стоялъ тамъ же, гдѣ и теперь: на крутомъ берегу Прони, окруженный глубокими лощинами и оврагами. Изъ двукратной осады города въ 1186 и 1207 гг. можно заключить, что положеніе его было довольно крѣпкое и неприступное, что онъ имѣлъ трое воротъ; но что главное неудобство для жителей состояло въ недостаткѣ воды; рыть колодцы вѣроятно было затруднительно по высотѣ площади, и непріятели обыкновенно перехватывали сообщеніе съ рѣкою; а граждане должны были сдаваться отъ жажды. По другую сторону рѣки разстилалось низменное, открытое пространство, которое носило многозначительное названіе Половецкаго поля. Далѣе намъ извѣстно еще одно поселеніе на бе-

---

[9]) Теперь на мѣстѣ его находится погостъ Ращиловъ и видны остатки крѣпости.

[10]) Ник. II. 93.

регахъ Прони ближе къ ея устью, верстахъ въ 30 отъ Рязани, по имени Добрый Сотъ. Лѣтопись не называетъ его городомъ, и все убѣждаетъ въ томъ, что это было простое село [11]). Противъ него лежала переправа на пути изъ Пронска въ Рязань. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Пронска были и другіе города по лѣвому берегу Прони; на это указываютъ съ одной стороны слѣдующее выраженіе лѣтописи по поводу извѣстныхъ событій въ 1207 г. „а самъ (Всеволодъ) поиде къ Рязаню (отъ Пронска), посадники посажавъ своѣ по всѣмъ городомъ ихъ"; съ другой, значительное количество городищъ, разсѣянныхъ по тому же берегу.

Пространство земли, заключенное между Пронею и тою частію Оки, которую мы прослѣдили, составляло неизмѣнное, основное ядро княжества, около котораго Рязанскіе предѣлы въ разныя времена то сжимались, то расширялись. Оно имѣло подобіе треугольника, котораго вершина опиралась на городъ Рязань, а бока расходились по Окѣ и Пронѣ. За третью сторону треугольника приблизительно можно принять линію, проведенную отъ истоковъ Прони къ устью Осетра, т. е. къ городу Ростиславлю. Рѣка Осетръ, если не на всемъ протяженіи, то по крайней мѣрѣ въ среднемъ и нижнемъ теченіи своемъ составляла здѣсь естественную границу Рязанской области. На пограничное значеніе рѣки Осетра указываетъ походъ Святослава Ольговича, который спасался отъ преслѣдованія Давыдовичей въ 1146 г. Этотъ походъ имѣетъ такое же географическое значеніе для земли Вятичей, какое позднѣйшіе походы Всеволода для Рязанской. Особенно замѣчательно самое направленіе пути Святослава. Изъ Козельска онъ пошелъ въ Дѣдославль, т. е. къ верховьямъ Упы; а отсюда двинулся на сѣверъ, перешелъ рѣку Осетръ, и направился къ Колтеску, который по всей вѣроятности лежалъ на правомъ берегу Оки противъ устья рѣчки Лопасни. Нѣтъ сомнѣнія, что путь отъ Дѣдославля въ Колтескъ проходилъ близь западныхъ границъ Рязанскаго княжества. Впрочемъ въ половинѣ XIII в. едва ли эти границы уже опредѣлились. Нижнее теченіе Осетра закрѣплено было за Рязанью основаніемъ Ростиславля и Зарайска. Съ началомъ послѣдняго города связано интересное сказаніе „О приходѣ чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бѣ изъ Корсуня града въ предѣлы Резан-

---

[11]) Лавр. 182. Оно существуетъ и теперь подъ тѣмъ же именемъ и неимѣетъ никакихъ слѣдовъ старинныхъ укрѣпленій.

скіе ко князю Өедору Юрьевичу Резанскому во второе лѣто по Калкскомъ побоищѣ" [12]). Первое основаніе Зарайска можно отнести къ концу XII в. т. е. къ тому времени, когда возникли споры Рязанскихъ князей съ Черниговскими за границы. Хотя построеніемъ Ростиславля заключилось движеніе Рязанской колонизаціи вверхъ по Окѣ, потому что оно сталкивалось съ городами Вятичей, которые были довольно часты въ этомъ мѣстѣ, какъ показываетъ походъ Святослава (Колтескъ, Неринскъ, Тѣшиловъ и Лобынскъ); тѣмъ неменѣе мы рано замѣчаемъ попытки Рязанцевъ занять пограничныя Черниговскія волости. Въ 1176 г. Олегъ Святославичъ Лопастенскій отнялъ у нихъ назадъ Свирѣлескъ; а въ 1194 г. Святославъ Всеволодовичъ собираетъ Черниговскихъ и Сѣверскихъ князей, чтобы идти съ ними на Рязанскихъ, вѣроятно вслѣдствіе подобныхъ же попытокъ. Такимъ образомъ центральная область Рязанскаго княжества, тщательно огороженная съ сѣвера и юга, только на западѣ

---

[12]) Вотъ содержаніе этаго сказанія:

Въ 1224 г. великій чудотворецъ Николай Корсунскій и Зарайскій явился въ городѣ Херсонѣ своему служителю Евстафію во снѣ, и сказалъ ему: „Евстафій возьми образъ мой, супругу свою Феодосію, сына Евстафія и ступай въ Рязанскую землю." Видѣніе повторилось и въ слѣдующую ночь. Евстафій пришелъ въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что онъ *никогда неслыхалъ* о Рязанской землѣ, и незналъ, въ какой сторонѣ она находится. Святитель является въ третій разъ, толкаетъ Евстафія въ ребра, и велитъ немедленно идти, какъ будто (яко) на востокъ, самъ обѣщаясь проводить его до Рязанской земли. Евстафій впалъ еще въ большій трепетъ и уныніе; но продолжалъ медлить, потому что ему не хотѣлось разстаться съ прекраснымъ городомъ Корсунемъ. Наконецъ на него напала слѣпота, и очи покрылись будто чешуею. Тогда Евстафій раскаялся въ своемъ непослушаніи, въ слезахъ припалъ къ чудотворному образу и получилъ исцѣленіе. Собравшись въ путь, онъ сначала думалъ отправиться вверхъ по Днѣпру, надѣясь съ Божіею помощію пройти землю Половцевъ, о которыхъ расказывали ему знающіе люди. Но угодникъ указалъ другой путь: онъ велѣлъ ему сѣсть на корабль въ Днѣпровскомъ устьѣ, и Чернымъ моремъ плыть до моря Варяжскаго; потомъ сухимъ путемъ черезъ Нѣмецкія области идти до Новгорода и оттуда до Рязанской земли. Евстафій все это исполнилъ. Когда онъ остановился на нѣкоторое время въ Новгородѣ, послѣдній такъ понравился его женѣ, что она не хотѣла болѣе слѣдовать за мужемъ и рѣшилась отъ него скрыться; за это ее постигла тяжкая болѣзнь, отъ которой она избавилась только по молитвѣ мужа. Путники наконецъ достигли Рязанской земли. Между тѣмъ какъ Евстафій недоумѣвалъ, гдѣ именно ему остановиться, св. угодникъ явился юному Рязанскому князю Өедору Юрьевичу и велѣлъ ему идти на

представляла неясную и мало защищенную границу. Конечно съ этой стороны ему не грозила такая опасность, какъ съ двухъ другихъ и небыло надобности ее огораживать. Восточный уголъ треугольника, опиравшійся на городъ Рязань, уже нѣсколько выдавался за естественные предѣлы; являлась потребность огородить столицу княжества отъ нечаяннаго нападенія съ той стороны. Дѣйствительно въ окрестностяхъ древней Рязани внизъ по Окѣ можно встрѣтить теперь до 10 мѣстъ, носящихъ названіе городовъ и городищъ; но отъ древней эпохи намъ извѣстно только два имени: Бѣлгородъ и Ижеславецъ. Первый три раза упоминается въ лѣтописяхъ: подъ 1155 г. по поводу убіенія въ немъ тысяцкаго Андрея Глѣбова; въ 1208 г. въ немъ умеръ Олегъ Владиміровичъ и положенъ въ церкви св. Спаса; въ томъ же году онъ былъ сожженъ Всеволодомъ. Судя по смыслу послѣдняго извѣстія, Бѣлгородъ находился недалеко отъ Рязани

встрѣчу своего чудотворнаго образа; „хочу быть здѣсь“, говорило видѣніе, „творить чудеса и прославить это мѣсто; буду молить Бога, чтобы онъ сподобилъ небеснаго царствія тебя вмѣстѣ съ твоею женою и сыномъ“. Ѳедоръ былъ устрашенъ видѣніемъ; особенно его удивляли слова о женѣ и сынѣ, потому что онъ еще не вступалъ въ бракъ. Однако князь отправился немедленно на встрѣчу Корсунцамъ и узналъ чудотворный образъ по лучезарному сіянію. Взявши икону, онъ принесъ ее въ свой удѣлъ и послалъ вѣсть о ея приходѣ къ своему отцу Великому князю Рязанскому Юрію Игоревичу. Послѣдній прибылъ къ сыну вмѣстѣ съ епископомъ Ефросиномъ Святогорцемъ. Они создали храмъ во имя чудотворца Николая Корсунскаго и воротились въ свой городъ. Немного лѣтъ спустя, Ѳедоръ Юрьевичъ вступилъ въ бракъ и взялъ супругу изъ царскаго рода, по имени Евпраксію, которая родила ему сына Іоанна Постника. Когда же князь Ѳедоръ былъ убитъ по повелѣнію Батыя, и вѣсть о томъ дошла до княгини Евпраксіи, она бросилась изъ высокаго терема на землю и заразилась (убилась) вмѣстѣ съ сыномъ. Тѣла супруговъ и сына были погребены возлѣ храма Николая Корсунскаго, который по этой причинѣ сталъ называться Зарайскимъ. (Врем. О. И. и Д. №. 15.) „Чудотворная икона Святителя Николая съ тѣхъ поръ до нынѣ хранится, благоговѣйно чествуемая, въ Зарайскомъ соборѣ, который въ нынѣшнемъ видѣ воздвигнутъ на мѣстѣ прежней церкви въ 1681 г. Но еще прежде, именно въ 1608 г. по повелѣнію царя Василія Ивановича Шуйскаго икона эта окована украшающею ее теперь золотою ризою съ дорогими каменьями“. Надеждинъ. (Ж. М. В. Д. 1848 г. Мартъ). Невходя въ разборъ этого сказанія, мы замѣтимъ только, что оно бросаетъ свѣтъ на нѣкоторыя стороны дотатарской эпохи. Прямое заключеніе, которое изъ него вытекаетъ, состоитъ въ томъ, что на мѣстѣ теперешняго Зарайска въ началѣ XIII в. существовалъ городъ. Княжескій теремъ, погребеніе княжескаго семейства подлѣ храма, подтверждаемое тремя каменными крестами, кото-

внизъ по Окѣ. Ижеславецъ приводится въ числѣ Рязанскихъ городовъ разоренныхъ Батыемъ; онъ, надобно полагать, лежалъ къ северо-востоку отъ столицы близь устья рѣки Пры [13]).

Около описаннаго нами треугольника Рязанскія владѣнія въ разныя времена то сжимались, то расширялись. Но тщетно было бы стараніе назначить имъ точные предѣлы; они никогда не были строго опредѣлены со всѣхъ сторонъ, особенно въ ту эпоху, на которой мы остановились. Причины заключались въ малонаселенности края, который мѣстами представлялъ совершенную дичь и глушь; притомъ Рязань лежала на Русской украйнѣ, которая незамѣтно переходила въ безконечныя степи. Впрочемъ попытаемся на основаніи немногихъ данныхъ приблизительно очертить предѣлы княжества во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII вв.

Пространство, заключенное между Окою, Клязьмою и Москвою, имѣло болотистую почву и почти сплошь было покрыто лѣсами. Славянская колонизація пока еще не проникала въ эти печальныя дебри. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ здѣсь ни одного города, за исключеніемъ прибрежьевъ Оки. На полянахъ посреди лѣсовъ попадались хижины бѣдной Мещеры; кое гдѣ хижины эти собирались въ группы и составляли селенія, особенно по теченію притоковъ Оки. Такъ походъ Кузьмы Родивоновича съ Суздальцами въ 1210 г. указываетъ на присутствіе значительнаго населенія на берегахъ Пры, потому что воевода возвратился назадъ съ большимъ полономъ. Сѣверная граница, отдѣлявшая Рязанскую Мещеру отъ Суздальской,

---

рые поставлены надъ гробницами—все доказываетъ, что здѣсь было мѣстопребываніе удѣльнаго князя Ѳеодора Юрьевича, слѣдовательно поселеніе болѣе или менѣе укрѣпленное. Очень можетъ быть, что позднѣйшее имя Зарайска привело въ забвеніе другое названіе, подъ которымъ этотъ городъ былъ извѣстенъ въ прежнее время. Г. Надеждинъ думаетъ, не назывался ли онъ Новгородъ на Осетрѣ, который упоминается въ числѣ городовъ Рязанскихъ по Воскр. списку. Что касается до имени Зарайскъ (въ Кн. Бол. Черт. Зарасескъ), то нельзя утвердительно сказать, чтобы оно произошло отъ глагола заразить; есть слово *заразы*, означающее одну (лѣсистую) мѣстность на крутомъ берегу Москвы. (Мос. Вѣд. 1857. № 63. Село Коломенское). По мнѣнію нѣкоторыхъ Зарайскъ находится въ связи съ словомъ *рясы*; въ такомъ случаѣ происходитъ отъ одного корня съ Рязанью, Ряжскомъ и пр.

[13]) Въ Зап. объ Арх. Из. въ Ряз. губ. (25—27.) Тихоміровъ предполагаетъ, что Бѣлгородъ былъ на мѣстѣ деревни Городецъ въ 10 верстахъ отъ Рязани, а Ижеславецъ на мѣстѣ села Ижевское; то и другое очень вѣроятно.

начиналась отъ рѣки Москвы нѣсколько выше Коломны; ее можно провести именно отъ устья рѣки Нерской, если предположить, что послы Рязанскаго князя въ 1176 г. встрѣтили Михаила Юрьевича Суздальскаго на границѣ своей земли. Далѣе она шла приблизительно мимо верховьевъ Цны, Пры и Гуся, и терялась въ земляхъ собственно Муромскихъ.

Свѣдѣнія наши о географіи Муромскаго княжества такъ бѣдны, что мы должны довольствоваться почти однѣми предположеніями. Границы его на сѣверѣ простирались по крайней мѣрѣ до Клязьмы, а на югѣ до устьевъ Гуся съ одной стороны и Мокши съ другой. Признаки жизни и дѣятельности въ этомъ углу древней Россіи замѣтны только на берегахъ Оки. Мы рѣшительно не встрѣтили здѣсь ни одного города за исключеніемъ Мурома; можемъ впрочемъ предполагать, что были и другіе: вѣтвь Муромскихъ Ярославичей уже въ XII в. приняла значительные размѣры; немогла же вся она сосредоточиться только въ одномъ Муромѣ; а древніе князья наши не имѣли обыкновенія жить въ неукрѣпленныхъ селеніяхъ, тѣмъ болѣе по сосѣдству съ воинственными дикарями. Самый городъ Муромъ расположенъ на одномъ изъ высокихъ холмовъ лѣваго берега Оки; съ юго-востока къ нему прилегали лѣса, а съ сѣверо-запада поле. (Въ 1096 г. на полѣ передъ городомъ сразились дружины Олега Святославича и Изяслава Владиміровича; часть воиновъ Изяславовыхъ послѣ пораженія искала спасенія въ лѣсу). Имѣя довольно дѣятельныя торговыя сношенія съ Камскими Болгарами, Муромъ очень рано сдѣлался однимъ изъ зажиточныхъ городовъ древней Россіи. Въ стратегическомъ отношеніи онъ до начала XII в. служилъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ Сѣверо-восточной Руси и нерѣдко долженъ былъ выдерживать нападенія со стороны Мордвы и Камскихъ Болгаръ; но въ 1221 г. Великій Князь Владимірскій Юрій II заложилъ на устьѣ Оки Нижній Новгородъ, и Муромъ отчасти утратилъ свое прежнее значеніе. Со времени Долгорукаго Муромское княжество все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ Рязани и увлекалось подъ Суздальское вліяніе, такъ что въ началѣ XIII в. оно сохраняло одну тѣнь самостоятельности, и только безъусловною покорностію сосѣду Муромскіе князья пріобрѣли себѣ право на спокойное владѣніе своими волостями. Связь Мурома съ Рязанью впрочемъ долго не прекращалась, потому что кромѣ родства княжескихъ вѣтвей ее поддерживали церковныя отношенія; сначала оба княжества въ дѣлахъ

іерархіи подчинены были Черниговскому епископу, а съ конца XII вѣка составили вмѣстѣ особую епископію. Но самою живою непрерывною связью, разумѣется, служила имъ кормилица Ока; если мы неможемъ указать на города, которые существовали по ея берегамъ между Муромомъ и Ижеславлемъ, по крайней мѣрѣ селенія рыбаковъ не были тамъ рѣдки. Въ 1228 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ умеръ схимникомъ Давидъ Юрьевичъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ кончины одного изъ своихъ сыновей. Отцовскую волость наслѣдовалъ другой сынъ, Юрій. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ сестра его, бывшая за мужемъ за Святославомъ, сыномъ Всеволода III, въ томъ же году удалилась въ Муромъ къ братьямъ и постриглась здѣсь въ монастырь [14]. Конечно Юрій Давидовичъ не одинъ властвовалъ въ княжествѣ, и долженъ былъ дѣлить его съ родными и двоюродными братьями.

На востокѣ и югѣ Рязанскіе предѣлы еще менѣе могли имѣть опредѣленный характеръ, нежели на сѣверѣ и западѣ. Въ послѣднемъ случаѣ распространеніе границъ встрѣчало сильное противодѣйствіе со стороны Суздальскихъ и Сѣверскихъ князей, между тѣмъ какъ въ противуположномъ направленіи Рязанская колонизація довольно свободно могла углубляться въ сосѣдніе лѣса и степи. Здѣсь она встрѣчала дикія племена Финновъ и Половцевъ, которые должны были отступать передъ высшею ступенью гражданственности, и дѣйствительно границы княжества незамедлили далеко раскинуться въ эту сторону. На востокѣ онѣ терялись въ Мордовскихъ дебряхъ. Впрочемъ мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, чтобы указать на нихъ приблизительно. Во-первыхъ городъ Кадомъ, упоминаемый подъ 1209 г., можно принять за крайній Рязанскій пунктъ по рѣкѣ Мокшѣ; во-вторыхъ при нашествіи Батыя говорится, что Татары стали на Онозѣ, а Рязанскіе князья встрѣтили ихъ на границахъ своихъ владѣній и стали на Воронежѣ. Что берега Воронежа были заселены,

---

[14]) Лавр. 191. По поводу смерти Давида Юрьевича и его сына Карамзинъ въ видѣ вопроса предложилъ слѣдующую догадку: „не сынъ ли сего Давида признанъ Святымъ подъ Именемъ Петра, коего память бываетъ 25 Іюня? см. Прологъ. Мощи сего князя и супруги его Февроніи лежатъ въ Муромскомъ соборѣ“. III. пр. 369. Есть другое мнѣніе, которое подъ св. княземъ Петромъ разумѣетъ самаго Давида Юрьевича. „Памят. и пред. Влад. губерніи“. Отеч. Зап. 1857 г. Іюнь. (О. Іоасафъ). О житіи Константина и чадъ его и о житіи князя Петра и Февроніи см. въ Описаніи Румянц. Музея Востоковымъ. №. CLXIII. 213 стр.

на это указываетъ эпизодъ о Ярополкѣ Ростиславичѣ, который послѣ битвы на Колокшѣ искалъ убѣжища у здѣшнихъ жителей [15]). Во второй половинѣ XI и въ началѣ XII вв. все пространство къ югу отъ Прони было занято кочевьями Половцевъ; но въ XII столѣтіи Славянское начало мало по малу стало оттѣснять кочевниковъ далѣе въ степи. Берега верхняго Дона покрылись цвѣтущими городами; впрочемъ дѣйствительно ли они были „красны и нарочиты зѣло,“ какъ говорится въ извѣстномъ путешествіи митрополита Пимена, объ этомъ судить трудно; можетъ быть авторъ увлекся тутъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Имена этихъ городовъ остались для насъ неизвѣстны за исключеніемъ одного или двухъ. Недалеко отъ истоковъ Дона, какъ видно, лежалъ Киръ Михайловъ; по названію города можно предположить, что основателемъ его былъ Пронскій князь Киръ Михаилъ; Пронскъ, какъ видно служилъ митрополіею Придонскихъ колоній. Далѣе можно еще назвать Дубокъ на Дону [16]). Самымъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ на Рязанской украйнѣ былъ Елецъ, расположенный на нижнемъ теченіи Быстрой Сосны; онъ упоминается въ первый разъ подъ 1147 г. [17]).

Итакъ съ востока и юга Муромо-Рязанское княжество въ видѣ дуги облегало обширныя земли Мордвы и Половцевъ. Сосѣдство дикарей, конечно, не могло не имѣть значительнаго вліянія на внутреннее и внѣшнее развитіе княжества: отношенія къ нимъ вообще были враждебныя. Рѣже лѣтописи упоминаютъ о войнахъ съ Мордвою, чаще о Половцахъ. До XIII в. мы собственно одинъ разъ встрѣтили серьезную войну съ первыми, именно въ 1103 г.; о мелкихъ столкновеніяхъ лѣтописцы умалчиваютъ; слухи изъ этой глухой стороны, конечно, доходили до нихъ рѣдко. Поэтому для насъ очень важно описаніе походовъ, которые были совершены въ 20-хъ годахъ XIII ст. войсками Великаго Князя Юрія II. Первый походъ предпринятъ былъ осенью 1228 г. подъ начальствомъ племянника Юрьева Василька и боярина Еремея Глѣбовича Окою и Волгою; но изъ за

---

[15]) Лавр. 163. Въ Ник. II. 236 г. сказано, что онъ здѣсь переходилъ изъ города въ городъ; но мы уже замѣтили, что ея слова въ этомъ случаѣ нельзя принимать буквально.

[16]) Ник. II. подъ 1146.

[17]) Гораздо вѣроятнѣе однако, что этотъ городъ въ тѣ времена принадлежалъ Сѣверскому княжеству, а не Рязанскому, какъ показываетъ раздѣлъ волостей между сыновьями Михаила Всеволодовича Черниговскаго въ половинѣ XIII в.

Нижняго они воротились по случаю ненастной погоды. Зимою того же года, въ январѣ, самъ Великій Князь съ братомъ Ярославомъ, двумя племянниками и Юріемъ Давидовичемъ Муромскимъ двинулся въ Мордовскую землю и напалъ на волость Пургаса. Русскіе пожгли и потравили жито, избили скотъ, а плѣнниковъ отослали домой. Мордва укрылась въ лѣса и тверди; а тѣ, которые не успѣли спастись, были избиты отроками Юрія. Отроки другихъ Суздальскихъ князей, желая также отличиться или расчитывая на добычу, потихоньку углубились въ лѣсную чащу; но попали въ засаду, и были истреблены непріятелями, которые въ свою очередь не избѣжали мести со стороны Русскихъ. Въ тоже время одинъ изъ Болгарскихъ князей пришелъ на Пуреша, другаго Мордовскаго владѣтеля и притомъ Юрьева присяжника; но, услыхавъ о томъ, что Великій Князь жжетъ Мордовскія села, ночью бѣжалъ назадъ. Русскіе князья воротились домой съ полнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году Пургасъ попытался было отомстить за опустошеніе своей волости и напалъ на Нижній Новгородъ; но былъ отбитъ. Потомъ сынъ Пуреша напалъ съ Половцами на Пургаса, истребилъ его войска и Русскихъ, находившихся у него въ службѣ, такъ что Пургасъ едва спасся съ немногими людьми [18]). Въ 1232 г. Великій Князь опять посылалъ свои войска на Мордву съ Муромскою и Рязанскою помощью; Русскіе снова пожгли непріятельскія селенія. Эти войны бросаютъ свѣтъ на географическое состояніе и бытъ Мордовскаго племени въ тѣ времена и приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Страна ихъ была покрыта дремучими лѣсами; Мордвины вели жизнь осѣдлую, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, жили въ селеніяхъ. Хотя городовъ не встрѣчаемъ; но слово тверди, употребленное лѣтописцемъ, заставляетъ предполагать какія то особенныя мѣста, вѣроятно укрѣпленныя самою природою. Можно также предположить существованіе торговой дѣятельности по сосѣдству съ Болгарами и Русскими. Въ политическомъ отношеніи Мордва не представляла никакого единства и управлялась туземными князьями. Эти князья часто находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою; таковы Пургасъ и Пурешъ. Усобицы, ослабляя силы Мордовскаго племени, заставляли владѣтелей искать себѣ союзниковъ, и такимъ образомъ облегчали сосѣднимъ народамъ доступъ въ глубину Мордовскихъ земель: такъ Пурешъ прибѣгъ къ покровительству Великаго Князя Владимірскаго;

---

[18]) Лавр. 191, 192.

а Пургасу помогаютъ Болгары. Мѣстные владѣтели настолько богаты, что могутъ нанимать иноземныхъ ратниковъ: у Пургаса находимъ въ службѣ сбродную русскую дружину; а сынъ Пуреша приходитъ на него съ Половцами. Все это показываетъ, что въ XII в. Мордвины начинаютъ группироваться въ значительныя массы, во главѣ которыхъ становятся туземные князья, вѣроятно соединившіе въ своихъ рукахъ власть прежнихъ сельскихъ старшинъ. Такое соединеніе въ массы дало имъ возможность съ большимъ успѣхомъ тѣснить сосѣдей, что безъ сомнѣнія и вызвало походы въ такихъ значительныхъ силахъ со стороны Великаго Князя Владимірскаго, который въ свою очередь воспользовался междоусобіями мѣстныхъ владѣтелей.

Не такимъ осѣдлымъ какъ Мордва, но еще болѣе дикимъ и безпокойнымъ народомъ являются Половцы. Южная часть Рязанской украйны была охвачена ими съ трехъ сторонъ; русскіе города на берегахъ Дона и поселенія на Воронежѣ, кажется, немѣшали варварскимъ ордамъ иногда раскидывать свои кочевья внутри угла, который образуютъ эти двѣ рѣки. Борьба Рязанцевъ съ Половцами шла непрерывно до самаго появленія Татаръ. Съ половины XII в. перевѣсъ замѣтно склоняется на сторону первыхъ; Половцамъ удаются внезапные набѣги; но лишь только варвары заслышатъ, что Рязанскіе князья собираются вмѣстѣ, они немедленно бѣгутъ въ степи. Въ преслѣдованіяхъ своихъ князья все болѣе и болѣе углубляются въ Половецкія земли; напр. въ 1150 г. они побили ихъ на рѣкѣ Великой Воронѣ, а въ 1199 г. вмѣстѣ со Всеволодомъ III прогнали Половцевъ къ берегамъ моря и прошли вдоль всѣ Придонскія степи. Но такіе походы не могли прекратить набѣговъ; княжескія усобицы по прежнему давали поводъ варварамъ опустошать русскія поля и селенія то въ видѣ разбойниковъ, то въ качествѣ союзниковъ. Князья дружились съ ханами, вступали съ ними въ родство, искали у нихъ убѣжища и войска въ случаѣ своихъ неудачъ.

Такое сосѣдство какъ Мордва и въ особенности Половцы, разумѣется, могло только задерживать внутреннее развитіе Рязанскаго княжества и положило своего рода печать на формы быта. Оно вредило благосостоянію края и поддерживало въ постоянномъ напряженіи грубыя физическія силы народа.

Трудно опредѣлить, на сколько Славянскій элементъ въ продолженіе перваго періода въ исторіи Муромо-Рязанскаго княжества проникъ массу туземнаго населенія; но, вообще говоря, въ началѣ XIII в.

онъ не былъ еще значителенъ. Къ нему принадлежало, конечно, большинство городскаго сословія и часть сельскихъ жителей между Окою и Пронею; особенно скоро разросталось Славянское племя по берегамъ Оки. Отъ начала XIII в. до насъ дошли названія пяти погостовъ, расположенныхъ по близости городка Ольгова; во-первыхъ, всѣ они звучатъ по Славянски, а во-вторыхъ представляютъ довольно значительную цифру населенія, именно: Песочна съ 300 семей, Холохолна со 150, Заячины съ 200, Веприя съ 220 и Заячковъ со 160 семей [19]). Пространство на сѣверъ и востокъ отъ этой полосы было обитаемо почти сплошнымъ Финскимъ населеніемъ, т. е. Мерею, Мещерою и Мордвою, за исключеніемъ городовъ.

Постепенная славянизація Рязанскаго края тѣсно была связана съ успѣхами христіанства. Эти два явленія шли постоянно рука объ руку въ отдаленныхъ концахъ древней Руси и взаимною помощью облегчали свое движеніе. До насъ не дошли имена проповѣдниковъ и подвижниковъ христіанской религіи на Рязанской украйнѣ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь; но вообще можно замѣтить, что успѣхи христіанства совершались здѣсь тихо, медленно, безъ особенной борьбы. Нѣтъ возможности опредѣлить границы между крещенымъ и языческимъ населеніемъ; знаемъ только, что первое сосредоточивалось въ той же центральной области, преимущественно по берегамъ Оки. Умножавшееся количество храмовъ служитъ лучшимъ признакомъ распространенія святой религіи. Кромѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, въ источникахъ встрѣчаются общія выраженія, которыя намекаютъ на значительное число храмовъ въ древней Рязанской области. Въ 1207 г. епископъ Арсеній посылаетъ сказать Всеволоду: „Князь великій! не опусти мѣстъ честныхъ; не пожги церквей святыхъ, въ нихъ же жертва Богу и мольба створяется за тя"; въ 1237 г. Татары на пути своемъ къ Рязани „много святыхъ церквей огневи предаша и монастыри и села пожгоша". Въ 1132 г., по извѣстію лѣтописи, принялъ крещеніе въ Рязани Половецкій князь Амуратъ; а въ сказаніи о нашествіи Батыя говорится въ похвалу Рязанскихъ князей, что они своею ласкою привлекали къ себѣ многихъ дѣтей и братьевъ отъ невѣрныхъ царей и обращали ихъ къ истинной вѣрѣ. Здѣсь подъ именемъ невѣрныхъ царей, конечно, надобно разумѣть половецкихъ хановъ, родственники которыхъ вступали иногда въ службу сосѣднихъ русскихъ князей и при-

---

[19]) Ак. Ист. I. № 2. Грамота Олега Ольгову монастырю.

нимали крещеніе. Тѣмъ не менѣе въ началѣ XIII в. христіанство еще не успѣло проникнуть въ глубь Мещерскихъ и Мордовскихъ лѣсовъ, разумѣется за исключеніемъ городовъ и ихъ ближайшихъ окрестностей. Распространеніе и утвержденіе церкви въ этомъ краю получило новую силу со времени отдѣленія Муромо-Рязанской области отъ Чернигова въ епархіальномъ отношеніи, въ 1198 г. [20]). Мы видѣли, какое дѣятельное участіе принималъ первый Рязанскій епископъ Арсеній въ событіяхъ княжества при Всеволодѣ III; дѣятельность его совсѣмъ непохожа на вѣроломный, по лѣтописямъ, поступокъ Порфирія. По случаю принесенія Корсунскаго образа мы узнаемъ, что въ 1225 г. Рязанскимъ епископомъ былъ Ефросинъ Святогорецъ, т. е. пришлецъ съ Аѳонской горы. Тотъ же Ефросинъ, кажется, управлялъ епархіею въ эпоху Татарскаго нашествія. Постоянное присутствіе и непосредственный надзоръ епископа, разумѣется, много способствовали благоустройству Рязанской церкви и поощряли усердіе христіанскихъ проповѣдниковъ.

Извѣстно, какіе глубокіе корни въ древней Россіи пустило монашество и какъ быстро съ XI столѣтія начало возрастать повсюду число монастырей. Въ Рязанскомъ краю было также много обителей, какъ и въ другихъ мѣстахъ; но очень немногіе изъ нихъ возводятъ свое происхожденіе къ эпохѣ дотатарской. Источники указываютъ только на одинъ Олеговъ монастырь, который существуетъ до сихъ поръ въ 12 верстахъ отъ губернскаго города на высокомъ обрывистомъ берегу Оки; глубокою лощиною рѣчки Гусевки онъ отдѣляется отъ того мѣста, гдѣ лежалъ городокъ Ольговъ. Основаніе обители положено Великимъ княземъ Рязанскимъ Ингваремъ Игоревичемъ; онъ вмѣстѣ съ братьями Юріемъ и Олегомъ построилъ здѣсь храмъ во имя Богородицы. При заложеніи храма съ князьями находилось 300 бояръ и 600 простыхъ дружинниковъ; князья отдали въ мона-

---

[20]) Время этого событія опредѣляли различнымъ образомъ. См. сводъ разныхъ мнѣній въ Ряз. Вѣд. 1854 г. №. 38. Мы принимаемъ хронологію Татищева, который говоритъ, что Рязанская епископія учреждена въ 1198 г. по просьбѣ князя Ярослава Глѣбовича, соизволеніемъ его тестя Великаго князя Кіевскаго Рюрика Ростиславича и митрополита Іоанна. Епископомъ ея поставленъ былъ одинъ изъ игуменовъ, Арсеній, 26 Сентября того же года. (III. 329). Неизвѣстно откуда Татищевъ заимствовалъ такое точное показаніе; но самая точность ручается за то, что онъ его не выдумалъ. Послѣдующія событія совершенно съ нимъ согласны.

стырское владѣніе 9 бортныхъ участковъ и 5 погостовъ со всѣми угодьями [21]). Это тотъ самый Ингварь Игоревичъ, который въ 1217 г. спасся отъ бойни, устроенной Глѣбомъ и Константиномъ. Въ 1219 г. онъ окончательно побѣдилъ братоубійцъ; очень можетъ быть, что вслѣдъ за тѣмъ Ингварь выстроилъ монастырь въ благодарность за свое спасеніе [22]). Къ той же эпохѣ надобно отнести начало Богословскаго монастыря, если вѣрить одному преданію, которое съ нимъ связано [23]).

Несмотря на внѣшнія признаки благочестія, нескоро обнаружилось въ Рязанскомъ краю смягчающее вліяніе христіанства на народную нравственность. Этому благодѣтельному вліянію мѣшали многія обстоятельства, при которыхъ складывался характеръ населенія. Мещера составлявшая главную массу населенія, въ теченіе всей Русской Исторіи играетъ страдательную роль, и очень немногими событіями обнаруживаетъ свое существованіе; за то соплеменная съ нею Мордва, жившая далѣе къ востоку, издавна является народомъ съ самостоятельною дѣятельностію и съ воинственнымъ, безпокойнымъ характеромъ. Въ XII и XIII в. финскій элементъ повидимому только начиналъ проникаться славянскимъ началомъ, разумѣется, переработывая по своему и значительно искажая это начало. Съ другой стороны и господствующая часть населенія не отличалась привлекательными свойствами. На Рязанской украйнѣ характеръ Вятичей, къ которымъ по всей вѣроятности принадлежало большинство Рязанскихъ колонистовъ, не скоро могъ смягчиться при постоянныхъ междоусобіяхъ, при борьбѣ съ сосѣдними княжествами и въ особенности съ степными кочевниками. Послѣдніе также внесли свой варварскій элементъ въ составъ Рязанскаго населенія. Отсутствіе безопасности и безпрерывный страхъ потерять свое иму-

---

[21]) Акты Ист. I. № 2.

[22]) Послѣдняя догадка встрѣчается въ статьѣ „Ольговъ Монастырь.“ Ряз. Вѣд. 1855 г. №. 9.

[23]) Въ Монастырѣ находилась икона Іоанна Богослова, написанная въ Царьградѣ какимъ то Гусаремъ. Когда въ 1237 г. Батый приблизился къ обители съ намѣреніемъ расхитить ея сокровища, онъ былъ устрашенъ внезапнымъ видѣніемъ, и удалился, приложивъ къ иконѣ въ знакъ благоговѣнія гербъ и золотую печать. См. разсужденіе объ этомъ преданіи у Тихомірова въ его Арх. Изслѣд. (8—10 стр.) Богословскій монастырь въ настоящее время расположенъ на правомъ берегу Оки верстахъ въ 30 выше Ольгова.

щество, свободу и жизнь конечно оказывали неблагопріятное вліяніе на нравственное и матеріальное благосостояніе народа. Отсюда понятно, почему Рязанское княжество отстало отъ другихъ въ дѣлѣ образованія, и жители его долго отличались дикостію, загрубѣлостію своихъ нравовъ.

Что касается до Рязанскихъ князей, то безспорно это самая воинственная и безпокойная вѣтвь Рюрикова дома, въ тоже время самая жестокая и коварная; нигдѣ не были такъ часты нарушеніе крестнаго цѣлованія, измѣны и злодѣйства между близкими родственниками. Разительный примѣръ тому представляетъ братоубійство 1217 г. 20 Іюля. Рязанскіе князья болѣе другихъ забываютъ о единствѣ Рюрикова поколѣнія, о цѣлости Русской земли и преслѣдуютъ только свои личные интересы. Совершенно противуположными чертами характеризуетъ сочинитель сказанія о нашествіи Батыя Рязанскихъ князей, побитыхъ Татарами: „бяше бо родомъ христолюбивыи и братолюбивыи, лицемъ красныи и очима свѣтли, взоромъ грозны, паче мѣры храбры, сердцемъ легки, къ боярамъ ласковы, къ пріѣзжимъ привѣтливы и на пированіи тчтивыи, церквамъ прилежны", и пр. и пр. Конечно въ этомъ панегирикѣ заключено много преувеличенія и похвалъ, которыя внушены автору участіемъ къ плачевной судьбѣ князей, а также ихъ щедрымъ покровительствомъ духовному сословію (авторъ былъ священникъ) и заботливостію объ украшеніи храмовъ („о церквахъ Божіихъ велми печашеся"). Но мы не можемъ отказать ему и въ справедливости до нѣкоторой степени: въ пользу сыновей Игоря Глѣбовича много говоритъ молчаніе источниковъ о Рязанскихъ усобицахъ между 1219 и 1237 гг., и самое поведеніе князей въ бѣдственную годину Татарскаго нашествія.

Тѣ непріятныя свойства, которыя мы замѣтили въ характерѣ князей, отразились и въ характерѣ городскаго сословія, на что имѣемъ лѣтописныя свидѣтельства. Такъ въ 1207 г. Всеволодъ III, начиная осаду Пронска, хотѣлъ вступить въ переговоры съ гражданами, но въ отвѣтъ отъ нихъ получилъ *буюю рѣчь*. Въ слѣдующемъ 1208 г., когда онъ подошелъ къ Рязани съ намѣреніемъ наказать граждан за вѣроломство противъ его сына Ярослава, Рязанцы прислали ему также буюю рѣчь *по своему обычаю и непокорству* [24]. Хотя такой

---

[24]) Лавр. 182 и 183.

отзывъ принадлежалъ лѣтописцу враждебнаго Рязанцамъ Суздаля; но мы не можемъ отрицать его справедливость за недостаткомъ противуположныхъ доказательствъ. При всей своей жесткости характеръ Рязанцевъ не былъ лишенъ другихъ болѣе привлекательныхъ качествъ; таковы неукротимая отвага или наклонность къ молодечеству и постоянная преданность своимъ князьямъ, т. е. своей самостоятельности.

Говоря о населеніи Рязанской области, нельзя не обратить особеннаго вниманія на княжескую дружину. Количество дружинниковъ въ Рязани по видимому было довольно значительное. Князья и въ мирное время нѣсколько разъ являются въ исторіи, окруженные многочисленною свитою: такъ, по случаю происшествія въ Исадахъ, говорится, что вмѣстѣ съ шестью князьями „бояръ и слугъ убито безъ числа"; при заложеніи Ольгова монастыря съ тремя князьями присутствовали 300 бояръ и 600 простыхъ мужей. Далѣе, нельзя незамѣтить, что боярское сословіе оказывало довольно сильное вліяніе на событія Рязанскаго княжества. Это вліяніе особенно проглядываетъ въ усобицахъ, а во многихъ случаяхъ бросаетъ довольно невыгодный свѣтъ на самое сословіе. При раздробленности удѣловъ и частыхъ распряхъ князья естественно старались привязать къ себѣ дружинниковъ разными льготами и милостями; но бояре часто злоупотребляли своимъ правомъ совѣта, и, вѣроятно изъ личныхъ цѣлей, поддерживали раздоры князей. Такъ, по случаю войны между Глѣбовичами въ 1186 г. намекается на бояръ, которые ихъ перессорили; далѣе лѣтопись упоминаетъ о „проклятыхъ думцахъ Глѣба и Константина", замыслившихъ избіеніе братіи. Не знаемъ, до какой степени простиралось усердіе бояръ къ Рязанскимъ князьямъ во время ихъ борьбы съ Суздалемъ; по крайней мѣрѣ мы видимъ, что они терпѣливо раздѣляютъ участь послѣднихъ и вмѣстѣ съ ними томятся во Владимірскихъ темницахъ. Припомнимъ тѣ немногія имена рязанскихъ бояръ до-татарскаго періода, которыя сохранились въ источникахъ. Во первыхъ наше вниманіе привлекаютъ нѣсколько тысяцкихъ. Намъ извѣстно четверо: одинъ изъ нихъ Константинъ въ 1148 г. побилъ многихъ Половцевъ, спасавшихся бѣгствомъ; но остальные трое памятны только своею несчастною судьбою. Въ 1135 г. убитъ былъ въ Рязани тысяцкій Иванъ Андреевичъ по прозванію Долгій. Двадцать лѣтъ спустя, тоже самое случилось съ Андреемъ Глѣбовымъ въ Рязанскомъ Бѣлгородѣ; его умертвили ночью родственники. Въ 1209 г. убитъ третій тысяц-

кій Матвѣй Андреевичъ въ Кадомѣ [25]). Такое убійство тысяцкихъ можетъ намекать на какое нибудь болѣе общее явленіе, нежели просто личная вражда. Очень вѣроятно, что при обособленіи Рязанскаго княжества, дѣло не обошлось безъ глухой борьбы между усиливающеюся княжескою властію и такими земскими начальниками, каковы были тысяцкіе.—Далѣе изъ рязанскихъ бояръ упоминаются: Иворъ Мирославичъ, воевода, взятый въ плѣнъ на берегахъ Влены; Дѣдилецъ и Борисъ Куневичъ, которые склоняютъ Владимірцевъ по смерти Боголюбскаго призвать на княженіе Ростиславичей. На Колакшѣ вмѣстѣ съ князьями попались въ плѣнъ кромѣ Дѣдильца Яковъ Деденковъ и Олстинъ; послѣднее имя обнаруживаетъ варварское происхожденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что варварскій элементъ былъ въ рязанской дружинѣ сильнѣе, нежели въ другихъ княжествахъ по близкому сосѣдству съ кочевниками. Но кромѣ этихъ блѣдныхъ лицъ рязанская старина можетъ указать и на тѣ образцы русскихъ витязей—богатырей, надъ которыми любитъ останавливаться народная фантазія. Таковъ Рязанскій богатырь Добрыня Златой Поясъ (прозваніе его вѣроятно указываетъ на великолѣпіе доспѣховъ). Ненаходя дома достаточной пищи своему разгулу, онъ подобно витязямъ Владиміра Красное Солнце, отправляется искать славы въ другіе концы Руси; является въ станѣ Константина Всеволодовича при Липицахъ, вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ и Нефѣдьемъ Дикуномъ; а, спустя восемь лѣтъ, складываетъ свою голову на Калкѣ, опять вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ [26]). Сказаніе о нашествіи Батыя рисуетъ передъ нами болѣе ясный и поэтическій образъ Евпатія Коловрата, у котораго необыкновенная доблесть соединена съ трогательною любовью къ родинѣ. Тоже сказаніе рядомъ съ вѣроломнымъ бояриномъ, который извѣстилъ Батыя о рѣдкой красотѣ княгини Евпраксіи, представляетъ образецъ вѣрности и преданности своему князю въ образѣ Аполоницы, дядьки юнаго Ѳеодора Юрьевича.

Переходя къ матеріальному быту народонаселенія въ данную эпоху, мы не находимъ никакихъ точныхъ извѣстій на этотъ счетъ, и должны ограничиться нѣсколькими общими выводами. Занятія сельскихъ жителей конечно опредѣлялись характеромъ страны. Не знаемъ, какіе успѣхи сдѣлало земледѣліе до XIII в.; однако нѣтъ сомнѣнія

---

[25]) Ник. II. 106, 70, 137, 306.

[26]) Ник. II. 326. Извѣстія. И. А. Н. III. 77 (Обозрѣніе Рус. словес. въ XIII в. С. Шевырева.).

что оно составляло главный источникъ пропитанія тамъ, гдѣ между лѣсами залегали тучныя поля. Скотоводство было развито особенно въ южныхъ частяхъ княжества; въ лѣсахъ производились пчеловодство и звѣриная ловля; озера и рѣки доставляли большое количество рыбы.

Торговая дѣятельность по Окѣ получила новую силу съ тѣхъ поръ, какъ берега этой рѣки покрылись городками. Ока все болѣе и болѣе становилась главнымъ путемъ сообщенія между Болгаріею и южною Русью [27]). Старинные города Муромъ и Рязань повидимому отличались своею зажиточностію. Читая слова упомянутаго сказанія о томъ, какъ Татары, взявши Рязань, между прочимъ „и все зорочье нарочитое богатство Черниговское и Кіевское поимаша,“ можно подумать, что въ этомъ городѣ проживали съ своими товарами купцы изъ южной Руси. Изъ Болгаріи приходили сюда хлѣбъ, металлическія издѣлія, жемчугъ, шелковыя и бумажныя ткани и другіе предметы роскоши; южнорусскіе купцы привозили преимущественно греческіе товары: разнаго рода паволоки, драгоцѣнное оружіе и церковныя украшенія; нѣтъ сомнѣнія, что и Новогородцы посѣщали Оку и привозили нѣмецкія издѣлія: вина, оружіе, полотняныя ткани и пр. Князья конечно покровительствовали торговлѣ, которая доставляла имъ всѣ средства къ изобилію и роскоши, между тѣмъ какъ собственныя ихъ земли были богаты только сырыми матеріалами: мѣхами, воскомъ, скотомъ и пр. Съ XI ст. прекратился одинъ изъ торныхъ путей древней Россіи: изъ Оки по Дону и Сурожскому морю въ богатую Тавриду. Пришли свирѣпые Половцы и заняли всѣ южныя степи. Если Кіевскіе князья должны были высылать войска для того, чтобы конвоировать греческія суда по Днѣпру, то на Дону и подавно не было возможности плавать мирнымъ купцамъ. До какой степени этотъ путь пришелъ въ забвеніе къ началу XIII в., можно отчасти заключить изъ разсказа о принесеніи Корсунской иконы. Евстафій совсѣмъ неслыхалъ о Рязанской землѣ, и незнаетъ, въ какую сторону она лежитъ; только отъ нѣкоторыхъ опытныхъ людей узнаетъ онъ, что можно достигнуть Рязани, отправившись вверхъ по Днѣпру; но что ему надобно будетъ проходить черезъ землю поганыхъ Половцевъ. Такъ какъ путь между Днѣпромъ и Окою не былъ безопасенъ, онъ выбралъ другой гораздо длиннѣйшій, но за то болѣе

---

[27]) Первоначально главный путь изъ Мурома въ Кіевъ шелъ вверхъ по Волгѣ къ верхнему Днѣпру. „Пути Сообщ. въ Др. Рос.“ Ист. Сбор. Погод. I. 24.

спокойный, вокругъ Западной Европы. Впрочемъ тоже самое сказаніе обнаруживаетъ, что Рязань находилась въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ жителями Греческихъ областей и даже съ Византійскимъ дворомъ. Такія сношенія поддерживались преимущественно духовными лицами, которыя всегда находили въ Россіи почетъ и ласковый пріемъ. Еще прежде Евстафія явился въ Рязани Ефросинъ и поставленъ былъ въ епископы; онъ принесъ съ собою икону Божіей Матери Одигитріи съ Аѳонской горы, почему и названъ Святогорцемъ. Сюда же относится преданіе объ иконѣ Іоанна Богослова, присланной Патріархомъ въ даръ Рязанскому Князю [28]). Далѣе, въ похвальномъ словѣ Рязанскимъ князьямъ говорится, что они „къ Греческимъ царямъ велику любовь имуща и дары отъ нихъ многи взимаша". Послѣ этаго можно подумать, что супруга Ѳедора Юрьевича Евпраксія, происходившая, по словамъ преданія, изъ царскаго рода, была именно Византійская (если не Половецкая) принцесса. Такія сношенія знакомили отчасти высшее сословіе съ Греческою цивилизацією; а присутствіе образованнаго духовенства могло оказывать благодѣтельное вліяніе на распространеніе грамотности.

Итакъ около двадцати лѣтъ протекло со времени послѣдней усобицы. Рязань находилась въ мирныхъ, если не въ дружескихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ княжествамъ. Даже Половцы по видимому прекратили свои набѣги и опустошенія въ большихъ размѣрахъ. Великій Рязанскій князь Юрій умѣлъ пріобрѣсти уваженіе младшихъ родичей и держать ихъ въ согласіи между собою. Княжество замѣтно начинало оправляться послѣ погромовъ Всеволода III, и стремилось превратить недавнее подчиненіе Владиміру въ отношенія, основанныя на равныхъ правахъ. Но кратковременное затишье, которое господствовало тогда на юговосточной украйнѣ Россіи, можно сравнить съ морскимъ штилемъ передъ бурею.

---

[28]) Карам. III. пр. 360.

ГЛАВА IV.

Начало монгольскаго ига.

1237—1350.

Источники. Сказаніе о нашествіи Батыя. Юрій Игоревичъ приготовляется къ защитѣ. Гибель княжескаго семейства. Разореніе городовъ. Евпатій Коловратъ. Ингварь Игоревичъ. Олегъ Игоревичъ. Романъ Ольговичъ. Сыновья и внуки Романа. Неудачная борьба съ Москвою. Иванъ Коротополъ и Александръ Михайловичъ Пронскій. Сыновья Александра. Новыя границы. Червленный Яръ. Пріобрѣтенія на западѣ и потеря Коломны. Событія въ Муромѣ. Св. епископъ Василій. Христіанскіе князья въ Мещерѣ. Набѣги кочевниковъ. Политика Рязанскихъ князей въ отношеніи къ сосѣдямъ. Новая столица.

Бѣдствія Татарскаго нашествія оставили слишкомъ глубокій слѣдъ въ памяти современниковъ для того, чтобы мы могли пожаловаться на краткость извѣстій. Но это самое обиліе извѣстій представляетъ для насъ то неудобство, что подробности разныхъ источниковъ невсегда согласны между собою; такое затрудненіе встрѣчается именно при описаніи Батыева нашествія на Рязанское княжество. Лѣтописи разсказываютъ объ этомъ событіи хотя подробно, но довольно глухо и сбивчиво. Большая степень достовѣрности конечно остается за сѣверными лѣтописцами нежели за южными, потому что первые имѣли большую возможность знать Рязанскія происшествія сравнительно со вторыми. Воспоминаніе о борьбѣ Рязанскихъ князей съ Батыемъ перешло въ область народныхъ преданій и сдѣлалось предметомъ разсказовъ болѣе или менѣе далекихъ отъ истины. На этотъ счетъ даже есть особое сказаніе, которое можно сравнить, если не съ Словомъ о Полку Игоревѣ, то по крайней мѣрѣ съ Повѣданіемъ о Мамаевомъ Побоищѣ. Описаніе Батыева нашествія стоитъ въ связи съ разсказомъ о принесеніи Корсунской иконы и очень можетъ быть отне-

сено къ одному автору. Уже самый тонъ разсказа обнаруживаетъ, что сочинитель принадлежалъ къ духовному сословію. Кромѣ того, приписка, помѣщенная въ концѣ сказанія, прямо говоритъ, что это былъ Евстафій, священникъ при Зарайскомъ храмѣ св. Николая, сынъ того Евстафія, который принесъ икону изъ Корсуня. Слѣдовательно, какъ современникъ событій, о которыхъ разсказывалъ, онъ могъ передать ихъ съ достовѣрностію лѣтописи, если бы не увлекся явнымъ желаніемъ возвеличить Рязанскихъ князей и своимъ реторическимъ многословіемъ не затемнилъ сущность дѣла. Тѣмъ не менѣе съ перваго взгляда замѣтно, что сказаніе имѣетъ историческую основу и во многихъ отношеніяхъ можетъ служить важнымъ источникомъ при описаніи Рязанской старины. Трудно отдѣлить то, что здѣсь принадлежитъ Евстафію, отъ того что прибавлено впослѣдствіи; самый языкъ очевидно новѣе XIII столѣтія. Окончательную форму, въ которой оно дошло до насъ, сказаніе вѣроятно получило въ XVI в. [1]). Несмотря на свой реторической характеръ, разсказъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышается до поэзіи, напримѣръ эпизодъ о Евпатіи Коловратѣ. Самыя противорѣчія иногда бросаютъ отрадный свѣтъ на событія и даютъ возможность отдѣлить историческіе факты отъ того, что называется цвѣтами воображенія.

Въ началѣ зимы 1237 года Татары изъ Болгаріи направились къ югозападу, прошли сквозь Мордовскія дебри и расположились станомъ на рѣкѣ Онузѣ [2]). Отсюда Батый отправилъ къ Рязанскимъ князьямъ въ видѣ пословъ какую-то вѣдьму съ двумя мужами, которые потребовали у князей десятой части ихъ имѣнія въ людяхъ и въ коняхъ [3]). Калкская битва была еще свѣжа въ памяти Рус-

---

[1]) Судя по словамъ приписки, въ которой исчисляется „родъ поповскій Николы Чюдотворца Зараскаго на Резани:“ „А всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десятъ лѣтъ непремѣнно родъ ихъ. Се написа Еустаѳеи вторыи Еустаѳьевъ сынъ Корсунска, на память послѣднему роду своему“. Взято изъ рукописнаго сборника XVI столѣтія, Врем. И. О. И. и Д. № 15. Сообщ. В. М. Ундольскимъ. Еще прежде это сказаніе было извѣстно изъ Рус. Временника или Костром. лѣтописи; отрывки оттуда приведены у Карамзина. (III прим. 356—360) и въ Исторіи Рус народа Полеваго. (IV. Дополненія).

[2]) Вѣроятнѣе всего предположеніе С. М. Соловьева, что это былъ одинъ изъ притоковъ Суры, именно Уза. III. пр. 274.

[3]) „и оттолѣ послаша послы своя, жену чародѣйцу и два мужа съ нею, ко княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: во князѣхъ, и въ людѣхъ,

скихъ; Болгарскіе бѣглецы незадолго передъ тѣмъ принесли вѣсть о разореніи своей земли и страшной силѣ новыхъ завоевателей. Великій князь Рязанскій Юрій Игоревичъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поспѣшилъ созвать всѣхъ родичей, именно: брата Олега Краснаго, сына Ѳеодора, и пятерыхъ племянниковъ Ингваревичей: Романа, Ингваря, Глѣба, Давида и Олега; пригласилъ Всеволода Михайловича Пронскаго и старшаго изъ Муромскихъ князей. Въ первомъ порывѣ мужества князья рѣшились защищаться и дали благородный отвѣтъ посламъ: „когда мы не останемся въ живыхъ, то все будетъ ваше". Изъ Рязани Татарскіе послы отправились во Владиміръ съ тѣми же требованіями. Посовѣтовавшись опять съ князьями и боярами и видя, что Рязанскія силы слишкомъ незначительны для борьбы съ Монголами, Юрій Игоревичъ распорядился такимъ образомъ: одного изъ своихъ племянниковъ, Романа Игоревича, онъ послалъ къ Великому Князю Владимірскому съ просьбою соединиться съ нимъ противъ общихъ враговъ; а другаго, Ингваря Игоревича, съ тою же просьбою отправилъ къ Михаилу Всеволодовичу Черниговскому [4]). Затѣмъ Рязанскіе князья соединили свои дружины и направились къ берегамъ Воронежа, вѣроятно съ цѣлію сдѣлать рекогносцировку, въ ожиданіи помощи. Въ тоже время Юрій попытался прибѣгнуть къ переговорамъ и отправилъ сына Ѳедора во главѣ торжественнаго посольства къ Батыю съ дарами и съ мольбою не воевать Рязанской земли. Всѣ эти распоряженія не имѣли успѣха. Ѳедоръ погибъ въ Татарскомъ станѣ: если вѣрить преданію, онъ отказался исполнить желаніе Батыя, который хотѣлъ видѣть его супругу Евпраксію, и былъ убитъ по его приказанію [5]). Помощь ни откуда не являлась.

и въ конехъ, десятое въ бѣлыхъ, десятое въ вороныхъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ". П. С. Р. Л. I. 221. „и въ доспесехъ" прибавлено въ Ник. II. 371. Подъ именемъ жены чародѣйки „должно разумѣть шаманку, вѣроятно вызвавшуюся идти добровольно въ непріятельскую землю", говоритъ проф. Березинъ въ своихъ замѣткахъ на расказы Мусульманскихъ историковъ. Ж. М. Н. Пр. 1855 г. Май. Замѣчательно, что въ Сказаніи о чародѣйницѣ неупоминается, а просто говорится: „и посла на Рязань послы бездѣлны".

[4]) Кто былъ отправленъ во Владиміръ лѣтописи не говорятъ; такъ какъ Романъ явился послѣ у Коломны съ Владимірскою дружиною, то вѣроятно это былъ онъ. Тоже самое надобно сказать объ Ингварѣ Игоревичѣ, который въ тоже время является въ Черниговѣ.

[5]) „Князь Ѳедоръ Юрьевичъ вскоре пріиде къ царю Батыю и моли его утоляя дары, чтобы невоевалъ Рязанскіе земли; безбожный же царь Батый, лстивъ бо

Князья Черниговскіе и Сѣверскіе отказались придти на томъ основаніи, что Рязанскіе не были на Калкѣ, когда ихъ также просили о помощи [6]). Недальновидный Юрій Всеволодовичъ, надѣясь въ свою очередь однѣми собственными силами управиться съ Татарами, не хотѣлъ присоединить къ Рязанцамъ Владимірскіе и Новогородскіе полки; напрасно епископъ и нѣкоторые бояре умоляли его не оставлять въ бѣдѣ сосѣдей. Огорченный потерей единственнаго сына, предоставленный только собственнымъ средствамъ, Юрій Игоревичъ видѣлъ невозможность бороться съ Татарами въ открытомъ полѣ, и поспѣшилъ укрыть Рязанскія дружины за укрѣпленіями городовъ [7]).

есть и немилосердъ, пріа дары лестію и охабись воевати Резанскіе земли, и начаша Князей Резанскихъ потѣхою тѣшити, и начаша у нихъ просити сестры или дщери на ложе на блудъ. И нѣкій отъ вельможъ Резанскихъ наученъ бѣсомъ, и сказа безбожному царю Батыю, яко благовѣрный князь Өедоръ Юрьевичъ Резанскій имѣетъ у себя Княгиню отъ царска рода, а тѣломъ и лѣпотою красна бѣ зѣло, безбожный царь Батый лукавъ бо есть и немилостивъ въ невѣріи своемъ, пореваемъ въ похоти плоти своеа, а рече Князю Өедору Юрьевичу: даждь ми Князь видѣти жены своее красоты. Благовѣрный же князь Өедоръ Юрьевичъ посмѣяся и рѣче царю: неполезна бо есть намъ крестьяномъ тебѣ нечестивому царю и безбожну водити жены своя на блудъ, аще насъ преодолѣешь, что и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный же царь Батый возярися зѣло и горчися, и повелѣ вскоре убити благовѣрнаго Князя Өедора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи звѣремъ и птицамъ на растерзаніе, и иныхъ Князей нарочитыхъ побилъ, и единъ отъ пѣстунъ Князя Өедора Юрьевича именемъ Аполоница, зря на блаженное тѣло честнаго своего Государя горько плачющися, и видя его никимъ брегома, и взя тѣло возлюбленнаго своего Государя, и тайно сохрани его на мало время, и ускори ко благовѣрной Княгинѣ Еупраксіи, каза ей яко нечестивый царь Батый убилъ блаженнаго Князя Өедора Юрьевича. Блаженная же Княгиня Еупраксея царевна, стоя въ превысоцемъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое Князя Ивана Өедоровича постника, услыша таковы смертоносны глаголы и горести исполнены, и абие ринувся съ превысокаго храма своего на среду земли и з сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и заразися до смерти".

[6]) Объ этомъ говоритъ Татищ. III. 648.

[7]) Мы не вѣримъ существованію большой битвы, о которой упом. Ник. л. II. 371, и которую сказаніе описываетъ съ поэтическими подробностями. Другія лѣтописи ничего о ней неговорятъ, упоминая только, что князья вышли на встрѣчу Татарамъ. Самое описаніе битвы въ сказаніи очень темно и невѣроятно; оно изобилуетъ многими поэтическими подробностями, напр.: „и видя Князь Великій Юрій Игоревичъ

Многочисленные Татарскіе отряды разрушительнымъ потокомъ хлынули на Рязанскую землю. Извѣстно, какого рода слѣды оставляло послѣ себя движеніе кочевыхъ ордъ средней Азіи, когда онѣ выходили изъ своей обычной апатіи. Мы не будемъ описывать всѣхъ ужасовъ разоренія. Довольно сказать, что многія селенія и города были совершенно стерты съ лица земли. Бѣлгородъ, Ижеславецъ, Борисовъ-Глѣбовъ послѣ того уже не встрѣчаются въ исторіи. Въ XIV в. путешественники, плывя по верхнему теченію Дона, на холмистыхъ берегахъ его видѣли только развалины и пустынныя мѣста тамъ, гдѣ стояли красивые города и тѣснились живописныя селенія. 16 Декабря Татары обступили городъ Рязань и огородили его тыномъ. Граждане, ободряемые Великимъ Княземъ, въ продолженіе пяти дней отражали нападенія. Они стояли на стѣнахъ, не перемѣняясь и не выпуская изъ рукъ оружія; наконецъ стали изнемогать, между тѣмъ какъ непріятель постоянно дѣйствовалъ свѣжими силами. На шестой день Татары сдѣлали общій приступъ; бросали огонь на кровли, громили стѣны бревнами и наконецъ вломились въ городъ. Послѣдовало обычное избіеніе жителей. Въ числѣ убитыхъ находился Юрій Игоревичъ. Великая Княгиня съ своими родственницами и многими боярынями напрасно искала спасенія въ

убіена брата своего Князя Давыда Игоревича и тѣхъ князей и сродникъ своихъ, и воскреча въ горести душа своея: братіа моя милая, и дружина ласкова, узорочье и возпитаніе Резанское, мужайтеся и крѣпитеся; братъ нашъ Давыдъ прежде насъ чашу испилъ и мы ли ее непьемъ; удальцы же и резвецы Резанскіа тако бьяшеся крѣпко и нещадно яко и земли постонати. Батыевы полки сильные вси смятошася. Князь Великій Егоргій Ингоревичь съ братіею тако мужественно и крѣпко бьяшеся, многіе полки сильныа проѣзжая храбро бьяшеся, яко всѣмъ полкомъ Татарскимъ подивитися крѣпости и мужеству Резанскому господству, и едва одолѣша ихъ сильныа полки Татарскіа. И ту убіенъ бысть благовѣрный Князь Великій... и многія Князи мѣстные, и воеводы крѣпкіа, и удальцы, и узорочье и воспитаніе Резанское, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша, ни единъ отъ нихъ возвратися вспять, вси вкупе мертвіи лежаша". Изъ лѣтописей извѣстно, что Юрій Игоревичъ былъ убитъ при взятіи города Рязани. Рашидъ Эддинъ, изъ Мусульманскихъ историковъ наиболѣе подробный повѣствователь Батыева похода, не упоминаетъ о большой битвѣ съ Рязанскими князьями; по его словамъ Татары прямо подступили къ городу Янъ (Рязань) и въ три дня его взяли. Березинъ. Ж. М. Н. П. 1855 г. Май. 28 стр. прим. 60. Впрочемъ отступленіе князей вѣроятно не обошлось безъ сшибокъ съ передовыми Татарскими отрядами, которые ихъ преслѣдовали.

соборной Борисо-Глѣбской церкви. Все, что немогло быть разграблено, сдѣлалось жертвою пламени. Покинувъ разоренную столицу княжества, Татары продолжали подвигаться въ сѣверозападномъ направленіи. Въ сказаніи слѣдуетъ за тѣмъ эпизодъ о Коловратѣ. Одинъ изъ Рязанскихъ бояръ, по имени Евпатій Коловратъ, находился въ Черниговской землѣ съ княземъ Ингваремъ Игоревичемъ, когда пришла къ нему вѣсть о Татарскомъ погромѣ. Онъ спѣшитъ въ отечество, видитъ пепелище роднаго города и воспламеняется жаждою мести. Собравъ 1700 ратниковъ, Евпатій нападаетъ на задніе непріятельскіе отряды, низлагаетъ татарскаго богатыря Таврула, и, подавленный многолюдствомъ, гибнетъ со всѣми товарищами; Батый и его воины удивляются необыкновенному мужеству Рязанскаго витязя [8]). Лѣтописи Лаврентьевская, Никоновская и Новогородскія ни слова не говорятъ о Евпатіѣ; но мы не можемъ на этомъ основаніи отвергнуть совершенно достовѣрность Рязанскаго преданія, освященнаго вѣками, наравнѣ съ преданіемъ о Зарайскомъ князѣ Ѳедорѣ Юрьевичѣ и его супругѣ Евпраксіѣ. Событіе очевидно невыдуманное; только трудно опредѣлить насколько народная гордость участвовала въ изобрѣтеніи поэтическихъ подробностей. Великій Князь Владимірской поздно убѣдился въ своей ошибкѣ, и спѣшилъ изготовиться къ оборонѣ только тогда, когда туча надвинула уже на его собственную область. Неизвѣстно зачѣмъ онъ выслалъ на встрѣчу Татарамъ сына Всеволода съ Владимірскою дружиною, какъ будто она могла загородить имъ дорогу. Со Всеволодомъ шелъ Рязанскій князь Романъ Игоревичъ, до сихъ поръ почему-то медлившій во Владимірѣ; сторожевымъ отрядомъ начальствовалъ знаменитый воевода Еремей Глѣбовичъ. Подъ Коломною великокняжеское войско было разбито на голову; Всеволодъ спасся бѣгствомъ съ остатками дружины; Романъ Игоревичъ и Еремей Глѣбовичъ остались на мѣстѣ. Коломна была взята и подверглась обычному разоренію. Послѣ того Батый оставилъ Рязанскіе предѣлы и направилъ путь къ Москвѣ.

Кромѣ Всеволода Пронскаго и князя Муромскаго семеро Рязан-

---

[8]) „Татарови же возбояшася видя Еупатіа крѣпка исполина, и наводиша на Еупатіа множество саней съ нарядомъ и едва одолѣша". Замѣчателенъ способъ, которымъ Татары одолѣли Евпатія. Мнѣ случилось слышать преданіе о какомъ-то Рязанскомъ богатырѣ—разбойникѣ, который былъ убитъ точно такимъ же способомъ, т. е. помощію саней.

скихъ князей—все потомки Игоря Глѣбовича—погибли отъ Татарскаго меча. Это были: Великій Князь Юрій Игоревичъ, его сынъ Ѳедоръ, внукъ Иванъ Постникъ, братъ Олегъ Красный; племянники: Глѣбъ, Давидъ и Романъ Ингваревичи. Четвертый братъ послѣднихъ Олегъ попался въ руки Батыя и отведенъ въ Орду.

На свободѣ уцѣлѣлъ только пятый братъ Ингварь, который воротился изъ Чернигова уже послѣ нашествія. На родинѣ его ожидала печальная картина смерти и запустѣнія [9]). Вслѣдъ за княземъ прибылъ и епископъ Ефросинъ; онъ также спасся отъ гибели, потому что находился гдѣ-то въ отсутствіи (можетъ быть въ Муромѣ). Предстояла трудная задача уничтожить слѣды Монгольскихъ ордъ. Князь и епископъ прежде всего позаботились отдать послѣдній долгъ погибшимъ. Собраны были священники и діаконы, уцѣлѣвшіе отъ избіенія; принялись за погребеніе мертвыхъ. Столица была очищена отъ гніющихъ труповъ и опять освящены обгорѣлые храмы. Города и селенія мало по малу стали наполняться жителями, которые возвращались изъ лѣсовъ. Съ горькимъ плачемъ и стономъ началъ народъ поминать убитыхъ родственниковъ, возобновляя разоренные храмы и хижины. Впрочемъ не все Рязанское княжество подверглось опустошенію; Татары прошли преимущественно по берегамъ Оки, Прони и Дона. Сѣверная часть княжества осталась нетронутой, благодаря непроницаемой чащѣ своихъ лѣсовъ; сюда-то спасались обыкновенно жители лѣваго берега Оки. Этой стороны Татары коснулись отчасти въ 1239 г., когда они завоевали Мордовскую землю, сожгли Муромъ и разорили города по Клязьмѣ. Съ особенными почестями преданы были погребенію тѣла убитыхъ князей. Отыскавъ трупъ Юрія Игоревича, Ингварь отправился въ Пронскъ, собралъ

---

9) Вотъ какъ сказаніе рисуетъ эту картину: „и вскоре преиде (князь Ингварь) во градъ Резань, видя братіа своя побіенны отъ нечестиваго царя Батыя и снохи своя и сродники своя и множество много мертвыхъ лежаща, и градъ разоренъ, земля пуста, церкви позжены, святыхъ образы ободраны и переколаты, и все узорочье взято Резанское и Черниговское, и жалошно кричаша яко труба рати гласъ пущающи, и отъ великаго кричанія лежаше на земли яко мертвъ, и едва отліяше его, и носяше по вѣтру, едва отдохну душа его въ немъ... градъ и земля Резанская изменися доброта ея, и отыде слава ея, и небе что въ ней благо вѣдати токмо дымъ и земля и пепелъ; а церкви вси погорѣша, а сама соборная церковь внутри погорѣ и почерне, не единъ бо сій градъ плѣненъ бысть, но ини мнози, и не бѣ во градѣ пѣніа, ни звона, въ радости мѣсто плачь всегда творяще и рыданіи“.

тамъ разсѣченные члены Олега Краснаго, принесъ ихъ въ Рязань и положилъ обоихъ дядей въ одной гробницѣ, въ соборной церкви Бориса и Глѣба; а возлѣ нихъ въ другую гробницу положилъ тѣла двухъ братьевъ Глѣба и Давида. Потомъ онъ послалъ людей на Воронежъ взять останки Θедора Юрьевича и принести въ удѣлъ покойнаго ко храму Николая Корсунскаго. Здѣсь Θедоръ похороненъ былъ вмѣстѣ съ супругою и сыномъ; надъ гробами ихъ поставлено три каменные креста. Вся дѣятельность Ингваря Ингваревича до конца его княженія исключительно направлена была на возобновленіе городовъ и внутреннее устроеніе княжества [10]. О военныхъ предпріятіяхъ Ингваря и его ближайшихъ преемниковъ въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину. О борьбѣ съ Татарами Ингварь конечно непомышлялъ; онъ безъусловно подчинился необходимости и по примѣру другихъ князей являлся въ Орду съ изъявленіемъ покорности [11].

Въ 1252 г. отпущенъ былъ изъ Орды Олегъ Ингваревичъ на Рязанское княженіе, вѣроятно упразднившееся по смерти его брата. Изъ событій его шестилѣтняго княженія извѣстно только, что въ 1257 г. пріѣхали Татарскіе численники и перечислили всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую за исключеніемъ духовенства. Въ слѣдующемъ году Олегъ скончался, въ среду на страстной недѣлѣ чернецомъ и схимникомъ; лѣтопись замѣтила при этомъ, что онъ былъ погребенъ въ церкви Св. Спаса [12] (слѣдовательно, противъ обыкновенія, не въ Борисоглѣбскомъ соборѣ).

Олегу наслѣдовалъ сынъ его Романъ. Онъ княжилъ 12 лѣтъ. Дѣятельность его намъ неизвѣстна; съ нимъ, какъ и со многими князьями древней Руси лѣтописи знакомятъ насъ только при извѣстіи о кончинѣ. Въ 1270 г. Романъ былъ въ Ордѣ. Хану Менгу-Темиру кто-то донесъ, что князь произносилъ хулы на Царя и на его вѣру. Менгу-Темиръ предалъ его въ руки своихъ Татаръ. Они стали принуждать Романа къ своей вѣрѣ; но князь смѣло продол-

---

[10] „Благовѣрный Великій Князь Ингварь Ингоревичь, обнови землю Резанскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелци утеши, и люди многи собра, и бысть радость крестьяномъ, ихъ же избави Богъ рукою своею крѣпкою отъ безбожныхъ Татаръ“. ibid.

[11] П. С. Р. Л. IV. 37. подъ 1242 г.: Иде Александръ (Невскій) къ Батыю царю, „Олегъ Рязанскій къ Канови иде“. Можетъ быть, надобно читать Ингварь, а не Олегъ, который въ то время былъ плѣнникомъ въ Ордѣ.

[12] П. С. Р. Л. I. 202, 203 V. 187. Ник. III. 34.

жалъ славить христіанскую вѣру и порицать бесерменскую [13]). 19 Іюля свирѣпые Татары подвергли его медленной, мучительной смерти [14]). Лѣтописецъ сравниваетъ его конецъ съ страданіями Іакова Персидскаго и князя Черниговскаго Михаила.

Послѣ Романа осталось три сына Θедоръ, Ярославъ и Константинъ. Первый сѣлъ въ Рязани, а второй въ Пронскѣ. Пронскъ по смерти Всеволода Михайловича, въ 1237 г., при Ингварѣ, Олегѣ и Романѣ былъ соединенъ съ Рязанью; а теперь снова получилъ своего удѣльнаго князя. Θедоръ Романовичъ княжилъ до 1294 года. Мѣсто его занялъ второй братъ Ярославъ, который скончался въ 1299 г. [15]), оставивъ двухъ сыновей Ивана и Михаила. Великое Княженіе Рязанское перешло къ третьему брату Константину. Племянники его Ярославичи, кажется, немедленно открыли усобицу за удѣлы; на это намекаетъ одно отрывочное извѣстіе лѣтописи [16]).

Между тѣмъ прежнее значеніе Владиміра на Клязьмѣ переходитъ къ Москвѣ; умный и дѣятельный Даніилъ Александровичъ возобновилъ наступательное движеніе, начатое его предшественниками въ XII вѣкѣ, на сосѣднее княжество. Незнаемъ навѣрное, какой былъ поводъ къ войнѣ между нимъ и Константиномъ; извѣстенъ только ея исходъ. Впрочемъ можно догадываться, что яблокомъ раздора послужила Коломна. Прежніе Владимірскіе князья постоянно стремились отрѣзать этотъ городъ отъ Рязанской области; Московскіе имѣли еще болѣе причинъ желать Коломны: она запирала устье Москвы и была необходима для округленія ихъ волости. Осенью 1301 года Даніилъ пришелъ съ войскомъ въ Рязанскіе предѣлы. Константинъ Ярославичъ, имѣя вспомогательные Татарскіе отряды,

---

[13]) Подъ именемъ бесерменской вѣры здѣсь недолжно понимать Магометанскую; въ то время Татары были еще идолопоклонники. Ист. Рус. Цер. Филарета. Періодъ 2-й, прим. 18.

[14]) П. С. Р. Л. V. 197. Ник. III. 53: „отрѣзаша языкъ и заткоша уста его убрусомъ, и начаша рѣзати его по суставомъ, и метати разно; персты вся обрѣзаша, и у ногъ и у рукъ, и устнѣ и уши, и прочая составы разрѣзаша, и яко остася трупъ единъ. Они же отдраша кожу отъ главы его, и на копье взоткнуша".

[15]) Лавр. 208. Ник. III. 91 и 96.

[16]) П. С. Р. Л. I. 208. подъ 1300 г. сказано: „Тогоже лѣта Рязанскыи князи Ярославичи.... у Переяславля". Внизу замѣчено, что здѣсь недостаетъ слова: *бишася* или *смиришася*; болѣе вѣроятности на сторонѣ перваго, и во всякомъ случаѣ это признакъ усобицы.

далъ ему битву возлѣ Переяславля Рязанскаго; проигралъ ее и былъ взятъ въ плѣнъ какою-то хитростію. Лѣтопись говоритъ при этомъ объ измѣнѣ нѣкоторыхъ Рязанскихъ бояръ [17]); они-то вѣроятно и помогли Даніилу устроить западню для Константина. Послѣдній былъ отведенъ въ Москву; впрочемъ содержался здѣсь въ чести все время пока былъ живъ Даніилъ, который хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его. Но въ 1303 г. Московскій князь скончался, и наслѣдникъ его Георгій, спустя два года, велѣлъ умертвить плѣнника. Какая была цѣль подобнаго злодѣйства, трудно сказать. Требовалъ ли Георгій слишкомъ большихъ уступокъ и получилъ отказъ? или онъ хотѣлъ завладѣть всѣмъ княжествомъ убитаго? Но Рязань въ то время не оставалась безъ князей. Поступокъ объясняется отчасти личнымъ характеромъ Георгія, который былъ слишкомъ неразборчивъ на средства и пріобрѣлъ черную извѣстность въ Русской исторіи. Злодѣйство, повидимому, оказалось безполезнымъ, и Московскій князь ограничился тѣмъ, что удержалъ за собою Коломну.

Между тѣмъ на Рязанскомъ столѣ княжилъ сынъ Константина Василій. Въ 1308 г. онъ былъ убитъ въ Ордѣ. Неизвѣстно, чѣмъ Василій навлекъ на себя ханскій гнѣвъ; этому гнѣву подверглись и всѣ Рязанцы, потому что въ томъ же году Татары воевали ихъ область. Очень можетъ быть, что въ гибели Василія участвовали происки его двоюродныхъ братьевъ Пронскихъ князей. По крайней мѣрѣ послѣ его смерти на Рязанскомъ столѣ встрѣчаемъ одного изъ нихъ, именно Ивана Ярославича. Объ Иванѣ Ярославичѣ мы знаемъ также мало, какъ о его предшественникахъ. Въ 1320 г. Георгій Московскій предпринялъ противъ него походъ, окончившійся миромъ, а, семь лѣтъ спустя, Иванъ Ярославичъ умерщвленъ въ Ордѣ по повелѣнію Узбека. Ему наслѣдовалъ сынъ Иванъ, прозваніемъ Коротополый.

Въ 1333 г. Иванъ Даниловичъ Калита вмѣстѣ съ низовскими полками беретъ съ собою въ походъ противъ Новгородцевъ и рязанскіе; слѣдовательно упомянутый миръ въ 1320 г. состоялся не на равныхъ правахъ, и Рязанскіе князья должны были признать себя подручниками Московскихъ. Въ 1340 г. Ханъ Узбекъ послалъ на Смоленскаго

---

[17]) Лавр. 209. Ник. III. 98. Касательно того, что въ битвѣ подъ Переяславлемъ нельзя видѣть первой побѣды Русскихъ надъ Татарами, см. Ист. Солов. III. прим. 354.

князя Татарскую рать подъ начальствомъ Тавлубія. Послѣдняго сопровождалъ изъ Орды Иванъ Коротополъ, который долженъ былъ присоединить къ Татарамъ рязанскую дружину. Дорогою онъ встрѣтилъ двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскаго, который отправлялся съ выходомъ въ Орду. Коротополъ схватилъ его, ограбилъ, привелъ плѣнникомъ въ Переяславль Рязанскій, и тамъ приказалъ убить [18]). Преступленіе очень правдоподобно объясняется тѣмъ, что старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на счетъ младшихъ слабѣйшихъ, хотѣли одни знать Орду, (т. е. собирать дань и отвозить ее къ Хану [19]). Убійство въ свою очередь вызывало кровавую месть. Сынъ Александра Ярославъ выхлопоталъ себѣ у Хана ярлыкъ на Рязанское княженіе и пришелъ на Коротопола съ Татарскимъ войскомъ въ сопровожденіи ханскаго посла Киндяка въ 1342 г. Коротополъ затворился въ Переяславлѣ и цѣлый день отбивался отъ непріятелей; а въ ночь бѣжалъ изъ города, оставивъ его на жертву Татарскому грабежу. Ярославъ остался княжить въ Переяславлѣ [20]). Въ слѣдующемъ году Коротополъ былъ убитъ, неизвѣстно гдѣ и кѣмъ; „имъ же бо судомъ судилъ осудися, и ею же мѣрою мѣри возмѣрися ему“, прибавляетъ лѣтописецъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ и его племянникъ Ярославъ. Въ лѣтописи онъ именуется княземъ Пронскимъ; а братъ его Иванъ Александровичъ, скончавшійся въ 1350 г., названъ Великимъ Княземъ Рязанскимъ [21]). Отъ этого Ивана Александровича пошли всѣ послѣдующіе Рязанскіе князья; между тѣмъ какъ Ярославъ Александровичъ былъ родоначальникомъ Пронской вѣтви. Въ 1353 г. лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ имя знаменитаго Олега Ивановича Рязанскаго. Но прежде, нежели перейдемъ къ его княженію, попытаемся бросить взглядъ на другія событія и перемѣны, которыя произошли въ Рязанской области послѣ 1237 года.

Во-первыхъ, предѣлы княжества, несмотря на тяжкое иго, значительно расширились послѣ той эпохи, въ которую мы ихъ оставили.

---

18) П. С. Р. Л. Ш. 72. IV. 65. Арц. П. 79, 83. Ник. Ш. 138, 180.

19) Ист. Солов. Ш. 293.

20) Ник. Ш. 178. 180. Въ лѣтописи сказано: „а князь Ярославъ Пронскій сяде во граде Ростиславлѣ Рязанскомъ“. Мы думаемъ, что надобно читать „Переяславлѣ“.

21) Idid. 193.

Это растяженіе границъ совершалось конечно въ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ оно встрѣчало наименѣе препятствій, именно въ юго-восточномъ и сѣверо-западномъ. На юго-востокѣ граница княжества далеко перешагнула за рѣку Воронежъ и углубилась въ степи. Въ концѣ XIII и началѣ XIV вв. она опредѣлялась Русскими поселеніями, разбросанными по лѣвому берегу Дона съ одной стороны и по правому Хопра и Великой Вороны съ другой; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что эти рѣки отдѣляли Рязанскую епархію отъ Сарайской. Послѣдняя была учреждена во второй половинѣ XIII в. въ Сараѣ для Русскихъ и Татарскихъ христіанъ [22]), на всемъ пространствѣ южной Россіи между Волгою и Днѣпромъ. До насъ дошла цѣлая исторія спора, который возникъ между Рязанскими и Сарайскими епископами вслѣдствіе того, что послѣдніе старались распространить свою власть на мѣста, лежавшія по правому берегу Вороны и Хопра. Митрополиты Максимъ, Петръ и Θеогностъ—при послѣднемъ это дѣло разсматривалось на соборѣ въ Костромѣ,—обыкновенно рѣшали его въ пользу Рязанскихъ епископовъ, прямо называя упомянутыя рѣки Рязанскимъ предѣломъ. Притязанія Сарайскихъ епископовъ однако не прекращались до временъ митрополита Алексѣя, который около 1360 г. своею граматою окончательно утвердилъ спорныя мѣста за Рязанскою епархіею [23]). Вся эта часть степей по лѣвую сторону Дона на востокъ отъ Воронежа до береговъ Хопра и Вороны извѣстна была въ тѣ времена подъ общимъ названіемъ Червленаго Яра [24]), и представляла обширное поле для Русской

[22]) Ист. Рус. Цер. Митр. Платона. I. 139.

[23]) Граматы митрополитовъ Максима и Петра до насъ не дошли; но содержаніе ихъ извѣстно изъ граматъ на Червленный Яръ Θеогноста и Алексѣя. Ак. Ист. I. №№ 1 и 3. Кромѣ того сохранился списокъ съ отказной граматы Сарайскаго епископа Софонія, которую онъ далъ на Костромскомъ соборѣ: „и се азъ Епископъ Сарайскій Софоній пишу сію граммату предъ господиномъ моимъ Преосвященнымъ Θеогностомъ Митрополитомъ всея Россіи и предъ братьею своею Епископы Антоніемъ Ростовскимъ и Даніиломъ Суздальскимъ, отселѣ потомъ не вступатися въ предѣлѣхъ Рязанской на Великую Ворону, а оже вступлюся, осужденъ буду кононы. Того дѣла есьмь сію граммату далъ на утвержденіе". Историч. обозр. Ряз. Іерар. Т. Воздвиженскаго. 25 стр.

[24]) Мы еще имѣемъ довольно средствъ объяснить это загадочное названіе, хотя оно уже утратилось изъ народной памяти. Вотъ мѣста источниковъ, въ которыхъ упоминается о Червленомъ Ярѣ.

1. Объ немъ говорятъ граматы Θеогноста и Алексѣя. Первая начинается сло-

колонизаціи когда исчезло въ этихъ мѣстахъ господство Половецкихъ Ордъ. Татары, заступившіе ихъ мѣсто, не кочевали здѣсь такими густыми массами, какъ Половцы, и, вѣроятно по волѣ самихъ хановъ, не препятствовали распространенію на югѣ Русскихъ поселеній. Эти поселенія, расположенныя по теченію главныхъ рѣкъ, явились здѣсь еще въ XIII в., о чемъ свидѣтельствуютъ грамоты митрополитовъ Максима и Петра, на которыя ссылается Ѳеогностъ. Послѣдній въ своей грамотѣ, писанной между 1334 и 1353 гг. упоминаетъ о городахъ по рѣкѣ Воронѣ. Частые набѣги ординскихъ хищниковъ заставили Русскихъ князей прибѣгнуть къ содержанію въ степи карауловъ, которые могли бы вовремя извѣщать объ опасности. Начало такихъ карауловъ относится ко второй половинѣ XIV в.; они упоминаются въ первый разъ въ грамотѣ митр. Алексѣя (около

вами: „Благословеніе Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтемъ моимъ, къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ и къ попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ Червленаго Яру и ко всѣмъ городомъ, по Великую Ворону“. Вторая: „Благословеніе Алексѣя Митрополита всея Руси, ко всѣмъ хрестіаномъ, обрѣтающимся въ передѣлѣ Червленого Яру и по карауломъ возлѣ Хопоръ до Дону, попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ, и къ бояромъ“.

2. Ник. II. 105. подъ 1148 г.: „Князь Глѣбъ Юрьевичь иде къ Резани и бывъ во градѣхъ Червленнаго Яру и на Велицѣй Воронѣ и паки возвратися къ Черниговскимъ княземъ на помощь“.

3. Ibid IV. 161. Въ извѣстномъ хожденіи Пимена митрополита говорится: „Тожъ минухомъ (послѣ Тихой Сосны) и Червленый Яръ рѣку и Бѣтюкъ рѣку и Похоръ (Хоперъ) рѣку“.

4. Ibid. 298: „Тогожъ лѣта (1400) въ предѣлехъ Червленого Яру и въ короулехъ возлѣ Хопоръ у Дону, князь великій Олегъ Ивановичь съ Пронскими князи и съ Муромскимъ и съ Козельскимъ избиша множество Татаръ“.

5. Въ Рязан. Дост. сохранился отрывокъ „изъ сказки Козловскаго попа“. Червленый де Яръ усть Воронежѣ рѣки верстъ съ тридцать на низъ, а жильцы когда на томъ бывались, того онъ невѣдаетъ... А другой де Червленый Яръ на рѣкѣ на Хопрѣ усть рѣки Савалы, а впала Савала ниже Вороны отъ Воронежскаго устья верстъ со ста“.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что Червленый Яръ въ тѣсномъ смыслѣ назывались: во первыхъ, рѣка, впадающая въ Донъ между Тихою Сосною и Битюгомъ; во вторыхъ, часть берега при устьѣ Савалы, которая впадаетъ въ Хоперъ съ правой стороны пониже рѣки Вороны. Потомъ это названіе распространилось на земли лежащія между тѣмъ и другимъ Червленымъ Яромъ; а въ XIV ст. подъ нимъ разумѣлось все степное пространство, заключенное между рѣками Воронежомъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной.

1360 г.); у Θеогноста о нихъ еще не говорится ни слова. Въ началѣ это были не болѣе, какъ скрытые притоны разъѣзжихъ сторожей и станичниковъ, имѣвшихъ обязанностію наблюдать за движеніями Татаръ [25]); а въ послѣдующіе вѣка изъ нихъ развилась цѣлая и довольно сложная система пограничной стражи. Въ эпоху Димитрія Донскаго на ряду съ рязанскими встрѣчаются въ степяхъ уже караулы московскіе. Но Рязанское княжество болѣе, нежели какое либо другое, нуждалось въ подобныхъ мѣрахъ предосторожности; на него падали обыкновенно первые удары кочевниковъ. Лѣтописи по прежнему вспоминаютъ объ ихъ набѣгахъ на Рязанскія украйны; разница только въ имени разбойниковъ; вмѣсто Половцевъ читаемъ Татары.

На западной сторонѣ обстоятельства въ то время были благопріятны для Рязанскихъ князей; здѣсь представлялся имъ удобный случай пріобрѣсти новыя волости и распространить свое вліяніе на сосѣдей. Нашествіе Батыя особенно сокрушительнымъ образомъ подѣйствовало на княжества Кіевское и Черниговское; съ тѣхъ поръ онѣ все болѣе и болѣе увлекались подъ вліяніе сосѣдей. Послѣ мученической смерти Михаила Всеволодовича въ 1246 г. Черниговосѣверскія волости раздѣлились между его четырьмя сыновьями на княжества Брянское, Новосильское, Карачевское и Тарусское, которыя въ свою очередь раздробились на мелкіе удѣлы. Рязанскіе князья непреминули воспользоваться ослабленіемъ сосѣдей, такъ что въ началѣ XIV в. ихъ пограничная линія на западѣ шла отъ верховьевъ Мечи и Зуши къ среднему теченію Упы, потомъ къ устью Протвы и далѣе вверхъ по этой рѣкѣ. По крайней мѣрѣ въ договорной граматѣ Олега Ивановича съ Дмитріемъ Донскимъ (1381 г.) города Лужа, Верея и Боровскъ называются мѣстами прежде бывшими Рязанскими. Но присоединеніе степныхъ пространствъ на югѣ и лѣсныхъ бѣдно населенныхъ на западѣ не могло замѣнить потерю лучшихъ волостей на сѣверозападѣ. Сокращеніе предѣловъ съ этой стороны началось со времени неудачной войны Константина Романовича съ Даніиломъ Александровичемъ Московскимъ. Сынъ Даніила Георгій навсегда утвердилъ за Москвою Коломну со всѣми ея волостями. Иванъ Калита, судя по его духовному завѣщанію, присоединилъ къ Москвѣ прежнія Черниговскія волости по рѣкѣ Ло-

---

[25]) О Стар. и ст. службѣ на Пол. Укр. Моск. Гос. Бѣляева. Чт. О. И. и Д. № I. стр. 6.

паснѣ; хотя Рязанцамъ въ 1353 г. нечаяннымъ нападеніемъ удалось опять завладѣть Лопасною, но не надолго. Духовное завѣщаніе Ивана Ивановича, 1356 г. показываетъ, что Московскія пріобрѣтенія увеличились еще Каширою, Боровскомъ и другими мѣстами, которыя также въ XIII в. были отторгнуты Рязанцами отъ Сѣверскихъ княжествъ. На сѣверѣ и востокѣ Рязанскіе предѣлы по прежнему терялись въ лѣсахъ Мери, Мещеры и Мордвы.

Что касается до Муромскаго княжества, то оно послѣ Татарскаго погрома становится еще слабѣе, чѣмъ прежде, и едва обнаруживаетъ признаки жизни въ исторіи. Мы оставили Муромъ въ 30-хъ годахъ XIII ст., когда тамъ княжилъ Юрій Давыдовичъ, который вѣроятно погибъ при нашествіи Батыя. Ему наслѣдовалъ сынъ Ярославъ, о которомъ мы знаемъ потому только, что въ 1248 г. его дочь вышла за Бориса Васильковича Ростовскаго [26]). Подъ 1281 и 1288 г. лѣтопись упоминаетъ о разореніи Муромской земли Татарами. Въ половинѣ XIV вѣка находимъ въ Муромѣ двухъ братьевъ Василія и Юрія Ярославичей. Василій умеръ въ 1344 г. и положенъ былъ въ Муромской церкви Бориса и Глѣба. Юрій наслѣдовалъ ему и ознаменовалъ свое княженіе тѣмъ, что обновилъ городъ Муромъ, запустѣвшій, по словамъ лѣтописца, издавна, со временъ первыхъ князей, вѣроятно, послѣ Татарскаго разоренія. Въ 1351 г. Князь первый поставилъ въ городѣ свой дворъ: примѣру его послѣдовали бояре; за ними начали строиться купцы и черные люди. Обновили и святые храмы, украсивши ихъ иконами и книгами. Но Юрій недолго пользовался плодами своихъ трудовъ. Этотъ глухой край въ то время также страдалъ усобицами, какъ и другія княжества. Родъ Муромскихъ князей, очень мало намъ извѣстный, былъ повидимому довольно многочисленъ. Въ 1353 г. является въ исторіи какой-то Ѳедоръ Глѣбовичъ, очевидно родственникъ Юрія Ярославича. Онъ собираетъ большое войско, выгоняетъ Юрія изъ Мурома, и самъ садится на его мѣсто. Неизвѣстно почему, Муромцы были ему рады, и многіе граждане отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Орду хлопотать за него у Хана. Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Ѳедора Юрій воротился въ Муромъ, собралъ остальныхъ гражданъ, и пошелъ въ Орду судиться съ Ѳедоромъ. Долго судили ихъ ординскіе вельможи, и наконецъ утвердили Муромское княжество за послѣднимъ. Юрій былъ выданъ своему сопернику, подвергся тяжкому

---

[26]) Лавр. 201. Ник. III. 73, 87.

заключенію и умеръ въ великой нуждѣ [27]. Затѣмъ мы рѣшительно ничего не знаемъ о внутреннихъ событіяхъ въ Муромѣ.

Между тѣмъ какъ оба княжества, Муромское и Рязанское, все болѣе и болѣе забывали о своемъ прежнемъ родствѣ, въ іерархическомъ отношеніи онѣ продолжали составлять одно цѣлое.

Мы говорили о томъ, что въ концѣ XII в. Рязань отдѣлилась отъ Черниговской епархіи и получила собственнаго епископа въ лицѣ Арсенія (1198—1212 г.). Потомъ упоминали о Ефросинѣ Святогорцѣ (1224—1238). Затѣмъ положительное историческое свидѣтельство о Рязанскомъ епископѣ находимъ не ранѣе 1284 г. Изъ приписи къ извѣстному Рязанскому списку Кормчей книги мы видимъ, что около того времени митрополитъ Максимъ поставилъ на Рязань епископа Іосифа [28]. Въ промежутокъ отъ Ефросина до Іосифа Рязанская каѳедра оставалась иногда безъ своихъ собственныхъ святителей, на что указываютъ слова приписи: „непрезрѣ Богъ въ державѣ нашей церковь вдовствующь“. Причина того заключалась въ смутномъ времени, наступившемъ послѣ Татарскаго нашествія. Позднѣе Іосифа упоминаются слѣдующіе епископы въ Рязани [29]: Василій I-й, скончавшійся въ 1295 г.; Григорій, который въ 1325 г. присутст-

---

[27]) Ник. III. 182, 194, 205.

[28]) Вотъ слова этой приписи: „Во дни Благовѣрнаго Христолюбца Князя Ярослава и брата его Ѳедора Резанскихъ Князей и Великой Княгини матери ихъ Анастасіи, благодать Іис. Хрис. Гос. Спаса нашего, посѣтивши Святую церковь Рязанскую и въ совокупленіе сбирающись единогласіемъ и духомъ мирнымъ, вѣровавше благодати Христовѣ и Св. Духу Благовѣрная Княгиня рече: да ти дастъ Богъ, Отче, за трудъ небесный покой; непрезрѣ Богъ въ Державѣ нашей церковь вдовствующь, сирѣчь, безъ Епископа, и безъ ученья Святыхъ отецъ. Благодаримъ о семъ Бога и Преосвященнаго Максима Митрополита, исполняя бо желаніе Богомъ избранному пастырю и учителю словеснаго стада Православныя вѣры нашея, отцу нашему по духу, Священному Епископу Іосифу Богоспасеннѣй области Рязанстей; о семъ благодаритъ господство наше преподобство твое Іосифа, еже Христѣ пріявъ писаніе се отъ великаго Владычества преславнаго града Кіева отъ него же отрасль ты быхомъ; азъ же Епископъ Іосифъ Рязанскій, испросивъ отъ Митрополита Протофронето, препасахъ на увѣдѣніе разуму и на просвѣщеніе вѣрнымъ и послушающимъ и за свято-почившихъ Князь Рязанскихъ и преосвященныхъ Епископъ“. Обоз. Кормч. Кн. Б. Розенкампфа. с. 61.

[29]) Лавр. 208. Ник. III. 93, 206. П. С. Р. Л. III. 73. Ак. Ист. I. №№ 1, 2, 3.

вовалъ на погребеніи Московскаго князя Юрія Даниловича; Кириллъ, которому митрополитъ Ѳеогностъ далъ грамату на спорныя мѣста по Великой Воронѣ; Георгій,—ему Александръ Михайловичъ Пронскій въ 1340 г. далъ село Остромино, и Василій II. Послѣдній, по словамъ лѣтописи, въ 1355 г. былъ поставленъ митрополитомъ Алексіемъ „въ Рязань и Муромъ"; для него Алексій писалъ грамату на Червленый Яръ о спорныхъ мѣстахъ; онъ же упоминается въ граматѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича, данной Ольгову монастырю.

Василій II по нашему мнѣнію, былъ тотъ самый святой епископъ, о которомъ разсказывается въ житіи Муромскихъ чудотворцевъ Константина и чадъ его. Василія Святаго обыкновенно отождествляютъ съ Василіемъ I, не представляя на это почти никакихъ доказательствъ [30]). Содержаніе житія, напротивъ, довольно ясно говоритъ въ пользу Василія II [31]). Изъ него мы заключаемъ: во-первыхъ,

---

[30]) Напр. Ист. Рус. Цер. Фил. I. 132. Ряз. Іерар. Воздвиж. 15.

[31]) Прологъ мѣсяца Маія 21. дня. Вотъ его содержаніе: Спустя много лѣтъ по преставленіи Благ. Князя Константина и чадъ его, и по запустѣніи города Мурома отъ невѣрныхъ людей, и спустя много лѣтъ послѣ Благовѣрнаго князя Петра, прибылъ изъ Кіева въ Муромъ Благовѣрный князь Георгій Ярославичъ... Сей Князь обновилъ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы и вторый храмъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и поставилъ у церкви ихъ по прежнему Епископа, именемъ Василія, мужа праведнаго и благочестиваго. Народъ Муромскій по одному подозрѣнію на житіе Святителя, неприличное сану его, былъ причиною перенесенія престола епископа изъ Мурома въ Рязань. Тщетно праведникъ доказывалъ свою невинность; ослѣпленные не слушали его и хотѣли даже умертвить. Св. Василій воззвалъ: отцы и братіе! дадите мнѣ малое время до утрія до третьяго часа дне! Кротость пастыря и произнесенныя имъ слова на время успокоили волненіе въ народѣ; онъ разошелся по домамъ. Благочестивый епископъ молился со слезами во всю ночь во храмѣ страстотерпцевъ; съ наступленіемъ дня, совершивъ литургію, пошелъ въ церковь Благовѣщенія и тамъ предъ образомъ Пресв. Богородицы, принесенномъ нѣкогда изъ Кіева Благовѣрн. Княземъ Константиномъ, отпѣлъ молебенъ. Возложивъ надежду спасенія своего на заступницу небесную, Василій взялъ Чудотворную икону и съ ней пошелъ изъ церкви и Епископіи своей до рѣки Оки. Проваждаху его вельможи града и весь народъ хотяше ему дати судно ко плаванію. Святый же стоя съ образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снялъ съ себя мантію и простре ю на воду, и поступи на ню, нося образъ Пресв. Богородицы, и абіе несенъ бысть духомъ бурнымъ противу быстрины рѣчныя, отнюду же рѣка течетъ. Видѣвше же сіе чудо Муромскіи граждане начаху вопити:

св. Епископъ былъ современникъ Георгія Ярославича, обновившаго Муромъ, и Олега (Ивановича) Рязанскаго, а во-вторыхъ, епископское мѣстопребываніе, колебавшееся дотолѣ между Рязанью и Муромомъ, съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ первой, потому что въ ней именно встрѣчаются предыдущіе святители въ 50-хъ годахъ XIV столѣтія—окончательно утверждается въ Рязани. Судя по времени, очень можетъ быть, что это событіе имѣло связь съ упомянутыми смутами въ Муромѣ.

Успѣхи христіанской проповѣди въ Рязанскихъ предѣлахъ замедлились въ первое время послѣ Татарскаго нашествія. Хотя Татары, какъ извѣстно, не воздвигали гоненія на православную вѣру; но близкое сосѣдство съ ними и частые грабежи конечно мѣшали матеріальному благосостоянію жителей и развитію христіанской цивилизаціи. Тѣмъ не менѣе святая вѣра продолжала постоянно пріобрѣтать новыхъ поклонниковъ. Граматы митрополитовъ на Червленный Яръ указываютъ на присутствіе осѣдлаго христіанскаго населенія въ мѣстахъ между Дономъ и Хопромъ. Остатки Половцевъ, тѣснимые Татарами, искали убѣжища въ юговосточныхъ предѣлахъ Руси, и, сближаясь съ Русскими, мало по малу обращались къ христіанству. Многіе потомки Половецкихъ хановъ и вельможъ вступили въ службу къ Рязанскимъ князьямъ, и сдѣлались родоначальниками нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій таковы напримѣръ Кобяковы. Въ Рязань приходятъ также выходцы изъ Орды, и принимаютъ св. крещеніе.

Къ первой половинѣ XIV в. относится начало христіанскихъ князей въ Мещерѣ. Князья Ширинскіе подняли брань на Царя Большой Орды, и въ 1298 г. ушли изъ нея кочевать на Волгу. Одинъ изъ нихъ Бахметъ Усейновъ сынъ пришелъ въ Мещеру,

---

о Святый Владыко Василій! прости насъ грѣшныхъ рабовъ своихъ. И абіе Святый Василій Епископъ взятся изъ очію Муромскаго народа... и того же дня въ девятый часъ принесенъ бысть на мѣсто, еже нынѣ зовомо *старая Рязань*. Ту бо тогда пребываху Князи рязанскіи. Великій же Князь Рязанскій, именемъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всемъ освященнымъ соборомъ и пріятъ Святаго Епископа Василія, радуясь со всѣми православными христіанами и тако пребысть Муромская епископія въ Рязани. Нарицается же и до днесь Борисоглѣбское одержаніе ради града Мурома святому князю Глѣбу. По семъ же паки Муромъ отъ Рязанскихъ епископовъ благословляется: сами же къ тому епископи въ Муромъ на житіе невозвращахуся" и т. д. (Изъ Раз. Дост.).

взялъ ее войною и остался здѣсь княжить. Въ Мещерѣ родился у него сынъ Беклемишъ, который въ послѣдствіи принялъ крещеніе и назвался Михаилъ. Онъ поставилъ въ Андреевѣ Городкѣ храмъ Преображенія и крестилъ съ собою многихъ людей. У него былъ сынъ Ѳедоръ, а у Ѳедора Юрій, который въ 1380 г. пришелъ съ полкомъ своимъ на помощь къ Великому Князю Димитрію противъ Мамая, отличился и палъ въ битвѣ на Куликовомъ полѣ [32]). Такимъ образомъ въ Мещерскихъ земляхъ по Цнѣ и Мокшѣ въ началѣ XIV ст. образуется новое удѣльное княжество и въ тоже время полагаются основы для будущихъ успѣховъ христіанскаго ученія и гражданственности. Андреевъ Городокъ конечно не былъ единственнымъ городомъ въ этихъ мѣстахъ; уже мы встрѣтили здѣсь прежде Кадомъ, а нѣсколько позднѣе находимъ еще Темниковъ и Елатомъ. Кромѣ Бахметева рода въ Мещерѣ продолжали существовать и туземные князья. Послѣдніе также начинаютъ въ XIV в. принимать христіанство, на что намекаетъ загадочный Александръ Уковичъ, который встрѣчается въ договорныхъ граматахъ Димитрія Донскаго и его преемниковъ съ Рязанскими князьями; первая половина его имени обнаруживаетъ христіанина, а вторая указываетъ на отца язычника. Судя по тому, что Александръ Уковичъ въ граматахъ сопоставляется Рязанскому князю Ивану Ярославичу, можно отнести его къ первой половинѣ XIV в. Мещерскіе князья конечно были слишкомъ слабы для того, чтобы пользоваться самостоятельностію и неподпасть вліянію Русскихъ сосѣдей, преимущественно Рязанцевъ; но со второй половины этого вѣка здѣсь начинаетъ преобладать господство Москвы.

Если обратиться къ внутреннему состоянію Рязанскаго княжества въ первый вѣкъ Монгольскаго владычества, то и въ этомъ отношеніи мы не можемъ представить утѣшительной картины. Княжество, насколько позволяютъ судить источники, плохо оправлялось отъ Татарскаго погрома. Главною причиною того было невыгодное географическое положеніе. Надъ Рязанскою землею болѣе, нежели надъ какою либо другою частію Россіи, тяготѣло варварское иго. Какая могла быть безопасность въ странѣ, неимѣющей естественныхъ границъ и совершенно открытой съ юговостока, въ сосѣдствѣ съ варварами, которые не пропускали ни одного удобнаго случая по-

[32]) Родосл. Кн. Долгор. II. стр. 15, 23.

грабить Русскіе города и селенія? а при отсутствіи безопасности могло ли населеніе, въ особенности сельское, много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства? Завидѣвъ густое облако пыли или отдаленное зарево пожара, народъ спѣшилъ собирать свои семейства и стада; захватывалъ то, что можно было унести съ собою, и, если, успѣвалъ, спасался въ сосѣдніе лѣса; бѣдныя хижины оставались на жертву огню, а неубранная жатва исчезала подъ копытами татарскихъ коней. Жители поэтому искали болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія, и цѣлыми толпами уходили далѣе на сѣверъ, особенно въ Московскія владѣнія, сравнительно наслаждавшіяся гораздо большимъ спокойствіемъ. Хотя митрополичьи граматы упоминаютъ о городахъ по Хопру и Великой Воронѣ; но источники нигдѣ не называютъ ихъ по имени, и трудно себѣ представить, что это были за города и какъ велико было населеніе той стороны, когда мѣста, гораздо ближайшія къ центру Рязанскаго княжества, напр. берега верхняго Дона, въ концѣ XIV в. все еще представляли развалины и запустѣніе; въ самой срединѣ княжества до второй половины XIV в. не встрѣчаемъ новыхъ городовъ. Варварскій элементъ въ составѣ населенія съ XIII в. еще болѣе усилился новыми толпами Половцевъ и Татаръ. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы смягчилась та суровость нравовъ, о которой мы говорили. Лѣтописи изображаютъ намъ Рязанцевъ XIV в. людьми свирѣпыми, гордыми, въ то же время коварными и робкими. Не смотря на явное пристрастіе, въ этомъ изображеніи есть значительная доля правды; только въ трусости Рязанцевъ упрекать нѣтъ основанія, и пораженія, которыя они терпѣли иногда отъ Москвитянъ, скорѣе можно объяснять излишнею отвагою и плохимъ состояніемъ военнаго искусства, нежели робостію.

Внѣшняя политика Рязанскихъ князей опредѣлялась географическимъ положеніемъ княжества. На первомъ планѣ стояли отношенія къ завоевателямъ. Близость Орды, полустепной характеръ природы на югъ отъ Оки и Прони, разъединеніе и слабость силъ отнимали всякую надежду на возвращеніе независимости. Дѣйствительно лѣтописи ни разу не говорятъ о томъ, чтобы въ этой сторонѣ когда либо обнаружилась попытка къ борьбѣ за свободу Русской земли. Въ безъусловной покорности Рязанскіе князья видѣли единственное средство удержать за собою свои волости и спасти ихъ отъ новыхъ разореній. Нѣтъ сомнѣнія, что они усердно исполняли всѣ ханскія требованія; часто ѣздили въ Орду съ выходомъ и богатыми подарками

и водили свои дружины на помощь Татарскимъ войскамъ. Покорность Хану однако не мѣшала имъ, какъ увидимъ послѣ, оружіемъ расправляться съ толпами кочевниковъ, которыя самовольно приходили грабить ихъ волости. Подобныя шайки изъ грабителей нерѣдко обращались въ союзниковъ и вступали въ службу князей, также безъ ханскаго позволенія; Татары напримѣръ, вмѣстѣ съ Рязанцами были разбиты подъ Переяславлемъ въ 1301 г.; а между тѣмъ незамѣтно, чтобы это обстоятельство произвело неудовольствіе въ Ордѣ. Съ начала XIV в. явилась новая и едва ли не самая важная причина, заставлявшая Рязанскихъ князей заискивать благоволенія Хановъ; — это была опасность, которая начинала грозить ихъ самостоятельности со стороны Москвы. Уже при первомъ столкновеніи Рязанцевъ съ Москвитянами обнаружилось все матеріальное и нравственное превосходство собирателей Русской земли надъ своими соперниками. На этотъ разъ Рязанцы спаслись, можетъ быть, покровительствомъ Орды и отдѣлались потерею Коломны. Московскіе Великіе Князья послѣ того идутъ къ своей цѣли болѣе медленными, но за то вѣрными шагами; отнимая волости у Рязанскихъ, они въ тоже время искусно ведутъ съ ними борьбу въ самой Ордѣ, и, пріобрѣтая благосклонность Хановъ, лишаютъ ихъ самой могущественной опоры. Едва ли, напримѣръ, не происки Калиты были причиною того, что Иванъ Ярославичъ лишился головы по приказанію Узбека. Сыновья Калиты въ этомъ отношеніи подражали отцу, и близорукая политика Орды не препятствовала усиленію Москвы на счетъ тѣхъ или другихъ сосѣдей. Успѣхамъ Москвитянъ много содѣйствовало внутреннее разъединеніе Рязанцевъ и княжескія усобицы, обычное явленіе древней Руси. Съ конца XIII в. Рязанскія земли опять распадаются на два главные удѣла: собственно Рязанскій и Пронскій; вражда не разъ возобновлявшаяся между ихъ князьями, сдѣлалась наслѣдственною въ потомствѣ двухъ сыновей Александра Михайловича, Ивана и Ярослава. Кромѣ споровъ за волости причиною непріязни было стремленіе Пронскихъ князей обособиться и стать въ равныя отношенія къ старшей линіи. Слишкомъ слабые для того, чтобы бороться собственными средствами, они нашли могущественныхъ союзниковъ въ Московскихъ князьяхъ, которые пользовались случаемъ утвердить свое вліяніе на дѣла сосѣдняго княжества и постепенно приготовить его паденіе.

Послѣ Ординскихъ и Московскихъ отношеній, которыя стояли на первомъ планѣ, Рязанскіе князья не упускали изъ виду также своихъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей. Въ XIII в. они воспользова-

лись раздробленіемъ Сѣверскаго княжества, и съ успѣхомъ старались подчинить своему вліянію потомковъ Михаила Черниговскаго. Но въ XIV ст. это вліяніе встрѣтило себѣ опасное соперничество кромѣ Москвитянъ еще со стороны Литовскихъ князей, которые въ то время начали собираніе югозападной Руси. На востокѣ Рязанцы безъ сомнѣнія не упускали случая подчинить себѣ Мещерскихъ и Мордовскихъ владѣтелей; но и здѣсь въ XIV в. они встрѣтили тѣхъ же торжествующихъ соперниковъ Москвитянъ.

Трудно представить характеристику самой личности Рязанскихъ князей во второй половинѣ XII в. и въ первой XIV; они появляются въ исторіи всегда мимоходомъ, большею частію по поводу своей кончины, а нѣкоторые извѣстны только по имени, такъ что не оставляютъ послѣ себя никакого опредѣленнаго образа. Только два лица нѣсколько выдѣляются изъ ряда 12 или 13 князей: съ одной стороны останавливаетъ наше вниманіе Романъ Ольговичъ, окруженный ореоломъ христіанскаго мученика; а съ другой, какъ противуположное явленіе, мрачная тѣнь Коротопола. Конечно убіеніе родственниковъ свидѣтельствуетъ о жестокомъ характерѣ князей и загрубѣлыхъ Рязанскихъ нравахъ; надобно вспомнить однако, что подобные примѣры встрѣчались въ тѣ времена не въ одной Рязани, и не производили повидимому особенно сильнаго впечатлѣнія на народъ. (Напр. борьба Москвы съ Тверью).

Обыкновенно перенесеніе столицы изъ Рязани въ Переяславль приписываютъ Олегу Ивановичу; мы думаемъ, что оно относится ко времени его предшественниковъ. Послѣ татарскаго нашествія лѣтописи почти совсѣмъ не упоминаютъ о городѣ Рязани, между тѣмъ какъ около Переяславля сосредоточиваются всѣ главныя событія Княжества. Въ 1300 г. у Переяславля, неизвѣстно зачѣмъ, сходились Ярославичи; въ слѣдующемъ году подъ его стѣнами былъ разбитъ Константинъ Даніиломъ Московскимъ; здѣсь Коротополъ убилъ Александра Михайловича Пронскаго; сюда пришелъ Ярославъ Александровичъ съ Татарами и выгналъ Коротопола. Очень вѣроятно, что князья уже съ XIII в. стали предпочитать Рязани болѣе надежныя укрѣпленія Переяславля. Притомъ же первый городъ былъ нѣсколько удаленъ отъ центра Рязанскихъ владѣній и выдавался на востокъ, въ глухую Мещерскую сторону; а второй занималъ почти серединное положеніе, и былъ гораздо ближе къ Москвѣ, откуда теперь грозила постоянная опасность; слѣдовательно, въ стратегическомъ отношеніи это былъ лучшій пунктъ въ цѣломъ княжествѣ.

ГЛАВА V.

Олегъ Ивановичъ.

1350—1402.

Нападеніе на Лопасну. Бѣдствія въ Рязани. Борьба Олега съ князьями Московскимъ и Пронскимъ. Союзъ съ Димитріемъ. Татарскіе погромы. Эпоха Куликовой битвы. Обвиненія въ измѣнѣ. Предполагаемое участіе Олега въ событіяхъ 1380 года. Договоръ съ Димитріемъ. Тохтамышъ. Послѣдняя война съ Москвою. Вѣчный миръ. Татарскія отношенія. Борьба съ Витовтомъ. Подручники Рязани. Личность Олега. Внутренняя дѣятельность и политическія стремленія. Олеговы бояре. Ефросинія.

Не старше 12 или 15 лѣтъ остался Олегъ—въ крещеніи Іаковъ—послѣ смерти своего отца Ивана Александровича. Мы не можемъ указать на обстоятельства, которыя сопровождали юные годы Олега, и потому не знаемъ, подъ вліяніемъ какихъ впечатлѣній сложился этотъ замѣчательный характеръ. Все княженіе его отца лѣтописи проходятъ совершеннымъ молчаніемъ, которое заставляетъ предполагать отсутствіе важныхъ событій внѣшнихъ; видимъ только, что Иванъ Александровичъ упрочилъ великокняжескій Рязанскій столъ за своимъ сыномъ, а Пронскій удѣлъ предоставилъ племяннику Владиміру Димитріевичу.

Повсему замѣтно, что умные и преданные совѣтники окружали Олега, когда онъ сѣлъ на отцовскомъ столѣ. Они съумѣли поддержать внутреннюю тишину, и довольно искусно воспользовались обстоятельствами для того, чтобы возвратить часть потерянныхъ волостей. Черная смерть, опустошавшая въ то время сѣверную Россію, кончина Симеона Гордаго, и отсутствіе Московско-Суздальскихъ князей, споривших въ Ордѣ о Великомъ княженіи—все это благопріятствовало предпріятію Рязанцевъ. Въ Петровки 1353 года они

захватили внезапнымъ нападеніемъ городъ Лопасну. Лопасненскій намѣстникъ Михаилъ Александровичъ попался въ ихъ руки, и перенесъ жестокое заключеніе, пока небылъ выкупленъ изъ плѣна. Олегъ въ этомъ дѣлѣ или не принималъ личнаго участія или дѣйствовалъ подъ вліяніемъ другихъ; лѣтописецъ замѣчаетъ о немъ только слѣдующее: „Князь же ихъ Олегъ Ивановичъ тогда еще былъ младъ“ [1]). Миролюбивый Иванъ Ивановичъ Московскій, воротившись изъ Орды, не захотѣлъ начинать войны за Лопасну, и оставилъ въ покоѣ Рязанцевъ. Надобно отдать при этомъ справедливость молодому князю и его совѣтникамъ; они не употребили во зло уступчивости сосѣда, и новыми попытками не вызывали его на рѣшительную борьбу.

Рязанское княжество замѣтно стало оправляться послѣ бѣдствій, причиненныхъ внутренними усобицами и внѣшними врагами; оно освободилось отъ вліянія Москвы, тяготѣвшаго надъ нимъ съ начала XIII вѣка до смерти Симеона Гордаго, и не потеряло на сѣверѣ ни одной деревни во все княженіе его брата [2]). Въ отношеніяхъ двухъ княжествъ видно уже нѣкоторое равенство. Такъ въ 1355 г. во время Московскихъ смутъ, по поводу насильственной смерти тысяцкаго, двое большихъ бояръ съ семействами отъѣхали изъ Москвы въ Рязань. Впрочемъ черезъ два года Ивану опять удалось перезвать ихъ къ себѣ [3]).

Бѣдствія разнаго рода не замедлили помрачить счастливое начало Олегова правленія. Въ 1352 г. губительное дыханіе Черной смерти, распространявшееся съ запада на востокъ, менѣе другихъ Русскихъ областей отозвалось на Рязанской Украйнѣ: имя Рязани не упомянуто лѣтописцами въ числѣ опустошенныхъ городовъ; напротивъ

---

[1]) Ник. III. 203. Слѣдовательно нѣтъ основанія повторять слова знаменитаго Исторіографа, что, „преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, Олегъ дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ“ и пр. IV. 173. Лѣтопись не упоминаетъ о томъ, чтобы онъ жегъ, грабилъ Лопасну и мучилъ тѣлесно ея намѣстника.

[2]) Слѣдующія слова въ духовной Ивана Ивановича (С. Г. Г. и Д. I. № 26): „А что ся мнѣ достали мѣста Рязаньская на сей сторонѣ Оки и съ тыхъ мѣстъ далъ есмь Князю Володимеру въ Лопастны мѣста, новый городокъ на усть пороттли, а иная мѣста Рязаньская отъмѣньная сыну моему Князю Димитрію и Князю Ивану, подѣлятся на полы безъ обиды“ едва ли указываютъ на то, что эти мѣста были отняты Иваномъ II у Рязанцевъ; онѣ могли достаться ему по наслѣдству.

[3]) Ник. III. 208 и 210.

Князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій отослалъ свою княгиню въ Рязань для предохраненія отъ язвы [4]). Но въ 1364 язва появилась снова, и на этотъ разъ приняла обратное направленіе—съ востока; изъ Бездежа она была занесена въ Нижній Новгородъ, а оттуда пошла на Рязань, Коломну, Москву и т. д. Въ 1358 г. пришелъ въ Рязанскую землю Татарскій царевичъ Маматъ-Хожа, и послалъ въ Москву предложеніе утвердить прочныя границы между княжествами Московскимъ и Рязанскимъ; но Иванъ II не пустилъ его въ свою отчину, заподозривъ въ пристрастіи къ Олегу; Царевичъ возвратился въ Орду и былъ казненъ по ханскому повелѣнію; тѣмъ не менѣе для Рязанцевъ дорого обошлось это посѣщеніе [5]). Въ 1365 г. Ординскій князь Тагай, который не задолго передъ тѣмъ утвердился въ Мордовской странѣ (въ Наровчатѣ), нечаянно напалъ на Переяславль Рязанскій съ Татарами и Мордвою; взялъ городъ, сжегъ его и разграбилъ ближнія волости. Обремененные добычей и большимъ числомъ плѣнниковъ, непріятели медленно возвращались назадъ. А между тѣмъ Олегъ Ивановичъ не терялъ времени; онъ успѣлъ собрать дружину, призвать на помощь Владиміра Пронскаго и Тита Козельскаго, и погнался за Тагаемъ. Рязанцы настигли Татаръ подъ Шишевскимъ лѣсомъ, и послѣ жаркой битвы одержали надъ ними побѣду. Тагай, до того времени гордый своимъ могуществомъ, спасся бѣгствомъ съ немногими людьми [6]).

Миновало шесть лѣтъ, не отмѣченныхъ никакимъ событіемъ. Послѣдующая исторія однако заставляетъ догадываться, что согласіе Олега Ивановича съ Владиміромъ Пронскимъ послѣ нашествія Тагая было нарушено, и опять возобновилась борьба Рязанскихъ князей съ Пронскими. Въ связи съ этою борьбою снова началось наступательное движеніе Москвы на Рязань, пріостановленное на время миролюбивымъ характеромъ Ивана Ивановича, споромъ за великокняжеское достоинство послѣ его смерти и отношеніями Димитрія Ивановича къ Твери и къ Литвѣ. Хотя въ 1370 г. на помощь Москвитянамъ противъ Ольгерда ходили полки Рязанскіе и Пронскіе, однако уже въ слѣдующемъ году началась открытая война

---

[4]) Ник. III. 198. безъ означенія причины; въ Ряз. Дост. прибавлено: „отъ мору“.

[5]) Ник. III. 210. Татищ. IV. 185.

[6]) Ник. IV. 11.

между Москвою и Рязанью [7]). 14 Декабря 1371 г. Великій князь послалъ свою рать на Рязань подъ начальствомъ Димитрія Михайловича Волынскаго. Олегъ собралъ свою дружину, и бодро выступилъ на битву. Рязанцы успѣли уже позабыть неудачи прежнихъ войнъ съ Москвитянами; первыя 20 лѣтъ Олегова княженія пробудили въ нихъ сознаніе собственныхъ силъ, и они заранѣе обнаружили увѣренность въ побѣдѣ. Эта гордая и вскорѣ обманутая увѣренность подала поводъ сѣверному лѣтописцу высказать вполнѣ свое нерасположеніе къ сосѣдямъ. „Рязанцы, свирѣпые и гордые люди, говоритъ онъ, до того вознеслись умомъ, что въ безуміи своемъ начали говорить другъ другу: не берите съ собою доспѣховъ и оружія, а возмите только ремни и веревки, чѣмъ было бы вязать робкихъ и слабыхъ Москвичей. Послѣдніе напротивъ шли со смиреніемъ и воздыханіемъ, призывая Бога на помощь. И Господь, видя ихъ смиреніе, Москвичей вознесъ, а гордость Рязанцевъ унизилъ“. Битва произошла недалеко отъ Переяславля Рязанскаго на мѣстѣ, называвшемся Скорнищево. Уже самое имя Московскаго вождя было плохимъ предзнаменованіемъ для Рязанцевъ; въ отношеніи военнаго искусства Олегъ уступалъ осторожному и талантливому Волынскому, который вѣроятно въ свою пользу обратилъ излишнюю самонадѣянность непріятелей и приготовилъ имъ какую нибудь неожиданность. „Тщетно махали Рязанцы веревочными и ременными петлями, продолжаетъ лѣтописецъ; они падали какъ снопы и были убиваемы какъ свиньи. Итакъ Господь помогъ Великому князю Димитрію Ивановичу и его воинамъ: одолѣли Рязанцевъ, а князь ихъ Олегъ Ивановичъ едва убѣжалъ съ малою дружиною“. Ременныя и веревочныя петли, о которыхъ здѣсь говорится, вѣроятно были ничто иное, какъ арканы, въ первый разъ употребленные Рязанцами въ Скорнищенской битвѣ [8]), и перешедшіе къ нимъ отъ степныхъ со-

---

[7]) По словамъ Татищева причиною войны былъ возобновившійся споръ за Лопасну, которую Олегъ просилъ у Димитрія, какъ вознагражденіе за помощь противъ Ольгерда. Димитрій отказалъ ему на томъ основаніи, что Олегъ постоялъ только на границѣ и не пошелъ оборонять Москву въ то время, когда Ольгердъ опустошалъ ея окрестности. IV. 223.

[8]) Догадка С. М. Соловьева. И. Р. III. прим. 480.

Ник. IV. 31. 32. Г. Воздвиженскій въ Историч. Обозр. Ряз. Губ. (стр. 128), необъясняя почему, принимаетъ Скорнищево за теперешнее село Канищево, которое находится верстахъ въ пяти отъ губ. города Рязани. Его мнѣніе впрочемъ

сѣдей. Эти то арканы конечно ввели въ заблужденіе лѣтописца, приписавшаго Рязанцамъ такое легкомысліе, что они не хотѣли брать съ собою оружія, а собирались прямо вязать Москвитянъ веревками.

Когда Олегъ убѣжалъ, Владиміръ Дмитріевичъ Пронскій немедленно сѣлъ на Рязанскомъ столѣ. Этотъ фактъ яснѣе всего говоритъ объ участіи, которое Пронскій князь принималъ въ войнѣ Димитрія съ Олегомъ. Торжество Владиміра и Москвитянъ было непродолжительно. Съ помощію татарскаго мурзы Салахміра, который привелъ изъ Орды значительную дружину [9]), Олегъ изгналъ непріятелей изъ своего княжества, и привелъ въ свою волю Владиміра Пронскаго.

Димитрій Московскій на этотъ разъ уклонился отъ рѣшительной войны съ Рязанскимъ княземъ. Его вниманіе и силы были заняты въ то время возобновившеюся борьбою съ Михаиломъ Тверскимъ и Ольгердомъ Литовскимъ. Притомъ онъ уже становился въ оборонительное положеніе со стороны завоевателей; ордынскія отношенія явно приближались къ развязкѣ. Слѣдовательно Димитрій нуждался въ союзникахъ. Для него очень важно было участіе, какое могли принять Рязанцы въ той и другой борьбѣ. На юговостокѣ Московскіе предѣлы, въ случаѣ союза съ Олегомъ, оставались почти безопасны отъ Татарскихъ нашествій за обширными степями и лѣсами Рязанской области; на югозападѣ для Москвы было бы очень невыгодно соединеніе трехъ сильныхъ сосѣдей, Ольгерда, Михаила и Олега. Потому-то, можетъ быть, Димитрій и хотѣлъ утвердить Рязанское княжество за Владиміромъ Пронскимъ; но убѣдившись, что для этого слишкомъ мало одного удачнаго похода, онъ—или его умные совѣтники—понялъ, съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло, и предпочелъ вмѣсто врага пріобрѣсти въ Олегѣ себѣ союзника, хотя и и ненадежнаго. Великій князь примирилъ соперниковъ и довольствовался уступкою нѣкоторыхъ волостей. До насъ не дошла ни договорная грамата, ни даже извѣстіе о договорѣ; послѣдующія событія однако не допускаютъ сомнѣній въ его существованіи. Послѣ

подтверждается слѣдующими словами договорной грамоты Василія Дмитріевича съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (№ 36): „была рать отца моего великаго князя Дмитрея Ивановича на Скорнищевѣ у города" (конечно Переяславля). Самый ходъ расказа не противорѣчитъ этой мѣстности.

[9]) Изъ родосл. дворянъ Вердеревскихъ. Арх. Ряз. Деп. Двор. Собр.

того въ продолженіе осьми лѣтъ не нарушались дружескія отношенія Димитрія къ Олегу, основанныя на взаимномъ вспоможеніи. Не знаемъ, посылалъ ли Рязанскій князь опять свои войска на помощь Москвитянамъ противъ Ольгерда; но что онъ былъ ихъ союзникомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ двѣ договорныя граматы Димитрія Ивановича съ Ольгердомъ (въ 1372 г.) и Михаиломъ Тверскимъ (1375 г.): первая въ числѣ сторонниковъ Московскаго князя упоминаетъ Олега Рязанскаго и Владиміра Пронскаго [10]); вторая признаетъ Великаго князя Рязанскаго Олега третейскимъ судьею въ спорныхъ дѣлахъ между Москвою и Тверью [11]). Еще замѣтнѣе обозначился союзъ Димитрія и Олега въ отношеніяхъ къ Татарамъ. Надѣясь на Московскую помощь, Олегъ по видимому обнаружилъ намѣреніе, если не совсѣмъ сбросить, то по крайней мѣрѣ ослабить тяжесть Монгольскаго ига. Но Рязанская земля дорого поплатилась за дружбу съ Москвою. „Въ 1373 г. пришли Татары изъ Орды отъ Мамая на Рязанскаго князя Олега Ивановича, города его пожгли, множество людей побили, и съ большимъ полономъ воротились во свояси“. Димитрій съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ слишкомъ поздно явился на помощь къ союзнику; онъ ограничился тѣмъ, что сталъ на берегу Оки и не пустилъ Татаръ перейти на сѣверную сторону. Въ 1377 г. царевичъ Арапша, извѣстный въ исторіи пораженіемъ Русскаго ополченія на рѣкѣ Пьянѣ, осенью сдѣлалъ набѣгъ на Рязанскую землю, и взялъ Переяславль. Захваченный врасплохъ, Олегъ Ивановичъ попался было въ плѣнъ; но вырвался и убѣжалъ, весь израненный татарскими стрѣлами [12]). Какъ великъ былъ ужасъ, наведенный Арапшею на жителей, видно изъ того, что въ Рязанской землѣ долго ходили потомъ страшные разсказы о подвигахъ Царевича, и онъ превратился въ миѳическое лицо какого

---

[10]) С. Г. Г. и Д. I. № 31. Карам. V. прим. 29. Ист. Солов. III. 344. Великій Князь Романъ, поставленный въ граматѣ между Олегомъ и Владиміромъ, не названъ Рязанскимъ, да и не могъ имъ быть: во первыхъ, въ то время въ Рязанской области не было третьяго удѣла, который имѣлъ бы названіе Великаго княженія; а во вторыхъ, имя Романа не носилъ ни одинъ Рязанскій князь, современный Олегу. Вѣроятнѣе всего это былъ Романъ Новосильскій, о которомъ упоминаетъ Дог. Гр. Васил. Дмитр. съ Ѳедор. Ольг. (№ 36).

[11]) Ibid. № 28. Здѣсь эта грамата приведена подъ 1368 г. Г. Савельевъ въ статьѣ „Историч. значеніе Дмитрія Донскаго“. (Ж. М. Н. П. 1837 г. Іюнь) очень правдоподобно доказываетъ, что она относится къ 1375 г.

[12]) Ник. IV. 39. 54. П. С. Р. Л. IV. 74.

то богатыря-великана. Въ слѣдующее лѣто Мамай отправилъ мурзу Бегича съ большою ратью на Великаго князя Димитрія, а вмѣстѣ съ нимъ и на его союзника Олега. Димитрій поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, перешелъ за Оку и сошелся съ Татарами на берегахъ рѣчки Вожи. 11 Августа произошла извѣстная битва, предвѣстница Куликовской побѣды. Въ 15 верстахъ отъ губернскаго города Рязани до сихъ поръ существуютъ памятники Вожинской битвы—высокіе курганы, по которымъ разбросано село Ходынино. Олегъ по видимому не принималъ участія въ сраженіи; упоминается только князь Пронскій Даніилъ, который начальствовалъ однимъ крыломъ великокняжескаго ополченія. Мамай, приведенный въ ярость такою страшною неудачею, спѣшилъ выместить свою досаду на Рязанской области. Онъ собралъ остатки разбитой рати и бросился на Рязань. Олегъ, вѣроятно считавшій себя безопаснымъ съ юга въ первое время послѣ пораженія Татаръ, и на этотъ разъ оказался неготовымъ къ оборонѣ. Онъ перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки и оставилъ свои волости на жертву грабителямъ. Татары взяли и пожгли Дубокъ, Переяславль и другіе города; разорили множество селъ и увели съ собою большое количество плѣнниковъ. Сильно опечалился Олегъ, когда увидалъ свое разоренное княжество; жители, спасшіеся отъ плѣна, должны были селиться какъ въ необитаемомъ краю и строить новыя хижины, „понеже вся земля бысть пуста и огнемъ сожжена“ [13]). Хотя опустошеніе распространилось далеко не на цѣлое княжество; но оно постигло самую лучшую часть его—правое прибрежье Оки.

Это внезапное нападеніе было только предвѣстіемъ грозы болѣе ужасной, которая долженствовала напомнить Россіи Батыево нашествіе. Мамай старается собрать отовсюду огромныя силы. Но Орда оскудѣла ратными людьми: цвѣтъ Татарскаго воинства погибъ на берегахъ Вожи, и Ханъ, недовольствуясь тѣмъ, что изъ великихъ степей Поволжскихъ и Подонскихъ начали сходиться къ нему Татары и Половцы, послалъ въ сосѣднія страны нанимать дружины Армянъ, Генуэзцевъ, Черкасъ, Ясовъ и другихъ народовъ. Все еще неувѣренный въ успѣхѣ, онъ уговорился дѣйствовать за одно съ Ягайломъ Литовскимъ. Лѣтомъ 1380 г. Орда переправилась на за-

---

[13]) Ник. IV. 82. Впрочемъ извѣстенъ гиперболической характеръ лѣтописныхъ выраженій, когда дѣло идетъ о непріятельскихъ погромахъ.

падную сторону Волги и прикочевала къ устью рѣки Воронежа. Вѣсть объ опасности, какъ мы знаемъ не привела въ смущеніе Московскаго князя; напротивъ теперь-то онъ и обнаружилъ вполнѣ свое мужество и энергію. Не теряя драгоцѣннаго времени, Димитрій началъ собирать ополченіе и послалъ звать на помощь подручныхъ князей.

Что же дѣлалъ Олегъ въ то время, когда съ трехъ сторонъ къ предѣламъ его княжества двигались вооруженныя массы? Извѣстно, что сѣверныя лѣтописи обвиняли его въ измѣнѣ и предательствѣ. Описывая эпоху Куликовской битвы, нѣкоторые лѣтописцы не находятъ словъ, чтобы выразить всю гнусность его поведенія, и не могутъ упомянуть имени Олега безъ того, чтобы не прибавить къ нему: велерѣчивый и худой (умомъ), отступникъ, совѣтникъ дьявола, душегубивый, и тому подобные эпитеты. Это ожесточеніе противъ Олега пережило нѣсколько столѣтій и нашло себѣ громкій отголосокъ въ повѣствованіи безсмертнаго Исторіографа, такъ что для многихъ съ именемъ Рязанскаго князя сдѣлалось неразлучно представленіе о великомъ Русскомъ измѣнникѣ, въ родѣ Ивана Мазепы. Въ наше время исторической критики, пора наконецъ освободить память Олега отъ незаслуженныхъ нареканій и взглянуть на него поближе. И сѣверные лѣтописцы не всѣ отзывались о немъ одинаковымъ тономъ; напримѣръ, въ разсказѣ Никоновскаго Сборника говорится о князѣ безъ брани и безъ особеннаго негодованія на его поведеніе; скорѣе можно замѣтить какой-то оттѣнокъ сожалѣнія. За то Олегъ представленъ здѣсь слишкомъ робкимъ княземъ: онъ безпрестанно приходитъ въ ужасъ, совѣтуется съ боярами, плачетъ, и вообще не знаетъ, что ему дѣлать. Конечно въ этомъ изображеніи есть своя доля правды: положеніе Олега было такъ затруднительно, что онъ не могъ обойтись безъ сильныхъ колебаній и тревожнаго раздумья. Еще въ XVIII в. князь Щербатовъ не увлекся ожесточеніемъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, и, не касаясь личнаго характера Олегова спокойно старается объяснить его поведеніе обстоятельствами того времени. Онъ придерживается разсказа Никоновской лѣтописи, и въ слѣдъ за ея составителемъ приписываетъ Олегу и Ягайлу увѣренность въ томъ, что Димитрій не осмѣлится выдти на встрѣчу Мамаю, но убѣжитъ въ Новгородъ или на Двину, а союзники раздѣлятъ между собою Московское княжество. Современный намъ историкъ гораздо проще и вѣроятнѣе другихъ объясняетъ причину измѣны: Олегъ, по его мнѣнію, дѣйствовалъ такъ,

а не иначе, потому что болѣе другихъ Русскихъ князей былъ настращенъ Татарами [14]).

Мы, съ своей стороны, принимаемъ слова Московскихъ лѣтописцевъ за проявленіе той вражды, которую питали другъ къ другу два сосѣдніе княжества, и которая со стороны Москвитянъ достигла крайней степени во второй половинѣ XIV в., именно потому, что въ лицѣ Олега встрѣтилось упорное сопротивленіе собирателямъ Руси. Но для того, чтобы безпристрастно судить историческое лицо, прежде всего надобно представить себѣ ту эпоху, точнѣе говоря, тѣ обстоятельства, посреди которыхъ оно дѣйствовало.

Напомнимъ слабую связь между частями Руси въ дѣлѣ общихъ интересовъ, каковы напримѣръ отношенія къ сосѣднимъ народамъ. Каждое самостоятельное княжество въ политическомъ отношеніи составляло отдѣльное тѣло, жило собственною жизнію, имѣло свои мѣстные интересы; разъединеніе поддерживалось кромѣ того взаимною враждою князей. Первое ясное сознаніе національнаго единства пробудилось въ Москвѣ вмѣстѣ съ ея стремленіемъ къ собиранію Руси. Но это самое стремленіе поставило ее во враждебныя отношенія къ другимъ большимъ удѣламъ, каковы Тверь и Рязань; они съ безпокойствомъ начинаютъ слѣдить за возраставшимъ могуществомъ потомковъ Калиты и пытаются найти опору въ иноплеменныхъ сосѣдяхъ: Тверь прибѣгаетъ за помощью къ Литвѣ; Рязань предпочитаетъ скорѣе стать подъ эгиду Татарскаго ига, нежели признать надъ собою господство Москвы. Вопросъ объ игѣ такимъ образомъ получилъ мѣстное и далеко неодинаковое значеніе для различныхъ областей Россіи. Если Москва чувствовала себя уже въ силахъ бороться противъ него и презирать злобу завоевателей, то для Рязани такое время еще далеко не наступило, и обстоятельства заставляли ея князей иначе смотрѣть на ханскій гнѣвъ. Олегъ понималъ это лучше, нежели кто другой, потому что на дѣлѣ испыталъ, чего стоитъ ему дружба съ сильнымъ Московскимъ княземъ. Восемь лѣтъ онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Димитрія, и какіе результаты? Четыре раза Татары большими массами приходили опустошать Рязанскую землю; собственными силами Рязанцы не могли защитить себя отъ подобныхъ нашествій, всегда болѣе или менѣе неожиданныхъ; а Москвитяне подавали помощь слишкомъ поздно. Борьба Орды съ Москвою во всякомъ случаѣ была невыгодна для

---

[14]) Ист. Р. Ш. 356.

Рязанцевъ, потому что на ихъ поляхъ происходили кровавыя встрѣчи соперниковъ; самая побѣда союзника влекла за собою только новыя бѣдствія, какъ напримѣръ Вожинская битва, между тѣмъ какъ жители Московскихъ волостей спокойно предавались мирнымъ занятіямъ, въ увѣренности, что дальше береговъ Оки неступятъ копыта татарскихъ лошадей. Понятно, почему Олегъ очутился въ большомъ затрудненіи, когда услыхалъ о новой Татарской рати, которая придвигалась къ южнымъ границамъ и которую молва навѣрно преувеличила въ нѣсколько кратъ; остаться ли въ союзѣ съ Димитріемъ, перейти ли на сторону Мамая, въ обоихъ случаяхъ его княжеству грозило лишь новое разореніе; а еще свѣжи были раны прошлогодняго погрома. Очень могло быть, что искушеніе усиливалось надеждою воспользоваться несчастіемъ опаснаго сосѣда и на его счетъ увеличить собственное княжество. Однимъ словомъ, положеніе Олега было таково, что онъ могъ или много потерять, или много выиграть: все зависѣло отъ его дипломатической ловкости. Очень вѣроятно и то, что по слухамъ о страшныхъ вооруженіяхъ Мамая, съ которымъ должны были соединиться Литовцы, Олегъ считалъ борьбу слишкомъ неравною, и не хотѣлъ рисковать своимъ княжествомъ.

Теперь постараемся опредѣлить, какую роль дѣйствительно разъигралъ Рязанскій князь въ послѣдующихъ событіяхъ. Но въ этомъ то опредѣленіи и заключается главная трудность для изслѣдователя. „Обстоятельства этой войны—справедливо замѣтилъ Арцыбашевъ [15]) такъ искажены витійствомъ и разнорѣчіемъ лѣтописцевъ, что во множествѣ прибавокъ и переиначекъ, весьма трудно усмотрѣть настоящее“. Сличая темныя, сбивчивыя показанія источниковъ и вникая по возможности въ обстоятельства эпохи, мы въ свою очередь приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Чтобы спасти свое княжество отъ новаго разоренія, Олегъ завязалъ переговоры съ Мамаемъ; уплатилъ или хотѣлъ уплатить ему такой выходъ, какой давали Рязанскіе князья во время Узбека, и обѣщалъ присоединить свою дружину къ Татарскому войску. Дружба съ Татарами влекла за собою новыя отношенія къ Ягайлу; дѣйствительно, и съ нимъ Олегъ вошелъ въ переговоры, и заключилъ союзъ, утвержденный крестнымъ цѣлованіемъ [16]). Всѣ эти перего-

---

[15]) П. о Р. И. пр. 934.

[16]) Объ этомъ цѣлованіи упоминаетъ договорная грамата Олега съ Димитріемъ. С. Г. Г. и Д. I. № 32.

воры производились посредствомъ одного изъ рязанскихъ бояръ, Епифана Кареева, довольно скрытно, такъ что въ отношеніяхъ къ Димитрію Олегъ не переставалъ по наружности играть прежнюю роль и послалъ предостеречь его отъ опасности. Въ Москвѣ уже имѣли свѣдѣнія о походѣ Мамая; но измѣна Олега нѣкоторое время оставалась тайною. Объ ней положительно узналъ Димитрій, кажется въ Коломнѣ, куда собрались вспомогательныя войска подручныхъ князей. Можетъ быть, это непріятное извѣстіе было одною изъ причинъ, заставившихъ великаго князя измѣнить первоначально принятое направленіе похода; изъ Коломны онъ уклонился къ западу, перешелъ Оку возлѣ устья Лопасны и повелъ полки на югъ вдоль западныхъ предѣловъ Рязанскаго княжества. Замѣчательно распоряженіе, которое сдѣлалъ Великій князь, переправившись на правый берегъ Оки: у Лопасны онъ оставилъ воеводу Тимофея Васильевича, чтобы проводить ратниковъ, которые подоспѣютъ послѣ; при этомъ велѣлъ имъ наблюдать миръ и тишину на походѣ по Рязанской области, и строго запретилъ дѣлать насиліе жителямъ; дальновидный Димитрій не хотѣлъ ожесточать противъ себя мстительныхъ сосѣдей и подвергнуть ихъ нападеніямъ задніе отряды. Дѣйствительно, походъ великокняжескихъ войскъ до рѣки Дона совершился тихо, стройно и повидимому безъ всякихъ враждебныхъ столкновеній. Прогремѣла великая битва, и побѣдители почти также тихо прошли опять по Рязанской землѣ, и разбрелись по домамъ.

Но между тѣмъ что же дѣлалъ Олегъ, когда передъ его глазами совершалось великое событіе? Неужели, сидя въ своемъ Переяславлѣ, онъ только мучился раздумьемъ и ожиданіемъ развязки? На этотъ разъ мы позволяемъ себѣ о многомъ догадываться и приписываемъ Рязанскому князю не послѣднюю роль въ этомъ событіи. Обезопасивъ себя со стороны Мамая наружнымъ видомъ покорности, онъ въ сущности и не думалъ способствовать его успѣхамъ; напротивъ болѣе основанія предположить, что Олегъ совсѣмъ не былъ чуждъ общерусскому патріотизму, и отъ души желалъ Татарамъ пораженія, потому что оно могло избавить цѣлую Россію отъ ненавистнаго ига. Но онъ не могъ подняться выше узкихъ волостныхъ интересовъ своего времени, не хотѣлъ рисковать своими силами въ борьбѣ, исходъ которой казался для него очень сомнительнымъ; онъ только по возможности старался удалить театръ войны отъ внутреннихъ областей своего княжества; однимъ словомъ, Олегъ хотѣлъ остаться нейтральнымъ. Планъ дѣйствія для достиженія подобной цѣли, до-

вольно сложный и запутанный, требовалъ много ловкости и находчивости; тѣмъ не менѣе онъ удался Олегу какъ нельзя лучше. Иначе, съ какой же стати Мамай такъ долго медлилъ въ Придонскихъ степяхъ, а Ягайло потерялъ время у Одоева? Почему они не спѣшили къ берегамъ Оки, гдѣ по условію должны были соединиться съ Олегомъ 1 сентября? Мало того, Мамай, кажется, не былъ предупрежденъ вовремя о большихъ приготовленіяхъ Димитрія и его движеніи на югъ. Не безъ особеннаго значенія для насъ извѣстіе лѣтописца о раскаяніи Ягайла въ томъ, что онъ довѣрился другу своему Олегу и позволилъ себя обмануть. „Никогда же убо бываше Литва отъ Рязани учима", говоритъ Литовскій князь; „ныне же почто азъ въ безуміе впадохъ" [17]. Мы не знаемъ, на какія хитрости поднимался Олегъ для того, чтобы разстроить предполагаемое соединеніе враговъ Димитрія и отклонить ихъ движеніе къ берегамъ Оки, въ сердце своего княжества. Сношенія свои съ Мамаемъ и Ягайломъ онъ облекалъ въ большую таинственность; поэтому современники и не могли разгадать его двусмысленнаго поведенія. И для насъ очевидны только главные результаты, именно: грозныя силы Мамая уничтожены, Рязанская область спаслась отъ разоренія; собственная дружина цѣла; а между тѣмъ могущественный сосѣдъ такъ ослабленъ, что сдѣлался менѣе опаснымъ, нежели прежде.

Слѣдовательно, обвиненія въ измѣнѣ Русской землѣ и жестокіе упреки, которымъ подвергалась личность Рязанскаго князя далеко несправедливы. Съ точки зрѣнія Москвитянъ и патріотовъ въ общерусскомъ смыслѣ онъ дѣйствительно былъ измѣнникъ, потому что въ критическую минуту для Димитрія отступился отъ союза ради эгоистическихъ цѣлей, и повидимому перешелъ на сторону злѣйшихъ враговъ Россіи; но только по видимому, потому что въ сущности вѣроятно онъ принесъ имъ гораздо болѣе вреда, нежели помощи. За то передъ своими Рязанцами онъ былъ совершенно правъ и вполнѣ достоинъ той преданности, которую они всегда ему оказывали.

---

[17]) По Ник. лѣт. (IV. 104) и Сказ. о Мам. Поб. (Сборн. Погод. Ш. 33) это раскаяніе относится къ тому времени, когда Ягайло стоялъ у Одоева и выражено по поводу слуховъ о походѣ Димитрія. Литовскій Князь будто бы при этомъ рѣшился дожидаться исхода войны Мамая съ Димитріемъ; но извѣстно, что 8 сентября онъ только на одинъ день пути находился отъ мѣста битвы. (П. С. Р. Л. IV. 81).

Не забудемъ при этомъ, что между сильными князьями того времени не одинъ Олегъ уклонился отъ войны съ Татарами; въ числѣ войскъ Димитрія мы не встрѣчаемъ ни Новгородцевъ, ни Смольнянъ; участіе Михаила Тверскаго еще подвержено сомнѣнію; а Димитрій Константиновичъ Нижегородскій совсѣмъ не прислалъ своихъ дружинъ на помощь зятю; лѣтописцы однако и не думаютъ жаловаться на нихъ за такое равнодушіе къ великому дѣлу освобожденія Россіи. Такимъ образомъ борьбу съ Татарами Золотой Орды Димитрій предпринялъ и совершилъ только силами собственнаго княжества и своихъ подручныхъ князей. Даже и Пронянъ, дотолѣ преданныхъ Москвѣ, мы не находимъ въ его ополченіи.

Осторожное поведеніе В. князя Московскаго въ отношеніи къ Рязанскому послѣ Куликовской битвы также говоритъ въ пользу послѣдняго. Димитрій не изъявилъ никакого желанія воспользоваться готовыми силами, что бы напасть на Олега и отомстить ему за измѣну; напротивъ, возвращаясь въ Москву, онъ опять отдаетъ воинамъ приказаніе соблюдать порядокъ и тишину при переходѣ по Рязанскимъ владѣніямъ. На этотъ разъ однако дѣло не обошлось безъ враждебныхъ столкновеній; многіе изъ Московскихъ бояръ и слугъ подверглись обидамъ со стороны Рязанцевъ и были ими ограблены до чиста. Можетъ быть нѣкоторые отряды, отдѣленные на пути отъ главнаго войска, позволяли себѣ дѣлать насиліе жителямъ, что побудило послѣднихъ къ мести. Разсмотримъ теперь самый разсказъ лѣтописи. „Великому князю донесли, что Олегъ Рязанскій посылалъ свою силу на помощь Мамаю, а самъ переметалъ на рѣкахъ мосты; бояръ и слугъ, которые поѣхали съ Донскаго побоища сквозь его землю, онъ велѣлъ ловить, грабить и отпускать нагихъ. Димитрій за это хотѣлъ послать на Олега войско; но вдругъ пріѣхали къ нему Рязанскіе бояре, и сказали, что ихъ князь, оставивъ свою землю, убѣжалъ съ княгинею, дѣтьми и дворомъ; они умоляли Димитрія не посылать рати на Рязань, и били ему челомъ, чтобы онъ урядился съ ними (на всей его волѣ). В. князь послушалъ ихъ, принялъ челобитье, рати на нихъ не послалъ, а на Рязанскомъ княженіи посадилъ своихъ намѣстниковъ“ [18]). Съ какой стати вздумалъ бы Олегъ нарочно ломать мосты и перехватывать Москвитянъ уже послѣ знаменитой побѣды? Чтобы затруднить ихъ обратный по-

---

[18]) П. С. Р. Л. IV. 82.

ходъ? Но такое намѣреніе не имѣло никакого смысла и могло только навлечь бѣду на собственное княжество. По другому лѣтописному извѣстію, также невѣроятному, напротивъ Рязанскій князь, услыхавъ о возвращеніи побѣдителей, совершенно растерялся и побѣжалъ на Литовскую границу [19]). Какимъ образомъ Димитрію уже въ Москвѣ начали доносить на Олега, что онъ приказывалъ нападать на его людей; а главное, что онъ посылалъ войска на помощь Мамаю? Развѣ Димитрій не могъ узнать о томъ гораздо прежде, и, воспользовавшись соединенными силами, отомстить вѣроломному князю? И если Рязанцы изъявили покорность Димитрію; а онъ послалъ къ нимъ своихъ намѣстниковъ, то какимъ образомъ въ томъ же году мы находимъ Олега въ Рязани, спокойно договаривающагося съ Димитріемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что истина сильно искажена въ приведенныхъ извѣстіяхъ лѣтописи.

Дѣло объясняется гораздо проще. Димитрій не считалъ Олега своимъ подручникомъ, наравнѣ напримѣръ съ князьями Бѣлозерскими; а потому и не могъ наказывать его за неповиновеніе; но онъ имѣлъ полное право питать неудовольствіе на Рязанскаго князя за то, что послѣдній въ критическую минуту отступился отъ прежняго союза, и велъ себя болѣе нежели двусмысленно. Непріязненныя отношенія между ними кромѣ того могли обнаружиться по поводу нѣсколькихъ Москвитянъ, дѣйствительно захваченныхъ Рязанцами послѣ Донскаго побоища [20]); сюда могли присоединиться и другія причины, напримѣръ обычные споры за границы. До войны однако дѣло не дошло; Димитрій не желалъ ея по истощенію, которое чувствовалось послѣ большаго напряженія силъ; еще менѣе желалъ ея Олегъ. Очень могло быть, что Рязанскіе бояре, умолявшіе Димитрія по словамъ лѣтописи, не посылать рати на ихъ землю, просто приходили въ Москву для мирныхъ переговоровъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ 1381 г. князья дѣйствительно заключили миръ. Условія мира были слѣдующія. Олегъ признаетъ Димитрія старшимъ братомъ и приравниваетъ себя Владиміру Андреевичу Храброму. Для опредѣленія границъ за исходный пунктъ принимается Коломна:

---

[19]) Ник. IV. 123.

[20]) О нихъ упоминается въ догов. гр. Олега съ Димитр. и Ѳедора Ольг. съ Вас. Дмит. (№№ 32 и 36); условіе объ общемъ судѣ, по которому плѣнники должны быть возвращены, намекаетъ на то, что они были захвачены несовсѣмъ безвиннымъ образомъ.

на западъ она идетъ вверхъ по Окѣ, а на востокъ по Окѣ и Цнѣ; еще далѣе на востокъ, Владимірское порубежье остается тоже самое, которое было при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и его сыновьяхъ. Олегъ уступаетъ Димитрію Талицу, Выползовъ, Такасовъ, и не вступается въ Мещеру, купленную В. княземъ Московскимъ; мѣста, отнятыя у Татаръ остаются за тѣмъ, кто ихъ пріобрѣлъ; Олегъ отказывается отъ союза съ Ягайломъ и обязывается дѣйствовать за одно съ Москвою въ отношеніи къ Литвѣ, Татарамъ и Русскимъ князьямъ. Плѣнники, взятые Рязанцами на походѣ Москвитянъ съ Дону, должны быть возвращены по общему суду и по правдѣ. Всѣ прежнія вины и тяжбы предаются забвенію. Договоръ начинаетъ дѣйствовать за четыре дня до Спасова Преображенія.

Условія, какъ мы видимъ, далеко невыгодныя для Рязанскаго князя; обязательство имѣть съ Димитріемъ общихъ враговъ и друзей ставило его прямо въ зависимыя отношенія. Не надобно впрочемъ забывать, что древніе наши князья, если желали мира, то не затруднялись условіями и крестнымъ цѣлованіемъ; но принудить ихъ къ исполненію договора могла только матеріальная сила.

Извѣстно, что великое Донское побоище не избавило Россію отъ ига и новыхъ татарскихъ нашествій. Спустя два года, Тохтамышъ явился въ самомъ сердцѣ Русскихъ земель. Его нашествіе имѣло другой характеръ сравнительно съ походомъ Мамая. Послѣ Куликовой битвы властители Поволжскихъ и Подонскихъ ордъ поняли, что успѣхъ для нихъ возможенъ только подъ условіемъ быстроты и неожиданности. Тохтамышъ поступилъ также, какъ обыкновенно поступали въ послѣдствіи Крымскіе ханы во время своихъ набѣговъ на Россію. Олегъ и теперь думалъ устранить грозу отъ своей земли такимъ же образомъ, какъ два года назадъ. Онъ встрѣтилъ Тохтамыша за предѣлами своего княжества, билъ ему челомъ, изъявилъ готовность помогать противъ Димитрія и упросилъ не воевать Рязани. За тѣмъ онъ обвелъ Татаръ около своихъ границъ и указалъ имъ броды на Окѣ. Лѣтописецъ на этотъ разъ очень просто и удовлетворительно объясняетъ причину такого поведенія словами: „хотяше бо добра не намъ, но своему княженію помогаше [21]). Но чѣмъ Олегъ поступилъ въ этомъ случаѣ хуже Димитрія Нижегородскаго, который, услыхавъ о походѣ Тохтамыша, немедленно послалъ къ нему двухъ сыновей съ изъявленіемъ покорности? А между тѣмъ

[21]) П. С. Р. Л. IV. 82.

его землѣ не грозила такая неизбѣжная бѣда, какой подвергалось Рязанское княжество. На этотъ разъ однако измѣна договору и униженіе не достигли своей цѣли. На возвратномъ пути изъ Москвы Татары прошли по Рязанской землѣ съ своими обычными спутниками, грабежомъ и разореніемъ [22]).

Еще Рязанцы не успѣли опомниться отъ Тохтамышева погрома, какъ новое бѣдствіе разразилось надъ ними. Димитрій Московскій теперь былъ въ правѣ наказать сосѣда за несоблюденіе только что заключеннаго договора, и, пользуясь силами, собранными противъ Татаръ спѣшилъ выместить на Олеговой землѣ бѣдствія своей столицы. Московскіе полки вступили въ Рязанскую область и надѣлали ей зла болѣе Тохтамышевыхъ Татаръ.

Олегъ до времени затаилъ желаніе мести и три года не обнаруживалъ никакихъ признаковъ вражды, собираясь съ силами и дожидаясь удобнаго случая. Въ 1385 г. онъ вдругъ началъ войну съ Москвою внезапнымъ нападеніемъ на Коломну. 25 Марта, въ день Благовѣщенія, городъ былъ взятъ и разграбленъ; Коломенскій намѣстникъ Александръ Андреевичъ Остей вмѣстѣ со многими боярами и лучшими людьми отведенъ въ плѣнъ. Рязанцамъ досталась богатая добыча, потому что городъ уже тогда производилъ значительную торговлю и считался однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ въ Россіи. Но Олегъ вскорѣ оставилъ разоренную Коломну, вѣроятно не надѣясь удержать ее за собою. Димитрій Ивановичъ собралъ многочисленную рать и послалъ ее на Рязань съ Владиміромъ храбрымъ; изъ подручниковъ Димитрія въ этомъ походѣ участвовали Михаилъ Андреевичъ Полоцкій, внукъ Ольгерда, Романъ Новосильскій и князья Тарусскіе [23]). Олегъ не уклонился отъ рѣшительной битвы, и на этотъ разъ загладилъ стыдъ пораженія на Скорнищевѣ. Москвитяне, потерявши много бояръ и лучшихъ людей, воротились назадъ [24]).

---

[22]) У Татищева говорится, что Олегъ, скрывая свои дѣйствія отъ Димитрія, уклонился въ Брянскъ будто для свиданія съ сестрою, а на встрѣчу Хану послалъ своихъ бояръ; что Тохтамышъ на возвратномъ пути отъ Москвы разорилъ Рязанскую землю по навѣту Суздальскихъ князей, которые обвинили передъ нимъ Олега въ тайныхъ сношеніяхъ съ Великими князьями Московскимъ и Литовскимъ. IV. 202.

[23]) На участіе Новосильскаго и Тарусскихъ князей въ этомъ походѣ намекаетъ Дог. гр. Вас. Дм. съ Ѳед. Ольг. № 36.

[24]) Ник. IV. 147.

Перевѣсъ войны явно былъ на сторонѣ Олега, и онъ дѣятельно готовился къ новымъ битвамъ, вѣроятно надѣясь воротить многія Рязанскія мѣста, отошедшія къ Москвѣ, преимущественно Коломенскую волость. Димитрій, испытавшій тяжкія неудачи послѣ своей блестящей побѣды и занятый другими дѣлами, не хотѣлъ истощать свое княжество упорною борьбою съ Рязанцами, и предложилъ Олегу миръ; послѣдній отказался отъ мира, т. е. потребовалъ слишкомъ большихъ уступокъ. Нѣсколько разъ посылалъ къ нему Димитрій своихъ бояръ; но Олегъ оставался непреклоненъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1386 г. Московскій князь посѣтилъ Троицкій монастырь и его знаменитаго основателя. Набожный Димитрій заставилъ отслужить молебенъ, накормилъ братію, роздалъ милостыню, а потомъ обратился къ Сергію съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посольство въ Рязань и уговорилъ бы Олега къ вѣчному миру. Лучшаго посредника невозможно было выбрать. Роль миротворца въ тѣ времена усобицъ была одною изъ главныхъ заслугъ духовенства. И кто же могъ сильнѣе всѣхъ подѣйствовать на упрямаго Рязанца своими увѣщаніями, какъ не Сергій, о святости котораго уже давно разглашала народная молва? Тою же осенью онъ отправился въ путь, сопровождаемый нѣсколькими старшими боярами Великаго князя. Прибывъ къ Переяславлю Рязанскому, игуменъ остановился возлѣ города въ Троицкомъ монастырѣ [25]), переночевалъ здѣсь, и на другой день по утру вступилъ въ княжескій дворецъ. По словамъ лѣтописи чудный старецъ долго бесѣдовалъ съ Княземъ о пользѣ душевной, о мирѣ и о любви. Его тихія и кроткія рѣчи произвели такое впечатлѣніе на суровое сердце Олега, что онъ умилился душою, забылъ свою вражду, и заключилъ съ Димитріемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ. Съ великою честію и славою послѣ того воротился въ Москву преподобный Сергій. Съ того времени Димитрій и Олегъ, замѣчаетъ тотъ же лѣтописецъ, имѣли промежъ себя великую любовь. Къ сожалѣнію договорная грамата не дошла до насъ. Въ слѣдующемъ 1387 г. союзъ былъ еще болѣе скрѣпленъ родственными отношеніями: сынъ Олега Ѳедоръ женился на Софьѣ, дочери Донскаго [26]).

Миръ 1386 г. заключившій собою рядъ враждебныхъ столкновеній

---

[25]) Это извѣстіе взято изъ монастырскихъ записокъ. Истор. Обозр. Ряз. Губ. Воздвиженскаго. 165 стр.

[26]) Ник. IV. 146—148.

Олега съ Москвою, безспорно можетъ служить самымъ сильнымъ протестомъ противъ всѣхъ нареканій, которымъ знаменитый князь подвергся со стороны сѣверныхъ лѣтописцевъ и ихъ послѣдователей. Этотъ миръ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ въ дѣйствительности оправдалъ свое названіе вѣчнаго: съ того времени не было ни одной войны не только между Олегомъ и Димитріемъ, но и между ихъ потомками. Мѣсто ожесточенной вражды заступили родственныя и дружескія отношенія, при помощи которыхъ Рязанское княжество продлило свое политическое существованіе еще на цѣлое столѣтіе съ четвертью.

Остальныя 15 лѣтъ жизни вниманіе и внѣшняя дѣятельность Олега главнымъ образомъ сосредоточивались на отношеніяхъ Татарскихъ и Литовскихъ. Нашествіе Тохтамыша снова наложило иго на восточную половину Россіи. Уступая необходимости, Олегъ, также какъ и Димитрій началъ платить выходъ въ Орду, и отпустилъ къ Хану въ видѣ заложника одного изъ своихъ сыновей, Родослава. Жизнь въ Ордѣ, какъ видно, очень не нравилась молодымъ Русскимъ князьямъ, и они нерѣдко, пользуясь случаемъ, убѣгали на родину. Такъ зимою 1387 г. прискакалъ изъ Орды въ Рязань Родославъ Ольговичъ. Подобное обстоятельство впрочемъ не влекло за собою важныхъ послѣдствій, и доброе согласіе съ Тохтамышемъ продолжалось до появленія Тамерлана. Это согласіе по обыкновенію нисколько не мѣшало мелкимъ Татарскимъ набѣгамъ. Съ 1388 по 1402 г. лѣтопись семь разъ упоминаетъ о кочевникахъ, которые изгономъ приходили на Рязанскія украйны; изъ нихъ пять нападеній произведено было безнаказанно. Въ 1395 году совершилось Тамерланово нашествіе. Туча, грозившая цѣлой Россіи, коснулась только южныхъ Рязанскихъ предѣловъ. Несчастный городъ Елецъ съ своимъ княземъ Ѳедоромъ и со всѣмъ населеніемъ сдѣлался жертвою Монголовъ. Отсюда Желѣзный Хромецъ двинулся на сѣверъ, разоряя селенія по обоимъ берегамъ Дона; неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ онъ остановилъ свое грозное шествіе, и, простоявъ двѣ недѣли, повернулъ назадъ. Интересно знать, что дѣлалъ и какъ намѣренъ былъ поступить между тѣмъ Олегъ: собирался ли онъ отсиживаться въ крѣпкихъ городахъ, хотѣлъ ли искать убѣжища съ семействомъ и боярами въ непроходимыхъ дебряхъ на лѣвомъ берегу Оки, или готовился вмѣстѣ съ Василіемъ встрѣтить непріятелей въ открытомъ полѣ? Самое молчаніе лѣтописей уже говоритъ

въ пользу Олега, и даетъ основаніе предполагать, что теперь онъ не измѣнилъ своему союзу съ Москвою, и не думалъ повторить съ Тамерланомъ той же уловки, къ которой прибѣгалъ прежде: примѣръ Тохтамыша показалъ, что она не всегда можетъ удаваться. Сильныя усобицы, наступившія послѣ того въ южныхъ степяхъ, на время ослабили, если не прекратили, Монгольское иго. Въ 1400 г. мы еще разъ встрѣчаемъ Олега въ жестокой битвѣ съ Татарами Золотой Орды. Соединившись съ князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ, онъ настигъ хищниковъ въ самомъ отдаленномъ углу своего княжества, въ степяхъ между Хопромъ и Дономъ; побѣдилъ ихъ, и взялъ въ плѣнъ Маматъ Султана съ другими Ординскими князьями. Подъ конецъ жизни Олегъ повидимому призналъ себя данникомъ хана Шадибека.—Обратимся теперь къ Литовскимъ отношеніямъ.

Мы уже говорили, что дробленіе Сѣверскаго княжества между потомками Михаила Всеволодовича представило Рязанскимъ князьямъ удобный случай расширить западные предѣлы и подчинить своему вліянію мелкіе удѣлы, расположенные по верхнему теченію Оки и ея притокамъ. Въ XIV в. наступательному движенію Рязани на западъ положенъ былъ предѣлъ съ одной стороны Москвитянами, съ другой Литовцами. Въ это время ясно обозначилось распаденіе Руси на двѣ великія половины: сѣверовосточные удѣлы начали группироваться вокругъ Москвы, югозападные потянули къ Литвѣ. Черниговскіе князья при Гедиминѣ добровольно подчинились Литовскому владычеству; а Сѣверскіе еще долгое время колебались между троякимъ вліяніемъ: Москвы, Литвы и Рязани; разумѣется, перевѣсъ уже съ самаго начала оказался на сторонѣ двухъ первыхъ, какъ болѣе сильныхъ соперницъ. Къ сожалѣнію источники не даютъ намъ средствъ опредѣлить, какими путями распространялось Литовское вліяніе въ области верхней Оки, когда оно пришло въ соприкосновеніе съ Рязанскимъ и въ какія взаимныя отношенія первоначально были поставлены два княжества, изъ отдаленныхъ другъ отъ друга сдѣлавшіяся сосѣдними. До послѣдняго десятилѣтія XIV в. не слышно о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними; это явленіе можно объяснить отчасти тѣмъ, что ихъ вниманіе было развлечено въ другія стороны. Знаемъ только, что при Димитріѣ Донскомъ отношенія Литовскія въ политикѣ Олега подчинялись Московскимъ: въ 1370 и 1372 гг. онъ является сторонникомъ Димитрія противъ Ольгерда; въ эпоху Куликовой битвы дружится съ Ягайломъ; а въ слѣдующемъ

году, помирившись съ Димитріемъ, отказывается отъ союза съ Литвою. Конецъ такой неопредѣленности отношеній наступилъ въ то время, когда во главѣ Литовской Руси явился Витовтъ, который незамедлилъ энергически возобновить наступательное движеніе Ольгерда на восточныя княжества.

Первою жертвою этого движенія былъ Смоленскъ, слишкомъ слабый, чтобы сохранять далѣе свою самостоятельность подлѣ такого сильнаго и безпокойнаго сосѣда. Съ 1386 г., послѣ гибели князя Святослава Ивановича, Смоленскъ подпалъ вліянію Литвы; а раздоры сыновей Святослава помогли Витовту окончательно подчинить себѣ это древнее Русское княжество. Одинъ изъ братьевъ, Юрій Святославичъ, снискавшій незавидную извѣстность въ исторіи своею дикою энергіею и необузданными страстями, былъ женатъ на дочери Рязанскаго Олега. Осенью 1395 г. онъ отправился въ Рязань къ тестю, вѣроятно для того, чтобы поставить его судьею въ своихъ распряхъ съ братьями. Отсутствіемъ Юрія неприминулъ воспользоваться хитрый Витовтъ; 28 сентября онъ вѣроломнымъ образомъ захватилъ Смоленскъ. Зимою того же года Олегъ, съ зятемъ своимъ и съ князьями Пронскими, Козельскимъ и Муромскимъ, пошелъ войною на Литву, и надѣлалъ много зла Литовцамъ. На походѣ онъ услыхалъ, что Витовтъ въ тоже время опустошаетъ Рязанскіе предѣлы. Тогда Олегъ, оставивъ добычу въ безопасномъ мѣстѣ, ударилъ на разсѣянные Литовскіе отряды; частію ихъ избилъ, а частію взялъ въ плѣнъ. Узнавъ объ этомъ, Витовтъ поспѣшилъ воротиться назадъ. Лѣтопись собственно не говоритъ о причинахъ этой войны, и мы думаемъ, что не одно участіе къ зятю заставило разсчетливаго Олега начать трудную борьбу съ сосѣдомъ; были и другіе поводы, ближе касавшіеся Рязанскихъ интересовъ:—вѣроятнѣе всего, ощущалась потребность положить предѣлъ быстрому распространенію Литовскаго господства, которое уже переступало на правый берегъ Оки; надобно было подумать о защитѣ собственныхъ границъ, а можетъ быть и собственной самостоятельности. Эту борьбу съ могущественнымъ Витовтомъ Олегъ предпринялъ силами только Рязанскаго княжества и своихъ немногихъ союзниковъ. Молодой Московскій князь Василій въ первое время явно держалъ сторону своего тестя Витовта, и не мѣшалъ ему владѣть Смоленскомъ; а въ 1396 г. онъ пріѣзжалъ сюда для свиданія съ тестемъ, и праздновалъ вмѣстѣ Пасху. Въ этотъ годъ Олегъ возобновилъ войну нападеніемъ на городъ Любутскъ. Въ Рязанскомъ станѣ явился посолъ отъ Василія

Дмитріевича, который уговаривалъ Олега воротиться назадъ, обѣщая вѣроятно помирить его съ Витовтомъ. Олегъ послушался совѣта тѣмъ охотнѣе, что встрѣтилъ мужественную оборону со стороны осажденныхъ. Но война не только не прекратилась, а напротивъ приняла еще болѣе ожесточенный характеръ. Около Покрова Витовтъ съ большими силами пришелъ въ Рязанскую землю и предалъ ее опустошенію: Литовцы сажали людей улицами и сѣкли ихъ мечами; Витовтъ, по выраженію лѣтописца, „пролилъ Рязанскую кровь какъ воду“. Изъ Рязани онъ поѣхалъ въ Коломну къ зятю, пировалъ съ нимъ нѣсколько дней и отсюда воротился въ Литву. Можетъ быть, покажется страннымъ, какъ Олегъ, котораго нельзя упрекнуть въ робости, допустилъ безнаказанно такое разореніе своей земли? Дѣло объяснится очень естественно, если обратимъ вниманіе на отрывочное извѣстіе одного лѣтописца: „Олегъ же не бѣ“, говоритъ онъ, упоминая о Литовскомъ нашествіи [27]); слѣдовательно Витовтъ на этотъ разъ воспользовался отсутствіемъ Рязанскаго князя, который вѣроятно въ то время былъ отвлеченъ въ другую сторону, на юго-востокъ. Лѣтописи, упоминая о главныхъ событіяхъ этой войны, по обыкновенію опускаютъ подробности, и ничего не говорятъ о связи, которая существовала между событіями. Въ слѣдующіе три года борьба повидимому затихла; можно только догадываться, что Олегъ собирался съ силами и ждалъ удобнаго случая къ мести.

12 августа 1399 г. совершилась битва на Ворсклѣ, безспорно имѣвшая важное значеніе для восточной Европы. Витовтъ не скоро могъ оправиться послѣ такого сильнаго пораженія, и Олегъ не преминулъ воспользоваться несчастіемъ врага. Дѣло опять началось по поводу Смоленска. Въ 1400 г. пришелъ Юрій Святославичъ къ тестю и со слезами началъ говорить ему: „прислали ко мнѣ Смоленскіе доброхоты съ извѣстіемъ, что многіе хотятъ меня видѣть на моей отчинѣ и дѣдинѣ. Сдѣлай милость, помоги мнѣ сѣсть на Великомъ княженіи Смоленскомъ“. Олегъ опять не отказалъ ему въ помощи, и въ слѣдующемъ году отправился въ походъ съ тѣми же князьями Пронскими, Муромскимъ и Козельскимъ. Подошедши къ Смоленску, Олегъ послалъ сказать гражданамъ, что, если они не отворятъ ворота и не примутъ къ себѣ Юрія, то онъ намѣренъ стоять до тѣхъ поръ, пока не возметъ города, который предастъ огню и мечу. Въ городѣ происходила сильная распря: одни держали

---

[27]) П. С. Р. Л. VI. 129.

сторону Витовта, другіе хотѣли подчиниться прежнему князю. Послѣдняя сторона пересилила, и въ августѣ мѣсяцѣ Смольняне отворили ворота. Юрій началъ праздновать возвращеніе свое на отцовскій столъ убійствомъ Витовтова намѣстника и приверженцевъ противной партіи; а Олегъ между тѣмъ вошелъ въ Литовскіе предѣлы, и отсюда съ большою добычею отправился домой. Витовтъ въ ту же осень явился подъ Смоленскомъ, но потерпѣлъ рѣшительную неудачу. Рязанскій князь спѣшилъ пользоваться обстоятельствами, и продолжалъ наступательное движеніе. На слѣдующій годъ онъ отправилъ сына Родослава на Брянскъ съ тѣмъ, чтобы отнять этотъ городъ у Литовцевъ. Но счастіе опять измѣнило ему и перешло на сторону противника. Витовтъ выслалъ на встрѣчу Рязанцамъ войско подъ начальствомъ искуснаго вождя Семена Лугвенія Ольгердовича, съ которымъ соединился Александръ Патрикіевичъ Стародубскій. Возлѣ Любутска произошла упорная битва. Литовцы побѣдили; самъ Родославъ попался въ плѣнъ, и былъ заключенъ въ темницу, гдѣ томился цѣлые три года. Олегъ только нѣсколькими днями пережилъ эту потерю, и такимъ образомъ не успѣлъ довести борьбу съ Литвою до окончательныхъ результатовъ [28]).

Посмотримъ теперь на отношенія Олега къ мелкимъ удѣльнымъ князьямъ, которые сосѣдили съ Рязанью. Почти во всѣхъ внѣшнихъ войнахъ, начиная со второй половины его княженія, неизмѣнными союзниками Рязанцевъ являются князья Пронскіе, Козельскій и Муромскій. Въ 1372 г. умеръ въ Пронскѣ Владиміръ Дмитріевичъ. Послѣ него остались дѣти Иванъ и Ѳедоръ. Неизвѣстно, въ какомъ родствѣ съ послѣдними находился Пронскій князь Даніилъ, который былъ однимъ изъ главныхъ героевъ Вожинской битвы. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что лѣтопись, упоминая союзниковъ Олега, о Пронскихъ князьяхъ говоритъ во множественномъ числѣ, о Козельскомъ и Муромскомъ въ единственномъ. Почти безъошибочно можно догадываться, что со смертію Владиміра Пронскій удѣлъ раздробился и подвергся обычнымъ усобицамъ; этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Олегъ, чтобы подчинить своему вліянію младшую вѣтвь Рязанскихъ князей. На Куликовомъ полѣ мы не видали Пронской дружины; за то встрѣчаемъ ее въ походахъ Олега на Татаръ и на Литву; очевидно Московское вліяніе было вытѣснено Рязанскимъ, и Пронскіе князья признали себя подручниками Олега.

---

[28]) Ник. IV. 265, 269, 298, 299, 301, 302, 305.

Еще болѣе замѣчательно то, что и другой родственный удѣлъ, отдаленный Муромъ, въ концѣ XIV в. обнаруживаетъ попытку тѣснѣе сблизиться съ Рязанью. Въ эпоху борьбы Димитрія съ Мамаемъ Муромцы помогаютъ Москвитянамъ; на Куликовомъ полѣ они сражались подъ начальствомъ своего князя Андрея. Но въ 1385 г. неожиданно застаемъ ихъ во враждѣ съ Москвою. Посылая Владиміра Андреевича на Олега, Димитрій въ то же время отправилъ другую рать противъ Мурома [29]); ясно, что возстаніе Муромцевъ произошло въ связи съ нападеніемъ Олега на Коломну. Походъ Москвитянъ въ эту сторону, кажется, былъ также неудаченъ, какъ и въ другую, потому что Муромскій князь послѣ того на ряду съ Пронскими является подручникомъ Олега. Извѣстно, что въ 1391 г. Василій Дмитріевичъ вывезъ изъ Орды ярлыкъ на княжество Нижегородское, Городецъ, Мещеру, Тарусу и Муромъ. Послѣдній, вопреки этому ярлыку, на нѣкоторое время еще удержалъ своихъ князей, и при жизни Олега не выходилъ изъ подъ его вліянія. Это видно изъ того, что въ 1401 г., Муромскій князь опять участвовалъ въ походѣ Рязанцевъ на Литву. Такимъ образомъ Олегу удалось еще разъ соединить подъ однѣми знаменами всѣ отдѣльныя дружины древняго Муромо-Рязанскаго княжества.

Изъ другихъ мелкихъ владѣтелей, зависимыхъ отъ Рязани, мы можемъ указать на потомковъ Михаила Черниговскаго, князей Елецкихъ и Козельскихъ. Титъ Козельскій помогаетъ Рязанцамъ подъ Шишевскимъ лѣсомъ. Сынъ Тита Иванъ женился на дочери Олега; онъ то вѣроятно и былъ потомъ его вѣрнымъ подручникомъ. Въ такія же отношенія къ нему стали Елецкіе князья, ближайшіе родственники Козельскихъ. Въ 1380 г. Елецкій князь вмѣстѣ съ другими водилъ свою дружину на помощь Димитрію Московскому; но послѣ неудачной войны Москвитянъ съ Рязанцами онъ подчиняется Олегу; такъ во время плаванія Митрополита Пимена въ Царьградъ Юрій Елецкій по повелѣнію Олега проводилъ путешественниковъ до южныхъ Рязанскихъ границъ [30]). Подчиняя себѣ сосѣднихъ Русскихъ

---

[29]) Въ лѣт. при этомъ стоитъ какое то непонятное выраженіе: „А иную рать послалъ князь великій Димитрій Ивановичъ на Муромъ на князя *безчестія*“... Ник. IV. 157. Въ П. С. Р. Л. IV. 95. внизу замѣчено: *„передъ симъ словомъ долженъ быть пропускъ“*. V. 242.

[30]) Отъ Тита Карачевскаго пошли князья Масальскіе, Козельскіе и Елецкіе. Въ лѣт. (Ник.) необходимо предположить ошибку въ одномъ изъ трехъ случаевъ, въ

князей, Олегъ не упускалъ случая дѣлать пріобрѣтенія на востокѣ, въ области Мокши и Цны; нѣкоторыя волости онъ пріобрѣлъ посредствомъ купли, напримѣръ въ Мещерѣ; а другія силою отнялъ у сосѣдней Мордвы и Татаръ [31]).

Обозрѣвши политическую дѣятельность Князя, насколько позволило состояніе источниковъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. По необходимости подчиняясь игу, онъ по крайней мѣрѣ съумѣлъ внушить Ханамъ уваженіе къ себѣ на столько, что они дорожили его союзомъ. Не вступая въ открытую борьбу съ Золотою Ордою, Князь мужественно защищалъ свою землю отъ татарскихъ разбойниковъ, и не разъ наносилъ имъ чувствительное пораженіе. Далѣе, онъ отбилъ наступательное движеніе Москвы, и поддержалъ на нѣкоторое время колеблющуюся самостоятельность Рязанскаго княжества. Это самая видная сторона его исторической дѣятельности. Тотъ же характеръ, хотя и не столь важное значеніе имѣли схватки Олега съ Литвою въ послѣдніе годы его жизни. Онъ недаромъ носилъ титулъ Великаго князя, потому что умѣлъ придать единство далеко разбросаннымъ частямъ древняго Муромо-Рязанскаго Княжества: умѣлъ держать въ повиновеніи младшихъ родичей, и, что особенно говоритъ въ его пользу, устранилъ внутреннія усобицы; по крайней мѣрѣ о нихъ не слышно во вторую половину его княженія.

Но кромѣ этого внѣшняго значенія, княженіе Олега возбуждаетъ интересъ историка другою стороною, гораздо менѣе извѣстною и болѣе неуловимою для отдаленнаго потомства: его мирною домашнею дѣятельностію. Источники такъ скудны на этотъ счетъ, что мы должны довольствоваться только немногими отрывочными указаніями.

Наиболѣе живую характеристику Рязанскаго княжества во времена Олега сообщаетъ намъ слѣдующее мѣсто изъ записокъ о путешествіи митрополита Пимена въ Царьградъ 1389 года: „Въ Свѣтлое Воскресеніе мы поѣхали (изъ Коломны) къ Рязани по рѣкѣ Окѣ. У Перевитска привѣтствовалъ насъ епископъ Рязанскій Еремей Гре-

---

которыхъ приводится имя Елецкаго Князя: Въ 1380 г. онъ названъ Ѳедоромъ; спустя десять лѣтъ, въ хожденіи Пимена является Юрій; а при нашествіи Тамерлана, черезъ шесть лѣтъ опять говорится о Ѳедорѣ.

[31]) С. Г. Г. и Д. I. № 36.

чинъ; а когда мы приблизились къ городу Переяславлю, то выѣхали къ намъ сыновья великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго: потомъ встрѣтилъ насъ самъ великій князь съ дѣтьми и боярами; а возлѣ города ожидали со крестами (духовенство и народъ). Отслуживъ молебенъ въ соборномъ храмѣ, Митрополитъ отправился къ Великому князю на пиръ. Князь и епископъ Еремей угощали насъ очень часто. Когда же мы отправились отсюда, самъ Олегъ, его дѣти и бояре проводили насъ съ великою честію и любовію.

„Поцѣловавшись на прощаніи, мы поѣхали далѣе; а онъ возвратился въ городъ, отпустивъ съ нами довольно значительную дружину и боярина Станислава, которому велѣлъ проводить насъ до рѣки Дона съ большимъ береженіемъ отъ разбоевъ“.

Изъ Переяславля Рязанскаго мы выѣхали въ Ѳомино воскресенье; за нами везли на колесахъ три струга и одинъ насадъ. Въ четвергъ мы достигли рѣки Дона и спустили на него суда. На второй день пришли къ (урочищу) Киръ-Михайловымъ,—такъ называется одно мѣсто, на которыхъ прежде былъ городъ. Здѣсь простились съ нами епископы, архимандриты, игумны, священники, иноки и бояре Великаго князя Рязанскаго, и воротились во свояси. Мы же въ день святыхъ Мироносицъ съ митрополитомъ Пименомъ, Михаиломъ епископомъ Смоленскимъ, Сергіемъ Спаскимъ архимандритомъ, съ протопопами, дьяконами, иноками и слугами сѣли на суда и поплыли внизъ по рѣкѣ Дону“.

„Путешествіе сіе было печально и уныло; повсюду совершенная пустыня; не видно ни городовъ, ни селъ; тамъ, гдѣ прежде были красивые и цвѣтущіе города, теперь только пустыя и безлюдныя мѣста. Нигдѣ не видно человѣка; только дикія животныя: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и пр. во множествѣ встрѣчаются въ этой пустынѣ“.

„На второй день рѣчнаго плаванія миновали двѣ рѣки Мечу и Сосну; въ третій прошли Острую Луку, въ четвертый Кривой Боръ; въ шестой достигли устья Воронежа. На слѣдующее утро въ день св. чуд. Николая пришелъ къ намъ князь Юрій Елецкій съ своими боярами и большою свитою: Олегъ Ивановичъ Рязанскій послалъ къ нему вѣстника; онъ же исполнилъ его приказаніе, оказалъ намъ великую честь и очень насъ обрадовалъ. Оттуда приплыли къ Тихой Соснѣ; здѣсь увидали бѣлые каменные столбы, которые стоятъ рядомъ, и очень красиво подобно небольшимъ стогамъ возвышаются

надъ рѣкою Сосною *). Потомъ миновали рѣки Червленый Яръ, Битюгъ и Хоперъ" и т. д. [32]).

Въ этомъ описаніи, хотя объ Олегѣ Рязанскомъ говорится мимоходомъ; но его патріархальный образъ очень рельефно возвышается надъ всѣмъ окружающимъ. Онъ распоряжается какъ полновластный хозяинъ въ предѣлахъ своего княжества, окруженный дѣтьми и многочисленною дружиною; радушно угощаетъ почтенныхъ странниковъ; заботится объ ихъ удобствахъ и безопасности на всемъ пути по его владѣніямъ [33]).

Любя пиры и военную славу, Олегъ не былъ изъ числа тѣхъ безпечныхъ князей, которые большую часть правительственныхъ заботъ предоставляли намѣстникамъ и слугамъ, и давали имъ въ обиду мирныхъ жителей. Объ этой дѣятельности какъ внутренняго устроителя и усерднаго защитника краснорѣчивѣе всего говоритъ любовь и глубокое уваженіе, которыя Рязанское населеніе сохранило къ памяти своего князя до самаго отдаленнаго потомства. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ въ себѣ характеристическія черты извѣстной эпохи или извѣстнаго народа, закрывая своею тѣнью и предшествен-

---

*) Карам. (V. прим. 132) думаетъ, не было ли это Татарское кладбище? Въ книгѣ Бол. Черт. упоминается: „на Дону *Донская Бесѣда,* каменный столъ и каменные суды" только ниже устья Быстрой Сосны, а не Тихой.

[32]) Ник. IV. 159—161.

[33]) Воспоминаніе о гостепріимствѣ и пирахъ Олега повидимому долго сохранялось въ народной памяти. Вотъ какъ разсказываетъ преданіе объ угощеніи, которое онъ задалъ Татарскимъ посламъ:

„И покрыли тотъ великій дубовый столъ
Скатертьми браными,
И ставили на ту на скатерть браную
Мису великую изъ чистаго серебра, озолочену;
А въ той де мисѣ озолоченой въ наливѣ по украй
Кашица сарочинская
Со свѣжею рыбою стерляжиной отъ Оки рѣки;
А та де рыба стерляжина великая
Самимъ боярствомъ ловлена".

Чт. О. И. и Д. № 9. Опытъ прост. словот. Макарова. „Взято изъ рукописи 1760 г., принадлежавшей Ряз. помѣщику села Глубокаго Д. С. Мееру; а послѣ А. Д. Балашеву". (Къ сожалѣнію рукопись до сихъ поръ остается въ неизвѣстности).

никовъ и преемниковъ. Дѣйствительно, лицо Олега вполнѣ типично; въ немъ ярко обозначились главныя стороны рязанскаго характера, эта смѣсь упрямства и безпокойной энергіи съ эгоистическою натурою—качества, которыя у Олега смягчались многими талантами, гибкостью ума, и стремленіями, нелишенными нѣкоторой величавости.

Весь періодъ самостоятельнаго княжества для Рязанцевъ сосредоточился въ одномъ Олегѣ; болѣе они не помнятъ ни одного князя. Съ этимъ именемъ связана большая часть остатковъ старины, разбросанныхъ по долинѣ средней Оки, и большая часть народныхъ преданій. На обширную строительную дѣятельность Олега указываютъ имена многихъ городовъ, которые являются въ договорныхъ граматахъ съ конца XIV в. и о которыхъ до того времени не было слышно. Самое живое воспоминаніе о немъ встрѣчается въ древнемъ Переяславлѣ (губ. гор. Рязань) и его окрестностяхъ. Этотъ городъ, украшенный постройками храмовъ, княжескихъ и боярскихъ палатъ, съ его времени окончательно сдѣлался столицею княжества.

Возвысивъ Рязанцевъ въ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи сосѣдей постоянною готовностію къ энергической борьбѣ, Олегъ много заботился о безопасности своихъ подданныхъ; недостатокъ естественныхъ границъ и укрѣпленій на юговостокѣ онъ старался восполнить бдительностію сторожевыхъ ратниковъ, разставленныхъ по разнымъ притонамъ въ степяхъ [34]). Безспорно полустолѣтнее княженіе Олега было самымъ славнымъ и самымъ счастливымъ сравнительно съ предъидущими и послѣдующими княженіями, не смотря на тяжкія бѣдствія, которыя не рѣдко посѣщали Рязанскій край при его жизни. Народъ заплатилъ ему за это любовью и преданностію.

На Олегѣ очень ясно отразились современныя ему княжескія стремленія къ собиранію волостей. Видя, какъ два главные центра, въ сѣверовосточной и югозападной Россіи, притягиваютъ къ себѣ сосѣднія волости, онъ хочетъ уничтожить эту силу тяготѣнія и стремится инстинктивно создать третій пунктъ на берегахъ Оки, около котораго могли бы сгрупироваться юговосточные удѣлы. Но послѣдующія событія подтвердили извѣстную истину, что отдѣльная личность, какъ бы она ни была высоко поставлена, не можетъ создать что нибудь крѣпкое, живучее тамъ, гдѣ не достаетъ твердой исторической почвы. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы дѣло Олега

---

[34]) „А досмотръ Князя Олега на тѣ на поры зоркимъ небувъ". ibid № I. изъ какой то Рязанской рукописи.

кончилось вмѣстѣ съ его жизнію и не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи. Безъ этой личности Рязанское княжество едва ли могло бы существовать долѣе XIV столѣтія и пережить всѣ великіе удѣлы, даже и при помощи родственныхъ связей съ Московскими князьями.

Вотъ имена Олеговыхъ бояръ и слугъ, которыя сохранены источниками. Изъ лѣтописей намъ извѣстны Епифанъ Кореевъ, который искусно велъ переговоры Олега съ Мамаемъ и Ягайломъ, и бояринъ Станиславъ, который съ Рязанскою дружиною сопровождалъ Митрополита Пимена къ берегамъ Дона. Въ граматахъ, жалованныхъ духовенству, упоминаются: Иванъ Мирославичъ, зять Олега; Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ, Никита Андреевичъ, Тимошъ Александровичъ, дядько Монасѣя, окольничій Юрій; стольники Александръ Глѣбовичъ и Глѣбъ Васильевичъ Логвинъ; чашники Юрій и Григорій Яковлевичи; Семенъ Никитичъ съ братьею, Павелъ Соробичъ, ключникъ Лукьянъ, староста Габой и Василій Ломовъ [35]). Между ними вниманіе наше останавливаютъ первыя два имени. Софоній Атыкулачевичъ своимъ отечествомъ обнаруживаетъ восточное происхожденіе. А Иванъ Мирославичъ былъ тотъ самый татарскій мурза Салахмиръ, потомокъ ордынскихъ владѣтелей, который въ 1371 г. прибылъ изъ Золотой Орды къ Олегу Ивановичу съ татарскою дружиною и оказалъ ему помощь въ борьбѣ съ Димитріемъ Московскимъ и Владиміромъ Пронскимъ. Онъ вступилъ въ службу Рязанскаго князя и принялъ крещеніе подъ именемъ Іоанна. Олегъ полюбилъ его, и оказывалъ ему большой почетъ и явное предпочтеніе передъ другими боярами; такъ онъ выдалъ за него сестру свою Анастасію и пожаловалъ ему во владѣніе вотчины: Верхдеревъ, Веневу, Растовецъ, Веркошу, Михайлово поле и Безпуцкій станъ. О значеніи Салахмира при дворѣ Рязанскаго князя можно судить по слѣдующему выраженію, которое встрѣчается въ жалованныхъ граматахъ Олега: „поговоря съ зятемъ своимъ съ Иваномъ Мирославичемъ“ [36]). Изъ Олеговыхъ бояръ еще извѣстенъ намъ Семенъ Ѳедоровичъ, прозваніемъ Кобыла Вислой, который выѣхалъ изъ

---

[35]) Акты Ист. I. №№ 2 и 13, и Ряз. Дост.

[36]) Родосл. дворянъ Вердеровскихъ. Арх. Ряз. Двор. Деп. Собр. Сынъ Ивана Мирославича Григорій игралъ роль главнаго совѣтника при дворѣ Олегова внука Ивана Ѳедоровича; о немъ также встрѣчается выраженіе: „поговоря съ дядею своимъ съ Григорьемъ съ Ивановичемъ“. Отъ Салахмира пошли многіе дворянскіе роды между прочимъ Вер(х)деровскіе и Апраксины.

Литвы сначала въ Москву къ Василію Димитріевичу, а потомъ перешелъ въ Рязань къ Олегу Ивановичу [37]).

Верстахъ въ 15-ти отъ губернскаго города Рязани, на лѣвомъ берегу Оки, при впаденіи въ нее Солотчи, стоитъ Солотчинскій монастырь. Мѣстоположеніе обители со стороны Оки довольно живописно и оригинально. Если вы переѣдете широкую въ этомъ мѣстѣ долину рѣки и по другому берегу направите свой путь къ губернскому городу, то, осматриваясь назадъ, долго еще будете любоваться бѣлою оградою и башенками монастыря, которыя по мѣрѣ вашего удаленія будутъ все болѣе и болѣе закутываться въ темную лѣсную зелень, пока совсѣмъ нескроются изъ вида.

Вотъ что сообщаютъ монастырскія записки объ основаніи этой обители. Случилось князю Олегу вмѣстѣ съ супругою Ефросиньею быть на берегу Солотчи въ одномъ глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Здѣсь они встрѣтили двухъ отшельниковъ, Василія и Ефимія, которые пришли сюда неизвѣстно откуда. Эта встрѣча навела князя на мысль построить монастырь при устьѣ рѣки. Основаніе обители совершилось въ 1390 г. Щедро надѣленная помѣстьями отъ Олега и его преемниковъ, она заняла вскорѣ первое мѣсто между Рязанскими монастырями по своему богатству и знаменитости. Говорятъ, что князь тогда же принялъ на себя званіе инока съ именемъ Іоны, не оставляя впрочемъ своего свѣтскаго сана,—примѣръ не единственный въ этомъ родѣ. Передъ концемъ жизни Олегъ посхимился и назвался Іоакимомъ. Онъ скончался въ 1402 г. 5 іюня. Такъ какъ смерть его случилась вскорѣ послѣ пораженія подъ Любутскомъ, то можно съ достовѣрностію предположить тѣсную связь между этими двумя событіями. Старецъ Олегъ, удрученный болѣзнями (противъ обыкновенія онъ не принялъ личнаго участія въ послѣднемъ походѣ), не выдержалъ сильнаго потрясенія, когда узналъ бѣдственную участь войска и сына, когда увидалъ потерянными плоды своихъ многолѣтнихъ усилій. Тѣло князя было положено въ каменномъ гробѣ и погребено въ Покровскомъ храмѣ Солотчинской обители.

Княгиня Ефросинія [38]), оставивъ свѣтъ, постриглась подъ име-

---

[37]) Родосл. дворянъ Сунбуловыхъ Ibid. Отъ Семена Ѳедоровича Кобылы Віслаго пошли: Сунбуловы, Бахтеяровы, Сидоровы, Чулковы, Ивашкины и пр.

[38]) Слава Олега отразилась на Ефросиніи. Вспоминая о любимомъ князѣ, народъ останавливается надъ образомъ его супруги, и украшаетъ его по своему: такъ

немъ Евпраксіи въ Зачатейскомъ монастырѣ, который находился верстахъ въ трехъ отъ Солотчинскаго. Она скончалась три года спустя, и была погребена въ томъ же Покровскомъ храмѣ подлѣ своего супруга.

напримѣръ, по словамъ одного преданія кичка Евфросиніи *„тоя цѣны була, ще и щету на туе на цину кики дознано ни было“*. (Чт. О. И. и Д. № 3. Замѣтки Макарова). По преданію она была дочь какого то татарскаго князя.

Песчаный грунтъ Покровскаго храма въ позднѣйшія времена осыпался подъ гору. Храмъ въ 1769 г. разобрали, а въ концѣ прошлаго столѣтія въ сосѣдней монастырской церкви Рождества Богородицы устроили новую княжескую гробницу. На днѣ этой гробницы въ настоящее время показываютъ черепъ и нѣсколько костей, какъ останки Олега и Ефросиніи; кромѣ того здѣсь находится кольчуга, также подъ именемъ Олеговой, имѣющая видъ рубашки и сдѣланная изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ прекрасной работы. Кости и кольчуга составляютъ предметъ особеннаго благоговѣнія для окрестныхъ поселянъ; князя и княгиню они почитаютъ святыми, и больные нерѣдко надѣваютъ на себя княжескую кольчугу, надѣясь получить исцѣленіе.

ГЛАВА V.

Послѣдняя эпоха самостоятельности.

1402—1520.

Өедоръ Ольговичъ. Договоръ съ Василіемъ Московскимъ. Послѣдняя усобица между Рязанью и Пронскомъ. *Иванъ Өедоровичъ.* Подчиненіе Витовту. Отношенія къ Василію Темному. Московское господство. *Василій Ивановичъ* и его супруга *Анна.* Присоединеніе Пронскаго удѣла къ Рязанскому. *Иванъ Васильевичъ.* Договоры съ Иваномъ III и братомъ Өедоромъ. Послѣдній отказываетъ свой удѣлъ Великому князю Московскому. Великая княгиня Рязанская *Агриппина.* Татарскіе набѣги. *Иванъ Ивановичъ*, послѣдній князь Рязанскій. Борьба боярскихъ партій. Плѣнъ Ивана Ивановича и окончательное присоединеніе Рязанскаго княжества къ Москвѣ. Нападеніе Магметъ Гирея и бѣгство князя Ивана въ Литву. Розыскное дѣло. Послѣднія вѣсти о Рязанскомъ князѣ.

Дальнѣйшая исторія Рязани представляетъ только постепенный переходъ къ окончательному соединенію съ Москвою; отклоненія отъ этого пути были очень незначительны. Между преемниками Олега нѣтъ ни одного князя, надъ которымъ историкъ могъ бы съ участіемъ остановить свое вниманіе. Ихъ имена сливаются вмѣстѣ и не оставляютъ послѣ себя никакихъ цѣльныхъ образовъ. Въ этомъ отношеніи потомковъ Олега можно сравнить съ его предшественниками, которые наполнили собою первую половину XIV в.; разница въ томъ, что на послѣднихъ лежитъ печать жосткаго и безпокойнаго характера, между тѣмъ какъ первые напротивъ отличаются мягкостію, несвойственною ихъ предкамъ, и замѣтнымъ недостаткомъ энергіи.

Любутское пораженіе очевидно повлекло за собою важныя слѣдствія: вліяніе, которое пріобрѣли Рязанцы на нѣкоторыя Сѣверскія княжества, и соперничество съ Литвою уничтожились однимъ ударомъ. Вмѣстѣ со смертію Олега рушилось и единство Рязанскихъ

удѣловъ; въ Муромѣ уже сидѣли намѣстники В. князя Московскаго; а Пронскъ возобновилъ старую вражду съ Рязанью. Пронскимъ княземъ въ то время былъ Иванъ Владиміровичъ; онъ послѣ отца вѣроятно остался еще очень молодъ и долженъ былъ раздѣлить наслѣдіе съ своими родственниками; но потомъ успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ Пронскій удѣлъ, и по смерти Олега уничтожилъ свою зависимость отъ В. князя Рязанскаго.

Олегъ оставилъ двухъ сыновей Ѳедора и Родослава. Интересно было бы знать, какимъ образомъ онъ раздѣлилъ или предполагалъ раздѣлить между ними свое княжество; но Родославъ сидѣлъ въ тяжкомъ плѣну, и потому Ѳедоръ Ольговичъ наслѣдовалъ весь Рязанскій удѣлъ. Первымъ его дѣломъ было отправиться въ Орду къ Хану Шадибеку съ дарами и съ извѣстіемъ о смерти отца. Царь пожаловалъ его, далъ ему ярлыкъ на отчину и дѣдину и отпустилъ на Великое княженіе Рязанское. Обезопасивши себя съ этой стороны, Ѳедоръ поспѣшилъ опредѣлить свои отношенія къ Москвѣ. Замѣтимъ при этомъ, что родственный союзъ Рязанскаго князя съ потомками Калиты былъ подкрѣпленъ за два года передъ тѣмъ бракомъ Ѳедоровой дочери съ Иваномъ, сыномъ Владиміра Храбраго. Вотъ содержаніе договора, который въ томъ же 1402 г. былъ заключенъ между Великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, его дядею Владиміромъ Андреевичемъ, братьями Юріемъ, Андреемъ и Петромъ съ одной стороны и Ѳедоромъ Ольговичемъ съ другой [1]).

Во первыхъ, В. князь Рязанскій долженъ имѣть себѣ Василія Дмитріевича старшимъ братомъ, Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича равными братьями, Андрея и Петра младшими. Онъ обязывается быть за одно съ Московскимъ княземъ, не приставать къ Татарамъ; можетъ посылать отъ себя въ Орду посла (киличея) съ дарами и честить также у себя Татарскаго посла; но только долженъ давать знать о томъ и другомъ въ Москву; а въ случаѣ разлада съ Ордою дѣйствовать по думѣ съ В. княземъ Московскимъ. Границы между княжествами остаются почти тѣже, которыя обозначены въ договорной граматѣ 1381 г.; только нѣкоторыя Мещерскія мѣста, купленныя Олегомъ, отходятъ къ Москвѣ. Во внутреннія дѣла Рязанскаго княжества Василій Дмитріевичъ и его братья даютъ обѣщаніе не вступаться. Замѣчательны тѣ слова граматы, которыми опредѣляются отношенія Ѳедора Ольговича къ князю Пронскому.

[1]) С. Г. Г. и Д. № 36.

„А со княземъ съ Великимъ съ Иваномъ Володимеровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ. А если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать своихъ бояръ, чтобы разсудили дѣло; а въ чемъ не сойдутся, пусть третій имъ будетъ Митрополитъ; кого Митрополитъ обвинитъ, тотъ долженъ отдать обидное, а если не отдастъ, то я Великій князь Василій Дмитріевичъ заставлю его исправиться“. Далѣе, съ князьями Новосильскимъ и Тарусскими Ѳедоръ Ольговичъ долженъ помириться также по давнымъ граматамъ и жить съ ними безъ обиды, „потому что тѣ князья со мною одинъ человѣкъ“. Если произойдетъ у Рязанскаго князя съ ними споръ за границы, то пусть съѣзжаются съ обѣихъ сторонъ бояре и рѣшаютъ дѣло; а третьяго избираютъ себѣ, кого имъ угодно. Въ случаѣ непокорности приговору, Московскій князь опять принимаетъ на себя его исполненіе. Обѣ договаривающіяся стороны обязываются возвратить плѣнниковъ, начиная со времени Скорнищевской битвы. Съ Витовтомъ Ѳедоръ Ольговичъ можетъ мириться не иначе какъ по думѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ.—Условія договора въ главныхъ чертахъ похожи на тѣ, которыя мы встрѣтили въ договорной граматѣ Олега съ Димитріемъ; но подробности и самый тонъ граматы, не смотря на обычныя формы, бросаютъ на Рязанцевъ бо̀льшую тѣнь зависимости отъ Москвы.

Война съ Витовтомъ, кажется, прекратилась спустя года три, потому что около этого времени былъ выкупленъ изъ плѣна Родославъ Ольговичъ за 3,000 рублей. Этотъ несчастный князь послѣ своего освобожденія жилъ не болѣе двухъ лѣтъ;—онъ былъ послѣдній изъ потомковъ Ярослава Святославича, который извѣстенъ въ исторіи подъ языческимъ именемъ.

1408 годъ ознаменованъ послѣднею сильною усобицею между князьями Рязанскимъ и Пронскимъ. Въ этомъ году Иванъ Владиміровичъ воротился въ свой удѣлъ изъ Орды отъ Царя Булата съ пожалованіемъ и съ честію въ сопровожденіи ханскаго посла. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ съ Татарскою помощью неожиданно напалъ на Ѳедора Ольговича. Ѳедоръ бѣжалъ за Оку, а соперникъ его сѣлъ на обоихъ княженіяхъ. Василій Дмитріевичъ остался вѣренъ заключенному недавно договору, и послалъ на помощь своему зятю воеводъ Коломенскаго Игнатія Семеновича Жеребцова и Муромскаго Семена Жирославича. На рѣкѣ Смядвѣ воеводы Великаго князя потерпѣли сильное пораженіе отъ Ивана Володиміровича; Же-

ребцовъ былъ убитъ со многими товарищами, а Семенъ Жирославичъ попался въ плѣнъ. Не смотря на удачу, Пронскій князь не посмѣлъ однако продолжать борьбу съ Василіемъ, и при его посредничествѣ соперники въ томъ же году заключили миръ [2]).

Неизвѣстно, до котораго года княжилъ Ѳедоръ Ольговичъ. Источники упоминаютъ о немъ еще два раза: во-первыхъ въ 1409 г. по поводу возвращенія Митрополита Фотія изъ Царьграда въ Москву; потомъ въ 1423 г. по поводу поставленія Сергія Азакова на Рязанское епископство. Надобно полагать, что онъ скончался, спустя года три или четыре, т. е. около 1427 г. Преемникомъ Ѳедора былъ сынъ его Иванъ [3]).

Послѣ Василія I началась долговременная усобица въ потомствѣ Димитрія Донскаго. Повидимому ничто не могло болѣе благопріятствовать другимъ князьямъ въ томъ, чтобы возвратить утраченную самостоятельность. Но такова сила историческаго процесса: уже тотчасъ послѣ смерти Олега ясно обозначилось, что Рязань не можетъ существовать въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго пункта, около котораго могли бы собраться юговосточные удѣлы. Она была слишкомъ слаба для этого и необходимо долженствовала примкнуть къ той или другой половинѣ Руси. Исторія Рязани въ XIV и XV вв. представляетъ замѣчательную аналогію съ исторіею Твери. Здѣсь вторую половину XIV в. также наполняетъ видная личность Михаила Александровича, выступающая съ такими же стремленіями, какъ Олегъ Рязанскій; послѣ его смерти видимъ тѣ же усобицы между Тверью и Кашиномъ, какъ между Рязанью и Пронскомъ, то же колебаніе между Москвою и Литвою. Когда на время ослабла сила притяженія со стороны Москвы, оба княжества примкнули къ Литвѣ, гдѣ еще властвовалъ грозный Витовтъ. Около 1427 г. Иванъ Ѳедоровичъ заключилъ съ нимъ слѣдующій договоръ [4]):

„Господину Господарю моему В. князю Витовту я Иванъ Ѳедоровичъ В. князь Рязанскій добилъ челомъ, отдался ему на службу, и Господарь мой князь великій Витовтъ принялъ меня князя великаго Ивана Ѳедоровича на службу: мнѣ служить ему безхитростно, быть съ нимъ за одно на всякого; съ кѣмъ онъ миренъ, съ тѣмъ и я

---

[2]) „Сидѣли многіе князья съ Прони на Рязани, а послѣдній былъ на Рязани Князь Иванъ Володиміровичь Пронскій". Времен. № 10. Родосл. 33.

[3]) Ник. IV. 306. V. 8, 12, 14, 15. П. С. Р. Л. VI. 135. Раз. Дост.

[4]) Акты Арх. I. №№ 25, 26.

миренъ; а съ кѣмъ онъ не миренъ, съ тѣмъ и я не миренъ. А В. князю Витовту оборонять меня отъ всякого, а безъ воли князя Великаго мнѣ ни съ кѣмъ не мириться и никому не помогать. А если будетъ отъ кого притѣсненіе (налога) внуку его В. князю Василію Васильевичу, и если велитъ мнѣ князь великій Витовтъ, то я буду пособлять ему на всякого и жить съ В. княземъ Васильемъ Васильевичемъ по старинѣ. А если будетъ В. князю Витовту съ внукомъ его какое нелюбье или съ дядьями его или съ братьями, то мнѣ пособлять своему Господарю на нихъ безъ хитрости. А В. князю Витовту въ вотчину мою не вступаться ни въ землю, ни въ воду по рубежъ Рязанской земли моей Переяславской вотчины съ уступкою (Литвѣ) Тулы [5]), Берестья, Ретани, Дорожена и Заколотена Гордѣевскаго. А судъ и исправу давать мнѣ ему во всѣхъ дѣлахъ чисто, безъ переводу; съѣхався съ судьями В. князя Витовта и поцѣловавъ крестъ, пусть судьи мои рѣшаютъ безъ всякой хитрости, по правдѣ; а если въ чемъ не сойдутся, то пусть идутъ къ В. князю Витовту, и кого В. князь обвинитъ, тотъ и заплатитъ". Вмѣстѣ съ Рязанскимъ княземъ поддался Витовту и Пронскій Иванъ Владиміровичъ; его договорная грамата написана почти тѣми же словами.

Въ 1430 г. мы находимъ Ивана Ѳедоровича въ числѣ знатныхъ гостей, которыхъ угощалъ Витовтъ великолѣпными пирами. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Литовскій князь скончался; въ Литвѣ начались смуты и усобицы; а вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась кратковременная зависимость отъ нея Рязанцевъ; но только для того, чтобы возобновились ихъ прежнія отношенія къ Москвѣ, хотя и здѣсь въ тоже время открылась борьба между Василіемъ Васильевичемъ и Юріемъ Галицкимъ. Иванъ Ѳедоровичъ сначала цѣловалъ крестъ Василію и посылалъ свою дружину вмѣстѣ съ Москвитянами воевать волости Юрія [6]). Но когда Юрій одолѣлъ племянника и сѣлъ на Московскій столъ, Иванъ Ѳедоровичъ перешелъ на его сторону и заключилъ съ

---

[5]) Въ договорѣ между Олегомъ и Димитріемъ Тула поставлена въ какое то исключительное положеніе; и тотъ и другой князь по видимому отъ нея отказываются. „Тула какъ было при царицѣ при Тайдулѣ, и коли ея Баскаци вѣдали"... Но судя по договору Ивана Ѳед. съ Витовтомъ, она считалась за Рязанью. Вѣроятно Олегъ, вопреки условіямъ 1381 г., присоединилъ ее въ послѣдствіи къ своему княжеству.

[6]) Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается въ Догов. гр. Юрія Дмитр. съ Иваномъ Ѳед. I. № 48.

нимъ договоръ [7]) Юрій обѣщаетъ имѣть Ивана Ѳедоровича себѣ племянникомъ, сыновья его Василій Косой равнымъ братомъ, а Димитрій Шемяка и Димитрій Красный старшимъ. Рязанскій князь обязывается сложить съ себя цѣлованіе къ Василію Васильевичу и быть противъ него и противъ другихъ недруговъ за одно съ Юріемъ. Отношенія князей и границы Княжествъ опредѣляются почти такими же условіями, какъ въ 1402 г. Противъ прежнихъ граматъ замѣчательно слѣдующее прибавленіе: „А гдѣ ты князь Великій всядешь на конь противъ своего недруга, и мнѣ князю Великому Ивану самому пойти съ тобою безъ ослушанія; а гдѣ пошлешь своихъ воеводъ, и мнѣ своихъ воеводъ послати съ твоими воеводами". Тула и Берестій, уступленные Витовту, теперь опять причисляются къ Рязани. Изъ той же граматы узнаемъ, что князья Рязанскій и Пронскій незадолго передъ тѣмъ временемъ окончательно помирились и вмѣстѣ подчиняются Московскому, а третейскимъ судьею опять признаютъ митрополита; самый договоръ Иванъ Ѳедоровичъ заключаетъ вмѣстѣ отъ себя и отъ Пронскаго князя съ его братьями.

Этотъ договоръ, какъ надобно полагать, былъ заключенъ въ 1434 г., т. е. послѣ втораго занятія Москвы Галицкимъ княземъ. Но въ томъ же году Юрій скончался и Василій Васильевичъ воротился въ Москву. Для Рязани это было все равно: перемѣнялось только лицо, а отношенія къ В. князю Московскому остались тѣже самыя. Вообще незамѣтно, чтобы Рязанцы принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ Василія Темнаго съ Димитріемъ Шемякою.

Въ 1447 г., когда Василій окончательно утвердился на Московскомъ столѣ, послѣдовалъ новый договоръ съ Рязанскимъ княземъ [8]). Иванъ Ѳедоровичъ признаетъ Василія старшимъ братомъ, Ивана Андреевича Можайскаго равнымъ; а Михаила Андреевича и Василія Ярославича Боровскаго младшими. Далѣе опять повторяются почти тѣже условія, какія и въ предыдущихъ граматахъ. Замѣтимъ только прибавленіе касательно Литовскихъ отношеній: „А всхочетъ съ тобою князь Великій Литовскій любви, и тобѣ съ нимъ взяти любовь со мною по думѣ; а писати ти съ нимъ въ докончательную грамату, что есь со мною съ Великимъ княземъ съ Васильемъ Васильевичемъ одинъ человѣкъ... А пойдетъ на тебя Князь великій Литовскій и

---

[7]) С. Г. Г. и Д. I. № 48.

[8]) № 65.

мнѣ князю Великому Василью пойти самому тебя боронити; а пошлетъ на тебя своихъ воеводъ, и мнѣ послати своихъ воеводъ тебя боронити". Дополненіемъ къ послѣдней статьѣ могутъ служить слѣдующія слова изъ договора, который, спустя два года, Василій Васильевичъ заключилъ съ Казиміромъ Литовскимъ [9]): „А братъ мой молодшій, князь Великій Иванъ Ѳеодоровичъ Рязанскій со мною съ Великимъ княземъ Васильемъ въ любви, и тобѣ Королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, Королю и Великому князю Казиміру Князь великій Иванъ Ѳеодоровичъ сгрубитъ, и тобѣ Королю и В. князю мене обослати о томъ: и мнѣ его всчунути (уговорить) и ему ся къ тобѣ исправити, а не исправитъ ся къ тобѣ, моему брату, Рязанскій, и тобѣ Королю Рязанскаго показнити, а мнѣ ся въ него не вступати. А всхочетъ ли братъ мой молодшій, Князь великій Иванъ Ѳеодоровичъ служити тобѣ, моему брату, Королю и Великому князю: и мнѣ В. князю Василью про то на него не гнѣваться, ни мстити ему". Здѣсь Московскій князь, вопреки условіямъ 1447 г., отказывается помогать Рязанцамъ противъ Литвы; за то Рязанскому князю предоставлено болѣе свободы нежели прежде; онъ по собственному выбору можетъ примкнуть къ Литвѣ или Москвѣ.

Но это была только дипломатическая уловка со стороны Московскаго правительства; а на дѣлѣ оно уже могло быть спокойно на счетъ Литовскаго соперничества. По крайней мѣрѣ послѣ Витовта со стороны Рязани почти не видно колебанія между тою и другою зависимостію до временъ Василія III. Мало того, если мы не можемъ указать на значительныя войны, за то мелкая вражда на границахъ время отъ времени могла породить довольно сильныя неудовольствія между Рязанью и Литвою. Въ этомъ отношеніи отъ XV ст. сохранился очень интересный документъ, извѣстный подъ именемъ: „Посольство до Великаго князя Рязанскаго зъ Вильны Васильемъ Хребтовичемъ". Въ 1456 г. прибылъ въ Переяславль къ Ивану Ѳеодоровичу посолъ изъ Литвы Василій Хребтовичъ и подалъ ему грамату отъ Казиміра IV. Въ этой граматѣ Казиміръ жалуется Рязанскому князю на его подданныхъ, которые въ ту весну наканунѣ Николина дня внезапно пришли подъ городъ Мценскъ, выжгли его, повоевали окрестности и увели много плѣнниковъ. И прежде не рѣдко были обиды Литовскимъ украиннымъ людямъ отъ Рязанскихъ; а теперь послѣдніе, недовольствуясь воровствомъ и грабежомъ, поднимаютъ

---

[9]) Акты Зап. Рос. I. № 50.

открытную войну. Король требуетъ, чтобы Рязанцы возвратили плѣнниковъ и пограбленное имущество; чтобы они въ Литовской землѣ звѣрей и бобровъ не били, пчелъ не драли и рыбы не ловили [10]).

---

[10]) Акты Зап. Рос. I, № 58. Приводимъ здѣсь эту интересную грамату вполнѣ: „Юль 9. д. индиктъ 4“.

„Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій всказалъ: Издавна предкове наши зъ вашими предки были въ любьви и въ докончаньи, а и мы со отцемъ твоимъ были потому жъ какъ и предкове наши; а земли наши украинные межи собою въ упокои были, а обиднымъ дѣломъ судъ и право было на обѣ сторонѣ.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): Тыми, пакъ, разы пріѣхалъ къ намъ намѣстникъ нашъ Мценскій и Любуцкій, князь Дмитрей Путятичъ, и повѣдалъ намъ, ижъ твоѣ люди зъ твоее земли пришодши безвѣстьно, сеѣ весны,канунъ Николина дня, войною, подъ городъ нашъ Мценскъ, мѣсто выжьгли, села повоевали и многіи шкоды починили, и люди головами въ полонъ повели.

Казимиръ, король и великій князь всказалъ: А и передъ тымъ, намъ многіи жалобы прихаживали отъ украиньниковъ нашихъ, ижъ имъ кривды и шкоды великія дѣются зъ твоее земли, отъ твоихъ людей, въ татьбахъ и въ забоѣхъ и въ грабежахъ; а нынѣ пакъ нетолько татьбою, але явно воюютъ, и головами въ полонъ ведуть, и мѣста и села жьгуть.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): Прото напоминаемъ тебе: съ твоимъ ли вѣдомомъ то будутъ люди твои вчинили, аль не съ твоимъ, абы еси о томъ довѣдался; если будутъ, безъ твоего вѣдома, люди твои то вчинили, и ты бы еси велѣлъ то намъ оправити. А што люди наши головами въ полонъ побраны, тыхъ бы еси велѣлъ поотпускати, а животы и статки велѣлъ бы еси поотдавать; а тыхъ людей, которыи будутъ то чынили, велѣлъ бы еси сказьнить, абы впередъ того не было. А если намъ того невелишъ оправити, и полону, что побрано животовъ и статковъ, невелишь поотдавать, будь тобѣ вѣдомо, ижъ мы за свое далѣй не будемъ терпѣть.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): А которые бы шкоды и кривды дѣлалися твоимъ людемъ отъ нашихъ людей, зъ нашое земли, и ты бы насъ обсылалъ, обыхмо приказывали нашимъ намѣстникомъ тымъ дѣломъ обиднымъ управу давати, на обѣ сторонѣ, абы правыи не гибли, а виноватыи кажьнены были; и тако было безвѣстьно и безъ отказу, войны непускати, и огнемъ нежечи, и головъ въ полонъ не вести.

Казимиръ, король и великій князь (всказалъ): Также повѣдалъ нашъ князь Дмитрей Путятичъ, штожъ люди твои, зъ твоее земьли.

Казиміръ, король и великій князь (всказалъ): Также повѣдалъ намъ князь Дмитрій Путятичъ, штожъ люди твои, зъ твоее земьли, въ нашой земли звѣръ бьютъ, а пьчолы деруть, а по рѣкамъ бобры и рыбы ловять, гдѣ издавна имъ входовъ небывало, и иные многіе шкоды дѣлають: и ты бы людемъ своимъ приказалъ

Результаты этого посольства намъ неизвѣстны. Изъ граматы видно, что обиды между пограничными жителями были взаимныя. Да и не возможно было ихъ избѣжать при неразвитости общества и отсутствіи точнаго опредѣленія границъ. Подобныя пересылки Русскихъ князей съ Литовскимъ правительствомъ по поводу безпорядковъ на границахъ были дѣломъ довольно обыкновеннымъ въ тѣ времена, и, кажется, не вели ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ [11]).

Княженіе свое Иванъ Ѳедоровичъ заключилъ весьма важнымъ фактомъ. Въ 1456 г. онъ скончался, вскорѣ послѣ своей супруги, чернецомъ Іоною, завѣщавъ Василію Темному на соблюденіе Рязанское княжество вмѣстѣ съ осьмилѣтнимъ сыномъ Василіемъ, вѣроятно до его совершеннолѣтія. Великій князь взялъ мальчика и его сестру Ѳеодосію къ себѣ въ Москву, а въ Рязанскіе города и волости послалъ своихъ намѣстниковъ [12]).

Самостоятельность Рязанскаго княжества повидимому прекратилась. Можно было ожидать, что собиратели Руси воспользуются удобнымъ случаемъ, чтобы навсегда покончить съ сосѣднимъ удѣломъ. Но прошло восемь лѣтъ послѣ смерти Ивана Ѳедоровича, и, вопреки подобнымъ ожиданіямъ, Великій князь Иванъ III и мать его Марія отпускаютъ Василія Ивановича на его отчину, на великое княженіе Рязанское. Зимою того же года Василій пріѣхалъ въ Москву и взялъ за себя княжну Анну Васильевну, меньшую сестру Ивана III. Бракъ совершился 28 января въ соборной церкви Успенія Богородицы; а на память Трехъ Святителей молодые отправились въ Рязань [13]).

Вопросъ, почему Иванъ III не воспользовался случаемъ присоединить къ Москвѣ Рязанское княжество, за отсутствіемъ прямыхъ указаній въ источникахъ, мы можемъ объяснять только гадательнымъ образомъ. А именно, съ возвращеніемъ своего князя Рязань

а жьбы въ нашой земьли звѣру небили, а пьчолъ недрали, а по рѣкамъ бобровъ не били и рыбъ неловили, гдѣ издавна имъ входовъ небывало; бо мы въ твою отчизну, и земьли и въ воды, не велимъ вступатися, гдѣ кому изъдавна вступа не было". Изъ Литов. Метрики.

[11]) См. пересылки Москов. правительства съ Литов. о томъ же предметѣ. Акты Запад. Рос. II. №№ 74, 143, 169 и пр.

[12]) Ник. V. 283, 384.

[13]) Ник. VI. Чт. О. И. и Д. IV. Татищ. I. П. С. Р. Л. IV. 149.

едва ли пріобрѣтала бóльшую независимость, чѣмъ въ то время, когда ею управляли Московскіе намѣстники. Василій Ивановичъ уже привыкъ слушаться во всемъ В. князя Московскаго какъ своего отца и благодѣтеля; новыя узы родства еще болѣе скрѣпили ихъ близкія отношенія. Опасаться трудной борьбы было излишне при слабости Рязанскаго княжества сравнительно съ Москвою. Предпочесть Литовское подданство Рязанцамъ не было никакого основанія. А между тѣмъ многочисленное и храброе населеніе Рязани еще не отвыкло отъ своихъ собственныхъ князей, и живо помнило прежнія времена независимости и славы; нерасположеніе къ Москвитянамъ, какъ необходимое слѣдствіе долговременныхъ враждебныхъ отношеній, можетъ быть не разъ обнаружилось при господствѣ Московскихъ намѣстниковъ. На этотъ фактъ можно смотрѣть какъ на одинъ изъ примѣровъ замѣчательной политической дальновидности Ивана III. Онъ обратилъ свое вниманіе на болѣе важныя дѣла, и, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Татарами, Тверью, Новгородомъ и Литвою, предпочелъ лучше ждать еще болѣе удобнаго случая и имѣть подъ рукою вѣрнаго подручника, чѣмъ явною несправедливостію давать поводъ къ разнымъ попыткамъ, которыя могли надѣлать ему лишнихъ хлопотъ. Впрочемъ нельзя сказать утвердительно, поступилъ ли Иванъ III въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію, или по мысли своего отца, который не хотѣлъ обмануть довѣренности къ нему Ивана Ѳедоровича. Какъ бы то ни было, Рязань болѣе полувѣка еще имѣла собственныхъ князей и удержала тѣнь самостоятельности.

Василій Ивановичъ княжилъ 19 лѣтъ, и все это время ни разу не было нарушено его доброе согласіе съ Москвою, т. е. онъ ни разу не обнаружилъ попытки выдти изъ подъ опеки Московскаго князя. Одна изъ главныхъ ролей въ Рязанской исторіи второй половины XV вѣка безспорно приходится на долю княгини Анны Васильевны. Пользуясь расположеніемъ къ себѣ брата, она имѣла большое вліяніе на его дружескія отношенія къ Рязанцамъ. Мы не одинъ разъ встрѣчаемъ ее въ Москвѣ, гдѣ она гоститъ у родныхъ; въ 1467 г. напримѣръ, 14 апрѣля, она родила здѣсь сына Ивана.

Можетъ быть, благодаря именно ея посредничеству, княженіе Василія Ивановича ознаменовалось окончательнымъ присоединеніемъ къ Рязани Пронскаго удѣла. Неизвѣстно, когда умеръ Иванъ Владиміровичъ Пронской. Около 1427 г. онъ былъ еще живъ и поддался Витовту; но въ 1434 г. въ Пронскѣ уже господствовали его

сыновья, какъ видно изъ договорной граматы Ивана Ѳедоровича съ Юріемъ Галицкимъ. Послѣ Ивана Владиміровича остались три сына: Ѳедоръ, который наслѣдовалъ титулъ Великаго князя (если Ѳедора Владиміровича уже не было въ живыхъ), потомъ Иванъ Нелюбъ и Андрей Сухорукій. Въ договорѣ 1447 г. также упоминаются князь Пронскій съ братьею. Далѣе источники не упоминаютъ о Пронскѣ, какъ объ отдѣльномъ княжествѣ. Надобно думать, что Пронскіе князья въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ XV вѣка сходятъ съ своей прежней сцены, и потомство ихъ вступаетъ въ кругъ княжеской аристократіи при Московскомъ дворѣ. Какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилось присоединеніе Пронскаго удѣла къ Рязани, мы не знаемъ; видимъ только, что Великій князь Рязанскій Василій Ивановичъ при кончинѣ благословляетъ городомъ Пронскомъ своего старшаго сына [14]). Конечно это присоединеніе не могло имѣть мѣста безъ соизволенія Ивана III.

Василій Ивановичъ скончался въ 1483 г. 7 января во время обѣдни [15]). Онъ имѣлъ не болѣе 35 лѣтъ отъ роду, и послѣ себя оставилъ двухъ сыновей Ивана и Ѳедора, между которыми раздѣ-

---

14) Есть еще повидимому извѣстіе о Великомъ князѣ Пронскомъ: именно, въ договорной граматѣ Казимира IV съ князьями Воротынскимъ, Одоевскимъ и Новосильскимъ, отъ 10 апрѣля 1483 г. (Акты Зап. Р. I. № 80) сказано: А съ великимъ княземъ Московскимъ, и съ великимъ княземъ Переяславскимъ, и съ великимъ княземъ Пронскимъ, хто будетъ тая великія княженія держати, съ тыми имъ судъ имѣти по старинѣ". Но выраженіе, „хто будетъ тая великія княженія держати" указываетъ только на общее мѣсто, на привычную форму. Въ договорѣ Ивана III съ Иваномъ Рязанскимъ, отъ 9 іюня 1483 г., противъ прежняго обыкновенія уже не говорится ни слова о Пронскихъ князьяхъ, и опредѣленіе границъ показываеть, что Пронскій удѣлъ не отдѣлялся отъ Рязанскаго. Положительное же извѣстіе о соединеніи Пронска и Рязани относится къ 1496 г.

15) Ник. VI. 117. Василій Ивановичъ, судя по надписи на его гробницѣ, также какъ и сыновья его, имѣлъ прозваніе Третнаго. На вѣроятное происхожденіе этого прозванія указано въ Рязанск. дост. по поводу построенія церкви Іоанна Златоуста: „А Рязань, какъ изъ граматы царя Ивана Васильевича 7045 года Солотченскому архимандриту данной видно, раздѣлялась издревлѣ на трети. Да въ спискѣ съ *правой* граматы 7043 года на починокъ Неретинъ упоминается, что село *Перкино* въ книгахъ письма Ивана Ивановича Волынскаго написано въ двухъ третяхъ, въ каменскомъ стану, а село Засѣчье и починокъ Неретинъ въ княжь Ѳедоровой трети Ивановича Великаго князя Рязанскаго (вѣроятно Ѳедора Васильевича удѣльнаго князя Рязанскаго).

лилъ свое княжество. Старшему съ титуломъ Великаго князя достались города: Переяславль Рязанскій, Ростиславль и Пронскъ; а младшаго отецъ благословилъ Перевитскомъ, Старою Рязанью и третьею частію изъ Переяславскихъ доходовъ. Они оба были еще очень молоды,—Иванъ имѣлъ 16 лѣтъ,—и потому долго не выходили изъ воли своей матери княгини Анны. Въ томъ же 1483 г. отношенія между Москвою и Рязанью были опредѣлены новыми договорными граматами [16]). Великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ обязывается считать Ивана III и его сына старшимъ братомъ и приравнивается къ удѣльному московскому князю Андрею Васильевичу. Далѣе, онъ обязывается всегда быть за одно съ Москвою, не сноситься съ Литовскимъ княземъ и не вступать въ Литовское подданство; также не сноситься съ тѣми удѣльными князьями, которые ушли въ Литву. Замѣчательна въ этомъ договорѣ статья о служебныхъ Татарскихъ царевичахъ, которымъ отведены были мѣста на Окѣ между Рязанью и Муромомъ. Рязанскій князь долженъ давать Даньяру и его преемникамъ тоже самое, что давали его отецъ и дѣдъ по положенію Василія Темнаго; онъ не можетъ сноситься съ ними ко вреду Московскаго князя; а бѣглыхъ Мещерскихъ князей обязанъ не только не принимать къ себѣ, но отыскивать ихъ и выдавать Москвитянамъ. Границы между княжествами назначены уже другія. Изъ прежнихъ пограничныхъ линій сохранилась только та, которая шла отъ Коломны вверхъ по Окѣ, Цнѣ и Владимірскому порубежью. Особенно сократились Рязанскіе предѣлы на западѣ [17]). Съ этой стороны они отодвинуты почти на тѣ же мѣста, по которымъ проходили въ началѣ XIII вѣка, т. е. всѣ позднѣйшія пріобрѣтенія Рязанцевъ въ княжествахъ Сѣверскихъ навсегда отошли къ Москвѣ. На востокѣ въ Мещерѣ Рязанскій князь отступился отъ всѣхъ мѣстъ, купленныхъ его предшественниками, начиная съ Олега Ивановича.

---

[16]) №№ 115 и 116.

[17]) „А что купля отца нашего за рѣкою за Окою Тѣшиловъ и Веневъ и Растовецъ и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ землямъ съ твоею землею рубежъ отъ Оки съ усть Смѣдвы въ верхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки черезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховія Кудесны прямо къ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ... а тебѣ (Ивану Рязанскому) невступатися въ нашу отчину въ Елечь и во вся Елецкая мѣста. а Меча намъ вѣдати вопчѣ“.

Семнадцатилѣтнее княженіе Ивана Васильевича прошло также тихо и въ такомъ же согласіи съ политикою Ивана III, какъ и правленіе его отца. Рязанскій князь на своей отчинѣ и дѣдинѣ въ сущности имѣлъ значеніе Московскаго намѣстника; онъ безпрекословно исполнялъ приказанія дяди и посылалъ свои войска на его службу. Наиболѣе замѣчательный походъ совершили Рязанцы въ 1492 г. для завоеванія городовъ Серпейска и Мезецка, которые незадолго передъ тѣмъ поддались Москвѣ, но были захвачены опять Литовцами. Къ Москвитянамъ присоединились Рязанскій удѣльный князь Ѳедоръ Васильевичъ съ своею дружиною и войска его старшаго брата подъ начальствомъ воеводы Иньки Измайлова. Походъ увѣнчался успѣхомъ [18]).

До насъ дошелъ любопытный договоръ отъ 19 Августа 1496 г., которымъ братья Иванъ и Ѳедоръ опредѣлили свои взаимныя отношенія и границы своихъ удѣловъ [19]).

Ѳедоръ обязывается: держать Великое княженіе Ивана *чесно и грозно безъ обиды*; хотѣть ему вездѣ и во всемъ добра, быть съ нимъ за одно на всякаго недруга и нессылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣдома. Великій князь обѣщаетъ жаловать его и печаловаться о его отчинѣ. Никто изъ нихъ не долженъ вступаться въ чужой удѣлъ и искать его подъ братомъ или подъ его сыновьями. Замѣтимъ при этомъ слѣдующее мѣсто граматы: „а не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ Великому князю Великимъ княженьемъ благословити тобя своего брата, а не будетъ у тобя дѣтей, и тебѣ моему брату своей отчины не отдати никоторою хитростью мимо меня Великаго князя“. Мать ихъ Анна, кромѣ своихъ купленныхъ дворовъ въ городѣ, получаетъ четверть всѣхъ доходовъ въ обоихъ удѣлахъ. Орду знаетъ только одинъ В. князь, и платитъ ясакъ служебнымъ Татарскимъ царевичамъ какъ отъ себя, такъ и отъ своего брата. Потомъ обозначаются границы удѣловъ, впрочемъ не вездѣ ясно и опредѣленно [20]). Удѣлъ Ѳедора состоялъ изъ двухъ неравныхъ ча-

---

[18]) Ник. VI. 133. П. С. Р. Л. IV. 161.

[19]) №№ 127 и 128.

[20]) „А промежъ насъ раздѣлъ отъ Оки рѣки по Вакиныхъ деревню, да по Голцово, да по Ивачеву деревню; а Вакиныхъ деревня и Голцово въ Великого князя сторонѣ, а Романовское село и Ивачева деревня во Княжи Ѳеодоровѣ сторонѣ; а отъ Ивачевыхъ деревни по р... сници на низъ до рѣчки до Мечи, да на низъ по Мечи до рѣчки до Пилеса, да Пилесомъ въ верхъ по лѣсу по Каринскому къ Мо-

стей: большая сосредоточилась около Старой Рязани, меньшая около Перевитска. Въ самомъ Переяславлѣ Ѳедору отдѣлялись часть княжескихъ дворовъ въ городѣ, посадъ, нѣсколько мельницъ, лугъ и поле возлѣ города, треть городскихъ пошлинъ, и часть въ судебныхъ городскихъ доходахъ. Разнаго рода княжіе люди: ловчане, рыболовы, псари и пр. были также подѣлены между братьями. Младшій обязывается поддерживать треть городскихъ укрѣпленій. Князья не должны покупать другъ у друга селъ и держать закладней. Отношенія удѣльнаго Рязанскаго князя къ старшему брату, если судить по договору, были почти тѣже самыя, въ какихъ послѣдній находился къ В. князю Московскому и въ какихъ къ Ивану III состояли его младшіе братья; но въ дѣйствительности имѣли силу развѣ только экономическія статьи договора, а въ дѣлахъ политики оба князя были покорными слугами Ивана III.

Изъ внутреннихъ событій въ Рязани при Иванѣ Васильевичѣ мы знаемъ весьма немногое. Въ Сентябрѣ 1494 г. былъ такой страшный пожаръ въ Переяславлѣ, что почти выгорѣлъ весь городъ и колокола растапливались на колокольняхъ. Въ Августѣ 1497 г. княгиня Анна ѣздила въ Москву повидаться съ братомъ и была тамъ принята съ великою честію. Самъ Иванъ III съ дѣтьми и боярами встрѣтилъ ее на Вспольѣ за Болвановьемъ; также выѣхала на встрѣчу къ ней Великая княгиня Софья съ невѣсткою Еленою и съ своими боярынями. Анна прогостила здѣсь до Крещенья, и въ это время помолвила свою дочь за одного изъ знатныхъ Московскихъ бояръ, князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго, принадлежавшаго къ потомкамъ Гедимина. Послѣ Крещенья Великій князь отпустилъ сестру домой съ большими дарами; братъ Юрій проводилъ ее до Угрѣшей. Анна спѣшила въ Рязань для свадьбы, которая была съиграна въ январѣ мѣсяцѣ [21]).

соловской деревни, а Мосоловская деревня во Княжи Ѳеодорове удѣле, а отъ Мосоловской деревни внизъ по Осетру до устія, и по рубежу тѣ деревни пашни свои и ухожаи вѣдають по старинѣ. А рубежъ Переяславлю съ Рязанью отъ Оки рѣки по Лубяной въ верхъ на право къ Переяславлю, а на лево къ Рязани; а отъ верху Лубяной по перевертамъ къ Тысьи, а отъ Тысьи по Щучьей въ верхъ, а отъ Щучьей по перевертамъ къ Исьи, да по Исьи на низъ до устія, да на низъ по Окѣ рѣкѣ до усть Прони, да Пронею въ верхъ до Жорновицъ, отъ Жорновицъ подлѣ лѣсу назадъ заполья, да позадъ березовой поляны до рубежа до Мещерскаго, куда наши Бояре ѣхали".

[21]) П. С. Р. Л. VI. 42, 43. Татищ. Чт. О. И. и Д. № IV. 129.

29 Мая 1500 г. въ третьемъ часу дня скончался Великій князь Рязанскій, Иванъ Васильевичъ, носившій прозваніе Большія области Третнаго. Онъ былъ женатъ на Агриппинѣ Ѳедоровнѣ, урожденной княжнѣ Бабичъ, и оставилъ сына Ивана по пятому году [22]). Малолѣтный князь наслѣдовалъ отцу сначала подъ опекою матери и бабки; но послѣдняя немногимъ пережила своего сына, и скончалась въ слѣдующемъ 1501 г. на Свѣтлой недѣлѣ въ середу. Съ именемъ княгини Анны связано воспоминаніе о мирѣ и тишинѣ, господствовавшихъ на Рязани въ продолженіе 37 лѣтъ, которыя провела въ этомъ краю любимая сестра Ивана III. Удѣльный Рязанскій князь Ѳедоръ Васильевичъ жилъ до 1503 года; онъ умеръ бездѣтнымъ, и мимо племянника отказалъ свои волости Великому князю Московскому. Такой поступокъ повидимому не противорѣчилъ договору 1496 года, потому что въ немъ было условіе не отдавать кому либо своей отчины только мимо самого старшаго брата, хотя при этомъ очевидно подразумѣвались и дѣти послѣдняго. На эту добровольную уступку Рязанскаго удѣла Московскому правительству указываетъ самъ Іоаннъ III. „А что ми далъ сестричичь мой князь Ѳедоръ Васильевичъ Рязанской—говоритъ онъ въ духовномъ завѣщаніи—свою отчину, на Рязани въ городѣ и на посаде свой жеребей, и Старую Рязань и Перевитескъ съ волостьми и съ путми и съ селы, и съ бортью и съ тамгою и совсѣми пошлинами, потому, какъ ея дѣлилъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Иваномъ: и язъ ту его вотчину... даю сыну своему Василью [23]).

Такимъ образомъ въ началѣ XVI в. отъ древняго Рязанскаго

---

[22]) Герберштейнъ въ своей Rer. Mosc. auct. 48 стр. разсказываетъ будто „у Ивана Васильевича было три сына: Василій, Ѳедоръ и Иванъ. По смерти отца два старшіе брата затѣяли усобицу и сразились на полѣ близъ города Рязани: одинъ изъ нихъ палъ въ битвѣ; оставшійся побѣдителемъ умеръ вскорѣ на томъ же полѣ. Въ память этого событія на мѣстѣ битвы поставленъ былъ дубовый крестъ". Но въ русскихъ источникахъ нѣтъ ничего подобнаго. Да едвали и могли остаться послѣ Ивана Васильевича взрослые сыновья, такъ какъ онъ скончался 33 лѣтъ отъ роду. Иностранцу же притомъ легко было повѣрить ложнымъ слухамъ или перемѣшать событія.

[23]) П. С. Р. Л. IV. 163. VI 42, 43. Ник. VI, 159. Герберш. 48. С. Г. Г. и Д. № 144. О Ѳедорѣ Васильевичѣ упоминается въ наказѣ Іоанна III Якову Темѣшову въ 1502. Въ томъ же году дана имъ запись на село Сильчино. Ряз. Грам. Пискарева № 9. Духовная Іоанна III написана около 1504 г. Слѣдовательно смерть Ѳедора надобно отнести къ 1503 г.

княжества оставалась только небольшая часть земель, со всѣхъ сторонъ охваченная Московскими владѣніями; самая колыбель княжества Старая Рязань была въ числѣ этихъ владѣній. Непосредственное господство Москвы уже переступило черезъ завѣтный рубежъ, по правую сторону средней Оки, и проникло въ самое ядро Рязанской области. На Переяславскомъ столѣ сидѣлъ безсильный отрокъ; управленіе княжествомъ сосредоточилось въ рукахъ женщины; Рязанцы уже свыклись съ мыслію о подчиненіи Москвѣ, и Ивану III стоило только произнести слово, чтобы уничтожить всякую тѣнь ихъ самостоятельности. Но онъ не произнесъ этого слова, и предоставилъ сыну принять послѣдній столбъ, на которомъ еще держалась половина кровли. Что бы понять, какой характеръ имѣла въ то время зависимость Рязани отъ Москвы, стоитъ только прочесть наказъ Ивана III Якову Темѣшову, который провожалъ черезъ Рязанскія земли Каѳинскаго посла въ 1502 г. Иванъ посылаетъ поклонъ В. княгинѣ Рязанской Агриппинѣ и между прочимъ велитъ ей сказать: „Твоимъ людемъ служилымъ, боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и сельскимъ быти всѣмъ на моей службѣ: а торговымъ людемъ лучшимъ и середнимъ и чернымъ быти у тобя въ городѣ на Рязани. А ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты Аграфена велѣла казнити, вдовьимъ, да женскимъ дѣломъ неотпираясь; а по уму бабью не учнешь казнити ино ихъ мнѣ велѣти казнити и продавати; охочихъ на покупъ много“ [24]).

Прежде нежели перейдемъ къ послѣднему факту въ исторіи Рязанскаго княжества—къ уничтоженію его самостоятельности, воротимся назадъ и бросимъ взглядъ на отношенія къ Татарамъ въ теченіе пройденнаго столѣтія. Событія на юговосточной сторонѣ были только повтореніемъ прежняго; дань, платимая въ Орду, не мѣшала кочевникамъ время отъ времени напоминать о себѣ губительными набѣгами. Послѣ смерти Олега Ивановича до 1514 г. лѣтописи упоминаютъ до 15 наиболѣе значительныхъ нападеній, изъ которыхъ только пять не остались безнаказанны. А именно: осенью 1405 г. Татары нечаянно напали на Рязань; Ѳедоръ Ольговичъ послалъ за ними въ погоню; воеводы побили много непріятелей и отняли у нихъ добычу; тоже самое повторилось въ 1411 г. Но въ 1415 не-

---

[24]) Чт. О. И. и Д. І. Замѣтки о Ряз. Зем. Макарова.

пріятели повоевали Рязанскія волости за Дономъ, взяли Елецъ и убили Елецкаго князя. За тѣмъ приводится цѣлый рядъ набѣговъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ: „приходиша Татарове на Рязанскія украйны и много зла сотворша, и отъидоша съ полономъ". Нужно замѣтить, что кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сама Рязань служила цѣлью татарскихъ нападеній, ея земли подвергались опустошеніямъ почти каждый разъ въ случаѣ войны между ханами и московскими князьями; напримѣръ, въ 1408 г. Эдигей на возвратномъ пути отъ Москвы мимоходомъ взялъ городъ Рязань. Но Татарамъ рѣдко удавалось переступить за Оку и напасть на самыя Московскія волости; обыкновенно великокняжескіе воеводы встрѣчали ихъ въ Рязанской землѣ, которая неминуемо становилась поприщемъ кровавыхъ столкновеній, во всякомъ случаѣ для нея разорительныхъ; при томъ же въ слѣдствіе своей зависимости отъ Москвы Рязанцы по неволѣ вмѣстѣ съ нею подвергались ханскому гнѣву.

Въ 1444 г. пришелъ на Рязань Царевичъ Мустафа съ многочисленною Татарскою ратью, пограбилъ волости и села, и, остановившись въ степи, послалъ сказать Рязанцамъ, что они могутъ выкупать у него плѣнниковъ. Тѣ дѣйствительно ихъ выкупили. Вскорѣ Мустафа опять пришелъ въ Рязань съ миромъ и съ намѣреніемъ провести въ ней зиму, потому что въ степи оставаться было невозможно; осенью она вся погорѣла пожаромъ; зима настала самая жестокая съ глубокими снѣгами и сильными вьюгами; лошади татарскія попадали отъ безкормицы, а всадники мерзли отъ холоду. Мустафа, неизвѣстно почему, былъ впущенъ въ Переяславль Рязанскій безъ сопротивленія; Татары его расположились отчасти въ городѣ, отчасти въ окрестностяхъ. Когда узнали о томъ въ Москвѣ, Василій Темный послалъ на Мустафу воеводъ Василія Оболенскаго и Андрея Ѳедоровича Голтяева съ своею дружиною, къ которой присоединился отрядъ Мордвы на лыжахъ. Рязанцы выслали царевича изъ Переяславля, и онъ, кое какъ укрѣпившись на берегу Листани, верстахъ въ десяти отъ города, приготовился къ отчаянной оборонѣ. Нападеніе произведено было съ двухъ сторонъ: съ одной Московская пѣхота, вооруженная ослопами, топорами и рогатинами; съ другой Мордва и *Рязанскіе казаки* на лыжахъ съ копьями, рогатинами и саблями. Сопротивленіе, оказанное Татарами, достойно было лучшихъ временъ ихъ славы. Цѣпенѣя отъ холода, лишенные возможности бросать свои мѣткія стрѣлы, они защищались рукопашнымъ боемъ, рѣзались крѣпко и не сдавались въ плѣнъ;

наконецъ, подавленные числомъ, непріятели большею частію были перебиты, и самъ Мустафа палъ въ сѣчѣ со многими мурзами. Гибель храбраго царевича не осталась безъ мести: спустя нѣсколько мѣсяцевъ Татары Золотой Орды воевали Рязанскія украйны.

Далѣе замѣтимъ нападеніе на Рязань Ахмата, царя Большой Орды, въ 1460 г. Онъ осадилъ Переяславль въ Успенскій постъ, и стоялъ подъ городомъ шесть дней; но граждане мужественно отбивали непріятелей. Одинъ изъ ханскихъ военачальниковъ Казатъ Уланъ мурза доброжелательствовалъ Рязанцамъ, вѣроятно подкупленный ими, и Царь, видя неудачу, со стыдомъ ушелъ въ степь, а на мурзу Улана положилъ нелюбье. Потомъ осенью 1468 г. Татары опустошали окрестности Рязани. Граждане погнались за ними и храбро вступили въ бой; но, когда непріятелю удалось подсѣчь у нихъ знамя, они разстроились и обратились въ бѣгство.

Съ 1480 г. вмѣстѣ съ Москвою и Рязань навсегда избавилась отъ ига, которое впрочемъ въ послѣднее время существовало только номинальнымъ образомъ. Золотая Орда послѣ Крымскаго погрома уже не въ состояніи была высылать по-прежнему толпы грабителей, и нападенія съ этой стороны повидимому прекратились. Въ слѣдующія 30 лѣтъ о нихъ почти не слышно; Рязанская земля, спокойная внутри и безопасная извнѣ, въ это время наслаждалась отраднымъ отдыхомъ. Только разъ подъ 1493 г. лѣтопись говоритъ о томъ, что приходили Татары „ординскіе казаки" нечаянно на Рязанскую землю, взяли три села, и скоро ушли назадъ. Опасность съ юговостока миновалась; за то въ началѣ XVI в. еще болѣе усилилась опасность съ юга. Пока былъ живъ Иванъ III и неизмѣнный союзникъ его Менгли-Гирей сдерживалъ безпокойную Орду, Крымскіе Татары оставляли въ покоѣ Русскіе предѣлы; но въ княженіе Василія Ивановича начинаются ихъ опустошительные набѣги на наши южныя украйны. Такъ въ іюнѣ 1513 г. царевичъ Бурнашъ-Гирей, сынъ Менгли, подступалъ къ Рязани, взялъ острогъ, но отъ города былъ отбитъ и ушелъ прочь [25].

Преемникъ Ивана III началъ господствовать въ Рязанской области также, какъ его отецъ; владѣя удѣломъ Ѳеодора Васильевича, онъ именовалъ себя между прочими титулами и княземъ Рязанскимъ.

---

[25]) Ник. IV. 312. V. 35, 55, 123, 128, 157, 192, 194, 279. VI. 137, 193. Арх. 132.

Агриппина по прежнему была вѣрною исполнительницею приказаній, получаемыхъ изъ Москвы. Но такой порядокъ вещей не могъ держаться долгое время. Василій ждалъ только повода для того, чтобы дѣло могло имѣть видъ справедливости, и обстоятельства не замедлили помочь ему въ этомъ случаѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Рязани, при княжескомъ дворѣ, какъ и въ другихъ великихъ удѣлахъ, въ продолженіе XV вѣка шла глухая борьба между приверженцами Московскаго вліянія и его противниками. Послѣднихъ мы не будемъ называть патріотами, потому что ихъ стремленія и симпатіи опредѣлялись болѣе всего личными интересами; чистыхъ патріотовъ между Рязанскими боярами вѣроятно было немного. Несомнѣнно, что на сторонѣ Москвы стояли также часть духовенства и сами епископы, получавшіе въ Москвѣ свою хиротонію и зависимые отъ Московскаго митрополита.

Во второе десятилѣтіе XVI в. борьба партій оживилась. Между тѣмъ какъ великая княгиня Агриппина, окруженная многочисленными сторонниками Москвы, безпрекословно подчинялась Василію, партія собственно Рязанская собралась вокругъ молодаго князя. Когда Иванъ Ивановичъ достигъ юношескаго возраста, онъ могъ возбудить на нѣкоторое время надежды Рязанской партіи, потому что характеромъ своимъ не походилъ на кроткихъ, уступчивыхъ предшественниковъ. Прежде всего надобно было устранить опеку Агриппины, которая все еще не хотѣла разстаться съ властію и связывала руки своему двадцатилѣтнему сыну. Совѣтники молодаго князя, напоминая ему о прежнихъ временахъ славы и независимости, указывали на Крымъ и Литву, при помощи которыхъ еще возможна была борьба съ Москвою. Иванъ дѣйствительно призвалъ Татаръ и силою отнялъ власть у своей матери. Намъ неизвѣстны подробности перемѣны, на которую встрѣчаемъ только намекъ у Герберштейна. Можетъ быть не безъ связи съ этимъ событіемъ произошло и нападеніе Крымскаго царевича Богатыря на Рязанскую украйну въ 1516 г. Не знаемъ, какъ оправдался Иванъ Ивановичъ передъ великимъ княземъ Московскимъ; видимъ только, что наружнымъ образомъ онъ изъявляетъ покорность Василію, стараясь скрыть свои дальнѣйшіе замыслы, и еще нѣсколько лѣтъ безпрепятственно удерживаетъ за собою великое княженіе Рязанское. Но онъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ въ политическихъ интригахъ; совѣтники его не были дальновиднѣе своего князя, если воображали перехитрить старыхъ думцевъ Московскихъ.

Во главѣ приверженцевъ молодаго князя стояли слѣдующія фамиліи Рязанскихъ бояръ: Кобяковы, Сунбуловы, Коробьины, Глѣбовы, Олтуфьевы и Калемины. Кобяковы, судя по названію, принадлежали къ потомству Половецкихъ хановъ, и уже съ незапамятныхъ временъ находились въ службѣ Рязанскихъ князей. Изъ этой фамиліи въ описываемую эпоху выступаютъ на сцену четыре имени: братья Михаилъ и Григорій, и родственникъ ихъ Клементій съ сыномъ Гридею; первый, т. е. Михаилъ, въ 1518 г. былъ пожалованъ Ростиславскимъ намѣстничествомъ. Наибольшую преданность Ивану Ивановичу въ послѣднія времена княжества, на ряду съ Кобяковыми, показала многочисленная семья Сунбуловыхъ. Предокъ ихъ, какъ уже извѣстно, былъ бояринъ Семенъ Ѳедоровичъ по прозванію Кобыла Вислый, который выѣхалъ изъ Литвы сначала въ Москву къ Василію Дмитріевичу, а отъ него перешелъ на службу къ Олегу Ивановичу Рязанскому. Сынъ его Семенъ изъ Рязани отъѣхалъ къ Василію Темному, а внукъ Яковъ возвратился на Рязань къ Ѳедору Ольговичу, и здѣсь этотъ родъ утвердился окончательно. Дѣти Якова, Иванъ Тутыга, Сидоръ, Юрій и Полуектъ, были вѣрными слугами Ивана Ѳедоровича. Старшій сынъ Ивана Тутыги Ѳедоръ, по прозванію Сунбулъ, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Сунбуловыхъ. По нѣкоторымъ признакамъ видно, что бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Сунбулъ игралъ главную роль при дворѣ Ивана Ивановича и былъ его довѣреннымъ совѣтникомъ [26]). Можетъ быть, Иванъ Ивановичъ до тѣхъ поръ именно и держался на своемъ столѣ, пока былъ живъ старикъ Сунбулъ. Послѣдній умеръ, какъ надобно полагать, около 1520 г., потому что въ этомъ году довѣренностію Рязанскаго князя пользовался уже другой бояринъ; а изъ Сунбуловыхъ при послѣднемъ переворотѣ упоминаются только сыновья Ѳедора Ивановича, Ѳедоръ и Димитрій. Коробьины принадлежали къ тѣмъ боярскимъ фамиліямъ, которыя вели свой родъ отъ татарскихъ мурзъ и которыхъ особенно было много на Рязани. Къ великому князю Рязанскому Ѳедору Ольговичу выѣхалъ изъ Большой Орды

---

[26]) Списки съ двухъ граматъ, жалованныхъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, отысканные нами въ Ряз. Архивѣ Двор. Депутат. Собран.: одна дана Михаилу Дмитріевичу Кобякову въ 1518 г. на Ростиславское намѣстничество; другая Григорію Дмитріевичу Кобякову въ 1519 г. на деревню Моладинки. Въ обѣихъ находится слѣдующая приписка: „А пожаловалъ есми его бояриномъ своимъ Федоромъ Ивановичемъ Сунбуломъ“. Тамъ же найдены извѣстія о боярскомъ родѣ Сунбуловыхъ.

татаринъ Кичибей; названный въ крещеніи Василіемъ, онъ вступилъ въ число Рязанскихъ бояръ. У него были сыновья Иванъ, по прозванью Карабья, и Селиванъ; отъ перваго пошли Коробьины, отъ втораго Селивановы. Въ началѣ XVI в. фамилія Коробьиныхъ на нѣкоторое время разъединилась въ лицѣ сыновей Ивана Карабьи: старшій братъ Иванъ Ивановичъ перешелъ на службу Василія Московскаго [27]); а второй братъ Семенъ Ивановичъ оставался еще при дворѣ Ивана Рязанскаго, и съумѣлъ пріобрѣсти довѣренность молодаго князя, но только для того, чтобы измѣнить ему при первомъ удобномъ случаѣ.—Источники умалчиваютъ объ участіи остальныхъ боярскихъ родовъ въ послѣднихъ событіяхъ Рязанскаго княжества; нѣтъ сомнѣнія, что большая часть ихъ или принадлежала къ приверженцамъ Московскаго владычества, или была равнодушна къ замысламъ своего князя. Сюда надобно отнести фамиліи: Вердеревскихъ, Селивановыхъ, Измайловыхъ, Кореевыхъ, Сидоровыхъ, Казначеевыхъ, Замятниныхъ и другихъ.

Василію донесли изъ Рязани Московскіе доброхоты что Рязанскій князь ведетъ тайные переговоры съ Магметъ-Гиреемъ и даже хочетъ жениться на его дочери. Василій послалъ звать его въ Москву. Иванъ былъ въ затруднительномъ положеніи и не зналъ на что рѣшиться: съ одной стороны въ Москвѣ грозила ему неволя; съ другой время открытой борьбы еще не наступило и помощь была далека. Между тѣмъ какъ онъ колебался такимъ образомъ, Московскій князь употребилъ обыкновенное въ то время средство для достиженія своей цѣли: онъ подкупилъ Семена Коробьина, самаго довѣреннаго изъ совѣтниковъ Ивановыхъ [28]).

---

[27]) Такъ въ 1509 г. Великій князь даетъ ему волость Растовецъ въ кормленіе. Изъ родосл. Коробьиныхъ въ Ряз. Арх. Д. Д. С.

[28]) У Герберштейна, на 48 стр.: „tandem a Simeone Crubin, uno ex consiliaris suis persuasus, in Moscoviam proficiscitur". Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь Крубинъ есть испорченное Коробьинъ. Подобныя искаженія именъ у него нерѣдки: напримѣръ вмѣсто воеводы *Хабаръ* онъ написалъ *Коваръ*. Фамиліи Крубиныхъ никогда неслыхали въ Рязани; иностранный же писатель очень легко могъ ослышаться и принять Коробьина за Крубина. Наша догадка подтверждается тѣмъ, что въ числѣ Рязанскихъ бояръ того времени мы дѣйствительно находимъ Симеона Коробьина (Родосл. Короб. Арх. Д. Д. С.), которому Василій Московскій въ 1523 году даетъ жалованную грамату на Рязанскія вотчины (ibid); очень можетъ быть, что эта милость находилась въ связи съ услугою, которую Коробьинъ (Крубинъ) оказалъ Москвѣ въ 1520 г.

Коробьинъ уговорилъ своего князя исполнить желаніе Василія, вѣроятно внушая ему ту мысль, что доказательствами своей покорности онъ можетъ выиграть время и пока устранить отъ себя грозившую опасность. Чего надобно было ожидать, то и случилось. Едва Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Москву, какъ его посадили подъ стражу; Агриппину заключили въ монастырь; а на Рязанскіе города были разосланы Московскіе намѣстники. Главный постъ, т. е. Переяславль Рязанскій, былъ порученъ знаменитому Ивану Васильевичу Хабару, который до того времени держалъ намѣстничество въ Перевитскѣ и слѣдовательно былъ уже хорошо знакомъ съ Рязанскимъ краемъ и его населеніемъ. Этотъ рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Рязанской области произошелъ около 1520 года [29]).

Послѣднія событія вполнѣ раскрываютъ передъ нами несостоятельность великихъ Русскихъ удѣловъ въ то время и ихъ непреодолимую силу тяготѣнія къ Москвѣ. Даже союзъ съ такими сильными сосѣдями, какъ Польскій король и Крымскій ханъ, не могъ уравновѣсить борьбы Ивана Рязанскаго съ Василіемъ Московскимъ. Стѣсненному въ своихъ предѣлахъ и охваченному со всѣхъ сторонъ Московскими владѣніями, Рязанскому княжеству оставался только одинъ исходъ, окончательное подчиненіе Москвѣ: набѣги Крымцевъ могли только разорять, а не отнимать Русскія области, отдѣленныя отъ Крыма обширными степями; а великій князь Литовскій уже давно былъ отрѣзанъ отъ средней Оки цѣлымъ рядомъ мелкихъ княжествъ, подчиненныхъ Москвѣ.

1521 годъ особенно памятенъ въ исторіи Крымскихъ набѣговъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Магметъ-Гирей приближался къ Москвѣ. Въ городѣ

---

[29]) До сихъ поръ Русскіе историки относили это событіе къ 1517 г., основываясь на показаніи Архангельскаго лѣтописца; другихъ хронологическихъ указаній почти не было. Мы относимъ его къ 1520 г. по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, изъ двухъ найденныхъ нами граматъ на имя Кобяковыхъ послѣдняя относится къ 1519 г., слѣдовательно въ этомъ году князь Иванъ продолжалъ еще занимать Рязанскій столъ; далѣе, Иванъ Васильевичъ Хабаръ въ маѣ 1520 г. встрѣчается въ должности Перевитскаго намѣстника, а въ іюлѣ слѣдующаго года мы находимъ его воеводою въ Переяславлѣ, слѣдовательно взятіе подъ стражу князя Ивана совершилось между маемъ 1520 и іюлемъ 1521 года. Самое нашествіе Магметъ-Гирея въ 1521 г., вѣроятно, кромѣ Казанскихъ дѣлъ имѣло связь и съ Рязанскимъ переворотомъ: оно случилось вслѣдъ за присоединеніемъ княжества къ Москвѣ.

за отсутствіемъ великаго князя господствовали страшный безпорядокъ и суматоха. Этою то суматохою воспользовался Рязанскій князь. Можетъ быть заключеніе его не было строгое или стража была подкуплена, только онъ вошелъ въ сношенія съ молодыми Рязанскими боярами, которые вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ были задержаны въ Москвѣ. Изъ нихъ извѣстны намъ Дмитрій Сунбуловъ и Гридя Кобяковъ. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Иванъ Ивановичъ ускользнулъ изъ Москвы, и окольными путями началъ пробираться къ Переяславлю, надѣясь опять завладѣть своимъ княжествомъ съ помощью Магмета. Но прежде нежели начать переговоры съ ханомъ, онъ хотѣлъ приготовить движеніе въ свою пользу со стороны самаго населенія и войти въ сношеніе съ приверженною ему партіею Рязанскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Для этой цѣли при выѣздѣ изъ Москвы онъ отрядилъ изъ своей свиты Димитрія Сунбулова съ какимъ-то Наскою, вѣроятно боярскимъ сыномъ, вручивъ имъ граматы къ своимъ сторонникамъ на Рязани.

Извѣстно, что энергическія мѣры, принятыя воеводою Хабаромъ Симскимъ, спасли городъ Переяславль отъ Татаръ и помѣшали доброжелателямъ бѣглаго князя подать ему помощь. Когда ханъ прошелъ мимо Рязани по дорогѣ къ Коломнѣ, Хабаръ собралъ бояръ и дѣтей боярскихъ къ владыкѣ Сергію, и заставилъ ихъ цѣловать крестъ на томъ, чтобы вѣрно служить Великому князю и биться съ Татарами безъ измѣны. Когда Магметъ повернулъ отъ Москвы назадъ и распространилась вѣсть, что князь Иванъ убѣжалъ изъ неволи, Хабаръ въ другой разъ началъ собирать служилыхъ людей къ владыкѣ, и велѣлъ имъ поклясться въ томъ, что если вмѣстѣ съ ханомъ придетъ подъ городъ Рязанскій князь, то биться противъ нихъ изъ города, не называть себѣ государемъ князя Ивана, и, буде можно, поймать бѣглеца.

Татары нѣсколько дней простояли подъ стѣнами Переяславля Рязанскаго, и ушли домой, испуганные дѣйствіемъ крѣпостной артиллеріи [30]. Между тѣмъ Сунбуловъ и Наска были схвачены Московскими воеводами и отправлены въ Москву, гдѣ по распоряженію Василія допрашивалъ ихъ съ пытки князь Юрій Хохолковъ съ товарищами. Сунбуловъ указалъ на тѣхъ людей, къ которымъ онъ

30) Извѣстный разсказъ о граматѣ, оставленной Татарами въ рукахъ Хабара Симскаго, и объ удивительномъ выстрѣлѣ нѣмца Іордана требуетъ еще подтвержденія относительно своихъ подробностей. См. Арцыб. кн. IV. прим. 688.

былъ посланъ съ граматами; самыя же граматы, по словамъ Сунбулова, были отняты у него Татарами, которые нагнали посланныхъ верстахъ въ 10 или 15 отъ Москвы на Боровской дорогѣ; послѣднимъ удалось однако бѣжать отъ Татаръ въ Коломну, гдѣ они и были открыты. Позвали къ отвѣту Кобяковыхъ Михаила (Мишура) и Клементія, Өедора Сунбулова, Глѣбовыхъ Назарія и Ивана Бебеха, Ивана и Андрея Олтуфьевыхъ; но всѣ они заперлись и стояли на томъ, что не имѣли никакихъ сношеній ни съ Димитріемъ Сунбуловымъ, ни съ самимъ княземъ Иваномъ. Въ тоже время князь Борисъ Горбатый прислалъ изъ Коломны въ Москву Григорія и Тихона Калеминыхъ, которые также были обвинены въ сношеніяхъ съ бѣглецомъ. На вопросы князя Юрія и товарищей Калемины отвѣчали такимъ образомъ: „Сидѣли мы въ городѣ Рязани въ осадѣ, а за рѣку (Оку) отпустили своихъ людей и скотъ, и мы господинъ поѣхали было *пособраться*, какъ тутъ князь Борисъ велѣлъ насъ поймать и послалъ въ Москву; а объ Рязанскомъ князѣ ничего незнаемъ и намъ отъ него не было никакого приказа“. Димитрій Сунбуловъ подтвердилъ, что къ Калеминымъ онъ не имѣлъ никакого порученія. 31-го августа Сунбулова снова подвергли пыткѣ, и на этотъ разъ узнали отъ него слѣдующее: граматы, захваченныя Татарами, писалъ Гридя, сынъ Клементія Кобякова, къ своему отцу и къ Михаилу Кобякову; по этимъ граматамъ они должны были выслать на встрѣчу князю конюховъ съ конями; кромѣ того, Сунбуловъ на словахъ долженъ былъ передать своему брату, Кобяковымъ, Глѣбовымъ и Олтуфьевымъ, чтобы они выѣхали потихоньку изъ города и дожидались бы князя въ Пустынѣ, Шумашѣ или Дубровичахъ (подгородныя села на лѣвомъ берегу Оки); отсюда Иванъ хотѣлъ ссылаться съ Ханомъ, а въ случаѣ неудачи бѣжать въ Литву, для чего и наказывалъ приготовить свѣжихъ коней и собрать дружину изъ дѣтей боярскихъ. „А теперь—прибавлялъ Сунбуловъ,— вѣроятно князь Иванъ находится въ Пустынѣ, Шумашѣ или Дубровичахъ, и, если бы государь послалъ меня съ кѣмъ нибудь, то я думаю, что отыщу его, если только онъ не убитъ Татарами“.— Дальнѣйшій ходъ этого розыска неизвѣстенъ [31]).

---

31) Отрывокъ изъ Розыскнаго дѣла о бѣгствѣ изъ Москвы Рязанскаго князя Іоанна Іоанновича. Акты Ист. I. № 127. Въ Москвѣ, послѣ тщетныхъ поисковъ, нѣкоторое время кажется, вѣрили, что князь Иванъ убитъ Татарами; источники называютъ даже то мѣсто, гдѣ онъ погибъ, именно подъ Бронницами (Ряз. Дост.).

Не смотря на упорное запирательство обвиненныхъ мы можемъ однако предполагать, что князь Иванъ нѣкоторое время дѣйствительно скрывался въ окрестностяхъ Переяславля (преданіе указываетъ на село Шумашь, принадлежащее роду Кобяковыхъ) и вступилъ въ сношенія съ преданными ему людьми; но, видя неудачу, онъ ускакалъ въ Литву и воспользовался гостепріимствомъ короля Сигизмунда I.

Магметъ-Гирей очень жалѣлъ, что упустилъ изъ своихъ рукъ человѣка, которымъ онъ могъ бы время отъ времени пугать Москву и заводить смуты въ Рязанской области. Поэтому Ханъ въ слѣдующемъ году отправилъ посольство къ Сигизмунду, и требовалъ, чтобы Король отпустилъ Ивана съ Крымскими послами, обѣщаясь возвратить ему Рязанское княжество. Вотъ что писалъ на это Хану Сигизмундъ: „Великій князь Рязанскій пріѣхалъ къ намъ по опасной граматѣ, въ которой мы обѣщали ему, что онъ можетъ свободно къ намъ пріѣхать, свободно и уѣхать, безъ всякаго препятствія съ нашей стороны. Мы ему говорили и совѣтовали, чтобы онъ ѣхалъ къ тебѣ и отъ твоего имени обѣщали ему, что ты посадишь его на Великомъ Княжествѣ Рязанскомъ; но онъ никакъ не хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Потомъ призывали его къ себѣ въ другой разъ, и говорили, что ты добудешь ему отчизну по своему письменному обѣщанію, которое далъ намъ, а безъ тебя онъ никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи возвратить себѣ стола. Мы совѣтовали ему это въ той мысли, что если ты посадишь его на Рязани, то одинъ пріобрѣтешь добрую славу; если онъ будетъ въ твоихъ рукахъ, и узнаютъ о томъ его подданные Рязанцы, то они и безъ твоей сабли сами тебѣ поддадутся со всею землею; ты сдѣлаешь его своимъ слугою, а черезъ его землю можешь и того общаго нашего непріятеля (Московскаго) принудить къ такой же дани, какую предки его платили твоимъ предкамъ. Наконецъ мы уговорили Рязанскаго князя: онъ пришелъ къ намъ и объявилъ, что готовъ ѣхать къ тебѣ; но съ условіемъ, чтобы ты далъ ему залогъ (заставу): если ты его на Рязани непосадишь, то долженъ отпустить, и когда отпустишь, тогда и залогъ твой получишь обратно. Подумай объ этомъ хорошенько, и на что рѣшишся, дай намъ знать безъ замедленія“ *). Неизвѣстно, каковъ былъ отвѣтъ Хана; видно только, что ему неудалось никакими обѣщаніями заманить къ себѣ Ивана Ивановича.

*) Акты Зап. Р. П. № 116.

Дѣло о побѣгѣ князя и письмо Сигизмунда заставляютъ догадываться, что введеніе новаго порядка вещей въ Рязанской области не обошлось безъ нѣкотораго глухаго волненія, что значительная часть населенія еще не скрывала своей симпатіи къ старинному роду собственныхъ князей. Отсюда понятно, почему Московское правительство, присоединяя новую землю, повторило тѣже мѣры, какія оно употребило прежде въ отношеніи къ Новгороду и Пскову: большое число жителей съ семействами переселено было изъ Рязани въ другія области [32]).

Неисчерпаемая Литовская Метрика даетъ намъ возможность бросить взглядъ на дальнѣйшую судьбу послѣдняго Рязанскаго князя.

Иванъ Ивановичъ живетъ въ мѣстечкѣ Стоклишкахъ (въ Ковенскомъ повѣтѣ Трокскаго воеводства), которое съ принадлежавшими къ нему селами находилось въ числѣ казенныхъ старостъ и было отдано Ивану Сигизмундомъ I въ пожизненное владѣніе. Раннія несчастія и пребываніе на чужой сторонѣ не сдѣлали его серьезнѣе; онъ по прежнему гордъ, легкомысленъ и строптивъ. Рязанскій князь оставилъ попытки возвратить себѣ древнюю отчину; онъ повидимому доволенъ своею судьбою и легко усвоилъ многія привычки Польско-Литовскихъ магнатовъ: носитъ атласъ, затканный на золотѣ, и дорогіе перстни, не платитъ долговъ; держитъ большое количество бояръ и слугъ, которыхъ награждаетъ казенными землями безъ королевскаго разрѣшенія, и въ добавокъ позволяетъ имъ грабить сосѣдей. Но обратимся къ самымъ источникамъ [33]).

1533 годъ. Панъ воевода требуетъ отъ Ивана Ивановича, чтобы онъ прислалъ на судъ Стоклишскихъ бояръ, обвиненныхъ въ побояхъ и грабежѣ Шимко Лаврыновичемъ съ братьями; но Рязанскій князь не исполнилъ требованія и своихъ людей къ суду не представилъ.

Почти въ тоже время Берестійскій жидъ Авраамъ приноситъ жалобу на Рязанскаго князя за то, что онъ бралъ у его отца разные товары и остался долженъ 118 копъ грошей [34]), отъ уплаты кото-

---

[32]) Герберцт., 48 стр.

[33]) Три листа изъ Литовской метрики, до сихъ поръ еще неизданные и сообщенные преосвященнымъ архіепископомъ Рязанскимъ Гавріиломъ, о чемъ вмѣстѣ съ содержаніемъ означенныхъ листовъ мы уже имѣли случай извѣстить читающую публику въ № 6. Моск. Вѣд. 1858 г.

[34]) Копа грошей по опредѣленію статута содержала въ себѣ 60 грошей или 15 злотыхъ; а 1 злотый равнялся 60 рус. копѣйкамъ; слѣдовательно 118 копъ на русскія деньги составляли 1062 руб.

рыхъ теперь отказывается. Въ доказательство Авраамъ представилъ долговую грамату, выданную его отцу Михелю Езофовичу самимъ Рязанскимъ княземъ. По приказанію Сигизмунда дѣло разсматриваетъ Витебскій воевода Матѳей Яновичъ и призываетъ къ отвѣту должника.

Князь: Дѣйствительно я бралъ у жида Михеля товары, именно атласу синяго на золотѣ 16 локтей, зеленаго атласу на золотѣ 22 локтя, парьпурьяну 9 локтей, перстеней на 9 копъ, и уплатилъ за нихъ 80 копъ грошей воскомъ, деньгами и конями. На граматѣ же, которую представилъ жидъ, не моя собственная печать, а печать моего слуги; но такъ какъ въ ней написано мое имя, то пусть Аврамко присягнетъ на томъ, что я недоплатилъ его отцу, и я ему заплачу.

Аврамко. Ты князь Рязанскій при многихъ добрыхъ людяхъ, радникахъ и дворянахъ королевскихъ самъ добровольно не одинъ разъ сознавался, что долженъ моему отцу 118 копъ грошей и заплатишь мнѣ по этому листу.

Воевода спросилъ князя, при комъ и когда онъ заплатилъ 80 копъ грошей Михелю и имѣетъ ли отъ него квитанцію.

Князь. Былъ у меня слуга, черезъ котораго я заплатилъ ему тѣ 80 копъ; но этотъ слуга послѣ оставилъ меня и служилъ пану Евстафію Дашковичу, а потомъ попался въ плѣнъ къ Татарамъ; когда же именно происходила уплата, я теперь не могу припомнить; а квитанціи на то у себя не имѣю.

Воевода передалъ королю рѣчи той и другой стороны. Король сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: если князь Рязанскій подтверждаетъ, что онъ бралъ у Михеля атласы, сукна, перстни, и говоритъ, что заплатилъ ему 80 копъ грошей, а квитанціи у себя не имѣетъ, времени уплаты не помнитъ; слуги, который производилъ уплату, намъ не представилъ; то пусть Аврамко присягнетъ по своему жидовскому закону на основаніи привилегій, написанныхъ въ Статутѣ, и тогда Рязанскій князь пусть заплатитъ ему долгъ. Срокъ для присяги полагаемъ четвертый день: въ понедѣльникъ на канунѣ св. Мартина въ жидовской школѣ (синогогѣ), въ Трокахъ, Аврамко дастъ клятву въ томъ, что Рязанскій князь остался долженъ его отцу Михелю 118 копъ и ничего не заплатилъ по своей граматѣ. Посылаемъ нашего дворянина Ивана Бокея для того, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ присягу.

Въ назначенный день Аврамко явился въ синагогу, записалъ свое

показаніе у жидовскаго доктора (раввина) и въ земской радѣ, и ждалъ только Рязанскаго князя, чтобы произнести присягу. Но тотъ не пріѣхалъ. Уже передъ вечеромъ, уѣзжая изъ Трокъ, жидъ съ товарищами повстрѣчалъ княжескаго слугу, котораго Иванъ Ивановичъ послалъ вмѣсто себя слушать присягу.

Сигизмундъ рѣшилъ дѣло въ пользу жида, и приговорилъ Ивана Ивановича къ уплатѣ 118 копъ грошей въ разные сроки, именно 100 копъ должны быть отданы въ продолженіе 12 недѣль, считая отъ св. Мартина; а остальныя 18 послѣ того въ 4 недѣли, т. е. всего сроку было 16 недѣль, опредѣленныхъ Статутомъ [35]).

1560 годъ. Стоклишскій бояринъ Андрей Степановичъ Ольшевскій бьетъ челомъ Сигизмунду II Августу, чтобы не приказывалъ отбирать у него людей и земли, пожалованныя покойнымъ Рязанскимъ княземъ своему слугѣ, а его отцу Степану Крукову. Хотя Рязанскій князь не имѣлъ права безъ воли и вѣдома короля раздавать кому либо казенныя земли; но чтобы не заставить Ольшевскаго просить милостыню (жебреть), Государь сжалился (улитовавшысе) надъ своимъ подданнымъ, и оставилъ за нимъ тѣ земли съ одною службою людей [36]).

Болѣе извѣстій о послѣднемъ Рязанскомъ князѣ мы пока не имѣемъ. Остается только прибавить, что князь Иванъ, подобно отцу и дѣду, былъ недолговѣченъ: смерть его мы относимъ приблизительно къ 1534 году [37]).

---

[35]) Кн. Судн. дѣлъ. VI. лл. 137 и 143.

[36]) Кн. Записей. XXXVIII. № 257.

[37]) Доказательства на это слѣдующія:

Въ IX томѣ Исторіи Литовы изд. Нарбутомъ, подъ 1534 г. упоминается, что король Сигизмундъ I пожаловалъ Стоклишки князю Семену Ѳедоровичу Бѣльскому, бѣжавшему изъ Москвы.

Въ 1537 г. Семенъ Бѣльскій проситъ у Сигизмунда помощи, чтобы возвратить себѣ отчину не только княжество Бѣльское, но и Рязанское (Акты Зап. Рос. II № 189), конечно, на томъ основаніи, что будучи по матери внукомъ Вел. князя Рязанскаго Василія Ивановича Третнаго и княгини Анны Васильевны, онъ почиталъ себя наслѣдникомъ Рязанскихъ князей по пресѣченіи мужеской линіи.

Слѣдовательно, князя Ивана Ивановича въ то время уже не было въ живыхъ.

ГЛАВА VII.

Состоянiе княжества въ концѣ XV и началѣ XVI вв.

А. *Географическое обозрѣнiе*: Границы Княжества. Воображаемое путешествiе по Окѣ. Села и города. Область монастырей. Переяславль Рязанскiй. Старая Рязань и другiя мѣста по Окѣ. Берега Прони. Отношенiе княжеской колонизацiи къ остаткамъ городовъ. Область верхняго Дона. Извѣстiя иностранцевъ о Рязанскомъ краѣ. Богатство естественныхъ произведенiй.

Распространенiе Славянской колонизацiи на Рязанской украйнѣ, задержанное на время Монгольскимъ нашествiемъ, съ новою силою возобновилось въ XIV ст. Холмистые берега Оки продолжали застроиваться непрерывнымъ рядомъ городовъ и селъ, которые живописно кутались въ темнозеленыя рощи и придавали хотя немного однообразный, но привѣтливый и улыбающiйся видъ окрестностямъ Окской долины.

Самое большое скопленiе городовъ въ мѣстахъ, когда либо принадлежавшихъ къ Рязанской области, существовало въ той части долины, которая лежитъ между устьями Протвы и Москвы; здѣсь сходились два противуположныя направленiя колонизацiи: одно Чернигово-сѣверское внизъ, а другое Рязанское вверхъ по Окѣ; съ XIV вѣка сюда присоединилось еще третье Московское. На этомъ небольшомъ пространствѣ источники до XIV в. упоминаютъ 16 именъ. До Монгольской эпохи извѣстны: Лобынскъ, Неринскъ, Тѣшиловъ, Колтескъ, Ростиславль и Коломна; послѣ нея: Серпуховъ, Кашира, Лопасна, Мстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничъ, Поченъ и Новый городокъ. Но положенiе послѣднихъ мѣстъ, за исключенiемъ Серпухова и Каширы, остается для насъ пока неизвѣстнымъ. Изъ договорныхъ граматъ между Москвою и Рязанью знаемъ только, что Новый городокъ лежалъ на лѣвой сторонѣ рѣки, а Жадемль, Жадѣне городище, Дубокъ и Бродничь

на правой; относительно двухъ другихъ затрудненіе: Поченъ упоминается и на правой, и на лѣвой сторонѣ; а Лопасна, которую естественнѣе всего искать гдѣ нибудь на берегу рѣчки Лопасны, судя по смыслу граматъ, лежала на Рязанской сторонѣ Оки. Впрочемъ бо́льшая часть этихъ загадочныхъ мѣстъ едва ли заслуживала названія городовъ; вѣроятно это были значительныя селенія; по крайней мѣрѣ отъ нихъ не осталось никакихъ ясныхъ слѣдовъ.

Начиная географическій обзоръ Рязанской области, прежде всего постараемся хотя приблизительно очертить предѣлы Княжества въ послѣднее время его самостоятельности, т. е. послѣ смерти Василія Ивановича.

Сѣверная граница, называвшаяся Владимірскимъ порубежьемъ, по характеру своей природы, по отсутствію городовъ и селеній, никогда не была строго опредѣлена; приблизительно ее можно провести по верховьямъ трехъ притоковъ Оки съ лѣвой стороны, Гуся, Пры и Цны, и потомъ вверхъ по Окѣ до устья Смядвы. Западная граница довольно подробно была опредѣлена договоромъ 1483 г.: она шла по Смядвѣ до устья Песоченки, Песоченкою до ея верховья, отсюда къ Осетру на устье рѣчки Кудесны, отъ верховья Кудесны къ Табаламъ, впадающимъ въ Донъ, далѣе по правому берегу Дона, и оканчивалась гдѣ нибудь около устьевъ Быстрой Сосны или Воронежа. Восточною границею можно считать рѣку Гусь и лѣвый берегъ Оки до рѣчки Середней; отсюда шелъ такъ называемый Мещерскій рубежъ къ среднему теченію Цны, впадающей въ Мокшу; далѣе, судя по смыслу договорной граматы 1496 г., мѣста по Воронежу составляли крайнія Рязанскія владѣнія на юговостокѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, что весь древній Червленый Яръ въ то время все еще принадлежалъ къ Рязанскому княжеству.

Посмотримъ теперь на то, что заключалось внутри очерченныхъ предѣловъ. Начнемъ съ главнаго, т. е. съ береговъ Оки. Крайнимъ пунктомъ собственно Рязанскаго берега мы считаемъ по прежнему окрестности Ростиславля, который постоянно принадлежалъ потомкамъ своего основателя; всѣ другія мѣста, лежавшія далѣе вверхъ по Окѣ только эпизодически входятъ въ составъ Рязанской территоріи. Поэтому возьмемъ Ростиславль за исходный пунктъ нашего обозрѣнія; сядемъ здѣсь въ лодку и спустимся внизъ по теченію. Путешествіе совершается въ началѣ XVI ст.; удѣлъ Ѳедора Васильевича Третнаго уже присоединенъ къ Москвѣ; но мы при опи-

саніи мѣстностей не будемъ отдѣлять его отъ коренныхъ Рязанскихъ областей.

Мимо насъ промелькнуло нѣсколько деревень, и на устьѣ Осетра показались валы небольшаго городка; если не ошибаемся, онъ носитъ тоже имя [1]). Лѣвый берегъ Оки въ этихъ мѣстахъ гораздо населеннѣе праваго и на немъ было замѣтно болѣе жизни. Когда мы приблизились къ устью Москвы, то на лѣво, за песчанымъ отлогимъ берегомъ, можно было различить вдали башни Коломны, нѣкогда Рязанской колоніи, которая уже два столѣтія считалась однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ и зажиточныхъ городовъ Московскаго княжества. При впаденіи Москвы въ Оку стоитъ Голутвинъ монастырь, основанный по преданію св. Сергіемъ на обратномъ пути изъ Рязани въ 1385 г. Миновавъ еще нѣсколько небольшихъ деревень, мы достигли устьевъ рѣки Цны, которая уже съ давнихъ временъ отдѣляетъ отъ Московскихъ земли Рязанскія, лежащія на лѣвой сторонѣ Оки. Направо мы оставили за собою село Городецъ съ остатками древнихъ укрѣпленій; налѣво раскинулось довольно большое село Дѣдиново; послѣднее лежитъ въ углу, который образуется впаденіемъ праваго рукава Цны въ Оку, и составляетъ крайній пунктъ Московскихъ владѣній въ этой сторонѣ. При впаденіи другаго рукава стоитъ Любуцкъ (нынѣ Любецы), первое Рязанское селеніе на лѣвомъ берегу Оки [2]). За тѣмъ, обогнувши довольно значительную луку, мы прошли мимо села Ловецъ, и, сдѣлавши верстъ пять, вступили въ другую подобную луку, которая изгибается между большимъ

---

[1]) „Близъ самаго села Городни, на большой дорогѣ отъ Коломны къ Зарайску въ 18 верстахъ отъ первой и въ 22 отъ втораго находится городокъ при протокѣ Чисторoѣ, текущемъ въ Осетръ, обрытый валомъ и имѣющій одинъ только входъ съ востока. Старожилы помнятъ еще на семъ мѣстѣ столбы отъ воротъ, проводившихъ въ укрѣпленіе". Письма Калайдовича объ археол. изслѣд. въ Ряз. губ. 49. Также см. Изслѣд. и лекц. Погод. IV, 224.

[2]) На существованіе селъ Городца, Дѣдинова и Любуцка въ тѣ времена указываетъ одна разъѣзжая грамата конца XV в. Отрывокъ изъ нея помѣщенъ въ Ряз. Дост. „Апрѣля въ 6 день по княже Ѳедорову слову Васильевича бояринъ его Матвѣй Денисьевичъ отъѣхалъ землю и луга и болота святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба *Городецкаго* Владыкѣ Протасью отъ княжой земли отъ Дорогумилской противу *Дѣдинова*, отъ Оки рѣки къ Волхову болоту и къ *Любуцкому* рубежу. А на розъѣздѣ были Владычни бояре; а писалъ грамату княже Ѳедоровъ дьякъ Семенъ Ивановъ сынъ Барановъ". 1498 года.

селомъ Омутъ [3]) и городомъ Перевицкомъ. Здѣсь мы остановились на нѣсколько часовъ и поднялись на гору, потому что отсюда очень удобно обозрѣвать окрестности на далекое разстояніе. Перевитскъ стоитъ на высокомъ холмѣ, и по своему положенію представляетъ довольно крѣпкій пунктъ. Площадь крѣпости почти квадратная; восточная сторона опирается на крутой берегъ Оки; а три другія стороны защищены высокимъ валомъ, который съ сѣверной и южной стороны спускается въ глубокія лощины, а съ западной окопанъ рвомъ. Видъ на окрестности довольно живописенъ: Ока синею лентою извивается по широкой долинѣ; это одна изъ самыхъ прихотливыхъ рѣкъ средней Россіи; она не только измѣняетъ время отъ времени общее направленіе своего теченія; но и въ подробностяхъ своихъ безпрерывно дѣлаетъ изгибы и повороты; то подбѣгаетъ къ самой подошвѣ праваго берега, то уклоняется на лѣво, и плавно, тихо идетъ посреди зеленыхъ луговъ. Берега также непостоянны, какъ русло: то подходятъ довольно близко другъ къ другу, то расходятся на далекое разстояніе, оставляя мѣсто широкимъ лугамъ, которые доставляютъ населенію отличные сѣнокосы. Характеръ береговъ различенъ: правый постоянно выше лѣваго; онъ представляетъ волнообразную линію; мѣстами крутъ и обрывистъ; холмы его покрыты частымъ кустарникомъ, который ползетъ на верхъ отъ самой подошвы, или поросли высокими тѣнистыми рощами; лѣвый берегъ только изрѣдка поднимается на замѣтную высоту; большею частію онъ отлогъ и не имѣетъ такихъ ясныхъ очертаній, какъ правый, потому что почва его преимущественно состоитъ изъ песку и глины. Около села Омутъ лѣса подходятъ къ лѣвому берегу, и темною сплошною массою застилаютъ его на далекое протяженіе. По различію природы и поселенія на обоихъ берегахъ не одинаковы: на правомъ села и деревни очень часты; на лѣвомъ мало удобныхъ мѣстъ для жительства; по этому села встрѣчаются гораздо рѣже, но за то они значительнѣе по объему.

Верстахъ въ 15 отъ Перевитска мы поравнялись съ селомъ Романовскимъ, которое въ концѣ XV в. принадлежало Великой княгинѣ Аннѣ. Земляныя укрѣпленія все еще придаютъ ему характеръ городка; но онѣ уже не имѣютъ стратегическаго значенія и осѣда-

---

[3]) Теперешнее Бѣлоомутъ. Оно встрѣчается въ 1616 г. въ Приправоч. книгѣ Ряз. Уѣзда. (Времен. Ѳ. И. и Д. № 13) и въ путешествіи Олеарія 1627 года, но безъ сомнѣнія существовало уже гораздо раньше.

ютъ все болѣе и болѣе. Не далеко отъ Романовскаго стоитъ деревня Вакино [4]). Далѣе мы проѣхали нѣсколько селъ, между прочимъ Сельцы на лѣвомъ берегу и Кузминское на правомъ [5]); за тѣмъ достигли устья рѣчки Солотчи и вступили въ область монастырей. При самомъ устьѣ на лѣвомъ берегу Оки стоитъ знаменитый монастырь Солотчинскій, основанный въ концѣ XIV в. Олегомъ Ивановичемъ; здѣсь покоится прахъ Олега и его супруги. Верстахъ въ 2 или 3 къ сѣверу находится обитель Зачатейская, основанная княгинею Ефросиніею; а верстахъ въ пяти къ югу Аграфенина пустынь, которая построена послѣднею Рязанскою княгинею Агриппиною въ 1507 г. На другомъ берегу Оки не подалеку стоитъ монастырь Богословскій, происхожденіе котораго, если вѣрить мѣстному преданію, теряется въ глубокой древности. Монастыри почти совсѣмъ закутались въ лѣсную чащу, такъ что издали едва замѣтны верхушки колоколенъ. Глухія, уединенныя мѣста въ этой сторонѣ издавна служили убѣжищемъ для людей, которые удалялись отъ мірскихъ треволненій. У одного изъ такихъ пустынножителей, можетъ быть не далеко отъ тестя, окончилъ свою бурную жизнь князь Юрій Святославичъ Смоленскій въ 1407 г. [6]). На устьѣ Вожи мы замѣтили курганы, поросшіе кустарникомъ; это памятники знаменитой битвы Москвитянъ съ Татарами въ 1378 г. Верстахъ въ трехъ отсюда на берегу рѣчки Быстрицы возвышается опять неизвѣстный городокъ (теперь Малое или Перекальское городище); потомъ промелькнуло нѣсколько деревень, разбросанныхъ по окрайнѣ крутаго берега. Мы вошли въ Трубежъ наиболѣе значительный между рукавами Оки, миновали устье Павловки и подъѣхали къ самымъ стѣнамъ Переяславля Рязанскаго. Тутъ опять остановимся на нѣкоторое время и постараемся поближе познакомиться съ столицею княжества.

Переяславль составился изъ двухъ отдѣльныхъ крѣпостей, изъ которыхъ одна удержала за собою преимущественно имя города (кремля), а другая стала называться острогомъ [7]). Обѣ части рас-

---

[4]) Романовское и Вакинѣ упом. въ договор. гр. 1496 г.

[5]) Объ нихъ говоритъ Олеарій; Кузьминское у него, кажется, названо Морозовымъ. См. Ряз. Вѣд. 1853 г. №№ 8 и 27.

[6]) П. С. Р. Л. VI. 133.

[7]) Объ острогѣ отдѣльно отъ города упоминается подъ 1513 г.; лѣтопись говоритъ, что Бурнашъ Гирей взялъ только острогъ. Въ Рязан. Рожествен. соборѣ

положены между рѣчкою Лыбедью и Трубежемъ. Городъ занимаетъ уголъ, образуемый устьемъ Лыбеди (озеро Карасево), и имѣетъ форму прямоугольника; холмъ, на которомъ онъ построенъ, обрытъ со всѣхъ сторонъ и приподнятъ вверхъ посредствомъ насыпи; длинные бока площади имѣютъ 230 сажень, а короткіе 150. Западная сторона защищена валомъ въ 5 сажень вышины и въ 3 ширины; у подошвы его идетъ глубокій ровъ, наполненный водою (озеро Быстрое); три остальныя стороны спускаются отвѣсно въ Трубежъ (сѣверная) и въ Лыбедь; онѣ укрѣплены деревянными стѣнами. По угламъ и между углами возвышается до 12 башенъ; главныхъ воротъ двое: однѣ, южныя, выходятъ на конную площадь (теперь Старый базаръ) и называются Рязанскими [8]); другія обращены на западъ къ острогу и извѣстны подъ именемъ Глѣбовскихъ [9]). Внутри крѣпости замѣчательны слѣдующія постройки: во-первыхъ княжескій теремъ—высокое зданіе съ узкими окнами, обращенное фасадомъ къ Трубежу; сзади къ нему примыкаютъ разныя надворныя строенія. Теремъ со всѣхъ сторонъ окруженъ храмами: направо отъ него Духовъ монастырь [10]); на лѣво церковь Успѣнья Богородицы (нынѣ теплый соборный храмъ въ Рязани). Послѣдняя служитъ усыпальницею для преемниковъ Олега; на право стоятъ гробницы: Ѳедора Ольговича, Ивана Ѳедоровича, Василія Ивановича, Ивана Васильевича и Ѳедора Васильевича Третныхъ; а на лѣвой сторонѣ прахъ великихъ княгинь Софьи Дмитріевны и Анны Васильевны; скоро подлѣ нихъ займетъ свое мѣсто гробница Агриппины Ѳедоровны. Тутъ же стоитъ Архангельскій соборъ, который служитъ домовою церковью для княжеской фамиліи; далѣе, къ серединѣ города, монастырь Спаса Преображенья [11]). На западной сторонѣ на берегу Быстраго озера стоитъ церковь Николы Стараго, зерно города

надпись на гробницѣ св. еп. Василія упоминаетъ, что мощи этого святителя перенесены въ 1592 г. изъ *стараго острога* отъ церкви Бориса и Глѣба въ новопостроенную соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы.

[8]) Ряз. Іерар. Воздвиж. 76.

[9]) Они находились подъ Глѣбовскою башнею, съ которой нѣмецъ Іорданъ произвелъ по Татарамъ въ 1521 г. выстрѣлъ, надѣлавшій столько шуму. Судя по времени, можно было бы подумать, что это тотъ самый кузнецъ Іорданъ, о которомъ Герберштейнъ разсказываетъ извѣстный анекдотъ, что однако сомнительно.

[10]) Въ 1506 г. В. Княгиня Агриппина дала его игумну Макарію село Затишье съ деревнями Дурколовымъ и Спаскимъ клиномъ Утѣшенскимъ. Ряз. Дост.

[11]) Ему князь Ѳедоръ Васильевичъ пожаловалъ село Гавриловское. Ibid.

Переяславля; на восточной сторонѣ на берегу озера Карасева кладбищенскій храмъ Іоанна Златоуста, построенный по повелѣнію Ивана Васильевича Третьяго въ 1485 г. Благодаря княжеской граматѣ, жалованной священнику Златоустовской церкви, мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на сосѣднюю часть города въ концѣ XV в. „Около храма съ трехъ сторонъ на кладбище (отмѣрено) по пяти саженъ, а отъ улицы ко храму три сажени, а по лѣвую сторону того храма Карасево, а по другую сторону проѣзжая улица, да на той же улицѣ по конецъ ряду стоитъ богадѣльня; а ширина тое улицы три сажени; да къ тому жъ храму дано подъ дворы земли по городовую стѣну въ поперечину и въ длину съ третью сажени двадцать по косую улицу и по дворъ священника архидьяконскаго, а по другую сторону живетъ великаго князя стольникъ Иванъ Башмаковъ... (А приходъ къ Златоусту серебряники всѣ и пищальники). Да къ тому жъ храму дворовое мѣсто на улицѣ Волковой, гдѣ лавка, поставилъ торговый человѣкъ Иванъ Смолевъ изъ оброку на темьянъ, и на свѣчи и на вино служебное къ Ивану Златоусту. Да за рѣкою Окою лугъ, ужитня, идучи къ Пустынѣ на лѣво четыре десятины Буяновской. По воскреснымъ днямъ на молебнахъ у Бориса и Глѣба степеная мѣста подъ соборными на право Златоустинскій священникъ станетъ, а подъ нимъ Николы Стараго. *А Никола Старый стоитъ на Быстромъ озерѣ на берегу*, и то есть озеро святое, и озеро Карасево свято ко прочищенію очей“ [12]). Кромѣ упомянутыхъ, въ городѣ есть еще нѣсколько церквей. За исключеніемъ небольшой площади около княжескаго терема, остальное пространство тѣсно застроено домами бояръ, церковнослужителей, боярскихъ дѣтей, торговыхъ людей и различныхъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ крѣпость Переяславля имѣетъ характеръ древняго дѣтинца; она можетъ быть доступна непріятелямъ только съ западной стороны; слѣдовательно, чтобы добраться до города, надобно прежде овладѣть острогомъ.

Острогъ вмѣстѣ съ посадомъ вытянулся по крутому берегу Трубежа, который защищаетъ его съ сѣверной стороны; съ южной онъ опирается на берегъ Лыбеди; а съ другихъ сторонъ опоясанъ и пересѣченъ глубокими оврагами; также какъ и городъ, острогъ окруженъ деревянными стѣнами. Первое мѣсто между зданіями занимаетъ здѣсь соборная церковь Бориса и Глѣба, которая стоитъ во

---

[12]). Рязан. Дост. изъ *Книги списковъ съ выписей.*

Владычней слободѣ надъ самымъ берегомъ Трубежа. Рязанскіе князья щедро одарили ее вотчинами и разнаго рода льготами. Подлѣ собора находится владычній дворъ [13]) съ Анастасіевскою церковью (нынѣ Семинарская). По другую сторону Лыбеди идутъ различныя подгородныя слободы: рыбная, конная, ямская и пр. По недостатку камня и обилію лѣсовъ всѣ постройки въ Переяславлѣ сдѣланы изъ дерева, за исключеніемъ нѣкоторыхъ храмовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и въ тѣснотѣ улицъ заключалась причина страшныхъ пожаровъ, которые нерѣдко опустошали городъ; особенно памятенъ послѣдній пожаръ 1494 г. Окрестности Переяславля наполнены рощами, монастырями, деревнями и мельницами; такъ при впаденіи Павловки въ Трубежъ стоитъ монастырь во имя Св. Троицы; противъ него на острову между Окою и Трубежомъ находится Богоявленская обитель; тотъ и другой окружены густымъ боромъ [14]). Съ крѣпостной стѣны открывается особенно живописный видъ на зарѣчье: у ногъ вьется Трубежъ; за нимъ на лѣво чернѣетъ лѣсъ, на право зеленѣютъ луга; далѣе за Окою видно нѣсколько селъ, разбросанныхъ по холмамъ; замѣтнѣе другихъ между ними Пустынь Шумошь и Дубровичи [15]).

Осмотрѣвъ столицу, продолжаемъ свое путешествіе внизъ по Окѣ. Отъѣхавъ верстъ 15 отъ Переяславля, мы поравнялись съ городкомъ Ольговымъ, который извѣстенъ въ исторіи по битвѣ между Рязанцами и дружиною Всеволода III въ 1207 г. [16]); онъ стоитъ

---

[13]) Г. Воздвиженскій на стр. 44, замѣчаетъ: „къ оному (т. е. Владычнему двору) отъ Борисо-глѣбской церкви чрезъ ровъ устроены (говорятъ) были переходы".

[14]) Съ именемъ перваго связанъ разсказъ о посольствѣ св. Сергія къ Олегу Рязанскому; второй, на мѣстѣ теперешняго села Борки, упоминается въ одной судной граматѣ XV в. „при Рязанскомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, какъ бояринъ Ѳедоръ Григорьевичъ по его слову судъ судилъ при Богоявленскомъ игумнѣ Іонѣ о землѣ Богоявленской на рѣчкѣ на Тюшевкѣ". Воздвиж. 331 стр. Островъ между Окою и Трубежомъ у Герберштейна названъ *Струбъ*; а по словамъ г. Воздвиженскаго онъ назывался *Судеревъ*. Послѣднее имя вѣроятнѣе перваго: оно объясняетъ намъ выраженіе договор. граматы 1496: „а но судеревнымъ знаменомъ судъ вопчей". (Въ „Историко-Статистич. Описаніи Черниговской епархіи". Кн. 6-я. стр. 35, въ актахъ 1633 г. встрѣчается выраженіе: „бортный ухожей судеревъ" подеревный. *Позди. примѣч.*).

[15]) Акт. Истор. 1. № 127.

[16]) Вѣроятно это старый Льговъ (а не Старый Львовъ), приведенный въ геогр. отрывкѣ Воскр. лѣтописи, ибо тутъ же упоминается и Новый городокъ Ольговъ.

на крутомъ холмѣ въ углу, который образуется впаденіемъ рѣчки Гусевки въ Оку. По другую сторону Гусевки выглядываютъ изъ лѣсу главы и кресты Ольговой обители, основаніе которой, какъ мы говорили, восходитъ къ началу XIII в. Олегъ Ивановичъ придалъ монастырю село Арестово со многими угодьями и доходами; онъ самъ говоритъ въ жалованной граматѣ, что сдѣлалъ это пожертвованіе по обѣту, произнесенному во время его удаленія изъ Переяславля (можетъ быть, послѣ Скорнищевской битвы) [17]).

За тѣмъ миновали нѣсколько селъ на лѣвомъ и на правомъ берегу, между прочими Казарь и Остромино. Вотъ устье рѣчки Листани, которой имя прославлено геройскою защитою царевича Мустафы въ 1454 г. Огромный курганъ, на которомъ укрѣпились Татары, возвышается около истоковъ рѣчки; но онъ совершенно закрытъ густымъ лѣсомъ [18]). Прошли устье Тысьи и Исьи; видѣли остатки Ожска и еще двухъ или трехъ древнихъ городковъ, на мѣстѣ которыхъ процвѣтаютъ теперь мирныя села. Вотъ игривая Проня вливаетъ свои струи въ Оку у подошвы холма, который вѣнчаютъ валы небольшой крѣпости [19]).

Соединившись съ Пронею, Ока вдругъ дѣлаетъ поворотъ на лѣво и течетъ прямо на сѣверъ до устья Кишны, потомъ опять изгибается на юговостокъ. Отъѣхавъ верстъ пять отъ устья Прони, мы подошли къ городу Рязани,—этому зерну, изъ котораго развилось обширное Рязанское княжество. Въ немъ незамѣтно теперь прежняго блеска и жизни: татарскіе погромы и перемѣщеніе великокняжеской резиденціи положили на него печать запустѣнія; только

---

[17]) Вотъ слова граматы: „А коли есмь выѣхалъ изъ отчины изъ своее изъ Переяславля, то гдѣ есмь обѣтъ учинилъ, къ святѣѣ Госпоже Богородицы, придалъ есмь Рязанское мыто и побережное, аже ми даетъ... въ отчинѣ... своей въ Переславли". См. разсужд. объ этомъ пропускѣ г. Бередникова въ Ж. М. Н. Пр. 1837 г.

[18]) Мѣсто около кургана представляетъ теперь чистое поле, но въ окрестностяхъ все еще слыветъ подъ именемъ „чащи".

[19]) Городъ Никитинъ; а, можетъ быть, Новый городокъ Ольговъ. Оба упоминаются въ извѣстномъ географич. отрывкѣ. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ виденъ еще значительный остатокъ вала, извѣстный подъ общимъ именемъ „городца"; неподалеку отъ него лежитъ село Никитино. Невходя здѣсь въ подробный разборъ географическаго отрывка, замѣтимъ вообще, что при составленіи древней русской географіи имъ можно пользоваться только съ большою осторожностію, по испорченности многихъ названій и явному смѣшенію различныхъ эпохъ.

древній Борисоглѣбскій соборъ, наполненный гробницами Рязанскихъ Ярославичей; старинный княжескій теремъ и еще два, три храма, построенные изъ камня, напоминаютъ минувшее значеніе города. Вмѣстѣ съ блескомъ къ новой столицѣ перешло и самое имя Рязани, подъ которою стали разумѣть собственно Переяславль; а прежняя резиденція уже въ оффиціальныхъ граматахъ конца XV и начала XVI в. называется Старою Рязанью [20]. На лѣвой сторонѣ Оки противъ Рязани лежатъ село съ монастыремъ и остатками древняго городка, можетъ быть, Зарѣческа [21].

Теперь въ короткихъ словахъ сообщимъ свѣдѣнія, собранныя нами въ остальное время нашего путешествія по Окѣ. Далѣе, внизъ отъ Старой Рязани, до самаго устья Пры прибрежныя мѣста оживляются довольно частыми селеніями, таковы: Гавриловское, Селезнево, Хмелево, Федотьево; Исады, очень живописная и веселая мѣстность, съ именемъ которой связана извѣстная катастрофа 1217 г.; Вознесенское и пр. [22]. Нигдѣ не замѣтили мы такого скопленія древнихъ городковъ, какъ въ этой части княжества; къ несчастію большая

---

[20]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 127 и 144. Какъ городъ старая Рязань въ послѣдній разъ упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа въ первой половинѣ XVII в.; а во второй половинѣ, именно въ 1679 г., уже встрѣчается *село Старая Рязань*. Грам. собран. Пискаревымъ. № 45.

[21]) Это имя помѣщено въ географ. отрывкѣ. Монастырь по преданію мѣстныхъ жителей назывался Зарѣченскимъ. Старожилы еще помнятъ остатки земляныхъ валовъ въ теперешнемъ городѣ Спаскѣ на мѣстѣ публичнаго сада; здѣсь иногда находили мечи, бердыши, кольцеобразныя бляхи и старинныя монеты. Въ окрестностяхъ Спаска разсѣяно нѣсколько кургановъ—вѣроятно памятники битвъ; между ними замѣчателенъ своимъ загадочнымъ названіемъ курганъ „Чалая Могила“, скрывшій, по преданію жителей, прахъ чалаго коня, который принадлежалъ одному изъ Рязанскихъ богатырей (князю Олегу, какъ сказано у Тихомирова 34 стр.).

[22]) Гавриловское въ 1501 г. было пожаловано Ѳедоромъ Васильевичемъ Спаскому монастырю. (Іерар. Воздвиж. 336). Селезнево и Хмелево упомянуты въ граматѣ Олега, жалованной епископу Василію. (Ряз. Дост.). Въ челобитной Ѳедотьевскихъ прихожанъ, которая была подана въ концѣ XVII в. Митрополиту Павлу, сказано, что *въ 1487 г.* на полѣ, *близъ села Ѳедотьева*, явилась икона Богородицы. (Грам. Пискар. № 48). Вознесенское (иначе Санское) упомянуто въ жалованныхъ граматахъ Олега. (Воздвиж. 49 и 50). Спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, Олеарій приводитъ слѣдующія имена селъ на этихъ берегахъ: Киструсъ, Муратово, Колемино, Пустополье, Новоселки, Шилово, Тынерская (нынѣ Тырновская) слобода, Свинчусъ и Копоново.

часть ихъ именъ остались для насъ неизвѣстны. Знаемъ только, что около устья Кишны лежали развалины Бѣлгорода; къ востоку отъ него существовалъ городъ Воиновъ [23]). Еще далѣе на правомъ берегу Оки лежитъ село Шилово на мѣстѣ древняго города того же имени; около устья Пры находятся селенія Свинчусъ на правой сторонѣ и Ижевское на лѣвой, образовавшіяся на мѣстѣ городовъ Ижеславля и Свинеска. Между многими монастырями мы замѣтили еще два: Облачинскую пустынь по сосѣдству съ Исадами на правомъ берегу, и Терховъ монастырь, расположенный на одномъ островѣ Оки, не далеко за Шиловымъ [24]).

Около древняго Свинеска или устья рѣчки Середней кончались владѣнія Рязанскихъ князей; но на лѣвомъ берегу онѣ простирались еще до рѣки Гуся [25]). Недалеко отъ впаденія послѣдней въ Оку опять видны земляныя укрѣпленія какого то городка; вѣроятно это былъ крайній укрѣпленный пунктъ въ сѣверовосточномъ углу Рязанской Мещеры [26]).

Дальнѣйшее теченіе Оки опять вступало въ область Московскаго княжества. Сосѣдями Рязанцевъ въ этой сторонѣ были Касимовскіе Татары. Около 1452 года Василій Темный отдалъ городъ Касимовъ во владѣніе служебному царевичу Кайсыму и его потомкамъ съ тѣмъ, чтобы они защищали здѣсь Русскіе предѣлы отъ Татарскихъ набѣговъ; а до того времени Касимовъ назывался *Новымъ Низовымъ Городкомъ*. Въ 600 саженяхъ ниже его на Окѣ существовалъ въ древности *Мещерской Городокъ*, который былъ разоренъ Татарами въ 1376 г.

Осмотрѣвъ берега Оки, обратимся къ другой жизненной артеріи древней Рязанской области, къ рѣкѣ Прони. И на ея бугристыхъ

---

[23]) Г. Тихомировъ доказываетъ, что Бѣлгородъ находился на мѣстѣ теперешняго села Городецъ. (Археол. Изслѣд. 27 стр.). Городъ Воиновъ приведенъ въ географич. отрывкѣ; что его надобно искать именно здѣсь, на это указываютъ названія „озеро Воинское“ и „уѣздъ Воинской“ (около села Санскаго. Грамата Олега въ Іерарх. Воздвиж. 49).

[24]) Шилово, Свинчусъ и Облачинская обитель встрѣчаются у Олеарія. Ижевское упоминается въ жалованной граматѣ Олега Епископу Ѳеогносту. (Воздвиж. 50) Свинескъ приводится въ географ. отрывкѣ. Терехову монастырю дана была жалованная грамата В. княземъ Василіемъ Ивановичемъ (Ряз. Вѣд. 1853 г. № 10); о немъ упоминается въ книгѣ Большаго Чертежа.

[25]) Такова по крайней мѣрѣ была граница Старо-Рязанской десятины (по духовному управленію). Ж. М. В. Д. 1848 г. Мартъ. Ст. Надеждина

[26]) Нынѣ деревня Городище въ окрестностяхъ села Ибердусъ.

берегахъ путешественникъ видѣлъ многочисленныя селенія; особенно онѣ часто попадались на нижнемъ теченіи Прони, начиная отъ впаденія въ нее рѣки Рановой. Граматы XIV и XV ст. сохранили для насъ имена слѣдующихъ деревень, расположенныхъ на этомъ пространствѣ: Неретинъ починокъ, Толпино, Перкино; Добрый Сотъ, извѣстный съ начала XIII в.; Столпцы и Лучинское—на лѣвомъ берегу Прони; Засѣчье, Муняково и Жерновищи—на правомъ [27]). Но изъ городовъ на рѣкѣ Пронѣ по прежнему исторически извѣстнымъ остается только древній Пронскъ; а между тѣмъ остатки земляныхъ укрѣпленій убѣждаютъ насъ, что нѣкогда городки здѣсь были также часты какъ на Окѣ [28]).

Послѣ береговъ Оки и Прони самое густое населеніе княжества заключалось въ пространствѣ между этими двумя рѣками. Села и деревни особенно тѣснились по болѣе значительнымъ рѣчкамъ: Осетру, Мечѣ, Пилесу, Вожѣ, Павловкѣ, Плетеной, Исьѣ, Истьѣ и Жракѣ. Остатки древнихъ крѣпостей, разсѣянные по всей этой полосѣ, преимущественно скопляются въ треугольникѣ между Окою, Осетромъ и Вожею, слѣдовательно въ той сторонѣ, откуда постоянно грозила опасность Рязанской самостоятельности. Самымъ значительнымъ мѣстомъ въ этомъ треугольникѣ послѣ Перевитска былъ Зарайскъ; имена другихъ городовъ до насъ не дошли [29]). Естественно раждаются

---

[27]) Жалованныя граматы Олега и Михаила Ярославича. Ряз. Іерар. Воздвиж. 49 и 51. Жерновищи упоминаются еще въ договор. грам. 1496 г.

[28]) Г. Надежинъ преимущественно указываетъ на слѣдующія мѣста: деревня Городецкая близъ впаденія рѣки Нетьи; села Могилевское Городище и Красное Городище на верхнемъ теченіи Прони. Сюда же надобно отнести остатки трехъ укрѣпленій недалеко отъ Михайлова: одно на лѣвомъ берегу Жраки близъ деревни Поярково; другое близъ устья Лубянки, впадающей въ Жраку; а третье на правомъ берегу Прони. Послѣднее называлось „Городокъ Андрея Лешнина“ и на мѣстѣ его въ XVII в. стоялъ острогъ Печерники. (Какъ значится въ Приправоч. книгѣ Ряз. уѣзда. Времен. Общ. М. и Др. № 13). Самый городъ Михайловъ вѣроятно въ 1551 г. былъ только возобновленъ воеводами Грознаго; онъ упоминается въ географ. отрывкѣ.

[29]) Въ 1533 г. Великій князь Василій велѣлъ выстроить въ Зарайскѣ каменную крѣпость вмѣсто прежней деревянной; слѣдовательно городъ извѣстенъ былъ подъ этимъ именемъ ранѣе XVI ст. Укажемъ при этомъ на нѣкоторыя мѣста древнихъ городовъ: село Глѣбово Городище на лѣвомъ берегу Вожи съ остатками земляныхъ насыпей, деревня просто Городище при сліяніи Вобли съ Черною, Тюнино городище на рѣчкѣ Пилесъ, Долгое Городище при впаденіи Пилеса въ Мечу.

вопросы, почему ихъ имена изгладились совершенно изъ народной памяти, между тѣмъ какъ на каждомъ шагу встрѣчаемъ или остатокъ вала, или названіе деревни, которое намекаетъ на мѣстность существовавшаго когда то города? въ какомъ отношеніи находятся эти обломки старины къ древнимъ Рязанскимъ городамъ? и наконецъ, что это были за города? Трудно отвѣчать на подобные вопросы, не имѣя достаточно данныхъ. Попытаемся сдѣлать нѣсколько соображеній.

Главною причиною размноженія городовъ, кромѣ внѣшней защиты, была потребность князей закрѣплять за собою владѣніе землями; только въ тѣхъ мѣстахъ могъ свободно распоряжаться князь лично или посредствомъ своихъ намѣстниковъ, въ которыхъ стояла крѣпость, оберегаемая его дружинниками. Будучи стратегическими и административными пунктами, города, какъ извѣстно, становились въ тоже время сѣменами христіанства и славянской народности на финской почвѣ. Въ XV ст. ихъ роль на нѣкоторыхъ мѣстахъ была кончена: населеніе въ треугольникѣ между Окою, Пронею и Осетромъ почти все было крещеное, съ явнымъ преобладаніемъ славянскаго элемента въ своемъ составѣ; въ административномъ отношеніи затрудненій не встрѣчалось; во внѣшней защитѣ со стороны Москвы при подчиненныхъ отношеніяхъ къ ней Рязани не было надобности. Оставалась оборона на югѣ со стороны степей; но охраненіе Русскихъ предѣловъ отъ Татарскихъ нападеній въ теченіе XV в. Московское правительство главнымъ образомъ принимаетъ на себя. Древніе города уже не соотвѣтствовали новымъ потребностямъ въ военномъ отношеніи; они были слишкомъ малы, неудобны, и не могли остановить большихъ массъ, набѣгавшихъ изъ Крыма. Поэтому государи Московскіе, ограждая въ XVI в. юговосточныя границы, приказываютъ укрѣплять только самые значительные города, строить новые остроги на сторожевыхъ линіяхъ и насыпать сторожевые курганы. А между тѣмъ древнія укрѣпленія приходили въ ветхость; земляные валы осыпались; деревянныя стѣны и башни быстро уничтожались отъ дѣйствія различныхъ причинъ, и города обращались въ села, если не подвергались совершенному запустѣнію. Тоже самое превращеніе испытывали въ свою очередь остроги, построенные Московскими воеводами, по мѣрѣ того, какъ пограничная линія отодвигалась все далѣе къ югу. Слѣдовательно далеко не всѣ городки, городища и курганы юговосточной Россіи по своему происхожденію относятся ко временамъ удѣльнымъ. Первый намекъ на

древній Рязанскій городъ, обратившійся въ село, мы находимъ въ концѣ XV в. [30]); а въ началѣ XVII встрѣчаемъ здѣсь уже большое количество городищъ и городцевъ [31]).

О Рязанскихъ земляхъ на сѣверъ отъ Оки мы можемъ только предполагать, что эта болотистая и лѣсная сторона очень мало измѣнилась послѣ XIII ст., за исключеніемъ мѣстъ ближайшихъ къ центру княжества; только на берегахъ нижней Пры замѣтны слѣды исторической жизни по нѣкоторымъ остаткамъ городовъ [32]). Почти также бѣдны наши географическія свѣдѣнія о населеніи Мещерской земли по другую сторону Оки: въ договорѣ 1496 г. упоминаются только Карабугинскій уѣздъ, Пластиково, Бовыкино и Мордовскія волости по Цнѣ.

Кромѣ области средней Оки въ составъ Рязанскаго княжества постоянно входили земли по верхнему теченію Дона и его притоковъ, преимущественно съ лѣвой стороны. Населенность этихъ земель была очень бѣдная; вотъ почему и географическія извѣстія о нихъ чрезвычайно скудны. Договоръ братьевъ называетъ въ той сторонѣ только три мѣста: Тешевъ, который надобно искать гдѣ нибудь между Воронежомъ и Дономъ [33]); Братиловъ, неизвѣстно гдѣ находившійся, и Романцевъ, вѣроятно тоже, что Иваново-Романцево, о которомъ говорится въ договорѣ съ Москвою 1483 г., и который по смыслу граматы лежалъ гдѣ то по лѣвую сторону Дона. Даже плодоносные берега этой рѣки въ концѣ XV и началѣ XVI в. повидимому не много были населеннѣе, нежели съ небольшимъ за сто лѣтъ, когда они, если вѣрить описанію Пименова хожденія, представляли одну безлюдную пустыню съ развалинами древнихъ городовъ. Главною причиною такого явленія была постоянная опасность со стороны кочевниковъ; безпрерывные крымскіе набѣги въ XVI ст.

---

[30]) „.... Отъѣхалъ землю и луга и болота святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба *Городецкаго*". и пр.. Изъ списка съ разъѣжжей граматы 1498 г. (см. выше).

[31]) Приправоч. кн. Ряз. уѣзда 1616 г. Договоръ братьевъ, въ концѣ XVI в. называетъ только пять городовъ: Переяславль, Старую Рязань, Перевитскъ, Ростиславль и Пронскъ; слѣдовательно остальные были слишкомъ незначительны, чтобы о нихъ упоминать, или обратились уже въ села. Въ началѣ XVII в. встрѣчаемъ въ собственной Рязанской области тѣже пять городовъ съ прибавленіемъ одного Зарайска. (Кн. Бол. Черт.).

[32]) Таковы села Городное и Городковичи въ Спаск. уѣздѣ.

[33]) На рѣчкѣ Тешевкѣ на мѣстѣ Задонска, какъ предполагаетъ г. Калайдовичъ. Письма къ Малин. объ Арх. изслѣд. въ Ряз. губ. 75 стр.

окончательно стерли признаки древней населенности въ этомъ краю, такъ что въ географическомъ описаніи Московскаго государства XVII вѣка по Дону встрѣчается болѣе Татарскихъ переметовъ и Крымскихъ бродовъ, нежели Русскихъ селеній. Къ немногимъ прежнимъ именамъ городовъ на берегахъ Дона можно прибавить еще Донковъ. Герберштейнъ говоритъ о немъ, какъ о старинномъ, разрушенномъ городѣ; въ его время это мѣсто было извѣстно тѣмъ, что подлѣ него грузили свои суда купцы, отправлявшіеся въ Азовъ и Кафу [34]).

Переходя къ характеру мѣстной природы и къ естественнымъ произведеніямъ страны, обратимся сначала къ тѣмъ иностраннымъ путешественникамъ, которые посѣтивъ Восточную Европу въ XV и XVI вв., оставили намъ нѣсколько извѣстій о Рязанскомъ княжествѣ. Ихъ было трое: два Венеціанца, Іосафатъ Барбаро и Амвросій Контарини, и третій Нѣмецъ, извѣстный баронъ Герберштейнъ.

Извѣстіе Барбаро относится ко второй половинѣ XV в.: „Когда переѣдешь“ черезъ Эрдиль (Волгу) по направленію къ западу—пишетъ онъ—то на разстояніи пятнадцати дней пути встрѣчаются по берегу рѣки безчисленныя племена Татаръ. Они простираются до самыхъ предѣловъ Россіи, на границѣ коей находится городокъ (terriciola) Рязань, подвластный одному изъ родственниковъ Іоанна, Великаго князя Россійскаго. Жители здѣсь всѣ христіане и исповѣдуютъ вѣру Греческую. Страна ихъ изобилуетъ хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими цѣнными произведеніями (et altre buone cose); она вообще лѣсиста и довольно хорошо населена. Въ Рязани приготовляютъ особенный напитокъ въ родѣ нашего пива, называемый бузою (bossa) [35]). Нѣсколько далѣе встрѣчается городъ Коломна, укрѣпленный подобно Рязани деревянными стѣнами [36]). Въ обоихъ городахъ всѣ строенія деревянныя, по недостатку каменнаго матеріала.

---

[34]) Мѣстность древняго Донкова въ настоящее время называется Старымъ Городищемъ: она лежитъ въ 20 верстахъ выше новаго Донкова, который былъ построенъ въ 1571 г. Въ 15 верстахъ ниже послѣдняго на Дону, близъ села Перехвала, сохранились еще остатки древняго городка; съ сѣверной стороны онъ защищенъ рѣкою, а съ прочихъ рвами.

[35]) Брага.

[36]) Библіотека иностр. пис. 1836 г. стр. 95, 175, 176. Rerum Moscovi. auctores varii. 48—50. Четвертаго иностранца Кампензе мы встрѣтимъ послѣ.

Въ разстояніи трехъ дней пути течетъ значительная рѣка Москва, на которой стоитъ городъ того же имени".

Контарини самъ проѣзжалъ по Рязанской землѣ, и потому его замѣтка для насъ особенно интересна; къ сожалѣнію она слишкомъ коротка и повторяетъ почти тоже, что сказано у Барбаро. На обратномъ пути изъ Персіи въ отечество, Контарини присоединился къ свитѣ пословъ Московскаго и Персидскаго; первый, называвшійся Маркомъ, возвращался въ Москву; а второй былъ отправленъ къ Іоанну III Узунъ Гассаномъ. „12 сентября 1476 года—разсказываетъ Кантарини—вступили мы наконецъ съ благословеніемъ Божіимъ въ землю Русскую и встрѣтили нѣсколько хижинъ, окруженныхъ лѣсами. Жители этой деревушки, услыхавъ, что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами Татаръ, и принесли нѣсколько сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати, ибо всѣ мы до такой степени отощали отъ продолжительнаго пути, что едва могли держаться на лошадяхъ. Отправившись далѣе, прибыли мы въ городъ Рязань, который принадлежитъ одному князю, имѣющему въ супружествѣ сестру Московскаго государя. Всѣ строенія въ немъ деревянныя, не исключая и самой крѣпости [37]). Здѣсь мы въ изобиліи нашли хлѣбъ, мясо и напитокъ, приготовляемый изъ меду. Отсюда пустились далѣе, проѣзжая по огромнымъ лѣсамъ, и подъ вечеръ остановились для ночлега въ одной Русской деревнѣ, гдѣ спокойно отдохнули, ибо по милости Божіей находились уже въ безопасномъ мѣстѣ. Потомъ пріѣхали въ другой городъ, именуемый Коломною, который расположенъ на берегу рѣки Москвы; черезъ рѣку [38]) здѣсь построенъ большой мостъ. Изъ Коломны Маркъ отправилъ меня впередъ въ Москву, ибо караванъ намѣренъ былъ помедлить нѣсколько своимъ прибытіемъ".

Но безспорно самую лучшую характеристику древняго Рязанскаго края мы находимъ у знаменитаго барона, котораго записки относятся къ первой половинѣ XVI в. „Рязанская область, говоритъ Герберштейнъ, расположенная между Окою и Дономъ, имѣетъ деревянный городъ не далеко отъ берега Оки. *Въ немъ была нѣкогда крѣпость, которая называлась Ярославъ: отъ нея остались теперь только слѣды. Близъ этого города посреди Оки есть островъ, на-*

[37]) Но извѣстно, что нѣсколько храмовъ были сооружены изъ камня.

[38]) Конечно не Москву, а Коломенку.

зываемый Струбъ нѣкогда великое княжество съ независимымъ владѣтелемъ [39]). Коломна лежитъ на юговостокъ отъ Москвы; потомъ слѣдуетъ Рязань, которая отстоитъ отъ Москвы на 36 германскихъ миль. Эта область есть самая плодоносная между Московскими провинціями: въ ней, какъ говорятъ, одно зерно даетъ по два и болѣе колосьевъ, которые растутъ такъ часто, что лошади съ трудомъ проѣзжаютъ по нимъ и перепелки едва могутъ изъ нихъ вылетать. Здѣсь великое множество меду, рыбы, птицъ и звѣрей; древесные плоды гораздо лучше Московскихъ; а народъ очень смѣлый и воинственный, (gens audacissima bellicosissimaque)". Оку онъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Берега ея покрыты густыми лѣсами, которые изобилуютъ медомъ, бѣлками, горностаями и куницами. Всѣ поля, орошаемыя ею, чрезвычайно плодородны; въ особенности эта рѣка славится богатствомъ рыбы, которая предпочитается рыбѣ прочихъ Московскихъ рѣкъ (болѣе всѣхъ Муромская). Въ ней водятся: бѣлуга, стерлядь, севрюга, осетръ и бѣлорыбица превосходнаго качества; думаютъ, что большая часть этой рыбы заходитъ въ Оку изъ Волги".

Всѣ приведенныя показанія иностранцевъ сводятся къ одному результату: Рязанская земля была очень лѣсиста и отличалась богатствомъ естественныхъ произведеній. Тотъ же самый результатъ можно вывести изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ граматъ, жалованныхъ духовенству на разныя помѣстья; они постоянно трактуютъ о бортныхъ угодьяхъ, пожняхъ (сѣнокосахъ), нивахъ, бобровыхъ угонахъ и рыбной ловлѣ. О разнообразіи и богатствѣ животнаго царства въ этомъ краю свидѣтельствуетъ одно мѣсто изъ путешествія Пимена, приведеннаго выше. На пустынныхъ берегахъ верхняго Дона путникамъ во множествѣ встрѣчались: козы, лоси, волки, лисицы, бобры, выдры, медвѣди; орлы, гуси, лебеди, журавли и пр.

Разумѣется характеръ природы не вездѣ былъ одинаковъ; а сообразно съ тѣмъ распредѣлялись и естественныя произведенія, т. е. средства пропитанія, которыя въ свою очередь обусловливали бытъ населенія. Песчаноглинистая и болотистая почва въ сѣверной части княжества, на Мещерской сторонѣ Оки, была неспособна къ хлѣбо-

---

[39]) Въ подчеркнутыхъ словахъ безъ сомнѣнія смѣшаны извѣстія о Старой Рязани и Переяславлѣ Рязанскомъ. Не забудемъ, что Герберштейнъ писалъ по слуху. Подобная же запутанность видна далѣе въ разсказѣ о двухъ старшихъ сыновьяхъ Рязанскаго князя Ивана Васильевича Третнаго.

пашеству; за то почти сплошь была покрыта лѣсами, преимущественно красными; главное занятіе жителей въ этой сторонѣ составляла звѣриная и рыбная ловля. Средняя полоса болѣе другихъ отличалась разнообразіемъ и богатствомъ произведеній; песчаная почва, перемѣшанная съ большимъ количествомъ чернозема, представлялась очень удобною для земледѣлія; густые, преимущественно черные, лѣса начинали замѣтно рѣдѣть и уступать мѣсто полямъ, засѣяннымъ разнаго рода хлѣбомъ. Тучныя пажити, залегавшія по теченію рѣкъ, давали обитателямъ средство содержать значительное количество скота. Пчеловодство, звѣриный и рыбный промыслы существовали здѣсь на ряду съ земледѣліемъ. Южная часть княжества, самая обширная по своему протяженію, владѣла превосходнымъ слоемъ чернозема; но по малочисленности осѣдлаго населенія только въ немногихъ мѣстахъ встрѣчались обработанныя поля. Эта полоса составляла переходъ отъ сѣверной лѣсной природы къ южнорусскимъ степямъ. Тамъ, гдѣ сближались между собою верховья Воронежа и его притоковъ съ верховьями Пары, Рановой и Хупты, почва состояла изъ топкихъ пространствъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ, на что указываютъ имена рѣчекъ Рясъ. Скопленіе влаги въ этой полосѣ объясняется водораздѣломъ притоковъ Дона и Оки. Около верховьевъ перваго широкія поля кое гдѣ заростали рощами и кустарникомъ; такъ знаменитое Куликово поле въ концѣ XIV ст. было отчасти покрыто лѣсомъ. Но далѣе къ югу, начиная отъ Быстрой Сосны и нижняго Воронежа, открывалось ровное, степное пространство. Главное занятіе населенія въ южной полосѣ конечно было скотоводство; замѣтны также слѣды пчеловодства, звѣриной и рыбной ловли. Однимъ изъ самыхъ важныхъ промысловъ въ древней Россіи считалась охота за бобрами; судя по граматамъ, бобровые угоны встрѣчались на всемъ протяженіи Рязанскихъ земель, т. е. по Окѣ, Пронѣ и на Дону.

В. Сторона общественная: **Отношенія къ Москвѣ, Литовскимъ, Сѣверскимъ и Пронскимъ князьямъ на основаніи договорныхъ граматъ. Статья о плѣнныхъ. Служилое сословіе. Тяглое населеніе. Духовенство. Жалованныя граматы. Монастырскія помѣстья. Судопроизводство. Великія княгини. Успѣхи христіанства. Главные пути сообщенія. Восточные караваны. Торговыя сношенія. Разбойники и казаки. Заключеніе.**

Если заглянемъ во внутреннее управленіе Рязанской области и посмотримъ на взаимныя отношенія различныхъ частей населенія, то увидимъ полную аналогію съ другими Русскими княжествами, особенно Московскимъ и Тверскимъ; небольшія особенности, которыя встрѣчаются здѣсь, нисколько не нарушаютъ общаго сходства.

Начнемъ съ княжеской власти. О полной внѣшней независимости Рязанскихъ князей не можетъ быть и рѣчи почти въ продолженіе цѣлой исторіи княжества; такая независимость встрѣчалась только эпизодически. Съ первой половины XIII в. и до второй XV Рязанцы пережили всѣ степени Татарскаго ига, пока оно не уничтожилось совершенно. Въ началѣ XIV в. выступаютъ на сцену отношенія къ В. князьямъ Московскимъ, какъ продолженіе прежнихъ Владимірскихъ; а во второй половинѣ того же вѣка онѣ становятся на первый планъ. Для опредѣленія этихъ отношеній мы имѣемъ пять договорныхъ граматъ, которыя обнимаютъ собою болѣе столѣтія (1381—1483), и которыя въ главныхъ чертахъ почти повторяютъ другъ друга: во первыхъ, Великіе князья Рязанскіе постоянно обязываются имѣть Московскихъ себѣ старшими братьями (одинъ разъ дядею, что означало почти тоже самое), форма отношеній сохраняетъ еще прежній семейный характеръ; но въ сущности названіе старшихъ и младшихъ братьевъ давно уже потеряло свой первоначальный смыслъ; въ XIV и XV вв. оно просто выражало большую или меньшую подчиненность слабѣйшихъ князей. Другой характеръ выраженія встрѣчается въ договорной граматѣ съ Витовтомъ: вмѣсто родственныхъ именъ Рязанскіе князья даютъ ему титулъ господаря;

это различіе основано на чуждомъ Игореву дому происхожденіи Литовскихъ князей, но въ сущности зависимость отъ Москвы и Литвы имѣла одинаковое значеніе. Какъ необходимымъ условіемъ Татарскаго ига былъ Ординскій выходъ, такъ главною статьею подчиненія Москвѣ служило обязательство имѣть общихъ враговъ и союзниковъ или просто военная помощь. Далѣе замѣчательно повторяющееся условіе о третейскомъ судѣ между Московскими и Рязанскими князьями. „А что ся учинитъ межи насъ наше дѣло князей Великихъ, и намъ отсылать бояръ и съѣхався учинять исправу; а чего не могутъ управить, о чемъ ся сопрутъ, ино ѣдутъ на третей: а на кого помолвитъ третей и виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отдастъ; а неотдастъ, ино у него отняти; а то не въ измѣну. А третей межи насъ кто хочетъ, тотъ поименуетъ три князи христіанскіе („трехъ князей нашихъ земель“ № 115); а на комъ ищутъ, тотъ себѣ изберетъ изъ трехъ одинаго; а судьи наши общіе о чемъ сопрутся, ино имъ третей потомужъ“. Разумѣется и на эту статью опять можно смотрѣть не болѣе, какъ на условную, съ теченіемъ времени установившуюся форму. Со времени Олеговой смерти до 1520 г. Рязанское княжество прошло сквозь всѣ оттѣнки Московскаго владычества только въ обратной прогрессіи сравнительно съ Татарскимъ игомъ.

Рядомъ съ Московскими отношеніями идутъ постоянныя притязанія Великихъ князей Литовскихъ на господство въ Рязани, начиная съ Витовта. Подобныя притязанія очень ясно выразились въ договорѣ Василія Темнаго съ Казимиромъ IV, по которому Рязанскій князь, если бы захотѣлъ, могъ безпрепятственно подчиниться Литвѣ. Этотъ договоръ нисколько не измѣнилъ установившихся тогда отношеній къ обоимъ сосѣдямъ. Тѣмъ не менѣе въ 1493 г. Александръ Литовскій, отправляя въ Москву посольство для мирныхъ переговоровъ, между прочимъ наказываетъ ему слѣдующее: „Объ Великомъ князѣ Рязанскомъ въ новомъ договорѣ поставить такую же статью какъ и въ прежнемъ; но если онъ (Иванъ III) несогласится, то пусть наши послы ему уступятъ, чтобы это обстоятельство не помѣшало заключенію мира“. Иванъ III не счелъ нужнымъ повторять отцовскую уступку, и въ договорной граматѣ о Рязанскихъ князьяхъ сказано такимъ образомъ: „Великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ съ братомъ, дѣтьми и землею въ твоей сторонѣ Великаго князя Ивана; а мнѣ Великаго князя Александра ихъ не обижать и въ земли ихъ не вступаться; если же они мнѣ сгрубятъ, то

я долженъ дать объ этомъ знать тебѣ Великому князю Ивану, и ты мнѣ долженъ дать удовлетвореніе“ [1]). Этимъ договоромъ Литовской князь отказался отъ прежнихъ притязаній и оффиціально призналъ Московское господство въ Рязани. Попытка Ивана Ивановича перемѣнить одну зависимость на другую только доказала удивительную прочность существовавшаго порядка вещей: религія и народность уже вступили въ крѣпкій союзъ съ умною политикою Московскихъ государей.

Отношенія къ западнымъ сосѣдямъ, князьямъ: Тарусскимъ, Новосильскимъ, Одоевскимъ и Воротынскимъ, опредѣлялись смотря по тому, отъ кого зависѣли эти князья, отъ Москвы или Литвы. Въ первомъ случаѣ договорныя граматы говорятъ такимъ образомъ: „А что ся учинитъ межи насъ въ любви, о чемъ ни будетъ слово, о земли или о водѣ, или объ иномъ о чемъ, и намъ отослать своихъ бояръ, ини съѣхався учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ и они ѣдутъ на третей, кого себѣ изберутъ; и на кого третей помолвитъ, и виноватой отдастъ; а не отдастъ и правый пошлетъ къ тобѣ къ Великому князю (Московскому) и тобѣ Великому князю къ виноватому послати въ первые и въ другіе и въ третьи; а непослушаетъ виноватый тобя Великаго князя, и тобѣ Великому князю то отправити; а цѣлованья не сложити, а то не въ измѣну. А коли позовутся на третей, кого себѣ изберутъ, а въ то время на того будетъ рать, кого позовутъ, или будетъ самъ ратью пошелъ, или будетъ у него посолъ татарскій въ земли, инъ затѣмъ не поѣдетъ на третей, въ томъ ему вины нѣтъ; а возмутъ на него въ то время грамату, ино та грамата не въ грамату: а позовутся изнова на третей, какъ ся утишитъ, да учинятъ исправу изнова; а тобѣ Великому князю того исправити, что ся въ то время учинило въ замятное“. Во второмъ случаѣ Сѣверскіе князья въ договорахъ съ Литовскими говорятъ такимъ образомъ: „Съ тыми (В. Князьями Московскимъ, Рязанскимъ и Пронскимъ) намъ судъ свой имѣти по старинѣ; а чого промежи себе не управимъ съ тыми великими князи въ докончаньи, ино королю за то стояти и управляти, коли тыи три князи великіи верхуписаныи съ королемъ и великимъ княземъ будутъ въ доканчаньи“ [2]).

Очень интересно было бы узнать характеръ и подробности взаим-

---

[1]) Акты Зап. Рос. I. № 114. С. Г. Г. и Д. V. № 29.

[2]) С. Г. Г. и Д. I. № 48 и 65. Акты З. Р. I. №№ 41, 63 и 80.

ныхъ отношеній между родственными вѣтвями князей Рязанскихъ и Пронскихъ. Къ сожалѣнію не сохранилось ни одного договора, заключеннаго между ними. Что подобные договоры всегда существовали, на это указываютъ слова одной изъ упомянутыхъ граматъ: „А со княземъ съ Великимъ съ Иваномъ Володимеровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ". (№ 36). Изъ тѣхъ же граматъ можно заключить, что въ теченіе 50 лѣтъ послѣ смерти Олега, исключая 1408 годъ, эти отношенія не были враждебными и основывались на правахъ равенства подъ вліяніемъ Московскаго правительства. Третейскій судъ между ними опредѣляется слѣдующими словами. „А что ся учинитъ межи васъ какова обида и вамъ отослати своихъ бояръ, ино учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей Митрополитъ; а кого Митрополитъ обвинитъ, ино обидное отдати; а не отдастъ ино мнѣ князю Великому (Московскому) отправити, а то ми не въ измѣну, також на обѣ стороны". Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ еще, что между княжествами Рязанскимъ, Пронскимъ и Муромскимъ существовала черезполосность владѣній и свобода пріобрѣтать волости въ чужомъ удѣлѣ, чего недопускалось въ отношении къ Москвѣ. Такъ въ 1340 г. князь Александръ Михайловичъ Пронскій пожаловалъ Борисоглѣбской церкви куплю своего дѣда село Остромирское, которое находилось гдѣ то подлѣ Ольгова монастыря, т. е. въ Рязанскомъ удѣлѣ. Въ извѣстной граматѣ Ольгову монастырю между прочимъ говорится: „а мужи (Рязанскіе бояре) Ольговскую околицу купивше у Муромскихъ князей, давше 300 гривенъ, и дали Святой Богородицѣ".

Зався отъ Москвы въ дѣлахъ внѣшней политики, князья Рязанскіе, какъ и другіе, судя по договорнымъ граматамъ, оставались совершенно самостоятельны во внутреннемъ управленіи. Московскіе князья постоянно обязываются „въ землю въ Рязанскую и во князи въ Рязанскіе не вступатися"; точно такое же условіе поставлено въ договорѣ съ Витовтомъ: „А Великому князю Витовту—говорятъ Рязанскій и Пронскій князья—въ вотчину мою не вступатися, въ землю, ни въ воду".

При договорахъ постоянно опредѣляются взаимныя отношенія между жителями сосѣднихъ княжествъ и почти всегда тѣми же словами. Это опредѣленіе касается во-первыхъ судебныхъ дѣлъ. „А судъ между нами общій; а намъ Великимъ князьямъ въ судъ въ общій не вступатися. А о чемъ наши судья сопрутся, ѣдутъ на третей, кого себѣ изберутъ. А судомъ общимъ не переводить; а

кто иметъ переводити, правый у того возьметъ; а то ему не въ измѣну. Суженаго не посуждати; суженое положеное дати: холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, душегубца ны выдати по исправѣ". Изъ общаго суда исключались иногда дѣла по грабежу и воровству: „А гдѣ учинится разбой или наѣздъ или татьба изъ твоей отчины на моихъ людей Великаго князя, о томъ общаго суда не ждать; а отослать намъ своихъ судей да велѣть учинить исправу безъ перевода; а не дашь мнѣ исправы, или судьи твои судомъ переведутъ и мнѣ свое отняти, а то не въ измѣну". „А которыхъ дѣлъ не искали (до означеннаго срока), пристава не было, за поруку не данъ, тому погребъ; а кто за порукою и за приставомъ былъ, тому судъ; а которыя дѣла суженыя или поле ся не кончало, а то кончати".

Любопытна также постоянно встрѣчающаяся въ тѣхъ же договорахъ статья о добычѣ и плѣнникахъ, взятыхъ другъ у друга, и о тѣхъ Москвитянахъ, которые или, ушедши изъ татарскаго плѣна, были задержаны въ Рязани, или проданы сюда Татарами. Въ договорѣ Олега съ Димитріемъ просто сказано, что добыча и Московскіе люди, захваченные Рязанцами во время Донскаго похода, должны быть выданы по общему суду, по исправѣ. Василій Дмитріевичъ, договариваясь съ Өедоромъ Ольговичемъ, ставитъ слѣдующее условіе: „А что отецъ твой Олегъ Ивановичъ воевалъ Коломну въ наше нелюбье и иная мѣста, что нашей отчинѣ, взято что на нятцѣхъ, то отдати, а чего не взято, того не взяти; а съ поручниковъ порука и цѣлованье свести: а что грабежъ тому погребъ. А что была рать отца моего Великаго князя Дмитрея Ивановича въ твоей вотчинѣ при твоемъ отци при В. к. Олегѣ Ивановичѣ, и брата моего княже Володимерова рать была и княже Романова Новосильскаго и князей Тарусскихъ, намъ отпустити полонъ весь; а что взято на полонянищѣхъ, а то намъ отдати; а поручника и цѣлованіе свести, а грабежу всему погребъ; или что будетъ въ моей отчинѣ того полону, коли была рать отца моего В. К. Дмитрея Ивановича на Скорнищевѣ у города и тотъ мой полонъ отпустити: а тобѣ такоже намъ полонъ отпустити весь и тотъ полонъ, что у Татарское рати ушолъ; а будетъ въ твоей отчинѣ тѣхъ людей, съ Дону которые шли, и тѣхъ ти всѣхъ отпустити". Почти тоже самое условіе повторяется въ договорѣ Василія Темнаго съ Иваномъ Өедоровичемъ; слѣдовательно оно никогда не было приведено въ исполненіе. Въ новомъ договорѣ есть прибавка относительно Татарскихъ плѣнни-

ковъ: „а тебѣ также В. к. Ивану нашъ полонъ весь отпустити, и тотъ полонъ, который будетъ у Татарской рати убѣглъ, или нынѣ изъ Татаръ кто побѣжитъ, которая рать будетъ насъ полонила“; и потомъ опять: „или тѣхъ людей, которые съ Дону шли, а будутъ въ вашей отчинѣ, и тѣхъ вамъ всѣхъ отпустити безъ хитрости“. Странно, что и въ 1447 г. все еще трактуютъ о плѣнникахъ 1380 года; подобное обстоятельство можно объяснить только буквальнымъ повтореніемъ разъ принятой формы [3]). Но Юрій Дмитріевичъ Галицкій не такъ памятливъ какъ его братъ и племянникъ; онъ требуетъ возвращенія того, что было къ нему ближе и по времени и по личнымъ интересамъ. „А что будетъ въ моей отчинѣ Егедѣева полону — обязывается Иванъ Ѳедоровичъ — коли былъ Егедѣй у Москвы, и кто будетъ того твоего полону запроваженъ и запроданъ въ моей отчинѣ, и которой буденъ слободенъ, тѣхъ ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти потомужъ цѣлованью безъ хитрости. Также и царевичъ Махмутъ-Хозя былъ у тебя въ Галичѣ ратью, и кто будетъ того твоего полону запроваженъ и запроданъ въ моей отчинѣ, и которой будетъ слободенъ, тѣхъ ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти потомужъ цѣлованью, безъ хитрости. А что если посылалъ свою рать съ твоимъ братанычемъ со княземъ съ Васильемъ, и воевали, и грабили, и полонъ имали: ино грабежу тому всему погребъ. А что полонъ твой Галичской въ моей отчинѣ у кого нибудетъ, или кто будетъ кого запровадилъ и запродалъ, и мнѣ тотъ твой полонъ весь велѣти собрати и отдать тобѣ по томужъ цѣлованью, безъ хитрости“. Иванъ III не вспоминаетъ о прежней добычѣ, потому что давно уже не было войнъ между Рязанью и Москвою; онъ только обязываетъ Рязанскаго князя добровольно выдавать со всѣмъ имуществомъ плѣнниковъ, которые уйдутъ отъ Татаръ въ Московское Княжество.

Всѣ договорныя граматы оканчиваются обычнымъ условіемъ: „А вывода ны и рубежа не замышляти. А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля.“

Отъ Рязанскихъ князей не дошло до насъ ни одного духовнаго завѣщанія, которое могло бы указать на характеръ княжескаго владѣнія. Но основываясь на аналогіи всѣхъ другихъ явленій, съ увѣренностію можно заключить, что въ Рязанскомъ княжествѣ также

[3]) Если только здѣсь дѣйствительно говорится о тѣхъ людяхъ, которые шли съ Дону въ 1380 г., а не въ другое время.

какъ въ Московскомъ существовало господство частнаго, личнаго права надъ государственными началами. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается договорною граматою 1496 года. Раздѣлъ братьевъ прежде всего установляется на благословеніи ихъ отца Василія Ивановича; между ними существуетъ владѣніе общее, отдѣльное и черезполосное: такъ они сообща владѣли городомъ Переяславлемъ; въ граматѣ читаемъ далѣе: „а что мое село Переславичи въ твоемъ удѣлѣ, а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы: и то село съ данью и съ судомъ и со всѣми пошлинами мое Великаго князя". Въ договорѣ вездѣ проглядываетъ воззрѣніе на княжество какъ на частную собственность князей. Эта договорная грамата особенно драгоцѣнна для насъ при разъясненіи сословныхъ и экономическихъ отношеній въ Рязанскомъ княжествѣ.

Боярское и вообще служилое сословіе въ Рязани въ главныхъ чертахъ своихъ немногимъ чѣмъ отличалось отъ Московскаго или Тверскаго. Оно также могло свободно переходить въ службу другихъ князей, какъ и вездѣ; это видно изъ всѣхъ договорныхъ граматъ съ Москвою; но въ нихъ не такъ ясно говорится о правѣ бояръ владѣть помѣстьями въ земляхъ чужаго князя, какъ напримѣръ условливаются между собою князья Московскіе и Тверскіе. Въ договорѣ Рязанскихъ князей права и обязанности служилыхъ людей опредѣляются такимъ образомъ: „А кто будетъ изъ твоихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей отчинѣ и мнѣ ихъ блюсти какъ своихъ, и отчинъ и купленныхъ земель у нихъ не отнимать". „А всякій пусть ѣдетъ (на войну) съ тѣмъ княземъ, которому служитъ, гдѣ бы не жилъ; а въ случаѣ осады города, кто въ немъ живетъ, пусть въ немъ и остается, исключая бояръ введеныхъ и путныхъ". Кромѣ своей главной обязанности, т. е. военной службы, боярское сословіе, какъ и въ Москвѣ, несетъ еще почетную службу при особѣ князя и сообразно съ нею дѣлится на различныя степени. Со второй половины XIV в. встрѣчаемъ здѣсь званія или вѣрнѣе должности: дядьки (воспитатель молодыхъ князей), окольничаго, стольника и чашника [4]. Бояре отправляли еще различныя должности по внутреннему управленію, какъ-то: намѣстниковъ, волостелей и судей, которыя давались имъ, какъ извѣстно, въ видѣ кормленія въ награду за военную службу. Младшая дружина или дѣти боярскіе

---

[4]) Акты Ист. №№ 2 и 36.

пользовались въ Рязани тѣми же главными правами какъ и бояре, т. е. правомъ получать земли и должности за свою службу и свободно отъѣзжать въ другое княжество. Эти люди по преимуществу составляли военную силу князя и отправляли службу на конѣ. Кампензе [5]) въ первой половинѣ XVI в. говоритъ, что въ Рязанскомъ княжествѣ считается до 15,000 конницы—число довольно умѣренное, если сравнить съ Москвою (30,000) и Тверью (40,000);—кромѣ того изъ простолюдиновъ во всякое время безъ труда можно набрать храброй пѣхоты вдвое или втрое болѣе означеннаго числа".

За недостаткомъ указаній трудно опредѣлить, какую именно роль играло боярское сословіе въ судьбахъ древняго Рязанскаго края. Вообще нѣтъ основанія утверждать, что это сословіе находилось здѣсь въ иныхъ отношеніяхъ къ народу и князьямъ, нежели въ Московскомъ и другихъ сѣверныхъ княжествахъ. Хотя въ нѣкоторыхъ граматахъ, жалованныхъ монастырямъ въ XIV и XV вв., встрѣчаются выраженія, которыхъ не находимъ въ другихъ мѣстахъ: но на нихъ нельзя основать какого либо важнаго заключенія. А именно: Въ извѣстной граматѣ Ольгову монастырю сказано: *„сгадавъ есмь съ* своими бояры" (слѣдуетъ девять именъ) [6]); потомъ въ граматѣ, жалованной Олегомъ Солотчинскому монастырю на село Ѳедорково, читаемъ: *„поговоря съ* зятемъ своимъ съ Иваномъ съ Мирославичемъ", и тоже самое въ граматѣ Ивана Ѳедоровича Солотчинскому монастырю на село Филипповичи: *„поговоря съ* дядею своимъ съ Григорьемъ съ Ивановичемъ" (сыномъ Ивана Мирославича) [7]). Въ первомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ епископъ Василій, духовный отецъ Олега; а во второмъ и третьемъ упоминаются только родственники Великаго князя; въ другихъ жалованныхъ граматахъ подобныхъ выраженій не встрѣчаемъ, и вообще здѣсь еще нѣтъ указанія на то, чтобы власть Рязанскихъ князей въ дѣлѣ внутренняго управленія болѣе, нежели въ Московскомъ княжествѣ, ограничивалась боярскимъ сословіемъ. По крайней мѣрѣ это навѣрное можно сказать объ эпохѣ Олега Ивановича и его ближайшихъ преемниковъ.

Теперь посмотримъ каково было вліяніе бояръ на внѣшнія событія княжества. Въ началѣ XIV в. измѣною нѣкоторыхъ бояръ Констан-

---

[5]) Библ. иностр. писат. Семенова стр. 63.

[6]) На это выраженіе, какъ невстрѣчающееся въ Московскихъ граматахъ, указано въ Ист. Р. Солов. IV. 198.

[7]) Акты Ист. I. №№ 2, 13 и 36.

тинъ Ярославичъ проигралъ битву и взятъ въ плѣнъ Даніиломъ Александровичемъ Московскимъ; а въ началѣ XVI измѣна главнаго совѣтника предала послѣдняго Рязанскаго князя въ руки Василія Ивановича. Но подобныя измѣны и боярскія крамолы находимъ почти во всѣхъ княжествахъ. Симеонъ Коробьинъ съ своею партіею имѣлъ уже передъ собою примѣръ Василія Румянца и его товарищей, которые въ 1392 г. помогли Василію Димитріевичу завладѣть Нижегородскимъ княжествомъ. Въ Рязани, какъ и вездѣ, при молодыхъ или слабыхъ князьяхъ являются иногда любимцы и совѣтники, которые преслѣдуютъ только личныя цѣли; но за то есть и другая, свѣтлая сторона въ исторической дѣятельности рязанскихъ бояръ: ихъ продолжительная, усердная служба въ борьбѣ съ внѣшними врагами Княжества, особенно въ славныя времена Олега. Въ ихъ пользу говоритъ уже то обстоятельство, что мы могли указать только на два и при томъ довольно темные для насъ случая измѣны. При всей бѣдности источниковъ трудно предположить, чтобы у лѣтописцевъ въ теченіе двухъ столѣтій (1301—1520 г.) ни разу не встрѣтилось извѣстіе о крамолахъ Рязанскихъ бояръ, если бы онѣ были довольно часты. Отъѣзды бояръ въ другія княжества, особенно въ Москву, безъ сомнѣнія случались нерѣдко. Мы можемъ привести только три примѣра: одинъ изъ предковъ Сунбуловыхъ перешелъ изъ Рязани въ Москву къ Василію Темному [8]); два брата Апраксины, происходившіе изъ рода Салахміровa, отъѣхали къ Ивану III [9]); Иванъ Ивановичъ Коробьинъ, братъ измѣнника Семеона, въ 1509 г. встрѣчается на службѣ Великаго князя Московскаго [10]).

Въ наказѣ Ивана III Агриппинѣ упоминаются еще сельскіе служилые люди: „за нежъ твоимъ людемъ служилымъ, бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и *сельскимъ* быти всѣмъ на моей службѣ“. Они то вѣроятно и составляли храбрую пѣхоту, о которой упоминаетъ Кампензе. За тѣмъ слѣдуетъ многочисленное сословіе княжескихъ слугъ, какъ вольныхъ, такъ и холопей со всѣми возможными подраздѣленіями по своимъ занятіямъ; въ граматахъ встрѣчаются: дьяки, казначеи, ключники, приставы, тіуны, доводчики, таможенники, даньщики, ямщики, боровщики, бобровники, бортники, закосники, неводщики, ловчане, рыболовы, гончары, конюхи, садовники, истопники, поѣздо-

---

8) Родосл. Сунбуловыхъ.

9) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. I. прим. 29.

10) Родосл. Коробьиныхъ.

вые, псари, ястребьи; подвозники медовые, мѣховые и кормовые. Уже одно перечисленіе этихъ подраздѣленій бросаетъ яркій свѣтъ на способъ внутренняго управленія, на составъ княжескаго двора, на доходы князя, его домашнее и сельское хозяйство и различные роды княжеской охоты.

Рядомъ съ служилымъ сословіемъ въ договорѣ 1496 г. упоминаются гости и черные люди; изъ послѣднихъ выдѣляется классъ тяглыхъ людей въ городѣ Переяславлѣ, которые кормятъ пословъ; нѣсколько далѣе эти тяглые люди названы кладежными. Въ наказѣ Ивана III находимъ обычное въ то время дѣленіе торговыхъ людей на лучшихъ, среднихъ и черныхъ: „а торговымъ людемъ *лутчимъ, и середнимъ и чернымъ* быти у тобя въ городѣ на Рязани". Между ремесленниками, жившими въ Переяславлѣ, одна изъ княжескихъ граматъ называетъ серебряниковъ и пищальниковъ. (Грам. Ивана Третнаго на постр. Златоуст. цер.). Въ договорѣ братьевъ особенно замѣчательно слѣдующее выраженіе: „а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ *и христіаномъ* межъ насъ вольнымъ воля"; слѣдовательно наравнѣ съ дружинниками въ Рязани имѣли право свободнаго перехода и сельскіе жители, чего не находимъ въ другихъ мѣстахъ [11]); впрочемъ это право оффиціально признавалось только въ предѣлахъ того же Рязанскаго княжества.

Духовенство Рязанское пользовалось всѣми обычными правами и доходами того времени, кромѣ того въ административномъ отношеніи оно, кажется, менѣе подчинено было свѣтской власти, нежели въ другихъ княжествахъ. Вотъ какое условіе относительно духовенства помѣщаютъ Рязанскіе князья въ своемъ договорѣ: „А что домъ великихъ мучениковъ Бориса и Глѣба и отца нашего Симеона Владыки въ нашей отчинѣ и волости и села и земли бортные и воды: и мнѣ (имя) князю во владычни волости и села и земли бортные и въ воды невступатися, а знаютъ владычни люди мою князя дань и ямъ, и городъ рубятъ; а судъ мой князя надъ владычними людьми въ душегубствѣ и въ разбоѣ и въ татьбѣ; а межъ моихъ людей и владычнихъ судъ и приставъ общій: а межъ владычныхъ людей владычень судъ. А что въ моей отчинѣ монастырскіе села и земли бортные и воды: и мнѣ князю въ то невступатися; а межъ своихъ людей монастыри судятъ сами, и приставъ ихъ за ихъ людьми."

Епископы Рязанскіе владѣли обширными помѣстьями, которыя

---

[11]) На эту особенность указалъ проф. Соловьевъ въ своей Ист. V. 234.

увеличивались иногда покупкою, а главнымъ образомъ вслѣдствіе частыхъ пожертвованій. Въ непосредственномъ завѣдываніи ихъ считались тѣ земли, которыя были жалованы князьями соборной церкви (дому) Бориса и Глѣба, какъ показываетъ большая часть жалованныхъ граматъ дошедшихъ до насъ. Число извѣстныхъ актовъ на имя Рязанскихъ владыкъ простирается до восьми. Вотъ ихъ содержаніе:

Въ 1303 г. В. князь Михаилъ Ярославичъ далъ святымъ мученикамъ (Борису и Глѣбу) и отцу своему владыкѣ Степану уѣздъ къ селу Владычню съ рѣзанкою и съ 60, съ винами, поличнымъ и съ правомъ бить боровъ въ своемъ уѣздѣ. Занежъ купля первыхъ владыкъ, а уѣздъ дали дѣди и прадѣди его“. Въ концѣ акта прибавлена слѣдующая любопытная подробность: *А князь Михаило стоялъ на Тысьъ; а владыка Степанъ тутъ же князя потчивалъ.*

Въ 1340 г. сынъ его Александръ Михайловичъ Пронскій далъ село Остромирское св. мученикамъ и отцу своему владыкѣ Григорію съ поличнымъ и пошлинами съ землю бортною, съ полями и пожнями, въ память своего дѣда Ярослава, бабки княгини Θеодоры и матери своей княгини Евдокіи.

Внукъ Александра Владиміръ Димитріевичъ лѣта... далъ владыкѣ Василію мѣсто на Дону съ поличнымъ и съ бобровыми гонами.

Другой внукъ знаменитый Олегъ Ивановичъ былъ особенно щедръ на пожертвованія духовенству. Лѣта... онъ далъ св. мученикамъ и владыкѣ Василію мѣсто на рѣкѣ Кишнѣ, „первыхъ владыкъ купля“. Въ другое время онъ пожаловалъ имъ еще Воинскій уѣздъ со всѣми обычными льготами.

Въ 1387 г. Олегъ придалъ въ домъ владыкѣ Θеогносту село свое Старое и Козлово съ бортнымъ угодьемъ.

Въ 1390 г. старецъ Іона Переславъ (имя Олега въ монашествѣ) пожаловалъ владыкѣ Θеогносту свою отчину Пришный островъ къ селу Вознесенскому.

Въ 1498 г. Θедоръ Васильевичъ Третной далъ владыкѣ Протасію земли противъ села Дѣднова [12]).

---

[12]) Содержаніе этихъ актовъ напечатано въ Іерар. Воздвиж. 48—51, за исключеніемъ послѣдняго, который мы нашли только въ Ряз. Дост. (См. выше, въ Географ. обозр.). Относительно первой граматы надобно замѣтить, что у г. Воздвиж. и въ Ряз. Дост. поставленъ годъ 1403-й; но это очевидная ошибка, потому что въ началѣ XV в. въ Рязани не было никакого В. князя Михаила Ярославича, между тѣмъ какъ въ началѣ XIV такой князь по всѣмъ даннымъ существовалъ.

Въ дѣлахъ церковнаго управленія епископамъ помогали десятильники, т. е. начальники десятинъ, на которыя въ старину дѣлились Русскія епископіи. Въ каждой десятинѣ находился особый десятильный дворъ для ихъ жительства, для производства судныхъ дѣлъ и для пріѣзда епископовъ [13]). Кромѣ многочисленнаго штата казначеевъ, ключниковъ и людей, занимавшихся письмоводствомъ, т. е. дьяковъ и подьяковъ, епископы имѣли еще собственныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ [14]). О доходахъ и повинностяхъ городскихъ церквей и причта даетъ намъ нѣкоторое понятіе слѣдующее мѣсто изъ граматы на построеніе Златоустинской церкви 1485 г. „Жалованья священнику 30 руб. да ржи и овса по 30 четвертей. А дьякону 15 руб. да ржи и овса по 15 четвертей; а Епископу съ нихъ дани не искать; никому до нихъ дѣла нѣтъ, мостовъ имъ не мостить, города и крѣпостей не дѣлать; а приходъ къ Златоусту серебреники всѣ да пищальники. Да къ томужъ храму дворовое мѣсто на улицѣ Волковой, гдѣ лавка, поставилъ торговой человѣкъ Иванъ Смолевъ изъ оброку на темьянъ, и на свѣщи и на вино служебное къ Ивану Златоусту. Да за Окою лугъ ужитня, идучи къ Пустынѣ на лѣво четыре десятины Буяновской“...

Монастыри въ Рязанскомъ княжествѣ щедро надѣлялись помѣстьями отъ членовъ княжеской фамиліи и частныхъ лицъ; ихъ земли были освобождены почти отъ всѣхъ повинностей и податей. Въ дарственныхъ граматахъ Рязанскихъ князей заключаются обыкновенно слѣдующія льготы: въ монастырскую околицу волостели, даньщики, ямьщики и другіе княжіе люди въѣзжать не имѣли права; земли имъ жалуются съ рѣзанкою, съ 60, съ винами и поличнымъ; въ нѣкоторыхъ граматахъ прибавленъ *татинъ рубль* и въ одной *безатшины*; крестьяне, которыхъ монастырь перезоветъ на свою землю, освобождались отъ податей на 5 или на 3 года, если изъ другаго княжества, и на 2 года, если изъ того же самаго. Большая часть древнихъ монастырскихъ актовъ, дошедшихъ до насъ, принадлежитъ Солотчинской обители. Они обнаруживаютъ, что не одна набожность со стороны частныхъ людей была побудительною причи-

---

13) О десятильникахъ въ Рязани упоминается не ранѣе 1545 г. (Ряз. Дост.), но они конечно существовали и прежде.

14) Въ разъѣжжей граматѣ 1498 г. говорится, что на розъѣздѣ были *владычни Бояре*. Въ 1520 г. встрѣчаемъ владычнаго боярскаго сына Якима Душиловскаго. Грам. Пискар. № 13.

ною къ отдачѣ въ монастырь своего имущества: многіе владѣльцы заранѣе отказывали свои помѣстья съ явнымъ намѣреніемъ пріобрѣсти себѣ безопасное пользованіе ими на остальное время жизни подъ защитою монастырскаго начальства. Такъ въ одной дарственной записи 1483 г. говорится: „Се азъ Настасья, Прокофьева жена Давыдовича, придала есми въ домъ Святѣй Богородицы Пречистой Рождества на Солодшу село свое Калялинское архимандриту съ братьею въ память по своемъ мужи и по себѣ по своемъ животѣ, а при своемъ животѣ то село еще мнѣ вѣдати самой". (Писк. № 5). Часть своихъ земель монастыри отдавали въ пожизненную аренду сосѣднимъ служилымъ людямъ: арендаторъ обязывался платить ежегодный денежный оброкъ. Въ 1512 г. нѣкто Степанъ Любавскій, вѣроятно боярскій сынъ, взялъ въ оброкъ у Солотчинскаго монастыря нѣкоторыя земли и покосы, съ обязательствомъ платить оброку по 5 алтынъ въ годъ и съ условіемъ „той земли и покосовъ не освоивать, ни продавать, ни по души дать, ни окняживать". (№ 12). Не только частные люди, но и самые князья брали на оброкъ деревни у монастырей. Въ 1502 г. Ѳедоръ Васильевичъ Третной взялъ у того же монастыря деревню Сильчино до своей смерти и обязался платить за нее по полтинѣ въ годъ (№ 9). Отдавая земли въ оброкъ, монахи избавляли себя отъ лишнихъ хозяйственныхъ хлопотъ, и выигрывали еще въ томъ отношеніи, что арендаторы удобряли землю и расчищали лѣса. Любавскій въ своей оброчной записи прямо говоритъ: „а что язъ Степанъ лѣсу распашу монастырьскаго, та земля монастырюжь". Подобные акты обыкновенно заключаемы были отъ имени архимандрита или игумена съ братьею. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто одной граматы: Братья Ѳенины бьютъ челомъ Солотчинскому архимандриту Досиѳею о помѣстьѣ, „и Орхимандритъ Досиѳей *поговоря съ братьею* пожаловалъ ихъ помѣстьемъ починкомъ Ройкинскою Поляною на рѣчки на Кратвенки" (№ 10) [15].

Въ Рязанскомъ княжествѣ, какъ и въ прочихъ, важною статьею въ дѣлѣ внутренняго управленія была судебная часть, которая вмѣстѣ съ податьми (дань и ямъ) составляла главный источникъ княже-

[15]) Приведенныя здѣсь черты монастырскаго владѣнія и управленія частію уже были указаны г. Лохвицкимъ: „Акты Рязанскіе и Воронежскіе". Моск. Вѣд. 1855 г. № 19.

скихъ доходовъ. Вотъ почему въ 1496 г. братья позаботились съ большими подробностями опредѣлить свои части въ судебныхъ доходахъ съ Переяславля, которымъ они владѣли вмѣстѣ. Въ городѣ находится большой намѣстникъ Великаго князя и третчикъ удѣльнаго. Въ душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ, случившимися на посадѣ между чьими бы то не было людьми, пристава даетъ намѣстникъ. Если случится тутъ же приставъ третчика, то онъ идетъ съ первымъ, отдаетъ отвѣтчика на поруки и ставитъ передъ намѣстникомъ; а если и не случится, то приставъ намѣстника одинъ идетъ къ намѣстнику, который въ такомъ случаѣ можетъ совершать судъ и безъ третчика; а третчикъ смотритъ своего прибытка, т. е. все таки получаетъ свою долю доходовъ. Такія отношенія между намѣстникомъ и третчикомъ существовали въ дѣлахъ, касавшихся гостей и черныхъ людей, исключая тяглыхъ, которые кормятъ пословъ. Если пріѣдутъ люди младшаго князя изъ его удѣла въ Переяславль и здѣсь случится у нихъ душегубство, разбой или татьба съ поличнымъ, то судъ надъ ними принадлежитъ вмѣстѣ намѣстнику и третчику, и приставъ послѣдняго не можетъ отдать ихъ на поруки безъ пристава перваго; удѣльный князь въ этомъ случаѣ не можетъ ихъ судить самъ. Если случится какое дѣло между людьми удѣльнаго князя въ городѣ или на посадѣ, кромѣ душегубства, разбоя и поличнаго, то ихъ судитъ его прикащикъ и докладываетъ ему; а если его не будетъ въ Переяславлѣ, то прикащикъ долженъ дожидаться, и не водить людей къ нему въ удѣлъ съ докладомъ. Если кто торговый человѣкъ или изъ людей младшаго князя пріѣдетъ въ Переяславль и протамжится, то пристава въ протаможьи даетъ одинъ намѣстникъ и судитъ его безъ третчика; изъ двухъ рублей протаможья намѣстникъ получаетъ четыре алтына; а третчику изъ нихъ нейдетъ ничего. Великій князь воленъ судить и казнить людей удѣльнаго во всѣхъ дѣлахъ; двѣ трети пошлины идетъ намѣстнику, а остальная третчику. Если кто будетъ жаловаться на третчика или на его тіуновъ и доводчиковъ, то ихъ судитъ самъ Великій князь. Въ остальныхъ мѣстахъ княжества судъ между жителями разныхъ удѣловъ общій, и судьи вольны избирать себѣ третьяго. Пошлинъ (съ бѣглыхъ) также какъ въ договорахъ съ Москвою, полагается съ холопа съ семьи два алтына, а съ одного алтынъ.

Между письменными памятниками Рязанской старины находится любопытный списокъ съ одной правой грамоты XV вѣка, которая очень наглядно знакомитъ насъ съ княжескимъ судопроизводствомъ въ Рязани.

Лѣта... Великій Князь Рязанскій Василій Ивановичъ творилъ судъ. Вмѣсто Давида, епископа Рязанскаго и Муромскаго, тягался его бояринъ Өедоръ Гавердовскій съ Василіемъ Александровичемъ о томъ, что Василій побилъ владычнихъ бобровъ въ рѣкѣ Пронѣ. Бобры эти проданы Борису и Глѣбу вмѣстѣ съ уѣздомъ, купленнымъ еще прежними епископами; придалъ ихъ Олегъ Ивановичъ владыкѣ Василію по старымъ граматамъ Великихъ князей.—Объ этихъ бобрахъ былъ судъ еще дядѣ Василія Александровича Семену Глѣбовичу при владыкѣ Сергіѣ. Судился Семенъ по слову Великихъ князей Өедора Ольговича и Ивана Владиміровича за то, что онъ косилъ сѣно по рѣчкѣ Шивесу и ставилъ дворы по Шевлягину селищу, гдѣ сидѣли Шевлягинъ отецъ, владыченъ бортникъ съ другими бортниками, и по Якимову (селицу) на владычней землѣ (Арсеньевской деревни), и за то, что онъ билъ бобры по рѣкѣ Пронѣ. Бояре, назначенные тогда судьями отъ князей, посмотрѣвъ въ старинные граматы, жалованныя Великими князьями: Ярославомъ, братомъ его Өедоромъ, сыномъ Михаиломъ Ярославичемъ, и Олегомъ Ивановичемъ, владыку Сергія и боярина его Михаила Ильина (отъ владыки намѣстника) оправдали; а Семена обвинили, и приговорили взять на немъ владыкѣ 80 гривенъ. Великій князь Василій Ивановичъ велѣлъ Василію (Александровичу) положить передъ собою граматы на тѣ бобры. По сроку, на третій день Василій передъ Княземъ сталъ, а граматъ не положилъ. И потому Василій князь, вмѣсто отца своего владыки Давида, боярина его Өедора оправдалъ, а Василія Александровича обвинилъ, и указалъ Владыкѣ вѣдати землю въ томъ уѣздѣ по старинѣ и бить бобры въ рѣкѣ Пронѣ отъ устья Рановой по Курино и по Толпинскую дорогу“ [16]).

А вотъ образчикъ одной купчей записи изъ временъ того же князя.

„Билъ челомъ Великому князю Василію Ивановичу Иванъ Селивановичь Корабья такими словами: купилъ я себѣ, Господинъ, у Васьки Чернѣева куплю его село Недоходовское съ нивами, пожнями, и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу потянуло изстари, *поколѣ Вась-*

---

[16]) Изъ Ряз. Дост. Мы не приводимъ здѣсь „Списокъ съ суднаго дѣла о грабежѣ и пожогѣ“, 1520 года (Пискаревъ. № 13): судъ производился Московскими боярами въ бывшемъ удѣлѣ Өедора Васильевича Третнаго. Этотъ памятникъ также представляетъ интересный документъ для исторіи судопроизводства въ древней Россіи.

ковъ серпъ и коса ходила. А мнѣ Господинъ, вѣдати потому же. Далъ я Васькѣ за то село пятнадцать рублей. А вотъ, Господинъ, Васько Чернѣевъ передъ тобою. Великій князь спросилъ Ваську: продалъ ли ты село свое Недоходовское Корабьѣ, и взялъ ли у него пятнадцать рублей? Васька Чернѣевъ отвѣчалъ такъ: продалъ я Господинъ Ивану Селивановичу Корабьѣ село свое Недоходовское съ нивами и пожнями и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу тянуло изстари поколѣ мой серпъ и коса ходила; а ему, Господинъ, вѣдати по тому же. А взялъ я у него пятнадцать рублей. Съ Великимъ княземъ были тогда бояре: Яковъ Ивановичь и Назарій Юрьевичь. На оборотѣ записи находится надпись: „князь Великій; а подъ нею внизу: „Ѳедосъ Кудимовъ“ (вѣроятно, княжескій дьякъ). Печать чернаго воску. (Писк. № 4).

Великія княгини Рязанскія, подобно Московскимъ, пользовались въ своихъ волостяхъ почти тѣми же владѣтельными правами какъ и самые князья, т. е. правомъ суда и дани, на что ясно указываютъ грамоты, жалованныя монастырямъ на различныя помѣстья. Такъ напримѣръ, Великая княгиня Анна жалуетъ Солотчинскому игумену Арсенію куплю свою село Чешуевское въ ея Романовской волости; при этомъ она избавляетъ людей, которыхъ перезоветъ Арсеній, отъ повинностей на 5 лѣтъ, и оставляетъ за монастыремъ резанку, вина, поличное и татинъ рубль. (№ 8). Судя по тѣмъ же граматамъ, Великія княгини имѣли у себя также разнообразный штатъ должностныхъ лицъ, т. е. бояръ, казначеевъ, дьяковъ, волостелей, ямщиковъ и пр. Онѣ основываютъ и берутъ подъ свое покровительство женскіе монастыри по преимуществу. Любопытна въ этомъ отношеніи другая грамата той же княгини: Софья Димитріевна, супруга Ѳедора Ольговича, нѣкогда пожаловала женскому Зачатейскому монастырю бортное угодье на Михайловой горѣ.“ „А шло съ тое вотчины въ Зачатью по пяти пудъ резанскихъ. „Великая княгиня Анна отдала это угодье въ вѣдѣніе Солотчинскаго игумна и братіи съ условіемъ, чтобы игуменъ давалъ къ Зачатью каждый годъ „на самъ праздникъ на Зачатье по осми пудъ резанскихъ, а и рыбою подимать праздникъ игуменужъ.“ (№ 7). Замѣчательно слѣдующее мѣсто изъ одной судной грамоты 1508 г.; оно показываетъ, какъ В. княгини уважали распоряженія своихъ предшественницъ: княгиня Анна пожаловала Солотчинскому архимандриту Пахомію лѣсъ противъ Хоткиной Поляны на рѣкѣ Пилесѣ 7009 (1501) года Марта 27 дня. „И тоя граматы свекрови своей Анны княгиня Огрофена рушити невелѣла.“

(Ряз. Дост.). Касательно того, какъ велико было имущество княгинь, и какое участіе принимали онѣ въ раздѣлѣ наслѣдства по смерти Великихъ Князей Рязанскихъ, на это, кромѣ жалованныхъ граммать, указываетъ договоръ 1496 г., по которому Анна получала четверть доходовъ со всего княжества, не считая ея собственнаго имущества.

Со второй половины XIII в. намъ извѣстно семь Рязанскихъ княгинь: Во первыхъ, Анастасія, супруга св. Романа; потомъ Ѳеодора супруга Ярослава Романовича, и Евдокія, жена Михаила Ярославича. О нихъ мы знаемъ только по имени. Болѣе извѣстій имѣемъ о супругѣ Олега Ивановича Ефросиніи. За нею слѣдуютъ три знаменитыя княгини XV вѣка: Софья, Анна и Агриппина; двѣ послѣднія особенно играли видную роль въ послѣднюю эпоху Рязанской самостоятельности. Живымъ напоминаніемъ о благочестіи княгини Анны служитъ большая соборная пелена, щитая на тафтѣ разными шелками и золотомъ, съ изображеніемъ тайной вечери и съ надписью слѣдующаго содержанія: „Въ лѣто 6993 индикта 3 сей воздухъ созданъ бысть въ церковь Успенье Святой Богородицы въ градѣ Переяславлѣ Рязанскомъ замышленьемъ Благородныя и Благовѣрныя и Христолюбивыя Великія княгини Анны, и при ея сынѣ Благородномъ и Благовѣрномъ и Христолюбивомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Рязанскомъ, и при Епископѣ *Сѵмеонѣ* Рязанскомъ и Муромскомъ; а кончанъ сей воздухъ въ лѣто 94 Сентемврія 30 дня на память Святаго Священномученика Григорія Великаго Арменіи“ *).

Что касается вообще до степени образованности въ Рязанскомъ княжествѣ въ послѣднюю эпоху его самостоятельности, то мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи оно немногимъ чѣмъ отстало отъ центральныхъ Русскихъ областей. Извѣстно, въ какой тѣсной связи съ распространеніемъ христіанства находилось развитіе древнерусской цивилизаціи. Къ сожалѣнію у насъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы слѣдить за успѣхами христіанской проповѣди на Рязанской украйнѣ. Мы уже говорили, что въ началѣ XIV в. положено было начало христіанству въ Мещерѣ. Отъ XV в. до насъ дошло два извѣстія о крещеніи язычниковъ въ Рязанской области. Одна старинная рукопись разсказываетъ, что въ княженіе Василія Дмитріевича христіанская вѣра была водворена въ городѣ Мценскѣ, гдѣ находилось много язычниковъ. „Великій князь отправилъ туда войско, а

---

*) О воздухѣ 1486 года княгини Анны см. Крыжановскаго въ Губерн. Рязан. Вѣд. 1860 г. №№ 8 и 9. *Поздн. примѣч.*

Митрополитъ Фотій священника; язычники, устрашенные силою оружія и пораженные слѣпотою, послушались проповѣди, и жители какъ самаго города, такъ и его окрестностей были крещены". [17]). Этотъ фактъ довольно важенъ для насъ, хотя Мценскъ принадлежалъ къ Рязанской области, только взятой въ обширномъ смыслѣ; онъ бросаетъ свѣтъ на состояніе югозападной части княжества. Потомъ св. Іона, въ послѣдствіи Митрополитъ Московскій, во время управленія Рязанскою и Муромскою епископіею, крестилъ язычниковъ въ предѣлахъ своей паствы. Въ житіи его пишется: „и поставленъ бысть блаженный Іона епископъ градомъ Рязани и Мурому и многія тамо невѣрныя, къ Богу обративъ, крести". О томъ, какъ долго язычество и отчасти магометанство сохранялось въ восточной части княжества, можемъ судить по извѣстіямъ о крещеніи Мордвы въ концѣ XVI в., и по апостольскимъ подвигамъ Рязанскаго архіепископа Михаила, который въ XVII в. обращалъ Мордву и Татаръ въ уѣздахъ Шатскомъ и Тамбовскомъ, и подвиги свои запечатлѣлъ собственною кровью.

Послѣ религіи самое могущественное вліяніе на развитіе народнаго быта, какъ извѣстно, оказываетъ торговля. Торговая дѣятельность въ Рязанскомъ краю прежде всего обусловливалась его отношеніемъ къ воднымъ путямъ сообщенія въ древней Россіи. Ока съ давнихъ временъ была одною изъ главныхъ торговыхъ жилъ восточной Европы. Въ эпоху Домонгольскую по ней шелъ водный путь изъ Кіева въ Болгарію. Съ XIII в. направленіе торговыхъ путей нѣсколько измѣнилось. Съ упадкомъ матери Русскихъ городовъ и запустѣніемъ Южной Руси жизненныя силы народа отошли далѣе къ сѣверу и сосредоточились около береговъ Москвы; богатый Болгарскій край также пришелъ въ упадокъ, и роль посредницы между Русской и Азіатскою торговлею перешла на Золотую Орду. Рядомъ съ путемъ изъ Оки внизъ по Волгѣ существовалъ другой путь, изъ Оки внизъ по Дону. Послѣдній особенно оживился съ тѣхъ поръ, какъ мимо береговъ Чернаго и Азовскаго морей направилось главное движеніе Европейско-Азіатской торговли въ Средніе вѣка, и Приазовская Тана сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ этой торговли въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Такимъ образомъ вмѣсто прежняго движенія отъ сѣверовостока на югозападъ Русская торговля частію

[17]) Рус. Вивліоѳ. Полеваго стр. 361.

приняла новое направленіе: отъ сѣверозапада, т. е. отъ Новгорода, Твери и Москвы, къ юговостоку на Волгу и Донъ. Ока и при новомъ направленіи сохранила свое прежнее посредствующее значеніе. Волжская дорога не имѣла для Рязани такой важности какъ путь по Дону, отчасти по ея значительному уклоненію на сѣверъ, отчасти потому, что съ Окою вступала въ соперничество Клязьма, которая сокращала переѣздъ отъ Москвы до Волги. Кромѣ того для сѣверной Россіи существовала еще третья вѣтвь Волжскаго пути—верхнее теченіе самой Волги.

Между Окою и Дономъ, по указанію источниковъ, существовали двѣ главныя дороги: западная сухопутная и восточная водная съ небольшою переволокою. Послѣдняя довольно подробно описывается въ наказѣ Ивана III къ Агриппинѣ: „А ѣхать ему Якунькѣ съ посломъ Турецкимъ отъ Старой Рязани вверхъ Пронею, а отъ той рѣки Прони по Рановой, а изъ Рановой Хуптою вверхъ до Переволоки, до Рясского поля“. Переѣхавъ небольшое пространство по Рясскому полю, путники снова садились на суда, и по рѣкамъ Рясѣ и Воронежу спускались на Донъ. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы этотъ путь служилъ проводникомъ торговаго движенія, и такія рѣчки, какъ Хупта и Ряса, по своему мелководію не могли носить большихъ судовъ, нагруженныхъ товарами; но при обиліи лѣсовъ онѣ безъ сомнѣнія были гораздо полноводнѣе тогда, нежели въ настоящее время; а весною и осенью были судоходны во всякомъ случаѣ. Незабудемъ при этомъ, что къ свитѣ восточныхъ пословъ обыкновенно присоединялись купцы съ своими товарами; очень могло быть, что и Турецкаго посла въ 1502 г. также сопровождалъ торговый караванъ. Другая дорога отъ Оки до Дона обозначена въ извѣстномъ „хожденіи Пимена“. Изъ Переяславля Рязанскаго путешественники отправились на югъ сухимъ путемъ; суда везли за ними на колесахъ и спустили ихъ опять на воду гдѣ-то въ верхнемъ теченіи Дона. На тотъ же путь намекаетъ свидѣтельство Герберштейна: „Здѣсь (у Донкова) купцы, отправляющіеся (конечно изъ Московіи) въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда; что обыкновенно дѣлаютъ осенью въ дождливое время года, потому что въ другое время Танаисъ въ этихъ мѣстахъ по мелководію не можетъ поднимать нагруженныхъ судовъ“. „Ѣдущіе изъ Московіи въ Азовъ сухимъ путемъ—говоритъ Герберштейнъ нѣсколько ниже—переправляются черезъ Танаисъ около Донкова, стариннаго и разрушеннаго города; а отсюда направляютъ путь не-

много къ востоку“. Походъ Димитрія Ивановича въ 1380 г. къ устью Непрядвы также заставляетъ предполагать довольно хорошо извѣстный въ тѣ времена путь, соединявшій среднее теченіе Оки съ верховьями Дона. Кромѣ естественныхъ затрудненій прямая дорога въ Азовъ и Кафу представляла большія опасности отъ степныхъ обитателей; поэтому купцы дѣлали иногда объѣздъ на западъ по Литовскимъ владѣніямъ.

Болѣе подробностей мы знаемъ о сухопутномъ сообщеніи средней Россіи съ Прикаспійскими странами, благодаря запискамъ Контарини. Постоянная опасность при переѣздѣ черезъ степи заставляла Русскихъ и Татарскихъ купцовъ неиначе отваживаться на это долгое путешествіе, какъ присоединяясь къ свитѣ какого нибудь знатнаго посольства и собираясь въ значительномъ числѣ. „Ежегодно государь Цитраканскій, именуемый Казимомъ, пишетъ Контарини, отправляетъ посла своего въ Россію къ Великому князю не столько для денегъ, сколько для полученія какого либо подарка. Этому послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ Татарскихъ купцовъ съ Джедскими тканями, шолкомъ и другими товарами, которые они промѣниваютъ на мѣха, сѣдла, мечи и иныя необходимыя для нихъ вещи“. Караванъ, съ которымъ путешествовалъ самъ авторъ, состоялъ изъ 300 человѣкъ Русскихъ и Татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, для прокормленія своего на пути и для продажи въ Россіи. Изъ словъ путешественника выходитъ, что главною цѣлью каравановъ, отправлявшихся изъ Персіи, Бухаріи и Золотой Орды была Московія: но во первыхъ подъ Московіею здѣсь можно разумѣть всю сѣверную Россію; во вторыхъ, чтобы достигнуть Москвы, надобно было проходить по Рязанской области; слѣдовательно въ этой торговлѣ Русскихъ съ Востокомъ значительную долю участія принимали Рязанцы. Въ числѣ Русскихъ купцовъ, съ которыми Контарини познакомился въ Цитрахани очень могли быть и Рязанскіе торговцы. Впрочемъ въ русскихъ лѣтописяхъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что и въ Рязань приходили купцы съ татарскими послами; именно подъ 1397 г. читаемъ: „Тохтамышевъ посолъ Темиръ Хозя былъ на Рязани у Великаго князя Олега; а съ нимъ много Татаръ и коней и *гостей*“. (Ник. IV. 270). Кромѣ восточныхъ тканей, шелка, соли и многочисленныхъ конскихъ табуновъ Татары продавали Рязанцамъ большое количество плѣнниковъ; при чемъ послѣднимъ часто приходилось выкупать своихъ родственниковъ и земляковъ. Такъ въ разсказѣ о царевичѣ Мустафѣ

мы видѣли, что Татары вышли изъ Рязанской земли со множествомъ полону, потомъ остановились въ степи, и открыли торгъ, пославъ къ сосѣдямъ предложеніе выкупать плѣнныхъ; а Рязанцы незамедлили воспользоваться этимъ предложеніемъ. Статья о плѣнникахъ въ договорныхъ граматахъ съ Москвою также указываетъ на ту важную роль, какую они играли въ отношеніяхъ Рязанцевъ къ Татарамъ [18]).

Независимо отъ выгодъ, которыми пользовались жители Рязанской области въ слѣдствіе транзитной торговли и непосредственной мѣны съ восточными народами, этотъ край, изобилующій разнаго рода естественными произведеніями, самъ по себѣ привлекалъ много торговыхъ людей, которые приходили сюда для покупки меду, воску, хлѣба, рыбы, мѣховъ, кожи, сала и пр. Рѣка Москва служила проводникомъ торговой дѣятельности между Рязанью и сѣверозападными Русскими областями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что предпріимчивые Новогородцы вывозили отсюда сырые матеріалы и сбывали ихъ въ Западную Европу. О непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ между жителями Московскаго и Рязанскаго княжества свидѣтельствуютъ статьи о мытахъ и пошлинахъ, которыя постоянно включались въ договорныя граматы. „А мыты намъ держати старые пошлые, а новыхъ мытовъ намъ не замышлять, ни пошлинъ, а мытъ съ воза въ городахъ и всѣхъ пошлинъ деньга, а съ пѣшехода мыта нѣтъ; а тамги и всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга; а съ князей Великихъ лодьи пошлинъ нѣтъ“. Въ договорахъ Московскихъ князей съ Тверскими статья о мытахъ и пошлинахъ гораздо полнѣе, нежели въ договорахъ съ Рязанскими; вообще торговый классъ въ Рязани своимъ числомъ и предпріимчивостію повидимому далеко уступалъ тому же классу въ другихъ большихъ княжествахъ.

Между условіями, которыя стѣсняли развитіе торговой дѣятель-

---

18) Г. Макаровъ въ своемъ „Прост. Словот.“ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку, которая касается торговыхъ сношеній съ Татарами: „На большомъ Рязанскомъ трактѣ (изъ Рязани въ Тамбовъ) есть село Якимицы, гдѣ бываетъ препорядочная ярмарка, съ древнею памятью о Ярилѣ. Тутъ же прежде бывали, какъ говоритъ преданіе, еженедѣльные воскресные торги съ Татарами, которые иногда посѣщали и князья Рязанскіе съ княгинями и со всѣми чадами и домочадцами“. Чт. О. И. и Д. 1847 г. № 1.

ности, первое мѣсто занимало плохое состояніе безопасности. Не говоря уже о частыхъ войнахъ и Татарскихъ набѣгахъ, дороги и въ мирное время не были безопасны отъ разбойничьихъ шаекъ, которыя находили себѣ широкое приволье въ дремучихъ лѣсахъ посреди рѣдкаго населенія. О величинѣ подобныхъ шаекъ и страхѣ, который онѣ внушали, даетъ нѣкоторое понятіе путешествіе Пимена: Олегъ Ивановичъ, простившись съ Митрополитомъ, велѣлъ боярину Станиславу проводить его до рѣки Дона съ значительнымъ отрядомъ и на походѣ наблюдать большую осторожность отъ нападенія разбойниковъ. Изъ разсказа Контарини видно, что, только проѣхавши Переяславль Рязанскій, путешественники вздохнули свободно, потому что опасности миновались. Иванъ III, отправляя обратно Турецкаго посла въ началѣ XVI в., наказывалъ Агриппинѣ Рязанской, чтобы она дала ему провожатыхъ сотню и болѣе, да на сотню накинула бы десятка три своихъ казаковъ; кромѣ того деверь ея князь Θедоръ долженъ былъ отъ себя выставить еще 70 человѣкъ. Воспоминанія объ удалыхъ разбойникахъ до сихъ поръ въ полной силѣ живутъ между Рязанскимъ населеніемъ. Преданія народныя обыкновенно связываютъ съ ними курганы и остатки древнихъ укрѣпленій; между тѣмъ какъ на оборотъ, шайки грабителей не любили сосѣдства крѣпостей и укрывались въ лѣсныхъ трущобахъ.

Съ понятіемъ о разбойникахъ прежняго времени находится въ связи славное имя казаковъ. Всѣмъ извѣстно, что городовыхъ казаковъ не должно смѣшивать ни съ Донскими, ни съ Волжскими, ни съ Кайсаками извѣстными у Татаръ. Къ какому же разряду мы отнесемъ тѣхъ людей, которые подъ именемъ Рязанскихъ казаковъ являются въ битвѣ съ царевичемъ Мустафою подъ 1444 г.? Вооруженіе ихъ на этотъ разъ составляли копья, рогатины и сабли; по причинѣ глубокаго снѣга они дѣйствовали на лыжахъ. По всѣмъ признакамъ это было легкое войско, которое противуполагалось пѣшей рати. Другое извѣстіе о Рязанскихъ казакахъ находимъ въ наказѣ Ивана III. Изъ словъ: „на сотню десятка три *своихъ* казаковъ понакинь“, можно заключить, что эти люди принадлежали именно къ городовому (станичному) служилому сословію. Тутъ же, нѣсколько ниже, казаки противуполагаются лучшимъ ратнымъ людямъ: „и ты бы у перевоза десяти человѣкомъ ослободила нанявшись казакомъ, а не лучшимъ людямъ ратнымъ“. Далѣе Іоаннъ приказываетъ ратнымъ людямъ сопутствовать послу только до Рясской переволоки: „а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ *въ молодечество*,

ихъ бы ты Аграфена велѣла казнити". О какомъ же молодечествѣ говоритъ Іоаннъ, какъ не объ Донскихъ казакахъ? Эти два извѣстія, лѣтописи и наказа, подтверждаютъ то мнѣніе, что въ XV вѣкѣ съ одной стороны образуется въ Рязанскомъ княжествѣ особый классъ служилыхъ людей изъ передовой украинской стражи; а съ другой въ Придонскихъ степяхъ собирается вольница изъ русскихъ бѣглецовъ—разбойниковъ.

Намъ остается сказать два слова о Рязанскихъ памятникахъ словесности. Вопросъ о существованіи особаго рязанскаго лѣтописца остается еще не вполнѣ рѣшеннымъ. Всѣ наши поиски въ этомъ отношеніи приводятъ только къ тому предположенію, что существовали вѣроятно и рязанскіе списки лѣтописей, въ родѣ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, и что изъ этихъ то списковъ позднѣйшіе лѣтописные сборники заимствовали многія подробности о рязанскихъ событіяхъ, отличающіяся иногда удивительною точностію, но всегда болѣе или менѣе отрывочныя. Сказаніями Рязанскій край былъ также богатъ, какъ и другія части Россіи; только немногія изъ нихъ приведены въ извѣстность [19]). Оффиціальные акты княжества въ филологическомъ отношеніи мало отличаются отъ Московскихъ граматъ; укажемъ только на большую простоту оборотовъ и большую близость къ разговорной рѣчи. Въ послѣднемъ явленіи конечно отражается меньшее вліяніе книжнаго церковнославянскаго элемента на древнерязанскую грамотность.

---

[19]) Укажемъ при этомъ случаѣ на прекрасную легенду о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи, принадлежащую собственно Муромскому краю. (См. статью Ѳ. И. Буслаева въ Атенѣе 1858 г. № 30). Что касается до извѣстнаго „Повѣданія о побоищѣ Великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго", то представляется еще вопросъ, можно ли считать его памятникомъ собственно Рязанской словесности, хотя оно и приписывается Рязанцу іерею Софонію, и къ какому времени надобно отнести его составленіе? (Въ Тверск. лѣтописи говорится, что Софоній Рязанецъ былъ брянскій бояринъ. П. С. Р. Л. т. XV. 439).

ОБЪЯСНЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ

РОДОСЛОВНОЙ ТАБЛИЦЫ.

Не одна отрасль Рюрикова дома, кажется, не представляетъ такой сбивчивости и запутанности для историка, какъ потомство Ярослава Святославича Муромскаго, которое въ отношеніи многочисленности уступаетъ только потомству Владиміра Мономаха.

Причина темноты заключается въ недостаткѣ положительныхъ указаній; до самаго XIV столѣтія, составитель генеалогической таблицы долженъ бороться съ частыми пропусками и явными противорѣчіями лѣтописей и родословцевъ. Онъ начинаетъ отдыхать только въ XIV в. когда на помощь подоспѣютъ договорныя, жалованныя и прочія граматы, которыя въ дѣлѣ генеалогіи могутъ служить главнымъ источникомъ и повѣркою другихъ извѣстій. Предлагаемъ родословную Рязанскихъ князей, составленную по крайнему нашему разумѣнію. Въ Объясненіяхъ мы разбираемъ генеалогическіе вопросы только наиболѣе важные и вмѣстѣ наиболѣе запутанные, рѣшеніе которыхъ считаемъ однако возможнымъ на основаніи сохранившихся граматъ.

5 и 6 степ. Особенно не ясно и сбивчиво ближайшее потомство Игоря Глѣбовича: источники всѣ несогласны между собою въ этомъ случаѣ. Напр. сынъ Юрія Игоревича Ѳедоръ и внукъ Иванъ Постникъ въ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ не упоминаются; но объ нихъ говорится въ Родословной книгѣ (Времен. М. О. И. и Д. № 10); Ѳедоръ играетъ видную роль въ сказаніи о принесеніи Корсунской иконы и Батыевомъ нашествіи; надъ гробами его самого, супруги Евпраксіи и сына Ивана Постника по словамъ сказанія поставлены были въ XIII в. каменные кресты; а въ XVII они возобновлены съ слѣдующеею надписью: На 1-мъ крестѣ: РОГ (1665) іюня въ 1 день по ромотрѣнію (по разсмотрѣнію) лѣтописной книги". На 2-мъ: „поставилъ си кресты по обещанію столникъ князь никита григорьевичъ гагаринъ". На 3-мъ: на благовѣрныхъ князей резанскихъ, которыя

побиты отъ беззаконнаго царя батыя. (Объ этихъ крестахъ см. Ряз. Вѣд. 1844 г. № 39. и Ж. М. В. Д. 1848. Мартъ). Слѣдовательно въ существованіи упомянутыхъ князей не можетъ быть сомнѣнія.

Далѣе можетъ затруднить изслѣдователя Олегъ Красный. По нѣкоторымъ лѣтописямъ (напр. Троицкая П. С. Р. Л. I. 221.) и по словамъ сказанія онъ приходится братомъ В. князя Юрія; а по другимъ лѣтописямъ и по Родословной книгѣ племянникомъ; по однимъ источникамъ онъ былъ убитъ при нашествіи Татаръ, а по другимъ взятъ въ плѣнъ. Въ граматѣ Олега Ивановича, жалованной Ольгову монастырю (Ак. Ист. I. № 2) сказано: „коли ставили во первыхъ прадѣди наши святую Богородицю, князь Великій Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи“ и пр. Здѣсь Олегъ поставленъ на ряду съ Ингваремъ и Юріемъ, какъ съ братьями. Съ другой стороны въ Ник. л. подъ 1252 г. читаемъ: „пустиша татарове изъ орды князя Ольга рязанскаго Игоровича внука Игорева, правнука Глѣбова на свою его отчину;“ тоже самое въ Рязан. Дост. изъ какой то полууставной тетради и почти тоже въ П. С. Р. Л. V. 187. Въ сказаніи приведено подробное извѣстіе о погребеніи убитыхъ князей. Это извѣстіе достовѣрно, потому что гробницы князей долгое время существовали въ Рязанскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ; безъ сомнѣнія имена погребенныхъ не были тайною по крайней мѣрѣ ближайшему потомству, слѣдовательно и автору сказанія. Тамъ говорится, что останки Юрія Игоревича и брата его Олега, Ингварь положилъ въ одной ракѣ; а подлѣ нихъ въ другой ракѣ положилъ тѣла двухъ своихъ братьевъ Давида и Глѣба. Между тѣмъ, по указанію лѣтописей, племянникъ Юрія Игоревича Олегъ Ингваревичъ въ 1258 г. похороненъ въ церкви св. Спаса.—Такое противорѣчіе легко устраняется, если предположить, что было два Олега: одинъ братъ Юрія, дѣйствительно убитый Татарами въ 1237 г.; а другой племянникъ, который попался въ плѣнъ и въ послѣдствіи былъ В. княземъ Рязанскимъ. И тотъ и другой по отцу назывался Игоревичъ (Ингваревичъ въ сущности тоже что Игоревичъ); слѣдовательно не трудно было ихъ смѣшать и принять за одно лицо.

8 и 9 степ. Ярославъ сынъ Романа Св. и братъ В. князя Рязанскаго Ѳедора (приписка къ Рязанскому списку Кормчей книги), названный въ лѣтописи В. княземъ Пронскимъ (Ник. III. 94), былъ родоночальникомъ всѣхъ послѣдующихъ Великихъ князей Рязанскихъ и Пронскихъ. На это слѣдующія доказательства:

Въ одной правой грамотѣ 1340 г. (Ряз. Іерар. Воздвиж. 49. и Ряз.

Дост.) Александръ Михайловичъ Пронскій называетъ своего дѣда Ярославомъ Пронскимъ. Въ другой правой граматѣ второй половины XV вѣка (Ряз. Дост). между прочимъ сказано: „И бояре отъ князей судьи, взрѣвъ въ граматы старинные великихъ князей жалованны Ярослава и брата его Ѳедора и сына его Михаила Ярославича.“ Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (Ник. П. 170. П. С. Р. л. IV. 55) В. князь Рязанскій Коротополъ названъ братомъ (т. е. двоюроднымъ) убитаго имъ Александра Михайловича Пронскаго.

11 и 12 степ. Касательно вопроса, кто былъ отцемъ Олега Ивановича: Иванъ Коротополъ или Иванъ Александровичъ, мы уже имѣли случай изложить свое мнѣніе въ Ряз. Вѣд. 1856 г. № 31. Вотъ что мы тамъ говорили:

„Въ исторіи Рязанскаго княжества самою трудною и темною стороною для изслѣдователя представляется генеалогія князей. Наиболѣе запутанное мѣсто въ этой генеалогіи относится къ Олегу Ивановичу, знаменитому *измѣннику* въ борьбѣ Русскихъ съ Мамаемъ и сопернику Димитрія Донскаго.

А именно: Всѣ родословныя таблицы, лѣтописныя извѣстія и наконецъ всѣ Русскіе историки согласны въ томъ, что Олегъ Ивановичъ Рязанскій былъ сынъ Ивана Коротопола, того самаго, который убилъ Александра Михайлова Пронскаго въ 1340 г. Спустя два года, сынъ убитаго Александра Ярославъ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ въ Ордѣ и выгналъ самого Коротопола изъ Переяславля Рязанскаго. Подъ 1343 годомъ встрѣчается извѣстіе, что Коротополъ погибъ; но не знаемъ: гдѣ и какимъ образомъ. По смерти Ярослава Александровича въ Рязани княжилъ братъ его Василій Александровичъ [1]), который умеръ въ 1350 году. Послѣ того на Рязанскомъ княженіи мы встрѣчаемъ знаменитаго Олега Ивановича.

Исторіографъ при этомъ случаѣ объясняетъ переходъ Рязани [2]) во владѣніе прежней княжеской вѣтви предположеніемъ, которое впрочемъ приводитъ мимоходомъ, вскользь: „а наслѣдники его (Ярослава Пронскаго)—*кажется добровольно*—уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Коротопола Олегу“ [3]). Вообще относительно періода

---

[1]) Карам. Т. IV. Прим. 335.

[2]) Хотя въ Никон. лѣт. сказано: что „Ярославъ Пронскій сяде въ градѣ Ростиславлѣ Рязанскомъ“, но мы думаемъ нѣтъ ли здѣсь ошибки?, т. е. вмѣсто „Ростиславлѣ“ можетъ быть слѣдуетъ читать „Переяславлѣ“.

[3]) Карам. IV. 157.

между княженіемъ Коротопола и Олега мы видимъ явное замѣшательство въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, и, можно сказать, совершенное отсутствіе ясныхъ, вѣрныхъ указаній.

Теперь обратимся къ памятникамъ другаго рода, къ такимъ, которые для насъ имѣютъ гораздо большую степень достовѣрности,— мы говоримъ о граматахъ.

Жалованная грамата Рязанскаго Великаго князя Олега Ивановича Ольгову Монастырю [4]) начинается такими словами: „Милосердьемъ Божьимъ и молитвою Святое Богородици и молитвою *отця своего князя Великаго Ивана Олександровича* и благословеньемъ Василія Епискупа Рязанскаго и Муромскаго, язъ князь Великій Олегъ Ивановичъ“, и пр. Естественно рождается вопросъ, почему Олегъ называетъ своего отца Иваномъ Александровичемъ, между тѣмъ какъ по другимъ извѣстіямъ онъ былъ сынъ Ивана Ивановича Коротопола? Изъ приведенныхъ словъ Олега можно вывести заключеніе, что онъ принадлежитъ къ другой вѣтви княжескаго древа; но тутъ же чрезъ нѣсколько строкъ говорится: „коли ставили во первыхъ прадѣди наши Святую Богородицю, князь Великій Инъгваръ, князь Олегъ, князь Юрьи“, и проч. Если отъ Ингваря и сына его Олега Краснаго идти по прямой нисходящей линіи до Олега Ивановича, то послѣднимъ въ этой лѣствицѣ встрѣчается Иванъ Коротополъ. Такъ по крайней мѣрѣ показываютъ извѣстные намъ родословцы. Откуда же взялся Иванъ Александровичъ?

Обратимся къ договорнымъ граматамъ Рязанскихъ князей съ Московскими. Здѣсь въ числѣ Великихъ князей Рязанскихъ мы снова встрѣчаемъ тоже загадочное лицо и притомъ узнаемъ, что онъ дѣйствительно былъ ближайшій предшественникъ Олега Ивановича. Возмемъ договорную грамату Великаго князя Московскаго Василія Димитріевича съ Рязанскимъ Ѳедоромъ Ольговичемъ [5]) и читаемъ: „А что Володимерьское порубежье, а тому какъ было при нашихъ прадѣдѣхъ... и при твоемъ прадедѣ при великомъ князѣ Иванѣ Ярославичѣ, при твоемъ Дядѣ Иванѣ Ивановичѣ, и при твоемъ Дядѣ [6]) при Великомъ князѣ Иванѣ Александровичѣ и при твоемъ отцѣ Олегѣ Ивановичѣ“. Далѣе въ договорной граматѣ Великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича съ Юрьемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ

---

[4]) Акты Истор. т. 1, № 2.

[5]) Собран. грам. и Договор. т. I. № 36.

[6]) Ясно, что въ обоихъ случаяхъ вмѣсто дядѣ надобно читать дѣдѣ.

опять приводится таже родословная лѣствица [7]). Тоже самое перечисленіе предковъ опять повторяется въ договорѣ Великаго князя Московскаго Василія Темнаго съ тѣмъ же Иваномъ Ѳедоровичемъ [8]), и еще разъ въ договорныхъ граматахъ Іоанна III съ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ [9]). Московскіе князья начинаются всегда съ Ивана Даниловича Калиты, а Рязанскіе съ Ивана Ярославича. Иванъ Александровичъ слѣдуетъ непосредственно за Иваномъ Коротополомъ и предшествуетъ Олегу Ивановичу; замѣчательно при этомъ, что для потомковъ Олега онъ означаетъ всегда туже степень родства, какую и Коротополъ, т. е. оба они называются или дѣдами или прадѣдами. Въ этомъ отношеніи они соотвѣтствуютъ Симеону Ивановичу Гордому и брату его Ивану, Великимъ князьямъ Московскимъ, которыхъ имена приводятся въ тѣхъ же граматахъ съ обозначеніемъ той же степени родства въ отношеніи къ потомству Димитрія Донскаго. Однакоже, судя по отчеству, Коротополъ и Иванъ Александровичъ не могли быть родными братьями; но за то ничто не мѣшаетъ имъ быть двоюродными.

Конечно, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что до насъ дошли далеко не всѣ имена многовѣтвистаго древа Рязанскихъ князей; слѣдовательно нѣтъ причины отвергать, что у Ивана Ярославича былъ братъ Александръ, отецъ Ивана Александровича. По крайней мѣрѣ все убѣждаетъ насъ въ томъ, что послѣдній вмѣстѣ съ Коротополомъ принадлежалъ къ одной вѣтви, и былъ послѣ него Великимъ княземъ Рязанскимъ.

И такъ, относительно вопроса, кто былъ отецъ Олега Ивановича, мы смѣло объявляемъ себя на сторонѣ Ивана Александровича. Мнѣніе свое мы утверждаемъ главнымъ образомъ на словахъ самого Олега въ упомянутой граматѣ Ольгова монастыря. Одного этого свидѣтельства достаточно было бы для открытія истины; но къ счастію, какъ мы видѣли, у насъ есть и другія средства для соображенія. Договорныя граматы подтверждаютъ туже мысль. Авторы этихъ граматъ конечно лучше знали имена своихъ предковъ, нежели дошедшіе до насъ лѣтописцы, которые жили позднѣе ихъ, и притомъ именно лѣтописцы не Рязанскіе, а чуждые, т. е. принадлежавшіе другимъ княжествамъ, и упоминавшіе о Рязанскихъ событіяхъ

---

[7]) Ibid. № 48.

[8]) Ibid. № 65.

[9]) Ibid. № 115 и 116.

только мимоходомъ, довольно рѣдко. Наконецъ явное замѣшательство лѣтописныхъ извѣстій послѣ Коротопола заставляетъ насъ не довѣрять имъ въ этомъ случаѣ. Разумѣется, стоило ошибиться одному составителю лѣтописи или родословца, и его ошибка повторилась потомъ во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ. Такимъ образомъ и до насъ дошло мнѣніе, будто Олегъ Ивановичъ былъ сынъ Коротопола".

И въ настоящее время мы остаемся при томъ же главномъ выводѣ: Иванъ Александровичъ, а не Иванъ Коротополъ былъ отцемъ Олега Ивановича. Но болѣе подробное знакомство съ источниками, при послѣдовательномъ изученіи Рязанской исторіи, дало намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ прежнемъ разсужденіи.

1. Всѣ извѣстныя мнѣ лѣтописи нигдѣ не называютъ Олега сыномъ Коротопола; остается собственно родословная книга (Воскр. 243); но явныя ошибки и противорѣчія съ лѣтописями показываютъ, что этимъ источникомъ надобно пользоваться весьма осторожно.

2. Нѣтъ нужды предполагать существованіе неизвѣстнаго Александра, брата Ивану Ярославичу, когда граматы открыли намъ, что Александръ Михайловичъ Пронскій былъ ему родной племянникъ и двоюродный братъ Коротополу (см. 8 и 9 ст.).

3. Въ лѣтописи (Ник. III 193) ошибочно вмѣсто Ивана Александровича названъ Великимъ княземъ Рязанскимъ Василій Александровичъ. Договорныя граматы, перечисляя В. князей Рязанскихъ послѣ Ивана Ярославича, не приводятъ совсѣмъ имени Василія Александровича; а лѣтопись не упоминаетъ объ Иванѣ Александровичѣ; и то, и другое лицо, только по разнымъ источникамъ, приходится ближайшимъ предшественникомъ Олега;—отсюда заключаемъ объ ихъ тождествѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Метрики литовской книга судныхъ дѣлъ № 6 листъ 137.

Записанье для памети нестанья слугъ и людей ку праву отъ князя Резаньского.—Ноября 15 день у суботу по светомъ Мартине 1553 года Индикта 7-го.

Панъ его милость казалъ про паметь записати, ижъ который рокъ заложенъ былъ Великому князю Резаньскому становити слугъ и людей своихъ Стоклишскихъ *), о бои и грабежи Бояръ Стоклишскихъ, то есть сего дня у суботу и онъ тыхъ слугъ и людей не поставилъ на тотъ рокъ, а Шимко Лаврыновичъ зъ братьею своею становилъ и намъ ся оповедалъ.

№ 2.

Въ этой же книгѣ, на листѣ 143 значится слѣдующее:

Жыдъ Берестейскій Аврамко Михалевичъ съ княземъ Великимъ Ивановичемъ Резанскимъ о сто и осмнадцать копъ грошей за долгъ отцу жида князя Резаньскаго винныхъ.

З росказанья Господарскаго Я Матей Войтеховичъ Яновича Воевода Витебскій, Маршалокъ Господара Короля Его милости Державца

*) „*Стоклишки*, мѣстечко, состоявшее въ Ковенскомъ Повѣтѣ Трокскаго Воеводства, съ принадлежавшими къ оному значительными селами, находилось въ числѣ казенныхъ старостствъ, въ Литвѣ, въ 15 и въ началѣ 16-го столѣтія называемыхъ Велико-княжескими Намѣстничествами, а въ 16 и въ началѣ 17-го столѣтія Державами“.

Волковыскій и Мерецкій и Оболецкій, смотрели есьмо того дела, стояли передъ нами очевисте, жаловалъ передъ нами Жыдъ Берестейскій на имя Аврамко Михалевичь на князя Великаго Ивановича Резаньского тымъ обычаемъ, штожъ дей онъ бралъ у небощыка отца моего Михеля отласы, сукна и иншыи речы, а за то осталъ виненъ сто и осмнадцать копъ грошей, и платити не хочеть, на штожъ и листъ его записный у себѣ мамъ, который жо листъ князя Резанского Аврамко передъ нами покладалъ, у которомъ листе князь Резаньскій пишеть вызнаваючы, ижъ осталъ виненъ Михелю Езофовичу жыду сто и осмнадцать копъ грошей за атласы и за сукна за иншыи речы и мелъ ихъ ему заплатити. И князь Резаньскій поведилъ: правда естъ ижъ есьми у небожчыка Михеля отца его бралъ отласы ку своей потребе, взялъ есьми одного атласу синего на золоте шестнадцать, а зеленого отласу на золотѣ двадцать и два локти, а порпуръяну девять локоть и перстенцы за девять копъ и заплатилъ есьми ему воскомъ, пенязьми, коньми осьмдесять копъ грошей; а тотъ листъ, который Аврамко покладаетъ, не подъ моею печатью, але правда естъ самъ знаю ижъ подъ печатью слуги моего которая въ него въ Берести згинула, а вшакже хотя въ того листы не моя печать а имя мое написано, нехай Аврамко Жыдъ на томъ прысягнеть чого буду я отцу его недоплатилъ, и я хочу ему заплатити; и Аврамко Михелевичь рекъ: Ты княже Резаньскій передъ многими людьми добрыми врадники и дворяны Господарскими самъ добровольне не одинъ разъ сознавалъ ижъ тую суму пенезей сто 18 копъ грошей отцу моему осталъ виненъ, и мелъ еси мне натотъ листъ платити, итожъ есьми готовъ то на тебе с тыми то людьми добрыми перевести. И мы князя Резаньского пытали, передъ кимъ онъ тую осмдесять копъ грошей небожчику Михелю заплатилъ, маетъ ли его квиту на то у себе, а котораго бы часу платилъ; и князь Резаньскіи поведилъ: Былъ у мене слуга который ему отъ мене тую осмдесятъ копъ грошей платилъ, нижли тотъ слуга отъ мене отказался и служылъ Пану Есетафею Дашкевичу, и тамъ его Татарове взяли, а часу того которого ему заплата ся становила не могу успаметати, а квиты тежъ отъ его на то у себе не маю. И мы речей з обу сторонъ выслухавшы поведили есмо то Господару его милости, и Господаръ его милость вырокомъ своимъ Господарскимъ рачылъ такъ знайти: гдыжъ князь Резанскій знаетъ што въ Михеля небожчыка отласы на золотѣ и сукна и перстенцы бралъ, и поведаетъ осмъдесятъ копъ грошей заплатилъ; а квиты его на то у себе не маеть,

а часу тежъ оное заплаты не помнить, ани слуги того который кажеть заплату чынилъ передъ нами не поставилъ его милости виделося ажъ тотъ жыдъ Аврамко на томъ маеть прысягнути ведлугъ обычая права своего жыдовского и ведлугъ ихъ привилья яко въ статуте господарскомъ описуеть, а князь Резаньскій маетъ ему за его присягою тую суму заплати, и мы рокъ присязе положыли четвертый день для Жыда въ понеделокъ, вилею светого Мартина въ Школе Жидовской в Троцехъ на томъ присяга, ижъ князь Резаньскій осталъ виненъ отцу его Михелю сто и осмнадцать копъ грошей, а на тотъ свой листъ ничого незаплатилъ, и для того послали есмо Дворанина Господарского Ивана Бокея и тое присяги казали есмо ему пригледати, ино натотъ рокъ Аврамко Жыдъ у Троцекъ былъ и готовъ былъ на томъ присягнути, и в Школе ся становилъ, и Доктору своему Жыдовскому аповедался записалъ, и враду земскому станье свое оповедалъ, и потомужъ записалъ, и князя Резаньского ждалъ, нижели князь Резаньскій самъ не былъ, и его на присягу, игды вжо они отъ толь с Троковъ ехали, передъ вечеромъ близко поткали слугу князя Резьньского который имъ мовилъ ижъ едеть того жыда присяги пригледати, и мы и тое Господару Его Милости поведили, и Его Милость Господаръ очевисте передъ княземъ Резаньскимъ в томъ Аврамка жыда правого знашолъ, и тую суму сто копъ грошей 18 копъ грошей ему на нимъ усказалъ и мы подлугъ знайденья и выроку Господарского роки той заплате положыли, отъ Светого Мартина сту копамъ грошей рокъ дванадцать недель, а осмнадцатьма копамъ четыре недели, то есть шестнадцать недель ведлугъ Статутъ; а при томъ были Панъ Янъ Скиндеръ, ПанъМихновичъ, Панъ Жарскій, Дворане Господарскими. Писанъ у Вильни, подъ Летъ Божьею Нароженья тысяча пятсотъ тридцать третего, месяца Ноября одинадцатый день, Индиктъ седьмой.

№. 3.

Метрики литовской въ книгѣ записей подъ № 38, на листѣ 257, значится слѣдующее:

Листъ писаный до Державцы Стоклишского и до ревизора, Андрею Ольшевскому, зоставуючи его при держанью службы людей и пяти земль пустовскихъ у Державе Стоклишской до Ласки Господарское.

Жыкгимонтъ Августъ Божью Милостью Король Польскій, Великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ и прочая и прочая и прочая. Секретару Нашому Державцы Стоклишскому Войту Виленскому Авкгуштыку Ротунде, а Ревизору Нашому Двора Стоклишского Авраму Кунчевичу. Билъ намъ чоломъ Бояринъ нашъ Стоклишскій *Андрей Стефановичъ Ольшевскій* и поведилъ передъ нами ажъ князь Иванъ Ивановичъ Резанскій, державчы з ласки Короля его Милости и Великаго князя Светое и Славное памяти Жыкгимонта. Пока Отца нашаго, на выхованье свое дворъ нашъ Стоклишскій, далъ былъ отцу его *слузе своему Степану Крукову* *), несколько службъ людей и земль пустовскихъ того двора Стоклишскаго, *нижли потомъ по смерти князя Резанского* Его Королевская Милость стое прычыны ижъ князь Иванъ Рязаньскій кромъ воли и ведомости Его Милости Господарское, не могъ никому людей и земель тамошнихъ раздовати, тые люди иземли воного Стефана Крукова отца его, взяти и до двора Стоклишскаго привернути росказати рачылъ, а напротивъ того далъ ему на поживенье до воли и ласки Его Милости въ той же волости Стоклишской, человѣка одну службу а пять земль пустовскихъ, и росказалъ Его Милость, листъ Свой писати до Писара, Державцы Медницкаго и Стоклишскаго Пана Михайла Васильевича, абы обравши чоловека службу адну а пятъ земль пустовскихъ в то его увезалъ, за которымъ же дей листомъ короля Его Милости, оный Писар Его Милости Панъ Михайло Васильевичь, отца его Стефана у человѣка службу одну, Мартина Данюшевича, а пять земль пустовскихъ, на имя: у Риньголевщину, Яновщину, Довъяговщину, Юдевщину, а Корейковщину у везалъ и въ держанье ему ихъ подалъ, и на то ему листъ свой далъ, гдежъ тотъ Андрей Ольшевскій якъ оный листъ короля Его Милости Пана

---

*) Можетъ быть Крюкову, а не Крукову.

Отца нашего такъ тежъ и Пана Михайловъ увяжчый передъ нами покладалъ и поведилъ, ижъ того человѣка и пять земль пустовскихъ ажъ до сего часу 6 держанью и поживанью былъ, однож тепер ты Авраме Кунцевичу чынечы померу новую волочную тамъ Стоклишкахъ, того чоловѣка и пять земль в него взялъ и въ волоки Намы померались, а такъ билъ Намъ чоломъ оный Андрей Ольшевскій, Абыхмо Ласку и милосердіе Нашо Господарское вделали, а отъ того чоловѣка и пяти земль его отъдаляти невелели, и за се ему то водле Листу короля Его Милости Пана отца Нашого вернути, або за то отмену дати казали. И по ачъкольвекъ на того человѣка и земли никоторое вечности и доживотья тотъ Андрей Ольшевскій и отецъ его не мелъ, и зостали было прыволи Нашой в него то к рукамъ Нашымъ взяти, нижли нехотечы абы онъ жебреть и отъ хлеба корменья отдаленъ бытимелъ, только з самое Ласки Нашое Господарское, улитовавшые надъ нимъ подданнымъ Нашымъ, опять за сетого челоcвека и пять земль пустовскихъ, тому Боярину Нашому Стоклишскому Андрею Ольшевскому доволи и ласки нашое Господарское привoрочаемъ тымъ обычаемъ; будетъ ли онъ того всего за оною даниною короля его милости и подлугъ листу увяжчого Пана Михайла, ожъ до сего часу въ держанью былъ, и приказуемъ вамъ штобы есте якъ одного чоловека службу одну, такъ и тыхъ пять земль пустовскихъ на верху поименно меновите описанныхъ, будутъ ли еще у волокѣ Намы не померaны, а естли же померaны волокъ Намы, безъ того се обыйти и выполнити можетъ, в того Андрея Ольшевского не брали изъ селища его нерушали, пакъ лижбы тые земли его до кгрунту Нашого прилегли и безъ нихъ помера волокъ нашыхъ постановитися и волока выполнены быти не могуть, и вы бы за то отмену слушную и ровную, такъ много и таковымъ же кгрунтомъ яко въ него тыхъ земль взято будеть, тому Андрею Ольшевскому дали завели и ограничыли, нехай то онъ до воли и ласки нашое господарское держить, а с того намъ службу боярскую служитъ посполъ з ыншими бояры нашыми тамошними. Писанъ у Вильни, лета Божьего Нароженья 1560 мца Апреля шостого дня.

Въ этой же книгѣ, на листахъ 258 и 260, слѣдують привилегіи сего же короля, жалованныя Боярамъ: *Гафоновичу и Ехидовичу, бывшимъ слугамъ вышеозначеннаго князя Ив. Ив. Рязанскаго*, на 2-хъ людей и земли.

№№ 1, 2 и 3. Изъ бумагъ преосвященнаго архіепископа Рязанскаго Гавріила.

№ 4.

Списокъ съ жалованные грамоты Великого князя слово вслово.

Се азъ князь велики Иванъ Ивановичъ пожаловалъ есми Боярина своего михаила дмитриевича кобякова наместничеством ростиславским отъ неколина дня отъ вешнего а ведати ему наместничі пошлины по старине какъ ведали прежнія наши наместники пожаловалъ его есми Бояриномъ своим Федором Ивановичем Сунболомъ лета 7026.

На подлинной подписи нѣтъ; печать внизу на черномъ воску небольшая.

№ 5.

Списокъ Великого князя з жалованные грамоты.

Се азъ князь великіи Іванъ Ивановичь пожаловал есми григорья дмитріевича кобякова покрова святыя богородицы нищевскаго монастыря деревней молодинками что та деревня была за нашим сыном боярским за Темофеемъ за Павловым сыном Александрова снивами спожнями и со всем стемъ что втой деревни и старины потягло и давати ему стой деревни смолодинокъ кпокрову святыя богородицы в монастыр на нищеву згоду на годъ игумену збратьею по полутретцети алтына денегъ и кого ксебе призоветъ людей изъ зарубежья вту деревню жити и темъ людемъ ненадобе имъ моя великаго князя дань и ямъ никоторая тяги на десять лѣтъ а здешних людей неписменныхъ кого ксебе призоветъ и темъ людемъ ненадобе та моя великаго князя дань и ямъ никоторая тяглъ на пять летъ а волостель мой кнему воколицу не вьезжаетъ ни всылаит ни почто ни ямщикъ ни боровщикъ нибобровникъ незакотникъ а явка и вина и поличное изъ его околицы и волостилю моему неидет и платит рубль что учинитца тадба вьего околице промежи его людей а пожаловал есми его бояриномъ своим Федором Ивановичем Сунбулом лета 7027 июня 4 день.

А уподленной зади вверху написано князь велики, а внизу над печатью дьякъ андрей сушка васильевъ.

Печать небольшая на чорномъ воску.

№№ 4 и 5. Изъ Рязанскаго Архива Дворянскаго Депутатскаго Собранія.

ВЫВОДЫ.

I.

Городъ Рязань есть Черниговская колонія, основанная на финской землѣ. Рязанское княжество не имѣло сплошнаго славянскаго населенія; подобно Суздальскому оно обязано своимъ существованіемъ системѣ княжеской колонизаціи.

II.

Въ первой половинѣ XII в. Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ выдѣляется изъ Черниговско-Сѣверскаго удѣла и утверждается за родомъ Ярослава Святославича. Она становится метрополіею городовъ, расположенныхъ вверхъ по Окѣ до устья Лопасны и по Пронѣ. Славянскій и вмѣстѣ христіанскій элементъ населенія сосредоточивается въ центральной области Рязанскаго княжества, которая заключалась между Окою, Пронею и Осетромъ.

III.

Вторая половина XII вѣка для Рязани есть время борьбы съ Владимірскими князьями. Представителями этой борьбы являются съ одной стороны Всеволодъ III, съ другой Глѣбъ Ростиславичъ. Дробленіе княжества и внутреннія усобицы въ Рязани болѣе всего способствуютъ перевѣсу Суздальцевъ.

IV.

Съ начала XIV вѣка начинается борьба съ Москвою, какъ продолженіе борьбы съ Суздалемъ, при тѣхъ же неблагопріятныхъ

условіяхъ. Соперничество Пронскихъ князей съ Рязанскими помогаетъ Москвѣ упрочить свое вліяніе на дѣла Рязанскаго княжества.

V.

Послѣ разоренія города Рязани отъ Татаръ, его значеніе переходитъ на Переяславль Рязанскій.

VI.

Олегъ Ивановичъ сынъ Ивана Александровича, а не Ивана Коротопола. Пристрастіе Сѣверныхъ лѣтописцевъ подвергло эту личность многимъ незаслуженнымъ нареканіямъ.

VII.

Рязанское княжество во времена Олега достигаетъ своего наибольшаго развитія. Олегъ стремится создать особый центръ, около котораго могла бы собраться юговосточная Россія. Неблагопріятныя географическія и историческія условія препятствуютъ ему осуществить свои стремленія.

VIII.

Послѣ Олега исторія Рязанскаго княжества есть только постепенный переходъ отъ самостоятельности къ совершенному подчиненію Москвѣ. Московская политика такъ незамѣтно и неизбѣжно приготовила это подчиненіе, что оно совершилось почти безъ борьбы.

IX.

Въ образованности и матеріальномъ благосостояніи Рязанское княжество уступало Московскому и Тверскому; главною причиною того были невыгодныя географическія и этнографическія условія, особенно недостатокъ безопасности и долгое преобладаніе финно-турецкаго элемента надъ славянскимъ въ составѣ населенія.

X.

Въ формахъ быта древнерязанскій край вообще мало отличался отъ другихъ русскихъ областей. Замѣтна впрочемъ большая свобода въ отношеніяхъ сословій между собою и меньшее развитіе централизаціи сравнительно съ Московскимъ княжествомъ.

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ РЯЗАНСКИХЪ, МУРОМСКИХЪ И ПРОНСКИХЪ.

Степ.	
1.	ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ † 1129.
2.	Юрій † 1143 · Святославъ (отъ него Князья Муромскіе). † 1145 · Ростиславъ (отъ него Князья Рязанскіе и Пронскіе) † около 1155.
3.	Давидъ упом 1147. · Игорь упом. 1149. · Владиміръ. † 1161. · Андрей упом. 1147. · Глѣбъ † 1177. · Юрій (Х. упом. 1176.)
4	Юрій † 1174. · Романъ † ок. 1210. · Игорь † 1194 · Святославъ † ок. 1213 · Всеволодъ † 1207. · Владиміръ упом. 1186. · Ярославъ упом. 1198. Всеслава.
5.	Владиміръ † 1203. · Давидъ † 1228. · Юрій упом. 1196. · Ингварь † ок. 1122. · Романъ † 1217. · Глѣбъ † 1217. · Юрій † 1237. · Олегъ † 1237. · Святославъ † 1217. · Ростиславъ † 1217. · Киръ Михаилъ † 1217. · Глѣбъ упом. 1219. · Олегъ † 1208. · Константинъ упом 1241. · Изяславъ † 1217.
6.	Юрій упом. 1228. · Святославъ † 1228. · Ингварь † ок. 1252 · Давыдъ † 1237. · Глѣбъ † 1237. · Романъ † 1237. · Олегъ † 1258. · Өедоръ † 1237. Евпраксія · Всеволодъ † 1237. · Евстафій † 1264.
7.	Ярославъ упом. 1248. · Романъ † 1270 Анастасія. · Іоаннъ Постникъ † 1237.
8.	Өедоръ † 1294 · Ярославъ † 1299. Өеодора · Константинъ. † 1305.
9	Глѣбъ. · Іоаннъ † 1327. · Михаилъ † 1303. Евдокія · Василій † 1308.
10.	Іоаннъ Коротополъ † 1343. · Александръ † 1340.
	Василій † 1344. · Юрій упом. 1354 · Өедоръ упом. 1354.
11	Іоаннъ (отъ него собств. Рязанскіе). † 1350 · Ярославъ-Димитрій (отъ него Пронскіе). † 1344
12.	Андрей упом. 1380. · Олегъ † 1402 Евфросинія · Владиміръ † 1372.
13.	Өедоръ ок. † 1427. Софья д. Дим. Донскаго. · Родославъ † 1407. · Іоаннъ † ок. 1430. · Өедоръ. · Даніилъ упом. 1378
14.	Іоаннъ † 1456 · Василій † 1407. · Өедоръ · Іоаннъ Нелюбъ. · Андрей Сухорукій.
15.	Василій † 1483 Анна д. Вас Темнаго · Юрій. · Іоаннъ · Димитрій
16.	Іоаннъ † 1500 Агриппина Бабичъ · Өедоръ † 1503. · Глѣбъ. · Василій · Юрій · Іоаннъ · Өедоръ · Даніилъ
17.	Іоаннъ † 1534. · Іоаннъ Шемяка.

КАРТА
РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА
въ концѣ XV и началѣ XVI ст.
Столица.
Городъ.
Село
Монастыри
Коломна
Голутвинъ
Кашира
Ростиславль
Перевитскъ
Зарайскъ
Ростовецъ
Вѣневъ
Дѣдиловъ
Касимовъ
Переяславль
Ст. Рязань
Пронскъ
Донковъ
Елецъ
Тешевъ
Любуцкъ
Вакино
Ивачево
Глѣбово
Шумошь
Дубровичи
Казарь
Ижевское
Свинчусъ
Тырнов Слобода
Тереховъ
Шилово
Исады
Пластинова
Карабугано
Муньково
Жерновищи
Лучинское
Верхдерево
Куликово поле
Р. Москва
Р. Ока
Р. Цна
Р. Пра
Р. Проня
Р. Истья
Р. Верда
Р. Донъ
Быстрая Сосна
Красивая Меча
Непрядва
Мокша
Р. Унжа
Р. Гусь
Лѣсной Воронежъ
Польной Воронежъ
Станов. Ряса

ДВА БІОГРАФИЧЕСКИХЪ

ОЧЕРКА

ИЗЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА. *)

Екатерину Романовну Дашкову смѣло можно отнести къ замѣчательнымъ явленіямъ исторіи XVIII столѣтія. Русская женщина, такъ еще недавно ограниченная тѣснымъ семейнымъ кругомъ, выступаетъ въ ея лицѣ на поприще разнообразной общественной дѣятельности. Политика, администрація, литература находятъ въ ней одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей.

Мы не думаемъ, впрочемъ, искать въ княгинѣ Дашковой идеала, къ которому могла бы стремиться современная намъ русская женщина; не называемъ ея также первымъ въ нашей исторіи лицомъ, которое доказало права своего пола на участіе не въ одномъ только узкомъ семейномъ быту, но и въ дѣятельности чисто-общественной. Подобные характеры и у насъ, и въ другихъ мѣстахъ выступали наружу всегда, лишь-только обстоятельства позволяли имъ высказываться. Послѣ петровскихъ реформъ, въ періодѣ женскихъ царствованій, въ вѣкѣ Екатерины II такое явленіе, какъ княгиня Дашкова, неудивительно. Тѣмъ-неменѣе, оно во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго вниманія русской публики.

Цѣль предлагаемаго труда довольно простая. Мы желаемъ, по мѣрѣ силъ, способствовать знакомству публики съ замѣчательными личностями изъ русской исторіи XVIII столѣтія (серьёзная разработка котораго едва только начинается въ нашей литературѣ) и въ настоящемъ случаѣ намѣрены въ возможно-полномъ біографическомъ очеркѣ прослѣдить судьбы знаменитой женщины, какъ одного изъ

*) Отечествен. Записки. 1859. №№ 9, 10, 11 и 12.

представителей эпохи и какъ существа въ то же время весьма оригинальнаго, рѣзко отдѣляющагося отъ толпы особенностями своего характера.

Не беремъ на себя при этомъ слишкомъ-обширной задачи: представить сводъ всего, что́ было когда-либо сказано въ литературѣ о княгинѣ Дашковой, или со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть ея дѣятельность, ея частныя и общественныя отношенія. Содержаніе каждой исторической монографіи обусловливается болѣе всего суммою и характеромъ источниковъ, находящихся въ распоряженіи автора, и его собственною задачею. Мы же имѣли въ виду главнымъ образомъ воспользоваться тѣмъ богатствомъ матеріаловъ, которое заключается въ собственныхъ воспоминаніяхъ княгини, по-возможности дополняя ихъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, которые будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Русская публика могла уже отчасти познакомиться съ ними по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ „Москвитянинѣ“ 1842 и въ „Современникѣ“ 1845 годовъ.

I.

ЮНЫЕ ГОДЫ.

Происхожденіе.—Воспитаніе.—Характеръ.—Бракъ съ княземъ Дашковымъ.—Партіи при дворѣ Елизаветы.—Знакомство и дружба съ Екатериною.—Начало царствованія Петра III и удаленіе князя Дашкова.

Екатерина Романовна по своему происхожденію принадлежала къ роду Воронцовыхъ, который занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду нашихъ древнѣйшихъ фамилій. Около половины XVIII столѣтія представителями этой фамиліи были три брата: Романъ, Михаилъ и Иванъ. Наиболѣе извѣстенъ между ними средній, Михаилъ Иларіоновичъ, который, будучи камер-юнкеромъ Елизаветы Петровны, принималъ дѣятельное участіе въ возведеніи ея на престолъ; онъ женился потомъ на двоюродной сестрѣ императрицы (Аннѣ Карловнѣ Скавронской) и въ качествѣ вице-канцлера занялъ видное мѣсто въ числѣ государственныхъ людей того времени. Впрочемъ, по мягкости характера и недостатку дипломатической опытности, вліяніе его на дѣла было незначительно, пока великимъ канцлеромъ оставался Бестужевъ-Рюминъ, который не благоволилъ къ своему товарищу и одинъ заправлялъ политикою Петербургскаго кабинета. Въ 1758 году, когда Бестужевъ былъ удаленъ, графъ Воронцовъ заступилъ его мѣсто. Графскій титулъ получилъ онъ отъ императора германскаго Карла VII (1744 г.) и, не имѣя потомковъ мужескаго пола, исходатайствовалъ такой же титулъ для своихъ братьевъ отъ императора Франца I (1760 г.). Старшій братъ, сенаторъ Романъ Иларіоновичъ, самъ по себѣ ничѣмъ особенно незамѣчательный, былъ отцомъ нашей героини.

Екатерина Романовна родилась 17 Марта 1743 года [1]), въ Петербургѣ. Императрица Елизавета Петровна и наслѣдникъ престола,

---

[1]) Хотя сама она относитъ свое рожденіе къ 1744 году; но мы слѣдуемъ другому, болѣе точному указанію. См. „Родосл. Кн.“, изд. кн. Долгоруковымъ.

Петръ Өедоровичъ, были ея воспріемниками отъ купели. Спустя два года, малютка лишилась матери [2]) и была отвезена въ деревню къ бабушкѣ; но вице-канцлеръ пожелалъ взять маленькую племянницу къ себѣ на воспитаніе. Романъ Иларіоновичъ въ то время былъ еще довольно молодъ; онъ любилъ удовольствія, велъ разсѣянную жизнь и мало заботился о своихъ дѣтяхъ: поэтому предложеніе брата съ его стороны было принято очень охотно и четырехлѣтняя дѣвочка изъ деревни, отъ нѣжныхъ попеченій бабушки, перешла въ домъ дяди, одинъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Петербурга. Здѣсь она росла и воспитывалась вмѣстѣ съ Анной Михайловной, дочерью вице-канцлера. Подруги жили въ одной комнатѣ, одѣвались въ одинаковыя платья, брали уроки у однихъ и тѣхъ же учителей. Общее воспитаніе, однако, не сблизило двоюродныхъ сестеръ: въ ихъ умѣ и характерахъ оказалось большое несходство, такъ-что впослѣдствіи онѣ сдѣлались довольно чужды другъ другу.

Изъ собственнаго своего семейства Екатерина подружилась только съ старшимъ братомъ Александромъ. Онъ одинъ оставался при отцѣ и часто имѣлъ случай видѣться съ маленькою сестрою. Младшій ея братъ, Семенъ, жилъ въ деревнѣ у дѣда, и потому очень рѣдко съ нею встрѣчался. Еще рѣже видала она старшихъ сестеръ своихъ, Марью и Елизавету, которыя были отличены милостью императрицы и уже въ дѣтскомъ возрастѣ взяты ко двору въ качествѣ фрейлинъ. Екатерина также постоянно пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Елизаветы Петровны. Императрица рѣдкую недѣлю не заѣзжала къ вице-канцлеру и не оставалась у него обѣдать, или ужинать. Тутъ она ласкала свою маленькую крестницу; садясь за

[2]) О ней мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что Марөа Ивановна Воронцова, урожденная Сурмина, была женщина кроткая, добрая, находилась въ большой дружбѣ съ Елизаветою Петровной до вступленія ея на престолъ и нерѣдко ссужала деньгами расточительную, но небогатую принцессу. Извѣстно также, что между придворными дамами императрицы Анны она славилась своею красотою и умѣньемъ хорошо танцовать. Мистрисъ Брадфордъ, издательница записокъ, разсказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ, слышанный ею отъ самой княгини Дашковой. Анна Іоанновна желала однажды посмотрѣть русскую пляску и приказала четыремъ изъ первыхъ придворныхъ красавицъ исполнить ее въ своемъ присутствіи. Мать Екатерины Романовны была въ числѣ четырехъ. Напрасно дамы старались показать себя достойными выбора: онѣ такъ конфузились и такъ трепетали отъ строгихъ взглядовъ государыни, что потеряли всякое присутствіе духа, перепутали фигуры и остановились въ нерѣшимости.

столъ, обыкновенно брала ее къ себѣ на колѣни и кормила, а когда дѣвочка стала подростать, то сажала рядомъ съ собою.

Самая важная задача, которая представляется намъ теперь: опредѣлить, въ чемъ состояло воспитаніе нашей героини, какія условія окружали ея дѣтство и какой характеръ обнаружила она въ молодые годы? На подобные вопросы Екатерина Романовна даетъ положительные отвѣты въ своихъ запискахъ. Приводимъ ихъ тѣмъ съ бо́льшею полнотою, что другихъ источниковъ для исторіи ея дѣтства мы не имѣемъ.

„Мой дядя (говоритъ она) ничего не жалѣлъ для того, чтобъ доставить своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей и дать превосходное, *по понятіямъ того времени, воспитаніе.* Мы учились четыремъ языкамъ: по-французски говорили бѣгло; одинъ статскій совѣтникъ давалъ намъ уроки итальянскаго языка, а г. Бектеевъ занимался съ нами по-русски, впрочемъ, тогда только, когда мы удостоивали его своимъ вниманіемъ (кромѣ того, учились по-нѣмецки). Въ танцахъ мы сдѣлали большіе успѣхи и нѣсколько умѣли рисовать. При такомъ модномъ, внѣшнемъ образованіи, кто бы могъ тогда усомниться въ совершенствѣ нашего воспитанія? Но что̀ было сдѣлано для того, чтобъ облагородить сердце и развить нашъ умъ? Рѣшительно ничего. Дядѣ было некогда, а тетка не имѣла для этого ни охоты, ни умѣнья.

„Въ моей натурѣ была значительная доля гордости, соединенная съ необыкновенною нѣжностью сердца, и я питала самое сильное желаніе, чтобъ всѣ окружавшіе любили меня съ такою же горячностью, съ какою и я ихъ любила. Это стремленіе до такой степени преобладало во мнѣ около тринадцатилѣтняго возраста, что я, тщетно стараясь пріобрѣсти расположеніе тѣхъ, къ которымъ влекло меня юное, восторженное сердце, вообразила наконецъ, будто бы не могу нигдѣ найдти сочувствія, а потому стала смотрѣть на себя, какъ на существо одинокое, покинутое всѣми.

„Въ такомъ странномъ настроеніи духа застигла меня болѣзнь, въ дѣйствительности, впрочемъ, оказавшая большую услугу моему умственному развитію. Это была корь. Около того времени вышелъ указъ, запрещавшій всякое сообщеніе между дворомъ и тѣми семействами, въ которыхъ появлялись прилипчивыя болѣзни (для предохраненія отъ заразы великаго князя Павла Петровича). Поэтому, при первыхъ признакахъ кори, меня отвезли въ деревню за 17 верстъ отъ Петербурга.

„Во время своего довольно продолжительнаго заточенія я оставалась подъ надзоромъ одной нѣмки и жены русскаго майора. Эти двѣ особы не отличались такими свойствами, которыя могли бы привязать меня къ нимъ. Притомъ же, болѣзнь, ослабивъ мое зрѣніе, препятствовала заниматься книгами; почему нѣсколько недѣль я была лишена и послѣдняго своего утѣшенія. Мѣсто прежней веселости и природной живости заступило глубокое уныніе; совершенное одиночество навѣвало на меня черныя мысли. Я сдѣлалась суровою, разсѣянною и молчаливою.

„Лишь только я получила возможность читать, какъ съ величайшимъ рвеніемъ принялась за книги; любимые писатели мои были: Бэль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ. Съ тѣхъ поръ я стала понимать, что время, проведенное въ уединеніи, не всегда бываетъ несносно; съ тѣхъ поръ, вмѣсто прежняго стремленія отъискивать сочувствіе у другихъ людей, я начала сосредоточиваться въ самой себѣ и старалась развивать въ особенности тѣ силы своего духа, которыя помогаютъ намъ стать выше обстоятельствъ. Братъ мой Александръ, еще прежде моего возвращенія въ Петербургъ, уѣхалъ въ Парижъ: такимъ образомъ, я лишилась его дорогаго общества, и грустила тѣмъ болѣе, что равнодушіе лицъ, окружавшихъ меня, составляло печальную противоположность съ нѣжнымъ вниманіемъ брата. Впрочемъ, я была спокойна и довольна посреди моихъ книгъ, развлекая себя музыкою, и чувствовала нѣкоторую неловкость только тогда, когда покидала свою комнату. Но продолжительное чтеніе, поглощавшее иногда цѣлыя ночи, и ненормальное состояніе духа, происходившее отъ такого напряженія, произвели у меня нервную слабость и болѣзненные припадки, что возбудило безпокойство моего почтеннаго дяди и вызвало даже участіе со стороны императрицы. Она поручила меня своему лейбъ-медику Бургаву. Послѣдній, вникнувъ въ болѣзнь, объявилъ, что организмъ мой еще не поврежденъ, и что симптомы, возбудившіе опасеніе моихъ друзей, произошли болѣе отъ разстройства душевнаго, чѣмъ отъ физическихъ причинъ. Вслѣдствіе такого отзыва, на меня со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы; ничто, однако, не заставило меня высказать истину, которую въ дѣйствительности я сама едва могла себѣ объяснить, и еслибъ она сдѣлалась извѣстною, то скорѣе могла навлечь на меня упреки родственниковъ, нежели пріобрѣсти ихъ сочувствіе. Раскрывая состояніе своего духа, пришлось бы указать и на ту гордость, на ту щекотливость, которыя заставили меня ис-

кать счастія въ самой себѣ, потому что романтическія грёзы моего воображенія не могли осуществиться. Я рѣшилась, поэтому, скрывать господствующія во мнѣ стремленія, и, между тѣмъ, какъ приписывала свою блѣдность слабости нервовъ и головнымъ болямъ, духъ мой, при постоянныхъ упражненіяхъ, пріобрѣталъ все болѣе силы и крѣпости.

„Съ дѣтскихъ лѣтъ политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я надоѣдала своимъ любопытствомъ всѣмъ иностранцамъ, художникамъ, ученымъ и посланникамъ, посѣщавшимъ домъ моего дяди. Я распрашивала каждаго изъ нихъ о его отечествѣ, о формѣ правленія и законахъ. Сравненія, къ которымъ приводили меня ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать; но въ то время у меня еще не было на столько мужества, чтобъ предпринять такой трудъ. Между тѣмъ мрачныя предчувствія заботъ и разочарованій—обыкновенные спутники нѣжныхъ темпераментовъ—рисовали передо мной мое будущее, и я содрогалась при созерцаніи тѣхъ бѣдствій, съ которыми была бы не въ силахъ бороться.

„Г. Шуваловъ, любимецъ Елизаветы, *очень желавшій прослыть меценатомъ своего времени*, узналъ отъ нѣкоторыхъ ученыхъ посѣтителей моего дяди *(которымъ онъ покровительствовалъ ради собственной славы)*, что я страстно люблю чтеніе: онъ тотчасъ предложилъ снабжать меня всѣми литературными новостями, которыя постоянно получалъ изъ Франціи. Для меня эта любезность послужила источникомъ большаго удовольствія, въ особенности на слѣдующій годъ, когда я жила въ Москвѣ послѣ своей свадьбы: въ московскихъ книжныхъ лавкахъ нашлось немного книгъ, еще непрочитанныхъ мною, или ненаходившихся въ моей собственной библіотекѣ, которая заключала въ себѣ около 900 томовъ. На покупку книгъ уходили почти всѣ мои карманныя деньги. Въ тотъ годъ я пріобрѣла энциклопедію и словарь Морери; никогда самые изящные и дорогіе предметы роскоши не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, которое я чувствовала отъ этого пріобрѣтенія. Привязанность къ брату Александру подала мнѣ поводъ завести съ нимъ дѣятельную переписку, продолжавшуюся во все время пребыванія его за границей. Два раза въ мѣсяцъ я посылала ему извѣстіе о всѣхъ новостяхъ, которыя до меня доходили относительно двора, города и войска, и, хорошъ, или дуренъ былъ мой слогъ впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, характеръ его образовался при помощи дневника, который я вела для любимаго брата“.

Вотъ почти все, что говоритъ Екатерина Романовна о своемъ воспитаніи. Читая этотъ отрывокъ, никакъ не должно забывать, что онъ принадлежитъ къ воспоминаніямъ шестидесятилѣтней женщины; слѣдовательно, многія важныя обстоятельства утратили свой настоящій свѣтъ, а другія, по разнымъ причинамъ, пройдены молчаніемъ; нельзя также принять на вѣру и ту степень развитія въ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая здѣсь изображается. Тѣмъ не менѣе, общій характеръ воспитанія, безспорно, очерченъ у нея близко къ дѣйствительности.

Итакъ, блестящее по тому времени, но очень поверхностное и чисто свѣтское образованіе, которое Екатерина Романовна получила въ домѣ своего дяди, очевидно не удовлетворяетъ ея не по лѣтамъ серьёзнаго ума и пылкаго сердца: ее рано начинаетъ томить жажда знанія и жажда симпатіи. Послѣдняя дѣйствуетъ особенно сильно, потому что утолить ее бываетъ иногда гораздо труднѣе: знанія еще можно добыть изъ книгъ, а сочувствія надобно отыскивать у живыхъ людей. Но равнодушіе окружающихъ и непониманье сердечныхъ движеній дѣвочки даютъ сильный толчокъ ея самолюбію. Чувство оскорбленной гордости и сознаніе своего умственнаго превосходства надъ ними заставляютъ ее сосредоточиться въ самой себѣ; одиночество во время болѣзни много способствуетъ этому сосредоточенію, усиливая дѣятельность и безъ того живаго воображенія. А, между тѣмъ, чтеніе, къ которому она пристрастилась до крайности—и преимущественно чтеніе философскихъ книгъ—быстро развиваетъ ея умъ, помогая ей стать выше многихъ мелочей и предразсудковъ современнаго общества.

Далѣе, очень важное вліяніе на характеръ дѣвушки имѣла вообще свобода, которою она пользовалась: съ тринадцатилѣтняго возраста Екатерина Романовна избавилась отъ надзора гувернантки и относительно дальнѣйшаго образованія была предоставлена самой себѣ. Она занималась только тѣмъ, что ей нравилось, то-есть читала все, что попадалось подъ руку, много размышляла, выѣзжала только туда, гдѣ ей не было скучно, и мало по малу привыкла въ своемъ образѣ жизни не подчиняться никакой посторонней волѣ. Самовоспитаніе, конечно, развило въ ней стремленіе къ самостоятельности, которая послѣ нерѣдко переходила въ крайнюю оригинальность. Было еще одно обстоятельство, по всей вѣроятности, имѣвшее также значительное вліяніе на характеръ Екатерины Романовны Воронцовой: она не могла похвалиться блестящею наруж-

ностью. Ея умная, выразительная физіономія отличалась слишкомъ мужественными чертами; ея живыя, немного рѣзкія манеры, при небольшомъ ростѣ, заключали въ себѣ мало граціи. А кому неизвѣстно, что дѣвушка гордая, съ пылкимъ воображеніемъ и впечатлительною натурою, но не одаренная красотою внѣшнихъ формъ, лишенная, къ тому же, материнскихъ попеченій, по большей части развивается очень быстро и рѣдко пріобрѣтаетъ мягкое, ровное настроеніе духа. Мало обращая на себя ласковое вниманіе окружающихъ людей, она рано начинаетъ досадовать на ихъ холодность и скорбѣть о своемъ одиночествѣ, особенно подлѣ сверстницъ, очень недалекихъ по уму, но одаренныхъ болѣе привлекательною наружностью. Въ такомъ отношеніи, кажется, находилась Екатерина Романовна къ дочери вице-канцлера и къ другимъ юнымъ красавицамъ высшаго петербургскаго общества.

Наконецъ, господствующій интересъ въ домѣ дяди, то-есть политика, сильно дѣйствуетъ на впечатлительную натуру нашей героини и даетъ ея помысламъ довольно опредѣленное направленіе. Еще въ дѣтствѣ, по замѣчанію мистриссъ Брадфордъ, она роется въ старыхъ дипломатическихъ бумагахъ своего дяди, слѣдитъ за сношеніями русскаго двора съ иностранными и находитъ въ этомъ большое удовольствіе. Въ душѣ молодой, восторженной дѣвушки мало по малу зажигается неугасимый огонь честолюбія; у нея является сильное желаніе играть историческую роль—желаніе, впрочемъ, довольно естественное по тому времени. Не забудемъ, что Екатерина Романовна жила въ томъ періодѣ нашей исторіи, который преимущественно характеризуется женскими царствованіями въ Россіи и цѣлымъ рядомъ государственныхъ переворотовъ въ Петербургѣ. Это было золотое время для интригъ всякаго рода. Ловкій, предпріимчивый человѣкъ, съ порядочнымъ запасомъ честолюбія, очутившись въ средѣ политическихъ и придворныхъ интересовъ, особенно, когда страсти бывали сильно возбуждены, не могъ оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ борьбы и обыкновенно принималъ въ ней самое дѣятельное участіе.

Въ 1757 году вышли замужъ двѣ сестры Воронцовой, одна родная, другая двоюродная; а съ небольшимъ черезъ годъ устроилась свадьба и самой Екатерины Романовны. Замужство ея основано было на взаимной склонности и сопровождалось разными романтическими обстоятельствами: тутъ были и оригинальная встрѣча, и препятствія, которыя даютъ пищу нѣжному чувству. Но обратимся

къ подробностямъ и передадимъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ описываетъ сама героиня.

Лѣтомъ 1758 года [3]) дядя и тетка находились въ Царскомъ Селѣ при особѣ императрицы; а Екатерина Романовна одна оставалась въ городѣ, отчасти по нездоровью, но болѣе по склонности къ уединенію и литературнымъ занятіямъ. Дѣвушка почти не показывалась въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, за исключеніемъ итальянской оперы, и посѣщала только два коротко знакомыя семейства: княгини Голицыной и госпожи Самариной. Однажды она была въ гостяхъ у послѣдней и осталась ужинать. Въ назначенный часъ за нею пріѣхала карета; но такъ какъ былъ чудный, іюльскій вечеръ, и улица, въ которой жила Самарина, отличалась тишиною и уединенностью, то сестра хозяйки предложила гостьѣ проводить ее пѣшкомъ до угла. Та охотно согласилась. Едва дамы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ ними появилась высокая фигура какого-то гвардейскаго офицера. При неясномъ лунномъ свѣтѣ, воображенію дѣвушки представилось что то колоссальное; она вздрогнула и спросила свою спутницу, не знаетъ ли она, кто этотъ офицеръ. Тутъ въ первый разъ въ жизни ей пришлось услыхать фамилію князя *Дашкова*. Оказалось, что онъ былъ хорошо знакомъ съ семействомъ Самариныхъ; а потому завязался общій разговоръ, во время котораго вѣжливый, скромный тонъ молодаго человѣка расположилъ дѣвушку въ его пользу. Съ своей стороны и она успѣла заинтересовать статнаго офицера. Въ этой нечаянной встрѣчѣ и во взаимномъ благопріятномъ впечатлѣніи Екатерина Романовна видѣла всегда особенное дѣйствіе Провидѣнія, которое назначило ихъ другъ для друга. Познакомиться обыкновеннымъ образомъ не представлялось почти никакой возможности: князь былъ замѣшанъ въ какое-то непріятное дѣло, которое ставило преграду между имъ и семействомъ графа Воронцова. Но подобное затрудненіе, разумѣется, усилило только взаимную склонность. Михаилъ Ивановичъ Дашковъ вскорѣ почувствовалъ, что счастіе его жизни зависитъ отъ соединенія съ любимой женщиной, и, какъ только получилъ ея согласіе, попросилъ князя Голицына хлопотать за него у дяди и отца Екатерины Романовны. Опасенія оказались напрасными: семейство Во-

---

[3]) Въ запискахъ княгини Дашковой названъ 1759 годъ; но по нашимъ соображеніямъ, здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, у нея очевидная хронологическая ошибка.

ронцовыхъ, повидимому, не представило серьезныхъ препятствій богатому и знатному жениху. Князь изъявилъ желаніе, чтобъ это дѣло хранилось въ тайнѣ, пока онъ не привезетъ изъ Москвы благословеніе своей матери.

Однажды вечеромъ, незадолго до его отъѣзда, императрица Елизавета послѣ итальянской оперы заѣхала ужинать къ канцлеру, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Шувалова. Племянница хозяина нарочно оставалась дома, чтобъ принять дорогую гостью; князь Дашковъ находился подлѣ своей невѣсты. Государыня оказала самое благосклонное вниманіе молодымъ людямъ; она даже позвала ихъ въ другую комнату, гдѣ съ нѣжностью доброй, крестной матери объявила, что знаетъ объ ихъ тайнѣ и желаетъ имъ всевозможнаго счастія. Съ большою похвалою отозвалась она о сыновней почтительности князя, прибавивъ, что фельдмаршалъ Бутурлинъ уже получилъ приказаніе дать ему отпускъ въ Москву. Дѣвушка была очень тронута такимъ вниманіемъ и не могла скрыть своего волненія. Императрица, замѣтивъ смущеніе невѣсты, обняла ее и сказала: „Приди въ себя, мое милое дитя; иначе твои друзья подумаютъ, что я тебя разбранила".—„Никогда я не забуду этой сцены (съ умиленіемъ прибавляетъ авторъ записокъ); она навсегда привязала меня къ доброй государынѣ".

Мать князя Дашкова давно собиралась женить сына и уже приискала ему невѣсту. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало ей изъявить полное согласіе на его собственный выборъ. Молодые люди обвѣнчались очень тихо и отпраздновали свадьбу безъ всякихъ лишнихъ церемоній; вслѣдъ затѣмъ они отправились въ Москву. Здѣсь Екатерина Романовна очутилась совершенно въ другой сферѣ. Ее поразили новость отношеній и патріархальность московскихъ нравовъ. Родственники мужа были большею частію люди пожилые и хотя изъ любви къ князю показывали расположеніе молодой княгинѣ, однако нельзя было не замѣтить, что они предпочли бы встрѣтить въ ней природную москвитянку. Свекровь не говорила ни на какомъ иностранномъ языкѣ, а невѣстка на бѣду объяснялась очень дурно по-русски. Поэтому она рѣшилась прилежно заняться изученіемъ отечественнаго языка и такъ быстро успѣвала въ немъ, что заслужила громкое одобреніе со стороны почтенныхъ родственниковъ. Лѣто Дашковы провели въ деревнѣ; а въ февралѣ 1760 года они были обрадованы рожденіемъ дочери. Между тѣмъ, книги и музыка не теряли для молодой княгини своей прежней прелести. Такъ свѣтло и тихо было первое время ея замужства.

Въ этомъ разсказѣ довольно много поэзіи, но, кажется, мало искренности. Что за дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ князь? Какимъ образомъ сблизились молодые люди [4])?

Въ томъ же поэтическомъ тонѣ разсказываетъ княгиня Дашкова о дальнѣйшихъ отношеніяхъ своихъ къ мужу.

Когда срокъ отпуска кончился, молодая чета обратилась къ Роману Ларіоновичу съ просьбою похлопотать объ отсрочкѣ. Но тесть отвѣчалъ Дашкову, который служилъ капитаномъ въ Преображенской гвардіи, что шефъ полка, великій князь Петръ Ѳедоровичъ, желаетъ его видѣть въ Петербургѣ, а потому совѣтовалъ поспѣшить отъѣздомъ. Нужно замѣтить, что императрица Елизавета уже очевидно приближалась къ гробу, и большинство придворныхъ начинало заискивать благоволеніе у наслѣдника престола. Михаилъ Ивановичъ послушался тестя и немедленно отправился въ Петербургъ, къ немалому огорченію своей нѣжной супруги. Великій князь принялъ его очень благосклонно и часто приглашалъ въ Ораніенбаумъ на зимнія катанья. На этихъ катаньяхъ молодой человѣкъ сильно простудилъ горло. Едва оправившись, онъ взялъ новый отпускъ и, покинувъ Петербургъ, день и ночь скакалъ въ Москву. Но, приближаясь къ городу, князь опять почувствовалъ такое воспаленіе въ горлѣ, что не могъ почти говорить. Не желая испугать беременную жену, онъ велѣлъ ѣхать въ домъ своей тетки, Новосильцовой, и тамъ хотѣлъ подождать облегченія. Хозяйка тотчасъ уложила племянника въ постель и призвала доктора, который запретилъ больному покидать комнату. Но эта деликатная предосторожность едва не стоила жизни его слишкомъ смѣлой супругѣ.

---

[4]) Мы обращаемъ вниманіе на эту неискренность особенно потому, что существуетъ другое извѣстіе о бракѣ Дашковой, совсѣмъ непохожее на то, которое она сообщаетъ. Извѣстіе это повторяется у нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей и приведено также въ „Словарѣ“ Бантыша-Каменскаго. Въ первый разъ встрѣчается оно у Рюльера: „Однажды князь Дашковъ (разсказываетъ онъ), одинъ изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ кавалеровъ, слишкомъ свободно началъ говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой: она позвала канцлера и сказала ему: „Дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь, проситъ моей руки“. Не смѣя признаться первому сановнику имперіи, что слова его не заключали въ себѣ именно такого смысла, князь женился на племянницѣ канцлера, но тотчасъ же отослалъ ее въ Москву, гдѣ она провела два года.“ Извѣстіе, очевидно, невѣрное, и авторъ не знаетъ о прежнихъ отношеніяхъ двухъ фамилій между собою; однако, нѣтъ причины утверждать, что оно рѣшительно ни на чемъ не основано.

Подлѣ Екатерины Романовны въ тотъ вечеръ сидѣла свекровь съ своей сестрой, княгиней Гагариной; онѣ съ часу на часъ ожидали ея разрѣшенія. Какая то ветренная горничная, воспользовавшись минутою, когда молодая княгиня вышла изъ комнаты, скороговоркою сообщила ей, что Михаилъ Ивановичъ въ Москвѣ, у тетки, и строго запретилъ говорить о своемъ пріѣздѣ. Княгиня пришла въ неописанное волненіе, однакожъ употребила всѣ усилія скрыть его и начала увѣрять свекровь, что онѣ ошиблись въ разсчетѣ и что срокъ разрѣшенія не такъ близокъ, какъ полагали. Та повѣрила и вмѣстѣ съ сестрой пошла отдохнуть. Екатерина Романовна немедленно бѣжитъ къ повивальной бабушкѣ и упрашиваетъ ее идти съ нею въ домъ Новосильцовой. Старуха дико смотритъ на молодую женщину и думаетъ сначала, что она въ бреду, потомъ въ свою очередь уговариваетъ княгиню оставить такое безразсудное намѣреніе, но наконецъ сдается на ея мольбы, и онѣ отправляются въ сопровожденіи одного бѣднаго старика, проживавшаго въ домѣ свекрови. Когда стали сходить съ лѣстницы, больная почувствовала первыя муки. Спутники хотѣли отнести ее въ постель; но Екатерина Романовна энергически уцѣпилась руками за перила, и ни сила, ни угрозы не могли сдвинуть ее съ мѣста. Старуха опять уступила. Съ неимовѣрными усиліями молодая княгиня добрела до дому тетки, поднялась на лѣстницу и вошла въ комнату своего мужа. Увидавъ его блѣднаго, лежавшаго на постели, она безъ чувствъ упала на полъ. Въ такомъ состояніи слуги Новосильцовой отнесли ее домой. Здѣсь начались послѣднія муки. Больная призвала свекровь и черезъ часъ родила сына Михаила. Ночное похожденіе, впрочемъ, осталось тайною для старой княгини. Тотъ же старикъ потихоньку былъ посланъ къ супругу поздравить его съ новорожденнымъ сыномъ. Князь чрезвычайно обрадовался, бросилъ вѣстнику кошелекъ съ золотомъ и велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ; дождавшись утра, онъ сѣлъ въ экипажъ и молодцомъ подскакалъ къ дому своей матери. Та немного встревожилась, замѣтивъ его блѣдное лицо и обвязанное горло; она уложила сына въ постель по сосѣдству съ комнатою Екатерины Романовны, строго приказавъ имъ не говорить другъ съ другомъ и не подвергать себя никакому волненію. Больные въ этомъ случаѣ поступили, какъ страстно влюбленные молодые люди: они тайкомъ отъ матери завели нѣжную переписку, а роль Меркурія исполняла при нихъ старая сидѣлка. Послѣдняя, впрочемъ, не долго хранила тайну; тогда мать разсердилась

и грозила отнять у нихъ бумагу и чернила. Къ счастію, мужъ скоро оправился и былъ въ состояніи сидѣть у постели своей милой жены. Воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ, по собственному признанію княгини, было однимъ изъ самыхъ отрадныхъ ея воспоминаній.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, не безъ восторга Дашкова привѣтствовала родной Петербургъ, 28 іюня 1761 года, въ тотъ самый день, который, по замѣчанію Екатерины Романовны, „спустя 12 мѣсяцевъ сдѣлался столь славнымъ для нашего отечества". Молодые супруги, по приглашенію великаго князя, поселились на дачѣ близъ Ораніенбаума и сдѣлались членами того общества, которое составляло такъ называемый „молодой дворъ". Съ пріѣздомъ въ Петербургъ оканчивается періодъ тихихъ, исключительно-семейныхъ радостей, и для нашей героини открывается новая сфера дѣятельности. Зная главныя свойства ея характера, заранѣе можно было предсказать, что княгиня Дашкова не останется постороннимъ лицомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя готовились совершиться. Дѣйствительно мало-по-малу, сама того не замѣчая, она увлекается въ политическую интригу, и семейные интересы отходятъ на второй планъ. Кончина императрицы приближалась, и общее вниманіе устремилось на молодой дворъ; но отношенія великаго князя къ его супругѣ подавали поводъ къ сильнымъ опасеніямъ за спокойствіе будущаго царствованія.

Тутъ мы необходимо должны сдѣлать небольшое отступленіе къ вопросамъ, которые волновали тогда придворное общество.

Извѣстно участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ и непримиримая вражда Елизаветы къ Фридриху II. Это время сопровождалось жаркою борьбою партій при петербургскомъ дворѣ: австрійскій и французскій кабинеты всѣми силами старались увлечь Елизавету въ войну противъ Фридриха; а повѣренные Англіи и Пруссіи усердно работали надъ тѣмъ, чтобъ разрушить союзъ съ Австріею и, если можно, вооружить Русскихъ на защиту прусскаго короля. Денегъ на подкупы они не жалѣли. Русскій дворъ, поэтому, раздѣлился на двѣ партіи, и всѣ лица, сколько нибудь значительныя по своему оффиціальному или скрытому вліянію, приняли участіе во внѣшней политикѣ. Молодой дворъ постоянно держалъ сторону Пруссіи; на ту же сторону, вслѣдствіе подкупа, тянулъ и первый министръ, Бестужевъ. Но вліяніе Бестужева въ то время начинало ослабѣвать: оно переходило въ руки фаворита, И. И. Шувалова, который былъ рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи. Опираясь на личное нерасположеніе Елизаветы къ Фридриху, французско-австрійская партія взяла нако-

нецъ верхъ, и фельдмаршалу Апраксину дано повелѣніе выступить въ походъ. Тогда агенты короля, опять при помощи денегъ, стали употреблять всѣ усилія, чтобы замедлить походъ Русскихъ и выиграть время; имъ помогалъ Бестужевъ вмѣстѣ съ великою княгинею Екатериною. Лѣнивый, тяжелый на подъемъ Апраксинъ, пріятель Бестужева, не спѣшилъ походомъ и, живя въ Ригѣ, занимался болѣе своими удовольствіями, чѣмъ военными приготовленіями. Но, получивъ строгій приказъ отъ императрицы, онъ долженъ былъ перейдти съ 80,000 войскомъ изъ Лифляндіи въ Пруссію, восточныя границы которой оставались почти беззащитны. 30 іюня 1757 г. Мемель сдался Русскимъ на капитуляцію; а, спустя мѣсяцъ, генералъ Левальдъ былъ разбитъ ими при Грос-Эгерндорфѣ. Вмѣсто того, чтобъ идти въ самое сердце Пруссіи, Апраксинъ стянулъ свои войска и отступилъ въ Россію такъ поспѣшно, какъ будто бы онъ потерпѣлъ пораженіе. Въ русскихъ учебникахъ исторіи еще и теперь можно встрѣтить слѣдующее объясненіе этого факта: въ то время, когда императрица была опасно больна, великій канцлеръ, желая угодить наслѣднику престола, будто бы послалъ своему пріятелю совѣтъ пощадить прусскаго короля. Такое объясненіе очень натянуто, и причины отступленія, безъ сомнѣнія, были гораздо серьёзнѣе. Нѣкоторые иностранные источники раскрываютъ передъ нами существованіе обширнаго заговора, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ устранить отъ престола Петра Ѳедоровича и, объявивъ императоромъ маленькаго Павла, вручить регентство Екатеринѣ. Главными дѣйствующими лицами въ этой интригѣ были великая княгиня Екатерина и канцлеръ Бестужевъ. Заговорщики, разсчитывая на безнадежное состояніе Елизаветы, хотѣли имѣть у себя подъ руками многочисленную армію и преданнаго имъ фельдмаршала. Послѣдствія очень хорошо извѣстны. Когда императрица получила облегченіе отъ болѣзни, Апраксинъ былъ преданъ военному суду и вскорѣ умеръ; а въ февралѣ слѣдующаго 1758 года Бестужевъ сосланъ въ деревню, и мѣсто его заступилъ М. И. Воронцовъ. Великую княгиню также постигла опала; тётка даже запретила ей показываться въ своемъ присутствіи. Усиліямъ французско-австрійской партіи удалось вооружить и великаго князя противъ его супруги. Екатерина до сихъ поръ играла при дворѣ видную роль и, несмотря на многія семейныя неудовольствія, сохраняла еще нѣкоторое вліяніе на мужа; но послѣ ссылки Бестужева, она увидѣла себя почти всѣми оставленною и очутилась въ положеніи очень затруднительномъ. Однако ей удалось вскорѣ помириться съ

тёткою, благодаря помощи добродушнаго фаворита, который устроилъ ихъ свиданіе. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи англійскій посланникъ Кейтъ [5]):

Послѣ сильныхъ упрековъ съ одной стороны и горькихъ слезъ съ другой, великая княгиня упала на колѣни и обратилась съ слѣдующею просьбою къ императрицѣ: такъ какъ она имѣла несчастіе навлечь на себя немилость, будучи совершенно невинною, и подвергнуться слишкомъ чувствительнымъ оскорбленіямъ, то ей остается только просить объ одной милости—о позволеніи оставить Россію на всю остальную жизнь и удалиться къ своей матери; если же въ интересахъ имперіи великій князь долженъ взять другую супругу, то ни сама она и никто изъ ея фамиліи не будутъ дѣлать тому ни малѣйшаго препятствія. Императрица была очень тронута такимъ предложеніемъ, перемѣнила тонъ и отъ упрековъ перешла къ нѣжнымъ словамъ. Когда же Екатерина стала жаловаться на дурное обращеніе своего супруга, который присутствовалъ при этомъ свиданіи, то Елизавета сдѣлала ей знакъ молчанія и тихимъ голосомъ прибавила, что въ скоромъ времени хочетъ поговорить съ нею о томъ наединѣ.

За примиреніемъ съ императрицею послѣдовало примиреніе съ великимъ княземъ. Екатерина снова начала появляться въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ императрицы. Согласіе, однако, было непродолжительно. Интриги французской партіи разстроили его, и въ послѣдніе мѣсяцы своего царствованія Елизавета заставила великую княгиню испытать на себѣ всю тяжесть суровой опалы. Екатерина вела въ это время жизнь тихую, уединенную и, повидимому, не принимала болѣе никакого участія въ политикѣ петербургскаго кабинета; казалось, она совершенно покорилась своей судьбѣ. Но тотъ жестоко ошибался, кто думалъ, что она отреклась отъ надежды на русскую корону. Впослѣдствіи Екатерина II любила вспоминать о томъ, что, вступая въ Россію и еще не видавъ великаго князя, она уже сказала самой себѣ: „я буду здѣсь царствовать одна“. Узнавъ покороче своего супруга и современное ей русское общество, она поняла свое огромное превосходство надъ всѣмъ ее окружающимъ и съ неподражаемымъ искусствомъ пошла къ своей цѣли.

Въ то самое время, когда Екатерина казалась всѣми оставленною и покорившеюся своей судьбѣ, она умѣла возбудить къ себѣ много-

---

5) Депеша отъ 28 апрѣля 1758 года.

численныя симпатіи, найдти искреннихъ друзей и искусныхъ выполнителей ея плановъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними безспорно принадлежитъ княгинѣ Дашковой. Ея дядя и отецъ были ревностными приверженцами великаго князя, сестра ея Елизавета, пользовалась его исключительнымъ расположеніемъ; тѣмъ неменѣе, Екатерина Романовна, нимало не колеблясь, съ полнымъ увлеченіемъ приняла сторону великой княгини. Интересно было бы узнать, какимъ образомъ сблизились эти двѣ замѣчательныя женщины и какъ постепенно затягивался тотъ узелъ, который разрѣшился знаменитымъ переворотомъ 1762 года... Отношенія свои къ молодому двору и первые шаги на поприщѣ придворныхъ интригъ княгиня Дашкова, по обыкновенію, описываетъ живымъ, краснорѣчивымъ языкомъ, но несовсѣмъ искреннимъ и яснымъ. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, извлекаемъ изъ ея записокъ, по возможности, полное извѣстіе объ этомъ предметѣ.

Начало знакомства относится къ концу 1758 года.

Великая княгиня давно уже слышала о меньшой дочери Романа Воронцова, какъ о дѣвушкѣ очень умной и начитанной, которая болѣе всего любитъ проводить свое время за книгами, и, вѣроятно, ожидала только удобнаго случая, чтобъ узнать поближе эту оригинальную дѣвушку. Разъ великій князь Петръ Ѳедоровичъ, вмѣстѣ съ супругою, заѣхалъ въ домъ вице-канцлера и провелъ у него цѣлый вечеръ. Екатерина завязала очень живой, увлекательный разговоръ съ племянницею хозяина о предметахъ, наиболѣе ее интересовавшихъ, замѣтила мимоходомъ о томъ, какъ много наслышалась о ней хорошаго, и вообще ловко умѣла затронуть и безъ того щекотливое самолюбіе. „Въ то время“, говоритъ Екатерина Романовна „можно утвердительно сказать, что въ цѣлой имперіи не было двухъ женщинъ, которыя, подобно великой княгинѣ и мнѣ, серьёзно занимались бы чтеніемъ. Это была точка нашего соприкосновенія, и такъ какъ ея высочество обладала неотразимой прелестью въ обхожденіи съ тѣми, кому хотѣла понравиться, то легко представить, до какой степени она должна была увлечь меня, существо пятнадцатилѣтнее и необыкновенно впечатлительное.

„Въ этотъ достопамятный вечеръ великая княгиня почти исключительно обращалась ко мнѣ и очаровала меня своею бесѣдою. Я увидала въ ней женщину необыкновенныхъ дарованій, далеко превосходившую всѣхъ другихъ людей, словомъ—женщину совершенную. Вечеръ прошелъ быстро; но впечатлѣніе его было неизгладимо“.

Вотъ какимъ восторженнымъ языкомъ описываетъ она первое свое знакомство съ будущею императрицею!

Издательница „Записокъ“, мистриссъ Брадфордъ, прибавляетъ къ разсказу Дашковой еще одну подробность объ этомъ роковомъ вечерѣ. Собираясь домой, знаменитая гостья уронила свой вѣеръ, а Екатерина Романовна его подняла. Великая княгиня поцѣловала дѣвушку и попросила оставить у себя вѣеръ на память объ ихъ первой встрѣчѣ, выразивъ, при этомъ случаѣ, надежду, что первая встрѣча будетъ вмѣстѣ и началомъ ихъ неизмѣнной дружбы.

Дашковы, какъ мы сказали, по возвращеніи изъ Москвы, поселились на дачѣ близъ Ораніенбаума и сдѣлались членами того общества, которое составляло молодой дворъ. Въ обществѣ этомъ замѣтно было тогда сильное раздвоеніе. Между тѣмъ, какъ великій князь любилъ проводить время за стаканомъ пива или пуншу, посреди табачнаго дыма, окруженный, преимущественно, голштинскими офицерами, великая княгиня мало принимала участія въ забавахъ своего супруга: она старалась собирать около себя небольшой, избранный кружокъ, который умѣла занимать своею умною бесѣдою и другими изящными развлеченіями. Екатерина Романовна, конечно, не замедлила примкнуть къ ея кружку, а на вечерахъ у наслѣдника появлялась довольно рѣдко. Великій князь сначала показывалъ ей такую же благосклонность, какъ и всей фамиліи Воронцовыхъ, и, при первомъ свиданіи съ молодою четою, изъявилъ надежду видѣть ее у себя каждый день. Но скоро онъ замѣтилъ, что Дашкова гораздо болѣе дорожитъ обществомъ его супруги и оказываетъ ей рѣшительное предпочтеніе. Петръ не разъ выражалъ княгинѣ свое неудовольствіе на этотъ счетъ, но, впрочемъ не переставалъ питать къ ней добраго расположенія.

— Дитя мое! сказалъ онъ однажды съ свойственною ему откровенностью:—вамъ бы очень не мѣшало вспомнить, что гораздо лучше имѣть дѣло съ честными простаками, каковы я и ваша сестра (Елизавета), чѣмъ съ великими умниками, которые выжмутъ сокъ изъ апельсина, а корку выбросятъ вонъ.

Но подобныя замѣчанія выслушивались, обыкновенно, съ большимъ нетерпѣніемъ, и ничто не могло разсѣять обаянія привлекательной личности.

Императрица Елизавета проводила лѣто въ Петергофѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ находился всегда подъ ея личнымъ надзоромъ и жилъ отдѣльно отъ своихъ родителей. Матери позволено

было видѣть его только разъ въ недѣлю. Обыкновенно, послѣ такого визита, на возвратномъ пути изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, Екатерина заѣзжала за Дашковой и увозила ее къ себѣ на цѣлый вечеръ. Когда нездоровье, или другія обстоятельства мѣшали имъ часто видѣться, ея высочество писала княгинѣ нѣжныя посланія; та усердно отвѣчала, и, такимъ образомъ, между ними завязалась дружеская переписка. Къ изданію мемуаровъ Дашковой приложено двадцать пять писемъ Екатерины, которыя могутъ дать приблизительное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ друзей до іюньскихъ событій 1762 года.

Въ первое время главною точкою соприкосновенія служатъ литературные интересы. Друзья мѣняются книгами, замѣтками и собственными сочиненіями въ прозѣ и стихахъ. Послѣдніе, то есть стихи, относятся, впрочемъ, къ одной Екатеринѣ Романовнѣ, которая, какъ существо юное, восторженное, увлекается стремленіемъ къ поэтическому творчеству и свои нѣжныя чувства къ другу выражаетъ иногда стихами на русскомъ, или французскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, одно изъ ея посланій было украшено слѣдующимъ четверостишіемъ къ портрету великой княгини:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,
И, награждая всѣхъ, она насъ наградила [6]).

Вотъ какъ отвѣчала на эту любезность ея высочество:

„Какіе стихи, какая проза! и это въ семнадцать лѣтъ! Я прошу... нѣтъ, я умоляю васъ не пренебрегать такимъ рѣдкимъ талантомъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ я покажусь нѣсколько пристрастною, потому что, милая княгиня, вы меня самоё сдѣлали предметомъ вашего прекраснаго произведенія. Обвиняйте меня въ тщеславіи, въ чемъ угодно; но я должна сознаться, что не знаю, приходилось ли мнѣ когда нибудь читать такое правильное, поэтическое четверостишіе. Не менѣе цѣню я его, какъ доказательство вашей любви; я благодарю васъ и сердцемъ, и душой. Только заклинаю продолжать любить меня; будьте увѣрены, что моя теплая дружба всегда будетъ соотвѣтствовать вашимъ чувствамъ. Я съ наслажде-

---

[6]) Стихи эти впослѣдствіи помѣщены были въ первомъ томѣ „Собесѣдника Л. Р. С.“

ніемъ ожидаю тотъ день на будущей недѣлѣ, который вы обѣщали провести вмѣстѣ со мною, и надѣюсь, что это удовольствіе будетъ теперь повторяться чаще, такъ какъ дни становятся короче. Посылаю вамъ книгу, о которой говорила. Пожалуйста, никому не показывайте. Скажите князю, что я отвѣчаю ему такимъ же дружескимъ поклономъ, какимъ онъ привѣтствовалъ меня сегодня, проходя мимо моихъ оконъ. Ваше общее расположеніе меня глубоко трогаетъ“.

Далѣе изъ писемъ великой княгини видно, какъ, рядомъ съ литературными интересами и сердечными изліяніями, возбуждаются мало-по-малу вопросы политическіе.

„Вы ни слова не сказали въ вашемъ послѣднемъ письмѣ о моей рукописи“ говоритъ Екатерина. „Я, кажется, понимаю ваше молчаніе; но вы ошибаетесь, если думаете, что я опасалась довѣрить вамъ эту рукопись. Нѣтъ, милая княгиня, единственная причина замедленія была та, что я прежде хотѣла окончить статью, подъ заглавіемъ „Споръ между духовенствомъ и парламентомъ“. И хотя это сочиненіе собственно не стоило труда, но я желала привести въ порядокъ мысли, которыя мнѣ пришли въ голову. Такимъ образомъ, со всѣми ея недостатками, съ которыми я и сама не могу помириться, посылаю вамъ рукопись, вчернѣ, дурно написанную и еще хуже составленную. Пожалуйста, не показывайте ея никому и возвратите мнѣ какъ можно скорѣе. Тоже самое обѣщаю сдѣлать съ вашею книгою и рукописью, сейчасъ полученными. Надѣюсь, что вы посѣтите меня на будущей недѣлѣ. Смѣю лично увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и преданности и, какъ всегда, со всѣмъ удовольствіемъ подписываюсь: вашъ вѣрный другъ

„Екатерина“.

Въ слѣдующемъ письмѣ великая княгиня выражаетъ безпокойство о томъ, что Дашкова уже три дня продержала „Споръ между духовенствомъ и парламентомъ“. Она грозитъ разсердиться за такую неосторожность, которая можетъ навлечь на нее, то есть на великую княгиню, очень непріятныя послѣдствія. Не надобно забывать, что супруга наслѣдника окружена была тщательнымъ надзоромъ: за ея образомъ мыслей и поведеніемъ постоянно слѣдили; самая переписка между друзьями сопровождались разными мѣрами предосторожности и шла черезъ третьи руки довѣренной камерфрау Чересковской.

Набѣжавшее облачко, впрочемъ, скоро разсѣялось, и, спустя

нѣсколько дней, между друзьями опять существовало уже полное согласіе.

„Поздравляю васъ, милая княгиня, со днемъ вашего ангела и желаю вамъ всевозможнаго счастія“ пишетъ Екатерина. „Въ прошлый вечеръ только вы однѣ развеселили меня, доказавъ забавной игрой „reveiller le chat“, что въ вашихъ рукахъ всякая ничтожная вещь получаетъ интересъ. Возвращаю „Записки“ съ благодарностью и должна сказать вамъ: „прости, мой неизмѣнный другъ“.

Къ сожалѣнію, отвѣты Дашковой до насъ не дошли: изъ предосторожности, Екатерина уничтожала ихъ немедленно. Мы увѣрены, однако, что они были проникнуты самымъ искреннимъ энтузіазмомъ, между тѣмъ, какъ, читая письма великой княгини, нельзя не замѣтить въ ея выраженіяхъ дружбы какой-то искусственности, недостатка откровенности и присутствія заднихъ мыслей; здѣсь невольно бросается въ глаза легкая, пріятная игра фразами. Такъ пишутъ, конечно, къ женщинѣ, которой отличныя способности и гордую энергическую натуру очень хорошо понимаютъ и которую хотятъ приковать къ своимъ интересамъ.

Какъ ловко ведена была игра въ чувства, до какой степени молодая Дашкова связывала свою судьбу съ судьбою Екатерины и рѣшилась горячо дѣйствовать въ ея пользу, лучше всего показываетъ слѣдующій эпизодъ, разсказанный самою героинею.

Въ половинѣ декабря 1761 года доктора объявили, что императрицѣ осталось жить нѣсколько дней. Екатерина Романовна была нездорова и лежала въ постели, когда до нея дошелъ этотъ слухъ. Около полуночи она встаетъ, надѣваетъ шубу и отправляется въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамилія. Пройдя на заднее крыльцо и не зная этой части дома, она останавливается въ недоумѣніи. Къ счастію, попадается навстрѣчу Чрековская, которая уступаетъ настойчивымъ просьбамъ неожиданной гостьи и ведетъ ее въ спальню великой княгини. Екатерина дѣлаетъ нѣжные упреки другу за то, что она рискуетъ своимъ слабымъ здоровьемъ, потомъ укладываетъ ее рядомъ съ собою въ постель, завертываетъ ноги въ одѣяло и тогда только позволяетъ высказать причину такого необыкновеннаго посѣщенія.

— Ваше высочество, начала Дашкова: при настоящихъ обстоятельствахъ, когда императрицѣ остается жить нѣсколько дней, можетъ быть, нѣсколько часовъ, я не могу болѣе выносить мысли о той неизвѣстности, въ которую повергаетъ васъ приближающееся

событіе. Неужели нѣтъ никакой возможности отвратить опасность и разсѣять тучу, которая повисла надъ вашей головою? Именемъ неба прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ; я хочу доказать, что достойна полнаго довѣрія. Есть ли у васъ какой нибудь планъ, взяты ли мѣры предосторожности? Давайте мнѣ ваши приказанія и распоряжайтесь мною.

Екатерина заплакала и, взявъ руку Дашковой, прижала ее къ своему сердцу.

— Я невыразимо благодарна вамъ, милая княгиня, сказала она:— но вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно признаюсь, что у меня нѣтъ никакого плана, и мнѣ не остается ничего другаго, какъ мужественно перенести все, что бы со мной ни случилось. Предаю себя въ руки Всемогущаго и надѣюсь только на его помощь.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, друзья должны дѣйствовать за васъ. Что жь касается до меня, то я имѣю довольно силы, чтобъ воодушевить ихъ всѣхъ. И на какую жертву я была бы для васъ неспособна?

— Ради Бога, княгиня, не подвергайте себя опасности въ надеждѣ отвратить зло, противъ котораго нѣтъ никакихъ средсгвъ. Если вы за меня попадете въ несчастіе, я вѣчно буду упрекать себя.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтила Дашкова:—даю слово, что я не сдѣлаю ни одного шагу, который могъ бы вамъ повредить, и, какъ бы ни была велика опасность, пусть она обрушится только на меня одну. Еслибъ слѣпая преданность вашему дѣлу привела меня даже къ эшафоту, то и тогда вамъ нечего будетъ бояться.

Затѣмъ друзья крѣпко обнялись, и Екатерина Романовна поспѣшила воротиться домой. Эта сцена объясняетъ намъ отчасти, какимъ образомъ восьмнадцатилѣтняя княгиня получила такое важное значеніе въ послѣдующихъ событіяхъ. Очевидно, ей сначала не довѣряютъ: она еще слишкомъ молода и неопытна для роли серьёзнаго заговорщика. Но ея рѣшительность, преданность дѣлу и ловкость, которую она показала въ своихъ сношеніяхъ съ другомъ—все это заставило вскорѣ посвятить ее въ тайны опаснаго замысла. Впрочемъ, полнаго довѣрія, какъ увидимъ, она никогда не могла добиться.

25 декабря, въ самый день Рождества, скончалась императрица Елизавета. Петербургъ немедленно присягнулъ ея племяннику, Петру Өедоровичу. Въ этотъ день мимо оконъ княгини Дашковой

прошли ко дворцу два гвардейскіе полка: Семеновскій и Измайловскій. Видъ солдатъ, какъ ей показалось, былъ угрюмый и недовольный; по рядамъ пробѣгалъ глухой, сдавленный ропотъ. Извѣстно, что покойная императрица по своей щедрости и снисходительности пользовалась популярностью въ гвардіи, между тѣмъ, какъ преемникъ ея Петръ III не могъ похвалиться преданностью русскихъ солдатъ.

Екатерина Романовна все еще не покидала своей комнаты. На третій день послѣ восшествія на престолъ, новый императоръ посѣтилъ ея больнаго дядю, канцлера, и просилъ передать княгинѣ, что желаетъ ее видѣть вечеромъ во дворцѣ. Княгиня извинилась подъ предлогомъ нездоровья, но, спустя нѣсколько дней, уступила убѣжденіямъ сестры Елизаветы и отправилась во дворецъ. Императоръ пожурилъ ее за невниманіе къ сестрѣ и заговорилъ о томъ блестящемъ положеніи, какое ожидаетъ *Романовну*, ясно давая понять, что Елизавета Воронцова законнымъ, оффиціальнымъ образомъ займетъ мѣсто Екатерины. Княгиня притворилась, будто не поняла намековъ, и поспѣшила сѣсть съ императоромъ за его любимую игру *campis*. Обыкновенные члены этихъ картежныхъ вечеровъ были: Измайловъ, двое Нарышкиныхъ съ женами, фаворитка, графиня Брюсъ, Мельгуновъ, Гудовичъ, Унтернъ, флигель-адъютантъ государя, и еще два-три близкихъ человѣка. Проигравъ партію, Екатерина Романовна забастовала, потому что на каждый очокъ ставилось десять червонцевъ, а это было для нея слишкомъ чувствительно. Государь настаивалъ на продолженіе игры; Дашкова упорно отказывалась; наконецъ, сказавъ нѣсколько рѣзкихъ словъ тономъ разсерженнаго ребенка, поспѣшила уйдти.

— Это бѣсъ, а не женщина! восклицали ей вслѣдъ собесѣдники Петра III.

Подобныя размолвки, впрочемъ, не имѣли серьёзныхъ послѣдствій, потому что государь, дѣйствительно, считалъ ее не болѣе, какъ капризнымъ ребенкомъ.

Проходя рядомъ комнатъ, въ которыхъ толпились придворные, княгиня съ удивленіемъ замѣтила рѣзкую перемѣну въ костюмахъ. Петръ III успѣлъ уже, вмѣсто прежнихъ темнозеленыхъ мундировъ, одѣть гвардію въ новую форму, узкую и неудобную, но отличавшуюся щегольствомъ и пестротою; къ тому же, почти всѣ придворныя лица преобразились теперь въ военныхъ людей, и нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе того, представляли довольно забавныя фи-

гуры. Такъ, напримѣръ, Дашкова не могла удержаться отъ улыбки, замѣтивъ между ними князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, толстаго, низенькаго старика по крайней мѣрѣ 70 лѣтъ. Князь въ царствованіе Елизаветы занималъ должность генералъ-прокурора и въ послѣднее время былъ извѣстенъ за дряхлаго, умирающаго подагрика съ опухшими ногами. Но едва Петръ былъ провозглашенъ императоромъ, онъ покинулъ постель, принялъ на себя воинственный видъ и, переименованный генералъ-фельдмаршаломъ, явился на гвардейскомъ парадѣ впереди измайловцевъ, въ качествѣ ихъ подполковника. Въ настоящую минуту Трубецкой стоялъ передъ Дашковой въ блестящемъ мундирѣ и въ ботфортахъ, вооруженный съ ногъ до головы, какъ будто приготовился вступить въ отчаянный бой [7]).

Вскорѣ затѣмъ непріятный случай принудилъ молодыхъ супруговъ къ новой разлукѣ. Разъ утромъ, въ январѣ 1762 года, происходилъ обычный разводъ гвардіи. Очередный полкъ пошелъ ко дворцу. Вдругъ императоръ замѣтилъ, что рота князя Дашкова ошиблась въ маневрѣ; онъ тотчасъ подскакалъ къ молодому человѣку и сдѣлалъ ему жестокій выговоръ. Князь сначала оправдывалъ свою ошибку въ почтительныхъ выраженіяхъ, потомъ не выдержалъ и отвѣчалъ довольно рѣзко. Екатерина Романовна, конечно, сильно перепугалась, когда узнала объ этомъ происшествіи. Она не надѣялась, чтобъ поступокъ ея мужа остался безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ враговъ между людьми, окружавшими Петра III. Представлялось одно средство избѣжать дурныхъ послѣдствій—удалиться изъ Петербурга и ждать, пока какая нибудь политическая перемѣна не дастъ дѣлу другаго оборота, или пока оно не будетъ предано забвенію. Друзья вмѣстѣ съ женою уговорили князя на добровольное изгнаніе—разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ. Самый предлогъ былъ вскорѣ найденъ: еще не всѣ иностранные дворы получили оффиціальное увѣдомленіе о восшествіи на престолъ новаго императора, и канцлеръ Воронцовъ, по просьбѣ племянницы, далъ ея мужу назначеніе въ Константинополь. Дашковъ поспѣшилъ отправиться изъ Петербурга, но ѣхалъ очень медленно, какъ будто выжидая какого-то событія; съ каждой почтой онъ писалъ письма къ женѣ, а въ Москвѣ довольно долго прогостилъ у матери.

---

7) То же самое превращеніе съ удивленіемъ замѣчено Болотовымъ. См. его „Петербургъ при Петрѣ III-мъ“.

Конечно, не безъ тоски переносила княгиня разлуку съ своимъ мужемъ. Екатерина, по возможности, старалась утѣшать своего печальнаго друга.

„Письма ваши такъ грустно настроены“ говоритъ она въ одной запискѣ „что я совѣтовала бы вамъ менѣе сокрушаться объ отъѣздѣ нашего посланника и вѣрить тому, что онъ возвратится къ намъ цѣлъ и невредимъ; по крайней мѣрѣ, я желаю этого для нашего общаго утѣшенія“.

Подобное увѣщаніе повторяетъ Екатерина и въ слѣдующей запискѣ, которая замѣчательна, кромѣ того, намекомъ на одну народную манифестацію въ ея пользу.

„Признаюсь“ говоритъ она: „я была глубоко тронута открытымъ выраженіемъ привязанности, которую показала мнѣ большая толпа народа. Была минута, когда восклицанія толпы возвышались до энтузіазма. Никогда самолюбіе мое не было такъ удовлетворено выраженіемъ общественнаго сочувствія, тѣмъ болѣе лестнаго, что даже мысль о лести была тутъ невозможна. Ясно изъ вашихъ собственныхъ справокъ, какъ оно озадачило другихъ. Я часто провожала покойную императрицу въ подобныхъ случаяхъ, но никогда не видала такого выраженія народной любви. Во всемъ этомъ слышалось что то болѣе общее и рѣшительное, чѣмъ голосъ одной партіи, что, разумѣется, будетъ пріятно узнать всѣмъ нашимъ друзьямъ [8]). Поблагодарите вашего любезнаго мужа за память обо мнѣ и не забудьте увѣдомить его объ этомъ происшествіи. Я очень извиняю вашу чувствительность; но берегитесь, милая княгиня, чтобъ она не обратилась въ слабость. Вспомните, что говоритъ мадамъ Дезульеръ:

Je suis charmé d'être né ni Grec ni Romain,
Pour garder encore quelque chose d'humain.

„Эта чувствительность есть доказательство нѣжнаго сердца, и я увѣрена, что вашъ здравый разсудокъ удержитъ ее въ приличныхъ границахъ. Не могу допустить, чтобъ вы предавались меланхоліи, потому что это было бы недостойно вашей души“.

Утѣшеніе, кажется, подѣйствовало довольно успѣшно: жалобы по

---

[8]) Очевидное стараніе придать своему дѣлу народный характеръ по поводу какой-то незначительной манифестаціи, о которой ни Дашкова, ни другія современныя записки, извѣстныя намъ, даже и не упоминаютъ.

поводу отсутствующаго супруга вскорѣ замолкли, и княгиня Дашкова всѣмъ существомъ своимъ отдалась политическимъ интересамъ.

Дѣла, между тѣмъ, принимали очень серьёзный характеръ, и Петербургъ находился въ тревожномъ ожиданіи близкаго переворота.

II.

УЧАСТІЕ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПЕРЕВОРОТѢ.

Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.—Организація екатерининской партіи.—Рѣшительность княгини Дашковой ускоряетъ развязку.—Екатерина провозглашена императрицею.—Походъ въ Петергофъ.—Петръ III и Минихъ въ день переворота.—Начало непріязни съ княземъ Орловымъ.—Обманутыя надежды.—Немилость императрицы.

Передъ нами 1762 годъ съ его переворотомъ, исполненнымъ великаго, драматическаго интереса, послѣднимъ и самымъ знаменитымъ въ ряду переворотовъ XVIII вѣка, совершившихся въ пользу женскаго царствованія. Чтобы показать настоящее значеніе княгини Дашковой въ этой политической драмѣ, мы должны предварительно, хотя въ немногихъ чертахъ, изобразить характеры и положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а потомъ уже перейдти къ очерку самаго событія [1]).

Личность Петра III представляетъ странную смѣсь доброты, живости и откровенности—съ дурными привычками, капризною, слабою волею и довѣрчивостію, которая переходила у него въ крайнюю безпечность. Впрочемъ, главная вина его недостатковъ падаетъ не столько на ограниченность природныхъ способностей, сколько на воспитателей принца и на ту среду, въ которой онъ выросъ. Рано

---

[1]) Разумѣется, этотъ легкій очеркъ есть попытка передать событія въ томъ видѣ, въ какомъ допускаютъ его состояніе нашихъ источниковъ и другія, независящія отъ насъ, обстоятельства. Кромѣ мемуаровъ Дашковой, я пользовался слѣдующими пособіями: Германа „Geschichte des Russischen Staats“; „Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français“; „Histoire ou anecdotes, par Rulhière“: „Histoire du Pierre III“; „Histoire de Catherime II“ J. C., Записки Болотова („Петербургъ при Петрѣ III“).

потерявъ своихъ родителей, онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ былъ привезенъ ко двору Елизаветы; а здѣсь никто не позаботился дать наслѣднику престола серьёзное образованіе и познакомить его съ характеромъ народа, или потребностями страны, въ которой онъ долженъ былъ современемъ царствовать. Вступивъ на престолъ, Петръ горячо принялся за реформы, и въ нихъ-то яснѣе всего обнаружилось, вмѣстѣ съ добрымъ сердцемъ и желаніемъ народнаго блага, совершенное отсутствіе политическаго такта. Толпы ссыльныхъ, возвратившихся изъ Сибири, уничтоженіе ненавистнаго *слово и дѣло* и отчасти права вольности, дарованныя русскому дворянству, громко говорили въ пользу его благодушія. Но за то прочія мѣры произвели сильное неудовольствіе въ тѣхъ сословіяхъ, къ которымъ онѣ относились. Особенно оскорблялось духовенство, съ одной стороны, намѣреніемъ государя отобрать въ казну монастырскія помѣстья, съ другой—его явнымъ предпочтеніемъ лютеранской религіи и малымъ уваженіемъ къ обрядамъ грекороссійской церкви. Послѣднее обстоятельство не замедлило послужить обычнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства для того, чтобы волновать умы простаго народа. Русская гвардія съ такимъ же неудовольствіемъ смотрѣла на предпочтеніе, которое Петръ оказывалъ своимъ голштинскимъ солдатамъ; притомъ, она была очень встревожена вновь заведенными въ ней порядками, какъ-то: ненавистными прусскими мундирами, строгою дисциплиною и утомительными экзерциціями. Государь, страстно любившій военную службу, ежедневно по нѣскольку часовъ присутствовалъ на разводахъ, неутомимо обучая солдатъ новымъ эволюціямъ и ружейнымъ пріемамъ. Это подражаніе Пруссакамъ, вмѣстѣ съ восторженнымъ удивленіемъ Петра къ ихъ королю, доведеннымъ до крайности, производили въ войскахъ сильный ропотъ [2]. Союзъ съ Фридрихомъ II оказался очень непопулярнымъ въ Россіи, и отряды, остававшіеся въ Пруссіи, неохотно перешли на сторону своихъ недавнихъ враговъ. Еще меньшею популярностію пользовалась предполагаемая война съ Даніею. Повелитель обширной имперіи вооружалъ флотъ, собиралъ многочисленную армію и лично хотѣлъ ее вести на датскаго короля, чтобъ отнять клочокъ земли,

[2]) Преданность его интересамъ прусскаго короля простиралась до того, что, будучи великимъ княземъ, онъ, посредствомъ статсъ-секретаря Волкова, сообщалъ Фридриху тайныя распоряженія петербургскаго кабинета, посылаемыя въ дѣйствующую армію, и, такимъ образомъ, уничтожалъ ихъ силу.

принадлежавшій нѣкогда голштинскимъ герцогамъ. Петръ III такъ спѣшилъ этимъ предпріятіемъ, что не хотѣлъ отложить его до своего коронованія и не поѣхалъ въ Москву совершить священный обрядъ, имѣвшій всегда большое значеніе въ глазахъ Русскаго народа. Гвардія, которая должна была принять участіе въ походѣ, готовилась къ нему съ чрезвычайною неохотою.

Та же близорукость обнаружилась и въ выборѣ лицъ, окружавшихъ особу императора, или поставленныхъ во главѣ различныхъ отраслей управленія. Таковы были: дядя его, ограниченный принцъ Жоржъ, получившій достоинство генералъ-фельдмаршала россійскихъ войскъ; генералъ Мельгуновъ, имѣвшій вліяніе на внѣшнюю политику и подкупленный прусскимъ королемъ; продажный Волковъ, статсъ-секретарь государя, заправлявшій всѣми гражданскими дѣлами; потомъ Измайловъ, министръ двора; братья Нарышкины и прочіе приближенные люди.

Правда, въ свитѣ Петра III встрѣчаются и другія лица, болѣе достойныя его довѣрія; но ихъ было немного, да и тѣ не пользовались почти никакимъ вліяніемъ на внутреннюю, или внѣшнюю политику. Сюда относятся: старый фельдмаршалъ Минихъ, только что воротившійся изъ Пелыма; А. Н. Гудовичъ, вѣрный генералъ адъютантъ государя; добродушный баронъ Корфъ, генералъ-полиціймейстеръ Петербурга, и преданный Петру канцлеръ М. И. Воронцовъ.

Странный, прихотливый вкусъ Петра III болѣе всего отразился на его сердечной привязанности. Фаворитка государя, Елизавета Воронцова, не имѣла ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя мы привыкли соединять съ мыслію о любимой женщинѣ. Физіономія ея, по свидѣтельству современниковъ, была болѣе, чѣмъ непривлекательна [3]); полный станъ ея не отличался стройностію, а хорошія манеры и остроуміе были ей совершенно чужды. Впрочемъ, надобно отдать фавориткѣ ту справедливость, что она не имѣла злаго сердца и, повидимому, не старалась пріобрѣсти какого-нибудь вліянія на государственныя дѣла: она могла только служить орудіемъ въ рукахъ своихъ честолюбивыхъ родственниковъ.

Изъ иностранныхъ министровъ, разумѣется, наибольшимъ авторитетомъ пользовались посланники англійскій и прусскій. Послѣд-

---

3) См депешу французскаго посланика Бретейля отъ 11 января и „Записки" Болотова.

нему государь оказывалъ чрезвычайныя почести. Представители Франціи и Австріи, напротивъ, не имѣли уже никакого вліянія; мало того: съ ними не всегда были и любезны.

Мы не входимъ въ подробности объ образѣ жизни Петра III, о его привычкахъ и обращеніи. Дашкова разсказываетъ на этотъ счетъ нѣсколько анекдотовъ, очень характеристическихъ. Не должно, однако, забывать, что княгиня была жаркимъ приверженцемъ противной партіи: она очевидно старается выставить Петра въ самомъ мрачномъ видѣ, а потому невольно преувеличиваетъ его недостатки [4]).

Отъ императора перейдемъ къ его супругѣ. Между-тѣмъ, какъ первый, проводя время или на разводахъ, или въ кругу недостойныхъ любимцевъ и вѣтренныхъ женщинъ, все болѣе и болѣе становился непопулярнымъ, Екатерина вела себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Ея хитрый, проницательный умъ, дипломатическая ловкость и умѣнье пользоваться обстоятельствами слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобъ о нихъ распространяться. Мы ограничиваемся простою передачею фактовъ.

Неизмѣримое превосходство молодой императрицы надъ мужемъ въ искусствѣ держать себя передъ публикою обнаружилось тотчасъ послѣ смерти Елизаветы Петровны. Тѣло покойной государыни, по обычаю, впродолженіе шести недѣль, было выставлено на парадномъ ложѣ. Петръ рѣдко заходилъ въ траурную залу, а если и показывался здѣсь, то развѣ для того только, чтобъ посмѣяться съ дежурными статсъ-дамами, передразнить церковнослужителей и сдѣлать выговоръ офицерамъ, или часовымъ за какое-либо несоблюденіе формы, относящееся къ буклямъ, галстукамъ, пуговицамъ и т. п. За то супруга его каждый день въ глубокомъ траурѣ съ торжественно-печальнымъ лицомъ навѣщала прахъ Елизаветы; при всякомъ удобномъ случаѣ, она показывала самое строгое уваженіе ко всѣмъ подробностямъ грекороссійскаго обряда, не пропускала ни одного праздничнаго богослуженія и съ большою точностію соблюдала посты. Разумѣется, такое поведеніе не замедлило привлечь къ ней сердца духо-

---

[4]) Точно также и подъ вліяніемъ того же нерасположенія описываетъ его въ своихъ депешахъ французскій посланникъ Бретейль; иначе отзывается о немъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ Кейтъ.

венства и простаго народа. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ не старался болѣе скрывать своихъ отношеній къ супругѣ, обращался съ нею очень жостко и нерѣдко заставлялъ ее краснѣть въ присутствіи многочисленнаго общества [5]). Онъ конечно, и не подозрѣвалъ что подобное обращеніе еще болѣе возбуждало симпатію къ женщинѣ, которая имѣла видъ несправедливо угнетенной жертвы.

Трудно сказать, на сколько былъ вѣренъ слухъ, распущенный въ народѣ приверженцами Екатерины, о томъ, что ей угрожала судьба Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной (то-есть монастырь), и что императоръ, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе вступить въ законный бракъ съ Елизаветою Воронцовой. Къ этому слуху присоединяли другой, болѣе сомнительный, будто-бы Петръ хотѣлъ устранить и великаго князя Павла Петровича, а на его мѣсто провозгласить наслѣдникомъ престола извѣстнаго своею несчастною судьбою Ивана Антоновича. Вслѣдствіе подобныхъ слуховъ, дѣло принимаетъ такой оборотъ, что партія Екатерины и великаго князя прежде всего должна была дѣйствовать по чувству самосохраненія.

На образъ жизни и занятія своей супруги Петръ III не обращалъ почти никакого вниманія; онъ считалъ ее погруженною въ чтеніе ненавистныхъ ему французскихъ писателей и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на кружокъ, собиравшійся на скромные вечера императрицы, придавая имъ только литературное значеніе. Впрочемъ, не онъ одинъ заблуждался въ этомъ случаѣ. Екатерина такъ ловко умѣла привести въ дѣйствіе тайныя пружины своего предпріятія и такъ незамѣтно сосредоточила ихъ у себя въ рукахъ, что даже многіе близкіе люди обманывались на ея счетъ. Они были увѣрены, что супруга Петра III держится почти въ сторонѣ отъ подземныхъ работъ и только не мѣшаетъ своимъ друзьямъ подводить мины. Отъ исходнаго пункта, то-есть изъ дворцовыхъ покоевъ Екатерины, работы эти производились въ двухъ направленіяхъ: одно пошло въ казармы гвардейскихъ солдатъ, другое—въ великолѣпныя палаты придворной и военной аристократіи. Главными агентами были: въ первомъ случаѣ артиллерійскій офицеръ Орловъ, во второмъ—княгиня Дашкова.

Григорій Григорьевичъ Орловъ, въ послѣднее время елизаветинскаго царствованія, умѣлъ обратить на себя вниманіе генералъ-фельдцейхмейстера Петра Ивановича Шувалова, который и сдѣлалъ его

---

[5]) Напримѣръ, сцена за обѣдомъ въ то время, когда праздновали миръ съ прусскимъ королемъ. *Зап. Дашк.*

своимъ адъютантомъ. Высокій, статный молодой человѣкъ имѣлъ всѣ внѣшнія условія для того, чтобъ нравиться женщинамъ: у него была красивая, открытая физіономія, вмѣстѣ съ порядочнымъ запасомъ смѣлости и ловкости. Какъ веселый собесѣдникъ, всегда готовый покутить съ пріятелемъ, онъ легко пріобрѣталъ себѣ расположеніе между товарищами, съ солдатами обращался запросто, не уступалъ имъ въ энергіи простонародной русской рѣчи и потому сближался съ ними очень скоро. Шуваловъ, однако, недолго ему покровительствовалъ. Ловкій адъютантъ не затруднился войти въ близкія отношенія съ возлюбленною своего начальника (прекрасною княгинею Куракиной), но былъ открытъ и, разумѣется, навлекъ на себя сильное гоненіе со стороны могущественнаго соперника. Онъ могъ бы навсегда погибнуть для исторіи, еслибы въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не спасло его покровительство великой княгини Екатерины. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Петра III, Шуваловъ умеръ, и, благодаря тому же покровительству, новый генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа далъ Орлову мѣсто казначея въ артиллерійскомъ полку. Вполнѣ преданный императрицѣ, онъ вскорѣ сдѣлался въ ея рукахъ отличнымъ орудіемъ для вербованія партіи между низшими военными чинами. Прежде всѣхъ посвящены были въ тайны заговора два его собственные брата, рядовые Преображенскаго полка, Алексѣй и Владиміръ; потомъ однимъ изъ первыхъ присталъ къ нимъ и Григорій Потемкинъ, тогда еще простой вахмистръ Конногвардейскаго полка. При помощи ихъ, Орловъ повелъ дѣло довольно удачно и въ скоромъ времени успѣлъ навербовать нѣсколько гвардейскихъ солдатъ. Онъ могъ дѣйствовать тѣмъ свободнѣе, что, продолжая вести обычную, разгульную жизнь и бывая въ казармахъ почти такъ же часто, какъ и прежде, не обращалъ на себя никакого вниманія со стороны высшихъ начальниковъ. Денегъ, конечно, въ этомъ случаѣ не жалѣли.

Въ то же время княгиня Дашкова, какъ она сама говоритъ, начала съ друзей и родственниковъ своего мужа и посвятила въ свои замыслы нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ числѣ первыхъ были Пассекъ и Бредихинъ, одинъ поручикъ, другой капитанъ Преображенскаго полка; потомъ Ласунскій, майоръ Рославлевъ и братъ его капитанъ, офицеры Измайловскаго полка. Тѣ, въ свою очередь, набирали себѣ новыхъ товарищей. Работы, начатыя въ двухъ направленіяхъ, вскорѣ встрѣтились и соединились въ одну партію, конечно, не безъ участія той же невидимой руки. Какъ

тонко и осторожно дѣйствовала эта рука, видно изъ того, что Дашкова долго не узнавала въ Орловѣ ни человѣка, близкаго къ Екатеринѣ, ни своего соперника на политическомъ поприщѣ; она считала его только за одно изъ орудій своего предпріятія. Девятнадцатилѣтняя княгиня приходила въ восторгъ отъ той мысли, что она создала цѣлую политическую партію и что отъ нея можетъ зависѣть судьба русскаго трона. Ея тщеславіе и честолюбіе возбуждены были въ высшей степени, ея рвеніе не имѣло предѣловъ. Юная заговорщица, впрочемъ, показала и немалую ловкость: она, повидимому, не измѣняла своего обыкновеннаго образа жизни, посѣщала изрѣдка родныхъ и знакомыхъ и казалась очень далекою отъ всякаго политическаго предпріятія.

Между тѣмъ, какъ умы офицеровъ и низшихъ гвардейскихъ чиновъ были уже значительно подготовлены къ близкой перемѣнѣ, а двѣ роты Измайловскаго полка окончательно подкуплены, главнымъ агентомъ екатериненской партіи удалось еще привлечь на свою сторону нѣсколько лицъ, очень солидныхъ и занимавшихъ высокое положеніе въ обществѣ. Здѣсь на первомъ планѣ стояли двое вельможъ: Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій и Никита Ивановичъ Панинъ. Первый изъ нихъ, гетманъ Малороссіи и начальникъ измайловской гвардіи, при своемъ огромномъ богатствѣ и щедрости, пользовался въ войскахъ нѣкоторою популярностью. Осыпанный почестями и подарками во время Елизаветы, онъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе и ея преемника. Что́ касается до личности Разумовскаго, то это былъ человѣкъ хотя образованный и умный, но довольно апатичный и лѣнивый, погрузившійся въ наслажденія роскошью и нѣгой. Впрочемъ, когда обстоятельства того сильно требовали, онъ выходилъ изъ своей обычной апатіи и становился довольно дѣятеленъ. Въ то время всѣ придворныя лица, занимавшія военныя должности, по требованію новаго государя, ни подъ какимъ предлогомъ не могли уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, и Петръ съ особеннымъ удовольствіемъ заставлялъ нести тягости военной службы тѣхъ вельможъ, которые были извѣстны привязанностью къ покою и матеріальнымъ удобствамъ жизни. Разумовскій въ этомъ случаѣ показалъ неожиданное усердіе. Онъ съ большими усиліями выучился различнымъ пріемамъ эспонтона и на разводахъ такъ удачно маневрировалъ своимъ полкомъ, что заслужилъ Высочайшее одобреніе. Но всякій могъ догадаться, что такая тревожная дѣятельность и вообще характеръ новаго царствованія очень не по нраву пришлись

изнѣженному гетману [6]). Лѣнивый и нерѣшительный характеръ Разумовскаго нѣсколько смущалъ княгиню Дашкову; однако, она не отказывалась отъ надежды завербовать его въ члены екатерининской партіи и повела атаку довольно искусно. Посредствомъ братьевъ Рославлевыхъ и въ особенности Ласунскаго, который пользовался довѣренностію гетмана, княгиня намекнула ему на возможность близкой перемѣны и на ропотъ его собственнаго полка. Потомъ, во время задушевныхъ разговоровъ, Разумовскому мало-по-малу сообщены были планы заговорщиковъ; наконецъ ему внушили, что знать подобныя намѣренія значитъ въ нихъ участвовать, и что ужь поздно было бы выступать съ доносомъ. Впрочемъ, на послѣднее гетманъ едва-ли былъ способенъ. Вообще онъ поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно сообразно съ своимъ характеромъ, то-есть не отказался отъ участія въ предпріятіи, но, повидимому, не дѣлалъ ничего рѣшительнаго въ его пользу и скорѣе оставался въ роли наблюдателя, нежели двигателя событій.

Никита Ивановичъ Панинъ въ царствованіе Елизаветы Петровны служилъ по дипломатической части и въ 1750-хъ годахъ исполнялъ должность русскаго посланника въ Стокгольмѣ, откуда вывезъ исключительное пристрастіе къ шведскому государственному устройству. Съ 1670 года онъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ при особѣ Павла Петровича; а такъ какъ партія Екатерины прикрывалась отчасти именемъ великаго князя, то заговорщики считали его воспитателя необходимымъ лицомъ для успѣха своего дѣла. Кромѣ того, самъ-по-себѣ Панинъ слылъ за человѣка весьма умнаго и отличнаго политика; слѣдовательно, содѣйствіе его могло быть очень полезно. Относительно сибаритскихъ наклонностей онъ не уступалъ Разумовскому, но безспорно превосходилъ гетмана талантами и твердостью характера. Мы приведемъ здѣсь одинъ анекдотъ изъ записокъ Дашковой, который живо характеризуетъ личность старшаго Панина.

Воспитатель Великаго князя не разъ высказывалъ желаніе, что-

---

7) Нося громкій титулъ гетмана и генералъ-фельдмаршала, графъ Разумовскій постоянно отказывался отъ командованія войсками и откровенно сознавался въ своей неспособности. Разсказываютъ, что, находясь однажды въ Берлинѣ, онъ присутствовалъ на большихъ манёврахъ. Фридрихъ II просилъ его сказать свое мнѣніе о движеніяхъ войскъ. „Государь“ отвѣчалъ Разумовскій „извините меня: я гражданскій генералъ, а не военный“.—„У насъ такихъ генераловъ не бываетъ“ сухо замѣтилъ ему король.

бы государь обратилъ вниманіе на успѣхи его питомца. По просьбѣ двухъ своихъ дядей, голштинскихъ принцевъ, императоръ наконецъ удовлетворилъ желанію Панина и велѣлъ произвести экзаменъ въ своемъ присутствіи. Когда окончилось испытаніе, Петръ сказалъ своимъ дядямъ: „Господа, говоря откровенно, я думаю, что плутишка знаетъ всѣ эти предметы гораздо лучше насъ". Затѣмъ, въ знакъ своего одобренія, онъ пожаловалъ маленькаго Павла капраломъ гвардіи; но Панинъ возражалъ противъ такой награды на томъ основаніи, что она можетъ вскружить голову юному принцу, который будетъ считать себя наравнѣ съ людьми взрослыми. Императоръ уважилъ его мнѣніе и взялъ назадъ капральство; за то самого воспитателя онъ наградилъ чиномъ генерала отъ инфантеріи. Представьте себѣ блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, который искалъ во всемъ удобства, жилъ постоянно при дворѣ, одѣвался очень тщательно, носилъ роскошный парикъ и вообще живо напоминалъ придворнаго вельможу временъ Людовика XIV, и вы тогда поймете, какое впечатлѣніе произвело на него неожиданное производство, сопряженное въ то время съ дѣйствительной службой. Когда на слѣдующій день Мельгуновъ объявилъ ему о новомъ чинѣ, Панинъ отвѣчалъ рѣшительно, что онъ намѣренъ бѣжать въ Швецію, если нѣтъ другихъ средствъ избавиться отъ такой незаслуженной награды. Императоръ съ неудовольствіемъ узналъ объ этомъ отвѣтѣ. „Я всегда думалъ, что Панинъ умный человѣкъ", сказалъ онъ: „теперь вижу, что ошибся; не говорите мнѣ болѣе о немъ." Впрочемъ, государь уступилъ и на этотъ разъ: онъ далъ Панину права на всѣ гражданскія отличія, соотвѣтствующія чину генерала отъ инфантеріи.

Нелегко было подчинить своимъ планамъ человѣка съ такимъ умомъ и характеромъ; его нельзя было ни убѣдить, ни запугать. Это трудное дѣло княгиня Дашкова взяла лично на себя. Она тѣмъ удобнѣе могла дѣйствовать, что Панинъ приходился ей дальнимъ родственникомъ. Какимъ образомъ молоденькой княгинѣ удалось уловить въ свои сѣти осторожнаго политика, въ точности неизвѣстно. Сама княгиня говоритъ объ отношеніяхъ къ нему довольно глухо; если же вѣрить иностраннымъ писателямъ, то она при этомъ случаѣ употребила обыкновенное оружіе женщинъ-кокетство, и вскружила голову почтенному дипломату. Рюльеръ даже прибавляетъ, будто бы Дашкова такъ далеко зашла въ своемъ усердіи, что не отступала уже ни отъ какихъ препятствій и для успѣха партіи рѣшилась пожертвовать собою. Княгиня въ своихъ запискахъ энергически возстаетъ

противъ такой черной клеветы. Хотя въ современномъ обществѣ подобныя жертвы и были дѣломъ довольно обыкновеннымъ, но мы въ этомъ случаѣ охотно принимаемъ сторону княгини и не можемъ обвинить ея по одному только слуху, который не подтверждается никакими ясными доказательствами.

Разъ когда Екатерина Романовна серьёзно заговорила съ Панинымъ о намѣреніяхъ произвести переворотъ, онъ выслушалъ ее очень внимательно и потомъ вошелъ въ длинное разсужденіе о формахъ, въ которыхъ могъ бы совершиться этотъ переворотъ. По его мнѣнію, необходимо было пригласить сенатъ къ участію въ дѣлѣ и опереться на авторитетъ его, какъ главнаго государственнаго учрежденія. Далѣе онъ потребовалъ, чтобы императрица получила только права регента за малолѣтствомъ своего сына, и выразилъ при этомъ надежду осуществить свою любимую мечту, т. е. шведскую конституцію въ Россіи. Княгиня отвѣчала уклончиво; она не отрицала надеждъ Панина, но говорила, что прежде всего надобно подумать о главной реформѣ—объ устраненіи Петра III, а второстепенные вопросы могутъ быть рѣшены послѣ. Впрочемъ, она, кажется, не добилась отъ него никакихъ положительныхъ результатовъ. Незамѣтно, чтобъ оберъ гофмейстеръ, такъ же, какъ и гетманъ, явился горячимъ дѣятелемъ приготовлявшихся событій: оба они вели себя осторожно и не спѣшили рисковать своимъ настоящимъ положеніемъ, предоставляя это дѣло людямъ молодымъ и незначительнымъ.

Третье лицо, занимавшее почетное мѣсто въ обществѣ, которое болѣе рѣшительнымъ образомъ приняло сторону Екатерины, былъ архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ. Онъ славился своею ученостью и пользовался значительнымъ авторитетомъ въ духовномъ сословіи; а, при помощи духовенства, очень недовольнаго реформами Петра III, ему нетрудно было расположить массу въ пользу переворота. Не забудемъ, что Екатерина старалась придать своему дѣлу православно-народный характеръ, и впослѣдствіи она, при всякомъ удобномъ случаѣ, любила указывать на воцареніе свое, какъ на актъ народной воли, освященной религіозными интересами.

Потомъ, изъ значительныхъ людей той же партіи наиболѣе извѣстны: князь Барятинскій, родственникъ Дашковой, по мужу; князь Рѣпнинъ, племянникъ Панина; генералъ-прокуроръ сената Глѣбовъ и генералъ И. И. Бецкій. Княгиня постаралась также привлечь на свою сторону адъюнкта академіи наукъ, Г. Н. Теплова, который,

при удобномъ случаѣ, могъ оказать большую пользу своимъ краснорѣчивымъ слогомъ и умѣньемъ объясняться на языкѣ простаго народа. Кромѣ того, онъ былъ важенъ и по вліянію на своего воспитанника гетмана Разумовскаго.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ лицѣ, которому иностранные писатели даютъ очень видное мѣсто въ исторіи переворота. Это лицо былъ Одаръ, родомъ изъ Пьемонта, человѣкъ весьма искусный во всякаго рода интригахъ, поклонявшійся притомъ одному только божеству—золоту. Канцлеръ Воронцовъ помѣстилъ его сначала адвокатомъ въ коммерческой коллегіи; потомъ онъ пріобрѣлъ довѣріе княгини Дашковой и, по ея рекомендаціи, сдѣланъ былъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря при Екатеринѣ. Княгиня не соглашается съ извѣстіями иностранцевъ и рѣшительно не признаетъ за нимъ роли совѣтника, или руководителя, а выставляетъ его просто своимъ protegé [7]). Говорятъ, что онъ придумалъ, между прочимъ, одну мѣру предосторожности, оказавшуюся впослѣдствіи очень благоразумною, а именно: за каждымъ изъ главныхъ заговорщиковъ долженъ былъ постоянно слѣдить шпіонъ, который, въ случаѣ какой нибудь нечаянности, напримѣръ измѣны, или ареста, могъ бы тотчасъ предупредить остальныхъ объ опасности. Точно также удачнымъ оказалось слѣдующее распоряженіе княгини Дашковой: она поручила камердинеру Екатерины (Шкурину) держать постоянно наготовѣ дорожный экипажъ и почтовыхъ лошадей въ Петергофѣ. Такимъ образомъ, императрица, въ случаѣ нужды, могла обойтись безъ придворной кареты, которую надобно было бы просить у министра двора (Измайлова), человѣка, всего менѣе расположеннаго въ ея пользу.

Дворъ на лѣто 1762 года переѣхалъ въ Петергофъ; а княгиня Дашкова оставалась въ Петербургѣ и могла теперь дѣйствовать гораздо свободнѣе. Она часто, подъ предлогомъ нездоровья, уѣзжала отсюда на дачу, гдѣ всю энергію своего воображенія употребляла на изобрѣтеніе способа окончательно привести въ исполненіе свой замыселъ. Дача княгини лежала близъ Краснаго Кабачка, въ болотистой мѣстности, покрытой густымъ кустарникомъ. Петръ III велѣлъ раздѣлить эту землю на нѣсколько участковъ и роздалъ ихъ своимъ придворнымъ. Посредствомъ осушенія почвы и тща-

---

[7]) Однако, послѣ переворота, Одаръ удалился на родину, осыпанный благодѣяніями Екатерины II.

тельной обработки, безплодная земля была скоро превращена богатыми владѣльцами въ цвѣтущую равнину. Одинъ участокъ, подаренный прежде какому-то голштинскому генералу и покинутый имъ по своей чрезмѣрной влажности, предложили княгинѣ Дашковой. Опасаясь большихъ издержекъ, она также хотѣла отъ него отказаться; но отецъ ея взялся на собственный счетъ построить домъ, и такимъ образомъ, дѣло уладилось. Около той поры случилось въ Петербургѣ до сотни крестьянъ, принадлежавшихъ князю Дашкову, которымъ въ извѣстное время года позволялось работать на самихъ себя. Изъ любви къ доброму помѣщику, крестьяне вызвались поработать четыре дня сряду въ новомъ его владѣніи и потомъ каждый праздникъ по очереди продолжать свой трудъ. Съ ихъ помощью были прорѣзаны небольшіе каналы и поднята почва для постройки дома со всѣми принадлежностями. Екатерина Романовна начинала уже привязываться къ первому поземельному пріобрѣтенію своему, но не давала ему еще никакого названія, рѣшившись освятить именемъ того святаго, въ день котораго увѣнчается успѣхомъ ея политическое предпріятіе. Однажды графъ Строгановъ, родственникъ княгини, провожалъ ее верхомъ на дачу. Желая показать спутнику какія-то работы, она повела его кратчайшимъ путемъ по мѣсту, которое походило издали на зеленый лугъ; но наружность оказалась обманчивою: княгиня по колѣно погрузилась въ болото. Жестокая простуда была слѣдствіемъ такой неосторожности. Императрица утѣшила больную дружескимъ письмомъ: она шутила надъ ея приключеніемъ и обвиняла во всемъ неловкаго кавалера. Екатерина Романовна написала отвѣтъ въ минуту сильнаго лихорадочнаго припадка; а потому посланіе ея представляло безсвязную смѣсь прозы и стиховъ на французскомъ и на русскомъ языкахъ. Тутъ были и пламенныя выраженія дружбы и темныя пророчества о будущемъ.

Между тѣмъ, число людей, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, постоянно возрастало. Умы въ столицѣ были сильно встревожены, и мѣсто глухаго броженія заступилъ уже явный ропотъ. Гвардейскіе солдаты и безъ того недовольные предстоявшимъ походомъ въ Данію, волновались слухами о печальной судьбѣ, которая ожидала императрицу и наслѣдника. Посреди такого волненія, ропота и почти явныхъ приготовленій къ перевороту, одинъ только человѣкъ оставался невозмутимо спокойнымъ и упорно отказывался вѣрить всѣмъ предостереженіямъ. Этотъ человѣкъ былъ Петръ III. Прусскій король, который имѣлъ причины, болѣе, нежели кто другой,

заботиться о сохраненіи престола своему великодушному сосѣду, съ большимъ безпокойствомъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ рѣшился въ самыхъ деликатныхъ формахъ предупредить Петра и дружескимъ письмомъ напомнилъ ему о необходимыхъ мѣрахъ предосторожности. Фридрихъ совѣтовалъ императору отложить походъ въ Данію хотя до слѣдующаго года и ни въ какомъ случаѣ не оставлять предѣловъ имперіи прежде своего коронованія: онъ приводилъ въ примѣръ стрѣлецкіе мятежи, случившіеся въ отсутствіе Петра I, и вообще очень настойчиво убѣждалъ союзника позаботиться о своей личной безопасности. Письмо это не произвело никакого впечатлѣнія. „Моя слава“—отвѣчалъ Петръ—„требуетъ, чтобъ я расквитался съ Датчанами за тѣ оскорбленія, которыя они нанесли лично мнѣ и моимъ предкамъ. Церемонія коронованія потребуетъ огромныхъ расходовъ; а эти деньги пусть лучше пойдутъ на войну съ Датчанами. Что же касается до моей личной безопасности, то прошу васъ о томъ не безпокоиться. Солдаты называютъ меня своимъ отцомъ; они сами говорятъ, что желаютъ лучше повиноваться мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Я прогуливаюсь одинъ пѣшкомъ по улицамъ Петербурга, и еслибъ кто захотѣлъ причинить мнѣ зло, то давно нашелъ бы случай исполнить свое намѣреніе; но я всѣмъ дѣлаю добро, вполнѣ полагаюсь на волю Божію и ничего не боюсь“. (Какъ ярко обозначилась въ этихъ словахъ добрая, но до крайности самоувѣренная и безпечная натура Петра III!). Подобный отвѣтъ, конечно, не успокоилъ короля: онъ продолжалъ свои предостереженія. Гольцъ и Шверинъ, его повѣренные при Петербургскомъ дворѣ, должны были во время дружескихъ бесѣдъ съ императоромъ, при всякомъ удобномъ случаѣ наводить разговоръ на угрожавшую опасность. Усилія ихъ были напрасны. „Послушайте“, сказалъ имъ наконецъ императоръ: „если вы хотите остаться моими друзьями, не касайтесь болѣе этого ненавистнаго мнѣ предмета“. Прусскіе министры поневолѣ должны были замолчать и оставить дѣло на произволъ судьбы. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что успѣху екатерининской партіи болѣе всего содѣйствовалъ самъ императоръ.

Почти всѣ приготовленія заговорщиковъ были уже окончены; оставалось только условиться во времени и въ способѣ развязки. На этотъ счетъ безпрерывно составлялись разные проекты, но по большей части были отвергаемы, какъ неудобоисполнимые. Главное разногласіе встрѣчалось при обсужденіи вопроса: произвести ли рѣ-

шительный ударъ до отплытія императора въ Данію, или послѣ? Дѣло, однако, окончилось скорѣе всякаго ожиданія.

Поручикъ Пассекъ болѣе всѣхъ другихъ заговорщиковъ отличался буйнымъ, отчаяннымъ характеромъ. Ему-то и суждено было ускорить развязку драмы. 27 іюня нѣсколько неосторожныхъ словъ его доведены были до свѣдѣнія ближайшаго начальника, майора Воейкова. Пассека немедленно арестовали, и курьеръ поскакалъ съ этимъ извѣстіемъ къ императору въ увеселительный за́мокъ Ораніенбаумъ. Шпіонъ, слѣдившій за поручикомъ, тотчасъ далъ знать объ его арестѣ кому слѣдуетъ. Въ полдень Григорій Орловъ явился съ тѣмъ же извѣстіемъ къ княгинѣ Дашковой, у которой въ то время сидѣлъ Никита Ивановичъ Панинъ. Послѣдній съ свойственною ему флегмою началъ доказывать, что такое происшествіе очень-неважно и что Пассекъ, вѣроятно, провинился въ какихъ-нибудь пустякахъ. Княгиня, напротивъ, была сильно встревожена. Чтобы прекратить недоумѣніе, Орловъ поспѣшилъ въ казармы узнать, арестованъ ли Пассекъ за государственную измѣну, или за нарушеніе военной дисциплины; въ первомъ случаѣ онъ обѣщалъ тотчасъ увѣдомить и княгиню и Панина. Екатерина Романовна, подъ предлогомъ утомленія, поспѣшила удалить отъ себя гостя; но лишь только онъ вышелъ, какъ она покрылась широкимъ мужскимъ плащомъ, надѣла шляпу и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву.

Доро́гою ей повстрѣчался всадникъ, скакавшій во весь галопъ. Сердце Дашковой сильно забилось. Она громко произнесла имя Алексѣя Орлова, хотя до сихъ поръ не видала никого изъ братьевъ Григорія. Всадникъ сдержалъ коня и, узнавъ, кто говоритъ съ нимъ, сказалъ:

— Княгиня, я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ какъ государственный преступникъ. Четверо часовыхъ стоятъ у его дверей и двое у каждаго окна. Братъ мой поѣхалъ извѣстить Панина, и я уже далъ знать объ этомъ Рославлеву.

— Что́ Рославлевъ, очень встревоженъ?

— Да, отчасти. Но зачѣмъ намъ стоять на улицѣ; позвольте проводить васъ домой.

— Нѣтъ, мы здѣсь безопаснѣе, чѣмъ дома, гдѣ будемъ окружены прислугою. Однако, нечего терять время. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они отправились въ измайловскій полкъ и каждый на своемъ посту ожидалъ прибытія императрицы. Потомъ вы, или одинъ изъ вашихъ братьевъ летите, какъ

молнія, въ Петергофъ и умоляйте ея величество отъ моего имени тотчасъ сѣсть въ экипажъ и скакать къ измайловскимъ казармамъ; тамъ будутъ ждать ее друзья, чтобы провозгласить государыней и проводить въ столицу. Время такъ дорого, прибавьте ей, что я даже не могла зайдти домой и написать нѣсколько словъ; скажите, что я на улицѣ заклинала васъ передать мою просьбу и ускорить ея прибытіе. Можетъ быть, я сама выѣду къ вамъ навстрѣчу.

Орловъ ускакалъ, а Екатерина Романовна воротилась домой. Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что рѣшительно не могла сколько нибудь спокойно дождаться новыхъ извѣстій. Въ тотъ вечеръ она должна была получить полный мужской костюмъ; но портной, какъ нарочно, замедлилъ, и это обстоятельство увеличило ея нетерпѣніе. Чтобъ избѣжать подозрѣнія, или любопытства прислуги, княгиня легла въ постель; но не прошло и часу, какъ раздался сильный стукъ въ наружныя двери. Вскочивъ съ постели, она приказала принять каждаго, кто бы ни явился. Вошелъ незнакомый молодой человѣкъ, который назвалъ себя младшимъ Орловымъ (Владиміръ). Онъ пріѣхалъ спросить, не слишкомъ ли рано посылать за императрицею и нужно ли дѣйствительно тревожить ее поспѣшнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ.

Этотъ вопросъ взбѣсилъ княгиню. Она не стала удерживать своего негодованія, а, напротивъ, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ начала упрекать братьевъ Орловыхъ за неисполненіе порученій, данныхъ Алексѣю.

— Вы упустили самое драгоцѣнное время, прибавила она въ заключеніе. Вмѣсто опасенія потревожить государыню, вы должны были бы скорѣе привезти ее сюда безъ чувствъ, нежели оставлять въ такой опасности. Знаете ли, что она рискуетъ попасть въ тюрьму, а можетъ быть потерять и самую жизнь на эшафотѣ вмѣстѣ съ нами? Скажите вашему брату, чтобъ онъ сію же минуту скакалъ въ Петергофъ и немедленно привезъ императрицу; а иначе все погибло.

Молодой человѣкъ, казалось, былъ очень пораженъ; онъ обѣщалъ въ точности исполнить порученіе и поспѣшилъ къ брату.

Когда Орловъ ушелъ, княгинею овладѣло самое тревожное настроеніе духа. Она хотѣла бы скакать на петергофскую дорогу; но неакуратность портнаго удерживала ее дома. А, между тѣмъ, воображеніе работало безъ устали: то представлялись ей торжество императрицы и толпы ликующаго народа, то въ ея умѣ рисовались

другіе, страшные образы, и ей чудилась блѣдная, обезображенная фигура Екатерины. Малѣйшій звукъ болѣзненно отдавался во всемъ ея организмѣ. „Никогда“—говоритъ она—„впродолженіе всей своей жизни я не страдала столько, сколько въ эту ночь“. Наконецъ эта несносная ночь прошла, и наступило знаменитое утро 28 іюня.

Екатерина въ послѣднее время уединенно жила въ Петергофѣ и проводила очень безпокойные дни, ожидая развязки задуманнаго предпріятія. Впрочемъ, она регулярно получала извѣстія о положеніи дѣлъ и въ лагерѣ союзниковъ и въ лагерѣ непріятелей. Подъ предлогомъ очистить всѣ комнаты дворца для императора, который собирался пріѣхать сюда со всею свитою, императрица поселилась въ отдаленномъ углу петергофскаго сада, въ павильонѣ, носившемъ названіе *Монплезиръ*. Такимъ образомъ, избавляясь отъ надзора часовыхъ, она пріобрѣтала болѣе свободы въ образѣ жизни и легко могла направить свой путь, смотря по обстоятельствамъ: или въ Петербургъ, чтобъ тамъ сѣсть на престолъ, или искать спасенія за границей.

Въ этомъ павильонѣ однажды, рано поутру, Екатерину будятъ слѣдующія слова: „Ваше величество, вставайте: нельзя терять ни одной минуты“. Она открываетъ глаза и видитъ передъ собою гвардейца съ атлетическими формами. На вопросы ея Алексѣй Орловъ отвѣчалъ только многозначительною фразою: „Пассекъ арестованъ“, и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ спустя, онъ воротился; императрица уже успѣла кое-какъ одѣться. Она сѣла въ экипажъ, приготовленный по распоряженію княгини Дашковой: рядомъ съ нею помѣстилась вѣрная камерфрау Череховская; назади сталъ камердинеръ Шкуринъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ); Орловъ взялъ въ руки возжи и погналъ лошадей во весь галопъ. На половинѣ дороги лошади падаютъ отъ усталости, и путники очутились въ крайнемъ затрудненіи. Сначала ихъ выручаетъ изъ опасности проѣзжавшая мимо крестьянская телега; а потомъ они увидали карету, быстро приближавшуюся къ нимъ навстрѣчу. Въ ней сидѣлъ Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. „Все готово!“ кричитъ Орловъ. Барятинскій уступилъ свое мѣсто Екатеринѣ и въ седьмомъ часу утра она достигла гвардейскихъ казармъ, которыя составляли особый лагерь и служили предмѣстьемъ столицѣ.

Несмотря на торжественное объявленіе, что все готово, только десятка два-три рядовыхъ и одинъ барабанщикъ встрѣтили императрицу. Такое ничтожное число нѣсколько смутило ее. Но вотъ за-

били тревогу: измайловцы мало-по-малу собираются и окружаютъ Екатерину. Она обращается къ солдатамъ съ энергическою рѣчью, прося у нихъ защиты отъ своихъ непріятелей, которые покушаются на жизнь ея собственную и ея сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются цѣловать ея ноги, руки, платье. Въ это время офицеры приводятъ остальныхъ измайловцевъ, является полковой священникъ съ крестомъ, и весь полкъ присягнулъ Екатеринѣ II. Она садится опять въ коляску и ѣдетъ въ казармы Семеновскаго полка. Вслѣдъ за своимъ премьеръ-майоромъ, графомъ Брюсомъ, семеновцы кричатъ: „ура!“ и пристаютъ къ Екатеринѣ. Съ такимъ же энтузіазмомъ примыкаютъ къ ней Преображенскій полкъ и Конная гвардія. Государыня посылаетъ отрядъ арестовать начальника конныхъ гвардейцевъ, принца Жоржа, и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ оскорбленій. Григорій Орловъ послѣ того спѣшитъ къ артиллеристамъ, своимъ товарищамъ по службѣ, и уговариваетъ ихъ послѣдовать примѣру гвардіи; но солдаты хотятъ прежде узнать мнѣніе своего начальника. Генералъ Вильбуа нѣсколько минутъ колеблется, однако уступаетъ торжественно-повелительному тону Екатерины, и артиллерія также переходитъ на ея сторону. Между тѣмъ, на мѣсто дѣйствія прибываютъ: гетманъ Разумовскій, Панинъ, князь Волконскій, И. И. Шуваловъ, Строгановъ и другіе вельможи, которые присоединяются къ свитѣ императрицы. Окруженная войскомъ и толпами стекавшагося отовсюду народа, она отправляется въ Казанскій Соборъ; здѣсь встрѣчаетъ ее архіепископъ новгородскій и высшее духовенство. Пропѣли благодарственный молебенъ и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнѣйшею императрицею всея Россіи, а великаго князя Павла Петровича—наслѣдникомъ престола. Изъ собора государыня перешла въ новый Зимній дворецъ, достроенный Петромъ III, гдѣ уже собрались для принесенія присяги сенатъ и синодъ. Немедленно приняты были и необходимыя мѣры безопасности: подступы къ дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ разставлены сильные отряды часовыхъ, а сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено. Императрица поспѣшила разослать курьеровъ въ провинціи къ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, а также къ генераламъ войскъ, находившихся въ Пруссіи; дипломатическій корпусъ получилъ офиціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствующей особы.

Теперь посмотримъ, что въ это время дѣлала наша героиня.

„Я приказала своей горничной подать парадное платье“ разска-

зываетъ Дашкова „и поѣхала въ зимній дворецъ. Трудно описать, какимъ образомъ я пробралась въ него. Дворецъ былъ густо окруженъ солдатами, которые стекались со всѣхъ сторонъ, такъ что я принуждена была выйдти изъ кареты и пѣшкомъ протѣсняться сквозь толпу. Но какъ скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, они тотчасъ подняли на руки и пронесли надъ толпою, которая осыпала меня привѣтствіями и благословеніями. Когда я очутилась въ передней, голова у меня сильно кружилась, волосы были въ безпорядкѣ, платье измято и изорвано; съ этими-то знаками своего тріумфальнаго шествія я поспѣшила къ императрицѣ, и мгновенно мы очутились въ объятіяхъ другъ у друга. „Слава Богу, слава Богу!“ вотъ все, что мы могли произнести въ первую минуту.

„Потомъ она разсказала мнѣ о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ во время пути. Я слушала ее съ сильнымъ біеніемъ сердца и, въ свою очередь, описала несносные часы, проведенные мною, а также мое сожалѣніе о томъ, что не могла быть подлѣ императрицы въ торжественную минуту, когда рѣшалась судьба ея вмѣстѣ съ судьбою цѣлой Россіи. Еще разъ мы обнялись отъ всего сердца, и въ это мгновеніе я испытала такое счастіе, какое едва-ли приходилось испытать кому-либо изъ смертныхъ. Замѣтивъ, что ея величество была украшена екатерининскою лентою и еще не имѣла андреевской, т. е. высшаго государственнаго отличія (хотя женщина и не могла его носить, но, какъ царствующая особа, она становилась гросмейстеромъ этого ордена), я подбѣжала къ Панину, сняла съ него голубую ленту и перевязала ее черезъ плечо императрицы, а красную екатерининскую, по ея желанію, спрятала къ себѣ въ карманъ.

„Послѣ легкаго завтрака, государыня объявила, что лично поведетъ полки въ Петергофъ и пригласила меня сопровождать ее въ этомъ походѣ. Чтобъ явиться передъ войскомъ въ гвардейской формѣ, она взяла мундиръ у капитана Талызина, а я достала себѣ такой же у поручика Пушкина—двухъ молодыхъ офицеровъ нашего роста. Мундиры эти были покроя петровскихъ временъ, и замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили новый, иностранный костюмъ и всѣ до единаго явились въ своей старой формѣ. Когда императрица занялась приготовленіями къ пути, я поспѣшила домой переодѣться, а возвратившись, нашла ее засѣдающую посреди сенаторовъ, которые разсуждали о манифестѣ. Тепловъ исполнялъ при этомъ должность секретаря.

„Такъ какъ извѣстіе о побѣгѣ изъ Петергофа и слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ могло уже достигнуть Ораніенбаума, то мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: что будетъ, если Петръ III захочетъ быстро двинуться къ Петербургу и усмирить возстаніе войска? Подъ вліяніемъ этого опасенія, я рѣшилась немедленно сообщить свои мысли императрицѣ. Часовые офицеры, вѣроятно, удивленные моею смѣлостью, или полагавшіе, что я имѣю позволеніе (безъ котораго они не могли никого пропускать), отворили мнѣ двери въ комнату совѣта. Я подошла къ ея величеству и начала говорить ей на ухо, прося употребить всѣ возможныя мѣры предосторожности со стороны Петра III. Теплову тотчасъ было велѣно написать указъ и копію съ него, вмѣстѣ съ другими инструкціями, послать двумъ военнымъ отрядамъ, которые должны были занять подступы къ городу по рѣкѣ, остававшіеся до того времени незащищенными. Между тѣмъ, почтенные сенаторы, не узнавъ женщины въ военномъ мундирѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на вошедшаго незнакомца. Замѣтивъ это, государыня назвала меня по имени и прибавила, что моей дружбѣ и и усердію обязана она въ настоящую минуту указаніемъ на одинъ очень важный пунктъ, который совершенно упустила изъ виду. Сенаторы поднялись съ своихъ мѣстъ и единодушно мнѣ поклонились. Этотъ знакъ уваженія заставилъ меня покраснѣть и застыдиться, потому что онъ такъ мало шелъ къ мальчику гвардейцу (такова была тогда моя наружность), который вломился въ святилище совѣта и несовсѣмъ почтительно шепталъ на ухо ея величеству.“

Около 9 часовъ вечера Екатерина, осмотрѣвъ полки, небольшую часть отдѣлила для охраненія столицы, а съ остальными выступила въ походъ. Наружность императрицы была именно такая, которая могла производить на массу очень выгодное впечатлѣніе. Представьте себѣ полную, красивую женщину лѣтъ тридцати съ небольшимъ, въ темнозеленомъ преображенскомъ мундирѣ, съ голубою андреевскою лентою черезъ плечо. Дубовая вѣтка осѣняла ея шляпу, изъ подъ которой спускались густые локоны каштановыхъ волосъ; она гордо и ловко держалась на своемъ свѣтлосѣромъ конѣ съ тигристою шерстью. Подлѣ нея ѣхали гетманъ Разумовскій, два фельдмаршала И. И. Шуваловъ и графъ Бутурлинъ, генерал-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, князь Волконскій — новый начальникъ конной гвардіи, и другіе высшіе чины. Между ними рѣзко отличалась оригинальная фигура мальчика-гвардейца, который старался не отставать отъ другихъ и также бодро сидѣть на конѣ.

Въ селѣ Красный Кабачокъ Екатерина остановилась и дала роздыхъ утомленнымъ войскамъ, которыя впродолженіе 12 часовъ были на ногахъ. Сама она также имѣла нужду въ покоѣ; еще болѣе нуждалась въ немъ княгиня Дашкова, почти незнавшая сна въ послѣднія двѣ недѣли. Императрица расположилась съ княгинею въ какомъ-то бѣдномъ трактирѣ и предложила своей спутницѣ, не раздѣваясь, лечь вмѣстѣ съ нею на одну кровать. Екатерина Романовна разослала шинель, которою ссудилъ ихъ полковникъ Каръ, и онѣ улеглись. Но зоркій глазъ княгини тотчасъ замѣтилъ маленькую дверь позади изголовья. Она пошла осмотрѣть, нѣтъ ли какой опасности, и, найдя, что дверь узкимъ, темнымъ коридоромъ сообщалась съ наружнымъ дворомъ, поставила около нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ ея позволенія. Воротясь въ комнату, Дашкова застала императрицу за какими-то бумагами, и такъ какъ имъ не спалось, то онѣ прочитали вмѣстѣ копію съ приготовленнаго манифеста, а потомъ предались веселымъ мечтамъ о будущемъ и позабыли всякую мысль объ опасности.

Да и напрасно было бы тревожиться подобною мыслію. Со стороны Петергофа и Ораніенбаума не оказалось никакого серьёзнаго противодѣйствія.

Послѣднее время Петръ беззаботно проводилъ въ своей маленькой резиденціи. Ораніенбаумъ, расположенный на берегу Финскаго залива, противъ самаго Кронштадта, былъ очень красиво выстроенъ и имѣлъ всѣ принадлежности исправно вооруженной крѣпости. Тутъ, между прочимъ, обращали на себя вниманіе: двойные валы, уставленные рядами пушекъ, каменныя казармы, театръ, домъ коменданта, цейхгаузъ и въ особенности дворецъ Петра III — зданіе очень изящной архитектуры. Но все это было въ такихъ малыхъ базмѣрахъ, что городъ совсѣмъ не имѣлъ характера грозной крѣпости и въ сущности служилъ только увеселительнымъ замкомъ. Гарнизонъ его составляли голштинскій отрядъ тысячи въ полторы человѣкъ—потѣшное войско Петра III, и до тысячи русскихъ солдатъ.

Извѣстіе объ арестѣ Пассека, какъ и слѣдовало ожидать, не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія. 28 іюня императоръ, сдѣлавъ обычный разводъ гарнизону, въ 10 часовъ утра отправился въ Петергофъ, гдѣ на слѣдующій день должно было происходить празднество по случаю его именинъ. Въ одной каретѣ съ Петромъ

сидѣла Елизавета Воронцова; за ними слѣдовалъ рядъ экипажей, наполненныхъ свитою. Въ числѣ кавалеровъ находились: старый фельдмаршалъ Минихъ, канцлеръ Воронцовъ, съ братомъ Романомъ, Александръ Шуваловъ и прусскій посланникъ баронъ Гольцъ. Между дамами первыя мѣста занимали: принцесса голштейнбекская Екатерина, супруга канцлера, княгиня Трубецкая, Нарышкина, супруга гетмана Разумовскаго и двѣ хорошенькія графини Строганова и Брюсъ (тремъ послѣднимъ дамамъ и въ голову не приходило, что мужья ихъ въ то время ужъ присягали супругѣ императора Петра III). Впереди поѣзда скакалъ верхомъ генералъ адъютантъ императора, Гудовичъ.

На половинѣ дороги поравнялся съ ними крестьянинъ въ телѣгѣ. Тщетно кричалъ онъ кучеру и форейтору чтобъ они остановились; экипажи пронеслись мимо. Но, спустя нѣсколько минутъ, Гудовичъ остановилъ поѣздъ и сказалъ что-то на ухо императору. Онъ встрѣтилъ одного изъ камергеровъ императрицы, который сообщилъ ему, что Екатерины нѣтъ въ Петергофѣ, и никто не знаетъ, гдѣ она находится; только одинъ часовой замѣтилъ, что рано поутру, между 4 и 5 часами, изъ саду вышли двѣ женщины. Императоръ, съ Гудовичемъ, кратчайшей дорогой поспѣшилъ въ Монплезиръ. Онъ тщательно осмотрѣлъ комнату Екатерины, заглядывалъ подъ кровать, открывалъ шкафы, ящики и проч. „Не говорилъ ли я вамъ, что эта женщина на все способна?“ повторялъ Петръ, обращаясь къ дамамъ, которыя, между тѣмъ, къ нему подоспѣли. Поиски въ саду и въ окрестностяхъ остались также безуспѣшны. Придворные начинали догадываться; но никто еще не рѣшался высказать своихъ опасеній. Недоумѣніе, впрочемъ, скоро разъяснилось письмомъ, которое подалъ Петру незнакомецъ, одѣтый въ крестьянское платье. Въ цѣломъ, большомъ городѣ нашелся только одинъ человѣкъ, рѣшившійся извѣстить государя объ опасности. Это былъ итальянецъ Брессанъ, прежній его камердинеръ, награжденный за свою службу одною почетною должностью. Онъ послалъ въ Петергофъ самаго расторопнаго человѣка изъ своей прислуги, приказавъ ему переодѣться крестьяниномъ; послѣдній успѣлъ выбраться изъ Петербурга въ томъ самый моментъ, когда часовые готовились занять свои посты и прекратить сообщеніе съ окрестностями. „Гвардія въ полномъ возстаніи (писалъ Брессанъ). Императрица предводительствуетъ ею. Бьетъ девять часовъ; она отправляется въ церковь Казанской Богоматери. Весь народъ, кажется, присталъ къ движе-

нію, и невидно нигдѣ вѣрныхъ подданныхъ вашего величества.“— „Видите, господа, вѣдь я былъ правъ!“ воскликнулъ Петръ, обращаясь къ своей свитѣ. Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ одинъ голштинскій офицеръ, спасшійся изъ Петербурга, и подтвердилъ извѣстіе Брессана.

Петръ III и свита его были поражены изумленіемъ. Первый нашелся канцлеръ Воронцовъ: онъ попросилъ у императора позволеніе отправиться въ Петербургъ и обѣщалъ уговорить мятежниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхали князь Трубецкой и А. И. Шуваловъ. Канцлеръ явился къ императрицѣ въ то самое время, когда она собиралась въ походъ, и началъ довольно краснорѣчиво излагать ей послѣдствія, которыя могли произойдти отъ ея слишкомъ смѣлаго предпріятія. „Не я причиною того, что́ случилось, а воля всего народа“ отвѣчала Екатерина, показывая на войско и жителей столицы. Воронцовъ объявилъ себя плѣнникомъ и просилъ поставить караулъ къ дверямъ его дома, что́ и было исполнено. Трубецкой и Шуваловъ безъ особеннаго принужденія произнесли новую присягу.

Между-тѣмъ, Петръ отправилъ въ Ораніенбаумъ повелѣніе гарнизону какъ-можно-скорѣе выступить къ нему на помощь и привезти съ собою пушки. Онъ принялся диктовать указы и разсылать курьеровъ во всѣ стороны, безпрерывно обращаясь за совѣтами къ своимъ приближеннымъ и не слѣдуя изъ нихъ ни одному. Вообще, въ этотъ рѣшительный день своей жизни, Петръ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, совсѣмъ потерявшій голову, тогда какъ положеніе его было далеко не безнадежно и средства для успѣшной борьбы находились подъ руками. Не говоря о войскахъ, расположенныхъ въ Пруссіи, и о провинціяхъ государства, неуспѣвшихъ заявить себя въ пользу той или другой стороны, онъ имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи значительныя военныя силы. Притомъ, у него былъ человѣкъ, стоившій цѣлой арміи, которому, какъ полководцу, не нашлось бы равнаго соперника въ непріятельскомъ лагерѣ. Мы говоримъ о Минихѣ. Послѣ двадцатилѣтняго заточенія, онъ воротился изъ Сибири такимъ же бодрымъ и неутомимымъ, какъ прежде, и ни въ какую критическую минуту не терялъ ни своей энергіи, ни способности быстро создавать планъ дѣйствія и находить средства для его исполненія. До настоящей поры старый фельдмаршалъ держался въ сторонѣ отъ мелочной, придворной дѣятельности; но теперь онъ выступилъ впередъ, и его солдатское сердце сильно забилось при видѣ опасности. Кто знаетъ, можетъ быть, въ эту минуту въ често-

любивой душѣ снова мелькнула надежда на первую роль въ имперіи, если удастся спасти императора! Сначала, какъ говорятъ, Минихъ предложилъ императору немедленно стать во главѣ войскъ, расположенныхъ въ Ораніенбаумѣ и другихъ ближнихъ мѣстахъ, и идти въ Петербургъ; а тамъ, безъ сомнѣнія, пристали бы къ нему многіе солдаты, неучаствовавшіе въ заговорѣ и увлеченные только примѣромъ товарищей. Когда такой планъ былъ найденъ слишкомъ смѣлымъ, фельдмаршалъ началъ доказывать, что, во всякомъ случаѣ, ни Петергофъ, ни его окрестности не могутъ служить твердымъ пунктомъ для обороны, что самое вѣрное спасеніе государя въ Кронштадтѣ, гдѣ находится сильный гарнизонъ и откуда нетрудно будетъ привести въ покорность мятежную столицу.

Этотъ совѣтъ вдохнулъ мужество и бодрость въ сердца людей, окружавшихъ Петра III, которые уже повѣсили голову и замѣтно пріуныли. Въ Кронштадтъ тотчасъ отправленъ генералъ Ливерсъ, съ порученіемъ принять тамъ начальство; онъ вскорѣ прислалъ въ Петергофъ адъютанта съ извѣстіемъ, что гарнизонъ готовъ умереть за государя и ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ, сюда прибылъ голштинскій отрядъ. Увидавъ подлѣ себя любимое войско, Петръ воодушевился, поставилъ его въ боевой порядокъ и объявилъ, что постыдно было бы обратиться въ бѣгство, еще не встрѣтивъ непріятеля. Государь оставилъ пока въ сторонѣ спасительный совѣтъ Миниха и сталъ осматривать сосѣдніе холмы, выбирая мѣсто для позиціи. Онъ снова началъ диктовать указы, разсылать курьеровъ, выслушивать разныя мнѣнія и, такимъ образомъ, продолжалъ терять драгоцѣнное время. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина, съ 15,000 регулярнаго войска, выступила на петергофскую дорогу. Тогда только императоръ съ своею свитою поспѣшилъ на морской берегъ, гдѣ ожидали его двѣ яхты; гребцы дружно принялись за весла, и яхты стали быстро приближаться къ Кронштадту. Но уже было поздно: тамъ произошла перемѣна.

Посреди тревожныхъ хлопотъ и своихъ блестящихъ успѣховъ въ столицѣ, предводители екатерининской партіи сначала не обратили должнаго вниманія на Кронштадтскую крѣпость и на флотъ. Не ранѣе полудня замѣтили они, какой важный пунктъ упустили изъ виду, и не одно сердце дрогнуло при мысли — что будетъ, если Петръ воспользуется этимъ пунктомъ! Вице-адмиралъ Талызинъ получилъ приказаніе отправиться туда и, если можно, принять тамъ начальство. Талызинъ сѣлъ въ шлюпку и, подъ страхомъ смертной казни,

запретилъ гребцамъ объявлять, въ какомъ мѣстѣ они отчалили. Комендантъ, безъ позволенія котораго никто не могъ войдти въ крѣпость, самъ встрѣтилъ вице-адмирала и началъ распрашивать его о новостяхъ. Тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, что, находясь въ загородномъ домѣ, онъ услыхалъ о безпокойствахъ въ Петербургѣ и поспѣшилъ къ своему посту, то есть на флотъ. Лишь только комендантъ удалился, Талызинъ собралъ вокругъ себя толпу солдатъ и объявилъ имъ, что Петръ уже не царствуетъ, а потому они только немедленною покорностію императрицѣ могутъ заслужить ея благосклонность и богатыя награды. Солдаты противъ этого ничего не возражаютъ. Вице-адмиралъ идетъ съ ними въ крѣпость и арестуетъ высшихъ офицеровъ; потомъ онъ созываетъ весь гарнизонъ и безъ труда убѣждаетъ его присягнуть Екатеринѣ II. Крѣпость немедленно приняла грозный видъ и приготовилась къ бою.

Около десяти часовъ вечера два маленькія судна подошли къ пристани и бросили якорь.

— Кто идетъ? окликаютъ часовые.

— Императоръ.

— Нѣтъ болѣе императора!

Какъ громомъ поразили всѣхъ эти слова. Петръ встаетъ, сбрасываетъ съ себя плащъ.

— Это я, говоритъ онъ.—Развѣ вы меня не узнаёте?

Онъ хочетъ сойдти на берегъ; но караульный офицеръ требуетъ чтобъ яхты тотчасъ плыли назадъ. Петръ въ унынія опускается на скамью. Тщетно Минихъ и Гудовичъ убѣждаютъ его спрыгнуть вмѣстѣ съ ними на берегъ, увѣряя, что солдаты не посмѣютъ сдѣлать выстрѣлъ. Женщины, между тѣмъ, поднимаютъ плачъ и умоляютъ о пощадѣ; а Талызинъ грозитъ залпомъ, если суда промедлятъ еще хоть одну минуту. Тогда по командѣ капитана, матросы обрубили якорный канатъ и начали поспѣшно грести отъ берега. Дружное „ура“ въ честь Екатерины загремѣло вслѣдъ убѣгающимъ.

Когда яхты вышли за черту пушечнаго выстрѣла, гребцы, не получая никакихъ приказаній, не знали куда направить путь, и остановились въ недоумѣніи. Петръ съ Елизаветою Романовной и ея отцомъ сидѣлъ въ каютѣ, предаваясь совершенному унынію. Ночь была тихая, ясная. На палубѣ стоялъ Минихъ и спокойно смотрѣлъ на звѣзды. Повидимому, онъ размышлялъ о непостоянствѣ человѣческой судьбы; а можетъ быть въ этой неугомонной головѣ уже роились новые планы. Его позвали въ каюту.

— Фельдмаршалъ! сказалъ Петръ: — я очень жалѣю, что ранѣе не послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ. Но вы такъ много испытали перемѣнъ въ своей жизни: скажите, что̀ могу я теперь предпринять?

— Еще не все потеряно, ваше величество! отвѣчалъ Минихъ. — Надобно немедля ни минуты, изо всѣхъ силъ грести къ Ревелю, сѣсть на военный корабль и плыть въ Пруссію, гдѣ находится русская армія. Тамъ императоръ станетъ во главѣ 80,000 человѣкъ, и я ручаюсь, что въ теченіе шести недѣль Петербургъ и вся Россія будутъ снова у вашихъ ногъ.

Дамы и большая часть кавалеровъ возражали противъ этого, что гребцы не въ силахъ будутъ довезти ихъ до Ревеля.

— Ничего! перебилъ Минихъ. — Когда они устанутъ, мы всѣ вмѣстѣ примемся за весла.

Но свита рѣшительно воспротивилась такому предложенію. Дамы въ особенности убѣждали государя воротиться назадъ и старались возбудить въ немъ надежду на примиреніе съ Екатериною. Петръ уступилъ.

Въ 4 часа утра 29 іюня онъ вышелъ на берегъ въ Ораніенбаумѣ, велѣлъ свести караулы, принять пушки съ лафетовъ и солдатамъ сложить съ себя оружіе, чтобы безполезнымъ сопротивленіемъ не раздражать непріятелей. Нѣсколько минутъ спустя, Петръ схватился за мысль о бѣгствѣ и приказалъ сѣдлать лошадей, но опять уступилъ слезамъ Воронцовой и отмѣнилъ приказаніе. Тогда онъ написалъ первое письмо къ Екатеринѣ и отправилъ его съ княземъ Голицынымъ. Близъ Сергіевскаго Монастыря посолъ встрѣтилъ императрицу, которая уже оставила свой ночлегъ и снова выступила въ походъ. Супругъ предлагалъ полное примиреніе. Екатерина отвѣчала, что уже слишкомъ поздно, и продолжала путь. Императоръ послалъ второе письмо съ Измайловымъ и требовалъ свободнаго пропуска въ Голштинію. Коварный министръ двора, воротясь назадъ, сталъ уговаривать Петра, чтобъ онъ положился на великодушіе своей супруги. Безстрашный Минихъ далъ послѣдній совѣтъ императору: побѣдить, или пасть сражаясь во главѣ своихъ вѣрныхъ голштинцевъ. Старикъ клялся, что только по его трупу враги достигнутъ до особы государя. Но тотъ оставался глухъ къ подобнымъ совѣтамъ и подписалъ присланный ему актъ отреченія.

Печальную исторію Петра III мы доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ. Измайловъ арестовалъ его именемъ императрицы, посадилъ въ карету, вмѣстѣ съ Гудовичемъ и Елизаветой Воронцовой, и отвезъ

въ Петергофъ, куда уже прибыла Екатерина. Здѣсь плѣнниковъ разлучили. Гудовичъ одинъ только до конца не измѣнялъ своей присягѣ и вообще велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Петра въ тотъ же день отправили въ замокъ Ропшу, подъ прикрытіемъ военнаго отряда, которымъ начальствовали Алексѣй Орловъ, Пассекъ, князь Өедоръ Барятинскій и Баскаковъ. Здѣсь, нѣсколько дней спустя, онъ скончался.

Говорятъ, когда Минихъ представился императрицѣ, „Фельдмаршалъ! затѣтила она ему: „вы хотѣли поднять на меня оружіе.“

— Могъ ли я поступить иначе и сдѣлать менѣе для государя, которому обязанъ своею свободою? отвѣчалъ Минихъ.—Но съ этой минуты мой долгъ сражаться за ваше величество, и вы найдете во мнѣ ту же самую преданность.

Пока Екатерина отдыхала въ Петергофѣ и рѣшала разные государственные вопросы, княгиня Дашкова ни на минуту не оставалась спокойною. Умъ и чувства ея были въ самомъ возбужденномъ состояніи; она такъ увлеклась своею политическою ролью, что совсѣмъ позабыла объ усталости, во все вмѣшивалась, суетилась то въ одномъ, то въ другомъ углу дворца, хлопотала около плѣнниковъ, раздавала приказанія гвардейцамъ, содержавшимъ караулъ, и пр. Но тутъ же, въ Петергофскомъ дворцѣ пришлось ей выдержать первые удары своему самолюбію и своимъ, безъ сомнѣнія, очень далеко простиравшимся надеждамъ.

До сихъ поръ какъ мы видѣли, Княгиня Дашкова имѣла полное право считать себя душою и главнымъ двигателемъ переворота, правою рукою императрицы; по крайней мѣрѣ, ее поддерживали въ этомъ убѣжденіи. Теперь, когда переворотъ совершился, не представлялось никакой надобности скрывать настоящія отношенія. Мало того: вѣроятно, поспѣшили умѣрить ея излишнюю пылкость и дали ей понять, чтобъ она не принимала на себя слишкомъ повелительнаго тона.

Погруженная въ свои хлопоты, Екатерина Романовна съ озабоченнымъ лицомъ шла отъ голштинской принцессы на половину императрицы; вдругъ, къ великому своему удивленію, она замѣтила Григорія Орлова, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ дворца, на диванѣ,

въ самой покойной позѣ. Орловъ извинился тѣмъ, что ушибъ себѣ ногу, и, оставаясь въ томъ же положеніи, продолжалъ распечатывать какой то большой пакетъ. Княгиня часто видала подобные пакеты у своего дяди: въ нихъ обыкновенно заключались важныя государственныя бумаги.

— Что это вы дѣлаете? спросила она съ изумленіемъ.

— Да вотъ императрица приказала мнѣ распечатать, отозвался Орловъ спокойнымъ тономъ.

— Не можетъ быть. Такого пакета нельзя раскрывать безъ офиціальнаго порученія; а на подобное порученіе ни вы, ни я не имѣемъ права.

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ докладомъ, что солдаты, томимые жаждою, вломились въ погреба и киверами пьютъ венгерское, принимая его за медъ. Княгиня побѣжала возстановлять порядокъ, и убѣжденія ея такъ сильно подѣйствовали, что гвардейцы, вылисъ вино на землю, отправились утолять жажду къ ближнему ручью. Екатерина Романовна отдала имъ всѣ деньги, бывшія при ней, и обѣщала, что въ столицѣ откроютъ для нихъ всѣ питейные дома́. Это обѣщаніе солдаты приняли съ восторгомъ и весело разошлись по своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ, къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, придвинули столъ, накрытый на три прибора. Вошла императрица и пригласила княгиню занять мѣсто подлѣ себя. Та не могла скрыть своего волненія.

— Что съ вами? спросила императрица.

— Ничего. Я сильно утомилась отъ безсонныхъ ночей, продолжавшихся цѣлыя двѣ недѣли.

Желая завязать общій разговоръ и вызвать Дашкову на любезность, Екатерина сообщила ей, что Орловъ намѣренъ оставить службу.

— Не правда ли, прибавила она:—вѣдь это могло бы показаться неблагодарностью съ моей стороны, если бы я позволила ему выйдти въ отставку?

— Ваше величество имѣете столько средствъ награждать заслуги, отвѣчала Дашкова,—что, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой нужды препятствовать этому намѣренію.

Тутъ только въ первый разъ княгиня убѣдилась въ справедливости своего подозрѣнія, которое съ нѣкоторыхъ поръ тяготило ея душу и возбуждало въ ней сильную ревность. Она съ ужа-

сомъ увидѣла, что имѣетъ соперника, далеко превосходившаго ее своею приближенностью и своимъ вліяніемъ. Съ той минуты быстро начали разлетаться завѣтныя мечты о неразрывной дружбѣ и безграничной довѣренности, уступая мѣсто другимъ, менѣе благороднымъ чувствамъ.

Послѣ обѣда императрица съ своею свитою отправилась назадъ въ Петербургъ. Дорогою она сошла съ коня и сѣла въ карету, пригласивъ съ собою Дашкову, графа Разумовскаго и князя Волконскаго. Здѣсь между прочимъ, произошелъ слѣдующій трогательный разговоръ:

— Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за ваши услуги? самымъ дружескимъ тономъ спросила императрица Екатерину Романовну.

— Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ, отвѣчала княгиня:—нужно немного: будьте матерью отечеству и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ.

— Все это составляетъ мой долгъ; но мнѣ бы хотѣлось нѣсколько облегчить себя отъ бремени той признательности, которую я къ вамъ чувствую.

— Я думаю, что услуги, оказанныя другомъ, не могутъ никогда сдѣлаться бременемъ.

— Хорошо, хорошо! сказала императрица, улыбаясь и обнимая княгиню. Вы можете ворчать на меня, сколько угодно; но я все таки не отстану и сію же минуту хочу знать, что могу сдѣлать для вашего удовольствія.

— Въ такомъ случаѣ, ваше величество, благоволите воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ.

— Что значитъ эта загадка?

Екатерина Романовна смѣшалась и попросила обратиться къ князю Волконскому за объясненіемъ.

— Вѣроятно, сказалъ Волконскій:—княгиня разумѣетъ дядю своего мужа, генерала Леонтьева, съ отличіемъ служившаго въ прусской войнѣ. Онъ потерялъ значительную часть имѣнія по интригамъ жены, которая по законамъ не имѣетъ на эту часть никакого права.

Императрица вспомнила, что офицеры, отличившіеся въ войнѣ противъ Фридриха II, находились въ особенной немилости у ея супруга, и обѣщала поправить несправедливость.

— Его воскресеніе, замѣтила она:—должно быть предметомъ перваго указа, который я подпишу.

— Я буду чрезвычайно благодарна вашему величеству, отвѣчала Екатерина Романовна,—потому что генералъ Леонтьевъ единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови.

Вступленіе Екатерины II въ столицу совершилось съ необыкновеннымъ торжествомъ. Улицы и окна домовъ были наполнены народомъ. Громкіе клики толпы, военная музыка и звонъ колоколовъ—все это сливалось въ одинъ веселый гулъ; а въ глубинѣ ярко освѣщенныхъ храмовъ виднѣлись группы священнослужителей въ полномъ облаченіи, которые пѣли благодарственные молебны. Княгиня, красовавшаяся на конѣ подлѣ своей возлюбленной императрицы, готова была плакать отъ умиленія; считая себя главною виновницею торжества, она, по собственному признанію, восхищалась въ особенности тою мыслію, что переворотъ до сихъ поръ не былъ запятнанъ ни одною каплею крови.

У подъѣзда Лѣтняго дворца Дашкова разсталась на время съ императрицею и спѣшила увидѣться съ родными. Прежде всего она навѣстила дядю канцлера. Михаилъ Иларіоновичъ оставался, повидимому, совершенно спокоенъ насчетъ своей судьбы и даже прочелъ племянницѣ цѣлую лекцію о непостоянномъ счастіи людей, приближенныхъ къ царской особѣ. Отъ него Екатерина Романовна поѣхала къ отцу и съ удивленіемъ нашла въ его домѣ караулъ изъ цѣлой сотни солдатъ; тутъ же сидѣла подъ арестомъ и ея сестра Елизавета. У всѣхъ дверей стояли часовые. Обстоятельство это сильно раздосадовало княгиню. Она не выдержала и осыпала упреками на французскомъ языкѣ начальника отряда, Каковинскаго, какъ будто офицеръ поступилъ въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію. Княгиня замѣтила ему, что онъ не понялъ приказаній государыни, которая отрядила его сюда затѣмъ, чтобъ быть полезнымъ графу Роману и охранять его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, а не содержать подъ стражею, какъ измѣнника. Потомъ она велѣла немедленно отпустить половину караула во дворецъ и не преминула внушить часовымъ, что ихъ напрасно мучили всѣхъ въ домѣ графа, тогда какъ здѣсь было бы очень достаточно десяти или двѣнадцати человѣкъ.

Отецъ, по словамъ княгини, принялъ ее безъ всякаго неудовольствія и жаловался только, съ одной стороны, на тѣсное заключеніе, а съ другой—на то, что Елизавета находится съ нимъ подъ одною кровлею. Дашкова старалась успокоить его сколько могла. По дру-

гому извѣстію *), напротивъ, графъ Романъ былъ сильно вооруженъ противъ дочери за участіе въ переворотѣ и не хотѣлъ ея видѣть впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Что жъ касается сестры, то она встрѣтила княгиню горькими слезами и жалобами на свое бѣдственное положеніе. Та, по возможности, утѣшала плѣнницу и дала слово испросить для нея полное прощеніе.

Отсюда Екатерина Романовна заѣхала домой, расцаловала свою крошку Анастасію и, не успѣвъ еще перемѣнить военнаго костюма, опять поспѣшила во дворецъ. Здѣсь ожидала ее новая непріятность. Входя въ комнату императрицы, она встрѣтила Григорія Орлова и Каковинскаго, выходившихъ изъ комнаты. Екатерина приняла ее съ нахмуреннымъ лицомъ и сдѣлала строгое замѣчаніе за то, что она говорила съ офицеромъ по французски въ присутствіи солдатъ и, вопреки правиламъ военной дисциплины, хотѣла отослать часовыхъ.

Княгиня вспыхнула.

— Нѣсколько часовъ прошло съ той минуты, какъ ваше величество взошли на престолъ, отвѣчала она глубоко огорченнымъ тономъ:—и въ этотъ короткій промежутокъ времени солдаты показали мнѣ такое довѣріе, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила.

Она вынула изъ кармана екатерининскую ленту и подала ее императрицѣ.

— Потише, не горячитесь! возразила Екатерина.—Во всякомъ случаѣ, вы должны согласиться, что не имѣли права снимать караула съ его поста.

— Правда; но неужели я должна была позволить Каковинскому дѣлать только то, что ему угодно, и оставлять безъ защиты дворецъ вашего величества?

— Хорошо, хорошо! Замѣчаніе мое относится къ вашей опрометчивости; а вотъ это за ваши услуги, добавила императрица, перебрасывая черезъ плечо княгини екатерининскую ленту.

Вмѣсто того, чтобъ принять на колѣняхъ высокій знакъ отличія, Дашкова продолжала печальнымъ голосомъ:

— Простите, ваше величество; но, мнѣ кажется, уже настало время, когда истина должна удалиться изъ вашего присутствія. Позвольте мнѣ просить васъ, чтобъ вы взяли назадъ этотъ орденъ:

---

*) Дидро: „Портретъ княгини Дашковой“.

какъ украшеніе, въ моихъ глазахъ онъ не имѣетъ большой цѣны; а какъ награда, онъ нейдетъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ свои услуги непродажными.

— По крайней мѣрѣ, дружба имѣетъ свои права, и неужели въ настоящую минуту вы откажете мнѣ въ удовольствіи ими воспользоваться? говорила императрица, нѣжно обнимая княгиню.

Послѣдняя, вмѣсто отвѣта, съ энтузіазмомъ поцаловала обнимавшую ее руку. Извѣстна необыкновенная способность Екатерины II привлекать къ себѣ людей пріятностью обращенія. Ей стоило, напримѣръ, сказать нѣсколько ласковыхъ словъ, и оскорбленный другъ снова очутился у ея ногъ и снова въ восторгѣ отъ своей государыни! Екатерина очень кстати объявила при этомъ случаѣ, что отправленъ уже курьеръ за княземъ Дашковымъ и что ему, вмѣстѣ съ супругою, будутъ приготовлены комнаты во дворцѣ. Девятнадцать лѣтъ также берутъ свое: княгиню, напримѣръ, довольно много занимала въ эти минуты ея собственная наружность. „Я стояла передъ ней (говоритъ она) въ военномъ мундирѣ, съ красной лентой черезъ плечо и со шпорой на одномъ сапогѣ, имѣя видъ пятнадцатилѣтняго мальчика“.

Спустя нѣсколько дней розданы были высочайшія награды тѣмъ, которые способствовали возведенію на престолъ Екатерины II. Панинъ получилъ графскій титулъ съ пенсіономъ въ 5,000 рублей; князю Волконскому и графу Разумовскому назначенъ такой же пенсіонъ; братья Орловы награждены графскимъ титуломъ, а Григорій Григорьевичъ, кромѣ того, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и пожалованъ кавалеромъ ордена Александра Невскаго. Гвардейскіе офицеры и другія лица, принимавшія наиботѣе дѣятельное участіе въ переворотѣ, получили по 600 крестьянъ; желающимъ изъ нихъ, вмѣсто крестьянъ, выдавали 2,400 рублей. Остальнымъ, менѣе важнымъ участникамъ назначено въ подарокъ по 2,000 рублей.

Княгиня, по ея словамъ, очень удивилась, встрѣтивъ свое имя въ спискѣ лицъ, награжденныхъ крестьянами, и сначала хотѣла отказаться отъ всякаго подарка; но потомъ, чтобъ не подать повода къ сплетнямъ и не оскорбить государыни, она составила счетъ всѣмъ долгамъ своего мужа и, такъ какъ сумма ихъ почти равнялась 24,000 рублямъ, перевела на его кредиторовъ право получить эти деньги изъ собственной казны ея величества.

Отчего именно происходило ея удивленіе, Дашкова не объясняетъ. Была ли она оскорблена матеріальнымъ вознагражденіемъ за услуги,

которыя требовали одной только дружеской признательности, или вознагражденіе показалось ей слишкомъ незначительнымъ въ сравненіи съ услугами? Второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе перваго. Княгиня, кажется, оскорбилась, увидѣвъ себя отнесенною къ разряду только второстепенныхъ заговорщиковъ, тогда какъ она мечтала объ исключительномъ положеніи, о какой-нибудь необыкновенной наградѣ, которая должна была удивить и современниковъ, и потомство. Есть извѣстіе, и очень вѣроятное, что она желала получить чинъ полковника гвардіи и постоянное мѣсто въ засѣданіяхъ высшаго государственнаго совѣта. Но, каковы бы ни были ея желанія, очевидно, они не исполнились; надобно было разстаться съ мечтами и довольствоваться тѣмъ, что посылала судьба *).

По поводу упомянутыхъ наградъ княгиня разсказываетъ одинъ довольно забавный анекдотъ, который бросаетъ тѣнь на И. И. Бецкаго, знаменитаго своими заслугами на поприщѣ воспитанія... прибавимъ: если только этотъ анекдотъ не представляетъ дѣла въ искаженномъ видѣ.

„На четвертый день послѣ переворота, Бецкій попросилъ у Екатерины аудіенцію. Я была одна подлѣ императрицы, когда онъ вошелъ въ комнату и, къ величайшему удивленію нашему, ставъ на колѣни, умолялъ ее признаться, чьему вліянію приписываетъ она свое восшествіе на престолъ.

— Всемогущему Богу и желанію моего народа, отвѣчала императрица.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, съ видомъ отчаянія: — я не смѣю болѣе носить этотъ знакъ отличія—и хотѣлъ снять съ себя

---

*) Нѣкоторые иностранные источники цитуютъ письмо Екатерины II (адресованное, какъ полагаютъ, на имя Понятовскаго), въ которомъ она, изображая вкратцѣ исторію переворота, не признаетъ за княгиней Дашковой никакой значительной роли въ этомъ событіи и выставляетъ ее женщиной чрезвычайно экзальтированной и своенравной. Подлинность письма не доказана; но оно довольно правдоподобно и можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе объ истинныхъ чувствахъ императрицы къ бывшему ея другу. Екатерина, повидимому, досадуетъ на то, что въ Европѣ заговорили о Дашковой, какъ о женщинѣ, которой она обязана престоломъ. Въ письмѣ вся честь переворота приписана братьямъ Орловымъ. Мнѣніе это ей отчасти удалось распространить. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ II, разговаривая однажды съ графомъ Сегюромъ, между прочимъ, сказалъ: „Les Orloff ont tout fait, la princesse d'Aschkoff n'a été là que la mouche vaniteuse du coche. Rulhière s'est trompé“. Mém. par le c. de Ségur.

александровскую ленту. Но государыня удержала его и спросила, чего онъ желаетъ.—Я несчастнѣйшее созданіе въ мірѣ, продолжалъ Бецкій:—если ваше величество не признаете во мнѣ единственнаго человѣка, которому обязаны своею короною. Не я ли склонилъ гвардію? не я ли сыпалъ деньгами въ народѣ?

Мы обѣ подумали, что онъ сошелъ съ ума, и начали уже безпокоиться, какъ вдругъ императрица съ обыкновенной своей ловкостью дала этому приключенію комическій оборотъ и въ то же время удовлетворила тщеславію генерала.

— Я вполнѣ признаю ваши огромныя заслуги, сказала она торжественнымъ тономъ:—и такъ какъ я обязана вамъ моею короною, то кому же другому могу поручить приготовленіе ея ко дню коронаціи? Возлагаю это дѣло на васъ и отдаю вамъ подъ надзоръ всѣхъ ювелировъ моего государства.

„Бецкій вскочилъ въ восторгѣ, разсыпался въ благодарностяхъ и поспѣшилъ изъ комнаты, вѣроятно, сгарая нетерпѣніемъ объявить всѣмъ о наградѣ, соотвѣтственной его заслугамъ. Излишне прибавлять, что мы отъ души смѣялись этому приключенію, которое въ одно время характеризуетъ и геніальную находчивость Екатерины, и крайнюю глупость Бецкаго“.

Предоставляемъ судить читателямъ, до какой степени было трогательно свиданіе молодыхъ супруговъ. Императрица немедленно назначила князя Дашкова командиромъ лейбъ-гвардейскаго кирасирскаго полка, въ которомъ она сама числилась полковникомъ. До сихъ поръ этотъ полкъ имѣлъ почти исключительно нѣмецкихъ офицеровъ, и потому назначеніе русскаго командира произвело пріятное впечатлѣніе на солдатъ. Своею щедростью и обходительностью князь вскорѣ пріобрѣлъ любовь подчиненныхъ и поставилъ полкъ на такую ногу, что онъ считался самымъ отборнымъ и щеголеватымъ въ цѣлой арміи.

Супруги не замедлили перебраться во дворецъ и зажили здѣсь очень весело, хотя и не всегда спокойно. Они каждый день обѣдали съ императрицею, а ужинали въ собственныхъ комнатахъ, приглашая обыкновенно на вечеръ человѣкъ десять, или двѣнадцать своихъ знакомыхъ. Если княгиня не могла въ то время похвалиться искреннею дружбою императрицы, то, по крайней мѣрѣ, по словамъ ея, бывали минуты, когда государыня, оставивъ въ сторонѣ всякій этикетъ, предавалась въ обществѣ молодыхъ супруговъ самой задушевной веселости; она нерѣдко шалила съ ними, какъ избалованное

дитя. Например̆ъ, княгиня, существо восторженное и нервное, очень любила музыку; Екатерина же, напротивъ, была къ ней совершенно равнодушна. Несмотря на то, она охотно слушала пѣніе княгини, а иногда, тайкомъ подавъ знакъ князю Дашкову, пресерьёзно затягивала вмѣстѣ съ нимъ дуэтъ. Такимъ образомъ, вдвоемъ, не зная ни одной ноты, пѣвцы сочиняли ужасный концертъ, который назывался у нихъ „небесною музыкою" и оканчивался обыкновенно самыми раздирательными воплями и уморительными гримасами.

Изъ числа придворныхъ ветерановъ болѣе всѣхъ обращали на себя вниманіе Дашковой: вопервыхъ, умный, но лукавый старикъ Бестужевъ-Рюминъ, возвращенный изъ ссылки Екатериною и осыпанный ея милостями; потомъ Лестокъ, нѣкогда лейбъ-медикъ Елизаветы Петровны, и въ особенности фельдмаршалъ Минихъ. Рыцарски утонченная вѣжливость и любезность фельдмаршала рѣзко отличали его отъ толпы молодыхъ придворныхъ кавалеровъ, которые были подняты вверхъ послѣднимъ поворотомъ колеса бо́льшею частію съ довольно невысокихъ ступеней общества и далеко не могли похвалиться отличнымъ образованіемъ, или изяществомъ своихъ манеръ. Княгиня часто пользовалась бесѣдою Миниха и любила слушать его разсказы о прошлыхъ временахъ.

Съ другой стороны, главными врагами Дашковой, которые отравляли ея существованіе, становясь между ею и императрицею, были братья Орловы. Въ обществѣ Григорія княгиня еще сохраняла внѣшнія приличія; но Алексѣя она не могла равнодушно видѣть. И надобно отдать ему справедливость: несмотря на свою обычную смѣлость и безцеремонность въ обращеніи, онъ останавливался передъ этою энергическою женщиной и впродолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ не рѣшился сказать ей ни одного слова. Кліенты Орловыхъ, разумѣется, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали княгинѣ чувствовать все превосходство надъ нею ея соперника.

Впрочемъ, не отъ однихъ враговъ приходилось Дашковымъ терпѣть горе: и самые друзья, въ выборѣ которыхъ князь былъ довольно неразборчивъ, причиняли имъ иногда большія непріятности. Княгиня разсказываетъ по этому поводу слѣдующій случай:

„Между примѣрами неблагодарности, глубоко огорчившими насъ, замѣчателенъ поступокъ одного молодаго офицера, именно Михаила Пушкина. Я разскажу его вполнѣ, потому что онъ навлекъ на меня неудовольствіе императрицы.

„Отецъ этого молодаго человѣка былъ какимъ-то чиновникомъ,

потерявшимъ мѣсто за дурное поведеніе; самъ онъ служилъ поручикомъ въ одномъ полку съ княземъ Дашковымъ, который часто помогалъ ему деньгами. Молодёжъ любила Пушкина за его остроуміе и веселый характеръ. Князь, по товариществу, безъ дальнихъ разсужденій, допустилъ его въ число своихъ друзей. Передъ самой нашей свадьбой, по просьбѣ князя, я выручила Пушкина изъ непріятной и очень неловкой исторіи съ г. Гейбнеромъ, первымъ французскимъ банкиромъ въ Петербургѣ: вмѣсто того, чтобъ заплатить послѣднему долгъ, молодой человѣкъ велѣлъ его вытолкать изъ своего дома. Гейбнеръ, разумѣется, подалъ жалобу на такое грубое оскорбленіе, и французскій посланникъ, маркизъ Лопиталь, горячо его поддерживалъ. Такъ какъ мнѣ часто случалось видѣть маркиза въ домѣ моего дяди, то я убѣдила его способствовать окончанію процеса и написать письмо къ князю Меньшикову, начальнику Пушкина, о томъ, что дѣло съ банкиромъ уладилось мирнымъ образомъ.

„Съ того времени карьера этого офицера сдѣлалась предметомъ нашихъ заботъ. Однажды, въ царствованіе Петра III, императрица разсуждала со мною о предложеніи Панина, который совѣтовалъ ей помѣстить подлѣ великаго князя въ качествѣ товарищей нѣсколько молодыхъ людей, особенно знающихъ иностранные языки и иностранную литературу. Я тотчасъ отрекомендовала ея величеству Михаила Пушкина, какъ юношу, вполнѣ удовлетворявшаго такому назначенію. Но, спустя нѣсколько недѣль, онъ попалъ въ другую, очень скандальную исторію, и, хотя я лично не была расположена къ молодому человѣку, однакожь, по просьбѣ мужа, возбудила къ нему участіе императрицы и тѣмъ спасла его отъ бѣды.

„Незадолго до восшествія на престолъ Екатерины, я была у нея разъ вечеромъ въ Петергофѣ. Панинъ также пришелъ къ ней, и съ великимъ княземъ. Во время разговора онъ коснулся чрезвычайной застѣнчивости и даже дикости своего питомца, что приписывалъ отчужденію великаго князя отъ общества сверстниковъ. При этомъ случаѣ онъ опять напоминалъ о своемъ предложеніи выбрать ему товарищей и въ числѣ другихъ назвалъ Михаила Пушкина, о которомъ просилъ его князь Дашковъ передъ своимъ отъѣздомъ. Услыхавъ имя этого офицера, императрица тотчасъ обратила вниманіе на его репутацію. „Хотя обвиненіе противъ Пушкина въ послѣднемъ его поступкѣ, можетъ быть, и неосновательно“ замѣтила она „но дѣло получило такую гласность, что уже по одному малѣй-

шему подозрѣнію въ участіи онъ не можетъ быть допущенъ къ моему сыну." Соглашаясь съ мнѣніемъ Екатерины, я напомнила, однако, что мы рекомендовали его прежде непріятнаго происшествія, и просила ее подумать о томъ, что жестоко было бы единственно по одному подозрѣнію отнять у молодаго человѣка возможность съ пользою употребить свои таланты.

„Таковы были наши одолженія Пушкину, и вотъ какимъ образомъ онъ отплатилъ за нихъ:

„Когда Екатерина была уже на престолѣ и мы жили во дворцѣ, однажды вечеромъ пришелъ къ намъ Пушкинъ и казался очень печальнымъ. Я стала съ участіемъ его распрашивать. Онъ отвѣчалъ, что дѣла его идутъ все хуже и хуже и что, несмотря на мое обѣщаніе, онъ потерялъ всякую надежду получить мѣсто при великомъ князѣ. Я старалась разсѣять его черныя думы, совѣтовала не впадать въ уныніе и опять обѣщала употребить съ своей стороны всѣ усилія, чтобъ смягчить императрицу. Но что жъ изъ этого вышло? Едва онъ меня оставилъ, какъ встрѣтилъ Зиновьева. Съ тѣмъ же печальнымъ видомъ Пушкинъ разсказалъ ему о своемъ несчастіи, которое будто-бы сейчасъ только отъ меня узналъ, и горько жаловался на то, что его несправедливо замѣшали въ упомянутый скандалъ. Зиновьевъ вызвался отрекомендовать его Григорію Орлову, съ которымъ находился въ очень интимныхъ отношеніяхъ. Предложеніе было охотно принято, и Пушкинъ попалъ подъ покровительство фаворита. Орловъ замѣтилъ въ немъ человѣка, способнаго перейдти совершенно на его сторону и клеветать на меня: поэтому взялся самъ доставить ему мѣсто при великомъ князѣ, желая показать, какъ мало вниманія обращаетъ императрица на мое ходатайство.

„Въ тотъ же вечеръ, къ великому нашему удивленію, князь Дашковъ получилъ письмо отъ Пушкина. Молодой человѣкъ извѣщалъ о томъ, что Зиновьевъ представилъ его Орлову и что у послѣдняго происходилъ разговоръ, котораго онъ хорошо не помнитъ, но который можетъ имѣть вредныя для меня послѣдствія. Чувствуя себя виновнымъ и желая оправдаться, онъ объявлялъ, что готовъ письменно подтвердить свои объясненія на слѣдующее утро. Я презирала подобныя мелочи и совѣтовала не обращать на нихъ вниманія; но мужъ мой считалъ себя не вправѣ отнять у своего пріятеля средства къ оправданію.

„На другой день я, по обыкновенію, явилась къ императрицѣ. Разговоръ коснулся Пушкина.

— Съ какою цѣлью, спросила она:—хотѣли вы разрушить довѣріе ко мнѣ моего подданнаго и распускать слухъ, будто бы я потеряла объ немъ доброе мнѣніе? И за что бы я сдѣлала несчастнымъ этого молодаго человѣка?

„Изумленная подобнымъ обвиненіемъ и возмущенная неблагодарностью Пушкина, я съ трудомъ удержала свое негодованіе и ограничилась только слѣдующимъ возраженіемъ: такъ какъ ея величеству очень хорошо было извѣстно мое стараніе помочь молодому человѣку, то я предоставляю ей самой судить о его низости, и рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ слово утѣшенія можетъ быть обращено въ дурную сторону. Я не только не старалась похитить у нея довѣрія подданнаго, но напротивъ, убѣждала Пушкина надѣяться, что если онъ не получитъ мѣсто при великомъ князѣ, то, по милости царской, найдетъ себѣ другое, на которомъ будетъ въ состояніи въ честью употребить свои способности.

„Тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Думаю, что мое объясненіе удовлетворило императрицу; однако, я глубоко была огорчена такимъ поспѣшнымъ и незаслуженнымъ выговоромъ.

„Послѣ того, когда я увидѣла своего мужа, онъ мнѣ сказалъ:

— Твое мнѣніе относительно этого бездѣльника Пушкина оказалось болѣе основательно, чѣмъ мое. Я посылалъ къ нему камердинера; но онъ отказался написать обѣщанное оправданіе, разумѣется, избѣгая опасности расписаться въ собственной лжи.

— Намъ остается одно, отвѣчала я:—забыть этого коварнаго человѣка, который никогда не былъ достоинъ твоей дружбы.

„Дальнѣйшее поведеніе Пушкина оправдало мои слова и обнаружило все неблагородство его характера. Опредѣленный по милости Орлова начальникомъ мануфактуръ-коллегіи, онъ сталъ поддѣлывать банковые билеты, за что былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свою жизнь“.

Такимъ образомъ, лишь только цѣль заговорщиковъ была достигнута и общій интересъ, общая опасность уже не связывали ихъ въ тѣсный кружокъ, отношенія Дашковой къ Екатеринѣ все болѣе и болѣе теряли дружескій, интимный характеръ. Княгиня главнымъ виновникомъ охлажденія старается выставить Григорія Григорьевича Орлова. Но такое обвиненіе справедливо только отчасти: вмѣшательство третьяго лица въ этомъ случаѣ послужило скорѣе поводомъ; а причины лежали гораздо глубже: онѣ заключались въ самомъ характерѣ двухъ бывшихъ друзей. Мы говорили о томъ, что

полнаго сближенія не было и прежде; тѣмъ менѣе могло оно существовать теперь, когда не представлялось никакой нужды въ княгинѣ и когда свободно могли выступить наружу всѣ неровности обоихъ характеровъ. Натура Екатерины, гордая, тонко-расчетливая, стремившаяся къ безусловному подчиненію всего окружающаго, не могла долго терпѣть подлѣ себя другой женщины столь же энергической, не менѣе гордой и тщеславной, которая не умѣла, или не хотѣла отказаться отъ своихъ притязаній на идеальную дружбу съ императрицей и безропотно потеряться въ лучахъ ея славы.

Окончательный ударъ дружескимъ отношеніямъ былъ нанесенъ въ Москвѣ, куда дворъ отправился осенью того года, чтобъ совершить обычный обрядъ коронованія.

Екатерина Романовна ѣхала въ одной каретѣ съ императрицей; князь Дашковъ находился въ ея свитѣ. Дворъ остановился за нѣсколько верстъ отъ города, на дачѣ графа Разумовскаго (въ селѣ Петровскомъ). Княгиня горѣла нетерпѣніемъ обнять своего малютку, котораго въ прошломъ году оставила на рукахъ у свекрови. Тщетно императрица, подъ разными предлогами, удерживала ее при себѣ; наконецъ она принуждена была объявить родителямъ печальную вѣсть: ихъ маленькій Миша умеръ. Разумѣется, мать была очень поражена этимъ извѣстіемъ и нѣсколько дней провела въ слезахъ. Добрая свекровь старалась ее утѣшить и своими нѣжными попеченіями много облегчила ея скорбь.

Княгиня Дашкова отказалась участвовать въ процессіи торжественнаго въѣзда въ Москву и хотя посѣщала императрицу каждый день, но убѣгала всѣхъ общественныхъ удовольствій. Впрочемъ, семейное горе не помѣшало ей продолжать свой антагонизмъ съ партіей Орловыхъ и слѣдить за всѣми ея маневрами.

Братья Орловы были главными распорядителями церемоніала во время коронаціи. Они примѣнили къ нему нѣмецкій этикетъ введенный Петромъ III, по которому военные чины играли главную роль на всѣхъ придворныхъ торжествахъ. Екатеринѣ Романовнѣ, на этомъ основаніи, отвели мѣсто въ соборѣ не какъ особѣ, близкой къ императрицѣ, но какъ женѣ простаго полковника; а чинъ полковника, нужно замѣтить, былъ самый низшій изъ тѣхъ, которые допускались внутрь собора. Для заднихъ зрителей устроили вдоль стѣны высокія подмостки, и каждая особа, стоявшая на нихъ, была, конечно, на виду: такимъ образомъ, мѣсто, занимаемое княгинею Дашковой, непремѣнно бросалось въ глаза всѣмъ присутствующимъ. Если возь-

мемъ во вниманіе привычку толпы составлять понятіе объ общественномъ значеніи человѣка по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ торжественныхъ церемоніяхъ, то мы поймемъ, сколько надобно было имѣть твердости духа и увѣренности въ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, чтобъ пренебречь подобными мелочами. Друзья княгини совѣтовали ей совсѣмъ не являться въ соборѣ; но гордая женщина хотѣла показать, что она стоитъ выше общественныхъ предразсудковъ. 22 сентября она проводила императрицу въ Успенскій храмъ, потомъ заняла скромное мѣсто на подмосткахъ и храбро выдерживала двусмысленные взгляды своихъ враговъ. Чего, однако, стоили ей минуты, проведенныя въ соборѣ, и какая борьба происходила въ гордой душѣ, видно изъ того значенія, которое сама княгиня придаетъ такому маловажному обстоятельству: она смотритъ на свое поведеніе въ этомъ случаѣ, какъ на поступокъ по истинѣ геройскій.

Въ длинномъ спискѣ лицъ, удостоенныхъ повышенія по случаю коронаціи, имена Дашковыхъ заняли непослѣднее мѣсто: князь былъ пожалованъ камергеромъ—что давало ему право состоять въ чинѣ бригадира—и оставленъ командиромъ кирасирскаго полка; а княгиня получила достоинство статсъ-дамы ея величества.

Зимою 1762—63 г., между тѣмъ, какъ одни увеселенія смѣнялись другими и Москва представляла безпрерывный рядъ праздниковъ, Екатерина Романовна заключилась въ тѣсномъ семейномъ кругу и почти перестала являться при дворѣ. Причиною такого скромнаго образа жизни она выставляетъ смерть свояченицы и собственную беременность; но, очевидно, княгиня умалчиваетъ о главномъ: о перемѣнѣ отношеній къ императрицѣ.

Въ то время въ Москвѣ разыгралась маленькая драма. Орловъ не хотѣлъ удовольствоваться ролью фаворита: онъ простеръ свои честолюбивые виды гораздо далѣе, и, какъ говорятъ, не совсѣмъ безосновательно. Старый интриганъ Бестужевъ взялся помогать ему и составилъ адресъ на имя императрицы, въ которомъ умолялъ ее довершить свои благодѣянія русскому народу—избраніемъ себѣ достойнаго супруга между подданными. Онъ уже собралъ подписи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и намѣренъ былъ поднести адресъ отъ лица всего государства. Но противъ такого дѣла горячо возстала партія людей, непріязненныхъ Орлову, представителями которой были: канцлеръ Воронцовъ, графъ Панинъ и гетманъ Разумовскій. Воронцовъ отправился во дворецъ и попросилъ аудіен-

цію. Онъ съ жаромъ предупреждалъ императрицу объ опасности, угрожавшей ей, еслибъ планъ Орлова и Бестужева былъ приведенъ въ исполненіе, и предсказывалъ сильное неудовольствіе народа, именемъ котораго хотѣли дѣйствовать честолюбцы. Екатерина благосклонно приняла доводы Воронцова, и слухи объ адресѣ замолкли.

Дѣло это, однако, не осталось безъ послѣдствій. Между жителями Москвы произошло явное волненіе, а въ гвардіи составилась партія офицеровъ, съ негодованіемъ смотрѣвшихъ на чрезвычайно быстрое возвышеніе Орловыхъ и на ихъ честолюбивые замыслы. Душою недовольныхъ былъ нѣкто Хитровъ, одинъ изъ самыхъ безкорыстныхъ участниковъ въ переворотѣ 1762 года. Онъ готовилъ энергическій протестъ въ отвѣтъ на адресъ Бестужева и успѣлъ скрѣпить его подписью многихъ именъ. Хитрова арестовали. На допросѣ онъ откровенно объявилъ свои побужденія. Его, между прочимъ, спросили, была ли съ нимъ въ заговорѣ княгиня Дашкова. Хитровъ отвѣчалъ, что дѣйствительно онъ три раза являлся къ ней въ домъ съ намѣреніемъ попросить совѣта, но княгиня никого не принимала.

По извѣстной непріязни къ Орловымъ, Екатерина Романовна, конечно, не оставалась равнодушною къ проекту Бестужева; однако, нѣтъ никакихъ явныхъ доказательствъ того, чтобъ она принимала непосредственное участіе въ дѣлѣ Хитрова *). За то въ разговорахъ съ посторонними людьми княгиня давала слишкомъ много воли своему языку, и смѣлыя рѣчи ея, разумѣется, дошли до слуха императрицы.

Былъ май мѣсяцъ. Екатерина Романовна, недавно разрѣшившаяся отъ бремени, лежала въ постели. Въ той же комнатѣ лежалъ и мужъ ея, занемогшій своею обыкновенною болѣзнію—воспаленіемъ въ горлѣ. Оба брата Панины сидѣли у Дашковыхъ. Вдругъ докладываютъ князю, что пришелъ Тепловъ, секретарь императрицы, и проситъ его выйдти на улицу, имѣя что-то ему сообщить. Князь потихоньку одѣлся, сошелъ внизъ и принялъ отъ Теплова записку императрицы слѣдующаго содержанія:

---

*) Не смотря на то, императрица, какъ разсказываютъ, сильно ее подозрѣвала и, желая получить признаніе, будто бы написала ей ласковое письмо, въ которомъ убѣждала открыть все, что она знала о новомъ заговорѣ. „Ваше величество“ былъ отвѣтъ княгини: „я ничего не слыхала; да если-бъ и слышала что-нибудь, то, конечно, не сказала бы. Что вамъ угодно отъ меня? Чтобъ я умерла на эшафотѣ? Я готова“. Депеша Беранже отъ 15 іюня 1763 г. Но Дашкова въ своихъ „Запискахъ“ не говоритъ ни слова о подобномъ вопросѣ, или отвѣтѣ.

„Я искренно желала бы не предавать забвенію услугъ княгини Дашковой, и мнѣ очень прискорбно ея неосторожное поведеніе. Напомните ей объ этомъ, князь, такъ какъ она позволяетъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ“.

Мужъ и братья Панины хотѣли сначала скрыть эту непріятность отъ княгини; но, замѣтивъ ихъ безпокойство и таинственныя совѣщанія, Екатерина Романовна убѣдила открыть ей содержаніе письма. Чрезвычайно взволнованная имъ, она, однако, удержалась отъ всякой рѣзкой выходки и только поручила графу Панину спросить императрицу, когда ей угодно будетъ назначить крещеніе ребенка, которому обѣщала быть крестной матерью. Въ ту же ночь княгиня была внезапно разбужена отъ своего лихорадочнаго сна крикомъ и буйными пѣснями пьяной толпы, которая проходила подъ ея окнами. (Домъ Орловыхъ находился по сосѣдству). Испуганная этимъ шумомъ, она тотчасъ почувствовала параличъ въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Сидѣлка ея немедленно побѣжала за полковымъ хирургомъ, который жилъ въ томъ же домѣ. Хирургъ, взглянувъ на княгиню, счелъ ея положеніе до того опаснымъ, что потребовалъ на помощь доктора и князя Дашкова. Къ утру больной сдѣлалось еще хуже. Она велѣла принести дѣтей, призвала князя и умоляла его болѣе всего заботиться объ ихъ воспитаніи. Потомъ она обняла мужа и простилась съ нимъ навсегда.

„Взоръ, выраженіе лица, съ которымъ онъ принялъ мой слабый поцалуй, до сихъ поръ живутъ у меня въ сердцѣ“ говоритъ княгиня въ своихъ воспоминаніяхъ „и эта предсмертная минута была для меня почти счастіемъ. Но Богу было угодно отвести ударъ, ожидаемый мною съ тихою покорностію, и продолжить мою жизнь, которая послѣ смерти милаго мужа потеряла для меня всю свою цѣну“.

Императрица исполнила свое обѣщаніе, несмотря на перемѣну отношеній. Вмѣстѣ съ великимъ княземъ, она была воспріемницею новорожденнаго сына, но ни прежде, ни послѣ священнаго обряда не спросила о здоровьи его матери. Мало того: есть извѣстіе (Дидро), что только болѣзненное состояніе княгини спасло ее отъ ареста.

Вскорѣ затѣмъ дворъ воротился въ Петербургъ. Князь Дашковъ уѣхалъ къ своему полку; а Екатерина Романовна оставалась въ Москвѣ и по немногу оправлялась отъ болѣзни, принимая холодныя ванны. Пріятельница княгини, Каменская, съ своими сестрами, раздѣляла ея уединеніе. Такъ прошло время почти до конца 1763 года. Въ декабрѣ молодая Дашкова, чувствуя себя совершенно здоровою,

отправилась къ мужу. На этотъ разъ они поселились уже не во дворцѣ, а въ наемномъ домѣ.

III.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЕВРОПѢ.

Смерть князя Дашкова.—Первое путешествіе княгини по Германіи, Англіи и Франціи.—Знакомство съ Дидро и Вольтеромъ.—Плаваніе по Рейну.—Трогательная дружба съ леди Гамильтонъ.—Возвращеніе въ Россію.—Перемѣна въ придворныхъ отношеніяхъ.—Вторичный отъѣздъ за границу.—Пребываніе въ Шотландіи и заботы о воспитаніи сына.—Новое путешествіе по Западной Европѣ.—Встрѣча съ княземъ Орловымъ.—Поѣздка въ Италію.—Обратный путь.

Внѣшняя политика русскаго кабинета сосредоточила свое главное вниманіе на дѣлахъ Польши, гдѣ смерть короля Августа III (1763 г.) открыла широкое поле дипломатическимъ интригамъ Европы. Избиратели, какъ извѣстно, раздѣлились на двѣ партіи: одна хотѣла иностраннаго принца, и преимущественно изъ той же Саксонской династіи; другая желала видѣть на престолѣ природнаго поляка изъ древней аристократической фамиліи. Русское правительство приняло сторону послѣдней (партіи князей Чарторижскихъ) и объявило себя въ пользу Станислава Понятовскаго, бывшаго при Елизаветѣ польскимъ посломъ въ Петербургѣ, человѣка, очень хорошо извѣстнаго Екатеринѣ. Императрица двинула на западъ войско, чтобы силою оружія поддержать избраніе своего кліента. Въ числѣ генераловъ дѣйствующей арміи находился и Михаилъ Ивановичъ Дашковъ. Княгиня, въ своихъ запискахъ, очевидно, преувеличиваетъ значеніе мужа въ польскихъ дѣлахъ, то-есть его полномочіе и услуги, оказанныя сторонѣ Понятовскаго. Онъ просто начальствовалъ авангардомъ арміи, которая была направлена къ Варшавѣ.

Послѣ разлуки съ мужемъ, здоровье Екатерины Романовны опять разстроилось. Лѣто 1764 года она провела на дачѣ своего родственника, князя Куракина, въ той самой Гатчинѣ, которая потомъ была куплена императрицею и сдѣлалась резиденціей великаго князя. Княгиня жила здѣсь въ полномъ уединеніи съ двумя дѣтьми и дѣвицею Каменской, почти никого не принимала и выѣзжала изъ дому только для прогулокъ по окрестностямъ. Ея тихое уединеніе оживлялось,

впрочемъ, письмами мужа, приходившими съ каждою почтою, и сосѣдствомъ Петра Ивановича Панина; княгиня уступила ему большую часть дачи, а сама помѣстилась въ одномъ углу обширнаго зданія.

Генералъ и сенаторъ Панинъ постоянно занимался государственными дѣлами, и каждое утро принималъ цѣлую толпу просителей. Въ числѣ послѣднихъ иногда можно было встрѣтить поручика Мировича, который въ то же лѣто пріобрѣлъ громкую извѣстность своею безумною попыткою посадить на престолъ Ивана Антоновича, бывшаго малютку-императора. Извѣстно, что его попытка окончилась убіеніемъ несчастнаго Ивана въ Шлиссельбургской Крѣпости, и Мировичъ сложилъ на плахѣ свою буйную голову. Несмотря на то, что судъ производился съ большою торжественностію, дѣло это до сихъ поръ остается невполнѣ яснымъ. Трудно сказать, самъ ли Мировичъ рѣшился на такое отчаянное предпріятіе, или имъ руководила другая, болѣе значительная особа, оставшаяся въ тѣни. Ка́къ бы то ни было, шлиссельбургская катастрофа не прошла безъ послѣдствій для княгини Дашковой, хотя, по ея словамъ, она никогда и въ глаза не видала Мировича. Императрица находилась въ Ригѣ, въ то время, когда получила извѣстіе о катастрофѣ, съ прибавленіемъ, что поручикъ нѣсколько разъ приходилъ рано поутру въ домъ княгини Дашковой. Къ счастью для нея, генералъ Панинъ вскорѣ объяснилъ, къ кому относились эти таинственныя посѣщенія, и княгиню оставили въ покоѣ. Но уже самая возможность подозрѣнія ставила Дашкову въ положеніе чрезвычайно непріятное и неминуемо влекла за собою большее и большее отдаленіе ея отъ императрицы. Подозрѣніе это нисколько неудивительно: Екатерина знала княгиню какъ женщину съ безпокойнымъ, предпріимчивымъ характеромъ, которая въ 19 лѣтъ пріобрѣла уже славу искуснаго заговорщика; она очень естественно могла предположить, что подобная женщина, считая себя обиженною, схватится за первый удобный случай отомстить неблагодарному другу и снова обратить на себя вниманіе цѣлой Европы. Дѣйствительно, иностранные писатели примѣшиваютъ имя Дашковой почти ко всѣмъ политическимъ волненіямъ и заговорамъ, которые были довольно часты въ первые годы Екатеринина царствованія. Конечно, они въ этомъ случаѣ полагались на разные слухи, имѣвшіе видъ вѣроятности. Княгиня съ своей стороны энергически протестуетъ противъ подобныхъ обвиненій. Что она давала очень много воли своему языку—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, по

недостатку ясныхъ доказательствъ, исторія не въ правѣ серьёзно приписывать ей новыя революціонныя попытки. Мы думаемъ, что для этого она слишкомъ хорошо понимала различіе между Петромъ III и Екатериною II.

Въ концѣ лѣта Екатерина Романовна перебралась съ дачи въ Петербургъ, и тутъ особенно сблизилась съ своею тёткою, женою генерала Панина. Эта кроткая, умная женщина, по слабости здоровья, должна была ограничить свое знакомство только тѣснымъ кружкомъ самыхъ близкихъ людей. Княгиня вспоминаетъ о ней съ большимъ уваженіемъ и очень сожалѣетъ о томъ, что лишилась ее слишкомъ рано.

Разъ утромъ, въ сентябрѣ того же 1764 года, тётка заѣхала къ Дашковой и предложила ей вмѣстѣ прогуляться. Лицо Паниной въ тотъ день было блѣднѣе обыкновеннаго: на немъ отражалось сильное внутреннее волненіе. Княгиня съ участіемъ замѣтила эту печальную перемѣну въ наружности своей гостьи и охотно согласилась ей сопутствовать. Послѣ прогулки, карета привезла ихъ въ домъ тётки; здѣсь встрѣтили княгиню оба брата Панины съ грустными, озабоченными лицами. Казалось, ихъ тяготила какая то роковая тайна; но прошелъ обѣдъ, и никто не рѣшился первый заговорить о ней. Наконецъ, мало по малу, со всею деликатностію дружескаго участія, тайна была открыта. Княгиня лишилась чувствъ. Дѣло въ томъ, что наканунѣ прискакалъ курьеръ изъ Польши съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Понятовскаго; но онъ же привезъ и другаго рода извѣстіе; князь Дашковъ палъ жертвою лихорадки во время усиленныхъ переходовъ своего отряда.

Нѣсколько часовъ княгиня оставалась въ совершенномъ безпамятствѣ и потомъ, впродолженіе двухъ или трехъ дней, безпрестанно впадала въ оцѣпененіе. Добрая тётка уложила ее въ постель, велѣла привести дѣтей и, при всемъ своемъ нездоровьѣ, не отходила отъ нея, ни днемъ, ни ночью, до тѣхъ поръ, пока не миновала серьёзная опасность. Ея попеченія раздѣляли въ этомъ случаѣ Каменская и почтенный, искусный докторъ Краузе. Общими усиліями друзей жизнь княгини была спасена. Но лишь только больная вышла изъ своего летаргическаго состоянія, какъ ее постигла новая скорбь: въ свою очередь, она стояла теперь у постели умирающей тётки, и съ грустію слѣдила, какъ съ каждымъ днемъ угасала эта добрая женщина.

Послѣ похоронъ Паниной, Екатерина Романовна ревностно за-

нялась устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и особенно экономическою частью, которая послѣ мужа осталась въ совершенномъ разстройствѣ. Но время сказать нѣсколько словъ о личности князя Дашкова. Мы не имѣемъ основанія увлекаться похвалами, которыя расточаетъ ему нѣжная супруга. Поведеніе князя, насколько оно извѣстно, убѣждаетъ насъ въ томъ, что это былъ человѣкъ простой, откровенный, безъ особенныхъ претензій—вообще то, что въ дружескомъ разговорѣ мы называемъ „добрый малый". Чувствуя все умственное превосходство княгини, онъ невольно подчинялся ея вліянію; но при удобномъ случаѣ, непрочь былъ покутить съ товарищами, или завести интригу съ хорошенькою женщиною, забывая о чрезвычайно ревнивомъ характерѣ своей супруги. „Я знаю только два предмета (говорила впослѣдствіи Дашкова), которые были способны воспламенить бурные инстинкты, нечуждые моей природѣ: невѣрность мужа и темныя пятна на свѣтлой коронѣ Екатерины II". Князь не отличался акуратностію въ своихъ экономическихъ дѣлахъ, любилъ пожить весело и былъ очень щедръ въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ; поэтому расходы его далеко не соотвѣтствовали доходамъ, и онъ оставилъ послѣ себя значительные долги.

Самый искренній другъ княгини, братъ Александръ, былъ въ то время за границею: онъ занималъ мѣсто русскаго посланника въ Голландіи. Единственную опору и неизмѣнное покровительство нашла Екатерина Романовна у дядей своихъ, Паниныхъ, которые, по завѣщанію князя, сдѣлались опекунами его дѣтей. Оба брата охотно приняли на себя обязанности опекуновъ; но, отвлекаясь службою, вскорѣ предоставили княгинѣ всѣ заботы по воспитанію дѣтей и всѣ хлопоты по управленію ихъ имѣніемъ; лучшаго, конечно, они не могли ничего придумать. Никита Ивановичъ попросилъ было императрицу о позволеніи продать часть родоваго наслѣдства Дашковыхъ, для того, чтобъ расплатиться съ долгами, и получилъ ужъ это позволеніе, но встрѣтилъ рѣшительную опозицію со стороны княгини. Она объявила, что скорѣе согласна цѣлую жизнь питаться только хлѣбомъ и водою, нежели продать хотя одинъ дюймъ изъ отцовской земли своихъ дѣтей. Панинъ не настаивалъ.

Первую зиму вдовства наша героиня оставалась въ столицѣ и неутомимо работала надъ устройствомъ семейныхъ дѣлъ. Она привела въ извѣстность всѣ долги князя, а тремъ главнымъ его кредиторамъ раздала всѣ свои брильянты и почти все серебро. Въ расходахъ своихъ она ввела строгую экономію и ограничила ихъ пятью стами

рублями въ годъ. Екатерина Романовна, въ одно и то же время, занимала у себя въ домѣ мѣсто экономки, была гувернанткою своихъ дѣтей и управляющимъ ихъ имѣніемъ. Такимъ образомъ, благодаря необыкновенной разсчетливости и бережливости, она въ теченіе пяти лѣтъ успѣла расквитаться съ долгами мужа безъ всякаго пособія со стороны императрицы. И это, по собственному замѣчанію княгини, дѣлаетъ двадцатилѣтняя вдова, съ юности своей привыкшая къ роскоши!

Въ мартѣ 1765 года Дашкова уѣхала изъ Петербурга съ намѣреніемъ поселиться въ одной изъ подмосковныхъ деревень своего мужа. Такъ какъ старые помѣщичьи хоромы почти развалились, то она велѣла построить изъ нихъ маленькій домикъ и перебралась сюда въ началѣ лѣта. „Записки“ упоминаютъ при этомъ о неудовольствіи, которое молодая вдова испытала отъ своихъ родственниковъ по мужу. Послѣдніе завладѣли въ Москвѣ тѣмъ самымъ домомъ, въ которомъ Екатерина Романовна жила первое время замужества: свекровь отдала его внучкѣ, дѣвицѣ Глѣбовой. Чтобъ имѣть пріютъ въ городѣ на зиму, Екатерина Романовна купила мѣсто съ полуразвалившимся зданіемъ и выстроила на немъ новый деревянный домъ по собственному вкусу и плану. Замѣчательна крайняя щекотливость, и даже мелочность, которую она обнаружила по этому поводу въ отношеніи къ свекрови. Не желая напоминать ей о несправедливомъ поступкѣ, Екатерина Романовна обѣщала самой себѣ никогда въ присутствіи старой княгини не произносить слово „домъ“, и сдержала свое обѣщаніе.

Въ 1768 году Дашкова обратилась къ императрицѣ съ просьбою отпустить ее за границу. Но ея письма оставались безъ отвѣта. Не желая терять время въ пустомъ ожиданіи, княгиня, лѣтомъ того же года, предприняла поѣздку въ Кіевъ и, по дорогѣ, заѣзжала осматривать всѣ сколько нибудь замѣчательныя мѣста; особенно ей понравились нѣмецкія колоніи, незадолго передъ тѣмъ поселенныя. Въ Кіевѣ она нашла радушный пріемъ у своего родственника, генерала Воейкова, человѣка очень образованнаго, который долго служилъ на дипломатическомъ поприщѣ и много путешествовалъ. Осмотрѣвъ кіевскія древности, княгиня отправилась назадъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ она сдѣлала около 3,000 верстъ, и вообще осталась очень довольна своею поѣздкою.

Въ слѣдующемъ году Екатерина Романовна пріѣхала въ Петербургъ, чтобъ лично хлопотать объ отпускѣ за границу: какъ штатсъ-дама

ея величества, она немогла оставить Россію безъ собственноручнаго разрѣшенія императрицы. Въ день восшествія на престолъ Екатерины, молодая вдова явилась на балѣ въ петергофскомъ дворцѣ и замѣшалась въ толпу иностранныхъ пословъ; она знала, что государыня никогда не проходитъ мимо дипломатическаго корпуса, не обмѣнявшись съ нимъ взаимными комплиментами. Встрѣтивъ Дашкову, Екатерина не обнаружила никакого внутренняго движенія и равнодушнымъ голосомъ предложила ей нѣсколько вопросовъ. Не желая потерять удобной минуты, та повторила свою просьбу: отпустить ее года на два за границу, для того, чтобъ укрѣпить слабое здоровье дѣтей.

— Очень жалѣю о причинѣ, которая заставляетъ васъ путешествовать, отвѣчала императрица:—впрочемъ, вы можете располагать собой, какъ вамъ угодно.

Хотя позволеніе и было дано въ такомъ холодномъ тонѣ, тѣмъ не менѣе княгиня поспѣшила имъ воспользоваться, и попросила графа Панина приготовить ей паспортъ. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, къ Дашковой явился чиновникъ и, отъ имени императрицы, хотѣлъ вручить ей 4,000 рублей на путевыя издержки. Такой незначительный подарокъ удивилъ княгиню; впрочемъ она за лучшее сочла не оскорблять государыню своимъ отказомъ. Но гордая женщина не могла, однако, удержаться отъ всякаго выраженія внутренней досады. Она составила реестръ только нѣкоторыхъ необходимыхъ издержекъ; потомъ попросила чиновника подвести итогъ и оставить на столѣ сумму, равняющуюся итогу, а остальныя деньги положить себѣ въ карманъ.

Екатерина Романовна сознается, что желала путешествовать по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, она увозила дѣтей отъ порчи, грозившей со стороны родственниковъ и русской дворовой прислуги, и хотѣла доставить имъ хорошихъ учителей, которые въ Россіи были чрезвычайно рѣдки; вовторыхъ, она имѣла въ виду довершить собственное образованіе и лично познакомиться съ Западною Европою. Инкогнито болѣе всего согласовалось съ ея скромными средствами и съ цѣлью путешествія; поэтому княгиня скрыла свой громкій титулъ и за границею называла себя просто госпожею Михалковой—по имени одной изъ деревень мужа. Это инкогнито, впрочемъ, сильно отзывается подражаніемъ извѣстному путешествію Петра I.

Въ декабрѣ 1769 года Дашкова выѣхала изъ Петербурга съ двумя дѣтьми, дѣвицею Каменской и однимъ изъ своихъ близкихъ родственниковъ,—Воронцовымъ, который состоялъ при русскомъ посольствѣ въ

Гагѣ. Въ Кёнигсбергѣ путешественники должны были покинуть русскія сани и продолжали путь на колесахъ по песчанымъ прусскимъ дорогамъ. Княгиня замѣтно оживилась, когда почувствовала себя на полной свободѣ, когда на нее пахнуло воздухомъ европейской цивилизаціи. Въ ней съ новою силою пробудилась бодрость и энергія, подавленныя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ горемъ и мелочными заботами. Ея пылкая натура не замедлила проявить себя при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ Данцигѣ путешественники остановились въ „русской гостинницѣ". Лишь только они вошли въ столовую, какъ имъ бросились въ глаза двѣ картины, изображавшія побѣды пруссаковъ надъ русскими; побѣжденные отчасти были распростерты по землѣ, отчасти стояли на колѣняхъ и, какъ видно, умоляли побѣдителей о пощадѣ. Патріотическое чувство княгини было сильно затронуто такимъ позоромъ соотечественниковъ. Она сдѣлала серьёзный выговоръ нашему резиденту Ребиндеру за то, что онъ не препятствуетъ публично выставлять подобныя картины. „Это дѣло не относится къ моему полномочію," отвѣчалъ Ребиндеръ, и прибавилъ что Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, проѣзжая черезъ Данцигъ, также съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на картины. „И онъ не скупилъ ихъ, чтобъ бросить въ огонь!" воскликнула княгиня. „Имѣй я только двадцатую долю его богатства, я бы это сдѣлала; но при настоящихъ моихъ финансахъ употреблю другой способъ, который можетъ быть не менѣе удаченъ."

Она немедленно купила масляныхъ красокъ и въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, заперевъ двери столовой, принялась за работу при помощи двухъ молодыхъ людей: своего спутника Воронцова и Штелина, служившаго при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ. Спустя нѣсколько часовъ, голубые и бѣлые мундиры побѣдителей превратились въ зеленые и красные нашихъ солдатъ, и наоборотъ; такимъ образомъ, русскіе въ одну ночь выиграли два потерянныя сраженія. На слѣдующій день княгиня дорожною поклажею загородила мѣсто подлѣ картинъ, и до самаго отъѣзда старалась держать постороннихъ людей вдали отъ поля битвы, предупредивъ о своей продѣлкѣ одного только Ребиндера. Уѣзжая изъ Данцига, она предавалась совершенно дѣтской веселости при мысли о томъ, какъ будетъ изумленъ почтенный хозяинъ гостинницы, замѣтивъ разительную перемѣну въ судьбѣ двухъ сраженій.

Въ Берлинѣ Дашкова провела два мѣсяца самымъ пріятнымъ образомъ, благодаря любезности посланника при прусскомъ дворѣ,

князя Долгорукаго. Узнавъ о ея прибытіи, королева и принцесы просили Долгорукаго представить имъ княгиню; она попыталась отговориться этикетомъ королевскаго двора, при которомъ никто не могъ являться подъ ложнымъ именемъ. Когда графъ Финкенштейнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, доложилъ королю объ этомъ извиненіи, Фридрихъ отвѣчалъ:

— Скажите ей, что этикетъ—глупая вещь, и что княгиня Дашкова будетъ принята при моемъ дворѣ подъ какимъ именемъ ей угодно.

Послѣ такого отвѣта, княгиня ужь не отказывалась; она сдѣлала себѣ новое черное платье, была представлена королевской фамиліи и, пока жила въ Берлинѣ, пользовалась довольно частыми приглашеніями ко двору. Королева и сестра ея (мать наслѣднаго принца) были съ нею въ особенности ласковы. Нужно замѣтить, что онѣ сильно заикались и съ иностранцами объяснялись всегда при пособіи камергера; но княгиня умѣла разговаривать съ ними безъ всякой посторонней помощи. Фридрихъ произвелъ на нее выгодное впечатлѣніе неутомимою заботливостію о благѣ своего народа, и она смѣло даетъ ему эпитетъ „великаго“.

Изъ Пруссіи Дашкова направила путь по Сѣверной Германіи. Проѣздъ чрезъ Ганноверъ не обошелся для нея безъ маленькаго приключенія. Княгиня отправилась, съ Каменской, въ оперу въ сопровожденіи русскаго слуги, который не понималъ никакого иностраннаго языка и потому не могъ выдать инкогнито. Двѣ дамы, сидѣвшія въ ложѣ, куда отвели путешественницъ, учтиво уступили имъ лучшія мѣста. Въ театрѣ, на этотъ разъ, присутствовалъ губернаторъ Ганновера, принцъ мекленбургскій Эрнестъ. Когда окончился первый актъ, княгиня замѣтила, что изъ ложи принца вышелъ молодой офицеръ и, чрезъ минуту, явился предъ нею.

— Если не ошибаюсь, вы иностранки? спросилъ онъ довольно-небрежнымъ тономъ.

— Точно такъ, милостивый государь, отвѣчала княгиня.

— Его высочество желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.

— Я думаю, что нѣтъ надобности этого знать ни вамъ, ни его высочеству, возразила Дашкова, затронутая заживое такимъ нецеремоннымъ обращеніемъ.—Какъ женщины, мы имѣемъ право умолчать наши имена и оставить безъ отвѣта вашъ вопросъ.

Сконфуженный адъютантъ удалился; а двѣ ганноверскія дамы съ удивленіемъ посмотрѣли на смѣлую иностранку. Княгиня вступила съ ними въ разговоръ и, будто-бы изъ уваженія къ ихъ вѣжливости, открыла дамамъ то, чего не хотѣла сказать дерзкому офицеру.

— Я театральная пѣвица, прибавила она:—а моя подруга танцовщица, и мы хотимъ перейдти на здѣшнюю сцену, если намъ дадутъ хорошее жалованье.

Каменская вопросительно посмотрѣла на Дашкову; но послѣдняя подала ей знакъ молчанія. Нѣмки, до той минуты очень любезныя, вдругъ перемѣнили тонъ, и старались, по возможности, обернуться спиною къ своимъ сосѣдкамъ.

Поживъ немного въ Ахенѣ, путешественницы переѣхали на воды въ Спа. Съ этимъ городомъ соединялись самыя отрадныя воспоминанія княгини. Здѣсь она завязала нѣсколько пріятныхъ знакомствъ, и пріобрѣла отличныхъ друзей въ лицѣ двухъ англичанокъ: мистриссъ Гамильтонъ, дочери туанскаго архіепископа Райдера, и мистриссъ Морганъ, отецъ которой, Тисдаль, былъ генералъ прокуроромъ въ Ирландіи. Дружба Екатерины Романовны съ этими достойными женщинами несмотря на разлуку и многія перемѣны въ ихъ судьбѣ, оставалась неизмѣнною въ теченіе цѣлыхъ тридцати пяти лѣтъ. На водахъ жило нѣсколько знатныхъ французскихъ семействъ, которыя съ восторгомъ приняли въ свой кружокъ княгиню Дашкову; въ ихъ числѣ былъ и знаменитый Неккеръ съ женою. Но, слѣдуя своему сердечному влеченію, княгиня преимущественно сближалась съ англичанами, и въ ихъ обществѣ любила проводить время. Она усердно занялась англійскимъ языкомъ и, при помощи своихъ пріятельницъ, сдѣлала въ немъ большіе успѣхи.

Осенью Дашкова отправилась въ Англію съ семействомъ Тисдаль, обѣщавъ мистриссъ Гамильтонъ тою же зимою соединиться съ нею въ Провансѣ, куда послѣдняя хотѣла сопровождать своего больнаго отца. Въ Лондонѣ княгиня пріятно провела время, благодаря особенно обществу леди Морганъ и Пушкиной, жены русскаго посланника. Она осмотрѣла съ ними всѣ достопримѣчательности города, познакомилась съ герцогомъ и герцогинею Нортумберландъ и нѣкоторыми другими знатными лицами. Какъ видно, у нашей княгини, не смотря на ея скромное инкогнито, выборъ знакомыхъ былъ строго аристократическій. Въ Лондонѣ, между прочимъ, она пожелала видѣть знаменитаго корсиканца Паоли, но осталась недовольна его личностію, и въ особенности тѣмъ, что онъ получалъ содержаніе отъ двора.

— Бѣдность, есть лучшій пьедесталъ подобному человѣку, замѣтила она потомъ одному англичанину, разговаривая съ нимъ о Паоли.

Изъ столицы Дашкова, одна, предпринимала поѣздку по другимъ городамъ королевства; осмотрѣла Оксфордъ, Батъ, Бристоль и, не-

дѣли черезъ двѣ, воротилась въ Лондонъ. Во время этой первой разлуки ея съ дѣтьми она каждую почту получала письма отъ своего семилѣтняго сына и съ умиленіемъ читала его лепетъ о визитахъ, скачкахъ и выставкахъ, на которыя брала его съ собою добрая Пушкина. Вообще княгиня осталась чрезвычайно довольна тѣмъ, что узнала и видѣла въ Англіи: она увезла отсюда рѣшительное предпочтеніе къ англійской націи и ея учрежденіямъ, сравнительно со всѣми другими народами Европы.

На обратномъ переѣздѣ черезъ проливъ корабль долженъ былъ выдерживать упорную борьбу съ волнами. Для нашей героини это былъ новый случай показать твердость характера. Сохраняя видъ неустрашимости и хладнокровія, она своими увѣщаніями умѣла успокоить испуганныхъ и плачущихъ дѣтей, такъ что они заснули глубокимъ сномъ подъ ревъ бури. А между тѣмъ, внутренно, по собственному признанію, Екатерина Романовна сильно трепетала при видѣ серьёзной опасности.

По дорогѣ въ Южную Францію, княгиня заѣхала въ Парижъ и прожила здѣсь около трехъ недѣль. Этимъ временемъ путешественница очень искусно воспользовалась для того, чтобъ изучить городъ. Не смотря на печальную ноябрскую погоду, она каждое утро выѣзжала на прогулку въ девятомъ часу и возвращалась въ четвертомъ. Подобныя прогулки посвящались обозрѣнію разныхъ замѣчательныхъ предметовъ, какъ то: дворцовъ, церквей, монастырей, фабрикъ, картинныхъ галерей, статуй и проч. Вечеромъ княгиня отправлялась иногда въ театръ. Желая играть только роль наблюдательницы и не обращать на себя вниманія парижанъ, она надѣвала старое черное платье, шляпу съ низко опущенными полями и занимала скромное мѣсто въ партерѣ. Большаго знакомства въ Парижѣ, на этотъ разъ, Екатерина Романовна не хотѣла заводить и ограничила его кружкомъ немногихъ знаменитостей. Обыкновенными посѣтителями ея были Малербъ и въ особенности Дидро; съ послѣднимъ она очень подружилась, и восторженный философъ сдѣлался горячимъ панегиристомъ русской княгини. Послѣ своихъ утреннихъ прогулокъ, Дашкова часто заѣзжала за Дидро, увозила его къ себѣ обѣдать, и бесѣды ихъ продолжались обыкновенно далеко за полночь. Она умѣла извлекать изъ нихъ большую пользу для себя, потому что философъ охотно объяснялъ ей тѣ стороны народной жизни, которыя почти неуловимы для глазъ путешественника и требуютъ много времени на основательное знакомство съ ними. Тутъ они разсуждали о законо-

дательствѣ, обычаяхъ, формѣ правленія, о государственныхъ финансахъ, о политикѣ, наукахъ, литературѣ и пр. Бесѣды эти, при глубокомъ уваженіи къ философу, конечно, не остались безъ вліянія на убѣжденія княгини и ея дальнѣйшее умственное развитіе. Многое о чемъ она читала и размышляла въ юности, для нея уяснилось и приняло опредѣленныя формы.

Впрочемъ, невсегда молодая женщина соглашалась съ своимъ учителемъ, особенно, если дѣло касалось личнаго интереса: въ такомъ случаѣ она очень краснорѣчиво умѣла отстаивать свои принципы. Такъ зашелъ однажды разговоръ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Разговоръ этотъ очень живо сохранился въ памяти Екатерины Романовны.

— Нѣкогда я думала о нашихъ крестьянахъ то же, что и вы, говорила княгиня:—и, вслѣдствіе этого, надѣялась распространить довольство между моими крѣпостными людьми, стараясь предоставить имъ болѣе свободы. Но все, что я могла сдѣлать хорошаго— это защитить ихъ отъ чиновниковъ, которые, подъ предлогомъ службы, притѣсняли бѣдныхъ крестьянъ. Благосостояніе нашихъ подданныхъ есть главное основаніе для нашего собственнаго благосостоянія; слѣдовательно, тотъ поступаетъ глупо, кто допускаетъ истощать источникъ собственныхъ доходовъ. Дворянство служитъ посредникомъ между короною и крѣпостнымъ сословіемъ, и, конечно, оно дѣйствуетъ въ своихъ интересахъ, если отстаиваетъ послѣднее противъ хищности провинціальныхъ чиновниковъ.

— Однако-жь, княгиня, возразилъ Дидро:—согласитесь, что свобода много помогала бы распространенію образованности, которая, въ свою очередь, послужила бы еще большимъ источникомъ благосостоянія.

— Извините меня. Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ, вы смѣшиваете причину съ послѣдствіемъ: образованіе ведетъ за собою свободу, а не свобода рождаетъ образованіе: первая безъ послѣдняго (то-есть, свобода безъ образованія) никогда не упуститъ случая произвести смуты и анархію. Еслибъ низшій классъ въ моемъ отечествѣ былъ образованъ, то онъ, дѣйствительно, заслуживалъ бы свободы, потому что умѣлъ бы ею пользоваться и не употреблялъ бы ея, какъ орудіе противъ порядка и дисциплины, безъ которыхъ невозможно существованіе просвѣщеннаго общества.

— Вы говорите совершенно справедливо, княгиня, замѣтилъ философъ:—а, несмотря на то, я все еще не убѣжденъ.

— Въ нашемъ законодательствѣ, продолжала Дашкова:—можно найти отличныя статьи, направленныя противъ тиранніи помѣщиковъ; но Петръ I нѣкоторыя изъ нихъ отмѣнилъ и, между прочимъ, самую главную, по которой крестьяне имѣли право жаловаться на своихъ господъ. Въ настоящее время губернаторъ провинціи можетъ наказать помѣщика за жестокое обращеніе съ крестьянами тѣмъ, что отнимаетъ у него право распоряжаться населеннымъ имѣньемъ и отдаетъ послѣднее подъ опеку другому дворянину. Впрочемъ, признаюсь, я до сихъ поръ не могу уяснить себѣ вопроса о крѣпостномъ сословіи, хотя это одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые сильнѣе всего меня занимаютъ. Въ тѣ минуты, когда я думаю объ этомъ, мнѣ представляется человѣкъ, слѣпой отъ рожденія и сидящій на скалѣ прямо надъ страшною пропастью. Отсутствіе зрѣнія не позволяетъ ему замѣтить опасность, въ которой онъ находится, но, въ то же время, не мѣшаетъ пользоваться тѣми удовольствіями, которыя ему доступны: онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, слушаетъ пѣніе птицъ и самъ распѣваетъ, сохраняя спокойствіе и простоту своего невиннаго сердца. Вдругъ приходитъ врачъ, и, нисколько не заботясь о томъ, чтобъ вывести этого человѣка изъ прежняго положенія, совершаетъ глазную операцію и даруетъ ему зрѣніе. Какія отъ того послѣдствія? Потокъ свѣта озаряетъ его разсудокъ для того, чтобъ раскрыть передъ нимъ весь ужасъ его положенія; онъ болѣе не поетъ, не спитъ, не ѣстъ и не пьетъ, но весь погружается въ созерцаніе пропасти и грозныхъ скалъ, которыя окружаютъ его и изъ которыхъ ему нѣтъ выхода. Онъ совершенно теряетъ спокойствіе духа—и въ цвѣтѣ лѣтъ дѣлается жертвою отчаянія.

При послѣднихъ словахъ, Дидро вскочилъ со стула; ярко набросанная картина произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ быстро началъ ходить по комнатѣ и вдругъ съ энтузіазмомъ воскликнулъ:

— Что за женщина! Вы въ одно мгновеніе перевернули въ моей головѣ понятія, выработанныя впродолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ.

Такъ легко разсуждали во время послѣобѣденной бесѣды двѣ знаменитости XVIII столѣтія о великомъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго предоставлено второй половинѣ XIX вѣка. Удивительно, какимъ образомъ почтенный философъ поддался обаянію краснорѣчивыхъ фразъ и могъ согласиться съ эгоистическимъ взглядомъ русской помѣщицы, которая смотритъ на благосостояніе своихъ *подданныхъ* прежде всего, какъ на источникъ собственныхъ доходовъ. Но, вѣ-

роятно, съ его стороны это было минутное заблужденіе, и, подумавъ хорошенько, онъ опять воротился къ своимъ гуманнымъ принципамъ.

До какой степени Дидро̀ завладѣлъ въ Парижѣ обществомъ княгини и входилъ въ ея интересы, показываетъ слѣдующій случай:

Разъ, когда новые друзья вели свою обычную бесѣду, слуга доложилъ о пріѣздѣ двухъ дамъ: Неккеръ и Жофренъ *). Дидро́ съ свойственною ему живостью, не дожидаясь отвѣта хозяйки велѣлъ отказать гостямъ.

— Но, возразила Дашкова:—съ госпожею Неккеръ я познакомилась въ Спа; а Жофренъ находится въ перепискѣ съ русскою императрицею: поэтому я была бы очень рада познакомиться и съ нею.

— Развѣ вы не увѣряли меня, что пробудете въ Парижѣ еще не болѣе двухъ, или трехъ дней? Слѣдовательно, она можетъ увидѣть васъ только два или три раза и, конечно, не пойметъ вашего характера. Нѣтъ, я не могу допустить, чтобъ одинъ изъ моихъ *идоловъ* сдѣлался предметомъ злословія. Еслибъ вы остались здѣсь на два мѣсяца, я первый представилъ бы васъ мадамъ Жофренъ, потому что она превосходная женщина; но такъ какъ это одна изъ парижскихъ трещотокъ, то я не хочу, чтобъ она толковала о вашемъ характерѣ прежде, нежели узнаетъ его основательно.

Княгиня послушалась и велѣла сказать, что она нездорова. Однакожь этимъ дѣло не кончилось. На слѣдующее утро госпожа Неккеръ прислала записку, въ которой приглашала княгиню къ себѣ на вечеръ и увѣдомляла ее о страстномъ желаніи своего друга, Жофренъ, видѣть и узнать покороче особу, о которой она уже по однимъ слухамъ составила очень высокое понятіе. Дашкова опять отвѣчала, что, къ крайнему ея сожалѣнію, разстроенное здоровье не позволяетъ принять это лестное приглашеніе. Вслѣдствіе такой отговорки, она цѣлый день просидѣла дома и послала свою карету за Дидро́.

Въ другой разъ, опять въ присутствіи философа, доложили о Рюльерѣ, который нѣкогда состоялъ при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и тамъ познакомился съ Екатериною Романовной. Она велѣла его просить. Но Дидро́ вдругъ схватилъ ее за руку и сказалъ съ большимъ жаромъ:

— Одну минуту, княгиня. Позвольте узнать, хотите ли вы возвратиться въ Россію, когда окончится ваше путешествіе?

---

*) Извѣстная своимъ литературнымъ салономъ.

— Что за странный вопросъ? Развѣ я въ правѣ лишить моихъ дѣтей отечества?

— Въ такомъ случаѣ не принимайте Рюльера. Почему? Я вамъ сейчасъ это объясню.

Княгиня невольно подчинилась выраженію искренности, которая звучала въ голосѣ Дидро, и отмѣнила свое приказаніе.

— Знаете ли вы, продолжалъ философъ:—что Рюльеръ написалъ мемуары о вашей революціи 1762 года?

— Нѣтъ отвѣчала Дашкова;—но если это правда, то вы только увеличиваете во мнѣ желаніе его видѣть.

— Чтобъ объяснить, въ чемъ дѣло, я вамъ разскажу содержаніе его записокъ. Вы украшены въ нихъ талантами и добродѣтелями обоихъ половъ. За то Екатерина II представлена совершенно въ другомъ свѣтѣ. Подробности о польскомъ королѣ доведены до крайности. Понятно, что, принимая Рюльера, вы сообщили бы авторитетъ его запискамъ, чрезвычайно непріятнымъ для императрицы и уже получившимъ большую извѣстность: ихъ читали въ домѣ Жофренъ, гдѣ собираются почти всѣ домашнія и пріѣзжія знаменитости. Впрочемъ, это обстоятельство не мѣшаетъ мадамъ Жофренъ быть другомъ Понятовскому, котораго она, во время его пребыванія въ Парижѣ, осыпала всевозможными ласками, а въ письмахъ называетъ обыкновенно своимъ милымъ сыномъ.

— Какъ же согласить подобное противорѣчіе съ здравымъ смысломъ? спросила княгиня.

— Мы французы, мало о томъ безпокоимся, замѣтилъ Дидро:— мы говоримъ и дѣйствуемъ безъ претензій на постоянство; шестьдесятъ и даже восемьдесятъ лѣтъ не исправляютъ нашего легкомыслія.

Рюльеръ, послѣ того, еще два раза постучался въ двери княгини, но опять получилъ отказъ.

Близкое знакомство съ Екатериною Романовной подало поводъ французскому философу нарисовать краснорѣчивую и довольно подробную характеристику нашей героини. Извлекаемъ изъ этой характеристики нѣкоторыя, наиболѣе яркія черты:

„Княгиня Дашкова (говоритъ Дидро) представляетъ образецъ (intus et incute) русской женщины. Она исполнена удивленія къ императрицѣ и говоритъ о ней всегда съ глубокимъ уваженіемъ. Ея пристрастіе къ англичанамъ, этой анти-монархической націи, заставляетъ меня опасаться, что она не отдаетъ должной справед-

ливости моему народу. Не такова Каменская, другъ и товарищъ ея путешествія; она любитъ Францію и откровенно хвалитъ хорошія стороны нашей жизни, хотя ея убѣжденія, въ этомъ отношеніи, противорѣчатъ убѣжденіямъ княгини. Меня очень удивляла снисходительность Дашковой къ дѣвицѣ Каменской, которой запальчивость и рѣзкія возраженія нисколько ея не сердили.

„Заботы прежде времени состарили княгиню и разстроили ея здоровье. Въ декабрѣ 1770 года ей исполнилось только двадцать семь лѣтъ; но она казалась сорокалѣтнею женщиной. Дашкова далеко не красавица. Она небольшаго роста, съ открытымъ, высокимъ челомъ; волосы и брови у нея чернаго цвѣта; щеки полныя; глаза средняго размѣра и нѣсколько впалы; носъ немного широкъ; ротъ большой, толстыя губы, круглая шея, широкая грудь и короткая талія—вотъ всѣ главныя черты ея наружности. Движенія проворны, хотя и безъ граціи; манеры вообще симпатичны. Выраженіе физіономіи въ цѣломъ производитъ выгодное впечатлѣніе. Характеръ княгини серьезный; по-французски она говоритъ свободно; впрочемъ, не высказываетъ всего, что знаетъ и думаетъ; но то, что говоритъ, выходитъ у нея просто, сильно и убѣдительно. Сердце ея разбито горемъ; тѣмъ не менѣе въ образѣ мыслей замѣтна возвышенная твердость, смѣлость и гордость. Я убѣжденъ, что въ ней живетъ глубокое чувство справедливости и собственнаго достоинства.

„Княгиня любитъ искусства, знаетъ народъ и потребности своего отечества. Она коротко знакома съ настоящимъ его управленіемъ, откровенно говоритъ о хорошихъ качествахъ и недостаткахъ чиновниковъ, и метко судитъ о выгодахъ или невыгодахъ новыхъ учрежденій. Когда Екатерина работала надъ своимъ законодальствомъ, она спросила у княгини ея мнѣніе. „Вы никогда не увидите окончаніе своего труда“ отвѣчала княгиня: „и въ другое время, я сказала бы вамъ причину; но, во всякомъ случаѣ, и попытка уже великое дѣло, и самый проектъ составитъ эпоху.“ Съ тѣмъ же тономъ убѣжденія говорила она о добродѣтеляхъ и порокахъ своихъ друзей, или враговъ. Она обладаетъ проницательностью, хладнокровіемъ и здравымъ умомъ, ясно смотритъ на лицевую сторону вещи и никогда не думаетъ выставлять себя предметомъ удивленія.

„Придворныя отношенія научили княгиню Дашкову, кажется, только одному: размышлять всегда о послѣдствіяхъ, и тѣмъ умѣрять пылъ, съ которымъ она хваталась за какое либо полезное предпріятіе. „Злонамѣренные люди (замѣтила она), одобряя все хорошее,

стараются, однако, уронить предпріятіе, хотя бы для того только, чтобъ отнять у другаго честь его начинанія. Я часто вредила моимъ друзьямъ излишнею ревностью, съ которою старалась имъ помогать, и нѣкоторые отличные планы не удались мнѣ единственно потому, что я слишкомъ горячо за нихъ принималась. Холодныя и мелкія души оскорблялись моимъ энтузіазмомъ, котораго онѣ не могли раздѣлять. Одни отступятся отъ васъ изъ трусости, другіе по лѣности или нерасположенію—и дѣло, такимъ образомъ, проиграно."

Портретъ, какъ мы видимъ, набросанъ рукою друга и жаркаго почитателя; онъ отзывается сильнымъ увлеченіемъ со стороны автора и создался, очевидно, подъ вліяніемъ собственныхъ расказовъ княгини о своихъ нравственныхъ достоинствахъ.

Что касается личности самого Дидро́, то воспоминанія о немъ впослѣдствіи вызвали у Дашковой слѣдующія задушевныя строки:

„Искренность и теплота его сердца, блескъ генія, вмѣстѣ съ вниманіемъ и уваженіемъ ко мнѣ, на всю жизнь привязали меня къ этому человѣку, и въ настоящую минуту я все еще свято чту его память. Міръ не съумѣлъ оцѣнить достойно это необыкновенное существо. Простота и правда отличали всѣ его дѣйствія, и главная задача всей его жизни состояла въ томъ, чтобъ содѣйствовать благу своихъ ближнихъ. Если, по живости характера, онъ иногда и впадалъ въ заблужденіе, за то никогда не шелъ противъ своихъ принциповъ."

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа княгинѣ захотѣлось тайкомъ посѣтить Версаль, резиденцію королевскаго семейства. Она обратилась съ просьбою о помощи къ Хотинскому, нашему повѣренному въ дѣлахъ. Хотинскій попробовалъ напугать ее строгостью полиціи, но долженъ былъ, наконецъ, уступить. Княгиня заняла своего французскаго слугу разными порученіями; потомъ, взявъ съ собою собственнаго лакея и русскаго майора, лечившагося въ Парижѣ, сѣла съ дѣтьми въ карету и приказала кучеру везти себя на загородную прогулку. Доѣхавъ до условленнаго мѣста, общество пересѣло въ экипажъ Хотинскаго, который и проводилъ княгиню до воротъ версальскаго сада.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда король съ своимъ семействомъ обѣдалъ публично. Наши искатели приключеній замѣшались въ толпу простаго народа и были увлечены ею въ какую-то большую, грязную залу. Сюда вскорѣ явился Лудовикъ XV, дофинъ съ супругою и двѣ дочери короля, Аделаида и Викторія. Они сѣли за

столъ и немедленно доказали зрителямъ, что владѣютъ отличнымъ аппетитомъ.

Лишь только Дашкова дѣлала какое нибудь замѣчаніе, какъ женщины, стоявшія по сосѣдству, заводили съ ней объясненія. Княгиня, напримѣръ, замѣтила, что принцесса Аделаида пила супъ изъ кружки; къ ней тотчасъ обратились съ вопросомъ:

— Развѣ король и принцессы въ вашей землѣ не то же самое дѣлаютъ?

— Въ нашей землѣ нѣтъ ни короля, ни принцессъ.

— Вы, вѣроятно, голландка?

— Можетъ быть, отвѣчала княгиня, пробираясь къ выходу, чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

Воротясь въ столицу, Екатерина Романовна и ея спутники много забавлялись надъ тѣмъ, что имъ удалось обмануть бдительность французской полиціи.

Герцогъ Шуазёль, въ то время первый министръ, извѣстный недоброжелатель Екатерины II, узнавъ о посѣщеніи Версаля княгиней Дашковой, очень вѣжливо пригласилъ нашу путешественницу на блистательный балъ, который давалъ нарочно для нея. Но княгиня нененѣе учтивымъ образомъ отклонила отъ себя это приглашеніе, извиняясь недостаткомъ времени.

Изъ Парижа Дашкова отправилась на югъ и поселилась въ городѣ Э, въ прекрасномъ домѣ маркиза Гидона, который былъ нанятъ и приготовленъ для нея родственникомъ, Воронцовымъ. Здѣсь она соединилась съ своимъ другомъ, мистриссъ Гамильтонъ, которая жила въ обществѣ своего отца—архіепископа, брата—декана и кузины леди Райдеръ. Тутъ же нашла она и другихъ знакомыхъ англичанъ, напримѣръ, семейство мистриссъ Карлейль и ея дочери, лэди Оксфордъ. Зиму вообще княгиня провела чрезвычайно пріятно. Она продолжала совершенствоваться въ англійскомъ языкѣ, изучала англійскую литературу и, вмѣстѣ съ Гамильтонъ, предпринимала веселыя поѣздки въ Монпелье, Марсель, на Гіерскіе Острова и вдоль королевскаго канала, а между тѣмъ не переставала мѣняться мыслями и впечатлѣніями съ своимъ любимцемъ, Дидро. Изъ писемъ философа отъ этого времени до насъ дошло одно очень любопытное посланіе, въ которомъ онъ тономъ юмориста описываетъ борьбу версальскаго кабинета съ парижскимъ парламентомъ, и въ которомъ ясно проглядываетъ предчувствіе близкой революціи. Приводимъ изъ него нѣкоторыя мѣста:

Парижъ. 3 Апрѣля 1771 года.

„Княгиня, небо услышало упреки, которыми вы меня осыпаете. „Онъ нетолько обѣщалъ писать ко мнѣ—говорите вы, но, казалось, горячо желалъ занять непослѣднее мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, и вотъ уже три мѣсяца, какъ я не получаю отъ него ни одной строчки.“ Каменская, можетъ быть, и замолвила бы слово въ мою пользу, если бы всѣ обстоятельства не были противъ меня; мало того, она, пожалуй, охладѣетъ къ нашей націи и припишетъ ей порокъ, который относится собственно къ моей личности. Въ самомъ дѣлѣ, что же надобно думать о другихъ, скажетъ она, если профессоръ Дидро́ такъ легкомысленъ, непостояненъ, щедръ на обѣщанія и скупъ на ихъ исполненіе? Это обыкновенный софизмъ людей, обманутыхъ въ любви или въ дружбѣ. Однакожъ, несмотря на мое молчаніе, я остаюсь все тотъ же Дидро̀, всегда исполненный уваженія и преданности къ вамъ, но, увы, лѣнивѣйшій изъ смертныхъ. Я поступилъ съ вами точно такъ, какъ поступаю съ своимъ отцомъ, матерью, братомъ, сестрою, которыхъ люблю отъ всей души, и которымъ не подаю никакого признака жизни, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда могу быть имъ полезенъ. Укажите, княгиня, въ чемъ я могу услужить вамъ, и тогда вы увидите, къ какой удивительной точности способенъ Дидро̀.

„Еслибъ я зналъ, что мое настоящее письмо не попадетъ въ чужія руки и дойдетъ прямо по назначенію, то многое сообщилъ бы вамъ о нашихъ общественныхъ новостяхъ. Напримѣръ, я могъ бы разсказать о томъ, какъ генерал-адвокатъ выгналъ іезуитовъ изъ Бретани. Безпокойные и мстительные іезуиты склонили на свою сторону губернатора провинціи, который извѣстенъ горячимъ, рѣшительнымъ характеромъ и деспотическимъ обращеніемъ съ подчиненными. Этотъ великій человѣкъ сажаетъ генерал-адвоката въ тюрьму; провинціальный парламентъ вступается за своего президента; дѣло переходитъ въ столичный парламентъ; послѣдній грозитъ мщеніемъ представителю двора, а дворъ съ равнымъ рвеніемъ поддерживаетъ своего представителя. Посреди этой забавной суматохи, король беретъ себѣ новую любовницу, первый министръ возвышаетъ одного чиновника администраціи въ канцлеры, а канцлеръ тотчасъ старается низвергнуть министра, что ему и удается. Оный канцлеръ принимаетъ сторону придворнаго представителя, и, не видя другаго средства спасти своего кліента отъ наказанія, какъ уничтожить са-

мый столичный парламентъ, предлагаетъ ему эдиктъ, зная напередѣ, что послѣдній потерпитъ неудачу. Дѣйствительно, эдиктъ отвергнутъ, а парламентъ распущенъ, и мѣсто его заступило нѣсколько маленькихъ судебныхъ палатъ.

„Это событіе надѣлало много шуму во всѣхъ классахъ общества. Принцы протестуютъ, вся аристократія протестуетъ, другіе трибуналы протестуютъ—словомъ, нѣтъ уголка, гдѣ бы не протестовали. Умы волнуются, и волненіе распространяется; идеи свободы и независимости, прежде доступныя только немногимъ мыслящимъ людямъ, теперь переходятъ въ массу и открыто проповѣдуются“.

Въ началѣ весны княгиня Дашкова, вмѣстѣ съ лэди Гамильтонъ и ея родными, отправилась въ Швейцарію. Когда они прибыли въ Ліонъ, городъ готовилъ большое празднество въ честь пьемонтской принцессы, которая ѣхала въ Парижъ для бракосочетанія съ графомъ д'Артуа. По желанію Райдеръ, чрезвычайно живой и всѣмъ интересующейся старушки, путешественники остались въ городѣ до окончанія праздника. Княгиня воспользовалась тѣмъ временемъ, чтобъ осмотрѣть ліонскія фабрики, которыя вступили тогда въ жаркое состязаніе другъ съ другомъ, принося въ даръ пьемонтской принцессѣ лучшіе образцы своихъ произведеній. Вообще ея высочество встрѣтила здѣсь великолѣпный пріемъ; каждый приподнимался на носки, чтобъ удивляться особѣ, становившейся членомъ королевской фамиліи, и каждый спѣшилъ ей представиться. Монархическій принципъ, по замѣчанію Дашковой, былъ еще очень силенъ во французскомъ народѣ.

Пребываніе въ Ліонѣ, также, какъ и въ Ганноверѣ, ознаменовалось для Екатерины Романовны театральнымъ приключеніемъ. Капитанъ гвардіи, сопровождавшій принцессу, какой-то французскій герцогъ, былъ очень любезенъ съ русскою княгинею и предложилъ ей ложу на одно изъ первыхъ представленій, данныхъ въ честь дорогой гостьи. Княгиня отправилась вмѣстѣ съ своими спутницами; но ложа была уже занята тремя ліонскими дамами; послѣднія продолжали сидѣть неподвижно, подобно статуямъ, и не обратили ни малѣйшаго вниманія на слова капельдинера, который говорилъ имъ, что ложа отдана знатнымъ иностранцамъ. Княгиня не захотѣла настаивать, и между тѣмъ, какъ Райдеръ съ Каменской помѣстились позади неблаговоспитанныхъ дамъ, она съ лэди Гамильтонъ рѣшилась воротиться домой. Но, при выходѣ изъ театра, ихъ остановилъ отрядъ гвардейскихъ солдатъ. Стараясь удержать напоръ

толпы, гвардейцы выставили впередъ штыки своихъ ружей и, въ припадкѣ усердія, щедро раздавали толчки направо и налѣво. Одинъ изъ этихъ толчковъ пришелся на долю Дашковой, и, вѣроятно, онъ былъ бы не послѣдній, еслибъ она не поспѣшила объявить свой титулъ. Солдаты тотчасъ перемѣнили тонъ и начали извиняться, увѣряя княгиню, что они не имѣли никакого понятія о ея званіи. Дашкова замѣтила на это, что, вмѣсто уваженія къ титулу, они лучше обратили бы вниманіе на ея полъ. Одинъ изъ гвардейскихъ проводилъ дамъ сквозь толпу и испросилъ у нихъ извиненіе за себя и за своихъ товарищей.

Изъ поѣздки по Швейцаріи Екатерина Романовна вспоминаетъ очень немногое. Вообще она не любитъ распространяться о самомъ процессѣ путешествія, или описывать народы, города, разнообразныя картины природы, и гораздо съ большею охотою останавливается на замѣчательныхъ личностяхъ. Такъ, напримѣръ, оставляя описаніе прекрасной Швейцаріи досужимъ туристамъ, она прямо переходитъ къ разсказу о своемъ знакомствѣ съ Вольтеромъ и Губеромъ. Читатель, конечно, ужь замѣтилъ, что русская княгиня во время путешествія по Западной Европѣ, несмотря на скромное инкогнито, знакомилась только съ знаменитостями или съ людьми, принадлежавшими къ самой высшей аристократіи.

На другой же день по прибытіи въ Женеву, Дашкова написала къ Вольтеру о своемъ горячемъ желаніи посѣтить его вмѣстѣ съ друзьями. Немедленно полученъ былъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

Ферней. Четвергъ, 9-го мая 1771 года.

„Фернейскій старикъ, почти слѣпой и удрученный страданіями, поспѣшилъ бы непремѣнно упасть къ ногамъ княгини Дашковой, когда бы его не удерживали болѣзни. Если княгиня завтра вечеромъ, около 7 часовъ, почтитъ насъ своимъ присутствіемъ, и придетъ вмѣстѣ съ компаніею отужинать въ нашей хижинѣ, то мадамъ Дени постарается ихъ угостить; а старый инвалидъ счелъ бы это посѣщеніе однимъ изъ свѣтлыхъ дней своей жизни. Онъ проситъ позволенья остаться въ халатѣ, потому что уже давно не въ состояньи одѣваться иначе. Затѣмъ свидѣтельствуетъ княгинѣ свое глубокое уваженіе“.

Въ назначенное время Дашкова, вмѣстѣ съ Гамильтонъ, Райдеръ и Каменской, отправилась въ Ферней; ихъ сопровождали два кава-

лера—родственникъ княгини, Воронцовъ, и англичанинъ Кэмпбель. Наканунѣ Вольтеръ пустилъ себѣ кровь; несмотря на свою слабость, онъ запретилъ говорить о томъ, чтобъ не помѣшать визиту. Гости нашли эту развалину полулежащею въ большихъ креслахъ съ видомъ чрезвычайно утомленнымъ. Княгиня, прежде всего, побранила старика за то, что онъ позволяетъ безпокоить себя въ такое время, и изъявила намѣреніе удалиться.

— Что я слышу? воскликнулъ вдругъ философъ, прерывая гостью и поднимая руку, какъ будто онъ декламировалъ на сценѣ.—Самый голосъ ея—голосъ ангела!

Екатерина Романовна замѣтила на это, что она пришла удивляться Вольтеру и не желаетъ слышать изъ его устъ такую преувеличенную лесть. Затѣмъ, обмѣнявшись взаимными комплиментами, они завязали длинный разговоръ о русской императрицѣ.

Окончивъ бесѣду, хозяинъ попросилъ общество перейдти къ ужину наверхъ, въ комнаты его племянницы, мадамъ Дени, которая, къ удивленію княгини, оказалась самою обыкновенною женщиною. Камердинеръ отвелъ Вольтера въ столовую и помогъ ему стать на колѣни въ большое кресло. Старикъ облокотился на спинку, и въ такомъ неловкомъ положеніи оставался все время ужина vis-à-vis съ княгинею. За столомъ общество увеличилось еще двумя богатыми откупщиками изъ Парижа, которыхъ портреты висѣли въ нижней залѣ и которымъ дядя съ племянницей оказывали большое вниманіе. Вообще первый визитъ произвелъ на Дашкову несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

На прощаньѣ, Вольтеръ пригласилъ путешественницу почаще бывать у него, пока она въ Женевѣ. Испросивъ позволеніе пріѣзжать къ нему утромъ, княгиня нѣсколько разъ пользовалась бесѣдами философа, наединѣ, въ его кабинетѣ, или въ саду. Во время этихъ бесѣдъ остроумный хозяинъ совершенно уничтожилъ первое невыгодное впечатлѣніе, и гостья опять видѣла въ немъ великаго человѣка.

Еще болѣе сблизилась Екатерина Романовна съ Губеромъ, носившимъ прозванье „птицелова“ за свою страсть къ соколиной охотѣ. По ея словамъ, это былъ человѣкъ чрезвычайно умный и обладавшій разнообразными талантами. Поэтъ, музыкантъ, живописецъ, онъ отличался, кромѣ того, блестящимъ образованіемъ, необыкновенною добротою сердца и живымъ, веселымъ характеромъ. Вольтеръ побаивался его, потому что Губеръ очень хорошо изучилъ слабости ста-

рика и любилъ переводить на полотно многія забавныя сцены изъ его жизни. Они часто состязались въ шахматы; Вольтеръ почти всегда проигрывалъ, при чемъ обыкновенно сердился и строилъ уморительныя гримассы. У Губера была маленькая собачка, которую онъ пріучилъ забавлять общество также на счетъ фернейскаго философа: собачка дѣлала гримасы, поразительно на него похожія.

Вечерами общество часто каталось по Женевскому Озеру. Губеръ обыкновенно руководилъ этими прогулками и былъ такъ любезенъ, что поднималъ на мачтѣ русскій флагъ. Княгиня, вмѣстѣ съ Каменскою, пѣла русскія пѣсни; Губеру нравился ихъ заунывный голосъ и онъ очень удачно его запоминалъ. Вообще наши путешественники съ чувствомъ непритворной грусти покидали Женеву.

Передъ отъѣздомъ, Дашкова получила еще записку отъ Вольтера, въ которой онъ благодарилъ ее за одну изъ проповѣдей архіепископа Платона. Посланіе до приторности наполнено лестью.

„Княгиня—писалъ онъ—старикъ, котораго вы сдѣлали почти молодымъ, благодаритъ васъ столько же сколько и жалѣетъ о вашемъ отъѣздѣ. Я не пропущу случая похвалить ея величеству проповѣдь, достойную и самого греческаго Платона, которую сообщилъ мнѣ неменѣе достойный другъ Томирисы *). Счастливы тѣ, которые сопровождаютъ васъ въ Спа; несчастливъ я, который остаюсь на берегахъ Женевскаго Озера. Наши горы долго еще будутъ гремѣть эхомъ вашего имени—имени, которое навсегда останется въ моемъ сердцѣ вмѣстѣ съ чувствомъ удивленія и уваженія къ вашей особѣ.“

Путешественники наняли двѣ большія лодки и поплыли изъ Швейцаріи внизъ по Рейну, осматривая встрѣчавшіеся на пути города и замѣчательные предметы. Одна лодка была занята багажемъ и принадлежностями кухни; въ другой они помѣщались сами. Здѣсь были устроены маленькія каюты, въ которыхъ спали дамы, между тѣмъ, какъ мужчины каждый вечеръ отъискивали себѣ ночлегъ на берегу. Дашкова и Каменская отправлялись часто на рынокъ въ самыхъ простыхъ черныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпкахъ, и закупали тамъ разные припасы. Нужно замѣтить, что княгиня одна только умѣла говорить по нѣмецки, а потому должна была, въ то время, играть роль переводчика для своихъ спутниковъ.

Иногда общество оставляло на нѣсколько дней свои лодки и предпринимало поѣздку куда нибудь въ сторону. Такъ въ Карлсруэ пу-

---

*) Екатерина II названа здѣсь именемъ извѣстной скиѳской царицы.

тешественники получили приглашеніе отъ маркграфини баденской, которая, узнавъ о прибытіи въ городъ княгини Дашковой, хотѣла непремѣнно ее видѣть. Княгиня посѣтила загородный дворецъ маркграфини, и осталась въ восторгѣ отъ ея гостепріимства и умной бесѣды. Въ Дюссельдорфѣ Екатерина Романовна осматривала славную картинную галлерею. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ она познакомилась съ младшимъ изъ братьевъ Орловыхъ, который тогда оканчивалъ свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ. Ее непріятно поразили увѣренность юноши въ своихъ огромныхъ познаніяхъ, заносчивый, педантическій тонъ и страсть обо всемъ спорить. Онъ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Руссо и софизмы его принималъ за изрѣченія глубокой мудрости, между тѣмъ, какъ Дашкова, пропитанная аристократическими стремленіями, питала сильную антипатію къ демократическимъ идеямъ и къ самой личности швейцарскаго философа.

Въ Спа наша княгиня пріобрѣла еще два блестящія знакомства: съ принцемъ Эрнестомъ мекленбург-стрелицкимъ и Карломъ шведскимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи подъ именемъ герцога Зюдерманландскаго. Но вторичное пребываніе въ этомъ городѣ не отличалось такимъ же веселымъ характеромъ, какъ первое. Общество нашихъ путешественницъ подернулось грустью, потому что проводило вмѣстѣ послѣдніе дни и должно было разъѣхаться въ разныя стороны. Спутники княгини собирались въ Англію; а ей наступала пора возвратиться въ Россію.

Дружба съ митриссъ Гамильтонъ, основанная на взаимномъ глубокомъ уваженіи и на сходствѣ понятій, приняла, между тѣмъ, сантиментальный, совершенно-романическій характеръ. Однажды вечеромъ, обѣ подруги бродили въ „Promenade de sept heures“ и печально разговаривали о предстоящей разлукѣ. Невдалекѣ отъ мѣста ихъ прогулки, работники закладывали основаніе какому-то большому зданію. Вдругъ княгиня останавливается, вдохновленная новою, неожиданно блеснувшею мыслію. Она даетъ торжественное слово черезъ пять лѣтъ возвратиться въ Спа и занять квартиру въ томъ самомъ домѣ, основаніе котораго закладывали передъ ихъ глазами, если другъ обѣщаетъ ей пріѣхать на свиданіе. Трогательное предложеніе встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ, и, что еще трогательнѣе, оно впослѣдствіи было буквально исполнено.

Наконецъ, друзья со слезами разстались и поѣхали каждый своею дорогою. На обратномъ пути въ Россію, княгиня упоминаетъ мимо-

ходомъ только о Дрезденѣ, гдѣ она осмотрѣла картинную галлерею, и потомъ о Берлинѣ, гдѣ опять воспользовалась гостепріимствомъ королевской фамиліи.

И такъ, счастливое время путешествія миновало. Въ отечествѣ, на первыхъ порахъ, Екатерину Романовну ожидали непріятныя впечатлѣнія. Въ Ригѣ она нашла извѣстія отъ старшаго брата Александра и отъ своего управителя; но письма ихъ заключали въ себѣ только печальныя подробности о чумѣ, которая свирѣпствовала тогда въ нашей древней столицѣ. Братъ Александръ укрылся отъ чумы въ одной изъ своихъ деревень; а управитель писалъ о смерти сорока пяти крестьянъ и о томъ, что, по причинѣ карантина, онъ не могъ исполнить предписаніе госпожи насчетъ присылки слугъ и разныхъ вещей. Кромѣ того, петербургскій домъ Дашковыхъ былъ уже проданъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ; хотя онъ сдѣлалъ это по порученію самой княгини, для того, чтобъ покрыть часть ея издержекъ на путешествіе, но, подъ вліяніемъ своей фаворитки, Талызиной, отдалъ домъ одному изъ ея пріятелей за половинную цѣну. Эти извѣстія такъ разстроили Екатерину Романовну, что она заболѣла и три недѣли пролежала въ Ригѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дашкова жила нѣкоторое время у своей сестры, Полянской, пока не переселилась въ другой, наемный домъ. Сестра эта была та самая Елизавета Романовна, которая, десять лѣтъ назадъ, играла такую важную роль при дворѣ Петра III. Въ 1761 году она вышла замужъ за бригадира Полянскаго и наслаждалась теперь тихою, семейною жизнію. Тутъ же, въ Петербургѣ, княгиня увидѣлась опять съ своимъ отцомъ, и время, какъ видно, смягчило его гнѣвъ противъ дочери. Авторъ „Записокъ„ намекаетъ, при этомъ случаѣ, на какую-то ядовитую клевету, которая будто бы была причиною неудовольствія. Въ чемъ состояла клевета и каковы были, вообще, ихъ взаимныя отношенія—она не говоритъ и почти проходитъ молчаніемъ этотъ щекотливый для себя вопросъ.

Не безъ особеннаго удовольствія замѣтила наша героиня, что грозная опала, угнетавшая ее цѣлыя десять лѣтъ, почти разсѣялась, и горизонтъ со стороны двора началъ проясняться. Отчасти долгая разлука охладила враждебное чувство въ сердцѣ Екатерины; отчасти благопріятствовало Дашковой то обстоятельство, что Григорій Григорьевичъ Орловъ уже не пользовался прежнимъ довѣріемъ, и партія его замѣтно теряла свое значеніе. Много помогло также и осторожное поведеніе княгини за границей, которое обнаружило въ ней

присутствіе довольно тонкихъ дипломатическихъ способностей. Она вездѣ громко заявляла свою глубокую и неизмѣнную преданность къ императрицѣ, сближалась преимущественно съ тѣми лицами, которыя пользовались благосклонностью Екатерины, и уклонялась отъ знакомства съ людьми ей непріятными. При помощи новыхъ друзей, особенно Вольтера и Дидро́, восторженныя похвалы Екатеринѣ были услышаны въ петербургскомъ зимнемъ дворцѣ и, конечно, не остались безъ вліянія на перемѣну придворныхъ отношеній.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, напримѣръ, старый фернейскій льстецъ описываетъ Екатеринѣ свое первое свиданіе съ княгинею *):

Ферней, 15 мая 1771 г.

„Всемилостивѣйшая государыня!

„Прежде всего я долженъ увѣдомить васъ, что имѣлъ честь принимать въ своемъ уединеніи княгиню Дашкову. Лишь только она вошла въ комнату, какъ тотчасъ узнала вашъ портретъ, вышитый по атласу и обведенный цвѣточною гирляндою. Такой же портретъ намѣренъ былъ доставить вашему императорскому величеству г. Ласаль. (Изъ всѣхъ ліонскихъ произведеній искусства это самое совершенное; оно скоро будетъ возможно въ Петербургѣ и въ Адріанополѣ, или въ Стамбулѣ, если дѣла пойдутъ все съ такимъ же успѣхомъ.).

„Надобно полагать, что въ вашемъ изображеніи есть какая нибудь таинственная сила, потому что глаза княгини Дашковой, обращенные на эту шелковую матерію, въ одну минуту наполнились слезами. Она четыре часа сряду разсказывала о вашемъ императорскомъ величествѣ; а мнѣ показалось, что она говорила не болѣе четырехъ минутъ.

„Я получилъ отъ нея проповѣдь архіепископа Платона, произнесенную надъ гробницею Петра Великаго, на другой день, какъ ваше императорское величество получили извѣстіе о совершенномъ истребленіи турецкаго флота“ и т. д.

Немедленно, по возвращеніи Дашковой въ Петербургъ, императрица прислала ей 10,000 рублей. Оправившись отъ болѣзни, Екатерина Романовна явилась во дворцѣ и была принята очень ласково.

---

*) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ 1763—1778 г.

Вслѣдъ затѣмъ она получила въ подарокъ еще 60,000 рублей на покупку имѣнія въ свою собственность. Деньги эти помогли княгинѣ выручить изъ затруднительнаго положенія ея отца; она заплатила 23,000 руб. долгу, который уже требовали съ него судебнымъ порядкомъ. Остальная сумма была отложена на приданое дочери.

Весною 1773 года княгиня переѣхала на ту самую дачу (Кирьяновку), которая упоминалась въ разсказѣ о событіяхъ 1762 г. Здѣсь сынъ ея такъ опасно заболѣлъ лихорадкою, что она нѣкоторое время отчаявалась въ его жизни. Судьба послала ему молодаго доктора Рожерсона, который только что пріѣхалъ изъ Шотландіи. Помощію этого искуснаго врача и неусыпными попеченіями матери, семнадцать дней неотходившей отъ кровати своего Павла, онъ былъ спасенъ. Съ тѣхъ поръ, Рожерсонъ, впослѣдствіи первый лейб-медикъ Екатерины II, сдѣлался однимъ изъ самыхъ искреннихъ друзей княгини.

Болѣзнь сына не помѣшала матери лично поздравить императрицу съ побѣдами Румянцова и мирными предложеніями турокъ, извѣстіе о которыхъ привезъ генералъ Потемкинъ. Княгиня, по этому случаю, успѣла искусно выразить свое сочувстіе къ современнымъ политическимъ событіямъ: она прислала императрицѣ картину съ изображеніемъ прекрасной гречанки, произведеніе знаменитой художницы Анжелики Кауфманъ, и приложила къ ней письмо, въ которомъ изъявляла свои надежды на близкое возрожденіе Греціи. Тѣмъ и другимъ Екатерина осталась очень довольна.

Осенью того же года, Дашкова съ семействомъ отправилась въ село Троицкое, лежавшее на рѣкѣ Протвѣ, недалеко отъ Серпухова. Она жила здѣсь довольно уединенно, продолжая соблюдать строгую экономію въ расходахъ и посвящая себя, главнымъ образомъ, воспитанію дѣтей. Черезъ каждыя двѣ недѣли, Екатерина Романовна возила ихъ въ Москву на свиданье съ бабушкою, старою княгинею Дашковой. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ, въ домѣ своего родственника, П. Д. Еропкина, она познакомилась съ генераломъ Потемкинымъ, которому суждено было вскорѣ занять мѣсто Г. Г. Орлова.

Отсутствіе изъ столицы не позволило княгинѣ пожать руку своему другу и почитателю Дидро́, который, какъ извѣстно, въ концѣ 1773 и началѣ 1774 года, былъ въ Россіи и пользовался личными бесѣдами Екатерины II, своей щедрой покровительницы. До насъ дошли два посланія Дидро́ къ Дашковой, написанныя въ Петербургѣ; но

они не заключаютъ въ себѣ ничего особенно интереснаго и наводнены цѣлымъ потокомъ утонченныхъ любезностей *).

Когда, въ 1775 году, императрица пріѣзжала въ Москву праздновать миръ, окончившій первую Турецкую войну, Екатерина Романовна приняла участіе въ этихъ великолѣпныхъ празднествахъ. Но вскорѣ ей пришлось цѣлыя три недѣли провести у постели умирающей свекрови. Послѣднее время своей жизни старуха, повицимому, находилась въ полномъ согласіи съ невѣсткою, которая оказывала ей знаки глубокаго уваженія и вниманія. Несмотря на свою слабость, княгиня проводила прахъ свекрови за семнадцать верстъ отъ города и похоронила ее въ одномъ монастырѣ, гдѣ уже покоились нѣкоторые члены фамиліи Дашковыхъ.

Незадолго до отъѣзда императрицы изъ Москвы, княгиня обратилась къ ней съ просьбою во второй разъ отпустить ее за границу, для того, чтобъ дать своему сыну образованіе въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ. Екатерина не отказала въ своемъ позволеніи, но дала его съ такою же холодностію, какъ и прежде; если вѣрить „Запискамъ", она осталась недовольна тѣмъ, что высшее образованіе считали возможнымъ только за границей, а не въ Россіи.

Такъ какъ Дашкова разсчитывала на долгое отсутствіе изъ отечества, можетъ быть, на девять или на десять лѣтъ, то спѣшила устроить судьбу своей дочери, и воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ. За Анастасью посватался нѣкто бригадиръ Щербининъ. Хотя это была несовсѣмъ блестящая партія, однако предложеніе охотно приняли, и молодые супруги, съ согласія старика Щербинина отправились, вмѣстѣ съ княгинею, за границу. Такимъ образомъ, дочь ея, еще слишкомъ неопытная для самостоятельной жизни, и послѣ свадьбы продолжала оставаться подъ надзоромъ матери. Дашкова опять намекаетъ на какіе то пересуды и непріятности, которымъ она подверглась по поводу этого брака (вѣроятно, со стороны своихъ родственниковъ), но пренебрегаетъ ими и не хочетъ о нихъ разсказывать.

Путешественники, сопровождаемые цѣлою свитою родственниковъ, выѣхали изъ Москвы зимою и направили свой путь на Псковъ, чтобъ заѣхать въ гости къ старшему брату молодаго Щербинина. Дорогою, одинъ изъ слугъ упалъ съ козелъ, и по немъ проѣхало двое саней.

*) См. приложенія къ изданію „Мемуаровъ".

Отъ сильнаго ушиба онъ лишился чувствъ. Необходимо было пустить кровь; но какимъ образомъ? Дашкова вспомнила, что въ портфелѣ сына хранился ланцетъ, купленный ею въ Англіи, и предложила кому нибудь изъ спутниковъ принять на себя операцію; но никто не рѣшался. Тогда, побѣдивъ на минуту свое сильное отвращеніе къ человѣческой крови, она сама открываетъ у больнаго жилу и такимъ образомъ спасаетъ ему жизнь.

Изъ помѣстья Щербининыхъ Екатерина Романовна продолжала путь черезъ Литву. Поѣздка по этому глухому, дикому краю показалась ей чрезвычайно утомительною. Дорога пролегала иногда по такой лѣсистой мѣстности, что надобно было нанимать десятка три мужиковъ съ топорами, которые шли впередъ и расчищали проѣздъ для экипажей. Въ дополненіе непріятностей, сынъ заболѣлъ корью. Только добравшись до Гродно, путешественники могли нѣсколько отдохнуть. Здѣсь одинъ докторъ, состоявшій при гродненскомъ корпусѣ, вылечилъ князя; но отъ него успѣла заразиться и молодая Щербинина. Княгиня, поэтому, цѣлыя пять недѣль должна была прожить въ Гроднѣ.

Въ Варшавѣ Екатерина Романовна встрѣтила весьма-почетный пріемъ при дворѣ Станислава Понятовскаго, что̀ подало ей поводъ осыпать эту безцвѣтную личность похвалами, далеко-незаслуженными. Въ Берлинѣ она нашла то же самое радушное гостепріимство, какъ и въ первое путешествіе.

Спустя ровно пять лѣтъ послѣ разлуки съ другомъ, Дашкова прибыла въ Спа, и дѣйствительно заняла тотъ самый домъ въ „Promenade de sept heures“, при заложеніи котораго она дала свое торжественное обѣщаніе. Сюда пріѣхала вскорѣ мистриссъ Гамильтонъ, и оба друга доказали, что разлука нисколько не уменьшила ихъ романической привязанности.

Что̀ касается до образованія сына, то выборъ княгини палъ на Эдимбургскій университетъ. Она рѣшилась устроиться въ Эдимбургѣ на все время его учебнаго курса, и поэтому случаю обратилась за совѣтами къ ректору университета, знаменитому историку Робертсону, прося его принять молодаго Дашкова подъ свое покровительство. Робертсонъ отвѣчалъ ей очень-вѣжливымъ письмомъ и совѣтовалъ подождать еще года два или три, чтобъ дать юному князю время основательнымъ образомъ приготовиться къ университету. Съ этою цѣлью онъ указывалъ ей на одного изъ профессоровъ, Робинзона, который имѣлъ у себя домашній пансіонъ и которому княгиня могла

бы смѣло ввѣрить молодаго человѣка. Но нетерпѣливая мать рѣшительно отказалась разлучиться съ сыномъ, или отложить на два года его поступленіе въ университетъ.

Второе посланіе къ Робертсону очень-любопытно въ томъ отношеніи, что раскрываетъ передъ нами взглядъ княгини вообще на систему научнаго образованія и нѣсколько на будущее назначеніе ея сына. Посланіе уже адресовано изъ Лондона, гдѣ Екатерина Романовна остановилась на короткое время по пути въ Шотландію. Мы приведемъ его въ извлеченіи:

„Милостивый государь, я имѣла честь получить вашъ отвѣтъ, и, принося за него благодарность, беру смѣлость пояснить вамъ нѣкоторые пункты моего перваго письма, которые, кажется, остались для васъ несовсѣмъ-ясны.

„Я всегда желала, чтобы сынъ жилъ со мной подъ одною кровлею, подъ моимъ надзоромъ, и не отношу себя къ такимъ женщинамъ, которыя способны портить своихъ дѣтей; думаю, напротивъ, что моя привязанность будетъ самымъ лучшимъ руководителемъ ихъ нравственнаго и физическаго развитія. Притомъ же мой образъ жизни нисколько не стѣсняется ихъ присутствіемъ; слѣдовательно, мы очень хорошо можемъ ужиться вмѣстѣ. Но еслибы я пожелала помѣстить сына внѣ своего дома, то не иначе, какъ къ вамъ, потому-что только на васъ однихъ могу положиться въ этомъ случаѣ. Что же касается до г. Робинзона, то я довольно знаю о немъ, чтобъ уважать его, какъ ученаго и писателя, и вполнѣ убѣждена, что онъ былъ бы чрезвычайно-полезенъ моему сыну въ дѣлѣ образованія. Князь Дашковъ, конечно, будетъ слушать его лекціи; но я рѣшительно не желаю помѣстить князя съ цѣлою толпою неизвѣстныхъ мнѣ молодыхъ людей, ибо всего болѣе дорожу его характеромъ и нравственностью.

„Впрочемъ, не лишаю себя надежды, что вы, если не захотите сами руководить образованіемъ моего сына, по-крайней мѣрѣ, не откажете его матери въ своихъ совѣтахъ по этому предмету. Вслѣдствіе такой надежды представляю на вашъ судъ составленный мною планъ ученія. Я бы очень желала прочесть ваше мнѣніе—плодъ глубокихъ знаній и опытности, чтобъ, сообразно съ нимъ, улучшить мою программу. Вѣрьте, что всякій откровенный совѣтъ я приму отъ васъ какъ лестное доказательство вашего ко мнѣ уваженія.

„Считаю необходимымъ упомянуть при этомъ случаѣ, что военная служба въ моемъ отечествѣ—вещь очень-почетная и во многомъ не-

похожа на службу въ другихъ земляхъ, гдѣ милость государя и придворныя интриги служатъ главнымъ средствомъ возвышенія. У насъ каждый желающій достичь высокаго положенія въ обществѣ долженъ начинать службу очень-рано. Поэтому, какъ вы видите, мой сынъ не можетъ посвятить еще четыре года наукамъ, неимѣющимъ непосредственной связи съ тою спеціальностью, для которой онъ себя готовитъ. Ему теперь 17 лѣтъ; если къ четыремъ годамъ ученія прибавить два года на путешествія, въ-такомъ-случаѣ онъ не ранѣе двадцатаго года могъ бы приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Видѣть его возвышеніе тѣмъ же путемъ и тѣми же честными трудами, какими возвышались его предки, составляетъ предметъ моей гордости, моего искренняго желанія. Отвергая и презирая всякое низкое средство, я болѣе всего буду заботиться о томъ, чтобъ устранить обстоятельства, которыя могутъ отклонить его отъ настоящаго пути. Кромѣ обязанностей матери, на мнѣ лежитъ еще обязанность опекуна; я должна согласить настоящее съ будущимъ, примирить европейскія идеи съ обычаями и особенностями моего отечества.

„Вотъ, милостивый государь, планъ ученія, который я составила, съ указаніями того, что мой сынъ уже знаетъ, или чему онъ началъ учиться.

„*Языки.* Латинскій. Начальныя трудности уже побѣждены.

„Англійскій. Князь очень хорошо понимаетъ прозу и отчасти стихи.

„Нѣмецкій. Онъ понимаетъ все, что читаетъ.

„Французскій. Знаетъ, какъ свой собственный.

„*Словесность.* Онъ знакомъ съ лучшими классическими произведеніями, и его вкусъ развитъ болѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ подобномъ возрастѣ. Я боюсь, что онъ слишкомъ строгій критикъ, и это можетъ составить его отличительный недостатокъ.

„*Математика.* Весьма важная отрасль науки. Онъ уже сдѣлалъ успѣхи въ ней и рѣшаетъ трудныя задачи; но я желаю, чтобъ шелъ дальше въ алгебрѣ.

„*Гражданская и военная архитектура.* Я бы хотѣла, чтобъ онъ изучилъ ее подробно.

„*Исторія и государственныя учрежденія.* Онъ знаетъ всеобщую исторію и частную: Германіи, Франціи и Англіи; но ему надобно опять пройти ее и дома повторить съ учителемъ.

„Потомъ я желаю, чтобъ онъ узналъ: 1) логику и теорію мышленія; 2) опытную физику; 3) нѣсколько химіи; 4) философію и естественную исторію; 5) естественное, международное, государственное

и частное право въ связи съ европейскими законодательствами; 6) этику; 7) политику.

„Эти науки онъ долженъ пройти въ два съ половиною года, или въ пять университетскихъ семестровъ.“ (Затѣмъ слѣдуетъ подробное распредѣленіе предметовъ по семестрамъ).

Письмо и программа ученья достаточно показываютъ, что княгиня воспитывала своихъ дѣтей чрезвычайно тщательно и усердно—даже болѣе усердно, нежели сколько нужно. Неговоря уже о томъ, что слова ея отзываются сильнымъ педантизмомъ, изъ нихъ ясно видимъ несовсѣмъ нормальное отношеніе къ дѣтямъ. Извѣстно, что излишняя строгость, энергія и симметричность въ дѣлѣ воспитанія могутъ также повредить, какъ и отсутствіе надзора, или порядка. Подобная система заключаетъ умственное развитіе въ тѣсныя рамки, задерживаетъ его свободный ходъ и придаетъ этому ходу характеръ болѣе механическій, нежели живой и разумный. Княгиня Дашкова, очевидно, принадлежала къ тѣмъ матерямъ семейства, которыя, господствуя въ своемъ домѣ деспотически, вносятъ деспотическій элементъ и въ дѣло воспитанія; которыя непремѣнно хотятъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ геніальныя способности и, не позволяя имъ сдѣлать ни одного свободнаго шагу, начиняютъ юную память всевозможными познаніями и нравственными синтенціями, въ то время, когда голова еще не въ состояніи ихъ переварить. Подобныя матери кончаютъ тѣмъ, что заучиваютъ своихъ дѣтей до отупѣнія; наука, не переходя органически въ ихъ плоть и кровь, становится тяжелымъ и скучнымъ бременемъ, и они покидаютъ ее при первой возможности. Очень рѣдко, въ такихъ случаяхъ, заботы и неутомимые хлопоты матери вознаграждаются привязанностью, или искреннимъ довѣріемъ со стороны дѣтей.

Въ своихъ взглядахъ на жизнь и на значеніе человѣка вообще, Дашкова, какъ видно, не поднималась надъ уровнемъ массы: такъ-называемая карьера у нея на первомъ планѣ при мысли о будущности сына.

По дорогѣ въ Шотландію, Екатерина Романовна провела нѣсколько дней въ домѣ лорда Суссекса и здѣсь познакомилась съ мистеромъ Вильмотъ, отцомъ той дѣвушки, которая впослѣдствіи играла значительную роль въ жизни нашей героини, и которой русская исторія обязана ея интересными „мемуарами“. Общество путешественниковъ уменьшилось, между тѣмъ, молодымъ Щербининымъ: отецъ вызвалъ его изъ Спа, и онъ уѣхалъ въ Россію, оставивъ свою жену на рукахъ у тещи.

По пріѣздѣ въ Эдимбургъ, княгиня наняла квартиру въ Голирудѣ, старинномъ дворцѣ шотландскихъ королей. Окружающіе предметы напоминали ей Марію Стюартъ и часто заставляли задумываться надъ печальною судьбою королевы; къ ея спальнѣ примыкалъ даже кабинетъ Маріи и та достопамятная лѣстница, съ которой былъ брошенъ итальянецъ Ричіо.

Извѣстно, какимъ блескомъ озарилась Шотландія во второй половинѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ своихъ на поприщѣ наукъ и литературы; цѣлый рядъ громкихъ именъ обратилъ на нее вниманіе всей образованной Европы. Вѣроятно, эта-то слава вмѣстѣ съ дешевизною жизни, и рѣшила выборъ княгини въ пользу эдимбургскаго университета. Разумѣется, она не пропустила случая немедленно познакомиться со всѣми литературными знаменитостями шотландской столицы. Изъ общества ученыхъ людей, собиравшихся въ ея домѣ, княгиня съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ: Робертсона, Адама Смита, Фергюсона и Блэра; а изъ женскихъ знакомствъ: герцогиню Бургей, лэди Френсисъ Скотъ, лэди Лотіанъ и Марію Ирвинъ. Годы, проведенные въ Эдимбургѣ, она называетъ одними изъ самыхъ мирныхъ и спокойныхъ во всей жизни. Удовольствія этого тихаго существованія еще болѣе увеличились съ пріѣздомъ мистрисъ Гамильтонъ. На лѣтнія вакансіи Екатерина Романовна отправилась, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, въ горную Шотландію; но отсюда она воротилась съ ревматизмомъ, и потому слѣдующіе каникулы провела на водахъ Буктона и купалась въ Скарбору. Гамильтонъ не оставляла ея своими попеченіями во все время болѣзни.

Между тѣмъ, ученье молодаго Дашкова шло своимъ порядкомъ и систематически подвигалось впередъ по упомянутой программѣ. Княгиня старалась доставить ему самое многостороннее развитіе. Она немалое вниманіе обращала также на его свѣтскія манеры и физическую ловкость: съ этою цѣлью онъ бралъ уроки верховой ѣзды и фехтованья. Кромѣ того, мать каждую недѣлю аккуратно давала у себя танцовальные вечера, чтобъ доставить сыну пріятное разсѣяніе отъ умственныхъ занятій.

Въ маѣ 1779 года князь Дашковъ окончилъ свое университетское образованіе. По словамъ матери, онъ выдержалъ публичный экзаменъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что его отвѣты покрывались громкими рукоплесканіями многочисленныхъ посѣтителей. Юноша получилъ

степень „магистра искусствъ“, и материнскій восторгъ княгини, при этомъ случаѣ, не зналъ предѣловъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Дашковы оставили Эдимбургъ, чтобъ еще разъ совершить путешествіе по Западной Европѣ. Прежде всего они отправились въ Ирландію. Семейства Гамильтонъ и Морганъ, жившія въ Дублинѣ, позаботились приготовить для путешественниковъ удобное и красивое помѣщеніе. Екатерина Романовна прогостила здѣсь около года; она говоритъ, что это время дли нея походило на какое то прекрасное сновидѣніе, потому что вниманіе и услужливость друзей предупреждали всѣ ея желанія.

Дублинское общество, повидимому, было очаровано умомъ и талантами русской княгини и носило ее на рукахъ. Въ числѣ новыхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ здѣсь, она съ особеннымъ уваженіемъ вспоминаетъ лэди Арабеллу Дени, которая извѣстна какъ основательница нѣсколькихъ благотворительныхъ заведеній. Дашкова, съ своими друзьями, часто ходила къ ней пить чай и наслаждаться ея умной, симпатичной бесѣдой. Между учрежденіями Арабеллы, главнымъ предметомъ ея заботъ былъ госпиталь Магдалены. Восхищаясь музыкальнымъ талантомъ княгини, старая лэди попросила ее положить на музыку одинъ церковный гимнъ, который любители собирались пропѣть въ магдаленинской капеллѣ, по случаю какого то торжества, разумѣется, съ благотворительною цѣлью. Екатерина Романовна поспѣшила исполнить просьбу, и послѣ двухнедѣльнаго приготовленія, концертъ состоялся при стеченіи многочисленной публики, которую привлекло любопытство послушать, до какой степени *русская медвѣдица* владѣетъ композиторскимъ искусствомъ. Полный успѣхъ увѣнчалъ усилія артистки, и лэди Арабелла благодарила ее отъ всей души.

Впрочемъ, во время пребыванія на Британскихъ островахъ, это былъ не единственный опытъ композиціи, сопровождавшійся блестящимъ успѣхомъ. О томъ свидѣтельствуетъ письмо Давида Гаррика, изъ мѣстечка Мостлей, въ Эссексѣ, отъ 3 мая 1778 года:

„Княгиня, душевно благодарю васъ за честь, которой вы меня удостоили. Вчера лучшій музыкантъ и превосходный компонистъ исполнили ваше произведеніе. Небольшое собраніе было въ восторгѣ; каждый чувствовалъ гармонію, прелесть и патетическую простоту вашей пьесы; васъ привѣтствовали не какъ княгиню, а какъ великую артистку. Не было ни малѣйшаго пристрастія къ титулу, и хотя музыкальные судьи разбирали васъ строго, однако, одобреніе

было единодушное. Однимъ-словомъ, я боюсь, чтобъ не сбылось пророчество одного изъ нашихъ поэтовъ:

„Russia shall teach the arts to Britain's isle“.

(Россія будетъ наставницей въ искусствѣ Британскому Острову).

Не однимъ искусствамъ и отдыху посвящала княгиня свое время въ столицѣ Ирландіи: она слѣдила за политикой и усердно слушала знаменитыхъ ораторовъ въ дублинскомъ парламентѣ; самымъ блестящимъ изъ нихъ показался ей мистеръ Граттонъ. Далѣе, посредствомъ дѣятельной переписки она поддерживала свои знакомства, разсѣянныя въ разныхъ углахъ королевства, и занималась литературными трудами; такъ мы знаемъ, что княгиня составила „записку“ о состояніи Ирландіи; но содержаніе „записки“ намъ неизвѣстно. До насъ дошло только отъ этой эпохи наставленіе сыну о томъ, какимъ образомъ надо путешествовать. Поученіе матери представляетъ мало интереснаго: оно наполнено похвалами князю за его успѣхи въ наукахъ и общими мѣстами о наблюдательности, которою долженъ вооружиться путешественникъ, о скромности и т. п. Отсюда же, изъ Дублина, Дашкова, съ дѣтьми и двумя подругами, совершила поѣздку въ югозападную часть острова, гдѣ она посѣтила Киллернейское Озеро, Кильквеней, Лимерикъ, Коркъ и другія интересныя мѣста.

Весною 1780 года Екатерина Романовна простилась съ своими ирландскими друзьями, и, черезъ Валлисъ, прибыла въ Лондонъ, гдѣ, на этотъ разъ имѣла удовольствіе представиться королевѣ. Посѣтивъ опять нѣкоторые города южной Англіи, она переправилась въ Остендэ, заглянула въ Брюссель и объѣхала главные города Голландіи. Въ Гагѣ путешественница познакомилась съ оранскою фамиліей, причемъ весьма понравилась принцессѣ, и на цѣлый вечеръ заняла принца, такъ-что онъ забылъ свою обычную сонливость; а въ Лейденѣ ей суждено было столкнуться съ прежнимъ своимъ непріятелемъ, княземъ Орловымъ. Это случилось такимъ образомъ:

Дашкова остановилась здѣсь дня на два, чтобъ повидаться съ нѣкоторыми изъ старыхъ знакомыхъ. Первый ея визитъ былъ къ доктору Гобикусъ. Слуга сказалъ, что господина нѣтъ дома.

— Не можетъ быть. Я очень хорошо знаю, что онъ не выходилъ сегодня изъ дому, и такъ-какъ онъ навѣрное будетъ недоволенъ, если меня не увидитъ, то скажите, что княгиня Дашкова пріѣхала напомнить ему о себѣ.

Докторъ, находившійся въ сосѣдней комнатѣ, узналъ голосъ княгини и тотчасъ поспѣшилъ принять ее. Но онъ неплотно затворилъ за собою дверь, и это обстоятельство обнаружило присутствіе въ его домѣ князя и княгини Орловыхъ. Екатерина Романовна была очень удивлена такимъ явленіемъ: она еще не знала, что бывшій ея соперникъ получилъ уже позволеніе *путешествовать по Европѣ.*

Дашкова, повозможности, сократила свой визитъ доктору. Но въ тотъ же день едва она съ семействомъ успѣла сѣсть за обѣдъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и вошелъ князь Орловъ. Хозяйка холодно поклонилась гостю и сдѣлала вопросительную мину.

— Я пришелъ къ вамъ—были первыя слова гостя—не въ качествѣ врага, а въ качествѣ вашего друга и союзника.

Общее молчаніе. Орловъ посмотрѣлъ внимательно на молодаго Дашкова.

— Я вижу, по мундиру, сказалъ онъ:—что вашъ сынъ записанъ въ кирасирскій полкъ. Такъ какъ я еще командую лейб-гвардейскимъ корпусомъ и путешествую единственно для здоровья жены, то, если вамъ угодно, я попрошу императрицу перевести вашего сына въ мой корпусъ, въ которомъ, какъ вы знаете, служба считается двумя чинами выше противъ арміи.

Княгиня пригласила Орлова поговорить съ нею объ этомъ предметѣ въ особую комнату. Тамъ она вѣжливо поблагодарила за предложеніе, но отказалась отъ него, на томъ основаніи, что уже писала о назначеніи сына къ военному министру, князю Потемкину, и, слѣдовательно, до полученія отвѣта, не можетъ мѣнять своихъ намѣреній: такое непостоянство могло бы не понравиться ея величеству и оскорбить военнаго министра.

При имени Потемкина, Григорій Григорьевичъ поморщился. Обмѣнявшись еще нѣсколькими незначительными фразами, онъ прибавилъ, что, во всякомъ случаѣ, на его услуги могутъ разсчитывать, и что трудно найдти молодаго человѣка красивѣе князя Дашкова.

Послѣднее замѣчаніе и намекъ, скрывавшійся въ немъ, смутили, въ свою очередь, княгиню...

Вторая встрѣча съ тѣмъ же лицомъ произошла въ Брюсселѣ. Здѣсь, въ одно прекрасное утро, Орловы явились къ Дашковой въ сопровожденіи Мелиссинно съ женою, фрейлины Протасовой и дѣвицы Каменской. Кромѣ старика Мелиссино (въ то время куратора Московскаго университета), человѣка образованнаго и въ обществѣ

очень пріятнаго, другіе гости пришлись хозяйкѣ несовсѣмъ по-сердцу; однако, она, повозможности, старалась быть любезною со всѣми.

Посреди общаго разговора, Орловъ, посмотрѣвъ опять внимательно на молодаго Дашкова, вдругъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Какъ жаль, князь, что меня, вѣроятно, не будетъ въ Петербургѣ, когда вы туда пріѣдете! Я увѣренъ, что, при первомъ же появленіи своемъ, вы займете мѣсто теперешняго любимца, и я охотно помогъ бы вамъ въ этомъ случаѣ.

Княгиня вспыхнула. Она не дала времени своему сыну сказать что нибудь въ отвѣтъ и удалила его изъ комнаты, поручивъ написать записку къ доктору Бюртэну, чтобъ пригласить его на слѣдующій день для геологической прогулки по сосѣднимъ холмамъ. Затѣмъ Екатерина Романовна сдѣлала рѣзкій упрекъ князю Орлову за его слишкомъ-нескромную любезность. Гость не затруднился отвѣтить ей въ такомъ же тонѣ, и они разстались.

Въ Парижѣ княгиня возобновила прежнее знакомство съ братомъ и сестрою Малербъ, аббатомъ Рейналь, семействомъ Неккеръ и другими. Нечего и говорить, что престарѣлый Дидро встрѣтилъ ее почти съ дѣтскою радостью, и, несмотря на свои ослабѣвающія силы, бывалъ у нея каждый день. Кромѣ того, путешественники очутились въ кругу русскихъ вельможъ, которыхъ тогда довольно много собралось въ столицѣ Франціи. Между прочими, тутъ были: графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ съ женою (впослѣдствіи главнокомандующій въ Москвѣ), Самойловъ, племянникъ князя Потемкина, и графъ Андрей Шуваловъ; съ послѣднимъ, однако, княгиня не сошлась и дѣлаетъ о немъ очень нелестный отзывъ.

Вообще, второе пребываніе Дашковой въ Парижѣ далеко не походило на первое. Теперь она не скрывалась подъ ложнымъ именемъ, не избѣгала новыхъ встрѣчъ, и вскорѣ коротко сошлась съ высшимъ парижскимъ обществомъ; за то, къ сожалѣнію ея, большая часть времени уходила на церемонные визиты.

Не лишено нѣкотораго интереса свиданье княгини съ Марй Антуанетъ, знаменитою супругою Людовика XVI. Дашкова, ни за что не хотѣла подвергать себя церемоніямъ парижскаго двора и, будучи статс-дамою русской императрицы, стоять позади французскихъ перессъ въ версальской пріемной. Она уклонилась отъ приглашенья королевы, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаетъ всѣхъ тонкостей

придворнаго этикета и чувствуетъ себя очень-неловкою въ этой сферѣ. Тогда королева, при посредничествѣ мадамъ Сабранъ, назначила ей свиданье запросто въ домѣ госпожи Полиньякъ. Княгиня явилась туда съ обоими дѣтьми и была совершенно-очарована любезностью Мари Антуанетъ. Между-прочимъ, послѣдняя сказала нѣсколько комплиментовъ молодому Дашкову и госпожѣ Щербининой по поводу ихъ танцовальнаго искусства, о которомъ она много слышала.

— Что касается до меня, прибавила королева:—я очень сожалѣю, что скоро должна проститься съ этимъ удовольствіемъ.

— Почему же, ваше величество, спросила Дашкова:—вы считаете необходимымъ его оставить?

— Потому-что здѣсь не принято танцовать женщинѣ послѣ 25 лѣтъ.

— Признаюсь, я не могу понять такого принужденія. Пока есть охота, и пока ноги не отказываются служить, зачѣмъ лишать себя удовольствія, которое гораздо-естественнѣе, нежели карты?

Екатерина Романовна совсѣмъ забыла, что королева очень любила игру. Послѣдняя, впрочемъ, нисколько не перемѣнила своего тона и вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ Дашковой.

Этотъ ничтожный разговоръ не остался, однако, безъ послѣдствій. На другой день не было ни одного уголка въ высшемъ парижскомъ обществѣ, гдѣ бы не разсуждали о промахѣ княгини; онъ даже пріобрѣлъ ей нѣкоторую популярность, потому что Мари Антуанетъ тогда уже не пользовалась расположеніемъ парижанъ. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы Дашкова ни встрѣтилась съ мадамъ Сабранъ, или Польньякъ, онѣ всегда передавали ей привѣтствіе королевы. Кромѣ того, ея покровительство доставило молодому князю случай осмотрѣть сенсирскую военную школу, обыкновенно недоступную для иностранцевъ.

Въ домѣ Неккеръ княгиня встрѣтилась съ Рюльеромъ, авторомъ „записокъ“ о переворотѣ 1762 года. Она обошлась съ нимъ, на этотъ разъ, очень ласково и пригласила навѣщать ее, предупредивъ однако, что совсѣмъ не намѣрена читать его книгу. Многіе изъ ея лучшихъ знакомыхъ въ Парижѣ, напримѣръ: Малербъ, Неккеръ, Дидро и другіе, читавшіе эти „записки“, увѣрили княгиню, что она тамъ изображена въ самомъ привлекательномъ видѣ, между тѣмъ, какъ императрица—въ противоположномъ. Чувство польщеннаго самолюбія, вѣроятно, и заставило путешественницу обойтись такъ лю-

безно съ Рюльеромъ. Каково же было удивленіе нашей героини, спустя двадцать лѣтъ, когда „записки“, послѣ смерти автора, появились въ печати и она увидала въ нихъ себя наложницею графа Панина и предметомъ другихъ тяжкихъ обвиненій! Княгинѣ оставалось утѣшать себя только тѣмъ предположеніемъ, что книга вышла въ свѣтъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, будучи обезображена недобросовѣстнымъ издателемъ.

Тутъ же, въ Парижѣ, Екатеринѣ Романовнѣ удалось захватить на мѣстѣ преступленія одну важную сплетню, которая могла имѣть очень вредныя послѣдствія, какъ для матери, такъ и для сына. Мы уже знаемъ, какую услугу желалъ оказать молодому человѣку Григорій Григорьевичъ Орловъ. Но онъ не ограничился упомянутымъ разговоромъ въ Брюсселѣ. Обѣдая гдѣ-то съ графомъ Шуваловымъ, Орловъ изъявилъ готовность держать съ нимъ пари насчетъ того, что Павелъ Дашковъ вскорѣ займетъ мѣсто князя Потемкина. Шуваловъ нисколько не отличался скромностью, и вѣсть о такомъ интересномъ пари распространилась чрезвычайно быстро, съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что мать сама готовитъ въ своемъ сынѣ преемника Потемкину. Толки объ этомъ случайно дошли до княгини, и, разумѣется, она очень встревожилась опасеніемъ мести со стороны всесильнаго временщика: ей и безъ того уже подозрительно было молчаніе военнаго министра, который не отвѣчалъ на ея письмо о служебной карьерѣ сына. Дашкова немедленно приняла свои мѣры: она постаралась сблизиться съ Самойловымъ и такъ очаровала его своимъ вниманіемъ и разными услугами, что молодой человѣкъ, черезъ нѣсколько дней отправлявшійся въ Петербургъ, далъ ей слово объясниться съ дядею и открыть ему настоящій источникъ упомянутой сплетни.

Въ мартѣ 1781 года Дашковы оставили Парижъ и направили путь въ Швейцарію. По дорогѣ они заѣзжали во многія укрѣпленныя мѣста, и тутъ молодой князь, имѣя разрѣшеніе отъ двора, изучалъ на практикѣ науку военной фортификаціи. Нужно замѣтить, что во все время путешествія юноша не прекращалъ своихъ учебныхъ занятій.

Изъ Швейцаріи путешественники проѣхали въ Туринъ, гдѣ, при помощи англійскаго посланника, представились ко двору, осмотрѣли всѣ предметы и, съ дозволенія короля, посѣтили недоступную для иностранцевъ Александрійскую цитадель. Въ Туринѣ княгиня имѣла случай оказать важную услугу одному лифляндскому дворянину, который учился въ королевской военной академіи. За шалости его хо-

тѣли исключить изъ заведенія и отослать домой; ходатайство знатной соотечественницы спасло его; но она сдѣлала молодому человѣку строгій выговоръ и взяла съ него слово вести себя лучше.

Послѣ Турина и Генуи, посѣтили Миланъ. Здѣсь очень-радушно принялъ ихъ императорскій намѣстникъ, графъ Фирміанъ, и доставилъ всевозможныя удобства для поѣздки на озера Маджіоре и Лугано. Княгиня и ея спутники остались въ восторгѣ отъ этихъ очаровательныхъ мѣстностей.

Во Флоренціи Дашковыхъ задержали на нѣсколько времени картинная галерея, соборы, библіотеки и великогерцогскій кабинетъ естественной исторіи. Въ Пизѣ главный сановникъ города далъ имъ обѣдъ и потомъ проводилъ на площадь *Розальпина*, гдѣ путешественники были свидѣтелями оригинальной игры „il juoco del ponte", нарочно для нихъ устроенной въ тотъ день. Игра имѣла воинственный характеръ и состояла въ томъ, что двѣ партіи молодыхъ людей, одѣтыя въ шлемы и панцыри и вооруженныя тупыми мечами, вступали въ жаркій бой на одномъ большомъ мосту. Пизанцы до страсти любили эту игру, въ которой принимало участіе и высшее сословіе; но она служила источникомъ частыхъ ссоръ и дуэлей: иногда родственники и даже женщины раздѣлялись на два враждебные лагеря. Правительство, поэтому, старалось ее ограничить и мало-по-малу вытѣснить изъ употребленія.

Екатерина Романовна поселилась съ дѣтьми въ купальняхъ, недалеко отъ Пизы, и прожила здѣсь самый жаркій періодъ итальянскаго лѣта, когда свирѣпствуетъ тамъ нездоровое повѣтріе (*malaria*), которое особенно-опасно для иностранцевъ. Девять недѣль на пизанскихъ купальняхъ прошли не безъ пользы, благодаря разрѣшенію брать книги изъ герцогской и нѣкоторыхъ монастырскихъ библіотекъ. Занятія свои княгиня распредѣлила здѣсь слѣдующимъ образомъ: послѣ легкаго завтрака, около восьми часовъ утра, она садилась съ сыномъ и дочерью за чтеніе, и читали всѣ попеременно; въ одиннадцать часовъ, когда наступалъ невыносимый жаръ, приказывали закрывать окна и читали при свѣчахъ; въ пять часовъ обѣдали и читали еще нѣсколько времени; а вечеромъ гуляли по берегамъ канала. Такъ-какъ испаренія отъ нечистотъ мѣшали наслаждаться свѣжимъ воздухомъ, то княгиня приказала на свой счетъ вычистить каналъ, посыпать дорожки пескомъ и разставить скамейки.

28 іюня Дашкова праздновала день восшествія на престолъ императрицы; она дала балъ въ общественныхъ залахъ и угощала на свой

счетъ 460 особъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій Пизы, Лукки и Ливорно.

Въ Ливорно, куда княгиня предпринимала поѣздку изъ своего лѣтняго убѣжища, особенное вниманіе ея привлекъ на себя карантинный госпиталь, прекрасное зданіе, недавно построенное великимъ герцогомъ Леопольдомъ I. Планъ этого зданія она послала императрицѣ съ однимъ русскимъ путешественникомъ, который возвращался въ Петербургъ: такъ-какъ, послѣ новыхъ завоеваній на югѣ, русскіе пришли въ соприкосновеніе съ эпидемическими болѣзнями, то предстояла и у насъ потребность въ подобнаго рода заведеніяхъ. Княгиня искусно воспользовалась случаемъ попросить императрицу о дальнѣйшемъ производствѣ сына и выразить свое безпокойство о томъ, что военный министръ оставилъ безъ отвѣта ея письмо.

Изъ Пизы Екатерина Романовна переѣзжаетъ въ Римъ. Она знакомится съ кардиналомъ Берни, аббатомъ Гальяни, съ самимъ папою Піемъ VI и нѣкоторыми другими замѣчательными лицами; но главнымъ образомъ погружается здѣсь въ изученіе памятниковъ искусства, античныхъ и эпохи возрожденія. Обыкновенно, въ восемъ часовъ утра, а иногда и ранѣе, Дашкова отправлялась осматривать ихъ въ самомъ городѣ, или по окрестностямъ, напримѣръ въ Тиволи, на виллу Адріана, Фарнезе и пр. Она пріѣзжала домой къ тремъ или четыремъ часамъ, обѣдала наскоро, и затѣмъ принимала гостей, преимущественно художниковъ. Вооружившись карандашомъ или гравировальнымъ рѣзцомъ, княгиня спокойно садилась за работу, и гостинная ея тотчасъ превращалась въ студію. Разговоръ, конечно, переходилъ на искусство, и хозяйка старалась узнать мнѣнія знатоковъ о художественыхъ произведеніяхъ, которыя она видѣла по утру. А, между тѣмъ, сынъ ея, подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ, учился гравированію или акварельной живописи; онъ, какъ извѣстно, былъ осужденъ матерью брать всевозможные уроки.

Оставивъ Римъ, Екатерина Романовна ѣдетъ далѣе на югъ; осматриваетъ въ Террачинѣ новую, очень удобную гавань и поручаетъ снять съ нея планъ для императрицы. Въ Неаполѣ она занимаетъ хорошенькій домикъ на берегу залива, съ восхитительнымъ видомъ на Капри и на Везувій; продолжаетъ здѣсь бесѣдовать съ артистами и изучать памятники искусства. Посѣтивъ развалины Геркуланума и Помпеи, Дашкова даетъ королю слѣдующій совѣтъ: очистить оба города отъ пепла и лавы и разставить въ нихъ всѣ вещи въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ найдены: тогда передъ ними яви-

лась бы полная картина древняго быта; а деньги, собираемыя за входъ съ посѣтителей, могли бы окупить издержки предпріятія. Король нашелъ такую мысль очень-умною, однако не позаботился объ ея исполненіи.

Восхожденіе княгини на вершину Везувія едва не стоило ей жизни. Она и безъ того несовсѣмъ была здорова; а усилія, употребленныя при этомъ случаѣ, заставили ее серьёзно слечь въ постель. Больную спасли отъ смерти строгая діета и помощь одного доктора англичанина, по имени Друмонда. Окончательно возвратилъ ей здоровье отвѣтъ, который она получила изъ Петербурга. Императрица благодарила за планъ карантиннаго госпиталя, обѣщала позаботиться о карьерѣ сына, и вообще писала въ самомъ ласковомъ тонѣ. Письмо это имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу путешествія: съ той минуты княгиня, очевидно, спѣшитъ воротиться въ Петербургъ.

Дождавшись въ Римѣ прибытія великаго князя Павла Петровича, который вмѣстѣ съ супругою, путешествовалъ тогда по Европѣ, Дашковы направились къ сѣверу. Въ Лоретто они осмотрѣли богатую ризницу Мадонны; въ Болоньѣ посѣтили университетъ; въ Венеціи полюбовались мраморными дворцами и живописными каналами. Затѣмъ княгиня оставила Италію, увозя оттуда большую коллекцію картинъ, эстамповъ, рѣзныхъ камней и другихъ антиковъ.

Послѣ утомительнаго переѣзда по Тирольскимъ горамъ, путешественники отдохнули нѣсколько времени въ столицѣ Австріи. Благодаря любезной предупредительности русскаго посланника, князя Голицына, они познакомились вскорѣ съ цвѣтомъ вѣнской аристократіи. Самъ первый министръ, гордый князь Кауницъ, оказалъ Дашковой всѣ знаки уваженія и утонченнаго вниманія. Разъ Екатерина Романовна обѣдала у знаменитаго министра, и тутъ, между прочимъ, зашла рѣчь о реформахъ Петра I. Кауницъ назвалъ его государемъ, который осыпалъ Россію величайшими благодѣяніями. Дашкова не хотѣла съ нимъ согласиться и горячо высказала при этомъ случаѣ свой оригинальный, меткій взглядъ на великаго преобразователя. Сущность ея взгляда заключалась въ томъ, что Петръ повернулъ дѣло слишкомъ круто; что онъ могъ бы достигнуть болѣе прочныхъ результатовъ, еслибъ занялся правильными, постепенными реформами и особенное вниманіе обратилъ на промышленное развитіе народа.

Кауницъ указалъ на трогательный примѣръ великаго монарха, который съ топоромъ въ рукѣ работаетъ на верфи. Дашкова не согласилась и съ этимъ.

— Вы конечно лучше другихъ знаете, сказала она:—что монарху нѣтъ времени заниматься дѣломъ простаго работника. Петръ I имѣлъ средства нанять, гдѣ ему угодно, нетолько корабельщиковъ и плотниковъ, но и адмираловъ.

Увлекаясь пристрастіемъ, а, можетъ быть, и разсчетомъ, княгиня, однако, не остановилась на этомъ справедливомъ замѣчаніи. Слишкомъ строго осудивъ дѣятельность Петра, она отдавала явное предпочтеніе передъ нимъ Екатеринѣ II, для которой не насталъ еще въ то время судъ исторіи.

Упомянутый разговоръ былъ переданъ императору. Іосифъ II страдалъ тогда глазною болѣзнію и почти не покидалъ своего кабинета; тѣмъ неменѣе онъ изъявилъ желаніе видѣть княгиню. Дашкова отказалась подождать, пока больной совершенно оправится; она отвѣчала, что, имѣя въ виду пользу сына, хочетъ непремѣнно поспѣть въ Берлинъ на предстоящій военный смотръ. Наканунѣ отъѣзда, Екатерина Романовна еще разъ, и, кажется, не безъ особенной цѣли, посѣтила прекрасный музей естественной исторіи, помѣщавшійся въ одной изъ дворцовыхъ галерей. Не успѣла она еще хорошенько осмотрѣться, какъ къ ней подошелъ самъ императоръ съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ. Онъ кроткимъ голосомъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что не могъ раньше познакомиться съ княгинею, весьма почтительно говорилъ о Екатеринѣ II, и предложилъ гостьѣ, на память о себѣ, нѣсколько дублетовъ изъ музея. Это коротенькое свиданье произвело на нее очень отрадное впечатлѣніе.

Въ Пруссіи молодой Дашковъ былъ чрезвычайно ласково принятъ дворомъ. Отправляясь на смотръ изъ Потсдама въ Берлинъ, король пригласилъ его въ свою свиту; княгиня также удостоилась приглашенія на смотръ—чести, которою женщины обыкновенно не пользовались у Фридриха II.

Однажды утромъ ея высочество, впослѣдствіи прусская королева, заѣхала за Дашковой и въ извѣстномъ мѣстѣ попросила ее выдти изъ кареты.

— Здѣсь, милая княгиня, сказала она:—король желаетъ съ вами говорить. Что жь касается до меня, то я не имѣю никакой охоты видѣть этого стараго ворчуна и поѣду дальше.

Во время развода, въ присутствіи 42,000 арміи, король подскакалъ къ Екатеринѣ Романовнѣ, спрыгнулъ на землю и, снявъ шляпу, разговаривалъ съ нею впродолженіе нѣсколькихъ минутъ. Войска были немало удивлены, потому что совсѣмъ не привыкли видѣть

такое любезное обращеніе Фридриха съ женскимъ поломъ. На другой день, за ужиномъ у королевы, принцесса Генріета замѣтила княгинѣ, что исторія непремѣнно будетъ говорить о ней, какъ о личности, въ пользу которой Фридрихъ сдѣлалъ исключеніе изъ своихъ правилъ.

Изъ Берлина путешественники, черезъ Кёнигсбергъ, Мемель и Ригу, прибыли въ Россію. Второе возвращеніе въ отечество было далеко непохоже на первое. Теперь княгиня ѣхала назадъ съ гордою увѣренностью, что главная цѣль путешествія была вполнѣ достигнута, тоесть сынъ ея получилъ блестящее и многостороннее воспитаніе; а впереди ей улыбались привѣтъ и милостивое вниманіе императрицы.

VI.

ЭПОХА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Высочайшія милости.—Назначеніе Дашковой директоромъ академіи наукъ.—Административныя мѣры и литературныя предпріятія.—Княгиня основатель и первый президентъ Россійской академіи.—Изданіе словаря и непріятности по службѣ.—Семейныя дѣла.—Неожиданный бракъ князя Дашкова и горесть матери.—Отношенія къ императрицѣ.—Неудовольствіе по поводу трагедіи Княжнина.

Въ іюлѣ 1782 года княгиня Дашкова пріѣхала въ столицу и поселилась на своей дачѣ. Ее немедленно навѣстила сестра, Полянская, съ дочерью. Это были единственные родственники княгини, остававшіеся въ Петербургѣ; отецъ ея, графъ Романъ, отправлялъ въ то время должность губернатора во Владимірѣ.

На одной изъ сосѣднихъ дачъ жила графиня Скавронская, племянница князя Г. А. Потемкина, у которой дядя бывалъ почти каждый день. Дашкова не замедлила воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ: при посредничествѣ генерала П. С. Потемкина (племянника свѣтлѣйшаго) она изъявила князю желаніе представить своихъ дѣтей въ Царскомъ Селѣ. Получивъ позволеніе, Дашковы въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній отправились. Ихъ приняли очень благосклонно. Екатерина Романовна была приглашена къ обѣду вмѣстѣ съ дѣтьми, хотя военно-придворный этикетъ не допускалъ, чтобъ молодой человѣкъ, состоявшій въ чинѣ прапорщика, сидѣлъ за однимъ столомъ съ императрицею. На другой день княгиня прочла указъ, которымъ ея сынъ былъ произведенъ прямо въ гвардей-

скіе капитаны 2-го ранга. Читатели могутъ судить, до какой степени мать была обрадована этимъ производствомъ. Въ скоромъ времени послѣдовалъ новый знакъ вниманія и милости со стороны Екатерины. Князь Потемкинъ отъ имени императрицы предложилъ Дашковой выбрать себѣ любое помѣстье въ подарокъ. Послѣдняя поблагодарила за милость, но отказалась сама сдѣлать выборъ. Нѣсколько времени продолжались переговоры; наконецъ княгиня получила копію съ указа, по которому ей пожаловано было село Круглово съ 2500 крестьянъ и всѣми землями, къ нему приписанными. Это село находилось въ той части Бѣлоруссіи, которая отошла къ намъ послѣ перваго раздѣла Польши; оно принадлежало прежде гетману Огинскому, а потомъ состояло въ числѣ земель, конфискованныхъ русскимъ правительствомъ.

Когда, на слѣдующій годъ, Екатерина Романовна посѣтила свое новое помѣстье, она нашла его въ положеніи весьма-печальномъ. Вопервыхъ, самая лучшая часть кругловской земли, лежавшая по другую сторону рѣки Друца (которая была пограничною по раздѣлу 1772 года) осталась въ польской территоріи, чего, кажется, императрица и не подозрѣвала. Вовторыхъ, лѣсу было такъ мало, что его недоставало на отопленіе, а крестьяне разорены до такой степени, что на десять человѣкъ приходилась одна корова и на пять крестьянъ одна лошадь. Кромѣ того, изъ 2500 душъ 167 на лицо не оказалось. Подобные безпорядки княгиня приписываетъ злоупотребленіямъ чиновниковъ. „Потому то“ говоритъ она „государственные крестьяне въ Россіи находятся въ гораздо-худшемъ состояніи, нежели всѣ другіе“. Конечно, она не могла оставить бѣлорусское помѣстье въ такомъ бѣдственномъ положеніи и немедленно принялась за его улучшеніе, употребя на то свои собственныя деньги.

Щедрость императрицы не ограничилась этимъ подаркомъ. Дашкова не имѣла тогда въ Петербургѣ собственнаго дома, и, ради сокращенія расходовъ на квартиру, прожила на дачѣ до глубокой осени. Замѣтивъ это, императрица попросила княгиню выбрать себѣ въ городѣ любое зданіе изъ тѣхъ, которыя продавались, и даже указала на дворецъ герцогини курляндской, стоившій 58,000. Не желая обременять государыню уплатою такой большой суммы, княгиня выбрала другой домъ въ 30,000 рублей (принадлежавшій придворному банкиру Фрпдрихсу), который и былъ немедленно купленъ. Впрочемъ (замѣтимъ ради исторической точности) она потомъ очень жалѣла, что невполнѣ воспользовалась щедростью императрицы,

когда ей пришлось мёблировать свой домъ и войти по этому случаю въ долги.

Между-тѣмъ Екатерину Романовну очень трогало положеніе ея сестры, Полянской, надъ которою уже двадцать лѣтъ тяготѣла царская опала. Особенно ей было жаль молоденькую племянницу: послѣдняя терпѣла за грѣхи матери и должна была играть несчастную роль въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ она могла бы занимать непослѣднее мѣсто по знатности своего рода. Княгиня начала усердно хлопотать, чтобъ дѣвушку приняли въ придворный штатъ, и нѣсколько разъ просила о томъ Потемкина; но просьбы ея оставались пока безъ рѣшительнаго отвѣта.

24 ноября того же 1782 года праздновали въ Петербургѣ высочайшія именины. Когда окончился придворный балъ, Екатерина Романовна, будучи статс-дамою императрицы, вопреки обыкновенію, не послѣдовала за ея свитою во внутренніе покои дворца и осталась въ большой залѣ. Она подозвала къ себѣ одного изъ адъютантовъ Потемкина и попросила его передать князю, что до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ залы, пока ей не принесутъ копіи съ указа, которымъ дѣвица Полянская причисляется къ фрейлинамъ ея величества. Оставшіеся въ залѣ съ удивленіемъ смотрѣли на Дашкову, которая не пошла за императрицею и, повидимому, чего-то дожидалась. Нѣсколько минутъ спустя, адъютантъ воротился съ желанной копіей въ рукахъ. Княгиня поспѣшила къ сестрѣ, и та была внѣ себя отъ радости: дочь ея пріобрѣтала теперь почетное положеніе въ свѣтѣ.

Прошло нѣсколько дней. При дворѣ опять давали балъ. Разговаривая съ придворными дамами и иностранными послами, императрица, между-прочимъ, обратилась къ Дашковой и сказала: „Я имѣю сообщить вамъ, княгиня, нѣчто особенное“. Окончивъ разговоръ съ послами, она отошла въ сторону, подала Дашковой знакъ приблизиться и вдругъ объявила, что назначаетъ ее директоромъ академіи наукъ и художествъ. Княгиня была такъ удивлена, что въ первую минуту ничего не отвѣчала. Императрица въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ еще разъ возвѣстила ей о новомъ назначеніи.

— Простите меня, ваше величество, проговорила, наконецъ, княгиня:—но я не должна принимать на себя такой обязанности, которую не въ состояніи исполнить.

Императрица, съ свойственнымъ ей краснорѣчіемъ и любезностью, старалась побѣдить сомнѣнія княгини; но послѣдняя продолжала отказываться.

— Назначьте меня директоромъ надъ прачками вашего величества, сказала она:—и вы увидите, съ какою ревностью я буду вамъ служить. Я не посвящена въ тайны этого ремесла; но ошибки, могущія произойти отсюда, ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми вредными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собою каждый промахъ, сдѣланный директоромъ академіи наукъ.

Екатерина продолжала настаивать. Вспоминая о лицахъ, занимавшихъ мѣсто директора, она замѣтила, что нѣкоторыя изъ нихъ были гораздо менѣе способны къ такой должности, нежели княгиня.

—. Тѣмъ хуже для этихъ господъ, возразила послѣдняя:—они такъ мало уважали самихъ-себя, что взялись за дѣло, котораго не могли выполнить съ честью.

—Хорошо, хорошо! заключила императрица.—Оставимъ теперь этотъ разговоръ. Впрочемъ, вашъ отказъ еще больше убѣдилъ меня, что лучшаго выбора я не могла сдѣлать.

Между-тѣмъ взоры всего двора были устремлены на императрицу и княгиню, которыя вели очень оживленную бесѣду. Лицо Дашковой обнаруживало сильное волненіе. Многія особы, нерасположенныя къ ней, съ удовольствіемъ замѣтили это волненіе, предполагая какую-нибудь непріятность. Старая графиня Матюшкина, отличавшаяся тѣмъ, что рѣдко могла побѣдить свое любопытство, поспѣшила къ Дашковой съ вопросомъ, о чемъ она такъ горячо разсуждала съ ея величествомъ.

— Вы видите, въ какомъ я волненіи отвѣчала княгиня:—но успокойтесь: оно происходитъ оттого, что ея величество очень-снисходительна ко мнѣ и имѣетъ слишкомъ-высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ.

Едва дождавшись окончанія бала, Дашкова спѣшитъ домой и тотчасъ садится писать къ императрицѣ. Надѣясь на ея великодушіе, она въ своей запискѣ откровенно высказываетъ слѣдующія мысли: частная жизнь коронованной особы можетъ и не появляться на страницахъ исторіи; но такой неблагоразумный выборъ лица для государственной должности непремѣнно подвергнетъ ее осужденію; сама природа, сотворивъ княгиню женщиной, въ то же время отказала ей въ возможности сдѣлаться директоромъ академіи наукъ. Чувствуя свою неспособность, она сама не захочетъ быть членомъ какого-либо ученаго общества, даже и въ Римѣ, гдѣ можно пріобрѣсти это достоинство за нѣсколько дукатовъ, и проч.

Уже наступила полночь, когда записка была окончена. Разумѣется,

безразсудно было ты тревожить императрицу въ столь позднее время. Но княгиня была слишкомъ нетерпѣлива, чтобъ провести еще цѣлую ночь въ такомъ, какъ ей казалось, несносномъ положеніи. Она отправляется къ князю Потемкину, за порогъ котораго никогда прежде не переступала, и проситъ сказать ему, что непремѣнно должна его видѣть, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ уже находился въ постели.

Князь дѣйствительно былъ въ постели, однако поспѣшилъ встать и любезно принялъ неожиданную гостью. Княгиня тотчасъ передала ему свой разговоръ съ императрицею.

— Я уже слышалъ объ этомъ отъ ея величества, сказалъ Потемкинъ:—и знаю очень-хорошо ея намѣренія. Она рѣшила непремѣнно поставить академію наукъ подъ ваше руководство.

— Принять на себя такую должность, перебила княгиня:—значило бы съ моей стороны поступить противъ совѣсти. Вотъ письмо къ ея величеству, заключающее въ себѣ рѣшительный отказъ. Прочтите, князь. Я хочу потомъ запечатать его и передать въ ваши руки съ тѣмъ, чтобъ завтра поутру вы вручили его государынѣ.

Пробѣжавъ бумагу, Потемкинъ разорвалъ ее на мелкіе кусочки. Дашкова вспыхнула и съ гнѣвомъ спросила его, какъ онъ осмѣлился разорвать письмо, адресованное на высочайшее имя.

— Успокойтесь, княгиня, и выслушайте меня. Никто не сомнѣвается въ вашей преданности къ императрицѣ. Почему же вы хотите огорчить ее и заставить отказаться отъ плана, которымъ она исключительно и съ любовью занимается въ послѣднее время? Если вы непремѣнно хотите остаться при своемъ намѣреніи, въ такомъ случаѣ вотъ перо, бумага и чернила: напишите то же самое еще разъ. Но, повѣрьте мнѣ, поступая противъ вашего желанія, я, однако, дѣйствую какъ человѣкъ, который заботится о вашихъ интересахъ. Скажу болѣе: ея величество, предлагая эту должность, можетъ-быть, имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и доставить поводъ къ болѣе частымъ и непосредственнымъ сношеніямъ съ нею.

Самолюбіе княгини было искусно затронуто, и гнѣвъ ея быстро миновался. Она обѣщала написать болѣе-умѣренное письмо и прислать его съ своимъ камердинеромъ къ князю, который далъ слово на слѣдующее утро передать его императрицѣ. Въ заключеніе она просила Потемкина употребить все свое вліяніе, чтобъ отклонить ея величество отъ такого безпримѣрнаго назначенія.

Воротившись домой, Дашкова опять принялась писать свой отвѣтъ.

Она была такъ взволнована, что не спала всю ночь, оставаясь въ томъ же бальномъ костюмѣ. Около семи часовъ утра письмо было отослано, и вскорѣ получена отъ императрицы записка слѣдующаго содержанія:

„*Понедѣльникъ*, 8 *часовъ утра*.

„Вы встаете ранѣе меня, прекрасная княгиня, и сегодня къ завтраку прислали мнѣ письмо. Отвѣчая вамъ, пріятнѣе обыкновеннаго „начинаю свой день. Такъ какъ вы не отказываетесь безусловно „отъ моего предложенія, то я прощаю вамъ все, что вы разумѣете „подъ словомъ *неспособность*, и оставлю до удобнаго случая присоединить къ тому мои собственныя замѣчанія. А то, что вамъ „угодно называть моимъ *правомъ*, я замѣняю болѣе приличнымъ „именемъ: *благодарность*. Согласитесь, однако, что для меня замѣчательная новость побѣдить такой твердый характеръ, какъ вашъ. „Будьте увѣрены, что во всякомъ случаѣ, когда могу быть вамъ „полезна словомъ или дѣломъ, я всегда буду готова къ тому съ „радостію.“.

Вечеромъ того же дня княгиня получила увѣдомленіе отъ графа Безбородко и копію съ указа, уже отправленнаго въ сенатъ, о назначеніи ея директоромъ академіи. Тѣмъ же указомъ уничтожалось полномочіе коммиссіи, которая въ послѣднее время занималась дѣлами академіи. Эта коммиссія, составленная изъ профессоровъ и другихъ прикосновенныхъ лицъ, была учреждена вслѣдствіе безпорядковъ, произведенныхъ послѣднимъ директоромъ, Домашневымъ.

Крайне озабоченная и разстроенная, княгиня отдала приказаніе никого не принимать. Она долго бродила по комнатамъ и думала о разныхъ трудностяхъ, сопряженныхъ съ новою должностію. Особенно безпокоила ее вѣроятность будущихъ недоразумѣній между нею и императрицею.

Въ письмѣ графа Безбородко, между прочимъ, находилось слѣдующее мѣсто:

„Ея величество поручила мнѣ передать, что вы во всякое время, „когда угодно, утромъ или вечеромъ, можете обращаться къ ней по „каждому дѣлу, касающемуся ввѣреннаго вамъ учрежденія, и что „она всегда готова будетъ устранять затрудненія, которыя могутъ „препятствовать исполненію вашихъ обязанностей.“

Первое распоряженіе, сдѣланное княгинею, было: послать въ академію копію съ указа и попросить, чтобы коммиссія еще впродолженіе

двухъ дней оставалась при своихъ занятіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она попросила представить ей подробный отчетъ о состояніи различныхъ частей учрежденія, а также о составѣ академическаго штата и всѣхъ подробностяхъ относительно правъ и обязанностей директора. Въ заключеніе она прибавила, что первою и самою важною своею обязанностью считаетъ оказывать каждому члену ученаго общества уваженіе и почтеніе, сообразное съ его заслугами. Дѣйствуя такимъ образомъ, княгиня льстила себя надеждою съ самаго начала удалить всѣ поводы къ проискамъ и неудовольствіямъ.

На слѣдующее утро Дашкова пріѣхала во дворецъ во время туалета императрицы и присоединилась къ толпѣ секретарей и разныхъ начальниковъ, которые, по обыкновенію собрались для полученія приказаній. Она была очень удивлена, увидѣвъ между ними Домашнева; послѣдній же, нисколько не смутившись, подошелъ къ ней и предложилъ посвятить ее въ тайны новой должности. Княгиня изумилась такому безстыдству; однако она скрыла свое изумленіе и вѣжливо отвѣчала ему, что въ дѣлахъ академіи намѣрена твердо держаться слѣдующаго правила: поступать всегда безпристрастно; знаки отличія и другія награды раздавать только за дѣйствительныя заслуги. „А что касается до всего остальнаго (прибавила она), то въ случаяхъ для меня затруднительныхъ я могу прибѣгать къ указаніямъ ея величества и къ помощи, которую она мнѣ такъ снисходительно обѣщала“.

Въ ту минуту, когда бывшій директоръ хотѣлъ отвѣчать, императрица отворила немного дверь; но, при видѣ Домашнева съ княгинею, тотчасъ опять затворила ее. Вслѣдъ затѣмъ она позвонила и приказала вошедшему камердинеру ввести Дашкову въ свой кабинетъ.

— Очень рада васъ видѣть, княгиня, начала императрица. Но скажите пожалуйста о чемъ могъ говорить съ вами этотъ негодный Домашневъ.

— Онъ предлагалъ сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣденія относительно директорскихъ обязанностей. Я опасаюсь, что, при выполненіи ихъ, мои литературныя способности не такъ хорошо выдержатъ испытаніе, какъ его; за то моя честность можетъ быть менѣе подвержена сомнѣнію. Не знаю, ваше величество, должна ли я благодарить васъ за это доказательство хорошаго обо мнѣ мнѣнія, или сожалѣть о такомъ необыкновенномъ, неслыханномъ назначеніи: женщину сдѣлать директоромъ академіи наукъ!

Императрица увѣряла княгиню, что она не только вполнѣ-довольна своимъ выборомъ, но даже гордится имъ.

— Это очень-лестно, ваше величество; но вамъ, вѣроятно, скоро наскучитъ быть руководителемъ слѣпаго.

— Перестаньте смотрѣть на это дѣло съ забавной точки зрѣнія, и, прошу васъ, не возобновляйте болѣе подобный разговоръ.

Когда княгиня вышла изъ кабинета, она встрѣтила гофмаршала, который объявилъ ей, что наканунѣ вечеромъ онъ получилъ приказаніе разъ навсегда пригласить ее къ частному столу императрицы, и что съ тѣхъ поръ она постоянно будетъ желанною гостьею при дворѣ. Впрочемъ, ея величество предоставляетъ княгинѣ полную свободу слѣдовать въ этомъ случаѣ болѣе собственному расположенію, нежели сообразоваться съ ея желаніемъ.

Цѣлый потокъ комплиментовъ и поздравленій посыпался на Дашкову по поводу милости и уваженія, оказанныхъ ей императрицею; только нѣкоторые, болѣе-дальновидные и скромные изъ ея знакомыхъ, воздержались отъ краснорѣчивыхъ фразъ, чтобъ не увеличивать ея смущенія.

Въ ближайшее затѣмъ воскресенье пріемная княгини наполнилась толпою профессоровъ, инспекторовъ и другихъ чиновниковъ ея вѣдомства. Княгиня объявила имъ, что на слѣдующій день намѣрена посѣтить академію, и разъ навсегда просила ихъ приходить къ ней безъ церемоніи, въ случаѣ надобности, поговорить о дѣлѣ.

Весь вечеръ того дня Дашкова была занята чтеніемъ разныхъ отчетовъ и вѣдомостей. Зная, что каждый шагъ ея будетъ предметомъ критики и что ни одинъ малѣйшій промахъ не останется безъ осужденія, она всѣми силами старалась отъискать путеводную нить для выхода изъ лабиринта, въ который ее запутали.

На слѣдующее утро, отправляясь въ академію, княгиня предварительно заѣхала къ знаменитому Эйлеру, который уже давно былъ знакомъ съ нею и оказывалъ ей уваженіе. Возмущенный поведеніемъ Домашнева, онъ пересталъ посѣщать академію и приходилъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась возможность противодѣйствовать безчестнымъ поступкамъ директора, о которыхъ Эйлеръ довольно-часто говорилъ въ своихъ письмахъ къ императрицѣ. Этотъ ученый по справедливости считался однимъ изъ первыхъ метаматиковъ своего времени; кромѣ того, онъ былъ свѣдущъ и въ другихъ наукахъ, и вообще отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Лишившись зрѣнія, онъ нисколько не потерялъ своей энергіи и привычки къ

труду; въ это время, при помощи г. Фусса, женатаго на его внучкѣ, Эйлеръ приготовилъ большой запасъ разныхъ сочиненій, которыя еще много лѣтъ послѣ его смерти наполняли изданія академіи.

Княгиня попросила математика сдѣлать честь новому директору: сопутствовать ему при первомъ его появленіи въ главѣ ученаго общества. Старику такая просьба, повидимому, очень понравилась. Сынъ его, бывшій секретаремъ академическаго совѣта, посадилъ отца въ карету и, по приглашенію княгини, помѣстился противъ нея вмѣстѣ съ г. Фуссомъ, который обыкновенно служилъ путеводителемъ почтенному слѣпцу.

Засѣданіе совѣта Дашкова открыла небольшою рѣчью. Она съ сожалѣніемъ упоминала о бѣдности своего научнаго образованія, но въ то же время старалась засвидѣтельствовать членамъ академіи о своемъ глубокомъ уваженіи къ наукѣ. Когда присутствующіе заняли мѣста, княгиня замѣтила, что профессоръ аллегоріи, Штелинъ, помѣстился возлѣ директорскаго кресла. Этотъ напыщенный господинъ былъ опредѣленъ въ академію при Петрѣ III (важное обстоятельство въ глазахъ Дашковой) и имѣлъ чинъ статскаго совѣтника, что, по его мнѣнію, давало ему право на первенство между членами. Новый директоръ немедленно обратился къ Эйлеру съ слѣдующею фразою:

— Садитесь тамъ, гдѣ вамъ угодно, и мѣсто, которое вы изберете, конечно, будетъ первымъ между всѣми.

Такая дань уваженія къ таланту и заслугамъ тотчасъ вызвала улыбку удовольствія на лица всѣхъ присутствовавшихъ (разумѣется, за исключеніемъ профессора аллегоріи).

Изъ залы совѣта Дашкова перешла въ канцелярію, гдѣ произвела ревизію экономической и финансовой части учрежденія. Тутъ она окончательно убѣдилась, что подъ управленіемъ послѣдняго директора не только всѣ доходы были истрачены, но даже академія вошла въ значительные долги. Княгиня предупредила кассировъ, что она рѣшилась соблюдать самую строгую экономію, и въ этомъ оношеніи не потерпитъ ни малѣйшаго злоупотребленія со стороны чиновниковъ.

Записки академіи, издававшіяся прежде въ двухъ томахъ, совершенно прекратились за недостаткомъ шрифта. Типографія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Первою заботою новаго директора было привести ее въ надлежащій видъ и закупить необходимые шрифты. Спустя короткое время, изданіе академическихъ записокъ возобновилось; онѣ состояли по большей части изъ сочиненій, доставленныхъ Эйлеромъ.

Между тѣмъ князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ сената, обратился къ императрицѣ съ вопросомъ: нужно ли княгиню Дашкову приводить къ присягѣ, которая требуется отъ всякаго вступающаго въ государственную службу?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчала Екатерина.—Я не тайкомъ сдѣлала княгиню Дашкову директоромъ академіи, и хотя не нуждаюсь ни въ какомъ ручательствѣ за ея вѣрную службу, тѣмъ не менѣе считаю эту форму необходимою, потому что она освящаетъ мой выборъ и придаетъ ему торжественность.

Князь Вяземскій немедленно далъ знать Дашковой, что на слѣдующій день онъ ожидаетъ ее въ сенатъ для принятія присяги. Эта официальная торжественность нѣсколько смутила княгиню; однако въ назначенный часъ она явилась. Ее провели черезъ комнату, въ которой происходили сенатскія засѣданія. Сенаторы были въ сборѣ и занимали свои мѣста; между ними нашлось нѣсколько человѣкъ, хорошо знакомыхъ съ княгинею; послѣдніе встали и поспѣшили къ ней на встрѣчу съ своими привѣтствіями.

— Господа, сказала она имъ:—навѣрно вы столько же, сколько и я, удивляетесь моему появленію посреди васъ. Я пришла сюда произнести присягу въ вѣрности императрицѣ, которой уже съ давняго времени посвящено каждое біеніе моего сердца. Форма, въ подобномъ случаѣ обязательная для всѣхъ, не дѣлаетъ для меня исключенія; это-то обстоятельство и послужило поводомъ къ такому странному событію: женщина является въ стѣнахъ вашего святилища.

Церемонія произвела вообще тяжелое впечатлѣніе на Дашкову. По окончаніи обряда, она воспользовалась случаемъ и попросила генералъ-прокурора сообщить ей всѣ документы, заключавшіе въ себѣ жалобы и иски на академію. Она хотѣла на фактахъ провѣрить обвиненія, которымъ подвергался бывшій директоръ, и познакомиться съ системою его защиты, чтобъ еще болѣе уяснить себѣ свое положеніе.

Самымъ большимъ затрудненіемъ для нея было распутать счеты по двумъ источникамъ доходовъ: по экономическому фонду, наросташему вслѣдствіе бережливости и собственныхъ пріобрѣтеній академіи, и по суммѣ, отпускавшейся изъ государственнаго казначейства. Денегъ, какъ извѣстно, въ наличности не оказалось, а счеты находились въ чрезвычайномъ безпорядкѣ; сверхъ того, академія была должна книгопродавцамъ въ Россіи, Франціи и Голландіи.

Не желая требовать отъ правительства ничего сверхъ положеннаго, Дашкова прибѣгнула къ слѣдующему средству: книги, выходившія изъ академической печати, она велѣла продавать тридцатью процентами ниже обыкновенной цѣны. Эта мѣра удалась какъ нельзя лучше, и долги были уничтожены; а впослѣдствіи, когда доходы умножились, отложена была значительная сумма, чтобъ уплатить растраты изъ казеннаго фонда, который находился въ рукахъ государственнаго казначея, того же самаго князя Вяземскаго. Съ тѣхъ поръ деньги, вырученныя за книги, обыкновенно поступали въ экономическую сумму, состоявшую въ полномъ распоряженіи директора, и употреблялись на разные непредвидѣнные расходы, какъ-то награды, покупку новыхъ изобрѣтеній и нѣкоторые хозяйственные припасы.

Дашкова нашла, что только семнадцать студентовъ и двадцать одинъ художникъ воспитывались на счетъ академіи. Число первыхъ было увеличено ею до пятидесяти, а вторыхъ—до сорока. Спустя годъ съ небольшимъ, она уже могла улучшить содержаніе профессоровъ и открыть три новые курса: математики, геометріи и естественной исторіи, которые читались русскими профессорами на отечественномъ языкѣ, и притомъ публично, то есть для всѣхъ желающихъ. Княгиня сама часто посѣщала эти лекціи и съ удовольствіемъ замѣтила, что дѣти бѣдныхъ дворянъ и молодые гвардейскіе офицеры извлекаютъ изъ нихъ большую пользу. Въ концѣ курса каждый профессоръ получалъ по 200 рублей наградныхъ денегъ изъ экономической суммы.

Дѣятельность княгини по отношенію къ академіи наукъ не ограничилась только хозяйственною и учебною частью. Въ связи съ этимъ учрежденіемъ и на академическія деньги она предприняла изданіе литературнаго журнала „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова" (съ мая 1783 года) и многія страницы его наполняла собственными произведеніями. Изданіе это, какъ извѣстно, въ особенности прославилось участіемъ самой императрицы, которая помѣстила здѣсь цѣлый рядъ „Записокъ о Россійской Исторіи", потомъ мелкія сатирическія статейки подъ именемъ „Былей и Небылицъ", отвѣты на смѣлые вопросы фонъ-Визина и проч. Достаточно взглянуть на имена сотрудниковъ этого журнала, чтобъ убѣдиться въ его относительной важности. Редакція умѣла привлечь въ свой журналъ все, что было тогда лучшаго въ литературномъ мірѣ. Тутъ

мы встрѣчаемъ имена Державина *), Козодавлева, Богдановича, Фонвизина, Княжнина, Капниста, Кострова и другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ и прозаиковъ того времени. Нѣкоторые изъ придворныхъ вельможъ, увлеченные примѣромъ императрицы, также помѣщали здѣсь свои статьи. Но изданіе „Собесѣдника" протянулось только до октября 1784 года; на шестнадцатой книгѣ оно прекратилось отчасти потому, что плохо расходилось въ публикѣ, хотя его и читали многіе съ удовольствіемъ, а отчасти по другимъ причинамъ, относящимся собственно до редакціи. Въ 1786 году княгиня Дашкова предприняла другое академическое изданіе подъ именемъ „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія". Оно можетъ быть названо продолженіемъ „Собесѣдника"; но имѣло болѣе серьёзное, ученое направленіе **).

Новый директоръ академіи на своемъ служебномъ поприщѣ пришелъ вскорѣ въ столкновеніе съ генералъ-прокуроромъ сената, княземъ Вяземскимъ. Князь Вяземскій, по замѣчанію Дашковой, былъ исправный дѣловой чиновникъ, наблюдавшій строгій порядокъ и точность въ своемъ вѣдомствѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ человѣкъ суровый и очень мстительный. Княгиня имѣла несчастье навлечь на себя его неудовольствіе по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, она не хотѣла ему ни въ чемъ подчиняться и принимала на службу въ академію нѣкоторыхъ чиновниковъ, удаленныхъ имъ изъ его вѣдомства, или бывшихъ у него въ немилости; а вовторыхъ, генералъ-прокуроръ положилъ за правило относить на свой счетъ или на счетъ своей жены каждую сатирическую статейку въ „Со-

*) Извѣстна исторія его знаменитаго стихотворенія „Фелица", заключающаго въ себѣ похвалу Екатеринѣ II и сатиру на нѣкоторыхъ важныхъ вельможъ. Списокъ съ этого стихотворенія, который тщательно скрывался отъ публики, попался въ руки Дашковой. Она и тутъ показала свою рѣшительность: говорятъ, не сказавъ никому ни слова, ни даже автору, велѣла отпечатать „Фелицу" на первомъ листѣ „Собесѣдника" и потомъ уже поднесла ея императрицѣ.

**) О собственныхъ литературныхъ трудахъ княгиня почти не упоминаетъ въ своихъ „Запискахъ". Мы также не будемъ останавливаться надъ этою стороною ея дѣятельности, вопервыхъ, потому, что она отвлекла бы насъ слишкомъ далеко отъ главной цѣли (чисто-біографической), вовторыхъ, потому что сочиненія Дашковой еще недостаточно приведены въ извѣстность; притомъ же они имѣютъ небольшое относительное значеніе и представляютъ интересъ собственно для историка нашей литературы.

бесѣдникѣ Любит. Р. С.". Какъ бы то ни было, Вяземскій при всякомъ удобномъ случаѣ сталъ дѣлать непріятности. Онъ не обращалъ вниманія на представленія Дашковой о производствѣ чиновниковъ къ наградѣ или повышенію и потребовалъ вскорѣ отчета въ экономическихъ суммахъ академіи. Княгиня энергически протестовала противъ подобной отчетности, никогда не лежавшей на директорѣ академіи; она пожаловалась императрицѣ и даже подала просьбу объ отставкѣ на томъ основаніи, что безкорыстіе ея подвергается сомнѣнію. Екатерина возвратила ей просьбу, а Вяземскій получилъ выговоръ. Мстительный генералъ-прокуроръ, однако, не прекратилъ враждебныхъ дѣйствій. Параллельно съ изданіемъ „Собесѣдника", княгиня начала издавать при академіи карты губерній, на которыя Россія незадолго передъ тѣмъ была раздѣлена; въ такихъ картахъ конечно ощущалась тогда сильная нужда. Дашкова, съ высочайшаго разрѣшенія, могла требовать отъ областныхъ начальниковъ, чтобъ они доставляли въ академію разнаго рода необходимыя свѣдѣнія и описанія русскихъ провинцій. Всѣ подобные документы шли черезъ руки Вяземскаго; онъ же, вмѣсто дѣятельнаго пособія благому предпріятію, по возможности мѣшалъ ему и задерживалъ доставку свѣдѣній.

Поставивъ женщину во главѣ ученой корпораціи, Екатерина не остановилась на этомъ оригинальномъ фактѣ; вслѣдъ за тѣмъ она предоставила княгинѣ новую честь: быть основательницею и первымъ президентомъ другаго, подобнаго учрежденія. Мы говоримъ о россійской академіи.

Лѣто 1783 года Дашкова проводила на мызѣ Стрѣльнѣ и отсюда каждую недѣлю ѣздила въ Царское Село для свиданья съ императрицею. Однажды, когда онѣ гуляли въ царско-сельскомъ саду, зашла рѣчь о красотѣ и богатствѣ русскаго языка. Княгиня выразила свое удивленіе по поводу того, что государыня, способная вполнѣ оцѣнить достоинство нашего слова, и, будучи сама писательницею, не подумала объ основаніи русской академіи.

— Нужны только грамматика и хорошій словарь, прибавила она:— чтобы поставить русскій языкъ въ полную независимость отъ иностранныхъ словъ и выраженій, которыя въ силѣ и энергіи далеко уступаютъ нашимъ собственнымъ.

— Удивляюсь, сказала императрица:—какъ эта мысль до сихъ поръ не приведена въ исполненіе! Польза академіи, способствующей усовершенствованію нашего языка, часто приходила мнѣ на умъ, и я даже отдала на этотъ счетъ нѣкоторыя приказанія.

— А между тѣмъ, ваше величество, возразила Дашкова: — нѣтъ ничего легче, какъ осуществить эту мысль. Образцовъ для подобнаго учрежденія достаточно, и вы можете выбрать самый лучшій.

— Доставьте мнѣ, пожалуйста, княгиня, очеркъ какого нибудь изъ нихъ.

— Гораздо лучше будетъ, если ваше величество поручите одному изъ статсъ-секретарей представить вамъ планы французской, берлинской и многихъ другихъ академій съ отмѣткою тѣхъ особенностей, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ духу и обычаямъ вашего народа....

— Повторяю свою просьбу, перебила императрица: — примите на себя этотъ трудъ. Полагаясь на ваше усердіе и вашу дѣятельность, я съ полною увѣренностью приступлю къ выполненію плана, который, къ сожалѣнію, такъ долго оставался неосуществленнымъ.

— Трудъ небольшой, и я постараюсь его окончить какъ можно скорѣе; но у меня нѣтъ подъ рукою необходимыхъ для того матеріаловъ, и смѣю еще разъ повторить вашему величеству, что одинъ изъ вашихъ секретарей лучше меня могъ бы исполнить это дѣло.

Но императрица осталась при своемъ мнѣніи, и княгиня должна была уступить.

Возвратившись вечеромъ домой, Екатерина Романовна принялась тотчасъ обдумывать, какимъ образомъ выполнить возложенное на нея порученіе, и, прежде нежели легла спать, набросала общій очеркъ новой академіи. Этотъ наскоро набросанный очеркъ она передала императрицѣ, и, къ удивленію своему, спустя нѣсколько дней, получила его обратно уже въ видѣ офиціальнаго документа, скрѣпленнаго высочайшею подписью. Въ тоже время Дашковой присланъ указъ, который назначалъ ее президентомъ будущей академіи, и копія съ указа была немедленно сообщена сенату.

„Дня два спустя (разсказываетъ княгиня), я поѣхала въ Царское Село съ тѣмъ, чтобъ склонить Екатерину къ выбору другаго президента; но замѣтивъ безполезность своихъ доводовъ, я покорилась ея желанію и объявила государынѣ, что моихъ академическихъ суммъ достаточно будетъ для поддержки новаго учрежденія, а ея расходы могутъ ограничиться пока одною покупкою дома. Что же касается до упомянутыхъ суммъ, то онѣ накопились изъ тѣхъ пяти тысячъ рублей, которыя ежегодно выдавались изъ собственныхъ денегъ императрицы на переводы классиковъ“.

Екатерина выразила свое удивленіе при такомъ открытіи и прибавила, что она надѣется на продолженіе переводовъ.

— Конечно, ваше величество, отвѣчала я:—и вѣроятно они пойдутъ успѣшнѣе, чѣмъ прежде съ помощію студентовъ академіи и подъ редакціей профессоровъ. До сихъ поръ переводы появлялись только для виду, и директоры, не отдавая никому отчета въ этихъ 5000 рубляхъ, спокойно клали ихъ себѣ въ карманъ. Въ скоромъ времени я буду имѣть честь представить вашему величеству смету тѣхъ издержекъ, которыхъ потребуетъ новое учрежденіе. Тогда мы посмотримъ, сколько за исключеніемъ академической суммы нужно будетъ еще денегъ на разные мелкіе расходы, напримѣръ: на медали и подарки, по моему мнѣнію, необходимые для поощренія отличнѣйшихъ студентовъ.

„Я назначила содержаніе двумъ секретарямъ по 900 рублей и двумъ переводчикамъ по 450. Необходимо было имѣть кассира и четырехъ инвалидныхъ солдатъ для топки печей и ухода за домомъ. Всѣ издержки, по моему счету, составляли 3300 рублей; изъ нихъ 700 р. отдѣлялось на отопленіе, бумагу и покупку разныхъ книгъ; но сюда не вошли медали и другія награды.

„Императрица не привыкла къ такимъ умѣреннымъ сметамъ, и, мнѣ кажется, болѣе удивилась, нежели осталась довольна. Впрочемъ, она изъявила желаніе прибавить денегъ на тѣ издержки, которыя не были упомянуты въ моей сметѣ, и я опредѣлила ихъ въ 1250 рублей. Жалованье президенту и непредвидѣнные расходы, конечно, не были ею забыты, но я въ этомъ случаѣ сама себѣ не назначила ни копейки“.

Къ приведеннымъ словамъ княгини и къ разсказу о назначеніи ея директоромъ академіи наукъ мы сдѣлаемъ слѣдующее примѣчаніе. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Екатерина Романовна отказомъ встрѣчаетъ предложеніе императрицы. Трудно согласить подобный фактъ съ ея жаждою общественной дѣятельности и очевиднымъ стремленіемъ идти во главѣ одного изъ важныхъ государственныхъ учрежденій, съ ея страстью все передѣлывать и устроивать по своему вкусу, тогда какъ представлялась возможность удовлетворить этой страсти. Вообще мы не вѣримъ въ искренность ея отказовъ. Гордая женщина хотѣла, просто, чтобъ ее хорошенько попросили, и, дѣлая видъ, что соглашается только вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій, она ставила себя нѣсколько въ исключительное положеніе. Дѣйствительно, въ управленіи своимъ вѣдомствомъ Дашкова

потомъ не признавала надъ собою никакого контроля и обращалась за совѣтами или разрѣшеніемъ прямо къ императрицѣ. Повидимому неохотно принимаясь за новое дѣло, она вскорѣ увлекается собственною энергіею и работаетъ съ обычною своею ревностью. Академическая дѣятельность какъ нельзя лучше пришлась княгинѣ по сердцу: тутъ она могла на свободѣ раскрыть свои административно-хозяйственныя способности, сдѣлать широкое примѣненіе многостороннему образованію и дать, наконецъ, пищу своему краснорѣчію. Огромное тщеславіе ея также было отчасти удовлетворено: женщина занимала видный постъ въ ряду государственныхъ людей своего времени (дотолѣ неслыханный примѣръ, за исключеніемъ царственныхъ особъ) и занимала его съ большимъ блескомъ: княгиня Дашкова еще разъ заставила говорить о себѣ всю образованную часть Европы.

Открытіе новаго учрежденія совершилось съ приличнымъ торжествомъ 21 октября 1783 года въ залѣ императорской академіи наукъ. Въ 12 часовъ утра Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и петербургскій, совершилъ здѣсь молебенъ съ водосвятіемъ. По окончаніи священнодѣйствія Екатерина Романовна, въ качествѣ президента, пригласила членовъ собранія занять свои мѣста и взошла на каѳедру. Какъ и всѣ нервныя, пылкія натуры, она испытывала сильное біеніе сердца, когда ей приходилось говорить въ присутствіи многочисленной публики. Мало по малу, однако, княгиня одушевилась, вошла въ свою роль и не безъ эффекта произнесла слѣдующій потокъ витіеватыхъ фразъ:

„Государи мои!

„Новый знакъ попечительнаго о нашемъ просвѣщеніи промысла всеавгустѣйшей нашей монархини—вина настоящаго нашего собранія. Свидѣтельница толикихъ нашихъ благъ даетъ нынѣ новое отличіе покровительства и россійскому слову, толь многихъ языковъ повелителю. Вы, государи мои, знаете цѣну сего монаршаго къ отечеству и сему собранію дара. Вамъ извѣстны обширность и богатство языка нашего. На немъ сильное краснорѣчіе цицероново, убѣдительная сладость демосѳенова, великолѣпная виргиліева важность, овидіево пріятное витійство и гремящая Пиндара лира не теряютъ своего достоинства; тончайшія философическія воображенія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра, имѣютъ у насъ пристойныя и

вещь выражающія рѣчи; однако при всѣхъ сихъ преимуществахъ недоставало языку нашему предписанныхъ правилъ, постояннаго опредѣленія рѣченіямъ и непремѣннаго словамъ знаменованія. Отсюда происходили разнообразность въ сопряженіи словъ, несвойственныя, или, паче рещи, обезображивающія языкъ нашъ рѣченія, заимствуемыя отъ языковъ иностранныхъ. Учрежденіемъ сей императорской россійской академіи предоставлено усовершить и возвеличить слово наше препрославленному вѣку *Екатерины Вторыя*, ожидающія сего совершенія отъ нашего собранія, щедротою ея ободряемаго и покровительствомъ созидаемаго.

„Многоразличныя древности, разсыпанныя въ пространствахъ отечества нашего, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ, каковыми немногіе изъ существующихъ нынѣ европейскихъ народовъ по истинѣ хвалиться могутъ, представляютъ упражненіямъ нашимъ обширное поле, на коемъ въ самыя сокровенности, предводящу намъ лучезарному свѣту Всеавгустѣйшія нашея покровительницы, проникнуть возможемъ. Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ *Екатерины Вторыя* явитъ намъ предметы къ произведеніямъ, достойнымъ громкаго нашего вѣка. Сіе, равномѣрно какъ сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ. Симъ да принесемъ великой монархинѣ, матери отечества и нашей покровительницѣ, первую и чистѣйшую жертву благодаренія.

„Позвольте мнѣ, государи мои, быть благонадежной, что вы не сомнѣваетесь о истинномъ моемъ признаніи къ той чести, кою я, по благоволенію монаршему, имѣю съ вами въ семъ полезномъ для отечества учрежденіи сотовариществовать. Будьте увѣрены, что я всегда горѣть буду безпредѣльнымъ усердіемъ, истекающимъ изъ любви моей къ любезному отечеству, ко всему тому, что сему нашему обществу полезно быть можетъ, и что неусыпною прилежностію буду стараться замѣнить недостатки моихъ способностей. За нужное считаю прочесть при семъ первомъ нашемъ засѣданіи первоначальныя начертанія, кои я имѣла счастіе представить *ея императорскому величеству* съ тѣмъ, чтобъ вы, государи мои, могли сдѣлать свои примѣчанія и дополнили бы основаніе нашего установленія. Отъ вашей прозорливости конечно не скроется, что докладъ мой былъ весьма несовершенъ. Я въ извиненіе себѣ вамъ представляю: 1) что я привыкла съ толикою же довѣренностью, какъ и

благоговѣніемъ безпримѣрной нашей монархини, коей душа столь отлична, столь и снисходительна, повергать хотя несовершенныя, но чистыя намѣренія свои; 2) что я и не имѣла въ виду и, не надѣясь на себя, не льстилась такое полезное и славное учрежденіе быть въ состояніи основать. Въ помощи жъ вашей я надежду свою полагаю, и тѣмъ самымъ желаю искреннее свое къ вамъ почтеніе засвидѣтельствовать“ *).

Свою президентскую дѣятельность Дашкова очерчиваетъ также коротко и несовсѣмъ-ясно, какъ и деректорскую, также слегка касается ея внутренней, чисто-научной стороны.

„Вопервыхъ (разсказываетъ она), съ помощію 15,000 рублей, которые ассигнованы были на переводы, но три года не выдавались Домашневу, присоединивъ къ нимъ кое-что изъ экономическаго фонда, построила два зданія на дворѣ дома, подареннаго императрицею для академіи. Вслѣдствіе этого, академическіе доходы увеличились почти двумя тысячами рублей. Я мёблировала домъ, мало-по-малу составила при академіи приличную библіотеку, предоставивъ, между-тѣмъ, въ ея пользованіе свою собственную, и положила капиталъ въ 49,000 рублей въ опекунскій совѣтъ. Я начала, продолжала и окончила академическій словарь. И все это было сдѣлано мною въ-теченіе 11 лѣтъ. Ничего не говорю о новомъ зданіи академіи, которое возбуждало такъ много удивленія и которое строилось подъ моимъ руководствомъ; оно сдѣлано на казенный счетъ, поэтому я не считаю его въ числѣ моихъ трудовъ. (Впрочемъ, еслибъ это было мое собственное дѣло, то и тогда я не отнесла бы его къ своимъ трудамъ, потому-что, при страстной охотѣ къ архитектурнымъ занятіямъ, такая работа служила для меня источникомъ удовольствія).

„Тутъ я должна упомянуть, что при дворѣ носились самые невыгодные и оскорбительные слухи о моей дѣятельности, хотя просвѣщенная часть публики отдавала болѣе, нежели заслуженную дань справедливости моимъ трудамъ и усердію. Основаніе Россійской академіи и удивительная быстрота, съ которою былъ оконченъ

*) „Московскія Вѣдомости“ 1783 г., № 87. Относительно приведенной рѣчи, мы должны замѣтить, что она явилась въ свѣтъ не безъ предварительной редакціи со стороны Екатерины II. Послѣдняя смягчила въ ней нѣкоторыя выраженія, заключающія въ себѣ слишкомъ неумѣренную лесть; напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ императрица сравнивалась съ *нѣкимъ благодѣтельнымъ божествомъ*. См. Письма Екатерины II въ приложеніи къ „Мемуарамъ“.

первый словарь нашего роднаго языка, приписывали исключительно мнѣ одной.

„Послѣдній трудъ сдѣлался предметомъ громкихъ осужденій, особенно за его систему: порядокъ словъ принятъ былъ не алфавитный, а этимологическій. На это возражали, что лексиконъ вышелъ запутанъ и плохо приспособленъ къ народному употребленію. Такое замѣчаніе, сдѣланное мнѣ самою императрицею, было съ радостью подхвачено ея придворными. На вопросъ Екатерины, почему принята столь неудобная система, я отвѣчала, что подобная система очень-естественна въ первомъ словарѣ всякаго языка, облегчая трудъ отъискивать и узнавать корни словъ; но что послѣ него академія можетъ въ-теченіе трехъ лѣтъ сдѣлать другое изданіе, расположенное въ алфавитномъ порядкѣ и болѣе-полное во всѣхъ отношеніяхъ.

„Не понимаю, какъ случилось, что императрица, для которой ясны были всѣ, даже самые глубокіе вопросы, не соглашалась со мною. Ея несогласіе послужило для меня источникомъ многихъ неудовольствій. Несмотря на все свое нежеланіе повторять въ академіи невыгодное мнѣніе императрицы о нашемъ лексиконѣ, я рѣшилась въ первое же засѣданіе поставить его вопросомъ, не упоминая о другихъ обвиненіяхъ, касавшихся только моей личности. Всѣ члены академіи, какъ и надобно было ожидать, выразили единодушное мнѣніе, что первое изданіе словаря иначе невозможно расположить, но что второе изданіе должно появиться въ алфавитномъ порядкѣ.

„При слѣдующемъ свиданьи съ императрицею я передала ей общій голосъ академиковъ; однако ея величество осталась при своемъ мнѣніи. Она именно въ то время очень хвалила книгу г. Палласа, которая была почтена названіемъ лексикона. Это родъ словаря почти для сотни языковъ; изъ нихъ нѣкоторые ничего не представляютъ, кромѣ набора такихъ словъ, какъ, напримѣръ: *земля, воздухъ, вода, отецъ, мать* и пр. Ученый составитель словаря, извѣстный описаніемъ своего путешествія по Россіи и большими познаніями въ естественной исторіи, чтобы польстить самолюбію императрицы, предпринялъ изданіе своего такъ-называемаго лексикона и довелъ издержки на него до 20,000 рублей. Я не считаю еще тѣхъ расходовъ, которые надобно было дѣлать на посылку разныхъ гонцовъ въ Сибирь, Камчатку и проч. для того только, чтобъ собрать нѣсколько случайно-попавшихся словъ изъ нарѣчій бѣдныхъ

и мало представляющихъ интереса. Какъ ни былъ поверхностенъ и слабъ этотъ трудъ, однако его выдали за отличный лексиконъ. Для меня же онъ тогда послужилъ поводомъ ко многимъ огорченіямъ и непріятностямъ.

„Чтобъ нѣсколько разсѣять свои печальныя мысли, я переѣхала за городъ въ только-что отстроенный мною каменный домъ, отказавшись на время отъ общества и отъ визитовъ. Управленіе двумя академіями совсѣмъ лишало меня досуга. Участіе мое въ занятіяхъ по лексикону состояло въ томъ, чтобъ собирать всѣ слова, начинающіяся тремя первыми буквами нашего алфавита. Каждую субботу у насъ происходило общее собраніе, въ которомъ мы отъискивали корни словъ, собранныхъ разными членами. Такимъ образомъ, все мое время было наполнено, включая сюда и еженедѣльныя поѣздки въ Царское Село“.

Вотъ все, что сообщаетъ Дашкова о своей академической дѣятельности. Изъ ея словъ видно, что, несмотря на исключительное положеніе и административную распорядительность, она, при отправленіи своей должности, нерѣдко встрѣчала препятствія со стороны непріязненныхъ ей лицъ и не всегда находила сочувствіе въ самой императрицѣ. Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли считать ее жертвою безусловной несправедливости. Конечно, во всѣхъ непріятностяхъ, на которыя намекаетъ княгиня, значительную роль играли ея огромное самолюбіе и пылкій, неуступчивый характеръ.

Чтобъ дополнить упомянутыя извѣстія объ академической дѣятельности нашей героини и показать, какіе интересы служили въ это время для нея точкою соприкосновенія съ императрицею, приведемъ нѣкоторыя изъ писемъ послѣдней. Хотя они не обозначены по большой части никакими хронологическими указаніями, однако, по всѣмъ признакамъ, ихъ безошибочно можно отнести къ восьмидесятымъ годамъ XVIII столѣтія *).

„Между бумагами, которыя вы мнѣ прислали (пишетъ Екатерина), одной недостаетъ; я тщетно ее искала; она оканчивается словами: le ris tenta le rat etc. Поищите ее, пожалуйста, и пришлите мнѣ какъ можно скорѣе. Что же касается до опыта моего друга „каноника“, то я ничего не могу сдѣлать безъ его совѣта. А такъ какъ ему и въ голову не приходило оскорбить какое либо человѣческое существо, то я думаю ему не легко будетъ отступить

*) Приложенія къ изданію „Мемуаровъ“.

отъ правилъ, предписанныхъ вами. Очень жалѣю о вашемъ нездоровьѣ".

„Я думаю, madame, вы останетесь довольны статьями „каноника". Если такъ, то надѣюсь вы не отвергнете приложенныя при этомъ бездѣлицы. *Bambinelli* *) съ удовольствіемъ узнали бы, что ихъ произведенія помѣщены въ восьмой книжкѣ".

„Madame, я получила ваше письмо и копію труда, увѣнчаннаго академическою преміей, но не нашла въ пакетѣ отчета, о которомъ вы говорите".

„Прошу княгиню Дашкову, если ей это будетъ угодно, помѣстить въ ея новый журналъ, встрѣченный такъ благосклонно, прилагаемое здѣсь предисловіе".

„Съ благодарностію возвращаю вамъ письмо Лаланда объ аэростатахъ. Но пока аэростаты не будутъ снабжены рулемъ, они предоставлены на волю вѣтровъ. Вѣрьте моему непремѣнному уваженію".

„Благодарю васъ за письмо и за переводъ Клопштоковой Месіады, которую, признаюсь, я никогда не могла понять даже и въ оригиналѣ; но, безъ сомнѣнія, она порадуетъ нашихъ мистиковъ и, вѣроятно, доставитъ академіи нѣкоторыя матеріальныя выгоды. Будьте увѣрены, что я сочувствую вашимъ страданіямъ тѣлеснымъ и душевнымъ. Adieu! Я прикажу переслать съ курьеромъ камеи Байерса, знакомые мнѣ по стекляннымъ поддѣлкамъ; и проч".

Изъ этихъ писемъ читатель видитъ, что общіе интересы были преимущественно литературные.

Въ 1783 г. княгиня сопровождала императрицу на южный берегъ Финляндіи. Екатерина условилась тогда съѣхаться на свиданье съ шведскимъ королемъ въ Фридрихсгамѣ. Во время этой поѣздки, въ одной каретѣ съ императрицею, кромѣ Дашковой сидѣли: А. Д. Ланской, графъ И. Чернышевъ, А. С. Строгановъ и Чертковъ. Кромѣ того, въ ея свитѣ находились: оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, первый секретарь Безбородко и директоръ собственнаго кабинета Стрекаловъ; два каммергера были

*) Это намекъ на псевдонимы, подъ которыми принимали участіе въ „Собесѣдникѣ Л. Р. С." императрица и нѣкоторые придворные кавалеры. „Канони-комъ" подписывался Нарышкинъ.

посланы впередъ на шведскую границу для встрѣчи короля. Княгиня радовалась случаю познакомиться съ Финляндіей, и съ обычнымъ интересомъ осматривала мѣста, по которымъ проѣзжала. Августѣйшіе путешественники и ихъ свита провели въ Фридрихсгамѣ время довольно весело; впрочемъ, Дашкова замѣтила, что не смотря на наружное согласіе между монархами, политическій горизонтъ начиналъ помрачаться. На третій день по пріѣздѣ, король сдѣлалъ визитъ княгинѣ; послѣдняя не приняла его и спросила императрицу, какъ она думаетъ о подобномъ посѣщеніи. Екатерина осталась не совсѣмъ довольна такою предосторожностью. Дашкова извинялась тѣмъ, что король, послѣ своего путешествія въ Парижъ, *офранцузился*, и что ему не могла бы понравиться ея простота и откровенность. По совѣту Екатерины, она на другой день приняла короля и старалась говорить съ нимъ какъ можно любезнѣе. Не смотря на свое остроуміе и блестящую наружность, Густавъ III во время этого визита произвелъ на Дашкову непріятное впечатлѣніе: сквозь внѣшній лоскъ и французскую утонченность манеръ она замѣтила натуру, слишкомъ пропитанную лестью, слишкомъ самоувѣренную и на все взиравшую съ высоты своего исключительнаго положенія. На память о себѣ онъ оставилъ княгинѣ брильянтовый перстень съ своимъ портретомъ.

Между тѣмъ отношенія Екатерины Романовны къ молодому двору были довольно-холодны. Великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга, воротясь изъ путешествія, поселились въ Гатчинѣ и часто принимали у себя высшее петербургское общество. Княгиня посѣщала Гатчину только въ торжественные дни, когда сюда собирались всѣ придворные чины; она извинялась обыкновенно далекимъ разстояніемъ отъ Стрѣльны и недостаткомъ свободнаго времени. Когда же его высочество пригласилъ ее бывать у него почаще, Дашкова откровенно высказала ему причину, по которой уклонялась отъ этихъ визитовъ: между старымъ и молодымъ дворомъ не существовало полнаго согласія; то, что дѣлалось и говорилось въ Гатчинѣ, услужливые люди переносили въ Царское Село, и на оборотъ. Она же не хотѣла давать поводъ къ вопросамъ, которые могли бы поставить ее въ затруднительное положеніе. Великій князь, однако, остался не совсѣмъ доволенъ подобною откровенностью.

Что жь касается до лицъ, игравшихъ по очереди самую важную роль при старомъ дворѣ послѣ Г. Г. Орлова, Дашкова, по ея словамъ, никогда не была и не хотѣла быть съ ними въ друже-

скихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, Потемкину она постоянно оказывала всѣ внѣшніе признаки уваженія и, очевидно, избѣгала враждебныхъ столкновеній съ этою могущественною особою. Въ то время онъ уже не былъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ, однако долго еще и послѣ сохранялъ свое огромное вліяніе на государственныя дѣла. Мѣсто перваго адъютанта императрицы въ 1783 г. занималъ А. Д. Ланской, бывшій офицеръ кавалергардской роты, юноша гордый и вспыльчивый. Дашкова имѣла съ нимъ нѣсколько непріятныхъ столкновеній, при чемъ, по ея словамъ, рѣзко и откровенно высказала свое мнѣніе о подобныхъ ему личностяхъ. Разумѣется, противникъ старался не оставаться въ долгу и при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ чувствовать свою силу. Такъ однажды они поссорились за бюстъ императрицы, который Дашкова получила отъ нея въ подарокъ. Въ другой разъ Ланской изъявилъ сильное неудовольствіе на академическую газету за то, что, при описаніи высочайшаго путешествія въ Финляндію, она изъ спутниковъ императрицы упомянула только объ одной княгинѣ. По этому поводу произошелъ довольно крупный разговоръ въ присутствіи цѣлой толпы придворныхъ.

Лѣтомъ 1784 года, Екатерина Романовна была безконечно обрадована свиданіемъ съ леди Гамильтонъ, которая изъ Ирландіи пріѣхала въ далекую Россію, чтобъ навѣстить своего вѣрнаго друга, и прогостила у нея цѣлый годъ. Княгиня представила ее императрицѣ (хотя иностранцы обыкновенно не представлялись въ Царскомъ Селѣ), затѣмъ взяла отпускъ на три мѣсяца и увезла англичанку въ Москву. Показавъ ей всѣ достопримѣчательности старой столицы, она переѣхала въ свое любимое село Троицкое, и тутъ заставляла гостью, привыкшую къ прекраснымъ паркамъ и садамъ своей родины любоваться каждымъ деревцомъ, каждымъ кустомъ, посаженнымъ подъ собственнымъ наблюденіемъ хозяйки. Крестьяне Дашковой только что построили новую деревню близь Троицкаго; по этому случаю она хотѣла угостить своего друга русскимъ сельскимъ праздникомъ со всѣми его принадлежностями: яркими нарядами, пѣснями, хороводами и пр. Пріѣхавъ на праздникъ, княгиня поздравила крестьянъ на новосельѣ, по русскому обычаю, хлѣбомъ-солью, показала имъ свою гостью и попросила выпить за ея здоровье; а новая деревня въ честь друга была названа „Гамильтоново". Послѣ того добрая леди принимала очень живое участіе въ крестьянахъ этой деревни и до самой своей смерти справлялась о ихъ житьѣ-бытьѣ.

Изъ Троицкаго княгиня и ея гостья заѣзжали въ литовское помѣстье Круглово, а осенью воротились въ Петербургъ. Онѣ подоспѣли къ тому времени, когда въ академіи наукъ разбирались разныя ученыя сочиненія, представленныя на соисканіе преміи. Въ день, назначенный для объявленія наградъ, академическая зала наполнилась многочисленной публикой, въ рядахъ которой находились и иностранные послы съ своими женами. Уступая желанію друга, Екатерина Романовна, въ качествѣ директора, взошла на каѳедру и произнесла торжественную рѣчь къ посѣтителямъ. Волненіе ея, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, было такъ велико, что она, по собственному выраженію, принуждена была стаканомъ холодной воды тушить чувство ложнаго стыда. Съ тѣхъ поръ княгиня не соглашалась снова подвергнуть себя тому же непріятному чувству и не появлялась болѣе передъ публикой на каѳедрѣ.

Посмотримъ теперь, каковы были въ то время отношенія княгини къ ея семейству или, собственно говоря, къ ея дѣтямъ. Увы! они были далеко неутѣшительны, и неусыпныя попеченія матери о воспитаніи дѣтей совершенно не принесли ожидаемыхъ результатовъ. Начнемъ съ дочери. О госпожѣ Щербининой мы знаемъ очень мало; княгиня иногда упоминаетъ о ней, но всегда вскользь и очень неопредѣленно. Однако мы едва ли ошибемся, если, на основаніи немногихъ данныхъ, скажемъ, что порядочной женщины изъ нея не вышло: это была пустая, тщеславная кокетка, наклонная притомъ къ роскоши и расточительности. Бракъ ея оказался весьма неудаченъ: съ мужемъ она давно уже находилась въ разводѣ. Впрочемъ, главными виновниками послѣдняго обстоятельства, кажется, были ихъ почтенные родители, то-есть княгини Дашкова и отецъ Щербинина, которые, по всѣмъ признакамъ, очень не понравились другъ другу. Княгиня въ особенности разыграла въ этомъ случаѣ роль несовсѣмъ-благородную; она продолжала удерживать дочь при себѣ и никакъ не хотѣла освободить ее отъ своего надзора. Когда Гамильтонъ гостила у Дашковой въ Петербургѣ, пришло извѣстіе о смерти старика Щербинина. Какой-то *ложный* другъ совѣтовалъ тогда Анастасьѣ Михайловнѣ искать соединенія съ своимъ мужемъ и написать къ нему письмо. Мать чрезвычайно встревожилась, узнавъ, что дочь ускользнетъ отъ ея вліянія и оставляетъ ея домъ. Начались увѣщанія, слезы, болѣзненные припадки—ничто не помогло: госпожа Щербинина уѣхала. Впрочемъ, съ мужемъ она всетаки не сошлась, и, какъ женщина безъ убѣжденій, безъ характера,

освободившись отъ ревниваго надзора матери, составила себѣ впослѣдствіи незавидную репутацію. Вообще княгиня умалчиваетъ о томъ, какія обстоятельства сопровождали ея разрывъ съ дочерью и въ чемъ состоялъ главный ударъ; но по всему можно догадываться, что дѣло не обошлось безъ огласки. Княгиня очень серьёзно заболѣла отъ огорченія, и только благодаря соединеннымъ попеченіямъ сестры, Полянской, и леди Гамильтонъ, жизнь ея была спасена.

Медленно оправлялась больная; какое-то тяжелое предчувствіе новаго горя увеличивало тоску ея. Въ такомъ печальномъ настроеніи духа разъ она поѣхала съ сестрою и другомъ къ себѣ на дачу, гдѣ производились кое-какія постройки. Въ недальнемъ разстояніи отъ дачи дамы вышли изъ экипажа и продолжали путь пѣшкомъ. Дорогою случилось имъ проходить между двумя столбами съ перекладиной, которые стояли на границѣ сосѣднихъ владѣній. Полянская и Гамильтонъ прошли впередъ; Дашкова слѣдовала за ними. Вдругъ поперечная балка упала, и прямо ей на голову. На крикъ ея спутницъ сбѣжались слуги. Княгиня, не потерявъ присутствія духа, сняла ночной чепчикъ и шляпу, которыя значительно ослабили силу удара, и просила осмотрѣть, есть ли рана на томъ мѣстѣ, гдѣ она чувствовала боль. Раны, однако, не было видно. Больная нарочно не сѣла въ карету, а прогулялась сначала пѣшкомъ, чтобъ дать крови лучшее обращеніе и оттянуть ее къ ногамъ. Воротясь въ городъ, она послала за Рожерсономъ, который немедленно явился къ ней на помощь. На тревожные вопросы его: чувствуетъ ли она тошноту или нѣтъ, княгиня съ грустной улыбкой отвѣчала:

„Я ее чувствовала; но не безпокойтесь, докторъ: есть какой-то геній, который хранитъ меня и заставляетъ жить наперекоръ собственному моему желанію.“

Дѣйствительно, она скоро оправилась отъ ушиба.

Когда, въ 1785 году, безцѣнный другъ ея, леди Гамильтонъ, уѣхала въ Англію, Дашкова усиленною дѣятельностью старалась подавить нападавшую на нее тоску: она или усердно работала по дѣламъ академіи, или неутомимо надзирала за постройками на своей дачѣ и разводила разныя растенія; иногда она вмѣшивалась въ работы каменьщиковъ и собственными руками выводила стѣны.

Послѣ разрыва съ дочерью еще болѣе сильное огорченіе ожидало

княгиню со стороны сына, котораго она воспитывала съ такимъ тщаніемъ и на котораго возлагала великія надежды. Поступивъ на дѣйствительную службу въ гвардію, Павелъ Михайловичъ Дашковъ, посреди разнообразныхъ удовольствій столицы, скоро началъ забывать уроки философіи, этики, политики и т. п. Красивый, статный молодой человѣкъ во многомъ напоминалъ своего отца, но замѣтно превосходилъ его наклонностью къ разгульному образу жизни: веселые товарищи, вино и женщины легкаго поведенія сдѣлались для него привлекательнѣе всякаго умнаго, серьёзнаго общества. Напрасно княгиня боролась съ этою наклонностью, стараясь сохранить нравственное вліяніе на сына и пробудить въ немъ стремленія къ высшимъ почестямъ и къ славѣ: его никогда нельзя было упрекнуть въ излишнемъ честолюбіи.

Въ началѣ 1783 г., отправляясь въ южную армію, Потемкинъ взялъ съ собою князя Дашкова. Какъ ни тяжело было княгинѣ въ первый разъ отпускать своего Павла такъ далеко отъ себя, однако она обрадовалась случаю удалить молодаго человѣка отъ обольщеній столичной жизни. Впрочемъ, тѣмъ же годомъ князь два раза пріѣзжалъ въ Петербургъ: въ первый разъ съ извѣстіемъ о присоединеніи Крыма, а во второй для полученія отцовскаго наслѣдства. Княгинѣ, кажется, непріятно было передавать имѣніе неопытному и расточительному наслѣднику; по крайней мѣрѣ она утѣшала себя тѣмъ, что сынъ, благодаря ея строгой экономіи, получалъ свое родовое имѣніе значительно-увеличеннымъ въ объемѣ и неимѣвшимъ на себѣ ни копѣйки долга.

Зимой 1785 года молодой человѣкъ прибылъ въ Петербургъ въ свитѣ князя Таврическаго. Послѣдній всѣми силами старался оживить придворное общество и разсѣять печаль императрицы (это было вскорѣ послѣ смерти А. Д. Ланскаго). Между прочимъ, онъ далъ великолѣпный праздникъ съ маскарадомъ въ своемъ Аничковскомъ дворцѣ. Сюда собрался весь дворъ, и болѣе двухъ тысячъ гостей толпилось въ разнообразныхъ костюмахъ. Во время бала общее вниманіе привлекли на себя двѣ пары, танцовавшія кадриль, то были: князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ и молоденькая княжна Барятинская, въ первый разъ появившаяся въ обществѣ и удивлявшая всѣхъ своею красотою и граціозностью; она была одѣта очень просто: въ бѣлое платье, а кавалеръ ея сверхъ мундира имѣлъ бѣлое домино. Вторую пару составляли графъ Г. Н. Чернышевъ

съ графинею Матюшкиной. „Обѣ пары танцовали такъ, что я въ жизни моей лучшихъ танцовщиковъ невидывалъ", говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ гостей, бывшихъ на праздникѣ *).

Тою же зимою начали ходить въ столицѣ серьёзные слухи о томъ, что князь Дашковъ готовится занять мѣсто перваго адъютанта императрицы. Подобно разсказанной выше заграничной сплетнѣ, слухи приписывали это дѣло интригамъ матери. Такое же мнѣніе повторили потомъ и нѣкоторые иностранные писатели. Но мы не хотимъ вѣрить, чтобъ честолюбіе такъ далеко завело княгиню: она, по собственному признанію, никогда не могла помириться съ существованіемъ офиціальныхъ адъютантовъ. Едва-ли Екатерина Романовна принадлежала къ числу родителей, которые нерѣдко на красивой наружности сына основывали свои честолюбивыя надежды. Изъ записокъ княгини узнаёмъ, что виновникомъ слуховъ на этотъ разъ былъ самъ Потемкинъ, который дѣйствительно хотѣлъ изъ Дашкова сдѣлать своего кліента. Племянникъ его, Самойловъ, попытался даже отъ имени дяди завязать переговоры съ матерью; но та на отрѣзъ отказалась и объявила, что уѣдетъ немедленно за границу, если желаніе Потемкина исполнится. Впрочемъ тревога оказалась напрасною: по окончаніи отпуска князь Дашковъ воротился въ полкъ **).

Княгиня говоритъ, „что вообще въ ту зиму она перенесла очень много семейныхъ невзгодъ, имѣвшихъ небольшое вліяніе на ея здоровье. Чтобъ разсѣяться нѣсколько, Екатерина Романовна взяла отпускъ и поѣхала въ Троицкое, а потомъ посѣтила свое бѣлорусское помѣстье. Здѣсь она съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ, что бытъ крестьянъ, принадлежавшихъ ей, замѣтно улучшался.

Спустя три года послѣ того, Россія находилась въ борьбѣ съ своими сосѣдями на югѣ и сѣверозападѣ. Братъ Густава III, герцогъ зюдерманландскій, появился съ шведскимъ флотомъ на русскихъ

---

*) «Записки Л. Н. Энгельгардта» «Русскій Вѣстникъ» 1859 г. № 2.

**) Записки Л. Н. Энгельгардта, относящіяся къ эпохѣ второй Турецкой войны («Рус. Вѣстн.» 1859 г. № 4), выставляютъ князя безпечнымъ и нерадивымъ полковникомъ (623 и 636 стр.). Дашковъ командовалъ тогда Сибирскимъ армейскимъ полкомъ. Впрочемъ Энгельгардтъ, родственникъ и почитатель Потемкина, вообще не благоволитъ къ Дашковымъ.

водахъ. Это былъ тотъ самый принцъ Карлъ, съ которымъ Дашкова когда-то познакомилась въ Спа. Въ Кронштадтъ, вслѣдъ затѣмъ, прибыло судно подъ переговорнымъ флагомъ съ письмомъ къ адмиралу Грейгу отъ принца. Послѣдній просилъ адмирала передать княгинѣ Дашковой записку и маленькій ящикъ, найденный на одномъ плѣнномъ кораблѣ и адресованный на ея имя. Осторожный адмиралъ отправилъ письмо и посылку въ правительственный совѣтъ, гдѣ въ то время постоянно засѣдала сама императрица. Она приказала, не вскрывая посылки, передать ее по адресу. Княгиня немного встревожилась, услыхавъ, что ей принесли что-то такое изъ совѣта; но дѣло тотчасъ объяснилось. Письмо принца заключало въ себѣ нѣсколько любезностей и извѣстіе о томъ, какимъ образомъ достался ему ящикъ; а въ ящикѣ находился дипломъ отъ философскаго общества въ Филадельфіи, которое выбрало княгиню Дашкову своимъ членомъ.

Дашкова немедленно явилась во дворецъ, сообщила императрицѣ содержаніе полученныхъ ею бумагъ, и спрашивала, какъ она прикажетъ поступить въ такомъ случаѣ. Екатерина посовѣтовала не отвѣчать принцу ни слова. Княгинѣ очень не хотѣлось оставлять безъ отвѣта любезность Карла; она замѣтила, что его высочество, можетъ быть, желаетъ косвеннымъ путемъ открыть переговоры съ русскимъ дворомъ, ради собственныхъ плановъ и независимо отъ интересовъ брата; но императрица осталась при своемъ мнѣніи, и княгиня повиновалась. Записки прибавляютъ, будто бы, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ея предположеніе о намѣреніяхъ принца дѣйствительно оправдалось.

Когда Дашкова хотѣла откланяться послѣ этого разговора, императрица остановила ее и пригласила провести вечеръ въ эрмитажѣ. Такъ какъ до вечера оставалось довольно времени и общество еще не собиралось, то Екатерина Романовна, въ ожиданіи его, начала спокойно бродить по заламъ дворца. Къ ней подошелъ одинъ изъ ея добрыхъ пріятелей, Ребиндеръ, и вдругъ съ таинственнымъ видомъ началъ поздравлять княгиню, говоря, что ему очень хорошо извѣстна причина ея свиданія съ императрицею.

— Можетъ быть, сказала она:—но я бы желала знать какимъ образомъ вы о томъ услыхали?

— Я получилъ письмо изъ Кіева, отвѣчалъ Ребиндеръ:—изъ котораго узналъ, что свадьба вашего сына совершилась во время перехода его полка черезъ этотъ городъ.

Княгиня какъ громомъ поражена была этими словами; однако у ней еще достало силы спросить фамилію своей невѣстки.

— Она называлась прежде Алферова.

Такой плебейской фамиліи княгиня не могла перенести!

— Ради Бога, стаканъ воды! возразила она, блѣдная, какъ полотно.

Ребиндеръ сильно перепугался и бросился за водою, проклиная свои поздравленія, сдѣланныя такъ некстати.

Дашкова, однако, настолько овладѣла собою, что осталась на вечеръ въ эрмитажѣ и обратила на себя общее вниманіе только своимъ разсѣяннымъ видомъ. Незнавшіе настоящей причины связывали ея печаль съ упомянутымъ визитомъ къ императрицѣ, и люди, нерасположенные къ княгинѣ, не безъ тайной радости предполагали ее уже въ новой опалѣ.

Отказавшись отъ ужина, Екатерина Романовна поспѣшила домой и здѣсь дала волю своимъ слезамъ, за которыми послѣдовала нервическая лихорадка.

Съ тѣхъ поръ прошли цѣлые два мѣсяца, пока мать получила письмо отъ сына. Князь Дашковъ просилъ у нея согласіе на бракъ, тогда какъ весь Петербургъ зналъ о свадьбѣ, и злые языки ужь вдоволь позабавились насчетъ его слишкомъ неблестящей партіи. Письмо князя сопровождалось запискою фельдмаршала Румянцова, который распространялся въ ней о суетѣ знатности и богатства и вообще старался примирить гордую княгиню съ выборомъ ея сына. Фельдмаршалу Дашкова отвѣчала очень холодно, намекнувъ ему, что онъ мѣшается не въ свое дѣло. А сыну она написала только слѣдующія строки:

„Когда твой отецъ намѣренъ былъ жениться на дочери графа Воронцова, онъ на почтовыхъ поскакалъ въ Москву, чтобъ испросить позволеніе у своей матери. Ты ужь обвѣнчанъ—я это знала прежде. Я знаю также и то, что моя свекровь не болѣе меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ“.

Слѣдующее за тѣмъ время было самымъ печальнымъ въ жизни княгини Дашковой. Ею овладѣла невыразимая тоска по дѣтямъ вмѣстѣ съ тяжелымъ чувствомъ одиночества и униженія. Единственнымъ разсѣяніемъ отъ мрачныхъ мыслей въ эту зиму служили для нея академическія занятія и особенно работа по лексикону; она приняла на себя новый трудъ: точное опредѣленіе всѣхъ словъ, относящихся къ политикѣ, правленію и нравственности. Въ такъ на-

зываемомъ свѣтѣ Екатерина Романовна почти перестала показываться; впрочемъ, каждую недѣлю посѣщала эрмитажные вечера императрицы. Весною она переселилась на отцовскую дачу *), которая была дальше отъ города, нежели ея собственная, и здѣсь предалась полному уединенію, отказывая даже тѣмъ немногимъ знакомымъ, которые рѣшались ее навѣстить. Мрачная настроенность духа, питаемая уединеніемъ и неутѣшительными вѣстями о дѣтяхъ, доходила до такой степени, что княгиня смотрѣла на смерть, какъ на величайшее благо. Она признается, что одна только религія спасала ее въ тяжкія минуты отъ самоубійства.

Но семейное горе, какъ ни было оно сильно, не сломило этой гордой натуры. Прошло года полтора, и мы видимъ княгиню, съ обычною энергіей предающуюся своимъ любимымъ занятіямъ, хотя сердечныя раны еще далеко не зажили. Много помогло ей оправиться отъ своего душевнаго разстройства вниманіе и участіе, которое она встрѣтила въ то время со стороны Екатерины.

„Однажды за обѣдомъ у императрицы (разсказываетъ Дашкова) заговорили о храбрости. Графъ Брюсъ, дежурный генерал-адъютантъ, съ удивленіемъ отзывался объ отвагѣ солдатъ, которые подъ градомъ картечи взлѣзаютъ на непріятельскія стѣны.

Тутъ нечему удивляться, замѣтила княгиня, и величайшій трусъ можетъ увлечься минутнымъ порывомъ храбрости во время штурма, зная, что онъ скоро кончится. Извините меня, графъ, я несогласна съ вами: настоящее мужество не то, которое высказывается въ пылу сраженія. Истинное геройство состоитъ въ полномъ самообладаніи при видѣ тѣхъ бѣдствій и опасностей, которымъ надобно идти на встрѣчу, въ умѣньѣ твердо и долго выдерживать ихъ напоръ. Если станутъ пилить ваше тѣло тупымъ, деревяннымъ ножомъ, и вы будете терпѣливо выносить страданія, я сочту васъ гораздо-болѣе мужественнымъ, нежели того воина, который впродолженіе одного часа выдержитъ на своемъ посту непріятельскій огонь“.

Графъ несовсѣмъ понялъ княгиню и, продолжая развивать свою мысль, указалъ, между-прочимъ, на самоубійство, какъ на доказательство храбрости. Княгиня съ особеннымъ одушевленіемъ начала оспоривать это мнѣніе и тутъ невольно обнаружила состояніе своего духа. Императрица со вниманіемъ слушала ея доводы и, кажется, поняла ту внутреннюю борьбу, изъ которой княгиня вышла побѣ-

*) Графа Романа тогда уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ 1783 году.

дительницею. Въ заключеніе спора Дашкова замѣтила, что она остается при своемъ мнѣніи, и думаетъ, что твердость во время долгихъ страданій есть самое лучшее доказательство мужества, хотя въ молодости и сама увлекалась извѣстнымъ софизмомъ Ж. Ж. Руссо.

— О какомъ софизмѣ Руссо вы говорите? спросила императрица.

— Въ „Новой Элоизѣ" онъ утверждаетъ, будто смерти не должно бояться, потому-что, пока мы живы, смерть не существуетъ; а когда умерли, мы болѣе не существуемъ.

— Онъ очень-опасный писатель, замѣтила Екатерина:—его языкъ сбиваетъ съ толку многихъ молодыхъ людей.

— Я никакъ не могла рѣшиться на свиданье съ этимъ человѣкомъ, когда была въ Парижѣ, прибавила Дашкова.—Стараніе притворяться *инкогнито*, между-тѣмъ, какъ его пожирали жажда славы и желаніе возбудить къ себѣ интересъ цѣлаго свѣта, служатъ доказательствомъ его несносной, ложной скромности. Произведенія Руссо дѣйствительно, какъ ваше величество замѣтили, опасны для молодыхъ, неопытныхъ людей, которые легко принимаютъ софизмы за силлогизмы.

Со дня этого разговора императрица не пропускала ни одного удобнаго случая, чтобъ сообщить мыслямъ княгини новое направленіе и отвлечь ихъ отъ мрачной настроенности. Однажды, разговаривая съ княгинею наединѣ, она попросила ее написать комедію на русскомъ языкѣ для придворнаго театра, и не иначе, какъ въ пяти актахъ. Послѣ легкихъ отказовъ, княгиня дала слово и ревностно принялась за работу. Героемъ своей комедіи („Тойсёковъ") она вывела лицо безцвѣтное и безхарактерное, въ которомъ, по собственному ея признанію, осмѣивался современный типъ высшаго петербургскаго общества. Пьеса была поставлена на сцену въ эрмитажѣ, и Екатерина осталась ею очень-довольна.

До 1794 года отношенія княгини Дашковой къ императрицѣ были вообще дружескія. Впрочемъ, дружбу эту далеко нельзя было назвать искреннею: она отзывалась холодностію и нѣсколько офиціальнымъ характеромъ. Хотя мечты молодыхъ лѣтъ о безграничномъ довѣріи, о непосредственномъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ, вѣроятно, уже были оставлены, однако Екатерина Романовна едва-ли примирилась съ тою скромною ролью, которую она должна была теперь играть при дворѣ. Совершенное отсутствіе вліянія на кабинетъ, несовсѣмъ полное признаніе заслугъ по академіи и цѣлая

толпа людей, нетріязненно смотрѣвшихъ на нее, начиная съ фаворитовъ и оканчивая мелкими чиновниками, сплетнями, придирками, и пр.—все это, при семейныхъ огорченіяхъ, доставляло самолюбію неистощимый источникъ страданій и замѣтно подтачивало ея силы какъ физическія, такъ и духовныя. Дашкова принадлежала къ тѣмъ талантливымъ натурамъ, для дѣятельности которыхъ болѣе всего нуженъ внѣшній блескъ при одобреніяхъ свыше или рукоплесканіяхъ толпы, и наоборотъ, онѣ скоро черствѣютъ и впадаютъ въ разочарованіе, когда предстоитъ необходимость бороться съ равнодушіемъ современниковъ, или неблагосклонностью судьбы.

Офиціально дружескій тонъ императрицы, относящійся ко второй половинѣ академической дѣятельности, замѣтнѣе всего для насъ отразился въ ея перепискѣ съ княгинею. Приведемъ два письма Екатерины, сохранившіяся отъ этой эпохи:

Царское Село, іюля 21, 1789 г.

„Даже самый несвѣдущій человѣкъ, madame, не можетъ безъ удивленія видѣть необыкновенный трудъ, изданный Россійскою академіею, который потребовалъ не болѣе шести лѣтъ. Искренно поздравляю васъ. Такъ какъ у меня страсть къ предисловіямъ, то я вполнѣ прочту его въ вашемъ большомъ лексиконѣ. Перелистывая его я, впрочемъ, уже замѣтила мнѣнія академіи о многихъ предметахъ, выражаемыя то утвердительно, то отрицательно, и множество словъ, которыя или мало, или совсѣмъ неизвѣстны народу. Маленькій словарь, „Сравненіе всѣхъ языковъ свѣта“, удостоенъ со стороны академіи почетнаго отзыва, на который онъ едва могъ надѣяться, доставивъ только дюжину словъ вашему безсмертному произведенію. Однако онъ въ правѣ гордиться и этой небольшой услугой своему многотомному младшему брату. Со всѣмъ уваженіемъ котораго вы заслуживаете, остаюсь преданная вамъ.

„Жаль что въ предисловіи есть опечатки; между прочимъ, на стр. XI; также на стр. XV неопытные люди найдутъ обильную пищу для своихъ замѣтокъ. Но позвольте мнѣ не мѣшать своей нескромностью славѣ академическаго лексикона.“

6 іюня 1791 года.

„Сейчасъ получила вашъ отчетъ и, вмѣстѣ съ нимъ, прекрасный рѣзной камень, за который искренно благодарю. Съ удовольствіемъ принимаю его, какъ одно изъ многихъ доказательствъ вашего вни-

манія; но принимаю съ тѣмъ условіемъ, милая княгиня, что онъ совсѣмъ не тотъ знаменитый антикъ Микель Анджело Бонаротти, который, по словамъ Монфокона, принадлежалъ прежнимъ королямъ Франціи. Извѣстіе, полученное изъ Италіи, не заслуживаетъ, чтобъ вы его переводили собственною рукою. Не знаю, кстати ли мои замѣчанія, но я думаю, что они справедливы. Есть люди, которые—все равно, понимаютъ они въ чемъ дѣло или нѣтъ—ради собственныхъ интересовъ не хотятъ разочаровывать ни себя, ни другихъ. Будьте здоровы. Ваши чувства, я знаю, ко мнѣ неизмѣнны."

Послѣ смерти Потемкина, отношенія этихъ двухъ женщинъ замѣтно съ каждымъ годомъ становятся все болѣе и болѣе натянутыми. Зубовъ, замыкавшій собою рядъ любимцевъ, былъ еще надменнѣе своихъ предшественниковъ и стремился пріобрѣсти такое же вліяніе на дѣла, какимъ пользовался нѣкогда Потемкинъ, на котораго походилъ развѣ только однимъ честолюбіемъ. Онъ не любилъ Дашкову, держалъ себя съ нею очень гордо и былъ открытымъ врагомъ ея старшаго брата, Александра. Къ-тому же Екатерина, которая въ первую, безпокойную, половину своего царствованія пользовалась славой либеральной государыни, въ послѣдніе годы—когда внутри Россіи царствовала мертвенная тишина—обратилась къ сильной реакціи, особенно послѣ бурныхъ событій на Западѣ, послѣ убіенія Густава III и казни Лудовика XVI. Дашкова, при своихъ аристократическихъ принципахъ, при своемъ уваженіи къ англійской конституціи, вѣроятно, недовольно усердно заявляла сочувствіе реакціоннымъ мѣрамъ: поэтому она неминуемо должна была очутиться въ неловкомъ, натянутомъ положеніи и ожидать только повода къ серьёзной размолвкѣ. Дѣло началось съ ея брата.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ начальствовалъ таможеннымъ вѣдомствомъ. Въ числѣ чиновниковъ его вѣдомства находился извѣстный А. Н. Радищевъ, который пользовался особенною благосклонностью графа. Разъ Екатеринѣ Романовнѣ показали въ академіи одну брошюру въ доказательство того, какъ плохо наши писатели владѣютъ отечественнымъ языкомъ. Брошюра принадлежала Радищеву; она заключала въ себѣ біографію и панегирикъ Ушакову, другу автора и товарищу его по образованію въ Лейпцигскомъ университетѣ, очень-рано похищенному смертью *). Княгиня, въ свою очередь, указала на это сочиненіе брату. Тотъ купилъ его и прочелъ. Между братомъ и сестрой завязался малень-

*) Дѣло идетъ о книгѣ „Житіе Ушакова".

кій споръ. Екатерина Романовна не хотѣла видѣть въ произведеніи Радищева ничего достойнаго вниманія, кромѣ притязаній на авторство и двухъ-трехъ идей, которыя въ тѣ смутныя времена могли показаться кому-нибудь вредными. Графъ защищалъ своего любимца и говорилъ, что весь недостатокъ его произведенія заключается въ томъ, что онъ прославляетъ человѣка, ничѣмъ особенно-неотличавшагося.

„Можетъ-быть, моя критика немного строга (замѣтила княгиня); но такъ-какъ ты принимаешь участіе въ личности автора, то признаюсь, меня особенно поразило въ его сочиненіи послѣднее обстоятельство. Если юноша жилъ только для того, чтобъ ѣсть, пить и спать, то онъ могъ найти себѣ панегириста только въ человѣкѣ, который готовъ писать обо всемъ безъ разбора; а такая авторская манія, пожалуй, побудитъ твоего любимца написать современемъ что-нибудь дѣйствительно-опасное“.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора. Дашкова проводила лѣто въ Троицкомъ, и здѣсь получила письмо отъ брата. Графъ извѣщалъ сестру, что предсказаніе ея относительно Радищева сбылось и что послѣдній написалъ такое сочиненіе, за которое его сослали въ Сибирь *). Княгиня прибавляетъ, что она не радовалась исполненію своего предсказанія и пожалѣла о судьбѣ бѣднаго молодаго человѣка; къ-тому же она предвидѣла, что князь Зубовъ воспользуется удобнымъ случаемъ очернить въ глазахъ императрицы и того, кто оказывалъ покровительство вредному автору. Фаворитъ дѣйствительно сдѣлалъ попытку; и хотя она не удалась вполнѣ, тѣмъ не менѣе графъ Воронцовъ попалъ въ немилость и попросилъ сначала годовой отпускъ для поправленія здоровья, а потомъ и отставку. Это было въ 1794 году.

Въ слѣдующемъ году вдова извѣстнаго драматическаго писателя Княжнина обратилась къ Дашковой съ просьбою напечатать въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ покойнаго, послѣднюю его трагедію „Вадимъ Новогородскій“, которую онъ не успѣлъ издать при жизни. Просьбу эту передалъ Козодавлевъ, служившій совѣтникомъ въ академической канцеляріи и принимавшій дѣятельное участіе въ литературныхъ изданіяхъ княгини. Та дала свое согласіе съ условіемъ, если Козодавлевъ просмотритъ трагедію и поручится, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ или религіи. Совѣтникъ разсказалъ ей содержаніе пьесы, основанное на историче-

*) Знаменитое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

скомъ преданіи о мятежѣ новгородцевъ противъ Рюрика подъ начальствомъ Вадима, и увѣрялъ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго, такъ-какъ развязкою трагедіи служитъ торжество монарха надъ мятежниками. Положившись на отзывъ Козодавлева, княгиня велѣла отпечатать трагедію въ „Русскомъ Ѳеатрѣ" и выдать вдовѣ Княжнина условленное количество оттисковъ. Этой ничтожной трагедіи суждено было произвести при дворѣ большую тревогу.

Графъ Н. Салтыковъ, котораго, по замѣчанію княгини, никто не могъ упрекнуть въ томъ, чтобъ онъ прочелъ хотя одну книгу въ теченіе своей жизни, вдругъ началъ утверждать, что послѣдняя трагедія Княжнина очень-опаснаго содержанія, и сообщилъ свою мысль князю Зубову. Затѣмъ въ одинъ прекрасный вечеръ княгиня получаетъ отъ императрицы слѣдующую записку:

„Недавно появилась русская трагедія „Вадимъ Новгородскій", которая, судя по заглавному листу, напечатана въ академической типографіи. Говорятъ, эта книга очень-ѣдко нападаетъ на авторитетъ верховной власти. Вы хорошо сдѣлаете, если остановите продажу, пока я ее просмотрю. Доброй ночи. А вы читали ее"?

Спустя немного времени послѣ того, къ Дашковой явился полиціймейстеръ. Онъ очень-вѣжливо попросилъ у нея позволенія войдти въ академическій книжный магазинъ, чтобъ отобрать всѣ экземпляры трагедіи, которую императрица признала очень-вредною для публики. Княгиня предоставила ему свободу распоряжаться какъ угодно и даже вырывать пьесу изъ нумеровъ „Русскаго Ѳеатра" *). Этимъ, однако, дѣло не ограничилось.

Въ тотъ же день Екатерину Романовну посѣтилъ генерал-прокуроръ сената Самойловъ и отъ имени императрицы сдѣлалъ ей выговоръ за изданіе трагедіи, которая, по направленію своему, показалась ея величеству даже болѣе-опасною, нежели сочиненіе Радищева. Княгиня холодно замѣтила Самойлову, что пьесу Княжнина гораздо-лучше было бы сравнить съ французскими драмами, которыя даютъ въ общественныхъ и частныхъ спектакляхъ и могутъ показаться еще опаснѣе. Она намекала на театральныя представленія въ Эрмитажѣ.

---

*) Одинъ иностранецъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что, кромѣ-того, произведены были розъиски въ частныхъ домахъ и отобраны раскупленные экземпляры. Княгиня объ этомъ не говоритъ.

Дашкова, искавшая, вѣроятно, личнаго объясненія съ императрицею, отправилась послѣ того въ первое эрмитажное собраніе. Государыня встрѣтила гостью съ лицомъ, выражавшимъ явное неудовольствіе. Послѣдняя спросила ее о здоровьѣ.

— Хорошо, отвѣчала Екатерина.—Но скажите мнѣ, пожалуйста, что̀ я вамъ сдѣлала? За что̀ вы распространяете такія вредныя для меня идеи?

— Не-уже-ли ваше величество можете подозрѣвать меня въ подобномъ намѣреніи? отозвалась смущенная княгиня.

— Эта трагедія достойна того, чтобъ ее сжечь рукою палача.

Изъ подобныхъ выраженій Дашкова поняла, что императрица говоритъ не по собственному убѣжденію, а повторяетъ слова ея враговъ. Эта мысль ее ободрила.

— Ваше величество, отвѣчала она:—если трагедія будетъ сожжена палачомъ, то, надѣюсь, не мнѣ придется краснѣть въ такомъ случаѣ. Но, ради Бога, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на что-нибудь несогласное съ вашимъ характеромъ, умоляю васъ прочесть эту несчастную пьесу: вы найдете тамъ такую развязку, какую, навѣрно, пожелали бы вы сами, я и всякій другой приверженецъ монархическаго правленія.

Продолжая объясненіе далѣе, Дашкова упомянула, что она поручала предварительную цензуру одному изъ своихъ чиновниковъ, вполнѣ полагаясь на его опытность. Екатерина замѣтила на это, что въ такія критическія времена нельзя ни на кого полагаться и надобно самой исполнять свои обязанности *). На томъ разговоръ и прекратился. Императрица сѣла за карточный столъ; княгиня послѣдовала ея примѣру.

На слѣдующее утро Дашкова явилась во дворецъ по дѣламъ службы, напередъ рѣшившись просить отставку, если императрица приметъ ее неласково и не пригласитъ въ „брильянтовую комнату“ (Въ этой комнатѣ находились брильянтовая корона и другія драгоцѣнныя вещи. Сюда обыкновенно Екатерина приглашала княгиню и разговаривала съ нею, пока продолжалось чесаніе волосъ). Въ пріемной она встрѣтила Самойлова, который только-что вышелъ изъ кабинета.

— Примите спокойный видъ, шепнулъ онъ, проходя мимо:—ея

*) О послѣднемъ замѣчаніи говоритъ упомянутый иностранецъ въ своихъ запискахъ. Дашкова о немъ умалчиваетъ.

величество чрезъ нѣсколько минутъ выйдетъ. Кажется, она нисколько на васъ не сердится.

Совѣтъ притвориться спокойною задѣлъ княгиню за живое. Она быстро отвѣтила Самойлову, съ намѣреніемъ возвысивъ голосъ, такъ-что всѣ окружавшіе могли ее слышать:

— Милостивый государь, я не имѣю никакой причины безпокоиться, и мнѣ нé въ чемъ упрекнуть себя, а другихъ упрекать не желаю. Конечно, было бы очень-грустно, если ея величество питаетъ противъ меня какое-либо неудовольствіе или подозрѣніе; но я такъ привыкла къ несправедливости, что она не составитъ для меня никакой новости.

Нѣсколько минутъ спустя, вышла императрица. Давши поцаловать руку своимъ утреннимъ посѣтителямъ, она обратилась къ Дашковой и сказала ей съ обычною привѣтливостью:

— Очень-рада побесѣдовать съ вами, княгиня. Милости просимъ за мною.

Этихъ словъ достаточно было, чтобъ въ настроеніи нашей героини произошелъ быстрый переворотъ. Вошедши въ брильянтовую комнату, она съ жаромъ поцаловала руку Екатерины и просила ее забыть о случившемся.

— Но согласитесь, княгиня...

— Ваше величество, прервала Дашкова:—сѣрая кошка пробѣжала между нами; не будемте призывать ее опять.

Императрица засмѣялась и обратила разговоръ на другой предметъ. Екатерина Романовна въ этотъ день осталась обѣдать съ государыней и вообще была въ восторгѣ отъ ея веселости и любезности.

V.

ССЫЛКА И ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Послѣднее свиданіе съ Екатериною.—Павелъ I-й присылаетъ отставку.—Ссылка въ отдаленную деревню.—Печальная обстановка.—Ходатайство императрицы возвращаетъ княгинѣ свободу.—Благосклонность новаго императора.—Отзывы современниковъ о личности Дашковой.—Разсужденіе о ея характерѣ и дѣятельности.

Примиреніе, какъ и надобно было ожидать, оказалось непрочнымъ, потому-что оно не было основано на глубокой, постоянной привязанности. Ласковое или холодное обращеніе зависѣло отъ минутнаго

расположенія духа, отъ ничтожныхъ поводовъ болѣе, нежели отъ серьёзнаго чувства. Притворныя отношенія для нашей героини сдѣлались вскорѣ до того натянутыми, что она почувствовала необходимость, хотя на время, удалиться изъ Петербурга. Но прежде своего отъѣзда Дашкова хотѣла устроить дѣла дочери, которая путешествіемъ за границу совершенно разстроила свое состояніе и впала въ большіе долги.

Родственники Щербинина уже успѣли забрать подъ свою опеку долю его жены и оградить себя всѣми канцелярскими формальностями *) Княгиня завела съ ними тяжбу и перенесла дѣло въ сенатъ. Между тѣмъ, она продала свой петербургскій домъ и, въ ожиданіи сенатскаго рѣшенія, жила въ опустѣвшихъ отцовскихъ палатахъ. Наконецъ рѣшеніе сената состоялось и было подписано императрицею. Дашкова выиграла тяжбу и получила имѣніе Щербининой въ свое распоряженіе съ обязательствомъ уплатить ея долги. Теперь ничто болѣе не удерживало Екатерину Романовну въ столицѣ. Она немедленно обратилась къ императрицѣ съ просьбою уволить ее совсѣмъ отъ академическихъ обязанностей и, какъ штатс-даму, отпустить на два года для поправленія здоровья и устройства домашнихъ дѣлъ. Но императрица не хотѣла и слышать о полной отставкѣ и дала ей только двухгодовой отпускъ, а исправляющимъ должность директора академіи назначила племянника Дашковой, Бакунина.

Послѣднее въ этомъ мірѣ свиданье двухъ прежнихъ друзей далеко не было такъ трогательно, какъ можно было ожидать по той неохотѣ, съ которою Екатерина согласилась на разлуку.

Наканунѣ отъѣзда княгиня пріѣхала въ Таврическій дворецъ и провела вечеръ въ обществѣ императрицы. Екатерина была со всѣми очень ласкова и внимательна. Въ девятомъ часу она, по обыкновенію, удалилась изъ залы. Дашкова хотѣла послѣдовать за нею и проститься наединѣ; но въ дверяхъ ей встрѣтились великій князь Александръ Павловичъ и его супруга, которые разговаривали съ Платономъ Зубовымъ. Княгиня тихо попросила пропустить ее, говоря, что она хочетъ передъ отъѣздомъ поцаловать руку ея величества.

— Богъ вѣсть, прибавила она печальнытъ тономъ;—можетъ быть

---

*) По всѣмъ признакамъ, Анастасія Михайловна въ это время была уже вдовою; но Дашкова ни слова не говоритъ о смерти своего зятя.

мнѣ придется воспользоваться этимъ удовольствіемъ въ послѣдній разъ.

— Подождите немного, сказалъ Зубовъ и исчезъ. Екатерина Романовна думала, что онъ отправился передать ея желаніе, но прошло полчаса, и никто не выходилъ. Тогда она проситъ камердинера императрицы доложить ея величеству, что княгиня Дашкова ждетъ позволенія еще разъ поцѣловать у ней руку. Спустя четверть часа, камердинеръ воротился и пригласилъ ее войти въ кабинетъ. Тутъ Дашкова съ удивленіемъ замѣтила, что привѣтливое за нѣсколько минутъ лицо государыни имѣло теперь суровое выраженіе и, вмѣсто нѣжной сцены прощанья, она услышала только холодную фразу:

— Желаю вамъ счастливаго пути.

Княгиня не могла понять такой внезапной перемѣны и приписала ее какому нибудь печальному извѣстію, которое сильно встревожило императрицу. На другой день заѣхалъ къ ней проститься Новосильцевъ, родственникъ камер-юнгферы Марьи Савичны Перекусихиной. На вопросъ Дашковой, не пріѣзжалъ ли накануне курьеръ съ непріятными извѣстіями, Новосильцевъ отвѣчалъ, что онъ сейчасъ только изъ дворца и что тамъ не можетъ быть никакихъ непріятныхъ извѣстій, когда онъ самъ видѣлъ государыню въ отличномъ расположеніи духа.

Нѣсколько минутъ спустя, загадку разрѣшило письмо, присланное статс-секретаремъ Трощинскимъ. Къ письму былъ приложенъ долговой счетъ портнаго, подписанный госпожей Щербининой и ея мужемъ, вмѣстѣ съ трогательнымъ прошеніемъ кредитора на высочайшее имя. Статс-секретарь увѣдомлялъ, что императрица удивляется, почему княгиня оставляетъ Петербургъ, не исполнивъ своего обѣщанія: заплатить долги дочери.

Дашкова была оскорблена этимъ письмомъ въ высшей степени. Она немедленно отвѣчала Трощинскому, что присланный счетъ совсѣмъ не относится къ ея дочери, которой не было никакой нужды заказывать вещи въ родѣ мундировъ, ливрей и т. п., что заказы эти сдѣланы г. Щербининымъ, который самъ имѣлъ значительное состояніе, и платить за него она ни въ какомъ случаѣ не обязана. Просьба портного, какъ открылось впослѣдствіи, была приготовлена Зубовымъ; онъ поднесъ ее императрицѣ въ то самое время, когда Дашкова ожидала позволенья съ нею проститься.

Не описываемъ того горькаго чувства, съ которымъ Екатерина

Романовна покидала столицу, считая уже вполнѣ оконченнымъ свое служебное поприще. Это было лѣтомъ 1795 года. Она отправилась погостить въ Андреевское, деревню своего старшаго брата (Владимірской Губерніи), и нашла у него самый дружескій привѣтъ. Графъ Александръ былъ человѣкъ умный, образованный, но очень серьёзный, сдержанный и, по наружности, холодный. Между нимъ и княгинею существовала всегда симпатія, скрѣпленная, особенно въ послѣдніе годы, одинаковою судьбою ихъ служебнаго поприща. Время, проведенное въ деревнѣ брата послѣ столичныхъ треволненій, было такъ мирно и спокойно, что княгиня не замѣтила, кàкъ оно миновалось. Отсюда они переѣхали на зиму въ Москву.

Лѣтомъ 1796 года Дашкова предприняла поѣздку въ Круглово, и тутъ получила изъ Петербурга довольно много писемъ: ее извѣщали обо всемъ, что́ дѣлается и говорится при дворѣ. По нѣкоторымъ изъ этихъ извѣстій, императрица не разъ объявляла свое намѣреніе вызвать Екатерину Романовну въ Петербургъ для того, чтобъ она проводила въ Стокгольмъ великую княжну Александру Павловну, которую надѣялись выдать за Густава IV. Передавали и самыя слова императрицы: „я увѣрена, говорила она, княгиня Дашкова любитъ меня настолько, что не откажется исполнить мое желаніе; въ такомъ случаѣ я буду совершенно спокойна за молодую королеву“.

Однако, когда Дашкова отправила просьбу о полной отставкѣ и продолженіи своего отпуска, въ отвѣтъ она получила только ласковое письмо и согласіе продолжить отпускъ еще на одинъ годъ; а о поѣздкѣ въ Стокгольмъ не было ни слова. Впрочемъ, предполагаемый бракъ съ шведскимъ королемъ, какъ извѣстно, не состоялся.

Воротясь изъ Круглаго въ Троицкое, Екатерина Романовна вполнѣ предалась своему любимому занятію: постройкѣ домовъ и разведенію сада. Почти всѣ деревья, кусты и цвѣтники въ ея паркѣ были посажены или непосредственно ея руками, или подъ личнымъ ея надзоромъ, и княгиня имѣла полное право гордиться изящной обстановкой своей резиденціи, какъ плодомъ собственныхъ трудовъ. Большое удовольствіе также доставляло ей замѣтновозраставшее благосостояніе крестьянъ. Она говоритъ, что впродолженіе ея сорокалѣтняго управленія число душъ мужескаго пола отъ 840 дошло до 1559-ти; въ той же пропорціи увеличилось и женское населеніе.

Осенью Екатерина Романовна обыкновенно страдала ревматиз-

момъ, который былъ пріобрѣтенъ ею во время путешествія по Шотландіи. Въ этотъ годъ она также не избавилась отъ болѣзненныхъ припадковъ; особенно страданія усилились къ концу сентября. Вмѣстѣ съ княгинею, въ Троицкомъ тогда жили: госпожа Щербинина, надѣлавшая ей столько хлопотъ и огорченій своею расточительностью, потомъ двѣ двоюродныя племянницы, Исленьева и Кочетова, и еще одна молодая англичанка, миссъ Бетси, неизвѣстно какимъ образомъ очутившаяся въ домѣ Дашковой и очень къ ней привязанная.

Однажды вечеромъ въ первыхъ числахъ ноября въ Троицкое пріѣхалъ серпуховской городничій, пріятель княгини, человѣкъ, судя по ея отзыву, очень-почтенный и честный. Онъ вошелъ съ такимъ встревоженнымъ и грустнымъ видомъ, что хозяйка невольно воскликнула:

— Скажите, ради Бога, что́ такое случилось?

— Развѣ вы не слыхали, княгиня, какое несчастье насъ постигло? Императрица скончалась.

Смертная блѣдность покрыла лицо княгини. Казалось, она готова была упасть на полъ, и дочь бросилась къ ней на помощь.

— Нѣтъ, нѣтъ (заговорила мать), не бойся за мою жизнь: умереть въ эту тяжелую минуту было бы для меня слишкомъ большимъ счастьемъ. Судьба сохраняетъ меня для болѣе сильныхъ страданій...

Затѣмъ послѣдовали жестокія спазмы, и болѣе трехъ недѣль Екатерина Романовна не могла покинуть постели. Ею овладѣло самое мрачное настроеніе; печальныя предчувствія волновали ея душу. Да и трудно было сохранить спокойствіе духа, когда личное нерасположеніе новаго императора къ Дашковой было слишкомъ извѣстно, когда слухи объ арестахъ почти каждый день доходили до ушей ея.

Предчувствія княгини начали скоро сбываться. Не успѣла еще больная встать съ постели, какъ полученъ былъ указъ императора, которымъ она отрѣшалась отъ всѣхъ занимаемыхъ ею должностей. Первое извѣстіе объ отставкѣ пришло въ Троицкое съ письмомъ, подписаннымъ просто: *Данауровъ*. Не зная ни имени, ни титула этого господина, а, можетъ быть, и оскорбляемая его тономъ, Дашкова оставила письмо безъ отвѣта и попросила своего родственника, князя Куракина, извиниться за нее и сказать Данаурову, что она не отвѣчала ему по незнанію адреса. Представьте себѣ удивленіе княгини, когда, впослѣдствіи, братъ Александръ сообщилъ ей подробности о Данауровѣ: онъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сынъ

двороваго человѣка, принадлежавшаго покойному ихъ дядѣ, канцлеру, и первымъ шагомъ къ его возвышенію послужила женитьба на калмычкѣ, одной изъ горничныхъ и фаворитокъ графини Воронцовой, послѣ чего онъ былъ произведенъ въ званіе дворецкаго! *).

Въ то же время княгиня написала графу Самойлову, все еще генералъ-прокурору сената, и просила принести отъ ея имени всеподданнѣйшую благодарность его величеству за освобожденіе отъ бремени, которое превышало ея силы.

Но героиня наша была увѣрена, что дѣло не покончится одною отставкою, и тоскливо ожидала дальнѣйшихъ извѣстій.

4 декабря больная пріѣхала изъ Троицкаго въ Москву, чтобъ испытать, не помогутъ ли ей піявки успокоить нѣсколько сильное волненіе крови. Графъ Александръ немедленно навѣстилъ сестру; собрались и еще нѣкоторые изъ родныхъ, очень безпокоившіеся о судьбѣ княгини. Въ тотъ же день, когда она, утомленная переѣздомъ, лежала въ постели, явился къ ней московскій главнокомандующій Измайловъ. Присѣвъ на нѣсколько минутъ подлѣ больной, онъ тихимъ голосомъ объявилъ ей приказъ императора выѣхать изъ города и въ деревнѣ вспоминать о событіяхъ 1762 года. Дашкова изъявила готовность безусловно повиноваться высочайшей волѣ, но просила генерала обратить только вниманіе на ея крайне болѣзненное состояніе и не требовать выѣзда прежде операціи, для которой она пріѣхала въ городъ. На третій день она покинула Москву и воротилась въ Троицкое еще съ болѣе разстроеннымъ здоровьемъ.

Въ этотъ печальный періодъ ея жизни родственники не оставляли страждущую своими письмами и по возможности старались утѣшать ее; особенно братъ Александръ ободрялъ Екатерину Романовну и совѣтовалъ ей не терять надежды на лучшія времена. „Подожди до коронаціи, писалъ онъ, и ты увидишь большую перемѣну въ обращеніи съ тобою“. Но утѣшенія родныхъ и друзей не могли разсѣять мрачныхъ мыслей княгини. Болѣе всего ее мучила неизвѣстность; она мало надѣялась на пощаду. Но вопросъ состоялъ въ томъ: какъ велика будетъ мѣра ея испытанію и на чемъ остановится гоненіе? Неизвѣстность, впрочемъ продолжалась недолго.

Однажды княгиню посѣтилъ дальній родственникъ ея, полковникъ Лаптевъ, которому она покровительствовала во время своей силы и много способствовала его быстрому повышенію по службѣ. Наканунѣ

*) Потомки Данаурова вполнѣ отрицаютъ вѣрность этого разсказа.

своего отъѣзда онъ засидѣлся съ тёткою до полуночи. Нужно замѣтить, что отпускъ Лаптева, полученный съ большимъ трудомъ, уже окончился, и нѣсколько дней онъ еще просрочилъ по случаю болѣзни своего отца. Въ три часа утра вдругъ горничная будитъ княгиню и объявляетъ, что г. полковникъ желаетъ немедленно передать ей какое-то письмо, присланное съ нарочнымъ изъ Москвы. Сердце Дашковой сильно сжалось при этомъ извѣстіи; она поспѣшно встала. Письмо было отъ Измайлова, который сообщалъ княгинѣ новый приказъ императора: оставивъ Троицкое, ѣхать въ одну изъ деревень ея сына, лежавшую въ сѣверной части Новгородской губерніи, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Екатерина Романовна велѣла позвать къ себѣ дочь и продиктовала ей отвѣтъ Измайлову. Она опять изъявляла готовность исполнить волю монарха и просила только дать ей время на приготовленіе къ дальнему пути.

Между тѣмъ по всему дому поднялась сильная тревога. Щербинина заливалась слезами; ей вторила прислуга; на миссъ Бетси, дрожавшую, какъ осиновый листъ, жалко было смотрѣть. Дашкова старалась ободрить англичанку и предлагала ей оставаться хозяйкою въ троицкомъ или московскомъ своемъ домѣ; дѣвушка съ твердостью отвѣчала, что она рѣшилась раздѣлить ссылку княгини. Но особенно утѣшилъ Екатерину Романовну великодушнымъ выраженіемъ своей привязанности въ такія тяжелыя минуты и вмѣстѣ встревожилъ ее—полковникъ Лаптевъ: онъ спокойнымъ голосомъ объявилъ, что намѣренъ проводить тётку до самаго мѣста ссылки. Княгиня горячо возстала противъ такого смѣлаго поступка и выставляла на видъ всѣ его печальныя послѣдствія. Ни убѣжденія ея, ни опасность быть разжалованнымъ въ солдаты не поколебали рѣшимости Лаптева.

— Надѣюсь, что вы меня не прогоните, сказалъ онъ:—если же не позволите мнѣ сѣсть подлѣ себя, я поѣду за кибиткой, и ничто не помѣшаетъ мнѣ видѣть мѣсто вашего заточенія.

Зная настойчивый характеръ молодаго человѣка, княгиня уступила, и они дѣятельно стали приготовляться къ отъѣзду.

26 декабря 1796 года Екатерина Романовна, полубольная, сѣла въ кибитку вмѣстѣ съ дочерью и миссъ Бетси, и выѣхала изъ Троицкаго въ сопровожденіи своего великодушнаго рыцаря. Путеводителемъ служилъ одинъ изъ крестьянъ деревни Коротова (мѣсто ссылки), которому тогда случилось быть въ Москвѣ.

Медленное, скучное путешествіе зимой, въ жосткомъ, непривыч-

номъ для нашихъ дамъ экипажѣ, противъ ожиданія, не имѣло вредныхъ послѣдствій для княгини; здоровье ея, напротивъ стало замѣтно улучшаться. Свѣжій воздухъ и сильная тряска по дорогѣ, изрытой ухабами, укротили ревматическія боли и возбудили хорошій аппетитъ; а вмѣстѣ съ физическими силами къ ней возвращалась и душевная бодрость. Впрочемъ, безъ непріятныхъ приключеній дѣло не обошлось. Напримѣръ, около Твери, нашихъ путниковъ застигла сильная метель съ вѣтромъ. Они сбились съ дороги и семнадцать часовъ блуждали по снѣжному полю, не видя передъ собой никакихъ признаковъ человѣческаго жилья. Наступила совершенная ночь; усталые кони едва передвигали ноги; а слуги и горничныя пришли въ совершенное уныніе: одни плакали, другіе молились. Княгиня приказала остановиться и подождать разсвѣта. Часъ спустя, кучеру показался вдали огонекъ; посланный въ ту сторону воротился съ радостнымъ извѣстіемъ, что онъ открылъ маленькую деревеньку. Это открытіе спасло странниковъ отъ опасности замерзнуть или подвергнуться нападенію волковъ.

Потомъ спокойствіе путешественниковъ очень непріятно нарушалъ какой-то подозрительный человѣкъ, слѣдившій за всѣми движеніями Дашковой съ самаго дня ея отъѣзда. Онъ вступалъ въ разговоръ со слугами и старался развѣдать отъ нихъ все, что дѣлаютъ или говорятъ княгиня и ея спутники. Разъ, остановившись въ одной крестьянской избѣ, они нашли на столѣ письмо, забытое шпіономъ. Оно было адресовано къ Архарову, петербургскому военному губернатору, и заключало въ себѣ подробности о путешествіи княгини. Архаровъ (по словамъ „Записокъ", въ то время нѣчто въ родѣ великаго инквизитора), какъ впослѣдствіи оказалось, подослалъ шпіона единственно по собственному усердію, безъ всякаго побужденія свыше. Путешественники, конечно, съ того дня начали наблюдать величайшую осторожность въ разговорѣ на станціяхъ.

Но, съ другой стороны, встрѣчались по дорогѣ и добрые люди. Такъ въ Твери княгиня нашла квартиру, приготовленную для нея губернаторомъ Поликарповымъ. Онъ навѣстилъ изгнанницу, и когда та выразила опасеніе, чтобъ его доброта не повлекла за собою дурныхъ послѣдствій, отвѣчалъ:

— Не знаю, княгиня, вашихъ частныхъ отношеній къ государю; но такъ какъ о вашей ссылкѣ не было издано оффиціальнаго указа, то позвольте мнѣ исполнить долгъ человѣка, питающаго къ вамъ искреннее уваженіе.

Въ Красномъ Холмѣ она встрѣтила такой же вѣжливый пріемъ со стороны городничаго Крузе.

Въ Весьегонскѣ (за 30 верстъ отъ Коротова) Дашкову также посѣтилъ городничій; вслѣдъ за нимъ явился и его предшественникъ. Послѣдній былъ опредѣленъ покойною императрицею, въ награду за военную службу и свои девять ранъ; а при новомъ правленіи его смѣнили, чтобъ очистить мѣсто одному изъ родственниковъ Аракчеева. Старикъ горько жаловался на оказанную ему несправедливость и ни о чемъ другомъ не могъ говорить. Чтобъ прекратить обильный потокъ его жалобъ, княгиня попросила обоихъ городничихъ проводить свою дочь и миссъ Бетси на ярмарку, которая въ тѣ времена была одною изъ самыхъ знаменитыхъ въ цѣлой Россіи. Едва они вышли, какъ въ комнату путешественницы вошелъ незнакомый офицеръ и подалъ ей письмо отъ сына. Шридманъ (имя незнакомца) имѣлъ, кромѣ того, порученіе проѣхать въ Коротово, и отъ имени князя Дашкова передать крестьянамъ, чтобъ они во всемъ повиновались его матери, какъ своей собственной госпожѣ.

Княгиня болѣе испугалась, чѣмъ обрадовалась. Ей извѣстна была неумолимая строгость государя относительно военной дисциплины; она знала, что онъ сдѣлалъ жестокій выговоръ Суворову и Рѣпнину за то только, что они прислали къ нему свои депеши съ офицерами. Слѣдовательно, сынъ ея за посылку офицера съ письмомъ къ своей матери, находившейся притомъ подъ опалою, рисковалъ отправиться по дорогѣ въ Сибирь. Дашкова усердно просила Шридмана наблюдать величайшую осторожность, никому не открываться и ѣхать скорѣе въ Коротово.

Было уже за полночь, когда путешественники достигли наконецъ, мѣста своего назначенія. На слѣдующее утро Екатерина Романовна узнала отъ одного изъ слугъ, что Шридманъ нисколько не старался скрывать своей коммиссіи; напротивъ, онъ разсказалъ о ней краснохолмскому городничему и отдалъ послѣднему свой паспортъ. Разумѣется, мать послѣ того не могла успокоиться ни днемъ ни ночью: воображенію ея постоянно представлялся сынъ, скачущій по сибирской дорогѣ. Безпокойство это окончилось только съ извѣстіемъ, что князь Дашковъ опять назначенъ командиромъ полка. Императоръ Павелъ, узнавъ отъ городничаго о посылкѣ Шридмана, противъ обыкновенія, не обнаружилъ никакого неудовольствія. Когда же представлены были ему донесенія архаровскихъ шпіоновъ о томъ, что многія лица навѣщали Дашкову въ ссылкѣ, онъ сказалъ: „Тутъ

нѣтъ ничего удивительнаго; въ это-то время и должны доказать дружбу или благодарность княгинѣ Дашковой люди къ ней близкіе". Также безъ дурныхъ послѣдствій обошлась и смѣлость Лаптева. Услыхавъ о его поступкѣ, императоръ замѣтилъ: „Онъ не изъ числа вашихъ молодчиковъ въ юбкѣ; это человѣкъ, который умѣетъ носить панталоны"—любимая поговорка Павла I, когда онъ хотѣлъ выразить свое сочувствіе сильному характеру. Мало того: такъ какъ стрѣлковый баталіонъ, которымъ командовалъ Лаптевъ, принадлежалъ къ отрядамъ арміи, недавно распущеннымъ, то императоръ далъ ему другой, и потомъ пожаловалъ его кавалеромъ мальтійскаго ордена.

За неимѣніемъ помѣщичьяго дома въ Коротовѣ, Екатерина Романовна помѣстилась въ крестьянской избѣ, впрочемъ довольно просторной и опрятной. Тутъ же спали три ея горничныя; но, благодаря предупредительности миссъ Бетси, зеленая занавѣска отдѣляла отъ нихъ спальню княгини. Сосѣдняя изба обращена была въ кухню; въ третьей, самой лучшей, какую только могли найти, устроилась госпожа Щербинина.

Княгиня съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ о радушномъ гостепріимствѣ коротовскихъ обитателей. Лишь только распространилась вѣсть о ея прибытіи, какъ явился священникъ съ толпою крестьянъ и отслужилъ въ ея хижинѣ благодарственный молебенъ. Приложившись ко кресту, Дашкова, по обычаю, наклонилась и къ рукѣ священника, но тотъ не допустилъ ее и попросилъ, чтобъ она ему самому позволила поцаловать свою руку. „Не званіе твое, матушка, я уважаю" сказалъ онъ, со слезами на глазахъ, „но славу твоихъ добродѣтелей, которая проникла даже и въ отдаленный край. Я говорю отъ имени всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ. Сынъ твой добрый баринъ, ибо ты его хорошо воспитала, потому-то мы и счастливы. Несчастье привело тебя къ намъ; мы о томъ очень жалѣемъ, но для насъ истинная благодать видѣть въ тебѣ нашего ангела-хранителя".

Такое наивное выраженіе преданности глубоко растрогало княгиню; она позабыла о своемъ утомленіи послѣ долгаго пути и горячо обняла священника, называя его своимъ другомъ. Спутники ея, смотря на эту сцену, проливали слезы умиленія. Историческое безпристрастіе требуетъ, однако, замѣтить, что упомянутый пріемъ, по всей вѣроятности, находится въ нѣкоторой связи съ посольствомъ Шридмана.

Однообразно и печально потекли дни нашихъ изгнанницъ. Кое-какія книги, захваченныя изъ Троицкаго, составляли всю ихъ библіотеку, а нѣсколько карандашей послужили имъ средствомъ рисовать окрестные виды на столѣ. Такъ какъ бумаги сначала не было, то они каждую недѣлю смывали нарисованное и начинали работу снова. Виды, впрочемъ, не представляли ничего живописнаго; то былъ образецъ нашей сѣверной природы: со всѣхъ сторонъ глазъ встрѣчалъ только снѣжную даль и темныя полосы обнаженнаго лѣса.

Одна изъ родственницъ княгини, вдова принадлежавшая къ фамиліи Воронцовыхъ, заѣхала съ дочерью въ Коротово и прожила здѣсь цѣлую недѣлю. Она была связана съ княгинею чувствомъ благодарности, потому что младшій сынъ ея воспитывался въ домѣ послѣдней до шестнадцатилѣтняго возраста, то есть до самаго поступленія въ военную службу, и изъ него вышелъ отличный молодой человѣкъ, гордость и утѣшеніе своей матери.

Между тѣмъ Екатерина Романовна нисколько не думала примириться съ своимъ заточеніемъ и не отказывалась отъ попытки смягчить немилость къ себѣ императора.

Еще на дорогѣ въ Коротово она написала изъ Твери родственнику своему, князю Репнину (побѣдителю при Мачинѣ), прося его замолвить за нее слово при случаѣ и передать свой отвѣтъ крестьянину, котораго она обѣщала нарочно прислать въ Петербургъ. Но обстоятельства помогли ей получить отвѣтъ гораздо скорѣе. До сихъ поръ торжественная присяга на подданство требовалась отъ однихъ дворянъ. Павелъ I приказалъ принести ее всѣмъ жителямъ имперіи, включая сюда и крестьянское сословіе. Это нововведеніе не обошлось для государства безъ внутреннихъ смутъ. Крѣпостные приняли его за освобожденіе отъ власти помѣщиковъ, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ цѣлыя деревни отказывались выходить на работы, или платить оброкъ. Духъ непокорности особенно былъ распространяемъ отставными подъячими, которые увѣряли бѣдныхъ крестьянъ, будто они объявлены казенными, и, слѣдовательно, помѣщики не имѣютъ уже на нихъ никакого права. Правительство должно было употребить военную силу, чтобъ возстановить спокойствіе, а въ имѣніяхъ Апраксина и княгини Голицыной дѣло доходило до пушечныхъ залповъ. Дашкова прибавляетъ, что незадолго до ея пріѣзда, двое изъ такихъ злонамѣренныхъ людей обошли часть Архангельской губерніи и сѣверную полосу Новогородской, распуская упомянутые слухи; они приходили также въ

Коротово и за небольшую сумму денегъ обѣщали мужикамъ перевести ихъ въ казенное владѣніе; но послѣдніе будто бы отказались, потому что были очень довольны своимъ бариномъ.

Князь Репнинъ, командированный съ отрядомъ войска въ новогородскую и Архангельскую Губерніи, проѣзжалъ неподалеку отъ Коротова. Изъ ближняго города онъ послалъ письмо къ Дашковой съ однимъ церковнослужителемъ и велѣлъ доставить его въ собственныя руки съ величайшею осторожностью. Посолъ въ точности исполнилъ порученіе. Князь очень сожалѣлъ, что не могъ оказать никакой помощи и совѣтовалъ обратиться къ императрицѣ съ просьбою о ходатайствѣ.

Дашкова долго не рѣшалась послѣдовать этому совѣту; она знала добрый характеръ Марьи Өедоровны, но, кажется, имѣла нѣкоторыя причины не надѣяться на ея благосклонность къ своей фамиліи. Однако скука и тягостное чувство, которое испытывала княгиня при видѣ близкихъ людей, добровольно раздѣлявшихъ ея страданія, наконецъ превозмогли нерѣшительность. Сердце ея болѣзненно сжалось, слушая разсказы крестьянъ о томъ, что ближняя рѣчка заливала весною окрестности версты на двѣ или на три въ ширину, и что коротовцы жили въ это время на островѣ, не имѣя почти никакихъ средствъ сообщенія съ сосѣдями; да и послѣ, впродолженіе цѣлаго лѣта, уголокъ этотъ, мало доступный по обилію болотъ и лѣсовъ, оставался далеко въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ.

Екатерина Романовна собралась съ духомъ и поспѣшила написать письмо, пока не наступило еще разлитіе рѣкъ. Она умоляла императрицу ходатайствовать у государя, чтобъ онъ дозволилъ ей воротиться въ Троицкое, и, снисходя къ болѣзненному состоянію, избавилъ ее отъ страшныхъ неудобствъ, которымъ она подверглась на мѣстѣ ссылки. Въ тотъ же пакетъ княгиня вложила другое письмо къ императору, котораго просила, если онъ считаетъ недостойною милости самоё княгиню, облегчить ея страданія ради невинныхъ товарищей заточенія. Письма были отправлены по почтѣ, и читатель легко можетъ вообразить, съ какимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ въ Коротовѣ ожидали отвѣта.

Марья Өедоровна вполнѣ оправдала довѣріе изгнанницы, и тотчасъ передала ея письмо своему супругу. Но государь, услыхавъ, что оно отъ Дашковой, не захотѣлъ даже раскрыть и отправилъ

немедленно курьера съ приказаніемъ: отобрать у княгини перья, бумагу, чернила и строго наблюдать за тѣмъ, чтобъ она ни съ кѣмъ не имѣла сношеній, за исключеніемъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ нею.

Добрая императрица не отступилась, однако, отъ своей попытки послѣ первой неудачи. Она пригласила на помощь извѣстную фрейлину Нелидову. Послѣдняя, выбравъ благопріятную минуту, взяла на руки малютку Михаила Павловича, всунула ему между пальцами письмо Дашковой, и, вмѣстѣ съ императрицею, вошла въ кабинетъ государя. Онъ принялъ письмо изъ рукъ сына, прочиталъ его и обнялъ малютку.

— О, женщины! воскликнулъ онъ:—знаютъ чѣмъ разжалобить!

Дамы поспѣшили выразить свою горячую благодарность; а государь схватилъ перо и тутъ же написалъ слѣдующую записку:

„Княгиня Екатерина Романовна, вы желаете переѣхать въ свое калужское имѣнье—переѣзжайте.

„Доброжелательный вамъ

Павелъ".

Онъ далъ приказъ Архарову тотчасъ отправить въ Коротово другаго курьера, который долженъ былъ воротить съ дороги перваго. Неизвѣстно, съ намѣреніемъ, или по разсѣянности, Архаровъ назначилъ вторымъ гонцомъ фельдъегеря, только-что воротившагося изъ Сибири. Трудно было предположить, чтобъ человѣкъ, проскакавшій безъ отдыха около четырехъ тысячъ верстъ, могъ поспѣть во́-время и остановить грозное извѣстіе, которое готово было поразить бѣдныхъ изгнанницъ. Однако, судьба на этотъ разъ сжалилась надъ ними, и второй гонецъ, сверхъ ожиданія, нагналъ перваго.

Когда курьеръ подъѣхалъ къ хижинѣ, онъ былъ тотчасъ окруженъ любопытными слугами. Екатерина Романовна сама встрѣтила его на крыльцѣ съ миссъ Бетси. Послѣдняя страшно поблѣднѣла и задрожала, при видѣ пакета, который былъ врученъ Дашковой. Она схватила ее за руку и закричала: „Не будемте унывать, дорогая княгиня: и въ Сибири есть Богъ". Когда же та пробѣжала письмо и объявила, что имъ позволено воротиться въ Троицкое, англичанка отъ радости упала въ обморокъ.

Княгиня приказала угостить курьера; но онъ отказался отъ вина и пищи, попросивъ только уголокъ, гдѣ бы могъ спокойно соснуть, потому-что былъ крайне изнуренъ долговременною безсонницею. На

другой день, при отъѣздѣ, онъ получилъ въ подарокъ сумму, вдвое превышавшую его годовое жалованье. Можно представить себѣ, какая радость и какое ликованье произошло теперь въ маленькой колоніи! Она начала дѣятельно готовиться къ обратному пути; но лихорадка миссъ Бетси задержала ее еще на восемь дней въ Коротовѣ. Одна только княгиня сохраняла обычный, серьёзный видъ, и принялась писать письма въ Россію и въ Англію, извѣщая друзей о счастливой перемѣнѣ въ своей судьбѣ.

Наконецъ колонія пустилась въ дорогу; ее напутствовали благословенія туземныхъ жителей, о радушіи которыхъ княгиня вспоминала всегда съ самымъ пріятнымъ чувствомъ. Услужливые крестьяне выслали на нѣсколько станцій перемѣнныхъ лошадей; а потому обратная поѣздка совершилась гораздо скорѣе, нежели путешествіе въ Коротово. На девятый день показалось вдали завѣтное Троицкое. Слуги при этомъ зрѣлищѣ обнаружили сильный и очень понятный восторгъ: каждаго изъ нихъ ожидали тамъ или родственники или друзья. Къ вечеру того же дня передъ глазами путниковъ развернулись берега родной Протвы. Кучеръ первый привѣтствовалъ ее радостнымъ крикомъ, и княгиня подарила ему все, что оставалось въ ея дорожномъ кошелькѣ. Впрочемъ, до дому было еще довольно далеко; растаявшіе снѣга совершенно испортили дороги; пришлось еще разъ переночевать въ чужой деревнѣ, и только на слѣдующій день путешественники достиги Троицкаго.

Тутъ произошла довольно трогательная сцена. Дашкова, по обыкновенію, прежде всего хотѣла помолиться въ храмѣ и приложиться къ иконамъ. Церковь была уже вся наполнена дворовыми людьми и крестьянами, которые собрались изъ 16 окрестныхъ деревень, принадлежавшихъ княгинѣ. Послѣ благодарственнаго молебна, они наперерывъ спѣшили поцаловать руку госпожи и выразить свою радость о ея возвращеніи. Но Екатерина Романовна, какъ ни восхищали ее подобные знаки привязанности, была такъ слаба, что не могла болѣе держаться на ногахъ и просила отложить привѣтствія до другаго времени. Ее почти на рукахъ отнесли прямо въ постель. На другой день отправленъ былъ нарочный въ Москву съ письмами къ брату Александру и другимъ родственникамъ. Отвѣты ихъ были довольно утѣшительны: всѣ близкіе люди счастливо миновали эпоху арестовъ, и всѣ они не замедлили навѣстить Дашкову. Очень непріятно было княгинѣ узнать, что московскій ея домъ и дача обращены въ казармы, и военное начальство распоряжалось въ нихъ

какъ въ казенной собственности. Чтобъ прекратить дальнѣйшіе убытки, она рѣшилась продать и домъ и дачу, хотя ей особенно не хотѣлось разстаться съ послѣднею, потому-что при ней находился прекрасный садъ, за которымъ княгиня ухаживала цѣлыя тридцать лѣтъ.

Въ Троицкомъ Дашкова возвратилась къ своимъ обычнымъ занятіямъ, то-есть вставала очень рано, потомъ гуляла, надзирала за постройками и другими работами; а въ ненастные дни, оставаясь въ комнатѣ, рисовала планы для новыхъ построекъ и садовъ, или занималась чтеніемъ въ своей библіотекѣ. Такъ прошло еще около года, пока княгиня не получила полной свободы жить, гдѣ ей угодно. Это окончательное освобожденіе совершилось слѣдующимъ образомъ:

Князь Дашковъ въ 1798 году пользовался особенною милостью Павла I. Государь часто бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ и даже сердился, когда тотъ не обѣдалъ во дворцѣ. Князь, конечно, не забывалъ о своей матери и очень желалъ бы испросить ей позволеніе жить въ Москвѣ и свободно посѣщать другія помѣстья; но онъ не рѣшался лично обратиться къ государю, а прибѣгнулъ къ посредничеству великаго князя Александра, который и обѣщалъ свое содѣйствіе. Дѣло, однако, почему-то замедлилось.

Однажды Николаи, новому директору академіи наукъ и главному секретарю Марьи Ѳедоровны, случилось быть въ ея кабинетѣ въ то время, когда государыня разговаривала съ Нелидовой о блестящемъ положеніи князя Дашкова при дворѣ и вліяніи, которое онъ пріобрѣлъ на императора. Она выразила удивленіе, почему сынъ не старается употребить своего вліянія для полнаго прощенія матери. Николаи, бывшій въ числѣ пріятелей князя, замѣтилъ тогда, что Дашковъ неоднократно умолялъ его высочество о ходатайствѣ. Директоръ не ограничился этимъ замѣчаніемъ: онъ рѣшился намекнуть дамамъ и на ихъ собственное великодушіе. Свой разговоръ съ императрицею Николаи, конечно, передалъ Дашкову.

Нѣсколько дней спустя, Павла Михайловича посѣтилъ родственникъ его и любимецъ Павла I, князь А. Б. Куракинъ, и объявилъ, что государь назначилъ ему въ подарокъ 5000 крестьянъ. Дашковъ просилъ увѣрить его величество въ своей глубокой признательности и передать ему, что онъ ничего не желалъ бы, кромѣ свободы своей матери.

На слѣдующее утро Куракинъ на гвардейскомъ парадѣ возвѣстилъ Дашкова, что желаніе его исполнилось. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ и

Павелъ I. Дашковъ хотѣлъ упасть передъ нимъ на колѣни, но императоръ предупредилъ его и заключилъ въ свои объятія; тотъ и другой проливали слезы умиленія. Гвардія была безмолвною свидѣтельницею этой трогательной сцены.

Вскорѣ Екатерина Романовна получила отъ князя Куракина слѣдующее письмо:

„Дорогая тётушка! Считаю особеннымъ счастьемъ для себя увѣдомить васъ, по порученью государя, что вы совершенно свободно можете мѣнять мѣстожительства, посѣщать свои деревни, и даже бывать въ столицѣ, но тогда только, когда въ ней не присутствуетъ царская фамилія; въ противномъ случаѣ, вы можете жить за городомъ".

Впрочемъ, милость и довѣріе императора къ князю Дашкову продолжались только до тѣхъ поръ, пока послѣдній находился въ Петербургѣ. Государь, дѣятельно готовившійся къ борьбѣ съ Франціей, хотѣлъ поручить ему корпусъ войскъ, стоявшій въ Кіевской губерніи, и отправилъ его туда съ большимъ полномочіемъ, снабдивъ даже нѣсколькими бланками. Но не прошло и года, какъ Дашковъ получилъ отставку. Въ кіевской крѣпости содержался нѣкто Альтести, родомъ изъ Рагузы, когда-то секретарь и довѣренное лицо князя Зубова. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что употреблялъ солдатъ для обработки земель, подаренныхъ ему покойною императрицею. Дашковъ почему-то принялъ въ немъ участіе, и писалъ къ Лопухину, генералъ-прокурору сената, что Альтести невиненъ и, слѣдовательно, арестованъ несправедливо. Лопухинъ сообщилъ мнѣніе Дашкова императору, но выбралъ для этого дурную минуту. Государь послалъ князю слѣдующую записку:

„Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, до васъ некасающіяся, поэтому увольняетесь отъ службы.

„Павелъ".

Дашковъ отправилъ въ Петербургъ всѣ официальные документы и бланковыя подписи, устроилъ на-скоро свои дѣла въ Кіевѣ и удалился въ тамбовскую деревню.

Конечно, грустью и безпокойствомъ отозвалось это событіе въ Троицкомъ и въ Москвѣ, гдѣ жили родственники и друзья Дашковыхъ. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ уже ничто не отвлекало княгиню отъ ея любимыхъ занятій. Первымъ ея дѣломъ, по полученіи полной свободы, было посѣтить свои помѣстья. Бѣлорусское имѣніе она нашла очень разстроеннымъ: полякъ, управлявшій имъ, надѣялся,

что Дашкову сошлютъ въ Сибирь, и потому нисколько не щадилъ крестьянъ. Княгиня по возможности улучшила ихъ положеніе и ввѣрила управленіе одному изъ своихъ дворовыхъ людей. На возвратномъ пути она довольно долго гостила въ Андреевскомъ, у брата Александра, и, по обыкновенію, не утерпѣла, чтобъ не пересадить въ его садахъ деревья и кусты по своему вкусу. Любимымъ предметомъ ея разговоровъ съ братомъ были современныя политическія событія въ Западной Европѣ и въ особенности печальное состояніе отечества; причемъ они всегда съ грустью вспоминали о блаженныхъ, по ихъ мнѣнію, временахъ Екатерины II. Посреди такихъ бесѣдъ княгиня не разъ высказывала свою увѣренность, что въ 1801 году должна произойдти великая перемѣна. Откуда явилась эта увѣренность—она сама себѣ не могла дать яснаго отчета.

— Ну вотъ и твой обѣтованный годъ наступилъ, сказалъ однажды графъ Воронцовъ.

— Онъ только начинается, замѣтила сестра: —но вы увидите, что мое предсказаніе сбудется прежде его окончанія.

Дѣйствительно, 13 марта 1801 года на престолъ вступилъ Александръ I. Сбывшееся пророчество Дашковой, о которомъ графъ Воронцовъ сообщилъ многимъ лицамъ, возбудило въ Москвѣ толки и разспросы. Княгиня могла отвѣчать на нихъ только то, что пророчество было безсознательное.

Александръ, будучи еще великимъ княземъ, оказывалъ уваженіе Екатеринѣ Романовнѣ; слѣдовательно, вмѣстѣ съ перемѣною въ правленіи должна была измѣниться къ лучшему судьба княгини и ея родственниковъ. Графъ Александръ Романовичъ вскорѣ получилъ приглашеніе воротиться въ Петербургъ и снова принять участіе въ государственной дѣятельности. Въ Троицкое прискакалъ племянникъ княгини, Татищевъ, и привезъ ей также приглашеніе явиться ко двору. Братъ и сестра выразили молодому императору глубокую признательность, однако не спѣшили своимъ отъѣздомъ *). Не ранѣе мая слѣдующаго года прибыли они въ столицу. Но—увы какъ измѣнился дворъ въ эти шесть лѣтъ, которыя княгиня провела въ удаленіи отъ Петербурга! Несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе произвели на Дашкову незнакомыя ей лица, окружавшія государя. То были бо́льшею частью молодые люди, которые рѣшительно не оказывали

*) Въ это время и были составлены графомъ Воронцовымъ извѣстныя „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся Россіи, императору Александру I представленныя“. Чт. Об. и Д. 1859 г., кн. I.

должнаго уваженія къ ветеранамъ екатерининскаго царствованія; новые любимцы, напротивъ, не пропускали удобнаго случая подтрунить надъ ихъ старомодными костюмами и еще болѣе устарѣвшими манерами. Кромѣ того, княгиня замѣтила, что при дворѣ все еще сильно было вліяніе военнаго этикета, заведеннаго Павломъ I. За-то она приходила въ восторгъ отъ молодой императрицы. Дѣйствительно, умъ, образованіе и чрезвычайная кротость Луизы Баденской невольно внушали симпатію всѣмъ ее окружавшимъ. Елизавета Алексѣевна обошлась съ княгинею совершенно подружески, отдавала справедливость ея знакомству съ характерами и обычаями Русскаго народа, и нерѣдко обращалась къ ней за совѣтами. Въ юнѣ Дашкова уѣхала изъ Петербурга, и передъ отъѣздомъ—замѣтимъ мимоходомъ—не упустила случая испросить у государя званіе фрейлины для своей племянницы, дѣвицы Кочетовой, и титулъ камеръюнкера для князя Урусова, который женился на другой ея племянницѣ, Татищевой.

Вслѣдъ затѣмъ, по случаю коронаціи, Дашкова заняла въ банкѣ 44,000 рублей на отдѣлку своего дома въ Москвѣ, на прислугу, туалетъ и экипажи, потому что она хотѣла съ достоинствомъ поддержать честь своей фамиліи во время священной церемоніи. Когда торжественная процесія потянулась въ Кремль, Екатерина Романовна занимала въ ней мѣсто какъ самая старшая статсъ-дама; она сидѣла рядомъ съ принцессой Амаліей, сестрою императрицы, въ экипажѣ, который слѣдовалъ прямо за каретою ихъ величества. Гордость княгини, судя по ея запискамъ, на этотъ разъ была вполнѣ удовлетворена. Она каждый день являлась на придворные праздники и (по ея словамъ) охотно подвергала себя большой усталости для того только, чтобъ оказывать услуги молодой государынѣ, желавшей поближе ознакомиться съ населеніемъ и обычаями нашей древней столицы. Императоръ осыпалъ Дашкову многими знаками своего вниманія и, между прочимъ, принялъ на себя весь ея долгъ въ заемномъ банкѣ.

Наконецъ, праздники прекратились, дворъ уѣхалъ въ Петербургъ, и Екатерина Романовна могла на свободѣ отдохнуть послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма тревожной дѣятельности. Въ началѣ марта она, по обыкновенію, переѣхала въ Троицкое и принялась опять за свои обычныя занятія. Только еще разъ послѣ того княгиня побывала въ родномъ Петербургѣ, когда пріѣзжала туда для свиданія

съ младшимъ братомъ Семеномъ, возвратившимся наконецъ изъ Англіи. Онъ долго жилъ тамъ въ качествѣ русскаго посланника при Екатеринѣ II и частнымъ человѣкомъ въ царствованіе Павла I.

Въ августѣ 1803 года пріѣхала миссъ Мери Вильмотъ, двоюродная сестра леди Гамильтонъ. Эта милая дѣвушка такъ понравилась Дашковой и имѣла такое успокоительное вліяніе, что „ея уединеніе съ тѣхъ поръ могло бы сдѣлаться раемъ, еслибъ *)... впрочемъ, это не зависѣло отъ Мери“.

Той же дѣвушкѣ суждено было оказать важную услугу русской исторической литературѣ: мемуары Дашковой написаны по ея просьбѣ, ей посвящены и ею же изданы (въ 1840 г.). Кромѣ того, записки оканчиваются собственно 1802 годомъ; но разсказы Мери и ея сестры, приложенные къ изданію мемуаровъ, даютъ намъ возможность познакомиться съ дальнѣйшею судьбою Екатерины Романовны, и преимущественно съ ея домашнимъ бытомъ въ послѣдніе годы жизни.

Прежде нежели перейдемъ къ изображенію этого быта, мы еще разъ остановимся на личности нашей героини и попытаемся вывести нѣкоторые результаты изъ ея прошедшей дѣятельности.

Для оцѣнки каждой исторической личности, какъ извѣстно, чрезвычайно-важны различныя замѣтки о ней современниковъ. Отзывы о княгинѣ Дашковой распадаются главнымъ образомъ на два противоположныя мнѣнія. Друзья и почитатели, конечно, превозносятъ ее до небесъ и выставляютъ въ идеальномъ свѣтѣ. Обращики такихъ похвалъ мы уже встрѣчали не разъ въ теченіе нашего разсказа и увидимъ ихъ еще впослѣдствіи. Другіе же современники говорятъ о Екатеринѣ Романовнѣ безъ особеннаго уваженія; а нѣкоторые просто бросаютъ въ нее грязью.

Послушаемъ, напримѣръ, что разсказываетъ о ней одинъ иностранецъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи **).

„Не лишнимъ считаю главу, посвященную русскимъ женщинамъ, заключить нѣсколькими подробностями о княгинѣ Дашковой, которая послѣ Екатерины болѣе всѣхъ русскихъ дамъ возбудила о себѣ толки въ Европѣ. Не буду повторять здѣсь многихъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ анекдотовъ объ этой женщинѣ. Ея дружба съ Екатериною въ послѣдніе годы охладѣла, и размолвка двухъ друзей, которые, впрочемъ рѣдко были согласны между собою, произошла

*) Княгиня, вѣроятно, подразумѣваетъ здѣсь отношенія къ сыну и невѣсткѣ.

**) G. Nachricht. uber Russland, C. M. (Масонъ).

по слѣдующему поводу" (слѣдуетъ приведенный выше разсказъ о трагедіи Княжнина).

„Княгиня уже съ давнихъ поръ сдѣлалась несносна по своему дурному характеру и заслужила общую нелюбовь. Знаменитая героиня революціи 1762 года хвалилась тѣмъ, что она подарила тронъ Екатеринѣ, и въ то же время со всѣхъ знакомыхъ офицеровъ и адъютантовъ собирала дань галунами, или аксельбантами. Любимымъ ея занятіемъ было отдѣлять отъ шелка золото, или серебро, которое она потомъ продавала *). Такимъ образомъ, кто хотѣлъ пріобрѣсти расположеніе княгини, долженъ былъ прежде всего отослать ей всѣ свои старыя тряпки съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Зимой она не приказывала топить залы академіи, и однако требовала, чтобъ члены акуратно посѣщали засѣданія. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, охотнѣе выслушивали ея жосткіе выговоры, чѣмъ соглашались сидѣть въ такомъ страшномъ холодѣ. Княгиня-президентъ (madame le president, какъ ее называли) каждый разъ являлась на засѣданіяхъ, закутанная въ дорогую шубу. Очень оригинально было видѣть эту женщину одну посреди бородатаго духовенства? и русскихъ профессоровъ, которые сидѣли подлѣ нея съ выраженіемъ глубокаго почтенія на лицѣ, хотя въ то же время сильно дрожали отъ холода. Ея обхожденіе съ членами академіи было чрезвычайно гордо и даже грубо; съ учеными она обращалась, повидимому, какъ съ солдатами и рабами.

„Исторія Дашковой съ графомъ Разумовскимъ насмѣшила цѣлый городъ и возмутила всѣхъ умныхъ людей. Княгиня прислала ему дипломъ на званіе академика, между-тѣмъ, какъ онъ совсѣмъ того не желалъ. Нѣсколько времени спустя, велѣла она приготовить для него кипу русскихъ книгъ цѣною на 600 рублей. Графъ не взялъ ихъ, извинившись тѣмъ, что въ его библіотекѣ есть оригиналы этихъ переводовъ **). Когда же княгиня замѣтила ему, что онъ сдѣ-

*) Дѣло идетъ объ извѣстномъ обычаѣ (parfilage), который былъ въ модѣ нѣкоторое время между французскою аристократіею, и отсюда перешелъ въ Россію; слѣдовательно, тутъ еще нѣтъ ничего особенно-предосудительнаго для Дашковой.

**) Здѣсь авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Когда я началъ немного понимать по-русски, то захотѣлъ прочитать нѣкоторыя оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Но, къ великому моему удивленію, въ книгахъ, которыя мнѣ нарочно съ этою цѣлью давали, я часто находилъ только переводъ уже извѣстныхъ мнѣ сочиненій; тогда какъ на заглавномъ листѣ не было сказано о томъ ни слова".

ланъ членомъ академіи съ условіемъ купить ея книги, то Разумовскій отослалъ назадъ дипломъ. Дашкова хотѣла было выставить его глупымъ человѣкомъ, но каждый, напротивъ, находилъ, что въ упомянутомъ случаѣ она сама показала себя съ очень смѣшной стороны. Въ другой разъ она проиграла 30 рублей г. С... и послала ему на слѣдующій день въ уплату долга 30 академическихъ альманаховъ. Подобные поступки, конечно, позорили академію. (Я говорю здѣсь только о грязномъ скряжничествѣ и не хочу разсказывать о ея распутномъ поведеніи (?!).

„Окончательно смѣшною сдѣлалъ княгиню процессъ съ Александромъ Нарышкинымъ, который имѣлъ помѣстье по сосѣдству съ ея землею. Однажды его свиньи поѣли капусту на поляхъ Дашковой, та велѣла ихъ перебить. Когда Нарышкинъ, послѣ того, встрѣтилъ княгиню при дворѣ, онъ громко сказалъ: „Посмотрите, какъ съ нея течетъ кровь моихъ свиней!“.

„Такова была эта знаменитая женщина, которая въ Голландіи подралась съ своей хозяйкой, а въ Парижѣ хотѣла застрѣлить бѣднаго аббата Шапъ *), которую Вольтеръ старался увѣрить въ томъ, что онъ ей удивляется, а нѣмецкіе писатели выставили какимъ-то божественнымъ геніемъ, и которая кончила тѣмъ, что сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ для цѣлой Россіи.“

Мы не знаемъ, имѣлъ ли авторъ какія либо личныя отношенія къ Екатеринѣ Романовнѣ, но сильное преувеличеніе и односторонность его характеристики слишкомъ ярко бросаются въ глаза и заставляютъ сомнѣваться въ его близкомъ знакомствѣ съ княгинею. Что она была очень скупа—въ этомъ согласны всѣ извѣстія; но обвинять ее въ распутствѣ, повторять клевету Рюльера—это очевидная и жестокая несправедливость. Все убѣждаетъ насъ, что авторъ писалъ о Дашковой только на основаніи слуховъ, распространяемыхъ ея врагами.

Гораздо важнѣе для исторіи отзывы другаго современника, очень хорошо знакомаго съ Екатериной Романовной. Мы говоримъ о знаменитомъ поэтѣ XVIII столѣтія, который не разъ входилъ въ личныя отношенія съ княгинею на поприщѣ своей литературной и служебной дѣятельности. Заглянемъ въ его записки и посмотримъ, какимъ тономъ онъ отзывается о нашей героинѣ:

Въ 1789 году Державинъ былъ безъ мѣста и усердно хлопоталъ

---

*) Аббатъ Шапъ издалъ „Voyage en Sibérie“. Въ этой книгѣ онъ изобразилъ русскій бытъ и правленіе Екатерины II въ очень непривлекательномъ видѣ. Замѣчательно, что Дашкова ни слова не говоритъ о немъ въ своихъ „Запискахъ“.

по этому случаю около сильныхъ людей того времени. „Княгиня Дашкова, по старому знакомству чрезъ первую оду Фелицѣ, напечатанную въ „Собесѣдникѣ“, также автора, какъ и прежде, благосклонно принимала и говорила императрицѣ много о немъ хорошаго, твердя безпрестанно съ похвалою о вновь сочиненной имъ одѣ „Изображеніе Фелицы“, чѣмъ вперила ей мысли взять его къ себѣ въ статс-секретари, или, лучше, для описанія ея славнаго царствованія. Сіе княгиня Державину и многимъ своимъ знакомымъ, *по склонности ея къ велерѣчію и тщеславію*, что она много можетъ у императрицы, сама разсказывала. Такое *хвастовство* не могло не дойти до двора и было, можетъ, причиною, что Державинъ болѣе двухъ годовъ еще послѣ того не былъ принятъ въ службу, а особливо на рекомендованный постъ княгинею Дашковою“.

Далѣе, въ 1791 году, происходилъ процессъ между венеціянскимъ посланникомъ, графомъ Мочениго, и государственнымъ банкиромъ, Сутерландомъ: первый отъискивалъ на второмъ 120,000 и просилъ ея величество, чтобъ она приказала разсмотрѣть это дѣло дѣйствительному статскому совѣтнику Державину. „Сколько опослѣ извѣстно стало (прибавляетъ авторъ записокъ), то на сіе настроила его, графа Моценига, княгиня Дашкова изъ какихъ то собственныхъ своихъ разсчетовъ, *безъ которыхъ она ничего и ни для кого не дѣлала*“.

Вотъ еще фактъ, сообщенный тѣмъ же авторомъ. Княгиня Дашкова, бывшая прежде „большою пріятельницею“ съ поэтомъ, вдругъ поссорилась съ нимъ и стала наговаривать на него императрицѣ по слѣдующему поводу: „По просьбѣ на высочайшее имя бывшаго при академіи наукъ извѣстнаго механика Кулибина, докладывалъ онъ государынѣ, не спросясь съ нею, поелику она была той академіи директоромъ, и того Кулибина за какую-то неисполненную ей услугу не жаловала и даже гнала, и выпросилъ ему къ получаемому имъ жалованью 300 рублевъ, въ сравненіи съ профессорами, еще 1500 рублей и казенную квартиру, а также по ходатайству ея за нѣкоторыхъ людей, не испросилъ имъ за какія-то поднесенныя ими художественныя бездѣлки подарковъ и награжденій; хотя это и не относилось прямо до его обязанности, но должно было испрашивать чрезъ любимца. Она такъ разсердилась, что пріѣхавшему ему въ праздничный день съ визитомъ вмѣстѣ съ женою, наговорила, *по вспыльчивому ея, или лучше, сумашедшему нраву*, премножество грубостей, даже насчетъ императрицы, что она подписы-

ваетъ такіе указы, которыхъ сама не знаетъ, и тому подобное, такъ что онъ не вытерпѣлъ, уѣхалъ и съ тѣхъ поръ былъ съ нею незнакомъ; а она, какъ боялась, чтобъ не довелъ до свѣдѣнія императрицы говореннаго ею на ея счетъ, то забѣжавъ, сколько извѣстно было, чрезъ Марью Савишну Перекусихину, приближеннѣйшую къ государынѣ даму, и брата фаворитова, Валерьяна Александровича, и наболтала какіе-то вздоры, которымъ хотя въ полной мѣрѣ и не повѣрили, но поселила въ сердцѣ остуду, которая примѣчена была Державинымъ по самую ея кончину".

Изъ собственныхъ словъ поэта читатель видитъ, что отзывъ его довольно-пристрастенъ: сначала Державинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ княгиней; но, когда писалъ свои воспоминанія, онъ очевидно подчинялся непріятному впечатлѣнію. Въ его запискахъ—замѣтимъ вообще—нерѣдко слышится голосъ человѣка, проникнутаго сознаніемъ своихъ заслугъ, своей прямоты и раздраженнаго мелочною, часто неудачною борьбою съ недостойными, но высоко поставленными личностями. Его замѣтки о современникахъ въ особенности отличаются безпощадностью и жесткостью. Впрочемъ, кромѣ излишней рѣзкости, которая у него иногда естественно переходитъ въ преувеличеніе, мы ничего не можемъ отрицать въ упомянутомъ приговорѣ Державина: здѣсь факты говорятъ сами за себя. Надѣемся, что авторъ ихъ не выдумалъ *).

Итакъ, люди, нерасположенные къ Екатеринѣ Романовнѣ, въ особенности указываютъ на слѣдующія черты ея характера: чрезвычайную скупость, тщеславіе и самолюбіе, раздражительное до крайности; сюда же надобно присоединить и наклонность ея къ придворнымъ интригамъ (**). Ихъ отзывы подтверждаются и тѣми немногими преданіями, которыя намъ удавалось слышать; они вообще говорятъ не въ пользу нашей героини; а почитатели княгини, съ своей стороны, преимущественно выставляютъ на видъ ея тонкій, изобрѣтательный умъ, блестящее образованіе, необыкновенную энергію и горячее, любящее сердце***). Тѣ и другіе могутъ быть

*) „Русская Бѣсѣда" 1859 г. № IV, стр. 299, 312, 338 и 339. Когда читаешь его характеристики, то невольно приходятъ на память извѣстные отзывы Собакевича о главныхъ лицахъ губернскаго города. Тѣмъ не менѣе „Записки" Державина въ высшей степени интересны и составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для русской исторіи, какъ науки.

**) См. Записки Энгельгардта и записки Храповицкаго.

***) Мы разумѣется, мало придаемъ значенія тѣмъ напыщеннымъ похваламъ,

правы: дѣло въ томъ, съ какой точки зрѣнія взглянуть на личность, представлявшую одинъ изъ самыхъ сложныхъ характеровъ. Но безпристрастный судъ потомства долженъ равно взвѣсить обѣ стороны, чтобъ рѣшить, какая изъ нихъ была преобладающею.

Еще при жизни Екатеринѣ Романовнѣ суждено было читать и слышать самыя разнообразныя мнѣнія о своемъ характерѣ и своей дѣятельности. Нападки на слабыя стороны, очень естественно, вызвали у нея попытки защитить собственную репутацію и оправдать свой образъ дѣйствія. Къ такимъ защитительнымъ попыткамъ принадлежитъ одно изъ ея писемъ, адресованное леди Гамильтонъ. Послѣдняя просила княгиню, чтобъ она сама нарисовала свой нравственный портретъ и сравнила бы его съ тѣми портретами, которые уже ходили по рукамъ. Княгиня исполнила желаніе друга и представила ей два параллельные столбца: въ одномъ она записала чужія мнѣнія о себѣ, въ другомъ—собственныя замѣчанія. Авторъ письма, очевидно, старается быть скромнымъ; но въ результатахъ выходитъ, что онъ снимаетъ съ себя всѣ упреки въ тщеславіи, непостоянствѣ, жестокости, скупости и тому подобныхъ порокахъ, приписанныхъ ей *клеветниками*. Замѣтимъ только вообще, что защита ея въ этомъ случаѣ слаба и по большей части не выдерживаетъ строгаго анализа *).

Другую, болѣе замѣчательную попытку защитить свою репутацію отъ разныхъ нареканій представляютъ собственные мемуары княгини. „Относительно содержанія ихъ (говоритъ авторъ) я могу увѣрить, что безпристрастная истина водила моимъ перомъ. Опустивъ нѣкоторыя событія, оскорбительныя для другихъ, я, можетъ быть, не отдала тѣмъ должной справедливости самой себѣ; но отъ этихъ пропусковъ читатель ничего не потеряетъ“.

Екатерина Романовна хочетъ увѣрить читателя въ своемъ безпристрастіи; она предупреждаетъ, что, можетъ быть, не отдала надлежащей справедливости самой себѣ—а между-тѣмъ ея мемуары болѣе всего страдаютъ отсутствіемъ безпристрастія и слишкомъ сильнымъ стараніемъ возвысить себя на счетъ другихъ. Мы вѣримъ тому, что факты, представленные ею, взяты изъ міра дѣйствитель-

которыми осыпали княгиню въ стихахъ современные ей піиты. См. въ „Собесѣдникѣ Л. Р. С.“ стихотвореніе въ честь Дашковой Хераскова. Т. VI. Стансы на учрежденіе Рос. Академіи. IX. Надгробная надпись ея отцу. X. На учрежденіе Рос. Академіи, Княжнина. XI и пр.

*) Приложеніе къ „Мемуарамъ“.

ности, то-есть невымышлены; но для историка важенъ еще вопросъ: въ какомъ свѣтѣ они представлены? А на истинный свѣтъ у княгини Дашковой невсегда можно положиться, въ чемъ убѣждаетъ сличеніе ея разсказовъ съ другими современными свидѣтельствами *). Такъ же ярко бросаются въ глаза: гордое вознесеніе себя выше всего окружающаго, и рядомъ съ нимъ стараніе представиться какою-то жертвою несправедливости или неблагодарности ближнихъ, и это постоянное доведенное до крайности стремленіе оправдывать себя во всѣхъ случаяхъ и обвинять другихъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ замѣтно умолчаніе нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствъ; встрѣчаются и явныя противорѣчія. Напримѣръ, Екатерину II „Записки" при всякомъ удобномъ случаѣ превозносятъ до небесъ и упорно повторяютъ мысль о превосходствѣ ея надъ Петромъ I; а когда дѣло доходитъ до фактовъ, мы только и читаемъ о томъ, какъ Екатерина была несправедлива къ Дашковой, какъ она подчинялась злымъ совѣтамъ ея враговъ и предпринимала иногда мѣры довольно неблагоразумныя. Далѣе, нельзя не пожалѣть отъ души, что авторъ всегда и вездѣ имѣетъ въ виду только свою личность: вниманіе его не останавливается серьёзно надъ событіями, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ; его мало занимаютъ вопросы, волновавшіе современное общество. Всего этого Екатерина Романовна касается слегка, и тамъ только, гдѣ дѣло прямо относится къ ея личности. А между-тѣмъ, при своихъ обширныхъ средствахъ слѣдить за современностью, сколько могла бы она оставить намъ еще богатыхъ матеріаловъ для изученія эпохи!

Итакъ, самую слабую сторону „мемуаровъ", по нашему мнѣнію, составляютъ неискренность и слишкомъ-эгоистичное направленіе. Мы не дѣлаемъ автору серьёзнаго упрека за другіе, болѣе внѣшніе недостатки, каковы: небрежное и мѣстами неясное изложеніе, хронологическую запутанность и вообще отсутствіе тщательной обработки **). Памятники подобнаго рода не могутъ быть подчинены всѣмъ строгимъ требованіямъ чисто-литературнаго произведенія.

*) Тамъ гдѣ были у насъ подъ руками средства провѣрить ея разсказы, мы старались, по возможности, возстановить событія въ настоящемъ ихъ видѣ. Но въ большей части случаевъ, особенно для семейныхъ отношеній княгини, кромѣ ея „мемуаровъ", другихъ источниковъ мы не имѣли; а потому невольно должны были подчиняться взглядамъ автора, ограничиваясь выраженіемъ сомнѣній въ тѣхъ мѣстахъ, которыя казались намъ подозрительными.

**) Поэтому, переводя нѣкоторые отрывки изъ „мемуаровъ", мы не держались буквы подлинника, а старались только передать его смыслъ.

Съ другой стороны, отличительное свойство „Записокъ“ составляютъ: плавность и легкость разсказа, увлекающая читателя; умѣнье схватить характеристическую черту предмета, и такая энергія въ его изображеніи, что читателю трудно сохранить безпристрастіе, трудно не подчиниться вліянію автора и не принять его точку зрѣнія. Наконецъ ка́къ ни мало сообщаетъ намъ Дашкова сравнительно съ съ тѣмъ что̀ она могла бы сообщить, „Записки“ ея все-таки заключаютъ въ себѣ богатые матеріалы для нашей исторіи во второй половинѣ XVIII вѣка и для характеристики современнаго ей общества.

Попытаемся теперь сказать собственное, заключительное мнѣніе о характерѣ и дѣятельности нашей героини.

Всякое историческое лицо, какъ извѣстно, надобно разсматривать и судить не въ отвлеченіи, а въ связи съ обществомъ и обстоятельствами, его окружавшими. Мы знаемъ, какое воспитаніе получила Екатерина Романовна въ домѣ своего дяди; знаемъ, какія свойства обнаружила она въ юномъ возрастѣ. Мы замѣтили въ ней присутствіе воспріимчивой, энергической, вообще богато одаренной натуры и раннюю жажду общественной дѣятельности; но въ то же время нельзя было не замѣтить начатковъ сильнаго честолюбія и сосредоточеннаго эгоизма. Можно было заранѣе предвидѣть, какой характеръ сложится изъ такихъ элементовъ. Позднѣйшія, болѣе благопріятныя обстоятельства и другія болѣе благотворныя вліянія еще могли бы поправить зло и дать благородное направленіе помысламъ нашей героини. Но въ томъ-то и дѣло, что на жизненномъ своемъ пути Екатерина Романовна не встрѣтила ни одной сильной, внушающей уваженіе личности, которая могла бы имѣть на нее благодѣтельное вліяніе и уничтожить вредное дѣйствіе окружавшей ее атмосферы. О мужѣ нечего и говорить. Не съ его умомъ и волею возможно было пріобрѣсти нравственное вліяніе на женщину, съ раннихъ лѣтъ привыкшую дѣйствовать самостоятельно, мечтать о славѣ и считать себя существомъ необыкновеннымъ. Да къ тому же онъ слишкомъ скоро умеръ, и княгиня Дашкова пріобрѣла независимость въ своемъ образѣ дѣйствій. Единственное лицо, которое имѣло на нее серьёзное вліяніе, это— Екатерина. Но мы видѣли, что дружба со стороны послѣдней была основана на разсчетѣ, и не только не оказала благотворнаго дѣйствія, а, напротивъ, повела къ результатамъ довольно печальнымъ. Она сдѣлала Дашкову героинею громкаго переворота и возбудила въ ней огромныя надежды, которыя окончились горькимъ разочарованіемъ.

Потерявъ любимаго мужа, находясь подъ бременемъ высочайшей

немилости и въ довольно затруднительныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, Екатерина Романовна не сдѣлалась болѣе кроткою, менѣе гордою и честолюбивою; она не смирилась духомъ, а только затаила поглубже свое чувство оскорбленнаго самолюбія. За границей Дашкова, повидимому, вся была погружена въ изученіе цивилизаціи и воспитаніе своихъ дѣтей; на языкѣ у нея постоянныя фразы о гуманномъ направленіи вѣка, о суетѣ земныхъ почестей—а между тѣмъ ядъ честолюбія не даетъ ей покоя; онъ слишкомъ глубоко проникъ въ ея душу. Къ собственнымъ эгоистическимъ стремленіямъ прибавляется новая забота: о блестящей карьерѣ сына. Стремленія эти пересилили гордую натуру, любившую независимость: она научилась льстить и лицемѣрить. Отчасти благодаря подобнымъ качествамъ, а отчасти своей внѣшне-европейской образованности, княгиня Дашкова заняла видное мѣсто между государственными людьми екатерининскаго вѣка. Мы не думаемъ отрицать ея академическихъ заслугъ: она во многихъ отношеніяхъ улучшила ввѣренныя ей учрежденія, а своими періодическими изданіями много способствовала оживленію русской литературы. Это, безспорно, самая утѣшительная сторона ея дѣятельности. Жаль только, что она никогда не могла отдаться ей вполнѣ, нераздѣльно и безкорыстно; не могла тоже пожертвовать своею страстью къ эффекту, своимъ тщеславіемъ и педантизмомъ. На первомъ планѣ у нея всегда стояли придворныя отношенія. Она усердно хлопочетъ о томъ, чтобъ сблизиться съ Екатериною и пріобрѣсти большое значеніе при дворѣ. Въ этомъ случаѣ княгиня жертвуетъ своею гордостью и прямотою, принимая участіе въ разныхъ мелочныхъ сплетняхъ и интригахъ (хотя о послѣднемъ обстоятельствѣ „Записки“ умалчиваютъ; но современники изобличаютъ передъ нами эту неблагородную черту). Она льститъ Потемкину *) и ухаживаетъ за довѣренными женщинами императрицы (напримѣръ, за Марьей Савичной Перекусихиной, о которой „Записки“ также почти не упоминаютъ). Конечно, не съ ея нравственнымъ организмомъ можно было устоять противъ извѣстной атмосферы!

Новое, жестокое разочарованіе постигаетъ княгиню: сынъ, на котораго она возлагала большія надежды, оказался самымъ дюжиннымъ. Мало того, за всѣ неусыпныя попеченія матери онъ заплатилъ холодностью и недовѣріемъ, и своею женитьбою нанесъ сильный

*) Дашкова не признается и въ этомъ; но мы знаемъ, напримѣръ, что, по ея просьбѣ, Державинъ написалъ оду къ „Рѣшемыслу“.

ударъ ея аристократическимъ претензіямъ. Слишкомъ натянутыя отношенія къ императрицѣ заставляютъ Дашкову покинуть дворъ. Затѣмъ слѣдуетъ грозная опала императора и ссылка въ отдаленную, глухую деревню. Для иного человѣка достаточно было бы такихъ ударовъ, чтобъ сокрушить и гордость его и тщеславіе; но Екатерина Романовна возвращается изъ ссылки такою же гордою, какъ и прежде; страданія не смягчили, а, напротивъ, закалили душу ея; она еще глубже прониклась сознаніемъ своего превосходства надъ другими и убѣжденіемъ въ несправедливости къ ней судьбы и ближнихъ.

Почитатели княгини Дашковой говорили, что она стоитъ выше современнаго общества, что она опередила свой вѣкъ (напр. письмо аббата Рэналь). Мы видимъ въ этомъ чистую лесть, слѣдствіе личныхъ отношеній, и тѣмъ болѣе непріятную лесть, что княгиня отъ души ей вѣрила. Екатерина Романовна дѣйствительно стояла выше современныхъ ей общественныхъ предразсудковъ; но въ чемъ же?—въ мелочахъ. Такъ она не хотѣла подчиняться многимъ нелѣпымъ требованіямъ моды, не позволяла себѣ класть на лицо бѣлила, одѣвалась очень просто и т. п. Мы не говоримъ о ея любви къ литературѣ и искусству. Для насъ важно вліяніе этой любви на убѣжденія и характеръ дѣятельности. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ княгиня говоритъ: „Самымъ лучшимъ правленіемъ я всегда считала ограниченную монархію, гдѣ государь подчиняется законамъ и въ нѣкоторомъ отношеніи отвѣчаетъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія“. (Очевидно, она подразумѣваетъ здѣсь аристократическую Англію, къ которой постоянно питала особенную привязанность). Но что значатъ подобныя фразы рядомъ съ разсужденіемъ о крѣпостномъ сословіи, когда Екатерина Романовна старалась доказать философу Дидро, что нашъ крестьянинъ недостоинъ гражданской свободы, потому что онъ не образованъ *)? Мы смѣло причисляемъ Екатерину Романовну къ тѣмъ мнимымъ либераламъ, которые горячо требуютъ свободы—только для самихъ себя, и относительно гуманныхъ принциповъ никакъ не можемъ поставить ее рядомъ съ двумя современниками: Радищевымъ, о которомъ она отзывается такъ холодно, почти презрительно, и Новиковымъ, о которомъ „Записки“ даже и не упоминаютъ. Не говоримъ о Сиверсѣ и немногихъ другихъ государственныхъ людяхъ екатерининскаго царствованія, дѣйствительно

*) Въ этомъ случаѣ она повторяла мнѣніе, которое господствовало въ нашемъ помѣщичьемъ классѣ. Точно такую же мысль высказалъ и Державинъ, будучи министромъ юстиціи въ 1803 году. См. его „Записки“.

поднимавшихся надъ уровнемъ массы. Нѣтъ, героиня наша не привыкла задумываться надъ вопросами о народномъ благѣ; ее не волновали самые существенные интересы общества, хотя, какъ умная женщина, она иногда мѣтко угадывала его недостатки и остро умѣла надъ ними подсмѣяться. Положимъ, княгиня была дѣятельнымъ начальникомъ академіи, заботливою матерью, хорошею по тому времени помѣщицею (если судить по собственнымъ разсказамъ), но до высшихъ, благороднѣйшихъ стремленій она не поднималась. Какъ женщина, существо по преимуществу любящее и страдающее, она не можетъ возбудить въ насъ столько участія, сколько возбуждаетъ старшая ея современница и знаменитая страдалица Наталья Борисовна Долгорукая.

Недостатокъ твердыхъ, вполнѣ сознанныхъ и глубоко прочувствованныхъ убѣжденій, которыя были бы основаны на разумныхъ, гуманныхъ началахъ, неясность нравственнаго идеала, къ которому Екатерина Романовна стремилась приблизиться, при сильныхъ, живыхъ способностяхъ души, положили свою обычную печать на характеръ всей ея дѣятельности. Это что-то порывистое, постоянно тревожное, непроизводящее ничего прочнаго; это жизнь, озаренная не спокойнымъ и яснымъ свѣтомъ возвышенной идеи, а какимъ-то неровнымъ, обманчивомъ блескомъ.

Конечно, было бы слишкомъ строго съ нашей стороны осуждать Екатерину Романовну Дашкову, за то, что она не соотвѣтствуетъ идеалу женщины, выработанному XIX столѣтіемъ. Мы хотѣли только показать, что ея развитіе немногимъ чѣмъ было выше того нравственнаго уровня, на которомъ стояла масса нашей столичной аристократіи во второй половинѣ XVIII вѣка, между тѣмъ, какъ была полная возможность дальнѣйшаго движенія для людей, незараженныхъ сильнымъ эгоизмомъ; на эту возможность указываютъ приведенныя имена ея современниковъ.

Итакъ, мы болѣе всего вооружаемся на Дашкову за излишнее самовосхваленіе, за страшный эгоизмъ, и вооружаемся тѣмъ серьезнѣе, что эта женщина дѣйствительно владѣла чудными способностями, и при другомъ направленіи, при другихъ убѣжденіяхъ могла бы явиться благодѣтельницею своихъ ближнихъ.

Вотъ какими словами оканчиваетъ она „Записки“:

„Въ заключеніе скажу, что я съ своей стороны, сдѣлала все доброе по силамъ и никому не сдѣлала зла; единственнымъ орудіемъ моей мести за всю несправедливость, интриги и клеветы, введен-

ныя противъ меня, было забвеніе или презрѣніе. Я исполнила свой долгъ такъ, какъ въ состояніи была понять его; съ честнымъ сердцемъ и чистыми намѣреніями я вынесла много сокрушительныхъ ударовъ, и еслибъ неподдерживала меня безупречная совѣсть, я, конечно, пала бы подъ ними. Наконецъ скажу, что я смотрю на свою близкую смерть безъ страха и тревоги".

И ни одного слова раскаянья, ни даже малѣйшаго сомнѣнія въ своихъ нравственныхъ достоинствахъ!

Первые годы XIX столѣтія—послѣдніе годы ея жизни—Екатерина Романовна проводитъ или въ деревнѣ, или въ Москвѣ. Пользуясь благосклонностью молодаго государя и раболѣпіемъ окружавшаго ее общества, она даетъ полную волю своимъ претензіямъ на почести и на уваженіе къ ея прошлымъ заслугамъ. Постоянное высокомѣріе, разсчетливость, давно уже перешедшая въ скупость, обычный педантизмъ и деспотическое обращеніе съ людьми, хоть сколько нибудь отъ нея зависѣвшими—вотъ характеристическія черты, съ которыми представляется намъ образъ княгини Дашковой въ 60 лѣтъ.

Образъ, конечно, далеко неутѣшительный, черты отталкивающія. А между тѣмъ, въ старушкѣ есть что то невольно привлекающее вниманіе, что то вызывающее даже на симпатію и пристрастіе. Это, вопервыхъ, обаяніе знаменитости, интересъ къ человѣку, о которомъ много говорили и писали—всегда и вездѣ повторяющееся явленіе, а вовторыхъ, въ самой личности сохранились еще нѣкоторыя привлекательныя качества, именно живое, блестящее остроуміе, и теплое сосредоточенное чувство, всегда готовое вспыхнуть и пробиться сквозь ледяную кору тщеславія и эгоизма. Хорошо становилось людямъ, которые умѣли пріобрѣсти довѣріе и дружбу старушки: она раскрывала передъ ними скрытыя для другихъ сокровища своей богатоодаренной натуры и заставляла забывать существовавшее противъ нея предубѣжденіе. Но этими качествами она не подкупитъ приговора исторіи.

VI.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.

Пріѣздъ младшей Вильмотъ и дружба съ Екатериной Романовной.—Старшая сестра и ея первыя впечатлѣнія въ Россіи. — Домашній бытъ княгини. — Поѣздка въ Москву. — Верхній слой московскаго общества въ началѣ XIX-го столѣтія. — Сплетни. — Смерть князя Дашкова. — Отъѣздъ сестеръ Вильмотъ въ Англію. — Заключеніе.

Въ Коркѣ, на южномъ берегу Ирландіи, живетъ почтенное семейство Вильмотъ, находящееся въ близкомъ родствѣ съ леди Гамильтонъ. Оно состоитъ изъ отца, сына и двухъ дочерей. Екатерина и Мери вполнѣ заслуживаютъ названіе добрыхъ, умныхъ и прекрасно воспитанныхъ дѣвушекъ. Характеромъ, впрочемъ, онѣ не похожи другъ на друга: старшая отличается веселымъ, откровеннымъ нравомъ, живостью своихъ манеръ и значительнымъ запасомъ юмора; а младшая болѣе сосредоточена въ самой себѣ, нѣсколько сантиментальна и задумчива.

Въ 1802 году семейство это было поражено сильнымъ горемъ *). Молодой Вильмотъ служилъ во флотѣ, и карьеву свою началъ довольно счастливо: въ девятнадцать лѣтъ онъ сдѣлался командиромъ военной шлюпки, которая стояла въ Вестиндскомъ Архипелагѣ. Отецъ уже мечталъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ горячо любимаго сына, какъ вдругъ получилъ роковое извѣстіе: его Чарльзъ погибъ отъ желтой лихорадки. Съ той поры уныніе и печаль заступили въ его домѣ мѣсто тихихъ семейныхъ радостей. Подлѣ отца, изъ дѣтей оставалась только одна Мери, которая усердно старалась облегчить его грусть. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣвушка пожелала, наконецъ, сколько нибудь разсѣять самоё себя и удалиться на нѣкоторое время отъ мѣста, въ которомъ всѣ ее окружавшіе напоминали ей недавнюю потерю; она остановилась на мысли о путешествіи. Увлекательныя письма старшей миссъ Вильмотъ, находившейся во Франціи, пробудили въ душѣ ея сестры сильное желаніе посѣтить незнакомыя страны. Леди Гамильтонъ напомнила тогда своей родственницѣ о княгинѣ Дашковой. Будучи еще дитятей,

---

*) Дальнѣйшій разсказъ заимствованъ изъ письма Мери Вильмотъ къ лорду Гленберви. Приложеніе къ „Мемуарамъ“.

Мери съ любопытствомъ прислушивалась къ воспоминаніямъ леди о русской княгинѣ и къ анекдотамъ, которые ходили о ней въ нѣкоторыхъ кружкахъ англійской аристократіи, и потому воображеніе дѣвушки уже давно привыкло представлять себѣ Дашкову какою то необыкновенною женщиною. Понятно отсюда, съ какимъ чувствомъ принято было предложеніе Гамильтонъ посѣтить ея друга и провести годъ или два въ его сельскомъ уединеніи. Мери отъ души благодарила добрую кузину и обнаружила только сомнѣніе на счетъ отцовскаго согласія. Дѣйствительно, цѣлый годъ почти прошелъ въ переговорахъ; старикъ сначала отказалъ на отрѣзъ; но ходатайствомъ мистрисъ Гамильтонъ дѣло было улажено; къ ея убѣжденіямъ присоединились и просьбы Екатерины Романовны, которая не разъ писала отцу о своемъ нетерпѣніи обнять дочь его.

Весною 1803 года миссъ Вильмотъ сѣла на корабль. Сначала она заѣхала въ Дублинъ, гдѣ нѣсколько недѣль провела въ домѣ Гамильтонъ, потомъ переправилась въ Лондонъ и познакомилась тутъ съ семействомъ графа Семена Романовича Воронцова, которое снабдило ее рекомендательными письмами въ Петербургъ. Наконецъ, послѣ трехнедѣльнаго благополучнаго плаванія, въ одинъ ясный іюльскій день молодая ирландка очутилась на берегахъ Невы. Докторъ Рожерсонъ, старый другъ ея семейства, немедленно прибылъ на корабль и отвезъ ее въ домъ Полянской. Племянница Дашковой приняла гостью очень радушно и поспѣшила ввести ее въ кругъ своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Но тутъ же, въ Петербургѣ, путешественница должна была выдержать цѣлый потокъ самыхъ неутѣшительныхъ предсказаній о томъ, что ожидало ее въ Троицкомъ. И русскіе и англичане изображали ей княгиню Дашкову особою съ необузданнымъ, жестокимъ и мстительнымъ характеромъ, способною только отравлять существованіе окружавшихъ ее людей, а не устроивать ихъ счастье. Говорили, что она живетъ въ угрюмомъ замкѣ посреди скучнаго уединенія, вдали отъ образованнаго общества, что, деспотически господствуя у себя въ домѣ, она непремѣнно будетъ распечатывать письма своей гостьи и уничтожать въ нихъ все невыгодное для собственной личности—словомъ, Екатерину Романовну старались представить чѣмъ то въ родѣ фуріи. Такія предсказанія, разумѣется, произвели на дѣвушку очень непріятное впечатлѣніе. Она догадывалась, что въ подобныхъ разсказахъ много преувеличенія; но ее устрашала ужь и та мысль, что въ основѣ ихъ должна всегда лежать частица правды. Нѣкоторое время она даже думала

воротиться въ Англію и только послѣ сильной внутренней борьбы рѣшилась продолжать свой путь.

Въ печальномъ, безпокойномъ настроеніи духа миссъ Мери пріѣхала въ Москву и познакомилась здѣсь съ княземъ Дашковымъ. Замѣтивъ грусть на лицѣ дѣвушки, князь очень откровенно началъ говорить о своей матери; предупредилъ, что она имѣетъ нѣкоторыя странности, между прочимъ, рѣзкую прямоту характера, надѣлавшую ей много враговъ, и, въ заключеніе, предсказалъ, что княгиня непремѣнно полюбитъ гостью, какъ свою родную дочь. Любезность Павла Михайловича нѣсколько успокоила путешественницу и разсѣяла отчасти ея опасенія. На другой или на третій день не безъ душевнаго волненія подъѣхала она къ крыльцу уединеннаго помѣщичьяго дома, на который все еще смотрѣла, какъ на свою будущую темницу. Окрестности показались ей довольно пустынны, и домъ по наружной обстановкѣ дѣйствительно напоминалъ замокъ или монастырь. Ворота и двери были настежь отворены, и когда дѣвушка проходила длиннымъ рядомъ комнатъ, изъ всѣхъ дверей выглядывали лица прислуги, съ любопытствомъ смотрѣвшія на пріѣзжую иностранку.

Наконецъ показалась и сама владѣтельница замка въ образѣ небольшой старушки; оригинальная физіономія и странный костюмъ ея произвели сильное впечатлѣніе на молодую англичанку. Дашкова встрѣтила гостью въ длинномъ суконномъ сюртукѣ съ большой серебряной звѣздой на груди; голова ея была покрыта ночнымъ колпакомъ, а шея повязана цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ, чрезвычайно поношеннымъ. Двадцать лѣтъ назадъ, леди Гамильтонъ во время прогулки надѣла этотъ платокъ на шею друга для защиты отъ сыраго вечерняго воздуха: съ тѣхъ поръ княгиня берегла его какъ самую завѣтную вещь и въ деревнѣ почти постоянно носила на себѣ. Но странность костюма скоро была забыта подъ вліяніемъ самаго теплаго, родственнаго пріема. Сильная, отрывистая рѣчь княгини на англійскомъ языкѣ и разспросы объ Англіи пришлись очень по сердцу сентиментальной Мери; она на нѣсколько минутъ вообразила себя на родинѣ, въ кругу своихъ домашнихъ и друзей.

Съ той поры общая симпатія къ англійскому народу, общіе взгляды на многія стороны жизни и умная, откровенная бесѣда начали быстро развивать въ дѣвушкѣ глубокую привязанность и уваженіе къ Дашковой. Уже въ первый день по пріѣздѣ, ей совѣстно было

вспомнить о своихъ недавнихъ опасеніяхъ, возбужденныхъ петербургскими толками. Между этими двумя женщинами, столь несходными по лѣтамъ и характеру, скоро завязалась самая тѣсная дружба. Кроткая Мери съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе подчинялась вліянію старушки, которая полюбила ее такъ нѣжно и такъ страстно, какъ могутъ любить только въ юношескіе годы. Княгиня старается доставить своему молодому другу всѣ удовольствія, находящіяся въ ея распоряженіи. Она спѣшитъ представить англичанку своимъ роднымъ и знакомымъ, чаще обыкновеннаго созываетъ гостей и сама предпринимаетъ различныя поѣздки. Послушаемъ, въ какихъ словахъ миссъ Мери передаетъ впечатлѣніе, произведенное на нее первымъ зимнимъ путешествіемъ изъ Троицкаго:

„Какъ только установился снѣжный путь, княгиня собралась въ Москву. Въ день отъѣзда съ ранняго утра начались дѣятельныя приготовленія, сопровождавшіяся шумомъ и суетою. Когда были поданы экипажи, Екатерина Романовна со всей своею дворнею и съ толпою крестьянъ вошла въ церковь, приложилась къ иконамъ и помолилась о благополучномъ путешествіи. Мы выѣхали въ такой сильный морозъ, что стѣнки и потолокъ возка покрывались ледяными каплями отъ нашего дыханія.

„Кибитки, въ которыхъ сидѣла прислуга, очень походили на дѣтскія колыбели большихъ размѣровъ, снабженныя перинами, одѣялами и прочими принадлежностями постели; онѣ были теплѣе и удобнѣе нашей кареты. Березы—это обычное украшеніе русскаго ландшафта—на вѣтвяхъ своихъ, покрытыхъ снѣгомъ и ледяными струйками, ярко отражали игру солнечныхъ лучей и развлекали глазъ, утомленный однообразіемъ бѣлой пустыни. Темные лѣса, окаймлявшіе горизонтъ, и деревья, опушенныя снѣгомъ, походили на какихъ-то разодѣтыхъ фей и представляли для меня такой необыкновенный, величественный видъ, что я забывала о холодѣ. Самый возокъ, двигавшійся на полозьяхъ по снѣжному полю подобно кораблю, плывущему по морю, показался мнѣ оригинальною новостью, которая значительно уменьшала дорожную скуку.

„Первую ночь мы провели въ Серпуховѣ. Здѣсь у княгини былъ собственный домъ, и посланные напередъ слуги приготовили все необходимое для нашего удобства. Городскія власти немедленно явились съ поклономъ. Я какъ теперь вижу передъ собой княгиню, бодрую и неутомимую, которая ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ

съ городничимъ, и, увлекаясь разговоромъ, забываетъ о томъ, что ужь подали ужинъ, и что ея молодыя спутницы, полусонныя и голодныя, ждутъ не дождутся, когда уйдутъ посѣтители *).

„Къ вечеру слѣдующаго дня мы прибыли въ Москву. На позолоченыхъ главахъ церквей догорали послѣдніе солнечные лучи. Домъ княгини, выстроенный по собственному ея плану—прекрасное, но еще неоконченное зданіе. Помѣщеніе, назначенное мнѣ, благодаря ея нѣжной предупредительности, изъ необитаемыхъ мрачныхъ комнатъ превратилось въ цѣлый рядъ изящно убранныхъ и теплыхъ покоевъ, снабженныхъ фортепьяно, цвѣтами, книгами, письменнымъ столикомъ и, въ добавокъ, портретомъ хозяйки—трогательный знакъ ея вниманія. Еще въ Троицкомъ она взялась учить меня французскому языку, который въ русскомъ обществѣ рѣшительно необходимъ. Съ этою цѣлью я каждое утро, въ видѣ упражненія, писала ей письмо и получала его назадъ исправленнымъ. Такая корреспонденція продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, и я до сихъ поръ тщательно сохраняю листки съ поправками и замѣчаніями княгини на память о ея любви и нѣжныхъ попеченіяхъ.

„Едва наше прибытіе сдѣлалось извѣстнымъ, какъ домъ Дашковой наполнился посѣтителями, которымъ я была представлена въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Здѣсь для меня все казалось ново: манеры, языкъ, костюмы, препровожденіе времени и пр.; притомъ же въ отношеніи ко мнѣ, всѣ были такъ добры, что я считала себя вполнѣ счастливой.

„Мы очень часто обѣдали въ гостяхъ, и почти каждый вечеръ проводили на балахъ, въ концертахъ или другихъ общественныхъ собраніяхъ. Когда же оставались дома, у княгини собирался кружокъ, состоявшій преимущественно изъ ветерановъ екатерининскаго царствованія. Блистая своими брильянтовыми звѣздами, они любили вспоминать о великолѣпіи прошлой эпохи, о своихъ похожденіяхъ, и какъ будто молодѣли при этихъ воспоминаніяхъ. Я съ удовольствіемъ смотрѣла на княгиню, окруженную ея современниками. Она казалась тогда существомъ совершенно другаго разряда. Между тѣмъ, какъ старики были размалеваны въ бѣлый и красный цвѣтъ, покрыты брильянтами и кружевами, она отличалась свѣжестью своего лица, никогда незнавшаго бѣлилъ, и оригинальною просто-

*) Кромѣ Вильмотъ, у Дашковой жила въ то время одна изъ ея племянницъ—Исленьева.

тою костюма, который такъ гармонировалъ съ выраженіемъ ея физіономіи.

„Кромѣ упомянутыхъ развлеченій, мы предпринимали иногда прогулки въ саняхъ и катались съ горъ. Вообще эта зима была для меня безпрерывнымъ рядомъ удовольствій и пролетѣла очень быстро; къ веснѣ же мы воротились опять въ Троицкое. Впослѣдствіи я узнала, что княгиня уже нѣсколько лѣтъ по вечерамъ никуда не выѣзжала, и что единственно для меня она пожертвовала своими привычками. Объ этомъ сообщилъ мнѣ князь Дашковъ, который жилъ въ Москвѣ, въ своемъ собственномъ домѣ, совершенно отдѣльно отъ матери *). Онъ нерѣдко бывалъ у нея и оказывалъ ей то глубокое уваженіе, которое составляетъ достойную замѣчанія черту у русскихъ въ отношеніи дѣтей къ родителямъ. Князь, бывшій прежде идоломъ своей матери, женился очень рано и притомъ безъ ея позволенія, почему она и не хотѣла признать жену его своею дочерью. Супружество впослѣдствіи оказалось несчастливо: княгиня Анна удалилась въ одно изъ мужниныхъ помѣстій, и они уже нѣсколько лѣтъ не жили вмѣстѣ, впрочемъ, находились въ постоянной перепискѣ другъ съ другомъ“.

Далѣе мы приведемъ изъ разсказовъ Мери то мѣсто, которое касается нѣкоторыхъ привычекъ и убѣжденій княгини Дашковой:

„Она обыкновенно берегла каждую бездѣлицу, дорогую ей по воспоминаніямъ, и, какъ бы послѣдняя ни была ничтожна, хранила ее вмѣстѣ съ драгоцѣнными вещами въ разныхъ шкатулкахъ, стоявшихъ у нея въ спальнѣ. Когда случалось намъ открывать какую-нибудь изъ нихъ, глазамъ представлялась самая пестрая коллекція: медали, дорогіе камни, пузырьки съ духами, антики, камеи, табакерки, англійскіе наперстки и шестипенсовая монета, миньятюры и разнаго рода сувениры подавали поводъ ко многимъ интереснымъ воспоминаніямъ. Княгиня подарила мнѣ нѣсколько вещицъ, замѣчательныхъ какъ по способу, который она употребляла, чтобъ предложить ихъ въ подарокъ, такъ и по разсказаннымъ при этомъ случаѣ эпизодамъ.

„Однажды это былъ драгоцѣнный опалъ, принадлежавшій нѣкогда шведской королевѣ Христинѣ, въ другой разъ наперстокъ или упо-

---

*) Князь Дашковъ въ то время служилъ московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. О немъ упоминаетъ „Дневникъ студента“ съ 1805 по 1807 г. Изъ „Дневника“ видно, что Дашковъ сдѣлался весьма тученъ, но, по прежнему, на балахъ былъ изъ первыхъ танцоровъ.

мянутая шестипенсовая монета, миньятюра или бирмингэмскій альманахъ, имѣвшій форму медали съ бюстомъ Шекспира на оборотной сторонѣ; иной разъ въ мои руки переходили часы Петра-Великаго или табакерка ея крестной матери, Елизаветы Петровны.

„Однимъ изъ послѣднихъ подарковъ былъ старый вѣеръ (тотъ самый, который Екатерина оставила ей на память о первомъ свиданіи). Эту маленькую вещицу княгиня цѣнила выше всѣхъ другихъ, гораздо-болѣе дорогихъ подарковъ императрицы, и даже хотѣла положить ее съ собою въ гробъ. Разсказавъ мнѣ исторію вѣера, она съ нѣжностью прибавила:

— „Теперь вы поймете, какъ велика моя любовь: я дарю вамъ такую вещь, которая должна была пойдти со мной въ могилу".

„Я имѣла обыкновеніе на бумагѣ излагать небольшіе эпизоды и черты изъ жизни княгини, которые она вспоминала во время нашихъ бесѣдъ. Эти бесѣды никогда не были для меня такъ интересны, какъ въ тѣ минуты когда заходила рѣчь о религіи. Сама княгиня и все ея семейство строго соблюдали правила господствующей церкви. Въ интимныхъ разговорахъ она нерѣдко выказывала просвѣщенный взглядъ на многочисленные обряды греческой вѣры и на большинство русскаго духовенства; во время же богослуженія я часто видала ее проливающею обильныя слезы. Даже нѣкоторая примѣсь суевѣрія придавала ея религіозному настроенію какой-то поэтическій оттѣнокъ. Но поступками ея руководило другое, высшее начало: она вѣрила въ будущую жизнь, безропотно подчинялась испытаніямъ, которыя посылало ей Провидѣніе, и прямо, не сгибаясь шла по пути своихъ обязанностей.

„Однажды поразили меня слѣдующія слова княгини:

— „Я видѣла много людей, одушевленныхъ великою вѣрою, и знала много ревностно-исполнявшихъ обряды, но не встрѣчала никогда человѣка, котораго мысли о величіи и благости Творца равнялись бы тому, что я чувствую. Не хочу низводить это чувство до обыкновенныхъ понятій толпы, которая ставитъ божество на одну ступень съ собою. Не думаю, чтобъ Творецъ руководилъ каждымъ моимъ поступкомъ. Я вѣрю, напротивъ, что Всемогущій, сотворивъ насъ и одаривъ сознаніемъ дорба и зла, далъ намъ полную свободу дѣйствія; иначе, гдѣ же была бы справедливость? Вполнѣ вѣруя, что награда или наказаніе въ будущей жизни зависитъ отъ различнаго употребленія нашей свободы въ настоящей, я рано привыкла размышлять о своемъ назначеніи и своихъ обязанностяхъ, усердно

старалась исполнить ихъ, и если не достигла цѣли, то виновато заблужденіе разсудка. Я неизмѣнно слѣдовала своимъ понятіямъ о правдѣ тамъ, гдѣ ей противорѣчили мірскія выгоды, и надежда быть оправданной въ день великаго суда поддерживаетъ меня въ часы страданія и изнеможенія“.

„Въ другой разъ она замѣтила:

— „Разговаривая съ новѣйшими философами и атеистами, я не могла удержаться, чтобъ не сказать имъ: „Къ-чему жь все это приведетъ?“ Я недовольно-краснорѣчива, чтобъ доказать вамъ истинну, но во мнѣ живетъ сознаніе, которое подкрѣпляетъ меня. Моя вѣра тверда, и ваши умствованія не поколеблютъ ея. Да и что́ я выиграю, еслибъ было иначе? Я рискнула бы всѣмъ для того, чтобъ ничего не получить. Если ваши убѣжденія хороши и справедливы, то ученіе Новаго Завѣта еще превосходнѣе: какую награду, какое благородное побужденіе представляетъ оно для добродѣтели, сколько утѣшенія для несчастныхъ!

Добрая мисъ Мери! она передаетъ все это такимъ тономъ, какъ-будто хочетъ выставить передъ нами княгиню Дашкову образцомъ христіанской добродѣтели, а разсужденія ея—образомъ хритстіанской логики. Пользуясь горячею любовью княгини, осыпанная знаками нѣжнаго вниманія, она принимаетъ за чистое золото блёстки ея игриваго ума и ея краснорѣчивыя фразы. А между-тѣмъ вдали отъ Троицкаго, въ какой-то деревенской глуши, живетъ бѣдная невѣстка, покинутая мужемъ, но продолжавшая его любить попрежнему. Миссъ Вильмотъ не останавливается надъ судьбою этой женщины, которую княгиня не только не соглашалась признать своею дочерью, но даже не хотѣла и слышать о ней, а все потому, что она была незнатнаго рода! Гдѣ жь тутъ христіанская философія? Хороша также и вѣра на всякій случай!

Осенью 1804 года наша героиня приступила къ изложенію своихъ „Мемуаровъ“. Екатерина Романовна, какъ мы знаемъ, любила вспоминать о прошломъ времени, о событіяхъ, въ которыхъ была дѣйствующимъ лицомъ, и нерѣдко увлекала молодую англичанку своими интересными разсказами. Миссъ Вильмотъ не разъ выражала удивленіе, почему княгиня до сихъ поръ не записала для потомства поучительную исторію своей жизни. Та съ улыбкой отвѣчала, что и другіе уже просили ее объ этомъ, но что подобная работа ей не по-сердцу. Послѣ поѣздки въ Круглово, совершенной лѣтомъ того же года, Мери убѣдительно просила Дашкову приняться за мемуары

и усердно доказывала, что это занятіе будетъ для нея новымъ благороднымъ источникомъ развлеченія. Екатерина Романовна наконецъ согласилась и объявила, что мемуары свои посвящаетъ самой Мери, которая впослѣдствіи можетъ издать ихъ въ свѣтъ *).

Съ обычною поспѣшностью начала княгиня выполнять свое рѣшеніе, и въ тотъ же день былъ готовъ первый листъ ея записокъ. Она излагала на-скоро факты, удержанные памятью, и никогда не поправляла написаннаго; иногда обстоятельства, упущенныя изъ виду, она прибавляла въ концѣ главы съ обозначеніемъ страницы, къ которой ихъ надобно отнести. Этимъ отсутствіемъ внимательной обработки объясняется нѣкоторая неточность въ хронологіи и отрывочный характеръ разсказа. По мѣрѣ того, какъ накоплялись черновые листы, миссъ Вильмотъ переписывала ихъ на бѣло. Работа, впрочемъ, подвигалась впередъ довольно медленно и продолжалась почти до конца слѣдующаго года. Нужно замѣтить, что Дашкова не назначала для нея особеннаго времени, и, не покидая своихъ обычныхъ занятій, писала между прочимъ. „Простота и откровенность доходили у княгини до такой степени, что я не сомнѣвалась ни въ одномъ ея словѣ", замѣчаетъ Мери. „Ничто не могло заставить ее прикрасить разсказъ или умолчать правду. Она была очень далека отъ мысли сдѣлать мемуары орудіемъ своего собственнаго оправданія, и я увѣрена, что еслибъ кто-нибудь заподозрилъ ее въ этомъ намѣреніи, она съ гордымъ презрѣніемъ положила бы перо". Мы ужъ высказали наше мнѣніе о мемуарахъ княгини, и повторяемъ только, что никакъ не можемъ согласиться съ отзывомъ англичанки, слишкомъ сильно подчинившейся моральному вліянію автора, чтобъ судить о немъ безпристрастно. Отсутствіе напередъ обдуманнаго плана и наружная небрежность, съ которою писались мемуары, еще не могутъ служить доказательствомъ ихъ внутренней правды. Княгиня до такой степени уже была пропитана гордымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ и привычкою оправдывать себя во всемъ, что ей ненужно было предварительно обдумывать планъ своего оправданія, или сочинять описанія фактовъ; стоило только записывать такъ, какъ она о нихъ говорила и думала.

*) Завѣщаніе это исполнено было спустя тридцать лѣтъ послѣ смерти княгини. Мери, въ то время уже мистрисъ Брадфордъ, издала записки подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Memoirs of the princess Daschkow, lady of honour to Catherine II. Written by herself, comprising letters of the empress and other correspondence". In two volumes. London. 1840.

Лѣтомъ 1805 года общество княгини Дашковой увеличилось еще одной, очень интересной особой. Эта была Екатерина Вильмотъ, старшая сестра Мери. Послѣ дѣятельной переписки съ ихъ отцомъ, княгинѣ удалось убѣдить старика, чтобъ онъ отпустилъ къ ней погостить и другую дочь, только что воротившуюся изъ Франціи. Нѣкоторыя изъ писемъ этой дѣвушки къ своимъ друзьямъ въ Англію дошли до насъ, и замѣтки, разсѣянныя здѣсь о княгинѣ и вообще о Россіи, по нашему мнѣнію, еще болѣе интересны, чѣмъ разсказы ея сестры: въ нихъ такъ много заключено остроумія, наблюдательности и граціи. Постараемся возможно полнѣе познакомить читателей съ ихъ содержаніемъ и передать эскизы какъ цѣлаго русскаго общества, такъ и отдѣльныхъ личностей, написанныя съ точки зрѣнія умной, развитой англичанки начала XIX столѣтія *).

„*4 августа 1805 года.*

На кораблѣ „Доброе Намѣреніе“ передъ Кронштадтомъ.

„Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Англію, и сегодня въ шесть часовъ утра бросили якорь. Теперь, моя милая А..., я могу писать къ тебѣ, потому что сижу на кораблѣ плѣнницей и съ палубы знакомлюсь съ русскимъ берегомъ при помощи телескопа. Пока имѣю сообщить только, что возвышающіеся передо мною форты и батареи красиво построены, и укрѣпленія повидимому неприступны; тутъ же стоитъ много прекрасныхъ военныхъ кораблей; кромѣ того, гавань наполнена купеческими судами. Заливъ усѣянъ маленькими шлюпками, которыя возвращаются изъ Петергофа, гдѣ вчера вечеромъ происходилъ балъ съ маскарадомъ по случаю дня рожденія вдовствующей императрицы. Противъ насъ, на южномъ берегу залива, лежитъ загородный дворецъ Ораніенбаумъ. Вотъ все, что я пока видѣла въ Россіи; впрочемъ, сюда надобно прибавить еще двухъ таможенныхъ чиновниковъ, которые предстали въ ту самую минуту, когда мы становились на якорь; они запечатали наши чемоданы и поставили на палубѣ часовыхъ для предосторожности отъ контрабанды. Нашъ добрый капитанъ отправился на берегъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается; но такъ какъ сегодня воскресенье, то, я думаю, ему не придется долго ждать. Къ удивле-

*) Приложенія къ „Мемуарамъ“.

нію, первое, на что я могу пожаловаться—это жаръ, да, не шутя, и притомъ невыносимый жаръ!

„26 іюля, корабль миновалъ Гельзингеръ, который я представляла себѣ несчастнымъ городкомъ, обирающимъ всякаго путешественника въ пользу короля. Но положеніе его превосходно, и еслибъ мы простояли въ немъ подольше, то побывали бы на шведскомъ берегу въ Гельзингборгѣ; въ этомъ городѣ, который мы ясно могли видѣть съ террасы Гамлетова сада, находится теперь королевская резиденція. Но мы поплыли далѣе, высадивъ только двухъ пассажировъ: одинъ былъ какое-то пугало изъ Вестъ-Индіи, другой—русскій офицеръ баронъ фон-Бай, необыкновенный оригиналъ. Хотя ему только 27 лѣтъ, но нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чего бы онъ не зналъ. Первые два дня онъ безвыходно оставался на палубѣ, шагая взадъ и впередъ и разговаривая съ самимъ собою то весело, то съ нахмуреннымъ видомъ. Наружность его вообще очень странная, и я затруднялась, за кого надобно принимать эту оригинальную фигуру; за помѣшаннаго, или за лунатика. Въ первый день я не присутствовала за общимъ столомъ, и потому не могла судить о манерахъ или разговорѣ фонъ-Бая. На слѣдующій день я была удивлена его бесѣдою съ моимъ покровителемъ, англійскимъ купцомъ Вайтлокомъ, и противнымъ вестъиндійцемъ. Другіе также вступали съ нимъ въ разговоръ, и онъ каждому отвѣчалъ на его родномъ языкѣ, такъ что за обѣдомъ я слышала его говорящимъ на языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, шведскомъ, итальянскомъ и англійскомъ. Фонъ-Бай служилъ подъ командою Суворова, котораго повидимому боготворитъ, и такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ совершилъ итальянскій походъ, то передавалъ намъ подробности всѣхъ сраженій, а героевъ битвы описывалъ съ необыкновенною отчетливостью. Онъ постарался дать себѣ классическое образованіе, и не только знакомъ съ литературою и политикой цѣлой Европы, но въ состояніи поддерживать разговоръ о какомъ угодно произведеніи всѣхъ замѣчательныхъ поэтовъ. Отвращеніе къ французамъ доходитъ у него до комизма; когда онъ начинаетъ говорить о нихъ, все тѣло его приходитъ въ лихорадочное состояніе; французская революція возбуждаетъ у него цѣлый потокъ сарказмовъ, а европейскую цивилизацію называетъ онъ корнемъ всякаго зла. Краснорѣчиво и съ видомъ ученаго защищалъ фон-Бай систему варварства, отвергая всѣ настоящіе законы и обычаи современнаго общества, цитуя при этомъ древнихъ писателей съ такою же легкостью... (sic) басни Эзопа. Увлекаясь

своимъ энтузіазмомъ, онъ дѣлалъ такія быстрыя и разнообразныя движенія, что Элеонора *), я думаю, приняла его за обезьяну, пока не открыла признаковъ настоящаго джентльмена: руки его были „бѣлы какъ лиліи“.

„Когда мы покинули Гельзингеръ, общество наше позабыло всѣ высшіе интересы и сдѣлалось чрезвычайно алчнымъ; оно такъ пило и ѣло, какъ будто насъ откармливали на праздникъ обитателямъ Новой Земли. Сначала движеніе корабля едва было замѣтно; но къ вечеру мы спустились по Зунду и быстро пролетѣли мимо Копенгагена, который съ своими укрѣпленіями и пловучими батареями показался намъ картиною изъ волшебнаго фонаря.

„Девять дней плыли мы по опасному Балтійскому морю и Финскому заливу. Я рѣшительно не знала, какъ распорядиться временемъ: то развлекала себя чтеніемъ „Madame de la Vallière“ или книгами изъ библіотеки нашего капитана, читала „les Mères rivales“, то пыталась исправлять шалуна — каютнаго юнгу, который такъ и смотритъ прямо на галеры; иногда я слушала разсказы моряковъ. Такимъ-образомъ, читая, работая и засыпая подобно кроту, я пріѣхала въ Кронштадтъ.

„Въ воскресенье вечеромъ капитанъ обрадовалъ меня письмомъ отъ Мери, которое было отправлено изъ Троицкаго уже два мѣсяца назадъ и передано ему англійскимъ консуломъ въ Кронштадтѣ. На немъ была печать княгини съ надписью: „Welcome“ (добро пожаловать); а въ письмѣ встрѣчались слѣдующія слова: „мои чувства вы узнаете изъ надписи на печати“. Добрая княгиня писала, кромѣ того, въ Кронштадтъ генералу Коровкѣ и адмиралу Генкову, прося ихъ оказать мнѣ гостепріимство; но я не хочу ихъ стѣснять и намѣрена сидѣть на кораблѣ какъ крыса, до самаго пріѣзда въ Петербургъ. М. сообщаетъ, что княгиня также написала обо мнѣ очень лестное письмо къ своей племянницѣ, Полянской, въ домѣ которой я остановлюсь, и потомъ рекомендательныя письма къ разнымъ особамъ, напримѣръ, вдовѣ адмирала Чичагова и другой своей племянницѣ фрейлинѣ Кочетовой. Но довольно. Письмо мое и безъ того такъ тяжело, какъ будто я посылаю съ нимъ статую Петра Великаго. Пойду гулять на палубу и любоваться крѣпостью“.

„Среда. Петербургъ, въ домѣ мистера Рекса.

„Вчера вечеромъ пріѣхала я въ этотъ великолѣпный по наруж-

---

*) Горничная миссъ Екатерины.

ности городъ. Въ понедѣльникъ утромъ Букеръ (англійскій консулъ) прислалъ на пристань карету, а мистеръ Вайтлокъ проводилъ меня и Элеонору въ Кронштадтъ. Консулъ принялъ насъ очень ласково и въ той же каретѣ отправилъ осматривать адмиралтейство. Къ обѣду мы воротились и пробыли въ домѣ Букера до отъѣзда въ Петербургъ. Я никогда въ Италіи не страдала такъ отъ жара, какъ въ Россіи; притомъ же комары кусаютъ очень больно.

„Вчера по утру мистеръ Рексъ посадилъ насъ въ шлюпку и отправилъ съ надежнымъ проводникомъ въ Ораніембаумъ; здѣсь ожидала карета съ письмомъ отъ жены Рекса, которая просила меня считать ея домъ за свой собственный на все время моего пребыванія въ Петербургѣ. Я осмотрѣла Ораніенбаумъ. Дворецъ наполненъ множествомъ замѣчательныхъ предметовъ, о которыхъ мнѣ теперь нѣтъ времени распространяться, потому что почтамтъ уже запертъ, и это письмо будетъ послано только по милости мистера Рекса. Потомъ мы поѣхали въ Петербургъ, лежащій въ 30 верстахъ отъ Ораніенбаума, и мнѣ никогда не случалось видѣть лучшаго переѣзда: онъ напоминаетъ дорогу отъ Версаля до Парижа, но только еще въ болѣе привлекательномъ видѣ. Великолѣпныя и очень красивыя дачи возвышаются по обѣимъ сторонамъ дороги; онѣ окружены рощами и украшены садами въ удивительно изящномъ стилѣ. Двѣ или три изъ нихъ принадлежатъ императорской фамиліи. По широкой, превосходной дорогѣ двигалась цѣлая вереница разныхъ экипажей; нѣкоторые изъ нихъ были запряжены шестернею коней такого же молочнаго цвѣта, какъ у насъ королевско-ганноверская порода, съ хвостами до самой земли.

„Золотой мѣсяцъ поднялся надъ темными облаками и свѣтилъ намъ до Петербурга, куда мы пріѣхали около 11 часовъ. Я была въ восхищеніи отъ всего, что видѣла. Семейство Рексъ сидѣло на балконѣ, и увидя меня, поспѣшило на встрѣчу. Я взошла на балконъ, осыпаемая всевозможными привѣтствіями, и отсюда любовалась прекрасною рѣкою, которая отдѣляла насъ отъ противоположныхъ домовъ.

„Я забыла сказать, что получила второе письмо отъ М. Княгиня сильно хлопочетъ о моемъ представленіи ко двору; она желаетъ, чтобъ, впродолженіи двухъ недѣль, которыя пробуду здѣсь, я жила у Полянской. Между тѣмъ, дорожная карета, слуги и все прочее будетъ для меня приготовлено. Путь мой буквально усыпанъ цвѣтами: благодаря попеченіямъ княгини и ея вліянію, мнѣ все до-

стается легко, и здѣсь всё къ моимъ услугамъ. Одно для меня затруднительно: выражать свою благодарность. Я писала княгинѣ и просила ее не ѣздить въ Москву (ко мнѣ на встрѣчу) въ дурную погоду. М. говоритъ, что она способна на всякую жертву гостепріимства. Далѣе сестра сообщаетъ, что мнѣ уже приготовлены чудесная лисья шуба и кусокъ атласа на платье, и, кромѣ того, тафта для моей горничной Элеоноры. Я, вѣроятно, проживу этотъ годъ, какъ отрывокъ изъ волшебной сказки. Но—увы! клопы и комары жестоко насъ наказываютъ. Послѣднія двѣ ночи я спала на стульяхъ подъ самымъ легкимъ одѣяломъ. Между тѣмъ, какъ я пишу, взоръ мой услаждается видомъ академій, дворцовъ и снующихъ по этой величественной рѣкѣ кораблей; а внизу играетъ хоръ музыкантовъ. Наружность мужской прислуги меня очень забавляетъ: они смотрятъ, какъ будто отецъ ихъ былъ турокъ, а мать квакеръ; лучшаго сравненія не придумаю. Звуки русскаго языка нѣжны и пріятны".

„*Петербургъ*, *26 августа*,
„въ домѣ г-жи Полянской.

„Не думайте, чтобъ я стала описывать всѣ подробности моей петербургской жизни, и не требуйте этого, потому что передъ вами лежатъ письма М., и всякое описаніе лицъ или мѣстностей было бы теперь повтореніемъ. Я остановилась въ томъ же домѣ и въ той же комнатѣ, переплыла море на томъ же кораблѣ, и слуга, который долженъ проводить меня въ Москву, тотъ же. Княгиня прислала мнѣ еще своего любимаго управляющаго, Еркова. Она непремѣнно желала, чтобъ я была представлена ко двору, и ея племянница хлопотала объ этомъ. Такъ какъ дворъ былъ въ Петергофѣ, а мнѣ хотѣлось скорѣе ѣхать въ Москву, поэтому я не прочь была отклонить отъ себя такую честь. Но ихъ величествамъ случилось въ это время пріѣхать въ Петербургъ, и я еще дожидалась восемь дней, пока могла представиться.

„Третьяго дня я въ простомъ костюмѣ ѣздила къ графинѣ Протасовой, которая взяла меня подъ свое покровительство. А вчера— можете себѣ вообразить!—шестерка лошадей во весь галопъ привозитъ меня въ Таврическій дворецъ. Я вступила въ огромную переднюю, украшенную статуями и колоннами; потомъ прошла великолѣпную залу, наполненную офицерами въ блестящихъ мундирахъ съ разными орденами на груди, затѣмъ другую залу совершенно

пустую, и наконецъ очутилась въ пріемной комнатѣ. (Вы удивитесь, что я шла одна; но таковъ здѣсь этикетъ). Ко мнѣ подошли два камергера и очень вѣжливо заговорили со мною по-французски. Здѣсь была еще одна дама, пріѣхавшая прежде меня. Вскорѣ явился генералъ Кутузовъ, дядя Полянской, назначенный главнокомандующимъ въ войнѣ противъ французовъ. Это старый, очень почтенный господинъ, и его присутствіе придало мнѣ бодрости. Потомъ пришла дама, которая поклонилась по мужски, на старинный русскій манеръ; на плечѣ у нея былъ брильянтовый шифръ; за нею слѣдовала молоденькая, хорошенькая дѣвушка съ видомъ чрезвычайно скромнымъ, очень походившая на жертвеннаго агнца. Мы всѣ разговаривали между собою, ходили по комнатѣ и смотрѣли на прекрасный садъ, посреди котораго расположенъ дворецъ.

„Послѣ трехъ четвертей ожиданія противоположная дверь отворилась, и передъ нами явилась императрица Елизавета; за нею шла толстая графиня Протасова. Императрица очень милое созданіе. Въ ея наружности есть что то живо напомнившее мнѣ фигуры Анжелики Кауфманъ и Корделію, дочь короля Лира. При появленіи ея дамы встали, а мужчины почтительно удалились. Она была одѣта въ бѣлое вышитое платье; нити крупнаго жемчуга украшали ея густые, черные волосы. Въ выраженіи лица и въ манерахъ этой очаровательной женщины скромность соединялась съ нѣжною кротостью. Когда мы представились и поцаловали у нея руку, ей повидимому сдѣлалось неловко; она нагнулась и поцаловала насъ въ щеку. Императрица со всѣми разговаривала по-французски, за исключеніемъ одной дамы, къ которой обращалась по-русски. Голосъ у нея очень тихій и пріятный, но рѣчь весьма быстрая. Содержаніе разговора, конечно, было незначительное: она спросила, какъ мнѣ понравился Петербургъ, замѣтила, что, вѣроятно, городъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе и т. п. Поговоривъ съ четверть часа, она откланялась и удалилась въ сопровожденіи своей свиты“.

„27 августа.

„Очень досадую, что осуждена на новое ожиданіе. Этикетъ требуетъ, чтобъ, послѣ молодой императрицы, я была представлена и вдовствующей; по этому случаю Полянская познакомила меня съ княгинею Прозоровскою, которая обѣщала доложить императрицѣ и увѣдомить меня о времени, въ которое я могу представиться.

„Въ числѣ моихъ русскихъ знакомыхъ есть графиня Воронцова;

я провела у ней на дачѣ очень пріятный день. По фамиліи вы можете догадаться, что она близкая родственница княгини. Сестра ея, хорошенькая княжна Голицина, какъ говорятъ, выходитъ замужъ за нашего посланника (лорда Горроуби), который, мимоходомъ замѣтить, былъ въ отношеніи ко мнѣ очень любезенъ.

„Что касается (петербургскихъ) англичанъ, то, вступая въ ихъ кружокъ, чувствуешь себя совсѣмъ въ другой сферѣ: они живутъ совершенно для себя и по своему. Въ семействѣ Рексъ я бывала какъ дома; доброта ихъ необыкновенная; особенно удивляетъ меня братъ самого Рекса, мистеръ Каванна, замѣчательно умный и образованный молодой человѣкъ.

„Низшіе классы народа поражаютъ меня своею странною наружностью, особенно патріархальная борода мужчинъ; трудно повѣрить, что они родились не прежде потопа. При восходѣ и закатѣ солнца они усердно крестятся, и этотъ обрядъ продолжается болѣе четверти часа. Старухи становятся при этомъ на колѣни и цалуютъ землю, впрочемъ, имѣя предосторожность класть между нею и губами свою руку“.

„*29 августа.*

„Право, мнѣ нечего писать, да и времени очень мало. Представьте, единственная книга, которую я здѣсь купила—придворный альманахъ! Но я совершенно терялась въ именахъ и потому книга была необходима. Въ ближайшій понедѣльникъ, то есть, 1 сентября я выѣзжаю“.

„*31 августа.*

„Странная судьба тяготѣетъ надъ этимъ несчастнымъ письмомъ. Вотъ уже вечеръ воскресенья, а оно еще не отправлено. Впрочемъ, это замедленіе даетъ мнѣ возможность упомянуть о другой великой церемоніи, которая происходила сегодня—о представленіи вдовствующей императрицѣ. Она очень-видная, красивая женщина, хорошо сложена, и хотя ей между 40 и 50, однако кажется еще молодою. Теперь я свободно могу покинуть Петербургъ. Дорожная карета отличная, а съ двумя проводниками, Фридрихомъ и Ерковымъ, мнѣ нечего бояться. Доброй ночи! Погода становится холодна, за то свѣтлая луна будетъ моею спутницею.“

Рядомъ съ разсказами старшей мисс Вильмотъ о ея пребываніи въ Петербургѣ считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ письмомъ горничной, Элеоноры. Оно адресовано одной пріятельницѣ въ

Англію и заключаетъ въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній касательно Петербурга и домашняго быта нашихъ столичныхъ аристократовъ, не забудьте—„замѣчаній“ съ точки зрѣнія англійской горничной.

Петербургъ. 20 августа 1805 года.

„...Какъ удивила меня карета мистера Букера, присланная за нами, въ Кронштадтъ, гдѣ мы пристали къ русскому берегу! И что за кучеръ правилъ ею! Широкій кушакъ, черная борода; а длинный кафтанъ его—чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти—походилъ на юбку. Благодаря Бога, мы встрѣтили здѣсь англійскую прислугу, которая была очень-вѣжлива, и въ домѣ, куда насъ привезли, нашли кучу дѣтей.

„Ухъ, миссъ Генріета! какъ странно видѣть русскихъ женщинъ! Что-бъ имъ не одѣваться почеловѣчески? Вовсе-невесело смотрѣть на ихъ голубые, желтые и зеленые сарафаны, общитые золотыми позументами, съ болтающимися шишками на серёжкахъ и съ рукавами какъ у мужчинъ. Стыдно подумать, какими обезьянами онѣ ведутъ себя въ обществѣ. Лучше бы имъ умывать свое лицо, чѣмъ позволять прыгать по себѣ такому содому блохъ.

„На третій день мы оставили Букера и переѣхали на другой берегъ залива, въ Ораніенбаумъ, гдѣ посѣтили великолѣпный дворецъ, котораго имени не знаю. Здѣсь приняла насъ другая карета и двое слугъ съ страшными бородами—одинъ изъ нихъ красный какъ роза—провожали насъ до Петербурга. Какъ, вы думаете, мы ѣхали? Четырехъ длиннохвостыхъ коней заложили намъ въ корень и двухъ впереди; гривы у лошадей здѣсь рѣдко стригутъ, и длинныя пряди волосъ спускаются почти до земли. Затѣмъ раздался свистъ и крикъ кучеровъ; а какъ они скачутъ! быстрѣе вѣтра. Тогда-то я подумала, что мы дѣйствительно далеко отъ Ирландіи.

„Въ Гленморѣ я не видѣла ничего подобнаго этому ряду дворцовъ и густыхъ лѣсовъ, которые возвышаются по обѣимъ сторонамъ дороги къ Петербургу. На крышахъ виднѣлись какія-то фигуры съ крыльями, подобно птицамъ. Я устала смотрѣть на нихъ. Хороши также загородныя дачи съ зелеными садиками, съ клумбами розъ и гераній, выставленныхъ на балконѣ. Мы ѣхали вечеромъ, потому-что днемъ невыносимо-знойно, и солнце здѣсь больше и жарче, чѣмъ въ Италіи.

„Никогда не забуду, какъ хорошъ показался мнѣ Петербургъ въ первый день. Коркъ не годится ему въ подметки, и рѣка здѣсь въ

пять разъ шире, чѣмъ Ли; не думаю, чтобъ она звалась тѣмъ же именемъ. Первую ночь мы спали въ просторной домовой церкви мистера Рекса. Завтракъ нашъ состоялъ изъ чая и превосходныхъ сливокъ. Служанка миссъ Рексъ дала мнѣ славный кружевной чепчикъ; а миссъ Вильмотъ—бѣлый вуаль, и въ такомъ видѣ я пошла, вмѣстѣ съ слугами, посмотрѣть дворецъ. Ужасный шумъ раздавался вокругъ меня; когда я повернула голову назадъ, то увидѣла настоящую скалу съ гигантомъ-всадникомъ на вершинѣ. „Остановите его“ сказала я... увѣряю тебя, Генріета, я приняла его за живаго человѣка. И что же оказалось? Это бронзовый императоръ, называемый Петромъ, или Петромъ-Великимъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

„На другой день, Полянская, черноглазая, пріятная молодая женщина, прислала за нами карету. Ночью мы переѣхали въ ея домъ, и я испугалась, проходя длиннымъ рядомъ комнатъ: насъ провожалъ черный негръ въ желтой курткѣ съ тюрбаномъ на головѣ и со свѣчами въ рукахъ. Много бы платьевъ нашила себѣ нянька Конель изъ этого краснаго дамаска, которымъ обиты стѣны дома. Но за-то какъ цѣлую ночь насъ кусали мухи! И какое зрѣлище представилось мнѣ поутру! Кругомъ собрались настоящіе тузы съ золотыми аксельбантами, звѣздами на груди и коронами на головѣ. Одинъ портретъ въ золотой рамѣ уставилъ глаза прямо на меня, и куда бы я не повернулась, онъ меня всюду преслѣдовалъ. Это русская императрица и точно живая.

„Едва сказала я своей миссъ, завтракаютъ ли здѣсь, какъ стукъ-стукъ—и въ дверяхъ явился гренадеръ съ серебрянымъ подносомъ, кофейникомъ, двумя чашками, молочникомъ и ворохомъ разныхъ бисквитъ. Вслѣдъ за нимъ юркнула къ намъ дѣвочка съ вопросомъ къ миссъ Вильмотъ, не угодно ли ей дыни. „Послушай-ка“ сказала я ей: „еслибъ мы были въ Коркѣ, намъ теперь подали бы свѣжихъ яицъ“. Но она, озадаченная моимъ замѣчаніемъ, понуривъ голову, вышла изъ комнаты, и яицъ намъ не подали. На слѣдующій день я отправилась въ домъ Рекса, гдѣ было забыто нами ночное платье. Въ коррилорѣ меня оставили одну. Молодая англичанка и ея братъ пошли за шляпами, а ко мнѣ явился русскій съ черной бородой, подобной лошадиному хвосту, сталъ къ стѣнѣ совершеннымъ столбнякомъ и ничего не говорилъ. Я отъ глубины души скорбѣла при взглядѣ на него: онъ стоялъ такъ важно, какъ нищій, получившій два пенса. „Стыдно, сказала я ему, что вы не обрѣжете этотъ конскій хвостъ, который виситъ на вашемъ подбородкѣ; вѣдь вы

пугаете имъ добрыхъ людей". Затѣмъ я взглянула на него горькой рѣдькой.

„Но какія здѣсь великолѣпныя спальни! У насъ три комнаты, убранныя зеркалами, золотомъ, бѣлыми мраморными столами, арфами и клавесинами, печами до потолка, вызолоченными статуэтками, часами съ музыкой и паркетами изъ краснаго дерева, или чего-то въ этомъ родѣ.

„У насъ здѣсь много музыки: восемь лакеевъ играютъ на флейтахъ и скрипкахъ. Этихъ людей называютъ рабами, хотя я вовсе не вижу на нихъ цѣпей. Лакеи здѣсь какъ столбы стоятъ до тѣхъ поръ, пока вы громко не позовете ихъ: „поди сюда", скажешь имъ, и они скачутъ и мечутся какъ угорѣлые. Но ѣдятъ здѣсь хорошо и вдоволь".

Въ августѣ миссъ Кети пріѣзжаетъ въ Троицкое и, разумѣется, находитъ самый дружескій пріемъ. Письма ея съ тѣхъ поръ пріобрѣтаютъ для насъ еще болѣе занимательности *).

„Троицкое. 24 сентября.

„...Пишу къ тебѣ въ холодный осенній день, немного разсерженная на старую господствующую здѣсь привычку: не топить печей до извѣстнаго времени; а княгиня повидимому и не замѣчаетъ, что теперь ужъ не лѣто. Есть еще на что пожаловаться—именно, на распредѣленіе времени. Въ девять часовъ утра мы собираемся пить кофе; потомъ разговоръ, прогулка и музыка незамѣтно берутъ два часа. Затѣмъ въ половинѣ втораго или въ два часа раздается колокольчикъ, и мы садимся за длинный обѣдъ, впродолженіе котораго заставляютъ ѣсть каждое блюдо. Княгиня любитъ похвалиться произведеніями своей фермы, теплицъ и пр. Такимъ образомъ обѣдъ раздѣляетъ день на двѣ части, и послѣ стола уже трудно возвратиться къ утреннимъ занятіямъ. Чай собираетъ опять общество въ шесть часовъ, а въ половинѣ десятаго или въ десять горячій ужинъ.

„Перейдемъ теперь къ моему пріѣзду въ Москву. О Фридрихѣ и Ерковѣ я уже писала. Итакъ, лучи заходящаго солнца ярко играли на ихъ позументахъ. За нѣсколько верстъ отъ города я попросила

---

*) Мы должны предупредить читателей, что въ дальнѣйшихъ извлеченіяхъ изъ писемъ сестеръ не держимся хронологическаго порядка, а группируемъ вмѣстѣ разные отрывки, относящіеся къ одному предмету.

Фридриха достать мнѣ молока, потому что ослабѣла отъ голода и жажды. Но лишь только остановилась около одной хижины и начала пить, какъ вдругъ подошелъ богато одѣтый слуга и на золотомъ подносѣ подалъ мнѣ графинъ съ отличнымъ виномъ и стаканъ. Указавъ на хорошенькій замокъ, виднѣвшійся вдали, онъ объявилъ, что княгиня Сибирская (Siberski) узнала во мнѣ ту англійскую даму, для которой княгиня Дашкова пріѣхала въ городъ; и что она очень рада первая привѣтствовать меня у воротъ Москвы. Я поручила слугѣ передать свою благодарность; нѣсколько минутъ спустя, онъ воротился съ приглашеніемъ переночевать въ замкѣ. Когда я поѣхала далѣе, дама, стоявшая на балконѣ, кланялась и платкомъ дѣлала мнѣ знаки привѣтствія. Развѣ это не прекрасный образчикъ московскаго гостепріимства? Я здѣсь не разсказываю подробностей первой встрѣчи къ княгинею и ея дружескаго пріема: все это уже описано, а повтореній не люблю“ *).

Далѣе беремъ тѣ страницы изъ писемъ Кети, въ которыхъ она описываетъ село Троицкое, мѣстную природу и мѣстный быть при зимней обстановкѣ:

„1 октября. Холодъ болѣе меня не безпокоилъ: печки натоплены, и наша комната очень комфортэбельна. О чемъ еще разсказать тебѣ? Кажется, я еще не упоминала о самомъ Троицкомъ, въ которомъ мы теперь находимся. Это прекрасное село устроено собственными трудами княгини; оно окружено шестнадцатью деревнями, которыя также принадлежатъ Дашковой. Три тысячи крестьянъ — *ея подданныхъ*, какъ она ихъ называетъ — живутъ очень счастливо подъ ея неограниченнымъ правленіемъ, и едва ли кто другой, облеченный такою властью, пользовался бы ею съ большею добротою. Число всѣхъ дворовыхъ людей простирается до 200. Лошадей у нея до сотни, двѣсти коровъ, и все остальное по хозяйственной части въ такихъ же размѣрахъ. Есть своя церковь, позади дома. Лѣсъ, принадлежащій къ имѣнью, простирается на девять миль въ длину и на четыре въ ширину; онъ съ одной стороны примыкаетъ къ дому. Въ этомъ то лѣсу — въ которомъ можно иногда встрѣтить волковъ — гуляя вчера съ княгинею, я едва не заблудилась. Много земли занято подъ огороды и садики въ англійскомъ вкусѣ, посреди которыхъ протекаетъ прекрасная рѣчка. Впрочемъ, по положенію сво-

*) Описаніе, на которое она ссылается, къ сожалѣнію, до насъ не дошло (если, впрочемъ, миссъ Кети не разумѣетъ при этомъ разсказовъ своей сестры).

ему, Троицкое представляетъ однообразную равнину и красотой своей обязано только искусственной обработкѣ. Домъ очень большой, а по обѣимъ сторонамъ флигеля, которые, посредствомъ балконовъ съ желѣзною рѣшеткою, связаны со вторымъ этажемъ главнаго зданія.

„Природа походитъ здѣсь на легкій контуръ, проведенный перомъ по листу бѣлой бумаги: такъ тощи и безжизненны предметы на этомъ безконечномъ бѣломъ фонѣ. Каждое послѣ обѣда насъ ждетъ у крыльца кибитка или сани. Первый экипажъ, похожій своею формою на дѣтскую колыбель, снабженъ медвѣжьей полостью и кожаннымъ верхомъ. Когда я съ М. и Анной Петровной (Исленьевой) погружаемся въ эту колыбель, закутанныя въ шали, теплыя мантильи и салопы, то едва ли ты приняла бы насъ за человѣческія существа. Прошу обратить вниманіе также на костюмъ нашихъ слугъ: Гаврилы, Петруши, Ѳедора и Ивана: на нихъ мѣховые кафтаны, подпоясанные пестрымъ кушакомъ, а на головахъ надѣты черныя гренадерскія шапки. Эти чудовищныя шапки хотя и назначены для защиты отъ страшнаго холода, но безпрестанно снимаются, по долгу покорности, и бѣдные люди во время сильной мятели съ обнаженною головою выслушиваютъ каждое слово, адресованное къ нимъ господами. Случается нерѣдко, что макушка ихъ, между тѣмъ, покрывается густымъ слоемъ снѣга—они хладнокровно стряхнутъ его и опять надѣнутъ шапку.

„Я, кажется писала тебѣ, что Троицкое походитъ на лилію въ долинѣ съ его бѣлымъ оштукатуреннымъ домомъ посреди темнаго лѣса. Мы всякій день отправляемся въ этотъ лѣсъ на тройкѣ добрыхъ коней, и нашъ экипажъ мчится по снѣгу, какъ лодка по волнамъ. Окрайна лѣса похожа на кладбище природы: всѣ деревья кажутся бѣлыми скелетами и грозно смотрятъ на насъ, пока мы не достигнемъ елей, которыя въ своемъ снѣжномъ уборѣ безконечною колоннадою тянутся въ перспективѣ; а между тѣмъ вѣтви низкаго кустарника качаются подъ хлопьями снѣга, какъ будто осыпанныя лебяжьимъ пухомъ. Не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ заходящее солнце, когда горизонтальные лучи его отражаютъ на снѣжной поверхности всѣ сокровища Голконды, разсыпая по полю сапфиры, изумруды, аметисты, опалы и алмазы.

„Въ лѣсу постоянно царствуетъ глубокая тишина. Развѣ попадутся иногда дровосѣки, похожіе болѣе на сатировъ, чѣмъ на людей, съ безконечными бородами, которыя трясутся при каждомъ

ударѣ топора. Появленіе дамъ изъ господскаго дома прерываетъ ихъ работу; тогда эти лѣсные сатиры, одѣтые въ бараньи шкуры, съ косматыми шапками въ *когтяхъ*, почтительно становятся по сторонамъ дороги и время отъ времени наклоняютъ къ землѣ свои *медвѣжьи головы*, пока сани не скроются изъ виду.

„А хочешь ли знать, что это за дымъ, вьющійся надъ снѣжными сугробами? Это крестьянскія бани, которыя топятся каждую субботу. Баня у русскихъ такъ же, какъ у турокъ, есть нѣчто священное и обязательное: никто изъ нихъ не пойдетъ въ церковь, если накануне не вымоется. Въ нашей банѣ три комнаты; въ одной изъ нихъ устроенъ полокъ для тѣхъ, которые любятъ париться; есть также большая ванна, гдѣ можно купаться и тереться мыломъ. Я уже нѣсколько разъ подвергала себя различнымъ операціямъ русской бани. Княгиня выходя изъ нея, ложится въ постель, а я отправляюсь гулять и чувствую себя еще крѣпче.

„Когда мы подъѣзжаемъ къ задней сторонѣ дома, то передъ нами открывается широкій полукругъ зданій, въ серединѣ котораго стоитъ церковь. Всѣ эти строенія принадлежатъ къ дому, такъ что все вмѣстѣ можно принять за маленькій городокъ. Тутъ есть театръ, манежъ, больница, конюшни, квартира управителя, отдѣленія для гостей, для дворни, и пр. и пр. *).

„И, богъ знаетъ, какой здѣсь нѣтъ прислуги! Стёпушка, смотрящій какимъ то треугольникомъ, снимаетъ съ тебя салопъ, между тѣмъ какъ Аѳанасій стаскиваетъ мѣховые сапоги, а Вѣнцеславъ, Кузьма, Василій, Касьянъ, Прошка, Антонъ, Тимоѳей и полсотни другихъ разнаго вида и цвѣта бѣгутъ отворить тебѣ двери въ столовую, а потомъ въ гостинную. Тамъ, на первомъ планѣ, надъ софою, виситъ портретъ покойнаго супруга княгини, одного изъ красивѣйшихъ мужчинъ своего времени, скончавшагося на двадцать шестомъ году отъ роду. Далѣе женщина съ повелительнымъ взглядомъ и съ орлами, вышитыми на ея горностаевой мантіи—это Екатерина II-я (портреты ея въ разныхъ видахъ развѣшены почти по всѣмъ комнатамъ), а напротивъ внукъ ея, императоръ Александръ. Въ переднемъ углу комнаты, за маленькимъ столикомъ съ шахматною доскою, сидитъ въ креслѣ хозяйка дома; на ней надѣты шелковый пурпуровый капотъ и бѣлый батистовый колпакъ, а у ногъ, на подушкѣ, дремлетъ неизмѣнная Фидель. Княгиня поджидаетъ нашего возвращенія, потому что обѣщала въ этотъ вечеръ прочесть

*) А объ сельской школѣ нѣтъ и помину.

намъ письма Екатерины II. Подобные предметы, напоминающіе невозвратно минувшее время, какъ-то печально оживляютъ физіономію старушки.

„Воскресенье, 7-го декабря. Недавно былъ день св. Екатерины и, слѣдовательно, именины хозяйки; а такъ какъ я ношу то же имя, то рѣшено было вдвойнѣ праздновать этотъ день. Наканунѣ вечеромъ въ большой столовой залѣ священники и пѣвчіе служили молебенъ. Иконы, стоявшія въ нишѣ, были ярко освѣщены, а серебряная риза святой вся горѣла въ огняхъ. Когда окончилась церемонія, присутствующіе начали тѣсниться около княгини съ подарками и поздравленіями. Залу наполнили крестьяне, и каждый изъ нихъ держалъ хлѣбъ съ щепотью соли наверху, что служитъ у нихъ знакомъ привѣтствія; нѣкоторые прибавляли сюда еще маленькія чаши съ яблоками. Я съ княгиней обмѣнялась подарками и, кромѣ того, получила ихъ отъ М. и Анны Петровны. Почта изъ Москвы принесла письма и поздравленія отъ всѣхъ родственниковъ.

„На слѣдующій день мы отправились въ церковь и слушали обѣдню. Общество наше увеличилось пріѣздомъ князя Дашкова съ цѣлою толпою родственниковъ и сосѣдей. Теперь представь себѣ церемонію большаго обѣда, за которымъ княгиня занимала президентское мѣсто, а я сидѣла у нея по правую сторону. Насъ осыпали желаніями счастья на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ; каждый вставалъ съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ и выпивалъ его за наше здоровье. Музыка и карты наполнили вечеръ".

Посмотримъ теперь, какими чертами характеризуетъ миссъ Кети личность самой княгини. Этой живой, яркой характеристикѣ мы должны отдать рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми почитателями знаменитой женщины, которые старались нарисовать ея портретъ. Одно только обстоятельство сильно бросается въ глаза: миссъ Кети, свѣтлая голова въ другихъ случаяхъ, заговоривъ о Дашковой, увлекается ея личностью и, сама не замѣчая того, впадаетъ въ панегирикъ—впрочемъ, не въ такой степени, какъ ея младшая сестра. Увлеченіе это можетъ объясняться отчасти короткимъ временемъ знакомства и современной обстановкой, когда все кругомъ, съ видомъ глубокаго уваженія, склонялось передъ Дашковой.

„Желала бы я (пишетъ Кети), чтобъ вы взглянули на княгиню, когда она идетъ гулять, или, еще лучше, когда отправляется смотрѣть за работами своихъ подданныхъ. Костюмъ ея состоитъ изъ темнаго широкаго сюртука; на шеѣ повязанъ шелковый платокъ

обратившійся въ тряпку. Въ наружности, разговорѣ и манерахъ есть какая-то особенная оригинальность, отличающая ее отъ всѣхъ другихъ людей. Она помогаетъ каменьщикамъ выводить стѣны, сама проводитъ дороги и кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы, пишетъ статьи для печати и громко поправляетъ священника въ церкви, если онъ отступаетъ отъ правилъ; а въ театрѣ прерываетъ актеровъ и учитъ ихъ, какъ надобно выполнять роли. Княгиня вмѣстѣ, докторъ, аптекарь, фельдшеръ, купецъ, плотникъ, судья, администраторъ; она постоянно ведетъ переписку съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ, съ сыномъ и со всѣми родственниками, кромѣ того, съ литераторами, учеными, съ жидами, и за всѣмъ этимъ, у нея остается еще свободное время. Она продолжаетъ казаться мнѣ какою-то сказочной героинею, и, безъ шутокъ, это впечатлѣніе не покидаетъ меня до сихъ поръ. Странная смѣсь господствуетъ въ ея разговорѣ: сама того не замѣчая, она разомъ говоритъ по-русски, поанглійски и пофранцузски; знаетъ также нѣмецкій и итальянскій языки, но говоритъ на нихъ не такъ ясно.

„Дашковой, кажется, никогда не приходило въ голову притворяться въ своихъ чувствахъ; поэтому ты можешь вообразить себѣ, въ какомъ привилегированномъ положеніи она находится. Княгиня рѣжетъ правду, не обращая вниманія на то, нравится ли это другимъ, или нѣтъ; къ счастію, природа дала ей доброе, нѣжное сердце, иначе она была бы общественнымъ бичомъ. Въ обществѣ вездѣ она занимаетъ первое мѣсто по своему званію, уму и образованію, и на все, что она дѣлаетъ, даже на вещи необыкновенныя, смотрятъ всѣ съ уваженіемъ. Я уже говорила тебѣ, какъ однажды Дашкова гостинную графа *** обратила въ мою спальню. Намъ (т. е. двумъ сестрамъ Вильмотъ) она оказываетъ чрезвычайное вниманіе, между тѣмъ, какъ отъ всѣхъ другихъ требуетъ чего-то въ родѣ покорности. Такъ напримѣръ, ни одинъ мужчина, какого бы онъ ни былъ званія, не смѣетъ сѣсть въ ея присутствіи безъ приглашенія, а послѣднее не всегда бываетъ; я однажды видѣла съ полдюжины князей, простоявшихъ передъ нею во время визита. Въ другой разъ она, просто на просто, попросила гостей уйти, сказавъ, что очень устала, и тѣ, поцаловавъ у нея руку, почтительно удалились.

„Мнѣ часто приходила въ голову мысль, какъ трудно было бы очертить характеръ княгини Дашковой, если-бъ кто принялся за него; я даже думаю, что это невозможно. Особенности ея характера и отдѣльныя стороны до того разнообразны, что описаніе ихъ

показалось бы смѣшеніемъ противоположныхъ человѣческихъ крайностей. Въ ея натурѣ можно найдти элементы всѣхъ темпераментовъ, всѣхъ возрастовъ и состояній. Мнѣ кажется, она была бы на своемъ мѣстѣ и управляя государствомъ и командуя арміей. Она рождена для поприща въ широкихъ размѣрахъ и доказала это тѣмъ, что восьмнадцати лѣтъ отъ роду стояла во главѣ революціи, а потомъ впродолженіе двѣнадцати лѣтъ управляла двумя академіями".

Приведенная характеристика подтверждаетъ намъ только ту истину, что Дашкова была женщина чрезвычайно умная и энергичная, стремившаяся къ самой разнообразной дѣятельности, но что подобныя качества не смягчались у нея деликатностью и скромностью. Замѣтенъ явный недостатокъ женственности и гуманныхъ, нравственныхъ началъ; эгоизмъ вездѣ на первомъ планѣ; она дѣлаетъ только то, что ей вздумается, и обращается съ другими небрежно, именно въ той степени, въ какой они позволяютъ. Современное ей общество не привыкло держать прямо голову въ присутствіи лицъ высшаго званія и легко склонялось передъ сильнымъ, смѣлымъ характеромъ. Княгиня хорошо понимала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и деспотически пользовалась своимъ авторитетомъ. Мы не видимъ, однако, чтобъ она старалась употреблять этотъ авторитетъ на общественную пользу.

Въ половинѣ декабря Екатерина Романовна съ гостями переѣхала въ Москву, и тутъ-то передъ миссъ Вильмотъ ярко выступили наружу тѣ исключительныя привилегіи, которыя княгиня Дашкова пріобрѣла себѣ въ высшемъ кругу нашей древней столицы.

Москва, во второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго, играла замѣчательную роль въ отношеніи къ русской аристократіи. Сюда обыкновенно съѣзжались доживать свой долгій вѣкъ люди, занимавшіе нѣкогда первыя мѣста въ имперіи и уступившіе напору новыхъ любимцевъ. Въ особенности начало каждаго царствованія сопровождалось переселеніемъ старыхъ вельможъ изъ петербургскихъ дворцовъ въ московскія палаты. Въ первые годы XIX-го столѣтія здѣсь можно было встрѣтить царедворцевъ Павла Петровича; но главное мѣсто, по количеству и извѣстности, разумѣется, занимали обломки громкаго екатерининскаго царствованія. Тутъ они прозябали, погруженные въ азіатскую лѣнь и роскошь, въ смѣсь старинныхъ боярскихъ привычекъ съ европейскими претензіями. Сохраняя свой давно вышедшій изъ моды костюмъ, съ

напудренными кудрями и украшенные разноцвѣтными регаліями, эти ветераны подлѣ молодаго поколѣнія казались существами инаго міра, иныхъ обычаевъ. Они, можно сказать, только и жили воспоминаніями минувшей эпохи своего минувшаго величія.

„Толпою дряхлыхъ куртизановъ (замѣчаетъ миссъ Кети) управляетъ прежняя суетность, прежняя надутая гордость и чванство, которыя теперь еще, смотря по обстоятельствамъ, могутъ сдѣлать ихъ то блаженными, то несчастными, какъ будто имъ не страшна могила, готовая раскрыться подъ ихъ дрожащими стопами.

„Эти московскіе магнаты, разумѣется, окружены своими женами и внучками. Великолѣпно разодѣтыя, сидятъ онѣ въ раззолоченныхъ будуарахъ; передъ ними курятся благовонія и пляшутъ рабы, а гостямъ разносятъ конфекты. Здѣсь господствуетъ преимущественно французская внѣшность: французскій языкъ—языкъ общественный; то же самое надобно сказать и о модахъ. Молодые люди воспитаны выходцами изъ Франціи обоихъ половъ, и, конечно, воспитаны дурно, въ рабскомъ подражаніи иностраннымъ обычаямъ, которое доходитъ у нихъ до нелѣпыхъ размѣровъ. Но пріятныхъ манеръ, свойственныхъ французамъ, вы здѣсь не встрѣтите. Московская барыня осмотритъ васъ съ ногъ до головы, поцалуетъ разъ пять или шесть, расхвалитъ васъ безъ церемоніи и увѣритъ въ своей вѣчной дружбѣ; далѣе, спроситъ о цѣнѣ каждой части вашего туалета и засыплетъ извѣстіями о своихъ сосѣдяхъ, а затѣмъ, отъ нея ужь больше ничего не ждите. Едва-ли она имѣетъ какое нибудь понятіе о другихъ предметахъ, и развѣ только способна еще бранить русскихъ ювелировъ, превознося французскихъ.

„Вообще французамъ оказываютъ здѣсь явное предпочтеніе, сравнительно съ англичанами, хотя осмѣиваютъ Наполеона и сожалѣютъ о Нельсонѣ. Англичане пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ; но москвичамъ неизвѣстны ихъ языкъ и обычаи, а костюмы кажутся странными. Нѣкоторые англійскіе путешественники пріобрѣтаютъ здѣсь расположеніе за такія качества, которыя въ Англіи считаются ничтожными, напримѣръ: за ловкій вальсъ, умѣнье говорить по нѣмецки и по русски, или называть всѣхъ „ваше сіятельство“, „ваша свѣтлость“ и отпускать комплименты всему туземному. Но молодость сильно увлекается всякою новизною. Одна княжна, напримѣръ, убѣжала съ итальянскимъ живописцемъ; а племянникъ Дашковой женился на дочери французскаго учителя. Образованіе, особенно между женщинами, здѣсь такъ еще поверхностно, что

парою какихъ нибудь плохихъ софизмовъ ихъ можно сбить съ толку. Одинъ господинъ, лѣтъ шестидесяти, вскружилъ голову девятнадцатилѣтней княгинѣ Д*, прикинувшись атеистомъ и послѣдователемъ берклеевой системы ясновидѣнія. Его приняли за человѣка, вдохновеннаго свыше, и передъ нимъ растворились двери аристократическихъ домовъ“.

Понятенъ эффектъ, который должна была производить въ этомъ обществѣ, исполненномъ грубыхъ, устарѣлыхъ предразсудковъ, княгиня Дашкова съ сознаніемъ своего умственнаго превосходства, съ своимъ безпощаднымъ языкомъ и рѣзкими манерами, опирающаяся, притомъ, на екатерининскія воспоминанія и на благосклонность петербургскаго двора. Извѣстно, какую роль всегда могутъ играть сильные характеры въ толпѣ людей, хотя съ виду напыщенныхъ и гордыхъ, но въ душѣ робкихъ и слабыхъ.

Изъ числа екатерининскихъ ветерановъ въ Москвѣ на первомъ планѣ стояли тогда слѣдующія личности:

Во первыхъ, князь и оберъ-камергеръ А. М. Голицынъ, обвѣшенный орденами, лентами и склоняющійся къ землѣ подъ бременемъ своихъ 83 лѣтъ. Эта развалина все еще носитъ брильянтовый ключъ, шитый золотомъ кафтанъ и продолжаетъ принимать по прежнему знаки почтенія отъ своихъ товарищей—тѣней, которыя раздѣляли съ нимъ когда-то власть и почести.

Рядомъ съ нимъ встрѣчается другое явленіе съ того свѣта—графъ И. А. Остерманъ, нѣкогда государственный канцлеръ. Ордена св. Георгія, Александра Невскаго, Владиміра и пр., вмѣстѣ съ 80 годами висятъ у него на красной, голубой и другихъ разноцвѣтныхъ лентахъ. Этотъ дрожащій скелетъ все еще ѣздитъ въ каретѣ, запряженной цугомъ въ восемь лошадей, обѣдаетъ съ гайдуками за стуломъ, и наблюдаетъ такой же торжественный этикетъ, которымъ онъ былъ окруженъ во время своей силы.

Потомъ слѣдуетъ Корсаковъ, когда-то первый адъютантъ императрицы, котораго, по словамъ миссъ Вильмотъ, можно было назвать привидѣніемъ изъ брильянтовъ. Несмотря на глубокія морщины, онъ все еще утѣшается воспоминаніями о прошломъ счастіи.

Но самое видное мѣсто между подобными памятниками XVIII вѣка принадлежитъ, конечно, знаменитому графу Чесменскому, самому богатѣйшему изъ московскихъ вельможъ. Атлетическія формы и отпечатокъ суровой энергіи на лицѣ семидесятилѣтняго старика попрежнему отличаютъ его отъ толпы современниковъ; а на его рукѣ,

осыпанной брильянтами, можно всегда видѣть портретъ Екатерины II. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ жилъ недалеко отъ Донскаго монастыря, въ палатахъ, окруженныхъ садами, жилъ чрезвычайно роскошно и особенно любилъ доставлять увеселенія простому народу. Московская чернь долго потомъ вспоминала о бѣгахъ и скачкахъ, которые производились, по воскресеньямъ, передъ домомъ графа. Болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ между нимъ и княгинею Дашковой вспыхнула жестокая вражда, и съ давнихъ поръ они уже не встрѣчались другъ съ другомъ. Но зимой 1804 года старые враги неожиданно примирились, и вотъ какимъ образомъ это случилось *).

Графъ Орловъ имѣлъ единственное дитя, дочь Анну, которую любилъ и лелѣялъ болѣе всего на свѣтѣ. Дѣвушка начала выѣзжать въ общество и обратила на себя всеобщее вниманіе своею красотою, кротостью и разнообразными талантами. Отецъ со всѣхъ сторонъ слышалъ восторженныя похвалы, расточаемыя его дочери; ему недостаточно было этихъ раболѣпныхъ похвалъ: онъ захотѣлъ узнать мнѣніе княгини Дашковой, мнѣніе, *которымъ особенно дорожилъ*. Екатеринѣ Романовнѣ передали его желаніе; не вдругъ дала она свое согласіе, и только послѣ нѣкоторой борьбы изъявила готовность принять визитъ. Надменный вельможа не заставилъ себя долго ждать и привезъ къ Дашковой свою любимицу.

— Много утекло времени, графъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись, говорила княгиня, давая поцаловать ему свою руку:—міръ, въ которомъ мы нѣкогда жили, такъ перемѣнился, что настоящее наше свиданіе, мнѣ кажется, болѣе всего походитъ на встрѣчу за гробомъ. И этотъ кроткій ангелъ, прибавила она, обнимая молодую графиню:—соединяющій насъ въ такую минуту, прекрасно дополняетъ картину загробной встрѣчи.

Съ тѣхъ поръ Орловъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ дочь его находилась въ обществѣ Дашковой. Разъ, въ присутствіи графа, княгиня рекомендовала миссъ Мери его балы, какъ превосходный образецъ, по которому иностранцы могутъ составить себѣ понятіе объ увеселеніяхъ въ русскомъ вкусѣ. Графъ тотчасъ попросилъ назначить день и далъ великолѣпный праздникъ.

Все видѣнное на этомъ праздникѣ показалось молодой англичанкѣ чрезвычайно оригинальнымъ: представительная фигура самого хозяина съ алмазнымъ портретомъ Екатерины на груди, и два гай-

*) Изъ разсказа миссъ Мери.

дука съ карликомъ, которые постоянно находились за спиною графа, шутъ, забавлявшій общество своими дурачествами, но по временамъ отпускавшій и злыя остроты на счетъ самаго общества, и цѣлая стая рабовъ различныхъ націй, которые расхаживали по длинному ряду комнатъ въ пестрыхъ національныхъ костюмахъ, разнося гостямъ разнаго рода лакомства и прохладительные напитки. Настоящею героинею праздника, конечно, была молодая графиня. Она принимала дѣятельное участіе въ танцахъ, и всѣ присутствовавшіе невольно любовались легкостью, граціозностью ея движеній, въ которыхъ ясно отражалась вся наивность и прелесть невинной души. По желанію графа, она, для удовольствія гостей, пляшетъ танецъ съ шалью, съ тамбуриномъ, казачка, цыганку, русскую и пр. При этомъ двѣ служанки выполняютъ вмѣсто нея фигуры, считавшіяся недовольно приличными для молодой графини; а гости составляютъ около нея благоговѣйный кругъ. Послѣ каждаго танца графиня подбѣгаетъ къ восхищенному отцу, чтобъ поцаловать у него руку, а потомъ цалуетъ руку княгини; старикъ съ нѣжною заботливостью кладетъ ей на плечи шаль *). За танцами слѣдуетъ ужинъ съ страшнымъ количествомъ блюдъ. Когда, при громѣ трубъ и литавръ, провозглашенъ былъ тостъ въ честь княгини Дашковой, все собраніе встало и низко ей поклонилось. Между тѣмъ хоръ пѣсенниковъ тянулъ русскія пѣсни; а когда онъ умолкалъ, раздавались звуки роговаго оркестра (конечно, составленнаго изъ крѣпостныхъ). Но вотъ окончился и ужинъ. Хозяинъ поднимается первый и благодаритъ княгиню за честь, которую она оказала его „бѣдной хижинѣ". Онъ торжественно ведетъ ее въ польскій, за нимъ попарно слѣдуютъ всѣ гости.

До какой степени Екатерина Романовна внушала иногда страхъ неумолимою правдою, очень живо характеризуетъ слѣдующій анекдотъ:

Страсть московскихъ барынь къ нарядамъ была въ то время такъ велика, что вошло въ обычай, за неимѣніемъ собственныхъ дорогихъ вещей, безъ всякаго стыда надѣвать чужія платья и украшенія; нѣкоторые блистательные уборы, принадлежавшіе богатымъ дамамъ, появляясь поочереди то на той, то на другой особѣ, пріобрѣли себѣ даже всеобщую извѣстность. Тѣмъ не менѣе (такова сила предраз-

*) Графиня Анна Алексѣевна Орлова, какъ извѣстно, отказалась отъ замужества и впослѣдствіи впала въ піетизмъ. Значительная часть орловскихъ богатствъ перешла, черезъ ея руки, на украшеніе новгородскаго Юрьевскаго Монастыря.

судка), гости, богаче других одѣтые, хотя бы и всѣ знали, что на нихъ чужіе костюмы, пользовались вездѣ знаками особеннаго вниманія и предпочтенія. Княгиня Дашкова, разумѣется, была открытымъ врагомъ подобнаго обычая и преслѣдовала его желчными сарказмами; сама она, какъ извѣстно, одѣвалась чрезвычайно просто. Госпожа Н*, одна изъ ея племянницъ, явилась однажды на балъ, вся, отъ головы до пояса, блистая крупными брильянтами, которыми снабдила ее княгиня Голицына. Она вошла въ залу съ лицомъ, сіявшимъ отъ удовольствія; но вдругъ замѣтила княгиню—и щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ смущенія. Въ добавокъ Н*, занявшись усердно своимъ туалетомъ, поздно пріѣхала на вечеръ, чего княгиня также очень не любила. Все время бала молодая женщина съ комическимъ страхомъ хлопочетъ о томъ, чтобъ укрыться отъ взоровъ милой тётушки и умоляетъ миссъ Мери защитить ее, въ случаѣ неизбѣжной атаки. Когда надобно было садиться за ужинъ, страхъ овладѣлъ ею до невѣроятной степени. Она старается выбрать такое мѣсто, на которомъ княгиня не могла бы ее замѣтить, и тревожно слѣдитъ за всѣми движеніями Дашковой. Но—о ужасъ! княгиня садится на концѣ стола, такъ что ей видно все общество; въ добавокъ, она ищетъ глазами Мери, сосѣдку госпожи Н*. Бѣдная женщина сидитъ ни жива ни мертва, тщательно закутываетъ шалью свой бюстъ и потихоньку крестится; ее болѣе всего страшитъ злодѣйскій головной уборъ, котораго укрыть нѣтъ никакой возможности. По счастью, длинная вереница блюдъ, разносимыхъ слугами, загораживаютъ ее отъ грозныхъ взоровъ старушки. Наконецъ ужинъ прекратился, и цѣлая гора свалилась съ плечъ госпожи Н*. Немедля ни минуты, она бросилась въ карету и только у себя въ комнатѣ могла спокойно налюбоваться своимъ уборомъ вмѣстѣ съ мужемъ, который, по нездоровью, оставался дома.

Мы упомянули, что княгиня не любила поздно пріѣзжавшихъ гостей. Сама она въ этомъ отношеніи держалась другой крайности, потому что пріѣзжала всегда на балы ранѣе, нежели зажигали свѣчи. А такъ какъ Дашкова въ Москвѣ считалась первою особою, то ея появленіе, разумѣется, производило страшное замѣшательство: въ домѣ все начинало суетиться, чтобъ поскорѣе окончить приготовленія къ балу; а хозяинъ, едва возставшій отъ своего послѣобѣденнаго сна, опрометью бросался на встрѣчу гостьѣ. Баронесса Гоггеръ разсказываетъ, какъ однажды дѣвица Полянская собралась ѣхать съ тёткою на придворный балъ. Дашкова велѣла ей быть готовой

къ извѣстному часу, но парикмахеръ ее задержалъ; по этому случаю тётка выходила изъ себя отъ нетерпѣнія, а племянница суетилась и чуть не плакала. Наконецъ, надѣвъ кое-какъ платье, она сѣла въ карету съ княгиней, которая приказала кучеру гнать лошадей во всю прыть къ лѣтнему дворцу. Пріѣхали. У подъѣзда еще нѣтъ ни одного экипажа. Онѣ прошли по комнатамъ; слуги сметали пыль со столовъ и стульевъ. Княгиня, разгорѣвавшаяся отъ сильнаго нетерпѣнія, идетъ въ садъ, чтобъ освѣжиться. Полянская, какъ обреченная на жертву, слѣдуетъ за тёткой; а между тѣмъ локоны дѣвушки развивались, пудра опадала, и сама она совсѣмъ не съ праздничнымъ настроеніемъ духа явилась на балъ, который открылся цѣлый часъ спустя послѣ ихъ пріѣзда. Точно также княгиня ранѣе всѣхъ уѣзжала съ бала.

Сестры Вильмотъ описываютъ еще цѣлый рядъ видѣнныхъ ими пировъ и праздниковъ, которые давали московскіе тузы того времени. Такъ онѣ веселились у графа Остермана, генерала Кнорринга, Дурасова—богатаго золотопромышленника, генерала Тутолмина и другихъ. Пиры эти перемѣшивали дальними прогулками въ саняхъ, катаньями съ ледяныхъ горъ и другими удовольствіями, которыя для англичанокъ, по своей новости и оригинальности, показались сначала весьма-привлекательными.

Бойкая, всѣмъ интересующаяся миссъ Кети, впрочемъ, скоро присмотрѣлась къ увеселеніямъ высшаго московскаго общества, увеселеніямъ, болѣе или менѣе церемоннымъ и однообразнымъ. Она изъявила княгинѣ желаніе познакомиться съ образомъ жизни и обычаями чисто-русскими, безъ примѣси европейскихъ. Дашкова обѣщала удовлетворить ея любопытству, и однажды со всѣмъ своимъ обществомъ-состоявшимъ изъ шестнадцати человѣкъ, отправилась обѣдать въ самый знаменитый изъ московскихъ трактировъ. Имъ подали до сотни русскихъ блюдъ. На верхнемъ концѣ стола сидѣла сама хозяйка, набѣленная и разрумяненная какъ кукла, въ сарафанѣ, шитомъ золотомъ, съ жемчужной повязкой на головѣ и брильянтами на грязныхъ пальцахъ. Прислугу составляли человѣкъ восемьдесятъ бородатыхъ половыхъ, въ красныхъ и пестрыхъ рубашкахъ, съ засученными рукавами. Какой-то мальчикъ услаждалъ слухъ пировавшихъ звуками органа. За позволеніе играть онъ платилъ хозяину по нѣскольку сотъ рублей въ годъ—доказательство, какъ многочисленны были посѣтители гостиницы и какъ они любили слушать музыку. Послѣ обѣда явился хоръ цыганъ и цыганокъ, съ дорогими шалями черезъ плечо и серь-

гами изъ золотыхъ монетъ. Ихъ манера дико вскрикивать во время пѣнія производила непріятно-сильное раздраженіе въ ушахъ благовоспитанныхъ англичанокъ; а, смотря на ихъ бѣшенную пляску, старшая миссъ Вильмотъ невольно припомнила себѣ танцующія группы на античныхъ картинахъ въ Геркуланумѣ.

Въ другой разъ княгиня съ своей свитой обѣдала у татарскаго князя; въ третій они были у купца раскольника (Ильи Алексѣевича), который радушно ихъ угощалъ, самъ прислуживалъ имъ, объяснялъ разные обычаи своей секты, показывалъ раскольничьи молельни и больницы, построенныя около его дома, но обѣдать вмѣстѣ отказался. Онъ былъ прежде крѣпостнымъ человѣкомъ Долгорукихъ, потомъ откупился и нажилъ себѣ огромное состояніе Извѣстный Платовъ, по просьбѣ княгини, устроилъ для англичанокъ примѣрное сраженіе между казаками своего полка, и показалъ имъ, какимъ образомъ казаки ведутъ войну, или берутъ въ плѣнъ непріятелей.

Посмотримъ теперь, какія заключенія выводитъ старшая Вильмотъ о московскомъ обществѣ и вообще о русской цивилизаціи въ началѣ XIX столѣтія:

„Подчиненность развита здѣсь до крайней степени. Тутъ нѣтъ того, что у насъ называютъ словомъ „джентльменъ“; достоинства каждаго оцѣняются мѣрою высшей милости. Въ понятіяхъ массы слова *хорошій* и *плохой* суть синонимы *благоволенія* и *неблаговоленія*; уваженіе къ личному характеру замѣняется уваженіемъ къ чину. Вліяніе такого порядка вещей на нравы невольно бросается въ глаза. Старики, выжившіе изъ ума, имѣютъ наибольшее значеніе въ обществѣ, конечно, потому, что они могутъ навѣшать на себя гораздо болѣе лентъ и орденовъ, чѣмъ другіе. Вполнѣ образованныхъ молодыхъ людей въ Москвѣ немного; большая часть молодёжи обыкновенно составляетъ себѣ карьеру или въ Петербургѣ или въ арміи. Здѣсь же преимущественно встрѣчаются еще недозрѣлые юноши, напомаженные и разодѣтые по послѣдней модѣ, и всегда въ сопровожденіи французскихъ гувернёровъ, которые тщательно слѣдятъ за успѣхами своихъ питомцевъ на первыхъ порахъ ихъ свѣтской жизни.

„Я желала бы ввести тебя въ залу, въ которой дюжина крѣпостныхъ ожидаютъ княгиню съ хлѣбомъ и солью. Едва показывается госпожа, какъ они падаютъ ницъ и цалуютъ полъ съ видомъ самой пассивной покорности. Всякій помѣщикъ здѣсь полновластный госпо-

динъ своихъ крестьянъ; смотря по расположенію, онъ можетъ быть для нихъ или ангеломъ или чортомъ, и перевѣсъ, конечно, на сторонѣ послѣдняго. Да и трудно быть ангеломъ тому, кто пользуется правомъ безконтрольнаго владычества. Что касается знатныхъ особъ, видѣнныхъ мною въ Москвѣ, то, находясь въ ихъ обществѣ, невольно замѣчаешь, что и эти владѣтельныя лица, въ свою очередь, также подначальные люди.

„Россія относительно образованія, по моему мнѣнію, находится еще въ XIV или XV столѣтіи. А что касается роскоши Москвы, или цивилизаціи Петербурга, то эти два города, въ отношеніи къ цѣлой странѣ, можно уподобить модной парижской шляпкѣ на головѣ грубой деревенской дѣвочки“.

Миссъ Кети не ограничивается характеристикою московскаго общества; она останавливаетъ свое вниманіе и на внѣшности города, поднимается на колокольню Ивана-Великаго, любуется оттуда живописными видами окрестностей, уличною дѣятельностью жителей и находитъ, что общая физіономія города азіатская.

Далѣе у нея встрѣчаются замѣтки о нѣкоторыхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, погребальныхъ и свадебныхъ обрядахъ нашего простонародья. Мы не распространяемся объ этой сторонѣ писемъ, потому что предметъ долженъ быть хорошо извѣстенъ каждому русскому читателю; однако не отказываемъ себѣ въ удовольствіи и отсюда сдѣлать небольшое извлеченіе.

„Разумѣется, я не могла провести въ Россіи весну (пишетъ Кети изъ Троицкаго), не познакомившись съ тѣмъ фантастическимъ міромъ, который существуетъ здѣсь въ народныхъ вѣрованіяхъ и примѣшиваетъ сильный языческій элементъ къ религіознымъ понятіямъ массы. Напримѣръ, говоря о поклоненіи великому *Перуну* (который, по представленію древнихъ славянъ, обиталъ въ священныхъ лѣсахъ, потрясалъ землю бурями, говорилъ громомъ и требовалъ человѣческихъ жертвъ), можно ли считать такое поклоненіе давнопрошедшимъ? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ. Этотъ грозный духъ еще продолжаетъ являться народному воображенію и въ вѣтрѣ, волнующемъ колосья на полѣ, и въ журчаніи ручья, и въ шумѣ дубравы Чтобъ укротить его гнѣвъ, сельскіе жители, приносятъ ему пищу и вѣнки, которые кладутъ на могилу умершаго. Я видѣла также какъ они берутъ горсть земли съ могилы и вѣшаютъ ее на грудь вдовы или сиротъ, чтобъ отклонить отъ нихъ ярость злыхъ геніевъ, стремящихся овладѣть душою покойника.

„Не такъ страшенъ женскій духъ, населяющій рѣки, съ своимъ очаровательнымъ голосомъ и длинными, ярко-зелеными кудрями. Эта богиня, существующая въ воображеніи поселянъ, называется *Русалка*. Она расчесываетъ свои длинные зеленые локоны, плететъ вѣнки изъ прекраснѣйшихъ весеннихъ цвѣтовъ, бросаетъ ихъ внизъ по стремленію потока и громко вздыхаетъ, почуя шаги приближающагося человѣка. Нимфы ея блуждаютъ по рощамъ и по источникамъ, разсыпая повсюду свои чары, которыя могутъ околдовать неопытнаго путника, и открываютъ будущее тому, кто умѣетъ ихъ заговаривать.

„Однажды я замѣтила на берегу рѣки группу крестьянскихъ дѣвушекъ, занятыхъ чѣмъ то очень прилежно. Подошедши ближе, я увидала, что онѣ бросали въ воду вѣнки изъ васильковъ и по ихъ движеніямъ гадали о своей судьбѣ.

„Каждое новорожденное дитя здѣсь окружено чарами злыхъ, завистливыхъ духовъ, старающихся мѣшать всему, что можетъ способствовать его счастью. Прогуливаясь какъ то въ саду, я останоавилась, чтобъ полюбоваться хорошенькимъ розовымъ малюткой, который, по здѣшнему обыкновенію, лежалъ въ корзинѣ за спиной матери. Я истощила весь свой запасъ русскихъ словъ, называя его миленькимъ, добренькимъ и проч., какъ вдругъ, къ изумленію моему, мать съ видомъ, чрезвычайно встревоженнымъ, раскрыла младенца и начала облизывать его съ головы до ногъ. Я подумала, что она приняла меня за чорта, и скорѣе скрылась въ кусты. Бѣдная женщина—такъ объяснила мнѣ потомъ княгиня—была вполнѣ убѣждена, что я сглазила ея ребенка; это значитъ: злые духи постараются наказать его въ той самой мѣрѣ, въ какой я хвалила, а потому она хотѣла снять съ него мои похвалы и предохранить отъ мести злыхъ духовъ.“

Старые годы княгини Дашковой, какъ мы видимъ, были согрѣты теплымъ участіемъ и дружбою двухъ умныхъ симпатичныхъ дѣвушекъ, каковы были сестры Вильмотъ. Время, проведенное вмѣстѣ съ ними, надобно считать одною изъ самыхъ ясныхъ эпохъ ея тревожной жизни.

Въ мартѣ Екатерина Романовна воротилась изъ Москвы въ Троицкое, которое она всегда привѣтствовала съ восторгомъ, и изъ котораго, по ея словамъ, она никогда бы не выѣзжала, еслибъ, не дѣлала этого для другихъ.

— Now i pray you dear sister Kaitia admire with me my beauti-

ful Troitskoe“, говорила разъ утромъ княгиня, протирая замерзшія стекла и мѣшая, по своему обыкновенію, англійскія фразы съ французскими.—„Look, have you seen or in Italy or in France (mais c'est un vilain pays) même en Anglettere a *ting*, so perfect as cette superbe prairie à l'autre cotê de la rivière? Tell me out true, is not un vrais paradis? *).

— По совѣсти, княгиня, я ничего не вижу, кромѣ снѣга, отвѣчаетъ откровенная Кети.—Прошлой осенью лугъ былъ зеленъ и дѣйствительно красивъ; но теперь я ровно ничего не понимаю изъ того, что вы говорите.

— Cependant, ma chère amie, avec votre esprit вы могли бы вобразить себѣ другое время года. Mais passons la dessus, деревья вскорѣ покроются листьями, и вы поймете, что jamais, jamais какая нибудь другая мѣстность не можетъ соперничать съ Троицкимъ относительно прелести. Et pourquoi, mon enfant? Потому что я все это дѣлала сама: я собственными руками трудилась съ каменьщиками надъ стѣнами, сажала молодыя деревья, чертила планы, и цѣлая тысяча крестьянъ работала лопатами подъ моимъ надзоромъ. Я тогда была не такъ богата, какъ теперь, и потому соблюдала во всемъ экономію.

Весна 1806 года прошла въ Троицкомъ очень весело и была оживлена разными сельскими удовольствіями. Въ домѣ Дашковой никогда не переводились гости; съ разныхъ сторонъ съѣзжались сюда ея многочисленные родные и знакомые. Между гостями случился тогда какой то любимый племянникъ княгини съ женой и маленькой дочерью. Сестры Вильмотъ очень подружились съ этою четою и вмѣстѣ съ ними устроили пріятный сюрпризъ для хозяйки.

Одна изъ деревень, окружавшихъ Троицкое, по имени Ершова, отличалась своимъ живописнымъ, романтическимъ мѣстоположеніемъ. Княгиня не была въ немъ уже цѣлыя восемь лѣтъ. Молодые люди задумали устроить здѣсь сельскій праздникъ съ помощью избранныхъ слугъ и самихъ крестьянъ Ершова. Нѣсколько дней производились тайныя приготовленія; на маленькой рѣкѣ устроили нѣчто въ родѣ водопада, низвергающагося со скалы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сложили каменные гроты, расчистили зеленыя лужайки и разставили

*) „Пожалуйста, милая сестра Кети, порадуйтесь со мной на мое прекрасное Троицкое. Посмотрите, видали-ль вы въ Италіи или во Франціи (впрочемъ, это не хорошая страна), и даже въ Англіи что нибудь такъ же великолѣпное, какъ прекрасный лугъ по ту сторону рѣки? Скажите по совѣсти, не похоже ли это на истинный рай“?

скамьи. Когда все было приготовлено, княгиню съ гостями, подъ благовиднымъ предлогомъ, пригласили въ Ершово, и здѣсь, къ общему удивленію, начали угощать ихъ разными плодами, сливками и т. п.; а между тѣмъ, крестьяне, въ праздничныхъ нарядахъ, съ цвѣтами въ рукахъ, затянули пѣсни и завели хороводы. Послѣ праздника молодые люди начали упрашивать княгиню, чтобъ она соединила живописное Ершово съ своимъ домомъ аллеями, скамейками, и вообще занялась бы устройствомъ этого хорошенькаго уголка. Екатерина Романовна отвѣчала, что она уже слишкомъ стара для новыхъ предпріятій, и что ея Троицкое—эта однообразная равнина—и безъ Ершова походитъ на земной рай.

Дашкова, съ своей стороны, не ограничивалась одною дружбою и ласками въ отношеніи къ сестрамъ Вильмотъ: она часто дѣлала имъ значительные подарки, особенно своей любимицѣ, Мери, и всегда умѣла облекать самый актъ въ какую нибудь благовидную или забавную форму. Напримѣръ, Мери какъ-то простудилась, заболѣла горломъ и слегла въ постель. Княгиня почти отъ нея не отходила. Разъ утромъ, когда больная уже стала оправляться, хозяйка входитъ въ комнату Кети съ апельсинной коркой въ рукѣ и проситъ ее передать сестрѣ пилюли, которыя, будто-бы, аптекарь прислалъ ей отъ горла: внутри корки лежало четыре нити отличнаго жемчуга. Послѣ того княгиня отъ души смѣялась надъ тѣми докторами, которые прописываютъ своимъ паціентамъ жемчугъ вмѣсто пилюль.

Этого мало. Дашкова позаботилась о будущности своей любимицы и постаралась обезпечить ее значительною суммою денегъ. Въ іюнѣ 1806 года она писала вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и, на случай своей смерти, просила ее оказать покровительство миссъ Вильмотъ, пока послѣдняя будетъ оставаться въ Россіи. Кромѣ того, княгиня просила опекунскій совѣтъ принять на себя обязанность ея душеприкащика, и хотѣла положить въ него 5000 фунтовъ стерлинговъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ ея смерти совѣтъ передалъ эти деньги младшей миссъ Вильмотъ. Въ августѣ императрица прислала княгинѣ благосклонный отвѣтъ, и, какъ начальница благотворительнаго учрежденія, изъявила полную готовность наблюсти за точнымъ исполненіемъ завѣщанія. Означенная сумма въ 5000 фунтовъ стерлинговъ, впрочемъ, не была внесена въ совѣтъ, а впослѣдствіи выслана прямо въ Англію. Нельзя сказать, чтобъ такой подарокъ былъ очень щедръ, если взять въ разсчетъ состояніе Дашковой и прекращеніе прямаго потомства.

Лѣтомъ того же 1806 года Екатерина Романовна совершила съ своими дорогими гостями путешествіе въ Ростовъ ко гробу св. Димитрія, котораго фамилія Воронцовыхъ считала своимъ патрономъ. Дорогою они заѣзжали въ Троицкую Лавру, и осмотрѣли ея достопримѣчательности; болѣе всего обратилъ на себя вниманіе англичанокъ знаменитый старецъ, митрополитъ Платонъ. Далѣе онѣ любовались видомъ Переяславскаго Озера и, конечно, вспомнили по этому случаю о потѣшной флотиліи Петра I. При въѣздѣ въ Ростовъ, княгиню встрѣтили городскія власти въ полномъ мундирѣ (та же самая церемонія происходила и въ другихъ провинціальныхъ городахъ, лежавшихъ на пути); въ сопровожденіи властей, она проѣхала прямо въ соборъ, приложилась къ серебряной ракѣ святаго и заказала обѣдню на слѣдующій день. По замѣчанію Вильмотъ, Дашкова во все время путешествія обнаруживала самое строгое внѣшнее благочестіе, съ большою точностью выполняла всѣ обряды и усердно служила вездѣ молебны.

„Когда окончилась обѣдня (разсказываетъ Кети), архимандритъ приблизился къ княгинѣ и попросилъ удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Этотъ почтенный мужъ съ волосами, разсыпанными по плечамъ и съ сѣдою бородою, въ длинной, волнами ниспадающей одеждѣ, провелъ насъ въ свое жилище. Оно состояло изъ цѣлаго ряда богато-убранныхъ комнатъ съ расписными потолками, съ итальянскими фресками и портретами царской фамиліи на стѣнахъ. Княгиня заняла мѣсто подъ малиновымъ балдахиномъ подлѣ стола, который былъ уставленъ разными вкусными блюдами. По приглашенію хозяина, мы начали закусывать, а между тѣмъ служки, въ своихъ длиннополыхъ кафтанахъ, разносили намъ чай, кофе, шоколадъ и пирожное“.

Тѣсная дружба Екатерины Романовны съ младшею Вильмотъ, какъ и надобно было ожидать, не избавилась отъ нападковъ со стороны злыхъ языковъ. Между родственницами княгини нашлась одна особа, которая начала распускать очень неблагопріятные слухи насчетъ миссъ Мери. Она обвинила дѣвушку въ эгоистическихъ видахъ на князя Дашкова. Сынъ со времени своей женитьбы находился въ довольно-странныхъ отношеніяхъ къ матери. Онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ нею, даже видѣлся изрѣдка и соблюдалъ всѣ внѣшнія, условныя приличія; но полнаго примиренія между ними не существовало; о женѣ князя никогда не было и помину. Госпожа*** по секрету передала своимъ знакомымъ, будто-бы Даш-

кова хлопочетъ о разводѣ сына съ намѣреніемъ женить его на младшей Вильмотъ, и дѣйствуетъ такъ, конечно, подъ вліяніемъ этой хитрой англичанки, которая напрасно притворяется наивностью. Клевета, ловко пущенная въ ходъ, не замедлила распространиться по Москвѣ и возбудила сильное негодованіе противъ бѣдной Мери. Разростаясь и проходя различныя фазы, сплетня сдѣлалась давно извѣстною въ домѣ Дашковой; однѣ только сестры Вильмотъ все еще не подозрѣвали ея существованія, благодаря незнанію русскаго языка и запрещенію княгини передавать имъ подобные слухи. Но, рано или поздно, истина должна была обнаружиться. На обратномъ пути изъ Ростова путешественницы остановились на нѣсколько дней въ Москвѣ, и здѣсь одна англійская леди разсказала обѣимъ сестрамъ слухи, которые ходили насчетъ Мери. Послѣдняя, разумѣется, была очень возмущена такою черною клеветою. Врагъ успѣлъ, кромѣ того, набросить на нее и другую тѣнь. Между русскимъ и англійскимъ кабинетомъ начались тогда враждебныя отношенія. Княгиня была всѣмъ извѣстна своимъ пристрастіемъ къ Англіи и ненавистью къ Франціи; поэтому не трудно было двухъ англичанокъ, гостившихъ у нея, выставить правительству людьми опасными, за которыми надобно имѣть надзоръ.

Первымъ дѣломъ Мери было объясниться, при удобномъ случаѣ, съ княгинею; она сообщила ей свое намѣреніе немедленно уѣхать въ отечество. Дашкова старалась успокоить дѣвушку: говорила, что самое дѣйствительное оружіе противъ клеветы есть презрѣніе, и ни за что не хотѣла разлучиться съ своею любимицею. Мери соглашалась остаться только съ условіемъ, чтобъ княгиня примирилась съ сыномъ и невѣсткою; на такое предложеніе Екатерина Романовна отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Между друзьями долго тянулись переговоры и завязалась дѣятельная переписка; наконецъ, княгиня объявила, что, если Мери непремѣнно хочетъ ѣхать, то она сама проводитъ ее въ Англію. Зная настойчивый характеръ своего стараго друга и не желая подвергнуть его трудностямъ такого дальняго пути, дѣвушка уступила и на время отложила свой отъѣздъ.

Когда княгиня на слѣдующую зиму, по обыкновенію, переѣхала въ Москву, упомянутые толки все еще продолжались; образовались даже двѣ партіи: одна поддерживала госпожу ***, другая вступилась за обвиненную. Борьба этихъ партій прекратилась только вслѣдствіе неожиданнаго удара, постигшаго фамилію князей Дашковыхъ.

Въ январѣ 1807 года Екатерина Романовна узнала, что сынъ ея опасно занемогъ. Не успѣла она еще сдѣлать какое-либо распоряженіе, какъ ее извѣстили, что князь Дашковъ скончался. Ему было только 43 года, и смерть застигла его совершенно неожиданно. Миссъ Мери отказывается описывать тяжелыя сцены, которыя послѣдовали за кончиною князя, и страданія своего друга. Читатель и безъ того легко можетъ представить себѣ грустные похороны, комнату наполненную толпою родственниковъ въ глубокомъ траурѣ съ печальными физіономіями, и мрачное выраженіе на лицѣ старой княгини, у которой судьба отняла теперь всякую надежду на продолженіе мужскаго потомства: родъ князей Дашковыхъ пресѣкся.

Между тѣмъ, двѣ родственницы Екатерины Романовны, графиня Воронцова и госпожа Норова отправились въ отдаленную деревню съ письмомъ къ женѣ покойнаго сына, и съ порученіемъ привезти ее въ Москву. Княгиня Анна, составившая себѣ, около двадцати лѣтъ назадъ, такую блистательную партію, жила теперь въ совершенномъ уединеніи и почти была забыта роднею своего мужа. Причины ея разлуки съ княземъ остались для насъ неизвѣстны: сестры Вильмотъ не хотѣли ничего сказать объ этомъ; только младшая намекаетъ на какую-то сплетню въ родѣ упомянутой клеветы госпожи ***. Мы, впрочемъ, едва-ли будемъ далеки отъ истины, если главную вину припишемъ вѣтренности князя, который, по всей вѣроятности, очень скоро охладѣлъ къ своей бѣдной супругѣ. Передъ смертію онъ, однако, вспомнилъ о ней и постарался обезпечить ея состояніе; но княгиня Анна, какъ говорятъ, пораженная скорбью о его кончинѣ, разорвала актъ, по которому мужъ передавалъ ей часть своего имѣнія. Свиданіе двухъ вдовъ, старой и молодой княгини Дашковой, было очень трогательно; обѣ плакали и въ первыя минуты почти ничего не могли говорить. Слѣдовательно, нуженъ былъ такой страшный ударъ, какъ смерть сына, чтобъ смягчить сердце Екатерины Романовны и подвинуть его на примиреніе съ невѣсткою! Старушку очевидно мучило раскаянье.

Тихая, кроткая княгиня Анна вскорѣ возбудила общее участіе къ себѣ въ окружавшихъ ее людяхъ; но замѣтная слабость характера и неумѣнье держать себя съ тактомъ—вѣроятно вслѣдствіе угнетенія и долгаго одиночества—мѣшали ей пріобрѣсти должное уваженіе. Такъ, напримѣръ, она всѣми силами старалась угождать свекрови, а въ результатѣ выходило, что свекровь скучала ея излишнею внимательностію. За то съ младшей Вильмотъ она сошлась какъ

нельзя лучше и подарила ее полнымъ довѣріемъ. Мы думаемъ, что и самое примиренiе съ нею старой княгини едва ли могло совершиться безъ посредничества доброй англичанки.

Весна нѣсколько оживила семью, облеченную въ трауръ. Мало по малу начались прогулки, визиты, развлеченія. Хлопоты по наслѣдству княгини Анны задержали Дашкову въ Москвѣ долѣе обыкновеннаго. Екатерина Романовна купила невѣсткѣ хорошенькій домикъ, отдѣлала его, и вообще озаботилась устройствомъ ея будущности.

Старшая Вильмотъ, уже давно соскучившаяся по родинѣ, рѣшилась тою же весною оставить Россію и собралась въ дорогу. Мери располагала сначала ѣхать вмѣстѣ съ сестрою, но смерть Дашкова измѣнила ея намѣреніе. Покинуть своего стараго друга въ такихъ обстоятельствахъ—у нея недостало духу, и она опять отложила свой отъѣздъ. Началось медленное и торжественное прощанье съ миссъ Кети. Ей старались доставлять всѣ возможныя удовольствія. Каждый день домашнее общество княгини уѣзжало гулять и пить чай куда нибудь за городъ: въ Нескучное, Останкино, Царицино и пр. Такъ прошло время до іюля. 4 числа гостья покинула Москву. Княгиня со всей компаніей отправилась проводить ее до рижскаго или петербургскаго порта. Путешественницы переночевали въ Воскресенскомъ Монастырѣ, гдѣ ихъ очень радушно угощалъ архимандритъ Мельхиседекъ. На слѣдующій день онѣ прибыли къ вечеру въ городокъ Клинъ. Тутъ Кети, видя, что дальнѣйшее путешествіе можетъ обойтись слишкомъ дорого для разстроеннаго здоровья княгини, уговорила ее воротиться назадъ — и онѣ разстались.

Въ Петербургѣ старшая Вильмотъ встрѣтила препятствія, задержавшія ее на цѣлый мѣсяцъ. Дѣло въ томъ, что она не запаслась паспортомъ и не соблюла предварительно всѣхъ формальностей, которыя требовались отъ иностранцевъ, уѣзжавшихъ изъ Россіи, и особенно отъ англичанъ: въ столицѣ около того времени праздновали Тильзитскій миръ; отношенія же къ Англіи принимали очень неблагопріятный оборотъ. Наконецъ, при помощи знакомства и писемъ княгини, препятствія были уничтожены, и дѣвушка сѣла на корабль. Ей случилось пройти мимо британскаго флота наканунѣ самаго бомбардированія Копенгагена.

Между тѣмъ въ печальномъ настроеніи духа воротилась въ Москву княгиня Дашкова съ Мери. Здѣсь еще нѣсколько недѣль про-

шло въ хлопотахъ по дѣламъ невѣстки и особенно въ непріятномъ спорѣ о наслѣдствѣ съ ея родственниками по мужу. Только воротясь въ Троицкое, Екатерина Романовна вздохнула свободнѣе, и здоровье ея стало опять поправляться.

Вообще около этого времени Дашкова замѣтно начинаетъ устроивать свои дѣла такъ, какъ будто готовилась къ близкой кончинѣ. Она привела въ порядокъ естественный кабинетъ, собранный большею частью во время путешествія по Европѣ, и подарила его Московскому университету. Многимъ лицамъ княгиня разослала, на память о себѣ, разныя вещи, отправила нѣсколько рѣдкостей императору и двумъ императрицамъ, и получила отъ нихъ дружескія письма. Но болѣе всего заботилась она о томъ, чтобъ сохранить въ потомствѣ имя князей Дашковыхъ. Главнымъ наслѣдникомъ ихъ родоваго имущества, согласно съ желаніемъ покойнаго сына, Екатерина Романовна назначила внучатнаго племянника своего, Ивана Иларіоновича Воронцова, и попросила государя о дозволеніе носить ему двойную фамилію: Воронцовъ-Дашковъ, на что и послѣдовало вскорѣ высочайшее разрѣшеніе.

Очень грустно было Мери смотрѣть на эти предсмертныя распоряженія. Она чувствовала, что оставалась единственною опорою, единственнымъ утѣшеніемъ старушки, что ея присутствіе теперь болѣе необходимо, чѣмъ когда нибудь; тѣмъ не менѣе миссъ Вильмотъ рѣшилась въ томъ же году покинуть своего друга.

Между Англіею и Россіею объявлена была война. Англичане спѣшили брать паспорты и оставляли Россію. Обстоятельство это сильно встревожило обитателей Троицкаго замка. Письма старшей Вильмотъ выражали безпокойство за участь сестры и навѣвали на нихъ еще большее уныніе. Нѣсколько времени Мери колебалась; но узнавъ, что дружески знакомые съ нею полковникъ Поленъ и его жена отправляются въ Англію она рѣшилась ѣхать съ ними въ одномъ кораблѣ и объявила княгинѣ о своемъ рѣшеніи. Екатерина Романовна до сихъ поръ, кажется, надѣялась умереть на рукахъ своего юнаго друга. Понятно, какая глубокая тоска должна была овладѣть ею, когда, вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій Мери, она согласилась, что разлука для нихъ необходима. Затѣмъ послѣдовали грустные, прощальные дни. Впрочемъ, дѣвушка утѣшала княгиню обѣщаніемъ непремѣнно воротиться, какъ только миръ будетъ заключенъ.

Не желая подвергать больнаго друга тяжелымъ сценамъ разста-

ванья, Мери однажды рано поутру тихонько вышла изъ своей комнаты и, въ сопровожденіи дѣвицы Исленьевой, направилась къ дорожной каретѣ, которая нарочно не подъѣзжала близко къ дому, чтобъ своимъ стукомъ не разбудить спящей старушки. Она взяла съ Исленьевой слово часто и подробно увѣдомлять ее о здоровьѣ Дашковой, и обѣщала, во чтобъ ни стало, пріѣхать назадъ, если она не поправится. Признаемся, мы не совсѣмъ ясно понимаемъ причины страха, овладѣвшаго англичанкою при извѣстіи о войнѣ и ея поспѣшнаго отъѣзда въ то время, когда княгиня, и безъ того близкая къ гробу, болѣе всего нуждалась въ помощи. Развѣ она не могла надѣяться на защиту двухъ императрицъ, молодой и вдовствующей, которыя очень благосклонно обѣщали ей свое покровительство? Да и чего было ей опасаться, при общемъ уваженіи и сильныхъ связяхъ княгини, при милости къ Дашковой самого государя? Правда, въ Англіи ее ожидали родные; незамѣтно, однако, чтобъ присутствіе дѣвушки было для нихъ необходимо. Мы подозрѣваемъ, что Мери въ этомъ случаѣ разсказываетъ о себѣ неоткровенно и что привязанность ея къ старому другу была слаба въ сравненіи съ тѣмъ горячимъ чувствомъ, которое питала къ ней Екатерина Романовна.

Въ Петербургѣ миссъ Вильмотъ нашла гостепріимство въ домѣ графини Воронцовой; но она опоздала: семейство Поленъ уже сѣло на корабль и вышло въ море. Соотечественники и друзья сестеръ Вильмотъ, именно купецъ Кавана и докторъ Рожерсонъ, предложили ей отправиться вмѣстѣ съ шведскимъ посланникомъ, барономъ Стедингъ, который намѣренъ былъ уѣхать слѣдующею весною, а до того времени совѣтовали похлопотать о паспортѣ. Но тутъ-то и встрѣтились самыя сильныя затрудненія. Мери явилась прямо къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Румянцову, которому о ней писала княгиня Дашкова. Графъ Николай Петровичъ принялъ ее чрезвычайно ласково, разсыпался въ любезностяхъ и былъ рѣшительно на все согласенъ. Онъ, между прочимъ, обѣщалъ доставить Мери случай проститься съ Царскою фамиліею и просилъ ее обращаться къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, какъ къ своему родственнику. Въ заключеніе, графъ самъ, со шляпою въ рукѣ, проводилъ посѣтительницу длиннымъ рядомъ комнатъ, сквозь безконечную вереницу слугъ, до кареты и оставилъ ее въ полномъ очарованіи отъ своего мягкаго языка и пріятныхъ манеръ. Но,

спустя нѣсколько дней, дѣвушка съ удивленіемъ узнала, что ни одно изъ его великолѣпныхъ обѣщаній не было исполнено *).

Дѣло о паспортѣ затянулось. Мери почти каждый день получала письма отъ княгини, между тѣмъ, какъ Исленьева, на которую она болѣе всего разсчитывала, хранила упорное молчаніе. Екатерина Романовна сообщала свои надежды на скорый миръ и просила дѣвушку воротиться на зиму въ Троицкое, обѣщая сама проводить ее въ Англію будущею весною. Мери воротилась и была встрѣчена съ необыкновеннымъ восторгомъ. Желая ознаменовать это радостное свиданіе добрымъ дѣломъ, Дашкова заплатила долги пяти человѣкъ, содержавшихся въ московской тюрьмѣ, и подарила имъ свободу; кромѣ того, она раздала дорогіе подарки всѣмъ своимъ домашнимъ, а прислугу одѣлила деньгами. Слѣдующее обстоятельство должно было въ особенности тронуть сантиментальную англичанку: Екатерина Романовна съ таинственнымъ видомъ повела гостью къ себѣ въ спальню, открыла комодъ и показала ей пару старыхъ перчатокъ. Мери, въ минуту своего отъѣзда, забыла эти перчатки на туалетномъ столикѣ, и княгиня тщательно берегла ихъ на память.

Затѣмъ въ Троицкомъ снова водворился обычный порядокъ. Вскорѣ получено было извѣстіе, что корабль, на которомъ Вильмотъ предполагала отправиться, потерпѣлъ крушеніе, и въ числѣ потонувшихъ былъ полковникъ Поленъ; слѣдовательно, неожиданная задержка спасла Мери почти отъ вѣрной смерти. Спокойствіе, однако, не надолго воротилось къ обитателямъ Троицкаго. Письма изъ Англіи почти прекратились; опять возобновились слухи о войнѣ и англичанкою снова овладѣла тоска по родинѣ. Тщетно княгиня старалась разсѣять печальную гостью и предпринимала съ нею нѣкоторыя поѣздки. Въ августѣ 1808 года Мери получила письмо отъ одного изъ петербургскихъ друзей: онъ совѣтовалъ ей воспользоваться послѣднимъ кораблемъ, отходившимъ въ Англію, на которомъ уѣзжало одно знакомое ей англійское семейство. Миссъ Вильмотъ показала письмо Дашковой, и послѣдняя, со слезами на гла-

*) Румянцевъ извѣстенъ своею преданностью Франціи и нелюбовью къ англичанамъ. Всѣ оффиціальные приказы онъ писалъ на французскомъ языкѣ, а секретари переводили ихъ уже на русскій. По этому случаю Мери разсказываетъ слѣдующій анекдотъ. Министръ приказалъ наложить амбарго на англійскіе корабли на „четыре дня“, а переводчикъ написалъ „въ четыре дня“. Когда слухъ о такомъ распоряженіи дошелъ до англичанъ, между ними произошла страшная тревога; купцы спѣшили рубить канаты и выходить скорѣе въ море; многіе уѣхали назадъ безъ груза.

захъ, въ другой разъ согласилась на разлуку. Повторились грустные сцены прошлаго года съ тою только разницею, что теперь менѣе утѣшали себя надеждою на скорое свиданье. Дѣвушка точно такъ же, какъ и въ первый разъ вышла изъ дома потихоньку. Она прокралась въ комнату спящей княгини, долго смотрѣла на нее, залилась слезами—и уѣхала навсегда.

Въ Петербургѣ произошла почти такая же исторія, какъ и прежде. Семейство, вмѣстѣ съ которымъ Мери хотѣла воротиться въ Англію, почему-то осталось въ Россіи. Рожерсонъ и Кавана представили ей одного почтеннаго англичанина, Голидэ, который отправлялся въ отечество на одномъ американскомъ кораблѣ, запоздавшемъ въ гавани, и охотно бралъ дѣвушку подъ свое покровительство. Послѣ многихъ хлопотъ, ея друзьямъ удалось провести паспортъ сквозь всѣ канцелярскія формальности. 19 октября Мери должна была переѣхать изъ Петербурга въ Кронштадтъ; но препятствія еще не кончились: наканунѣ посѣтилъ ее мистеръ Кавана. Онъ былъ разстроенъ и сообщилъ Мери печальную новость, которую узналъ отъ одного изъ своихъ пріятелей между русскими чиновниками: полиція провѣдала, что миссъ Вильмотъ вывозитъ съ собой изъ Россіи очень важныя бумаги, и потому заранѣе командированы были три офицера: одинъ въ Кронштадтъ, другой въ Нарву, третій въ Ригу съ приказаніемъ остановить молодую англичанку въ той гавани, изъ которой она будетъ выѣзжать, и подвергнуть ея багажъ строжайшему осмотру. Мери дѣйствительно имѣла при себѣ мемуары Дашковой, написанные собственною рукою княгини, потомъ копію съ писемъ къ ней Екатерины II, письма разныхъ лицъ изъ Россіи въ Англію, свои классныя тетрадки, ноты и пр. Она поспѣшно отобрала важнѣйшія бумаги. Кавана завернулъ ихъ въ одномъ пакетѣ и передалъ на корабль, гдѣ онѣ были спрятаны въ сундукѣ какого-то матроса. Остальныя бумаги остались въ чемоданѣ; между ними особенно много было упражненій во французскомъ языкѣ съ поправками княгини.

Едва англичанка перебралась въ Кронштадтъ, какъ начался рядъ самыхъ непріятныхъ придирокъ, которыя продолжались цѣлые пять дней. Нѣсколько разъ у нея отбирали бумаги и опять возвращали; ихъ читали, перечитывали, старались отъискать въ нихъ аллегорическій способъ выраженія и къ великой досадѣ, ничего не находили. Музыкальныя ноты обратили на себя особенное вниманіе Кайсарова; онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть въ нихъ рукопись, на-

писанную условными знаками. Но верхъ торжества для него составило открытіе какой-то бумаги, которую по его словамъ, надлежало представить на высочайшее разсмотрѣніе. Когда бумагу показали Мери, она не могла удержаться отъ смѣха: это было одно изъ упражненій во французскомъ языкѣ. Разъ какъ-то дѣвушка, за неимѣніемъ болѣе серьезнаго сюжета, написала для княгини разсказъ о мышкѣ, забравшейся въ рукавъ ея платья, которую она поймала за хвостъ и бросила; княгиня, исправивъ языкъ, прибавила въ концѣ свое замѣчаніе о томъ, что мышкѣ ненадобно было давать пощаду, ибо эта порода животныхъ слишкомъ быстро разводится и современемъ причинитъ много вреда. Съ большимъ трудомъ миссъ Мери могла убѣдить Кайсарова, чтобъ онъ не сообщалъ никому о своемъ важномъ открытіи и не дѣлалъ себя предметомъ насмѣшки.

Читатель, конечно, догадался, что главною причиною тревоги были „мемуары“. Какой-то ложный другъ княгини Дашковой употребилъ во зло ея довѣріе. Онъ читалъ записки, зналъ, кому онѣ посвящены, и увѣдомилъ полицію, что этотъ *очень опасный для Россіи* документъ можно будетъ перехватить въ чемоданахъ Вильмотъ. Для избѣжанія всякой неблагопріятной случайности, Мери рѣшилась сжечь подлинную рукопись, спрятанную у матроса. Для нея собственно дорога была рука княгини; копію съ подлинника, написанную самою Мери, старшая сестра ея увезла съ собою въ Англію.

Наконецъ къ вечеру 26 октября корабль „Марія“ распустилъ паруса. Оставалось пройти еще одну задержку—сторожевое судно; но путешественники миновали его очень скоро, благодаря какому-то старому подагрику, Донавану, англійскому купцу, который плылъ за ними на своемъ бригѣ. Офицеры сторожеваго корабля купили у него бочку вина и остались должны 50 фунтовъ стерлинговъ. Не желая подвергнуть себя долговому взысканію, шалуны, при осмотрѣ проходившихъ судовъ, употребили слѣдующую тактику: между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ очень любезно бесѣдовалъ съ купцомъ и душилъ его въ своихъ объятіяхъ, другіе поспѣшили быстро покончить всѣ формальности осмотра; затѣмъ собесѣдникъ Донавана крѣпко прижалъ старика къ своему сердцу, наступилъ ему на ногу и бросился съ своими товарищами обратно въ шлюпку. Донаванъ нѣсколько минутъ не могъ опомниться отъ боли и только охалъ. Такимъ образомъ корабли прошли мимо, а долгъ остался незаплаченнымъ.

Интересно то, что офицеры смотрѣли на свой поступокъ какъ на очень ловкую штуку—не болѣе!

Мери сѣла на палубѣ и задумчиво стала смотрѣть на удалявшійся берегъ, озаренный послѣднимъ отблескомъ заката. Она вспомнила о своей „русской матери“, какъ иногда называла себя княгиня—и ею овладѣла тихая грусть. Но вдругъ одинъ изъ матросовъ запѣлъ—и сердце дѣвушки весело встрепенулось при звукахъ англійской пѣсни, которыхъ она не слыхала уже цѣлыя пять лѣтъ. На нее повѣяло воздухомъ родины, воображенію представились знакомыя лица—и русская мать, русскіе друзья были на время забыты.

Нашей Мери, однако, не суждено было на этотъ разъ благополучное плаваніе.

Тою же ночью бригъ набѣжалъ на корабль „Марія“ и сильнымъ толчкомъ былъ отброшенъ въ сторону; вслѣдъ затѣмъ, ударившись о скалу, корабль остановился съ отбитымъ носомъ и кормой. Поутру пасажиры и экипажъ въ шлюпкахъ переправились на одинъ изъ маленькихъ гранитныхъ островов, которыми усѣяна сѣверная полоса Финскаго Залива. Островокъ назывался Стаміо (верстахъ въ 20 отъ Фридрихсгама) и былъ населенъ нѣсколькими десятками бѣдныхъ финскихъ рыбаковъ. Эти добрые люди оказали несчастнымъ путешественникамъ радушное гостепріимство. Корабль между тѣмъ пошелъ ко дну; оставался только бригъ. Спустя восемь дней, экипажъ сѣлъ на бригъ и вышелъ въ море; но волны прибили его къ другому острову, по имени Аспо. Тутъ жители были не такъ добродушны, какъ на Стаміо: они съ удовольствіемъ смотрѣли на крушеніе мимоплававшихъ кораблей и собирали потомъ въ свою пользу разсѣянные по морю остатки потонувшаго груза. Пробывъ цѣлыя три недѣли на Аспо, англичане при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ продолжали свой путь и 26 декабря вышли на берегъ Англіи въ Гарвичѣ.

Намъ остается въ нѣсколькихъ словахъ досказать исторію нашей героини.

Послѣ отъѣзда Мери, Екатерина Романовна жила только шестнадцать мѣсяцевъ: ясно, что разлука съ существомъ, котораго она любила всѣми послѣдними силами своей души, оказала неблагопріятное дѣйствіе на крѣпкую, гордую натуру Дашковой и ускорила приближеніе роковой минуты. Эти мѣсяцы были для нея одною непре-

рывною, одною неумолкаемою жалобою. Единственною отрадою старушки сдѣлалась переписка съ отсутствовавшимъ другомъ, которому она время отъ времени посылала свой дневникъ.

„Что мнѣ сказать, милое мое дитя, чтобъ не огорчить васъ? (пишетъ княгиня отъ 25 октября 1809 года). Я тоскую, очень тоскую; слезы текутъ ручьемъ, и время никакъ не можетъ помирить меня съ мыслью о вашемъ отсутствіи. Я старалась разсѣять себя, построила мостъ, насажала нѣсколько сотъ деревьевъ и кустовъ въ своемъ саду; говорятъ вышло удачно; но все это только на минуту развлекаетъ мои мысли, и я снова принимаюсь грустить.

„И какъ все перемѣнилось въ Троицкомъ! (говоритъ она спустя четыре дня). Театръ закрытъ, и послѣ васъ не было ни одного представленія; фортепьяно молчитъ, и даже сѣнныя дѣвушки перестали пѣть пѣсни. Все жалѣетъ о васъ и сочувствуетъ моему унынію. Но къ чему я говорю объ этомъ? Вы окружены родными, которыхъ любите и которые васъ обожаютъ; ваши дни исполнены радостей. Пусть мнѣ одной суждено страдать. Зная, что вы счастливы, я не хочу жаловаться“.

Послѣднее, дошедшее до насъ, письмо было написано за два мѣсяца до смерти. Оно оканчивалось словами. „Adieu, my beloved child! *God bless you*“ (Прощай, мое милое дитя! да будетъ надъ вами благословеніе Господне!)

Читая эти строки, начертанныя дрожащею рукою и проникнутыя безвыходною грустью, невозможно отказать ихъ автору въ тепломъ, искреннемъ участіи съ нашей стороны. Какъ жаль, что такая богато-одаренная личность не развилась подъ болѣе-благотворнымъ вліяніемъ и въ болѣе свѣтлой атмосферѣ!

Въ половинѣ декабря Дашкова переѣхала въ Москву; она была тогда уже очень слаба. Въ самый день Рождества у нея открылась сильная лихорадка. 4 января 1810 года Екатерина Романовна скончалась.

ГРАФЪ ЯКОВЪ СИВЕРСЪ *).

Лицо, о которомъ мы будемъ говорить, принадлежало къ числу наиболѣе передовыхъ дѣятелей знаменитой Екатерининской эпохи. Дѣятельность его была весьма разнообразна и касалась многихъ важныхъ сторонъ нашего государственнаго быта. Однако до сихъ поръ лицо это мало встрѣчалось въ русской исторической литературѣ; что, впрочемъ, совершенно естественно, такъ какъ данная эпоха почти еще не подвергалась самостоятельной разработкѣ со стороны русской науки, и наши свѣдѣнія о ней пока почерпались главнымъ образомъ изъ иностранныхъ сочиненій и мемуаровъ. Предлагаемый очеркъ также вызванъ иностраннымъ трудомъ.

Нѣмецкій ученый Блумъ (живущій въ Гейдельбергѣ) въ 1857—58 годахъ издалъ о Яковѣ Сиверсѣ обширную монографію въ четырехъ томахъ, подъ слѣдующимъ довольно неточнымъ заглавіемъ: *Русскій государственный человѣкъ. Графа Якова Іоанна Сиверса записки къ Исторіи Россіи* **). Этотъ трудъ представляетъ богатое собраніе матеріаловъ, связанныхъ между собою объясненіями, разсужденіями и характеристиками автора. Онъ имѣлъ подъ руками множество бумагъ офиціальнаго и частнаго характера, между прочимъ обильную корреспонденцію Сиверса съ императрицею Екатериной, съ членами его семейства и другими лицами. Бумаги эти были тщательно собираемы и хранимы младшею дочерью Якова Сиверса, баронессою

---

*) Изъ Русск. Вѣстника 1865 г. Январь, Февраль и Мартъ.

**) Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jacob Johann Sievers Dencwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Von Karl Ludwig Blum. Leipzig und Heidelberg.

Икскюль, которая съ большимъ благоговѣніемъ чтила память своего отца *). Сколько мы слышали, самое происхожденіе Блумова труда не чуждо участія баронессы; она доставила ему всѣ потребныя средства. Въ теченіи двадцати лѣтъ онъ работалъ надъ своими матеріалами, и для того обыкновенно пріѣзжалъ лѣтомъ изъ Дерпта въ имѣніе баронессы. Кромѣ рукописныхъ источниковъ и устныхъ разсказовъ, Блумъ воспользовался и печатными собраніями матеріаловъ, относящихся къ той эпохѣ, преимущественно нѣмецкими, каковы: Büsching's *Magazin*, Raumer's *Beiträge*, Hupel's *Miscellanea* и пр. Есть у него ссылки и на русскіе указы.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ указываетъ на первостепенную роль, которую игралъ нѣмецкій элементъ въ Русской исторіи съ Петра Великаго. Тутъ, по его словамъ, „мы не можемъ сдѣлать ни одного шагу, безъ того чтобы не встрѣтить Нѣмцевъ"; они наши учители и руководители во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Біографіей Сиверса онъ надѣется лучше всего доказать великое значеніе нѣмецкаго элемента въ нашей исторіи. Девизомъ своего труда Блумъ ставитъ изрѣченіе Фридриха Великаго: „Истина есть первая потребность исторіи". Мы должны отдать полную справедливость его нѣмецкой добросовѣстности въ отношеніи къ своему матеріалу. Однако онъ не остался чуждъ явному, хотя и довольно естественному, стремленію возвысить своего героя и придать его дѣятельности большее значеніе, нежели какое она имѣла въ дѣйствительности.

Монографія Блума, по собственнымъ его словамъ, возбудила чрезвычайный интересъ и живѣйшее одобреніе со стороны знатоковъ въ Германіи и Остзейскомъ краѣ (den entschiedensten Beifall der Kenner diesseits und jenseits der Grenzen Russlands). Друзья приступили къ нему съ просьбою издать ее еще разъ, но въ меньшемъ объемѣ, чтобы сдѣлать болѣе доступною большинству нѣмецкой публики. Блумъ исполнилъ и эту задачу. Лѣтомъ 1864 года вышло новое изданіе въ одномъ большомъ томѣ, подъ заглавіемъ: *Графъ Яковъ Іоаннъ Сиверсъ и Россія въ его время*. Авторъ не внесъ сюда ничего новаго; онъ только сократилъ изложеніе, а содержаніе осталось то же самое.

Памяти Сиверса посвящена еще небольшая книга дерптскаго профессора Рамбаха, *Jacob Johann Graf Sivers* (Von Gr. Rambach.

---

*) Часть этихъ бумагъ въ настоящее время хранится въ Лифляндіи на мызѣ Остроминской. Въ сентябрѣ 1864 года я имѣлъ случай просмотрѣть ихъ отчасти, благодаря гостепріимству владѣтеля мызы, графа Сиверса Остроминскаго.

1809 г.). Это ничто иное какъ рѣчь, произнесенная имъ при раздачѣ университетскихъ наградъ въ день рожденія императора. Предметомъ своей рѣчи Рамбахъ выбралъ біографическій взглядъ на дѣятельность графа Сиверса (незадолго передъ тѣмъ скончавшагося), какъ своего знаменитаго соотечественника и одного изъ благотворителей Дерптскаго университета. Біографія эта заключаетъ бѣглый обзоръ его заслугъ, и имѣетъ, конечно, характеръ горячаго панегирика.

Что касается до моего очерка, то я главною задачей поставилъ себѣ познакомить русскую публику съ сущностью матерьяла, заключеннаго въ книгѣ Блума, стараясь по возможности провѣрять, а иногда и дополнять факты изъ другихъ источниковъ. Права Сиверса на видное мѣсто въ нашей исторіи основаны собственно на двухъ сторонахъ его дѣятельности: вопервыхъ, его семнадцатилѣтнее управленіе Новгородскою губерніей и участіе въ областныхъ учрежденіяхъ Екатерины II; вовторыхъ, его посольство въ Польшу и важная роль, которую онъ игралъ при второмъ польскомъ раздѣлѣ. На этихъ-то двухъ сторонахъ авторъ очерка старался преимущественно сосредоточить свой трудъ. Для послѣдней изъ нихъ онъ имѣлъ возможность работать въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и могъ такимъ образомъ сообщить ей болѣе самостоятельный характеръ. Вообще тѣ источники, которые нашлись помимо книги Блума, будутъ указаны при самомъ изложеніи.

I.

ЮНЫЕ ГОДЫ И ПЕРВАЯ СЛУЖБА.

Статсъ-секретарь Екатерины II Храповицкій подъ 3-мъ числомъ марта 1788 года записалъ: „При разсматриваніи *Кабинетскихъ Вѣдомостей*, изволила изъясняться о разности придворныхъ во время императрицы Елизаветы Петровны и нынѣшнее“: „Тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, Сиверсъ изъ лакеевъ“.

Итакъ, происхожденіе нашего героя было не знатное. Слова Екатерины, впрочемъ, относятся не къ самому Якову Сиверсу, а къ его дядѣ Карлу; но этотъ дядя явился главнымъ виновникомъ возвышенія фамиліи.

Сиверсы ведутъ свой родъ изъ Голштиніи. Одинъ изъ младшихъ членовъ этого рода, Христіанъ, перешелъ изъ датской арміи въ шведскую, во время Густава Адольфа. Внукъ его, Іоахимъ Іоаннъ фонъ-Сиверсъ, женился на дочери корнета Эккермана, получилъ за нею въ приданое маленькое помѣстье Сацо въ Эстляндіи, на берегу Финскаго залива, и поселился здѣсь незадолго до начала Великой Сѣверной войны. Этотъ Іоахимъ былъ дѣдомъ Якова Сиверса. Послѣдній, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, любилъ вспоминать трагическіе разсказы дѣда о томъ, какъ Русскіе въ 1702 году не оставили въ его помѣстьѣ ни одной хижины въ цѣлости, и какъ онъ вмѣстѣ съ старымъ отцомъ своимъ долженъ былъ на рыбачьей лодкѣ спасаться на противоположный финляндскій берегъ. Тамъ онъ продолжалъ служить подъ шведскимъ знаменемъ въ одномъ финскомъ полку. Послѣ Ништадскаго мира полкъ былъ распущенъ и капитанъ Іоахимъ Сиверсъ воротился въ Эстляндію.

Въ Везенбергскомъ уѣздѣ жилъ въ то время ландратъ баронъ фонъ-Тизенгаузенъ, который имѣлъ тамъ до восьми помѣстій и походилъ на маленькаго владѣтельнаго князя. У него-то начали свое служебное поприще два сына капитана Сиверса. Старшій, носившій съ отцомъ одно имя (Іоахимъ Іоаннъ) занималъ мѣсто управляющаго, а младшій Карлъ, сдѣлался камердинеромъ ландрата. Одинъ современникъ и почитатель Сиверсовъ, упоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ періодѣ ихъ жизни, замѣчаетъ что оба брата были въ большой милости у ландрата, и что Карлъ пользовался многими преимуществами передъ другими слугами, напримѣръ: „онъ не но-

силъ ливреи и одѣвался въ нѣмецкое платье по собственному вкусу“. Но это расположеніе къ младшему брату тотчасъ миновалось, какъ скоро онъ попросилъ отставку; надобно замѣтить, что почтенный баронъ очень не любилъ, если кто самъ оставлялъ его службу и устраивалъ свою судьбу помимо его баронской протекціи.

Карлъ Сиверсъ, ловкій и статный юноша, отправился искать счастія въ Петербургъ, который служилъ обѣтованнымъ городомъ для молодыхъ Нѣмцевъ, ищущихъ случая составить себѣ карьеру. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ въ какомъ-то домѣ, куда приходила иногда повеселиться прислуга принцессы Елизаветы. Сиверсъ владѣлъ кое-какъ скрипкой, и охотно игралъ танцы для своихъ новыхъ знакомцевъ. Его услужливость и наружность возбудили живое участіе въ горничныхъ Елизаветы; своими похвалами онѣ успѣли заинтересовать въ его пользу и самую принцессу. Елизавета взяла его въ свою службу, сначала въ качествѣ форрейтора, а потомъ буфетчика. Убѣдившись въ его скромности и расторопности, она возложила на него важное порученіе: съѣздить въ Эстляндію и тайкомъ занять для нея денегъ у богатыхъ помѣщиковъ. Неизвѣстно, съ какимъ успѣхомъ молодой человѣкъ выполнилъ это порученіе. Между прочимъ, онъ отнесся и къ барону Тизенгаузену; но послѣдній изъ робости уклонился отъ сношеній съ принцессою. Вскорѣ потомъ въ Петербургѣ произошелъ переворотъ: 25 ноября 1741 г. Браунгшвейская фамилія была арестована, и Елизавета вступила на престолъ. Разумѣется, между лицами получившими награды, Карлъ Сиверсъ занималъ не послѣднее мѣсто. Такимъ образомъ будущность его фамиліи была обезпечена *).

Между тѣмъ старшій братъ Карла Сиверса продолжалъ нѣкоторое время служить у Тизенгаузена. Въ Везенбергѣ 19 августа 1731 года родился у него сынъ, Яковъ Іоаннъ, будущій сотрудникъ Екатерины II. Спустя два года, Іоахимъ переѣхалъ съ семействомъ въ Лифляндію, потомъ онъ взялъ въ аренду земли графа Румянцева, и

*) Эти свѣденія о Карлѣ Сиверсѣ заимствованы изъ *Statistische, politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief-und Russland. Fr. Chr. Ietze. Liegnitz.* 1788. Блумъ почти проходитъ молчаніемъ щекотливыя отношенія Сиверса къ Тизенгаузену; а разказы о первоначальной службѣ Карла у Елизаветы называетъ вообще французскими сплетнями. Но Этце самъ нѣкоторое время служилъ при баронскомъ „дворѣ“ Тизенгаузена, и съ сожалѣніемъ замѣчаетъ что баронъ, отказавъ въ помощи Елизаветѣ, упустилъ великолѣпный случай возвеличить свою фамилію. „Рискни онъ нѣсколькими тысячами, — что для него не было чувствительно, — какъ бы возвысился его родъ; а онъ былъ отцомъ семерыхъ сыновей и четырехъ дочерей“.

поселился на берегахъ Буртенекскаго озера. Это былъ человѣкъ практичный и дѣятельный, который сумѣлъ нажить себѣ небольшое состояніе и пріобрѣсти независимое положеніе. Его жесткій характеръ и строгая религіозность сложились въ суровую эпоху великой Сѣверной войны. „Да будетъ во всемъ воля Божія“, или „Поступай справедливо и не бойся ни чорта!“ Подобными изреченіями наполнялъ онъ прописи сына при его первоначальномъ обученіи. Любимымъ удовольствіемъ его была охота, сопряженная съ опасностью, напримѣръ на медвѣдя. Жена его, Анна, дочь одного шведскаго ветерана, была прекрасною хозяйкой и вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась замѣчательнымъ добродушіемъ и нѣжнымъ сердцемъ. Эти качества имѣли очевидное вліяніе на характеръ ея старшаго сына. Въ послѣдствіи Яковъ Сиверсъ всегда съ необыкновенною любовью вспоминалъ о своей матери. Анна подарила своему мужу 13 дѣтей; однажды оспа вдругъ отняла у нихъ четырехъ сыновей; дѣвятилѣтній Яковъ едва былъ спасенъ отъ той же участи.

Въ домашнемъ быту Сиверсовъ, какъ и слѣдовало ожидать, господствовали благочестіе и строгій внѣшній порядокъ. Отецъ любилъ наблюдать во всемъ извѣстные часы. Напримѣръ, онъ рано отправлялся въ постель, предварительно отославъ спать и всѣхъ дѣтей. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ семействахъ, гдѣ отцы всѣ свои привычки пріурочиваютъ къ установленнымъ навсегда часамъ, и у Сиверсовъ не обходилось безъ маленькихъ проказъ. Иногда зимою, въ ясную лунную ночь, безпокойная молодежь, выждавъ въ постели время пока отецъ заснетъ, потихоньку вставала, садилась въ сани, и весело отправлялась кататься. Разумѣется, подобныя проказы происходили подъ покровительствомъ доброй матери, которая, на сколько могла, смягчала излишнюю строгость отцовскихъ порядковъ.

Вмѣстѣ съ придворнымъ возвышеніемъ Карла Сиверса, Іоахимъ задумалъ утвердиться въ Лифляндіи уже въ качествѣ поземельнаго собственника и расширить свое хозяйство. Онъ купилъ часть имѣній графа Румянцева, между прочимъ буртенекскую мызу Бауэнхофъ; при чемъ дѣло не обошлось безъ денежной помощи со стороны петербургскаго брата. Въ то же время Карлъ взялъ на свое попеченіе дальнѣйшее воспитаніе племянника и устройство его карьеры.

Начальное образованіе, которое Яковъ Сиверсъ получилъ въ отцовскомъ домѣ, ограничивалось умѣньемъ читать, писать и заучиваніемъ молитвъ. Объ иностранныхъ языкахъ еще не было и помину.

Отъ того времени у Якова остался прекрасный почеркъ; въ послѣдствіи онъ убѣждалъ собственныхъ внуковъ обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе, говоря, что самъ „частью своего благосостоянія обязанъ красивому почерку, который съ удовольствіемъ читали три русскія императрицы“ (Елизавета, Екатерина II и Марія Θеодоровна).

До воцаренія Елизаветы, то-есть до возвышенія своего брата, Іоахимъ очевидно затруднялся вопросомъ, какое поприще избрать для своего старшаго сына. Однажды онъ рѣшился отправить его въ Швецію къ одному родственнику, который хотѣлъ взять къ себѣ Якова вмѣсто сына и воспитать его для шведской морской службы. Въ домѣ Сиверсовъ жила двоюродная бабушка Эккерманъ, вдова шведскаго полковника, отличившаяся во время Сѣверной войны очень рѣшительнымъ характеромъ; Яковъ былъ ея крестникъ и любимецъ. Отецъ воспользовался ея отсутствіемъ изъ дома, чтобы отвезти сына въ Ревель. Онъ уже былъ на кораблѣ, когда девяностолѣтняя старушка явилась туда, и насильно увезла внучка домой. Такимъ образомъ, благодаря только случаю, Яковъ не попалъ въ шведскую службу. Судьба готовила ему блистательное поприще въ Россіи.

Карлъ Сиверсъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ къ наслѣднику престола, Петру Θеодоровичу. Въ 1742 г. онъ ѣздилъ къ Берлинскому двору, для передачи Фридриху II андреевской звѣзды; вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было узнать покороче Ангальтъ-Цербтскую принцессу (будущую Екатерину II) и привезти ея портретъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ былъ въ Эстляндію и Лифляндію для торжественнаго объявленія Абовскаго мира. Во время этой поѣздки Карлъ посѣтилъ Бауэнхофъ, и отсюда взялъ съ собою двѣнадцатилѣтняго Якова. Будучи еще самъ молодъ, не женатъ и озабоченъ придворными отношеніями, камеръ-юнкеръ отдалъ своего племянника на попеченіе пажескому гофмейстеру Носке. Такимъ образомъ Яковъ прямо отъ простаго сельскаго быта перешелъ къ блестящей придворной обстановкѣ, а вскорѣ и къ усидчивымъ служебнымъ занятіямъ. Въ 1744 году дядя помѣстилъ его юнкеромъ (писцомъ) въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Служба его оказалась нелегкая: ежедневно съ семи часовъ утра онъ долженъ былъ являться въ коллегію и притомъ въ придворномъ костюмѣ, который стоилъ ему значительной части утренняго сна. Въ тѣ времена въ дипломатіи господствовала система шифрованныхъ депешъ; занятія съ

этими цифрами нерѣдко продолжались у Якова до глубокой ночи. Но слѣдствіемъ такого образа жизни было то, что молодой человѣкъ привыкъ къ точности и настойчивости въ трудѣ. Вообще коллегія иностранныхъ дѣлъ служила тогда школою для той молодежи, которая назначала себя на государственное и преимущественно на дипломатическое поприще. Здѣсь Сиверсу пришлось работать за однимъ столомъ съ одинадцатью молодыми людьми изъ знатныхъ фамилій *). Изъ этихъ молодыхъ людей Яковъ сблизился особенно съ графомъ Строгановымъ. Рядомъ съ служебными занятіями онъ продолжалъ брать уроки въ наукахъ у Носке и у одного русскаго учителя. Но чему именно онъ у нихъ научился, неизвѣстно.

Въ 1845 году Карлъ Сиверсъ женился. Голштинка Елизавета Франценъ, воспитательница Елизаветы Петровны и ея довѣренное лицо, вызвала изъ Голштиніи въ Петербургъ свою сестру, вдову Крузе, съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью, которыхъ и воспитала при себѣ. Сынъ потомъ былъ лейбъ-медикомъ и тайнымъ совѣтникомъ; а дочь, умная красивая дѣвушка, сдѣлалась женою Карла Сиверса. Бракъ этотъ праздновали при дворѣ въ теченіе трехъ дней обѣдами, балами и французскимъ спектаклемъ. Наслѣдникъ престола и его супруга занимали на свадьбѣ мѣста посаженныхъ отца и матери. Въ томъ же году фамилія Сиверсовъ получила новый блескъ: курфирстъ саксонскій, бывшій тогда викаріемъ Германской Имперіи, пожаловалъ Карла Сиверса баронскимъ титуломъ, а великій князь Петръ Ѳеодоровичъ далъ его брату Іоахиму чинъ голштинско-герцогскаго канцлей-совѣтника.

Когда дядя Якова обзавелся семейнымъ бытомъ, племянникъ поселился въ его домѣ, и вскорѣ за свой скромный, пріятный характеръ сдѣлался любимцемъ молодой баронессы; она уже тогда обѣщала свою новорожденную дочь Луизу воспитать ему въ жены. Между тѣмъ въ молодомъ человѣкѣ пробудилось чувство честолюбія и стремленіе къ болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ механическое письмоводство въ коллегіи. Спустя годъ послѣ свадьбы Карла, Яковъ проливалъ слезы о томъ, что его не отправили при посольствѣ въ Константинополь. Но прошелъ еще годъ, и желаніе юноши исполнилось: онъ причисленъ къ русскому посольству въ Копенгагенѣ. Письма дяди и тетки, относящіяся къ этой эпохѣ, проникнуты са-

*) Рамбахъ и Блумъ предполагаютъ, что между ними было большое соревнованіе, потому что только двое изъ нихъ умерли дѣйствительными статскими совѣтниками, а остальные скончались или тайными или генералъ-аншефами.

мою нѣжною заботливостью о племянникѣ и наполнены самыми благими совѣтами. „Если“, пишетъ петербургскій камеръ-юнкеръ, „ты забудешь утромъ или вечеромъ поручить себя Богу, а Осипъ (старый слуга, сопровождавшій Якова) напомнитъ тебѣ о томъ, то не сердись на него, потому что я ему такъ приказалъ. Всю свою жизнь имѣй Бога въ сердцѣ и передъ глазами, и берегись впасть въ какой нибудь грѣхъ, нарущить заповѣдь Божію. Гдѣ можешь, помогай нуждающимся. Милостыня спасаетъ отъ грѣховъ, отъ смерти и отъ нужды“. Въ другомъ письмѣ дядя разсказываетъ, что недавно у нихъ подавались любимыя кушанья племянника, и какъ при этомъ о немъ вспоминали; а маленькая Лизанька все еще не можетъ его забыть, и кричитъ когда услышитъ его имя. Онъ сравниваетъ Якова то съ Телемакомъ, то съ молодымъ Товіемъ, и желаетъ ему найдти такого же руководителя, какимъ былъ архангелъ Рафаилъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ дядя замѣчаетъ: „Если бы я могъ описать все что жена поручаетъ тебѣ сказать или посовѣтовать, то для этого было бы мало цѣлаго листа; она любитъ тебя больше родной матери“.

Въ Копенгагенѣ молодой Сиверсъ нашелъ довольно выгодныя условія для своего развитія. Русскимъ посломъ назначенъ былъ сюда баронъ Корфъ, переведенный изъ Стокгольма на мѣсто Никиты Панина. Корфъ происходилъ изъ Курляндіи, и переселился въ Петербургъ при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны. Онъ былъ человѣкъ научно образованный, почему и сдѣланъ президентомъ Академіи наукъ. Общество такого посланника, конечно, не осталось безъ хорошаго вліянія на нашего молодаго дипломата. Однако дядя въ своихъ письмахъ изъявлялъ неудовольствіе на то, что баронъ слишкомъ разчетливъ: не предоставилъ его племяннику даровато стола и квартиры. Племянникъ старается по возможности оправдать барона, который приглашаетъ его къ своему обѣду; но такъ какъ посланникъ не ужинаетъ, то Сиверсъ долженъ ужинать въ трактирѣ, а квартиры въ посольскомъ домѣ Корфъ не даетъ никому изъ своихъ секретарей. Первымъ датскимъ министромъ былъ тогда знаменитый Бернсторфъ; для Сиверса особенно поучительны были его умныя финансовыя операціи. Въ послѣдствіи онъ сознавался, что необходимыя свѣдѣнія по этой части пріобрѣлъ въ Даніи. Въ Копенгагенѣ, кромѣ того, онъ часть своихъ досуговъ посвящалъ нѣмецкой поэзіи, и вслѣдъ за Нѣмцами приходилъ въ восторгъ отъ *Мессіады Клопштока*: эта поэма, нынѣ забытая, тогда только что

явилась на свѣтъ и имѣла большой успѣхъ между современниками.

Но пребываніе въ Даніи продолжалось не болѣе десяти мѣсяцевъ. Въ концѣ 1748 года мы находимъ Якова Сиверса уже при русскомъ посольствѣ въ Англіи, подъ начальствомъ графа Петра Григорьевича Чернышева. Семейное преданіе сообщаетъ, что Чернышевъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ барономъ Сиверсомъ, самъ хлопоталъ о переводѣ его племянника.

Послѣ Петербурга и Копенгагена, Лондонъ произвелъ на юношу сильное впечатлѣніе своими свободными парламентскими формами и шумною борьбою партій. Борьба эта въ то время была особенно оживлена: война съ Франціей за Австрійское наслѣдство окончилась; но народъ не былъ доволенъ ея результатами, и напрасно министры старались задобрить толпу фейерверками и разными увеселеніями по случаю Ахенскаго мира. Сиверсъ на самомъ себѣ испыталъ неудовольствіе англійской черни: онъ не могъ являться на улицѣ въ платьѣ французскаго покроя, и принужденъ былъ сшить себѣ фракъ, показавшійся ему весьма дорогимъ. Вообще въ Лондонѣ молодой человѣкъ долженъ былъ, на сколько возможно, сокращать свои расходы: отецъ и дядя, при всей нѣжности своихъ писемъ, посылали ему очень скромную прибавку къ казенному жалованью, и постоянно твердили о расчетливости и бережливости.

Яковъ Сиверсъ пробылъ въ Англіи около семи лѣтъ, и здѣсь закончилъ свое воспитаніе; годы эти прошли для него въ усердныхъ занятіяхъ службою, науками и литературою. Мы не будемъ входить во всѣ мелочи его лондонской жизни, которыя тщательно собраны въ монографіи Блума. Бросимъ только общій взглядъ.

Первою заботою молодаго человѣка, по прибытіи въ Лондонъ, было изученіе англійскаго языка, и онъ употреблялъ для того большія усилія: бралъ уроки, ходилъ въ театръ, а по воскресеньямъ англійскую церковь посѣщалъ предпочтительно передъ нѣмецкою, чтобы пріучить свое ухо къ англійской рѣчи. Между членами посольской свиты находились два брата Лидерсы: одинъ изъ нихъ былъ секретаремъ посольства, а другой живописцемъ. Яковъ завязалъ съ ними интимныя отношенія, которыя сохранялъ и въ послѣдствіи; особенно онъ былъ друженъ съ живописцемъ, очень образованнымъ и развитымъ юношей; нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ онъ читалъ наиболѣе знаменитыхъ авторовъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, между прочимъ, Волластона, Боллингброка и Вольтера. Но Сиверсъ

былъ уже на столько благоразуменъ, что не увлекался ихъ идеями, и искалъ противоядія въ историческихъ произведеніяхъ, каковы: Миддельтона *Жизнь Цицерона*, *Исторія* Роллена, творенія Фенелона; очень понравились ему и *Записки Фридриха II о Бранденбургскомъ домѣ*, которыя онъ считалъ классическою книгой для воспитанія молодыхъ государей.

Свое обычное препровожденіе времени Сиверсъ распредѣлилъ самымъ экономнымъ и аккуратнымъ образомъ. Распредѣленіе это мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ къ отцу, а именно: понедѣльникъ—поутру учитель англійскаго языка, послѣ обѣда фехтованье; вторникъ—почта, и потому весь день при графѣ; середа и четвергъ—учитель англійскаго языка и фехтованье. Каждый день онъ заходитъ на полчаса въ кафе, и старается тамъ потолковать съ кѣмъ-нибудь о политическихъ новостяхъ; два или три раза въ недѣлю онъ посѣщаетъ паркъ, то-есть просторную площадь подлѣ дворца, пересѣченную каналомъ, на берегахъ котораго устроены дорожки; гуляющіе собираются здѣсь въ большомъ числѣ, и самъ король приходитъ сюда подышать свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ того театръ; но онъ стоитъ „ужасно“ много: три шиллинга мѣсто въ партерѣ и пять въ ложѣ; это удовольствіе доступно только разъ въ недѣлю. Фехтмейстеръ, хотя самый дешевый, первый мѣсяцъ стоитъ двѣ гинеи, а въ слѣдующіе по одной. Вообще, Яковъ жалуется на дороговизну англійской жизни; въ Копенгагенѣ онъ еще игралъ немного въ карты, а въ Лондонѣ совсѣмъ пересталъ.

Въ тѣ времена было въ обычаѣ, чтобы посланникъ держалъ открытый столъ для своихъ чиновниковъ и даже для ихъ служителей. Дядя Якова, какъ мы видѣли, былъ недоволенъ тѣмъ что въ Копенгагенѣ племянникъ ужиналъ на свой счетъ. Каково же было его огорченіе, когда лѣтомъ 1749 года вѣрный Осипъ, воротясь въ Москву, объявилъ, что до сихъ поръ молодой Сиверсъ обѣдалъ у посланника въ Лондонѣ только два раза, а самъ онъ, Осипъ, ни одного! Неудовольствіе барона дошло до Чернышева; тотъ обратился съ разспросами къ Якову. Эти непріятныя объясненія, впрочемъ, не имѣли серіозныхъ послѣдствій; но съ того времени графъ, повидимому, сталъ чаще приглашать молодаго человѣка къ своему столу. Когда же Сиверсъ обѣдалъ на свой счетъ, то, по ограниченности средствъ, часто долженъ былъ довольствоваться парою пирожковъ. Онъ жилъ надъ пирожникомъ, и обыкновенно заказывалъ ему пирожки посредствомъ своей маленькой собачки, Помпея, которая

относила въ зубахъ монету, соотвѣтствующую извѣстному количеству пирожковъ. Надобно замѣтить, что графъ Чернышевъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства; одна изъ его дочерей, Марія, отличалась большою живостью характера и наклонностію позабавиться на чужой счетъ. Скромный, разчетливый Сиверсъ нерѣдко давалъ пищу ея шуткамъ. Между прочимъ, иногда она похищала у него изъ кармана расходную книжку и читала ее вслухъ; отмѣченное тамъ большое количество пирожковъ возбуждало всегда общій смѣхъ.

Въ перепискѣ Сиверса съ отцомъ и дядей экономическій вопросъ въ эту эпоху занималъ самое видное мѣсто. Однажды дядя потребовалъ чтобы племянникъ подробно описалъ ему свои расходы, обѣщая сдѣлать прибавку къ своей ежегодной помощи. Племянникъ отвѣчалъ пространнымъ изложеніемъ своихъ потребностей и лондонскихъ цѣнъ *).

Первые годы дядя подозрительно смотрѣлъ на расходы племянника, но мало-по-малу убѣдился въ справедливости его требованій. Кромѣ того онъ постоянно напоминалъ ему о необходимости изучить языки французскій и италіянскій, не забыть русскій и усовершенствоваться въ англійскомъ; не скупился также на увѣщанія вести себя какъ можно лучше. Въ послѣдствіи Карлъ Сиверсъ пишетъ молодому человѣку, что съ удовольствіемъ узнаетъ ото всѣхъ видѣвшихъ его за границей о его благородномъ поведеніи. Онъ извѣщаетъ также, что французскія письма племянника даетъ читать Ивану Ивановичу Шувалову (бывшему товарищу Якова по пажескому институту, а въ то время первому любимцу и камергеру), что тотъ не можетъ ими нахвалиться и самъ хочетъ писать Якову. „Но ты, ко-

*) Вотъ нѣкоторыя подробности заимствованныя изъ этого изложенія и характеризующія бытъ и время:

Когда приходится обѣдать гдѣ нибудь въ гостяхъ, то слугамъ надобно давать на водку болѣе нежели сколько стоилъ обѣдъ, именно, до 2 и до 3 шиллинговъ; при уходѣ гостя слуги обыкновенно становятся въ рядъ, и безъ церемоніи протягиваютъ руки. На этотъ предметъ Яковъ Сиверсъ полагаетъ 4 фунта стерлинговъ въ годъ. На праздникъ Рождества графскимъ слугамъ и въ другихъ хорошо знакомыхъ домахъ приходилось раздать подарковъ тоже фунта на 4. На ужины въ тавернѣ или у себя дома, въ годъ, 5 фунтовъ. Зимой онъ имѣетъ квартиру у друга своего, живописца Лидерса; но лѣтомъ вмѣстѣ съ посланникомъ, вслѣдъ за англійскимъ дворомъ, переѣзжаетъ на дачу въ Кенсингтонъ, гдѣ платитъ за шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ болѣе 7 фунтовъ; а на чай, сахаръ и завтракъ истрачиваетъ здѣсь до 5 ф. Башмаковъ въ годъ отъ 8 до 9 паръ; чулокъ въ годъ двѣ пары бѣлыхъ шелковыхъ, двѣ пары черныхъ, двѣ бумажныхъ и нѣсколько паръ нижнихъ, всего

нечно, предупредишь его,“ прибавляетъ ловкій придворный, „и хорошо сдѣлаешь“.

Отецъ также въ письмахъ своихъ, съ теченіемъ времени, становится болѣе нѣжнымъ и предупредительнымъ. Совѣты его нѣсколько отличаются отъ совѣтовъ придворнаго дяди. Какъ строгій лютеранинъ онъ прежде всего заботится о чистотѣ религіи. Изъ газетъ Іоахимъ вычиталъ, что въ Англіи поселились многіе гернгутеры, и вотъ въ письмѣ къ сыну онъ удивляется, какъ Англія, такая практичная страна, терпитъ этихъ порочныхъ людей, которые были изгнаны изъ столькихъ земель и между прочимъ изъ Лифляндіи. „Я тебѣ отечески совѣтую“, прибавляетъ онъ, „берегись ложныхъ и развратныхъ ученій“. Въ другомъ письмѣ отецъ совѣтуетъ сыну посѣтить Вѣну, Парижъ и Дрезденъ, но не оставаться долѣе шести недѣль во Франціи, гдѣ нація „исполнена лжи и коварства“, а болѣе всего брать себѣ въ примѣръ добродѣтели Англичанъ. Впрочемъ, и помимо этихъ совѣтовъ Яковъ Сиверсъ уже въ значительной степени сдѣлался англоманомъ, и Парижъ не произвелъ на него большаго впечатлѣнія. Лѣто 1752 года онъ провелъ въ Ганноверѣ, куда русское посольство отправилось вслѣдъ за дворомъ Георга II. Отсюда Сиверсъ предпринялъ путешествіе во Францію вмѣстѣ съ другомъ своимъ Лидерсомъ и княземъ Александромъ Бѣлосельскимъ. Въ старости Яковъ любилъ вспоминать о томъ, какъ онъ съ Лидерсомъ по нѣскольку верстъ проходилъ пѣшкомъ, любуясь берегами Рейна, и какъ они силою тащили изъ экипажа толстаго, лѣниваго Бѣлосельскаго.

Извѣстія изъ Россіи доходили до Якова чрезвычайно туго. Дядя,

---

на $3^1/_2$ ф. Полдюжины верхнихъ рубашекъ съ кружевными манжетами на 10 ф., и прибавьте соотвѣтствующую сумму для прачки; не забудьте, что англичане обращаютъ большое вниманіе на бѣлье и по немъ судятъ о человѣкѣ. Каждый годъ два Fröcke — платье съ небольшими отворотами и фалдами, изъ тонкаго сукна, которое носятъ въ Англіи всѣ порядочные люди; пара стоитъ до 14 ф. Ко дню рожденія короля надобно ежегодно дѣлать новый кафтанъ съ галунами à la Bourgogne, что составляетъ отъ 25 до 26 ф.; на шляпу одну гинею въ годъ; на завивку съ пудрой по крайней мѣрѣ 3 гинеи, хотя онъ самъ причесываетъ себя и приглашаетъ парикмахера только въ необходимыхъ случаяхъ. Далѣе слѣдуютъ расходы на экипажъ, театръ, балы, концерты, — всѣ эти предметы нигдѣ такъ не дороги какъ въ Лондонѣ. Потомъ плата за слушаніе нѣкоторыхъ чтеній, по шиллингу каждый разъ, и за пользованіе книгами одна гинея въ годъ. На этотъ разъ Яковъ еще умолчалъ о своей страсти покупать книги и ландкарты, которая болѣе всего заставляла его испытывать безденежье во время пребыванія въ Англіи.

несмотря на всю привязанность и довѣріе къ нему, въ своихъ письмахъ никогда не сообщалъ о томъ что происходило въ столицахъ, и чему онъ самъ бывалъ свидѣтелемъ. Напримѣръ, въ ноябрѣ 1752 года сильный вѣтеръ съ моря поднялъ Неву; она наводнила столицу и произвела большія опустошенія. Около того же времени страшные пожары, и очевидно вслѣдствіе поджоговъ, опустошили Казань, Архангельскъ и особенно Москву. Императрица поспѣшила съ дворомъ въ старую столицу, чтобы своими милостями облегчить бѣдствія пострадавшихъ. Въ Петербургѣ сгорѣлъ деревянный зимній дворецъ. Елизавета приказала возобновить его немедленно, и онъ былъ готовъ черезъ шесть недѣль. Обо всемъ этомъ ни слова не упоминаетъ въ своихъ письмахъ баронъ Сиверсъ по той простой причинѣ, что частная переписка находилась тогда подъ строгимъ контролемъ, внутри и внѣ Россіи. Напримѣръ, послѣ извѣстнаго неудовольствія, возбужденнаго Осипомъ, чиновники русскаго посольства въ Лондонѣ получили приказаніе не входить въ переписку ни съ кѣмъ въ Россіи кромѣ своихъ родственниковъ, да и эта переписка должна касаться только личныхъ отношеній и проходить черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ. По замѣчанію Блума, Яковъ Сиверсъ сохранилъ природную прямоту своего характера, только благодаря долгому пребыванію въ Англіи — этой классической странѣ гласности.

Между тѣмъ фамилія Сиверсовъ продолжала постепенно возвышаться. Въ 1751 году Карлъ получилъ достоинство камергера. Секретарь барона извѣщаетъ его племянника такимъ образомъ: „Это было въ Петергофѣ. Два изъ самыхъ знатныхъ придворныхъ послѣ обѣда вошли въ его комнату и объявили ему о повышеніи. Вслѣдъ затѣмъ явилась тетушка его Елизавета фонъ-Франценъ, и передала ему ключъ, знакъ его новаго достоинства“. Въ слѣдующемъ году лифляндское дворянство, наконецъ, записало въ свои члены фамилію Сиверсовъ, что однако не помѣшало ихъ завистникам неблагопріятно отзываться объ ихъ происхожденіи. Это обстоятельство осталось навсегда щекотливымъ предметомъ и для Якова; доказательствомъ тому служатъ его слова въ письмѣ къ дочери, написанные болѣе 30 лѣтъ спустя. „Еслибы наши предки, говоритъ онъ, не потеряли своихъ документовъ, то намъ не кололи бы глаза происхожденіемъ. Наши фамильныя преданія представляютъ очень слабыя доказательства для свѣтскаго злословія“. *)

---

*) Въ послѣдствіи (въ 1792 г.) Яковъ Сиверсъ продиктовалъ своей дочери цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ *Precis sur la famille des Sievers de Bauenhoff et*

Служба Якова въ посольской канцеляріи, очевидно, не удовлетворяла желаніямъ его честолюбиваго дяди: онъ совѣтуетъ племяннику перейдти въ армію. Послѣднее извѣстное намъ письмо дяди относится къ октябрю 1754 года. Тутъ онъ извѣщаетъ, что братъ Якова Іоахимъ теперь каптенармусомъ въ Измайловскомъ полку и живетъ у дяди вмѣстѣ съ его дѣтьми, какъ прежде Яковъ; но что выйдетъ изъ его другаго брата, Карла, этого онъ не знаетъ, потому что отецъ сильно балуетъ его. „Милый Яша“, прибавляетъ онъ, „ты мой любимецъ; будь благочестивъ и такъ же твердъ духомъ, какъ древніе Римляне. Надѣйся на Бога и дѣлай то, что ты долженъ дѣлать“. Письмо оканчивается радостнымъ извѣстіемъ, что великая княгиня благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ (Павломъ Петровичемъ). Карлъ Сиверсъ былъ отправленъ въ Вѣну, чтобы пригласить императора и императрицу быть воспреемниками новорожденнаго; петербургскій и вѣнскій дворы находились тогда въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Сиверсу, кромѣ того, поручено было завести переговоры о тѣсномъ союзѣ съ разными европейскими дворами противъ Фридриха II. Послѣ Вѣны Карлъ посѣтилъ Неаполь, Римъ, Парижъ, Голландію, Ганноверъ, и въ августѣ 1755 года воротился въ Петербургъ. Въ сентябрѣ этого же года мы встрѣчаемъ Якова уже въ Бауэнхофѣ, подъ родительскимъ кровомъ. Сиверсъ уѣхалъ изъ Лондона вмѣстѣ съ семействомъ Чернышева, который тогда оставилъ свою посольскую должность. „И послѣ семилѣтняго пребыванія въ Англіи“, писалъ Яковъ спустя долгое время, „у меня все еще не было никакой охоты ее покинуть“.

Въ Бауэнхофѣ нашъ герой занялся, между прочимъ, сельскимъ хозяйствомъ, подъ руководствомъ своего отца, какъ отличнаго практика въ этомъ отношеніи. Но вообще первыя впечатлѣнія по возвращеніи въ отечество не могли быть пріятны для молодаго патріота. (Дядя часто изъявлялъ удовольствіе, что племянникъ въ письмахъ своихъ съ большою теплотою говоритъ объ отечествѣ). Особенно эти впечатлѣнія не могли быть пріятны послѣ Англіи, которую онъ оставилъ въ самое интересное время, когда политическая жизнь находилась тамъ въ сильномъ движеніи: во главѣ министерства сталъ знаменитый Питтъ, и весь народъ поднялся какъ одинъ человѣкъ при извѣстіи о началѣ военныхъ дѣйствій, хотя войны собственно желали немногіе. Вмѣсто всего этого, въ отечествѣ сво-

des Comptes de ce nom, гдѣ даетъ отчетъ о развѣтвленіяхъ и о судьбѣ отдѣльныхъ членовъ этой многочисленной фамиліи. (Приложеніе къ книгѣ Рамбаха).

емъ Сиверсъ нашелъ необозримую массу крѣпостныхъ во всѣхъ видахъ. То была эпоха высшаго развитія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Въ остзейскихъ провинціяхъ послѣ Сѣверной войны безправіе и угнетеніе низшаго класса достигли также чрезвычайныхъ размѣровъ.

Въ началѣ 1756 года Яковъ вступилъ въ военную службу, съ чиномъ премьеръ-майора; благодаря придворнымъ связямъ Карла Сиверса, начальникъ артиллеріи Петръ Ивановичъ Шуваловъ назначилъ его племянника дивизіоннымъ квартирмейстеромъ. Дядя продолжалъ возвышаться: около этого времени онъ былъ пожалованъ большими помѣстьями и достоинствомъ гофмаршала, и кромѣ того, возведенъ въ графы Римской имперіи.

1 января 1757 года Елизавета формально приступила къ союзу Австріи съ Франціей противъ Фридриха II. Военныя приготовленія начались еще прежде: по всей Имперіи полки находились въ большомъ движеніи; а Лифляндія и Курляндія были уже наводнены войсками; Якову представилось здѣсь много хлопотъ съ устройствомъ лагерей. Весною наша армія, подъ начальствомъ Апраксина, двинулась въ Восточную Пруссію. Но походъ совершался очень медленно; причиной тому были отчасти дурныя дороги и затрудненія въ провіантѣ, а отчасти продолжавшаяся борьба партій при дворѣ, гдѣ прусско-англійское золото значительно парализовало рвеніе австрійско-французскихъ сторонниковъ. Только послѣ пораженія Фридриха при Коллинѣ Русскіе перешли за Нѣманъ. Вскорѣ послѣдовало сраженіе при Гросъ-Эгерндсорфѣ. Нашъ Сиверсъ принималъ въ немъ участіе, въ качествѣ подполковника Невскаго полка, которымъ командовалъ его пріятель, англичанинъ Фюллертонъ. Пуля ударила Сиверсу въ грудь; но офицерскій значокъ защитилъ его, и онъ только на нѣсколько минутъ лишился чувствъ. Извѣстно, что послѣ побѣды Апраксинъ, къ общему удивленію, отступилъ. Фамильное преданіе Сиверсовъ разказываетъ, будто Яковъ былъ посланъ фельдмаршаломъ въ Петербургъ, чтобы на словахъ объяснить императрицѣ таинственныя причины своего отступленія, и будто, войдя въ ея кабинетъ, онъ положилъ на столъ свой значокъ, согнутый пулею и спасшій ему жизнь.

Въ слѣдующемъ году арміей командовалъ графъ Ферморъ. Онъ перешелъ Вислу, и двинулся къ Одеру. Наши войска, сопровождаемыя отрядами казаковъ и башкиръ, обозначали свой путь опустошеніемъ. Фридрихъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу, чтобы остановить

ихъ разрушительное шествіе и помѣшать соединенію Русскихъ съ Австрійцами. Тогда онъ далъ знаменитую битву при Цорндорфѣ. Яковъ вышелъ изъ этой продолжительной бойни невредимымъ, хотя Невскій полкъ находился въ самомъ жаркомъ дѣлѣ; полковникъ его Фюллертонъ и другой дядя, бригадиръ Сиверсъ, попались въ плѣнъ. Ферморъ принужденъ отойдти на сѣверъ. Тутъ онъ отрядилъ бригаду генерала Пальмбаха для осады Кольберга, который былъ намъ нуженъ для того чтобы свободно получать моремъ провіантъ и военные снаряды.

Яковъ Сиверсъ, имѣвшій теперь чинъ полковника, былъ прикомандированъ къ этой осадѣ въ качествѣ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта. Онъ, очевидно, пользуется уже высшимъ вниманіемъ и довѣріемъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ пишетъ къ нему, что при Цорндорфѣ между нашими генералами произошли разныя недоразумѣнія; поэтому проситъ его сообщить обстоятельное описаніе сраженія и въ особенности образъ дѣйствій Фермора. Такого рода сообщенія показались Сиверсу крайне щекотливыми, и онъ пытался уклониться отъ нихъ. Но Шуваловъ продолжалъ настаивать, и убѣдилъ его на будущее время представлять свои наблюденія въ видѣ мемуаровъ. Слѣдствіемъ этого порученія былъ „Дневникъ осаднаго корпуса при Кольбергѣ“, составленный такъ отчетливо, что безъ всякихъ личныхъ сужденій давалъ ясное понятіе о характерѣ военныхъ дѣйствій.

Осада Кольберга была неудачна; вообще нѣмецкіе и русскіе генералы нашей арміи показали тогда довольно незначительное военное искусство. Въ концѣ 1758 года Сиверсъ былъ вызванъ въ Петербургъ для словесныхъ объясненій, насчетъ похода и взаимныхъ отношеній генераловъ. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ воротился въ армію, а лѣтомъ главное начальство было вручено графу Салтыкову. Но Сиверсу не удалось принять участіе въ славномъ походѣ этого лѣта и пожать лавры при Куннерсдорфѣ. Онъ сдѣланъ былъ членомъ прусско-русской коммиссіи для размѣна плѣнныхъ, учрежденной въ померанскомъ городкѣ Бютовѣ. Хотя уполномоченнымъ съ русской стороны назначенъ былъ генералъ Яковлевъ, но дѣлопроизводство главнымъ образомъ пало на Сиверса. Кромѣ того, онъ продолжалъ доставлять Шувалову свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій и отчеты канцлеру Воронцову. Переговоры коммиссіи подвигались впередъ медленно, и только въ октябрѣ уполномоченнымъ удалось заключить конвенцію. Плѣнные раздѣлены по рангамъ, и

каждый рангъ оцѣненъ въ извѣстную сумму; по крайнимъ ступенямъ этой лѣстницы, простой солдатъ оцѣненъ въ 5 гульденовъ, а генералъ-фельдмаршалъ—въ 15,000. Затѣмъ начался размѣнъ плѣнныхъ, и коммиссія была завалена дѣлами, такъ что Сиверсъ цѣлыя ночи проводилъ за письменнымъ столомъ. Здоровье его, ослабленное еще въ началѣ войны, теперь разстроилось совершенно. Наконецъ онъ получилъ годовой отпускъ въ чужіе края, для излѣченія, и лѣтомъ 1761 года предпринялъ путешествіе въ сопровожденіи младшаго брата, Карла. Онъ проѣхалъ Моравію, Австрію, Швейцарію, а на зиму отправился въ Италію. Посѣтивъ замѣчательные города Сѣверной и Средней Италіи, онъ въ концѣ октября поселился въ Неаполѣ.

Снабженный рекомендательными письмами, нашъ Сиверсъ скоро завязалъ знакомство въ высшемъ кругу неаполитанскаго общества; онъ былъ представленъ королю, министрамъ и посланникамъ, и принятъ въ самыхъ знатныхъ домахъ. Здѣсь онъ занялся образованіемъ своего брата, Карла, которому и нанялъ учителей, то-есть учителей языковъ, танцованія и фехтованія—предметовъ, составлявшихъ тогда главную сущность воспитанія для массы европейскаго дворянства. Въ Неаполѣ, какъ и въ Лондонѣ, Сиверсъ жалуется на дороговизну жизни; особенно его раззоряли расходы на платье: атласъ, бархатъ, кружева, золотое и серебряное шитье, какъ извѣстно, въ ту пору были необходимою принадлежностью мужскаго туалета. Въ письмахъ своихъ Яковъ умоляетъ отца не замедлять высылкою денегъ, чтобы не поставить его въ самое затруднительное положеніе. На бѣду его одинъ русскій господинъ, года четыре тому назадъ, задолжалъ въ Неаполѣ 3.000 рублей разнымъ лицамъ за столъ и платье, и потомъ пропалъ. „Послѣ этого“, прибавляетъ Сиверсъ, „кредитъ Русскихъ такъ упалъ, что я по пріѣздѣ своемъ не могъ получить въ долгъ и стакана воды“.

Видъ спокойнаго Везувія почему-то возбуждалъ у нашего героя тоску по родинѣ. Но тутъ, кажется, причина лежала въ маленькой сердечной ранѣ.

Еще до поѣздки въ Лондонъ Яковъ Сиверсъ питалъ нѣжное чувство къ дочери „тайнаго совѣтника“ Боэргаве, Нидерландца по происхожденію. Эрмина была умная дѣвушка, сильно любившая танцы и верховую ѣзду. Почти однихъ лѣтъ съ Яковомъ, она отвѣчала взаимностію на его привязанность. Но долгое отсутствіе друга и настоянія отца побудили её отдать свою руку лейбъ-медику Крузе, родному брату баронессы Сиверсъ. Послѣ возвращенія Якова вза-

имная привязанность ожила съ новою силой; впрочемъ, благовоспитанные молодые люди удержали ее въ должныхъ границахъ, и сообщили ей характеръ священной дружбы, которая и сопровождала ихъ до самой могилы. Въ семействѣ Сиверсовъ до сихъ поръ сохраняется картина, изображающая миловидную женщину съ чрезвычайно живыми глазами; въ правой рукѣ она держитъ гіацинтъ. Еще не задолго до смерти Яковъ Сиверсъ съ чувствомъ разказывалъ своей внучкѣ случай, послужившій сюжетомъ для картины. Однажды онъ приходитъ въ домъ Крузе, и встрѣчаетъ хозяйку, возвращающуюся изъ сада съ букетомъ нарванныхъ цвѣтовъ; она взяла изъ нихъ гіацинтъ и подала Якову. Съ этимъ-то другомъ молодости Сиверсъ очень усердно переписывался изъ Неаполя. О степени ихъ дружбы можно судить по числу писемъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ получилъ 40, и послалъ столько же отвѣтовъ; корреспондентъ еще при этомъ горько жалуется на неисправность почты.

Превосходный климатъ, правильный образъ жизни, ежедневныя прогулки, діэта, козье молоко, великолѣпная опера и пріятныя знакомства возстановили силы нашего больнаго. Чувствуя себя лучше, онъ началъ учащать свои визиты въ аристократическіе кружки неаполитанскаго общества. Здѣсь судьба послала ему романтическую исторію. Въ то время король Карлъ былъ еще очень молодъ; во главѣ правленія стоялъ маркизъ Тануччи, который старался всѣми силами привлечь въ столицу богатую аристократію, и не жалѣлъ ничего, чтобы придать неаполитанскому двору веселый характеръ и роскошную обстановку. Вмѣстѣ съ тѣмъ распущенность придворныхъ нравовъ достигла замѣчательныхъ размѣровъ, и брачные узы были узами только по имени. Нѣкто, маркиза Салуцо, хорошенькая женщина, впрочемъ уже не первой молодости, узнавъ il colonelo moscovito, какъ называли Сиверса въ Неаполѣ, запылала къ нему самою волканическою страстію. Эта всепожирающая страсть дышетъ въ каждой строкѣ ея многочисленныхъ писемъ, сохранившихся у Якова. Она едва упоминаетъ о ревнивомъ мужѣ и своихъ сыновьяхъ; она ничего не хочетъ знать и видѣть кромѣ своего возлюбленнаго. Отношенія къ маркизѣ не мѣшаютъ однако нашему герою продолжать правильную переписку съ Эрминой, говорить ей о своемъ сплинѣ, разсказывать о неаполитанскихъ балахъ и маскарадахъ. Между прочимъ онъ описываетъ, съ какою горестію узналъ у австрійскаго посланника о смерти императрицы Елизаветы. Эта смерть повела за собою значительное измѣненіе въ положеніи Си-

версовъ. Со вступленіемъ на престолъ Петра III, дядя Якова вдругъ лишился своего прежняго значенія при дворѣ; а послѣднее обстоятельство тотчасъ отозвалось для племянника прекращеніемъ денежныхъ вспоможеній.

Истеченіе срока, а главное недостатокъ денегъ заставили Якова въ іюнѣ 1762 года покинуть Неаполь. Маркиза съ большимъ трудомъ согласилась на разлуку, и только подъ непремѣннымъ условіемъ скораго возвращенія. Во время обратнаго путешествія Сиверса по Италіи, она чуть не ежедневно мѣнялась съ нимъ письмами и сувенирами въ видѣ локонъ, колецъ и т. п. Въ Римѣ Яковъ былъ глубоко опечаленъ извѣстіемъ о смерти своей доброй матери. Между тѣмъ въ Петербургѣ перемѣны быстро слѣдовали одна за другою. Еще въ Римѣ Сиверсъ узналъ о восшествіи на престолъ Екатерины II. Петербургскія событія произвели за границей довольно сильное впечатлѣніе. Маркиза Салуцо въ своихъ письмахъ выражаетъ безпокойство, и заклинаетъ Якова извѣстить ее изъ Петербурга о томъ, какое вліяніе эти событія будутъ имѣть на его судьбу. Но благоразумный полковникъ уже въ Вѣнѣ счелъ за лучшее прекратить нѣжную переписку.

По возвращеніи въ Россію, Сиверсъ снова почувствовалъ себя дурно; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ взялъ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и 300 рублей пенсіи, и поселился у отца. Сельская жизнь мало-по-малу возстановила его здоровье. Между тѣмъ дядя его, при коронаціи Екатерины II, получилъ званіе оберъ-гофмаршала.

II.

НАЧАЛО ГУБЕРНАТОРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.—АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ.

Состояніе, въ какомъ находилась Россія при вступленіи на престолъ Екатерины II, болѣе или менѣе извѣстно. Правительственный механизмъ, преобразованный Петромъ I, но далеко необработанный въ своихъ главныхъ частяхъ, по смерти энергическаго мастера часто переходилъ въ руки людей, имѣвшихъ весьма малое понятіе о потребностяхъ государства и преслѣдовавшихъ свои личные интересы.

Управленіе того времени довольно мѣтко характеризуетъ Минихъ въ одной изъ своихъ записокъ Екатеринѣ II-й (отъ 15-го августа 1762 г.). „Огромная Русская Имперія—по его замѣчанію—управ-

ляется не губернаторами и президентами присутственныхъ мѣстъ, какъ это кажется, а оберъ-секретарями и секретарями".

Коллегіи и другія мѣста снабжаются президентами, вице-президентами и совѣтниками или членами, большею частію изъ отставныхъ офицеровъ и другихъ особъ, которые мало или ничего не знаютъ объ основныхъ законахъ государства и объ указахъ прежняго времени. Отсюда нерѣдко происходитъ слѣдующее: представляется на рѣшеніе какое-нибудь важное или новое дѣло; по прочтеніи протокола, президентъ, вице-президентъ и члены начинаютъ толковать и спрашивать одинъ другаго, что каждый думаетъ. Послѣ долгихъ разговоровъ, наконецъ, соглашаются во мнѣніи и составляютъ рѣшеніе. Остается только перевести его на бумагу. Оберъ-секретарь или секретарь при обсужденіи дѣла не имѣетъ никакого голоса; онъ сидитъ въ той же комнатѣ за другимъ столомъ и пишетъ; но въ то же время внимательно слушаетъ и замѣчаетъ всѣ разговоры господъ членовъ. Когда доходитъ дѣло до рѣшенія, онъ встаетъ, подходитъ къ нимъ и говоритъ: „Имѣю честь напомнить о такомъ-то указѣ (Петра Великаго или кого изъ его преемниковъ, смотря потому какой указъ ему нуженъ). Коллегія измѣняетъ свое рѣшеніе и все время, проведенное въ обсужденіи дѣла, потеряно; мнѣніе оберъ-секретаря беретъ верхъ. А такъ какъ онъ заправляетъ письменнымъ изложеніемъ дѣла, то и даетъ ему оборотъ согласный съ собственными соображеніями. Потому нѣтъ сомнѣнія, что оберъ-секретари и секретари руководятъ важнѣйшими государственными дѣлами по своему усмотрѣнію; всѣ они въ короткое время обогащаются и притомъ пользуются чрезвычайнымъ почитаніемъ со стороны народа. То же самое происходитъ и въ канцеляріяхъ, гдѣ губернаторъ, вице-губернаторъ и ихъ помощники обыкновенно полагаются на юридическія свѣдѣнія секретарей". (Büschings Mag. XVI, 425).

Екатерина, которая внимательно наблюдала положеніе Россіи, еще будучи великою княгиней, теперь, достигши трона, принялась приводить въ порядокъ государственный механизмъ. При этомъ она, конечно, обратила большое вниманіе на выборъ людей и особенно на выборъ губернаторовъ. Новгородъ былъ тогда одною изъ самыхъ обширныхъ и значительныхъ губерній. Семейное преданіе Сиверсовъ разсказываетъ, что когда императрица хотѣла назначить туда губернатора, то составленъ былъ списокъ кандидатовъ, числомъ до 30. Ея выборъ палъ на Якова Сиверса. Это назначеніе относится къ

апрѣлю 1764 г., именно къ тому времени, когда Екатерина предпринимала свою поѣздку въ Лифляндію.

Въ выраженіяхъ глубокой вѣрноподданической преданности Сиверсъ благодарилъ за высочайшее довѣріе и просилъ только три мѣсяца отсрочки для укрѣпленія своего здоровья. По истеченіи этого срока, онъ явился въ Петербургъ и провелъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, приготовляясь къ своему посту подъ руководствомъ самой императрицы. Онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, двадцать аудіенцій, каждую въ нѣсколько часовъ; тутъ ему сообщались объясненія отдѣльныхъ статей генеральной и тайной инструкціи, разнаго рода замѣтки и извлеченія, касавшіяся губерніи и особенно водяныхъ сообщеній, съ картами, планами и проектами. Ему приказано писать обо всемъ прямо императрицѣ, а въ важныхъ случаяхъ лично являться къ ней въ Петербургъ.

Съ такимъ-то запасомъ писаныхъ и устныхъ наставленій отправился Яковъ Сиверсъ къ своему посту. Спустя лѣтъ сорокъ, при Александрѣ I, онъ составилъ записку о своей служебной дѣятельности, и подалъ ее министру внутреннихъ дѣлъ (Кочубею). Здѣсь онъ въ слѣдующихъ чертахъ изобразилъ состояніе, въ которомъ нашелъ Новгородскую губернію при своемъ вступленіи въ губернаторскую должность.

Губернія эта была одною изъ самыхъ огромныхъ. Она касалась почти обѣихъ столицъ, граничила съ Польшею, Литвою, Эстляндіей, Финляндіей, Русскою Лапландіей, Швеціей и Бѣлымъ моремъ. Недоимокъ было болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. Изъ 200 или 300 просьбъ, подаваемыхъ ежегодно губернатору, только двѣ или три получали рѣшеніе. Никакой полиціи не было на всемъ протяженіи области. Мѣсто ея заступали сотскіе, отъ двухъ до четырехъ въ каждомъ приходѣ. Имъ сообщались губернаторскіе и воеводскіе приказы; но сотскіе не умѣли ни читать, ни писать и потому прибѣгали къ помощи дьячка или пономаря. Никакой почты не было, за исключеніемъ стараго тракта между двумя столицами и еще вновь учрежденнаго на Великія Луки и на Псковъ. Почтовая корреспонденція шла чрезъ руки письмоводителя, который ежегодно доставлялъ въ ямскую новгородскую канцелярію только 20 рублей дохода. Съ тѣхъ поръ какъ отмѣнена обязательная служба дворянъ, губернаторъ не могъ уже попрежнему возлагать на нихъ разныя порученія, если только эти порученія не имѣли доходнаго свойства. Въ тюрьмахъ сидѣло 1.200 арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; между

арестантами находилось болѣе 20 дворянъ, которые, впрочемъ, сидѣли не въ острогѣ, а гдѣ-то при канцеляріи; болѣе 1.000 подсудимыхъ было отпущено на поруки. Отъ 30 до 50 несчастныхъ было назначено къ пыткѣ въ каждой изъ пяти провинцій. О взяткахъ и всевозможныхъ злоупотребленіяхъ нечего и говорить *).

О всемъ этомъ Сиверсъ не замедлилъ донести императрицѣ. А мѣсяца два спустя, онъ уже былъ въ Петербургѣ и объяснялся съ нею лично. Около этого времени, по ея порученію, молодой губернаторъ составилъ пространную записку, въ которой изложилъ свои мысли о предстоявшихъ улучшеніяхъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой записки:

„Въ продолженіе моего короткаго пребыванія въ Новгородѣ", пишетъ онъ, „дня не проходило чтобы не поступило нѣсколько жалобъ на обиды, насилія и даже смертоубійства, вслѣдствіе споровъ между сосѣдями за границы". Отсюда вытекаетъ необходимость новаго размежеванія на болѣе раціональныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежде. Хорошо было бы начать съ одной или двухъ провинцій, чтобы мало-по-малу образовать искусныхъ землемѣровъ и испытать ихъ честность. Издержки размежеванія должны падать на дворянъ, „потому что они будутъ пользоваться его плодами".

Далѣе, вслѣдствіе огромнаго потребленія лѣсу въ столицѣ на постройки и топливо, губернаторъ опасается будущей его дороговизны и отсюда вреднаго вліянія на фабричную дѣятельность. „Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ", говоритъ онъ, „существовали лѣсничіе, подчиненные вѣдомству адмиралтейской коллегіи, которые только и дѣлали, что продавали позволеніе рубить деревья и такимъ образомъ обогощались". Онъ совѣтуетъ учредить особую лѣсную коллегію, которая опредѣляла бы ежегодную пропорцію сруба, и предлагаетъ вообще принять за образецъ лѣсныя учрежденія Пруссіи, Ганновера и Голштиніи. Кромѣ того при помощи экономическихъ и земледѣльческихъ обществъ, хорошо было бы распространить добываніе и употребленіе торфа и въ особенности каменнаго угля. Послѣдній можно найти на берегахъ Ильменя; по крайней мѣрѣ, профессоръ Леманъ, которому поручено было изслѣдовать соляные источники Старой Русы, предполагаетъ, что если копать глубже, то можно доко-

*) По поводу послѣдняго пункта напомнимъ извѣстный указъ Екатерины о лихоимцахъ, отъ 18-го іюля 1762 года. Тамъ разсказывается, что регистраторъ новгородской губернской канцеляріи, приводя бѣдныхъ людей къ присягѣ императрицѣ, съ каждаго за то бралъ деньги.

паться до каменнаго угля. (При этомъ авторъ записки мечтаетъ не только сберечь суммы, уходившія изъ государства на покупку ньюкастельскаго угля, но и открыть „новую отрасль заграничной торговли").

Чтобъ улучшить сельское хозяйство, надобно основать земледѣльческое общество и, кромѣ того, очень полезно дѣйствовать посредствомъ примѣра. А именно: отдать пару казенныхъ имѣній, отъ четырехъ до пяти сотъ душъ крестьянъ въ аренду офицерамъ или помѣщикамъ, хорошо знакомымъ съ лифляндскимъ сельскимъ хозяйствомъ, и „приказать" имъ, чтобы вводили, по лифляндскому образцу, раздѣлъ и обработку полей и луговъ, молотьбу, приготовленіе солода, масла, сыру, воспитанія скота и проч. Имѣнія, состоящія въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи (то-есть монастырскія) очень многочисленны въ Новгородской провинціи; но управленіе ихъ въ большомъ безпорядкѣ и доходъ слишкомъ незначителенъ. Единственный чиновникъ съ двумя помощниками и однимъ писцомъ ведетъ надзоръ за 20.000 душъ. „Крестьяне управляются сами собою какъ вольная община; это самоуправленіе вообще довольно бурно и плохо согласуется съ благосостояніемъ отдѣльныхъ лицъ".

Для улучшенія собственно Новгорода, надобно ссудить магистрату 10.000 рублей на 10 лѣтъ безъ процентовъ и раздѣлить эту сумму между гражданами на поддержку торговли; кромѣ того, дать денежное вспоможеніе съ разными привилегіями тѣмъ купцамъ, которые пожелаютъ завести фабрики, кожевенную, полотняныя и другія. Новые каменные дома освободить отъ постойной повинности на 20 лѣтъ. Проектированный царскій дворецъ въ Новгородѣ надобно окружить садомъ; губернаторскій домъ построить кирпичный на берегу рѣки и также съ садомъ. Выстроить еще новую канцелярію, новый острогъ; завести гимназію для дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей, а по другимъ городамъ низшія школы и преобразовать семинарію.

Авторъ записки умоляетъ императрицу ускорить составленіе новаго свода законовъ, и въ примѣръ приводитъ кодексъ Фридриха II. Ни одна провинція не нуждается такъ въ этомъ сводѣ какъ Новгородская. Приказные крючки до того запутываютъ тяжбы, что нѣтъ почти возможности доводить ихъ до рѣшенія. Хорошо было бы назначить штрафъ съ тѣхъ тяжущихся, которые при аппелляціи проигрываютъ дѣло. Со времени учрежденія комендантовъ, полиція городская не знаетъ, у кого она подъ начальствомъ. Полицейскіе чиновники не получаютъ содержанія, и потому жители терпятъ большія вымогательства.

Потомъ говорится о слишкомъ малой оцѣнкѣ отданныхъ на откупъ оброчныхъ статей (то-есть рыболовныхъ мѣстъ, мельницъ, луговъ и проч.); о небрежности въ сборѣ податей и въ счетахъ казны съ кабаками; о ямщикахъ, которые, покинувъ свои слободы, живутъ въ городѣ, не платятъ подушной подати и занимаются промыслами, во вредъ настоящимъ гражданамъ. Раскольники, собиравшіеся для самосожиганія, разошлись послѣ увѣщаній отъ своихъ единовѣрцевъ, посланныхъ къ нимъ губернаторомъ, и согласились записаться въ двойной окладъ. Такъ какъ срокъ для ихъ ревизіи прошелъ, то надобно назначить имъ другой. Необходимо увеличить число чиновниковъ въ канцеляріяхъ. Особенное вниманіе надобно обратить на пути сообщенія; противъ неисправнаго содержанія дорогъ употреблять не одни тѣлесныя наказанія, но и денежные штрафы, потому что помѣщики мало безпокоятся на счетъ личности своихъ крестьянъ. Для улучшенія водяной коммуникаціи, отъ которой зависитъ продовольствіе столицы, надобно изслѣдовать плохое состояніе Вышневолоцкихъ шлюзовъ, разчистить Волховскіе пороги, разыскать и наказать зачинщиковъ безпорядковъ на Боровицкихъ порогахъ. Кромѣ предполагаемаго соединенія озера Селигера съ рѣкою Полою, хорошо было бы соединить Гжать съ Угрою, а Десну съ Окою, чтобы произведенія Украйны достигали водою до самаго Петербурга. *)

Екатерина II значительно расширила кругъ власти и дѣятельности губернаторовъ. Въ прежнее время коменданты гарнизоновъ, магистраты, пограничные смотрители, чиновники, завѣдывавшіе ямщиками, подушнымъ сборомъ, соляною регаліей, во многомъ дѣйствовали независимо отъ губернаторовъ и губернскихъ канцелярій; а послѣдніе въ свою очередь получали приказанія отъ разныхъ коллегій и конторъ. Теперь же почти все въ губерніи было подчинено губернатору, и онъ получалъ приказанія только отъ сената. Въ этомъ смыслѣ издано было „*Наставленіе Губернаторамъ*“ въ апрѣлѣ 1764 года. Здѣсь губернаторъ является какъ „глава и хозяинъ“ всей

*) Объ упомянутыхъ раскольникахъ-самосожигателяхъ, именно Медвѣдицкой волости въ деревнѣ Любачахъ, см. въ *П. С. З.* № 12.172. Мысль послать къ нимъ ихъ единовѣрцевъ принадлежала самой императрицѣ. Однако въ декабрѣ того же 1764 года Обонежской пятины въ деревнѣ Щебенцѣ сожглось 18 человѣкъ раскольниковъ (*П. С. З.* № 12,326). Что касается до безпорядковъ на Боровицкихъ порогахъ, то здѣсь дѣло идетъ объ отказѣ лоцмановъ чистить пороги и производить другія работы, кромѣ спуска судовъ и о взяткахъ съ проходящихъ барокъ (*П. С. З.* № 12,423). Зачинщикъ былъ наказанъ плетьми; остальные повинились.

ввѣренной ему губерніи; власть его простирается почти на всѣ вѣдомства. (П. С. З. № 12,137). Императрица не ограничилась этимъ общимъ наставленіемъ: при назначеніи губернаторовъ она снабжала ихъ еще особыми, секретными инструкціями, которыя были примѣняемы къ обстоятельствамъ каждой губерніи. Когда Сиверсъ осенью 1764 года представлялъ въ Петербургѣ свои первые проекты, ему пока дано было прочесть инструкцію, составленную для графа Фермора, новаго смоленскаго губернатора. *)

Свою секретную инструкцію Сиверсъ получилъ въ февралѣ 1765 года. Она раздѣлена на 24 главы, и составлена на подобіе извѣстнаго мемуара, который во время Людовика XIV былъ сочиненъ герцогомъ Бургундскимъ для руководства областнымъ интендантамъ.

Прежде всего губернатору предписывается имѣть подробнѣйшую карту губерніи, гдѣ были бы означены не только города и рѣки, но и всѣ болота, дороги, фабрики, и, кромѣ того, приготовить спеціальныя карты и планы съ точными описаніями; для этого онъ долженъ всегда имѣть при себѣ двухъ или трехъ опытныхъ землемѣровъ и одного чертежника.

Замѣчателенъ слѣдующій пунктъ инструкціи: Глава епархіи обязанъ имѣть попеченіе за исполненіемъ священныхъ уставовъ въ цѣлой области; но гдѣ одной духовной власти недостаточно для усиленія добрыхъ учрежденій въ простомъ народѣ и внушенія ему страха Божія, тамъ, послѣ обоюднаго соглашенія, должна вступать въ дѣйствіе и власть свѣтская.

Кромѣ ревизскихъ книгъ предписывается при каждой церкви имѣть двѣ шнуровыя книги для сословій податнаго и неподатнаго и отмѣчать въ нихъ число рожденій и погребеній. Сюда надобно относить рожденныхъ внѣ брака и подкидышей, умершихъ насильственною смертью или отъ пьянства, „чтобы такимъ образомъ можно было слѣдить за народною нравственностью и принимать мѣры къ ея

---

*) „Адамъ Васильевичъ", пишетъ Екатерина къ своему статсъ-секретарю Олсуфьеву, „секретная губернаторская инструкція, какова дана графу Фермору, дайте прочесть новгородскому губернатору Сиверсу; а онъ въ понедѣльникъ поѣдетъ въ свою резиденцію, а мы къ нему пошлемъ его инструкціи.

Екатерина.

Какъ онъ сегодня въ машкарадѣ, я чаю, будетъ, то привезите оную съ собою во дворецъ.

23 сентября 1764 года.

(Русскій Архивъ 1863 г. 188 стр.).

улучшенію на будущее время". Предписывается имѣть подробныя статистическія свѣдѣнія о податяхъ и о доходахъ съ казенныхъ и частныхъ имуществъ, также свѣдѣнія о дворянахъ, ихъ хозяйственной дѣятельности, поведеніи и ихъ домашней жизни; при этомъ благонравныхъ поощрять, а неблагонравныхъ дружески наставлять на путь истинный. Точно также слѣдить за купцами и цеховыми ремесленниками, преслѣдовать пьяницъ и лѣнтяевъ, а хорошихъ людей оберегать отъ притѣсненій.

„Предметъ высшей важности есть земледѣліе, первый источникъ народнаго богатства." Поэтому, надобно обратить вниманіе на различіе почвы и обработки въ разныхъ мѣстностяхъ и на земледѣльческія орудія; крестьянъ и помѣщиковъ убѣждать къ производству того, что наиболѣе подходитъ къ свойству почвы; собирать ежегодныя свѣдѣнія о посѣвѣ и жатвѣ, „никого, впрочемъ, не безпокоя строгимъ требованіемъ подобныхъ свѣдѣній." Совѣтами и указаніями должно способствовать тому, чтобы новгородскій ленъ не отвозился въ сыромъ видѣ въ Голландію, а выдѣлывать изъ него полотна на русскихъ фабрикахъ. Завести запасные хлѣбные магазины, на случай неурожайныхъ лѣтъ; а гдѣ и какъ это сдѣлать наиболѣе удобнымъ образомъ, о томъ представить свои соображенія сенату.

Другой не менѣе важный предметъ — лѣсное хозяйство также требуетъ большаго вниманія. Надобно рубить лѣса не иначе, какъ въ опредѣленномъ количествѣ, а гдѣ они уже вырублены, тамъ разводить новые; въ мѣстахъ малолѣсныхъ не допускать заведенія фабрикъ. Имѣть наблюденіе за исполненіемъ прежде изданныхъ указовъ о томъ чтобы доски дѣлались не топоромъ, а пилой; для этого поощрять желѣзныхъ заводчиковъ къ выдѣлкѣ пилъ; хорошо имѣть въ губерніи искуснаго иностраннаго машиниста и механика, который научалъ бы русскихъ строить мельницы и плотины болѣе прочнымъ образомъ, чтобъ онѣ не подвергались ежегодному разрушенію.

Губернская карта должна съ точностію обозначать судоходныя рѣки. Полезно также собрать свѣдѣнія, какою породою рыбъ изобилуетъ та или другая рѣка. Новгородскій край наполненъ болотистыми мѣстностями, которыя по безпечности начальства и по лѣности жителей до сихъ поръ оставались въ первобытномъ видѣ: надобно изыскать средства къ ихъ постепенной осушкѣ.

Далѣе слѣдуютъ заботы о путяхъ сообщенія. Дороги находятся

въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно весной и осенью. Со стороны чиновниковъ страшное воровство и притѣсненія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительство выдаетъ деньги на постройку мостовъ; но въ дѣйствительности они все-таки строятся на счетъ жителей, а чиновники остаются безнаказанны. Нерѣдко въ мѣстахъ безлѣсныхъ возводятся мосты въ цѣлую версту длиной и весьма высокіе; все это воздвигаютъ надъ какими-нибудь ничтожными лощинами безъ всякой нужды, и единственно съ тою цѣлію, чтобы потомъ, подъ видомъ починокъ, обирать казну и вымогать взятки съ обывателей, требуя ихъ на работы въ самое дорогое для нихъ время. Противъ такого могущественнаго зла, какъ недобросовѣстность чиновниковъ, секретная инструкція рекомендуетъ упомянутаго иностраннаго машиниста, который подъ наблюденіемъ губернатора составлялъ бы планы значительныхъ мостовъ и руководилъ бы ихъ сооруженіемъ.

Указъ Петра Великаго о постройкѣ крестьянскихъ дворовъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, по безпечности губернаторовъ и воеводъ, не приводился въ исполненіе, и потому деревни горѣли безпрепятственно. Екатерина приказываетъ слѣдить за исполненіемъ этого указа; а гдѣ мѣстность не позволяетъ исполнить его въ точности, тамъ по возможности оставлять широкія улицы и переулки, или между домами разводить сады и огороды. Послѣдніе не огораживать плетнями или заборами, которые истребляютъ много лѣсу, а окружать ихъ канавами и обсаживать колючимъ кустарникомъ.

Затѣмъ идутъ полицейскія предписанія относительно внѣшняго порядка, чистоты и безопасности въ городахъ. Устроить вездѣ пожарныя предосторожности, по иностранному образцу, соединять рабочіе классы въ цехи, заботиться о заведеніи училищъ и постройкѣ общественныхъ зданій изъ камня; имѣть въ губерніи двѣ аптеки и двухъ лѣкарей, одного въ Новгородѣ, другаго въ Псковѣ, а въ прочихъ городахъ потребное число подлѣкарей и ихъ учениковъ; также имѣть по крайней мѣрѣ одного ветеринара, которому отдавать въ руководство русскихъ учениковъ.

Особенное вниманіе обратить на подкупы судей и разныхъ временныхъ коммиссій, на притѣсненія во время рекрутскихъ наборовъ, ревизіи и при доставкѣ подводъ. О злоупотребленіяхъ лицъ, не подлежащихъ вѣдѣнію губернатора, доносить императрицѣ „секретно“. Со Швеціей и Польшей хранить добрыя сосѣдскія отношенія,

препятствовать перебѣжчикамъ и по возможности возвращать ихъ назадъ. Въ заключеніе императрица поручаетъ Сиверсу вообще заботиться о благосостояніи ввѣреннаго края, помочь весьма бѣдственному положенію Новгорода, оживить его торговлею и промышленностію. Инструкцію свою онъ долженъ держать въ секретѣ и показывать ее кому-либо только въ необходимыхъ случаяхъ.

Разсматривая эту инструкцію, составленную, конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ самой императрицы, нельзя не отдать справедливости ея стараніямъ вникнуть въ состояніе провинцій, положить преграды чиновничьимъ злоупотребленіямъ,—и вообще ея дѣятельной заботливости объ улучшеніи дѣлъ. Во всѣхъ ея планахъ ясно господствуетъ система административной централизаціи. Да иначе не могло и быть. Эта система въ то время находилась въ полномъ развитіи на континентѣ Европы. Послѣ Людовика XIV, блестящимъ ея представителемъ явился Фридрихъ II, который сдѣлался образцомъ для администраторовъ второй половины XVIII вѣка; вліяніе его системы, конечно, отразилось и на русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ. Если взять въ разсчетъ европейскіе образцы, складъ нашей исторіи въ XVIII столѣтіи и умѣнье Екатерины согласно съ своими видами направлять дѣятельность своихъ сотрудниковъ, то намъ будетъ весьма понятно, почему въ планахъ и проектахъ Сиверса мы, напримѣръ, почти не встрѣчаемъ вліянія англійскихъ учрежденій. Несмотря на его долгое пребываніе въ Англіи и самое живое предпочтеніе къ этой странѣ, ему и въ голову не приходило примѣнять къ русской администраціи начала англійскаго самоуправленія. Незамѣтно, чтобъ онъ когда-нибудь задумывался надъ этими началами. Главною причиной тому былъ общій ходъ континентально-европейской цивилизаціи: сочувствіе немногихъ мыслящихъ людей къ учрежденіямъ Англіи еще не проникло въ общественное сознаніе. То была эпоха реформъ; но реформы эти были направлены преимущественно на остатки устарѣвшихъ феодальныхъ отношеній; онѣ стремились къ развитію стройнаго государственнаго механизма, къ симметріи его частей. Средствами къ тому служили: система регламентовъ, предписаній, отчетовъ, донесеній, дѣятельный полицейскій надзоръ, опиравшійся на регулярную армію, подвижная бюрократическая лѣстница и господство канцелярской тайны.

По поводу вышеупомянутой записки Сиверса, Блумъ находитъ въ немъ уже „не новичка неопытнаго, а человѣка въ полной силѣ характера и многостороннихъ свѣдѣній“; программу же, начертан-

ную имъ для себя, называетъ широкимъ кругозоромъ государственнаго дѣятеля, который далеко видитъ за предѣлы своей губерніи и въ то же время не презираетъ никакою мелочью для достиженія ближайшей цѣли. Но мы имѣемъ полное право нѣсколько иначе смотрѣть на эту административную опытность и знакомство съ краемъ, пріобрѣтенное въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Очевидно, молодой губернаторъ явился на свой постъ уже съ готовымъ запасомъ правительственныхъ теорій, для которыхъ главными источниками послужили: наблюденія, сдѣланныя мимоходомъ во время пребыванія за границей, родные лифляндскіе образцы и наставленія императрицы. Онъ точно также раздѣляетъ вѣру въ бюрократическія начала управленія и въ покровительственную систему народнаго хозяйства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ принесъ на свое государственное поприще большую долю здраваго смысла, образованія, благонамѣренности, честности и болѣе мягкія гуманныя формы, нежели какія въ тѣ времена господствовали въ нашей администраціи. На этихъ-то качествахъ главнымъ образомъ и основалась потомъ его блестящая репутація. Вообще Екатерина и лучшіе дѣятели ея царствованія впервые внесли въ нашу оффиціальную жизнь элементъ цивилизованныхъ формъ, смягчившихъ прежнія до крайности жесткія отношенія управлявшихъ къ управляемымъ. Начало ея царствованія было для Россіи началомъ такъ-называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма.“

Мы видимъ даже, что отношенія власти къ самымъ низшимъ слоямъ общества принимаютъ иногда нѣсколько сантиментальный характеръ. Вотъ тому примѣръ:

Гдѣ-то въ Новгородской губерніи два брата рубили въ лѣсу дрова; подошелъ посторонній крестьянинъ, и о чемъ-то затѣялъ споръ. Отъ спора дѣло дошло до драки, и посторонній крестьянинъ былъ убитъ топоромъ. Когда оба брата поставлены были передъ судомъ, старшій назвалъ себя убійцей; но и младшій сдѣлалъ то же самое. „Не вѣрьте ему, сказалъ старшій: — братъ принимаетъ вину на себя, потому что у меня есть жена и дѣти, а онъ холостъ и одинокъ.“ Младшій, однако, продолжалъ настаивать на своемъ. Сиверсъ немедленно донесъ Екатеринѣ о двухъ братьяхъ, состязавшихся въ великодушіи, и на основаніи ея письма, поспѣшилъ объявить преступникамъ прощеніе отъ имени императрицы. Онъ въ восторгѣ отъ этого прощенія, и между прочимъ пишетъ Екатеринѣ: „несчастные думали выслушать приговоръ о наказаніи. Ихъ слезы

(когда имъ объявили прощеніе) были самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ благодарности за жизнь, которую ваше величество имъ подарили. Всемилостивѣйшая государыня, это была лучшая минута, испытанная мною въ Новгородѣ. Это глава изъ книги, которая носитъ заглавіе: „Искусство дѣлать счастливымъ.“ Екатерина въ своемъ отвѣтѣ (въ мартѣ 1765 г.) отдаетъ должную справедливость благороднымъ чувствамъ Сиверса и прибавляетъ: „Если вамъ нуженъ отъ меня формальный указъ (о прощеніи), то пришлите имена подсудимыхъ. Весь этотъ случай заслуживаетъ мѣста въ газетахъ для чести человѣческаго сердца; тутъ видна чистая натура, и нѣтъ ничего искусственнаго или натянутаго.“ Интересно, что сенатъ или, вѣрнѣе, начальникъ его генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, нисколько не умилился этимъ фактомъ; а напротивъ сдѣлалъ непріятность Сиверсу за то, что тотъ объявилъ именной указъ помимо сената. Въ одномъ письмѣ къ императрицѣ губернаторъ сознается, что онъ погрѣшилъ противъ формы, и проситъ освободить его отъ придирки Вяземскаго.

Улучшеніе земледѣлія и тѣсно связанное съ нимъ улучшеніе крестьянскаго быта, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалось одною изъ главныхъ заботъ Сиверса, по вступленіи его въ губернаторскую должность. Между прочимъ ему принадлежала честь ввести въ своей губерніи производство картофеля, который, по его представленію, былъ выписанъ изъ Ирландіи и Англіи (1765 г.). „Желаю вамъ“, пишетъ ему Екатерина, „успѣха въ картофелѣ и поменьше воровъ.“ (Сиверсъ жаловался на большое воровство въ своей губерніи).

Главныя средства, которыми губернаторъ думалъ поднять земледѣльческую промышленность въ Россіи, были указаны имъ еще въ первой запискѣ императрицѣ, а именно: основаніе общества сельскаго хозяйства и учрежденіе образцовыхъ имѣній по лифляндскимъ правиламъ. Посмотримъ теперь, на сколько эти средства оказались состоятельными.

Въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Сиверсъ не разъ обращался къ вопросу объ обществѣ, предсказывая ему весьма важные и благодѣтельные результаты для цѣлой Россіи. Онъ изображаетъ при этомъ и самую картину новаго учрежденія. „Въ началѣ“, пишетъ онъ, „общество могло бы составиться изъ трехъ или четырехъ членовъ. Не смѣю ихъ назвать. Первымъ ихъ дѣломъ было бы познакомиться со всѣмъ, что написано по предмету сельскаго хозяйства въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Швеціи. При этомъ

члены отмѣчали бы тѣ главы, которыя покажутся имъ наиболѣе соотвѣтствующими различнымъ климатамъ русскаго государства. Отмѣченныя страницы они читали бы въ своихъ собраніяхъ и, по общему соглашенію давали бы ихъ переводить искуснымъ перьямъ, въ которыхъ, при хорошемъ вознагражденіи, недостатка, конечно, не будетъ. Переводы будутъ издаваться періодически и современемъ составятъ полный курсъ сельскаго хозяйства. Безъ сомнѣнія, найдутся любители, которые примкнутъ къ обществу, и по мѣрѣ того какъ распространится сознаніе его пользы, въ провинціяхъ явятся корреспонденты, которые будутъ сообщать свои опыты и наблюденія. Наше столѣтіе есть вѣкъ торговли, искусствъ и земледѣлія. Беру смѣлость привести въ примѣръ, какъ во время моего пребыванія въ Англіи возникло тамъ знаменитое общество поощренія искусствъ, наукъ и земледѣлія. Сначала оно раздавало преміи въ одинъ талеръ за какой-нибудь проектъ, вышиванье или какую другую ученическую мелочь. Весь его капиталъ не превышалъ 50 гиней. Я видѣлъ людей, которые смѣялись надъ этимъ предпріятіемъ. Въ настоящее время оно раздаетъ многія тысячи фунтовъ стерлинговъ и снаряжаетъ корабли для отправки сѣмянъ и разныхъ продуктовъ изъ Европы въ Америку. Каждый зажиточный англичанинъ старается записаться членомъ, и съ удовольствіемъ видитъ свое имя напечатаннымъ въ числѣ любителей и поощрителей искусствъ, наукъ и земледѣлія.“ Тутъ молодой губернаторъ, очевидно, увлекся блистательнымъ иноземнымъ примѣромъ, и не взялъ въ разчетъ различія цивилизацій. Дѣйствительность не замедлила рѣзко показать это различіе.

Новое общество, названное Вольнымъ Экономическимъ, было утверждено (въ октябрѣ 1765 года), принято подъ высочайшее покровительство и одарено значительною суммою денегъ. Во главѣ его поставлено нѣсколько знатныхъ вельможъ, и между прочими Григорій Орловъ. Общество сначала собиралось еженедѣльно, и засѣдало въ аристократическихъ дворцахъ. Но скоро число собиравшихся начало замѣтно таять; наконецъ оставались только немногіе члены, еще не потерявшіе присутствія духа. Уже напечатано было нѣсколько отвѣтовъ на задачи общества; но продажа книгъ шла очень туго. Прекрасный, дорогой домъ, построенный для него и еще не вполнѣ оконченный, успѣлъ вовлечь общество въ большіе долги, такъ что на покрытіе ихъ былъ запроданъ въ частныя руки. Императрица заплатила долги, и возвратила домъ обществу. Всю вину такого ре-

зультата Сиверсъ въ послѣдствіи относилъ къ той статьѣ устава, которая допускала въ члены только человѣка, представившаго какой-нибудь письменный трудъ по экономической части; между тѣмъ какъ въ Англіи одинъ опредѣленный взносъ давалъ право быть членомъ. Графъ Остерманъ и Ангальтъ, въ качествѣ президентовъ и съ помощію нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, потомъ оживили нѣсколько дѣятельность общества денежными пожертвованіями и щедрою раздачей золотыхъ медалей на преміи. Такимъ образомъ это аристократическое общество не было допущено до окончательнаго паденія. Не видно однако, чтобы оно имѣло дѣйствительное вліяніе на русское земледѣліе. Замѣчательно, что изъ всѣхъ премій, розданныхъ до конца XVIII столѣтія, едва пять процентовъ пришлись на долю русскихъ; остальные достались иностранцамъ и большею частію нѣмцамъ.

Изъ числа первыхъ задачъ на преміи наиболѣе интересна слѣдующая: „Что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе?“ Эта задача (предложенная самою императрицею) была прислана въ общество, въ 1766 г., со вложеніемъ 1000 червонныхъ для преміи. Число сдѣланныхъ на нее отвѣтовъ простиралось до 164. Изъ нихъ преміи удостоилось разсужденіе ахенскаго уроженца Беарде Делабей, въ 1768 г. Делабей рѣшилъ вопросъ въ пользу крестьянской собственности. Когда же надобно было составить приговоръ о переводѣ и напечатаніи этого сочиненія на русскомъ языкѣ, въ обществѣ, говорятъ, не обошлось безъ волненія со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ; а князь Вяземскій, въ качествѣ генералъ-прокурора, будто протестовалъ противъ такого рѣшенія на томъ основаніи, что русскій народъ все напечатанное принимаетъ за указы. Однако, по желанію императрицы, разсужденіе было напечатано. Но приложеніе его къ дѣлу нашли *невозможнымъ*. Такимъ образомъ тщетно осталось все краснорѣчіе Делабея, до очевидности доказавшаго необходимость крестьянской собственности и личной свободы. *)

А между тѣмъ сама Екатерина обнаруживала живое участіе къ этому вопросу.

Во время упомянутаго путешествія въ Лифляндію до нея дошло много жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами. Надобно замѣтить, что шведское правительство въ XVII вѣкѣ

*) См. *Труды Вольнаго Экон. Общества* VIII ч. или *Чтенія Об. Ист. и Древ.* 1862. Кн. 2.

приняло уже нѣкоторыя мѣры для смягченія крѣпостнаго права и постепеннаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Но со времени русскаго завоеванія, ливонское дворянство снова и всею тяжестью своею налегло на несчастныхъ Латышей и Эстовъ. Екатерина поручила лифляндскому генералъ-губернатору Броуну обратить вниманіе дворянъ на улучшеніе крестьянскаго быта. Броунъ повидимому не отличился особымъ усердіемъ въ этомъ дѣлѣ. Въ средѣ остзейскаго рыцарства нашелся тогда только одинъ благодѣтельный помѣщикъ, баронъ Фридрихъ Шульцъ фонъ Ашераде: онъ составилъ для своихъ крестьянъ инвентарь, отказался отъ права отчуждать ихъ отъ земли и возвышать повинности сверхъ мѣры, установленной шведскимъ правительствомъ, и т. п. Но, когда на ландтагѣ 1765 г. онъ предложилъ ввести вездѣ такія же правила, то противъ него поднялась цѣлая буря. Единственное, на что согласилось дворянство, было признаніе за крестьянами движимой собственности. Спустя два года, подобное явленіе повторилось и въ знаменитой коммиссіи законодательства, собранной въ Москвѣ. Иниціатива въ крестьянскомъ вопросѣ, шедшая отъ самой Екатерины, отступила передъ оппозиціею землевладѣльцевъ. Эта иниціатива отступила тѣмъ скорѣе, что чувствовала подъ собою еще не совсѣмъ твердую почву. Что касается до Сиверса, то онъ, очевидно, былъ одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей въ Россіи, которые сочувствовали первымъ эманципаціоннымъ попыткамъ Екатерины; впрочемъ сочувствіе выражалось въ довольно скромныхъ формахъ.

Другой проектъ нашего губернатора—образцовыя арендныя имѣнія, устроенныя по-лифляндски — былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти. Сиверсъ взялся самъ за это дѣло; въ товарищи себѣ онъ рекомендовалъ своего земляка и друга Энгельгардта, какъ отличнаго хозяина, и уже заранѣе любовался зрѣлищемъ цвѣтущихъ полей и откормленныхъ барановъ. Для опытовъ своихъ онъ выбралъ изъ экономическихъ имѣній Коростинскую волость, на юго-западномъ берегу Ильменя. Императрица назначила ему ежегодно 1000 руб. изъ коростинскихъ доходовъ. Но спустя два года, онъ нашелъ, что не имѣетъ достаточно времени заниматься сельскимъ хозяйствомъ, и передалъ управленіе Коростинскою волостью капитану Фёлькерзаму. Однакожь, не довольствуясь опытами въ малыхъ размѣрахъ, Сиверсъ неоднократно предлагалъ императрицѣ очень широкую мѣру: раздать массу казенныхъ и бывшихъ церковныхъ имуществъ въ аренду заслуженнымъ офицерамъ и закономъ опре-

дѣлить ихъ экономическія отношенія къ имѣнію, „по примѣру Лифляндіи, гдѣ, благодаря этому учрежденію, множество семействъ доставляетъ государству новыхъ офицеровъ“. Императрица передала этотъ проектъ въ коллегію экономіи, и тамъ онъ, кажется, остался безъ движенія. Въ послѣдствіи Сиверсъ съ горестью упоминаетъ о такомъ результатѣ своего проекта, говоря о положеніи экономическихъ крестьянъ, которое время отъ времени становилось все хуже. Если взять въ разсчетъ дѣйствительную судьбу экономическихъ крестьянъ, которые большею частію все-таки перешли въ частныя руки и притомъ безъ всякихъ условныхъ отношеній, а просто пожалованы въ крѣпостную собственность, то мѣра, предлагаемая Сиверсомъ, сравнительно была бы для крестьянъ благодѣяніемъ.

Взглядъ молодаго губернатора на средства улучшить положеніе земледѣльческаго состоянія выразился еще по слѣдующему поводу. По случаю возвышенія цѣны на хлѣбъ въ 1765 г., сенатъ поручилъ всѣмъ губернаторамъ развѣдать, отъ чего произошло это возвышеніе, и какими мѣрами можно его устранить. Въ отвѣтѣ своемъ Сиверсъ, кромѣ естественной причины, то-есть неурожая, указываетъ еще на два главные источника дороговизны. Во-первыхъ, самовольное наложеніе помѣщиками неумѣреннаго денежнаго оброка на своихъ крестьянъ; всякій хочетъ имѣть въ доходахъ преимущество передъ сосѣдомъ или сравняться съ тѣмъ, у кого угодья лучше и мѣстоположеніе болѣе способно къ промысламъ. Во-вторыхъ, многіе помѣщики и также казенныя вѣдомства уничтожили господскую запашку, а земли отдали крестьянамъ, и наложили на нихъ за то неумѣренный оброкъ. Многіе крестьяне, отъ умноженія оброковъ, покинули свое поле и ушли на разныя работы и промыслы; а оставшіеся на пашнѣ старались хлѣбъ свой продать какъ можно дороже, чтобъ удовлетворить властей „и тѣмъ себя отъ истязанія избавить“. Притомъ около милліона душъ (отобранныхъ у духовенства) разомъ и всѣ безъ разбора переведены на денежный (полуторарублевый) оброкъ, тогда какъ прежде они большею частію платили оброкъ хлѣбный. Вообще всякій владѣлецъ и всякое вѣдомство стараются не объ улучшеніи хлѣбопашества, а только о томъ, какъ бы увеличить денежный оброкъ. „Сверхъ всего этого мнѣ кажется“, замѣчаетъ губернаторъ, „что прежнія правительства о столь важной части государственнаго *домостройства* надлежащее попеченіе не имѣли, и какъ помѣщика такъ и крестьянъ къ землепашеству не довольно побуждали.“

Мѣры противъ упомянутыхъ золъ онъ предлагаетъ слѣдующія:

Чтобы крупные помѣщики непремѣнно имѣли господскую запашку, часть оброка брали бы хлѣбомъ и не налагали бы на крестьянъ оброкъ сверхъ силъ; а для этого надобно, по примѣру Эстляндіи и Лифляндіи, опредѣлить оброки, смотря по качеству и положенію земель; однако, крестьянинъ попрежнему долженъ „всевозможную работу на господской пашнѣ исправлять". Въ хлѣбородныхъ провинціяхъ вмѣсто подушной подати тоже собирать хлѣбный оброкъ, въ другихъ, гдѣ удобно, брать отчасти хлѣбомъ, отчасти деньгами. Хлѣбъ этотъ пусть идетъ на продовольствіе ближайшихъ войскъ, какъ то „чинится въ Эстляндіи и Лифляндіи". Съ казенныхъ и экономическихъ крестьянъ также собирать часть оброка хлѣбомъ, который обращать на армію и запасные магазины. При низкой рыночной цѣнѣ хлѣба отпускать его въ чужія государства безпошлинно, по примѣру Англіи; это привлечетъ къ намъ иностранныхъ покупателей и вмѣстѣ большія суммы денегъ; а требованіе на хлѣбъ поощритъ земледѣльца къ разнымъ улучшеніямъ. Наконецъ, на случай неурожаевъ, узаконить, чтобы всякій помѣщикъ и управляющій казенными имѣніями имѣлъ всегда запасъ хлѣба, достаточный на прокормленіе крестьянъ въ теченіи одного года *).

Нѣкоторую часть проэктовъ и предложеній Сиверса мы видимъ въ послѣдствіи осуществленною; но вообще замѣтно, что императрица относилась къ нимъ критически, и во многомъ изъ нихъ видѣла увлеченіе. Напримѣръ, въ томъ же письмѣ, гдѣ она говоритъ о двухъ великодушныхъ братьяхъ, встрѣчается и слѣдующее замѣчаніе: „По донесеніямъ сената, въ провинціи Великолуцкой нѣтъ болѣе такого недостатка въ хлѣбѣ, какъ прежде. Въ случаѣ несовсѣмъ надежныхъ свѣдѣній, берегитесь, чтобы господа дворяне не употребили во зло доброту вашего сердца, когда имъ вздумается вымогать вспоможеніе изъ казенныхъ магазиновъ. Есть русская пословица: Казенному лѣсу всякій родня".

Еще болѣе критически относился къ этимъ проэктамъ сенатъ, съ которымъ чаще всего приходилось имѣть дѣло нашему губернатору. Напримѣръ, въ 1766 г. новгородская губернская канцелярія получила отъ сената подтвержденіе надзирать за исполненіемъ прежнихъ указовъ, запрещавшихъ запахивать землю и скашивать сѣно на 30 саженъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги: полиція принесла сенату жалобу на то, что законъ этотъ не исполняется. Сиверсъ

*) Архивъ Мин. Ин. Д.

тотчасъ вступается за интересы земледѣлія. Хотя отъ такой мѣры, пишетъ онъ, и есть нѣкоторыя выгоды для корма прогоняемаго скота, для безопасности проѣзжающихъ и прокормленія ихъ лошадей, но невыгоды превосходятъ эти удобства. Оставляемыя земли остаются безъ всякой „культуры"; крестьяне жалуются на стѣсненіе своихъ полей, и, вопреки указу, все-таки запахиваютъ; „бѣдные крестьяне", прибавляетъ онъ, „съ которыми я, по моей склонности къ земледѣлію и къ домашней экономіи, охотно разговариваю, со слезами изъясняютъ, что нужда приводитъ ихъ къ тому" (то-есть къ неисполненію указа). Наконецъ и за границей онъ нигдѣ не видалъ, чтобы правительство запрещало подобную запашку. Поэтому губернаторъ „осмѣливается правительствующему сенату представить, не соблаговолитъ ли онъ ходатайствовать объ отмѣнѣ указа". На случай же возвышенія цѣны свѣжему мясу въ столицахъ, можно узаконить, чтобъ обыватели не брали за простой скотъ свыше прежнихъ цѣнъ. На все это сенатъ отвѣчалъ полнымъ отказомъ, и дозволилъ запахивать придорожныя земли только до 1770 года *).

Далѣе, заботливость Сиверса о крестьянинѣ ясно высказалась и въ его мысляхъ о рекрутской повинности. Чтобы возможно болѣе облегчить земледѣльческое сословіе, онъ предлагаетъ слѣдующіе источники для рекрутскаго набора, которые въ тоже время послужатъ средствомъ для очищенія страны отъ вредныхъ элементовъ. Вопервыхъ, бродяги, которыми переполнены всѣ тюрьмы. Еслибъ ихъ отдавать въ рекруты, это подѣйствовало бы и на помѣщиковъ, и на крѣпостныхъ: первые будутъ обращаться мягче, а вторые работать прилежнѣе. Потомъ: непомнящіе родства, неосѣдлые цыгане, занимающіеся разными недобрыми промыслами, сверхштатные церковнослужители и особенно излишніе дворовые люди, которые безполезно ѣдятъ хлѣбъ и только поддерживаютъ азіатскіе нравы своихъ господъ. Въ числѣ такихъ источниковъ встрѣчаемъ мы одно довольно странное средство, не совсѣмъ согласное съ гуманными принципами Сиверса, которое можно объяснить развѣ вліяніемъ современнаго общественнаго строя. За польскую границу уходило въ тѣ времена много народу, особенно раскольниковъ. Въ началѣ Екатерининскаго царствованія, правительство при помощи мягкихъ мѣръ успѣло нѣсколько задержать этотъ отливъ населенія. Чтобы прекратить его окончательно, Сиверсъ предложилъ за поимку бѣглыхъ платить пограничной стражѣ или пограничнымъ жителямъ

*) Ibidem. и П. С. З. 12.624.

опредѣленную премію, и по крайней мѣрѣ 20 талеровъ польскому помѣщику, который выдастъ бѣглеца коммиссарамъ или начальнику пикета, а деньги взыскивать съ владѣльцевъ. Подобная премія, конечно, придется по вкусу Полякамъ, и они съ своей стороны сами устроятъ кордонъ; наши пограничные жители и пикеты также будутъ ревностнѣй заботиться о своей обязанности. „Корысть часто сильнѣйшій двигатель нежели честь". И кого же въ примѣръ приводитъ губернаторъ? Калмыковъ и Мещеряковъ. Когда эти дикари содержали кордонъ, то побѣги почти прекратились: попавшагося бѣглеца усердная стража раздѣвала почти до нага, и потомъ уже отводила къ офицеру пикета, что производило сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кому приходила охота перейдти границу.

Сиверсъ обратилъ также вниманіе на облегченіе земства отъ постойной повинности. Въ его губерніи квартировало одинадцать полковъ; изъ нихъ два въ Новгородѣ и два въ Псковѣ. Тяжесть постоя особенно была чувствительна для этихъ двухъ городовъ и окрестныхъ деревень: роты должны были стоять не далѣе 30 верстъ отъ города. Сиверсъ предложилъ построить казармы, такъ какъ помѣщики и купцы вызвались сложиться и дать денегъ на ихъ постройку. Императрица передала его проектъ въ военную коллегію. Президентомъ послѣдней былъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, опытный администраторъ и человѣкъ вліятельный. Онъ отклонилъ проектъ на томъ основаніи, что казармы служатъ удобною почвою для революцій, ссылаясь на примѣры изъ исторіи и на наши собственные опыты *). Однако сдѣлано было облегченіе въ томъ отношеніи, что самое дальнее разстояніе ротъ отъ городовъ перенесено съ 30 верстъ на 60 и 70. Впрочемъ, спустя два года, началась Турецкая война; за нею послѣдовали другія войны, и новгородскія казармы оставались бы большею частію пустыми. Въ послѣдствіи Сиверсъ самъ согласился съ мнѣніемъ Чернышева, и постоянно сохранялъ съ нимъ дружескія отношенія.

Въ сентябрѣ 1765 г. Сиверсъ представилъ императрицѣ первый годовой отчетъ о числѣ рожденій, умершихъ и преступленій, и съ удовольствіемъ указываетъ на то, что количество рожденій вдвое превосходитъ число умершихъ. При этомъ онъ считаетъ благою мѣ-

*) Въ докладѣ воинской коммиссіи, напечатанной въ П. С. З. (№ 12.372), объ этомъ основаніи не упоминается; тамъ приведены другія неудобства казармъ, и между прочимъ отношенія постояльцевъ къ хозяевамъ-обывателямъ изображены въ довольно идиллическомъ свѣтѣ.

рой облегчить въ податяхъ людей семейныхъ и обложить ими холостыхъ и даже незамужнихъ; въ примѣръ приводитъ законы римскаго императора Августа. Но спустя два года число рожденій уменьшилось противъ прежняго на 3 процента, а число умершихъ увеличилось на 12. Причину того Сиверсъ полагаетъ въ неурожаяхъ и дороговизнѣ.

Изъ проектовъ Сиверса, получившихъ практическое примѣненіе, кромѣ учрежденія коммиссіи размежеванія и нѣкоторыхъ измѣненій въ способѣ рекрутскаго набора, замѣчательно улучшеніе почтовой части. Прежде частная корреспонденція шла черезъ руки ямскаго письмоводителя, который ежегодно доставлялъ 20 рублей доходу въ новгородскую ямскую канцелярію. Сиверсъ представилъ объ учрежденіи почтмейстера. Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала, что это было бы только лишнею тратой 400 руб. въ годъ. Екатерина однако утвердила губернаторское представленіе, и въ Новгородѣ былъ водворенъ первый почтмейстеръ, который вскорѣ началъ доставлять ежемѣсячно почтоваго дохода до 50 рублей. Затѣмъ открыты были почтовыя конторы и въ провинціальныхъ городахъ. Въ то же время размножалось и число почтовыхъ трактовъ. Такъ въ октябрѣ 1765 года поручено было губернаторамъ архангельскому и новгородскому сообща устроить станціи и завести почту, которая два раза въ недѣлю привозила бы изъ Архангельска для двора свѣжую рыбную провизію и при этомъ принимала бы частныя посылки. А въ іюлѣ слѣдующаго года заведена постоянная почта изъ Новгорода въ Смоленскъ и Торопецъ. Что касается до проведенія и исправленія дорогъ, въ этомъ отношеніи однимъ изъ важныхъ препятствій служила поразительная бѣдность государства въ ученыхъ техникахъ. Сиверсъ, напримѣръ, обращается къ генералу Муравьеву, „директору канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ“, съ требованіемъ двухъ инженеровъ для исправленія двухъ почтовыхъ трактовъ, новгородско-псковскаго и петербурго-архангельскаго. Генералъ отвѣчаетъ, что у него ихъ нѣтъ. Сиверсъ доноситъ о томъ императрицѣ, и описываетъ жалкое состояніе путей сообщенія. Императрица совѣтуетъ ему найдти двухъ или трехъ опытныхъ отставныхъ офицеровъ; онъ нашелъ только одного, который и долженъ былъ служить ему вмѣсто инженера. Подобный же недостатокъ губернія терпѣла и въ медикахъ.

Опуская остальные планы и проекты Сиверса, которыми такъ изобильны первые годы его губернаторства, укажемъ еще на одинъ,

принадлежащій къ числу самыхъ раннихъ, но заслуживающій особеннаго вниманія. Въ то время, когда рѣшался вопросъ о церковныхъ имуществахъ, Сиверсъ (лютеранинъ по религіи) старался обратить вниманіе императрицы на бѣдственное состояніе сельскаго духовенства, и напомнилъ ей о намѣреніи надѣлить его поземельными участками, „въ ожиданіи которыхъ оно умираетъ съ голоду“. „Надобно было бы пока назначить ему небольшое жалованье, чтобы зажать ротъ злословію“. Екатерина отвѣчаетъ на это предложеніе не совсѣмъ милостивымъ тономъ. „Не знаю, кто вамъ сказалъ, что сельскимъ священникамъ хотѣли назначить участки; они остаются при томъ же, при чемъ были и прежде. Безъ сомнѣнія, этотъ слухъ распространили лукавые ханжи и святоши. Если точнѣе справитесь, то увидите, что ихъ прежнее положеніе остается неприкосновеннымъ; приходы въ 500 душъ могли бы очень хорошо содержать своихъ священниковъ и не подавать имъ повода къ жалобамъ. Излишнее раздробленіе приходовъ и вытекающее отсюда малое число прихожанъ, конечно, составляютъ неудобство, которое надѣюсь, вашъ архіерей не будетъ впередъ увеличивать еще болѣе“. Искренно или нѣтъ, но Сиверсъ потомъ извинялся передъ императрицей въ томъ, что онъ неточно выразился, потому что подразумѣвалъ болѣе монаховъ и монахинь, нежели сельскихъ священниковъ.

III.

ОБОЗРѢНІЕ ГУБЕРНІИ.

Однимъ изъ первыхъ проектовъ новгородскаго губернатора было новое областное подраздѣленіе его губерніи, такъ какъ старое заключало въ себѣ нѣсколько явныхъ несообразностей. *) Сиверса пора-

*) Извѣстно, что Петръ I вмѣсто московской областной системы раздѣлилъ Россію на восемь „губерній“, въ 1708 г. Потомъ это дѣленіе нѣсколько разъ измѣнялось. Въ 1719 году Петръ передѣлилъ государство на одиннадцать губерній, и подраздѣлилъ ихъ на „провинціи“, а провинціи на уѣзды. Преемники Петра не разъ производили новыя измѣненія въ ихъ составѣ, такъ что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, число губерній возрасло до двадцати. Новгородская губернія имѣла въ длину 1.150 верстъ, а въ ширину 600. Населеніе ея однако не превышало 850.000 душъ. Она дѣлилась на пять провинцій: Новгородскую, Тверскую, Псковскую, Бѣлозерскую и Великолуцкую, которыя заключали въ себѣ до 34-хъ городовъ и пригородковъ. Распредѣленіе населенія по уѣздамъ было чрезвы-

жало ненормальное отношеніе губернскаго города къ своимъ провинціямъ и уѣздамъ: этотъ административный и судебный центръ нерѣдко отстоялъ отъ нихъ гораздо дальше чѣмъ главные города другихъ губерній. Отсюда проистекали понятныя неудобства для жителей отдаленныхъ краевъ: дѣла поневолѣ терпѣли застой, мѣстный произволъ не стѣснялся высшимъ надзоромъ, а судейскія злоупотребленія давали полную возможность обижать людей смирныхъ. Губернаторъ провелъ нѣсколько ночей надъ сочиненіемъ новаго областнаго дѣленія. Новгородскій уѣздъ онъ предполагалъ раздробить на нѣсколько уѣздовъ; между прочимъ, совѣтовалъ образовать новые уѣздные города изъ двухъ значительныхъ селъ, Валдая и Вышняго-Волочка, обративъ крестьянъ и ямщиковъ въ горожанъ и прибавивъ къ нимъ нѣсколько иностранныхъ колонистовъ для развитія ремеслъ и фабрикъ.

Сиверсъ, и послѣ того, довольно долго и усердно работалъ надъ своимъ планомъ областнаго дѣленія, сообщая императрицѣ время отъ времени его измѣненія и дополненія. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что началъ отнимать всякое значеніе у своего губернскаго города. Онъ напалъ на Новгородъ, по поводу своихъ размышленій о сообщеніи между Москвою и Петербургомъ. Вотъ его мысли. Очень далекое разстояніе столицъ другъ отъ друга есть большое неудобство для государства. Надобно провести между ними дорогу по прямой линіи. Выгоды отъ этого будутъ такъ велики, что передъ ними ничего не значитъ вредъ причиненный одному городу, „который даже и имени города болѣе не заслуживаетъ.“ Обращенный изъ губернскаго въ провинціальный, вдали отъ большой дороги, Новгородъ останется при своемъ уксусѣ и лукѣ и, кончено, потеряетъ всякое значеніе; но о возстановленіи его не стоитъ и хлопотать. Легче построить два новыхъ города тамъ, гдѣ дорога пересѣчетъ Волховъ и Мсту, нежели поднять Новгородъ. Провинціи тогда будутъ ближе къ надзору верховной власти, и все пойдетъ лучше; жители будутъ больше заниматься дѣломъ и менѣе заводить тяжбъ; сообщеніе съ

чайно неравномѣрно. Вѣроятно не безъ связи съ представленіями Сиверса появился указъ 11 октября 1764 года, который произвелъ нѣкоторыя сокращенія въ числѣ штатныхъ уѣздныхъ городовъ; въ Новгородской губерніи кромѣ пяти провинціальныхъ, такихъ городовъ положено было 15. Интересно, что въ Новгородской провинціи все еще встрѣчается старинное дѣленіе на пятины, а въ Псковской провинціи, уѣзды подраздѣляются на губы (*Топографич. извѣстія о Россіи.* Бакмейстера. 1771 г.).

столичными обитателями смягчить ихъ нравы; а теперь они изъ своихъ угловъ смотрятъ на Петербургъ какъ на конецъ свѣта, и т. п.

Въ связи съ планами областнаго передѣла (которые большею частью потомъ осуществились) мы встрѣчаемъ и первыя попытки новгородскаго губернатора къ болѣе близкому знакомству съ своими провинціями, особенно съ ихъ путями сообщенія.

Уже съ первыхъ мѣсяцевъ своего губернаторства онъ жаловался императрицѣ, что еще не знаетъ ввѣреннаго ему края. Наконецъ, лѣтомъ 1766 года, ему удалось совершить большое путешествіе, для обозрѣнія сѣверо-восточной полосы Новгородской губерніи. Путешествіе это Сиверсъ предпринялъ изъ столицы, гдѣ онъ получилъ отъ Екатерины личныя наставленія. 24 іюня онъ откланялся ей въ Петергофѣ, а на слѣдующій день выѣхалъ по петербургско-архангельской большой дорогѣ. Отчетъ о своей поѣздкѣ онъ посылалъ императрицѣ въ видѣ дневника; постараемся дать понятіе о его содержаніи, насколько это позволяютъ отрывочныя выдержки, приведенныя въ книгѣ Блума.

Въ Новой-Ладогѣ Сиверсъ осмотрѣлъ работы по каналу, который имѣлъ такое важное значеніе для государства. Иностранная торговля Россіи и самое существованіе Петербурга, по его замѣчанію, зависятъ отъ извѣстнаго уровня въ Ладогѣ, безъ котораго ни одна барка не дойдетъ до Петербурга. Тамъ же, въ Новой-Ладогѣ, онъ полюбовался прекрасною полковою церковью и двумя школами, заведенными при Суздальскомъ полку его знаменитымъ командиромъ Суворовымъ. Одна школа назначена была для дворянскихъ дѣтей, другая для солдатскихъ; ученики дворянской школы дали въ честь губернатора представленіе какой-то комедіи. Подобными упражненіями Суворовъ старался развить въ нихъ ловкость и хорошія манеры. Путешественникъ осмотрѣлъ также полковую конюшню и садъ; Суворовъ сумѣлъ развести его на песчаной, безплодной почвѣ.

29-го числа Сиверсъ переправился черезъ Волховъ и поѣхалъ вдоль новаго Сясскаго канала, который долженъ былъ соединить Сясь съ Волховомъ, чтобъ облегчить доставку строительныхъ матеріаловъ въ Петербургъ. Дневникъ нашего путешественника добросовѣстно исчисляетъ рѣчки, переправы и свойства почвы, но, къ сожалѣнію, скупъ на замѣтки о населеніи. Достигнувъ береговъ Свири, губернаторъ заѣхалъ въ Александро-Свирскій монастырь и посѣтилъ тамъ епископа олонецкаго и каргопольскаго. „Монастырь лежитъ на красивомъ озерѣ съ очень извилистыми берегами. Пре-

красно насаженная березовая роща и сосновый боръ, гдѣ святой покоится въ маленькой обители, по моему мнѣнію, составляютъ одно изъ чудесъ его наслѣдниковъ. Здѣсь живетъ на покаяніи графъ Бестужевъ, сынъ недавно умершаго канцлера; думаютъ, что на него уже начала дѣйствовать сила святыни, потому что онъ стыдится показываться людямъ“ *).

Изъ монастыря губернаторъ съѣздилъ въ Олонецъ; потомъ вмѣстѣ съ флотскимъ капитаномъ, начальникомъ Лодейнопольской верфи, онъ въ лодкѣ поднялся по Свири до Лодейнаго Поля, и съ удовольствіемъ увидалъ здѣсь въ бухтѣ 12 судовъ, пришедшихъ сверху.

Отсюда дорога шла параллельно съ рѣкою Свирью, по песчаной, холмистой и лѣсистой мѣстности, оживляемой свѣтлыми озерами. Иногда открывались превосходные виды, и нашъ путешественникъ не разъ припоминалъ Швейцарію и Италію. Но сторона эта довольно пустынна; лишь изрѣдка встрѣчались деревеньки и обработанныя поля. Около южнаго прибрежья Онежскаго озера деревеньки сдѣлались чаще и почва болѣе обработана. На рѣкѣ Оштѣ губернаторъ останавливался у одного олонецкаго мѣщанина, который, „хотя былъ раскольникъ, выстроилъ себѣ, однако, красивый новомодный домикъ“.

6-го іюля Сиверсъ достигъ станціи Вытегры, лежащей на рѣкѣ того же имени. „Тутъ живутъ многіе мѣщане, занимающіеся земледѣліемъ. Послѣ обѣда я сѣлъ въ лодку и проплылъ пять верстъ внизъ до Вянгинской пристани, гдѣ находится также верфь и строятся гальоты; здѣсь ведется довольно живая торговля, потому что грузятъ многіе товары для Петербурга, особенно хлѣбъ. Я даже нашелъ тамъ полотняную фабрику въ 32 ткацкіе станка, которая заведена назадъ тому три года. Кромѣ того, есть два свѣчные завода. Пристань находится въ пятнадцати верстахъ отъ Онежскаго озера; южные берега его, также какъ и Ладожскаго, низменны, болотисты и часто подвергаются наводненіямъ.

„Такъ какъ въ Вытегрѣ, по моему предложенію, должна быть учреждена канцелярія, чтобъ облегчить судопроизводство для жите-

*) Въ *Магазинѣ* Бюшинга, въ статьѣ *Жизнь прежняго канцлера графа Алексѣя Бестужева-Рюмина*, упоминается о томъ, что канцлеръ незадолго передъ смертію заключилъ своего сына въ монастырь за его неразумное поведеніе и хотѣлъ лишить его наслѣдства (II. 432).

лей этого отдаленнаго края, то я думаю, что лучшимъ мѣстопребываніемъ для судьи была бы пристань. Въ такомъ случаѣ надобно перевести сюда и станцію архангельской дороги; это мѣсто лежитъ почти на половинѣ пути между Ладогой и Каргополемъ, слѣдовательно здѣсь можно было бы учредить и почтамтъ *). Какъ жаль, что Вытегра имѣетъ такое быстрое теченіе. Петръ Великій думалъ провести чрезъ нее сообщеніе между государствомъ и столицей; но онъ нашелъ, что теченіе Вытегры слишкомъ сильно и мелководно.

„7-го іюля въ Вытегрѣ я былъ задержанъ до обѣда многими жалобами".

Слова эти очень естественно затрогиваютъ любопытство читателя; онъ ожидаетъ узнать какія-либо подробности о жалобахъ, въ которыхъ, конечно, отражались интересы и нужды мѣстнаго населенія. Но подобное обстоятельство, очевидно, было для путешественника не на первомъ планѣ. Главное вниманіе его обращено на водяныя сообщенія и особенно на тѣ сообщенія, которыя имѣлъ въ виду еще Петръ Великій. Тутъ образъ Петра постоянно носится передъ глазами нашего губернатора, и его слова проникнуты благоговѣніемъ къ памяти преобразователя. Онъ съ умиленіемъ разсказываетъ, что въ Вытегрѣ обѣдалъ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ Петръ бывалъ до семи разъ, между прочимъ и тогда, когда ѣздилъ съ Екатериною на Олонецкія желѣзныя воды.

Достигнувъ Бадожской пристани, на рѣкѣ Ковжѣ, Сиверсъ остановился здѣсь на нѣкоторое время для осмотра мѣстности, интересной по отношенію къ водянымъ сообщеніямъ. Изъ разсказовъ жителей онъ узналъ, что прежде за четыре версты выше на рѣкѣ была другая пристань, но что теперь она оставлена, вслѣдствіе притѣсненій одного майора гвардіи, предъявившаго притязанія на сосѣднюю землю. Далѣе, онъ узналъ, что страна, лежащая по сосѣдству, ровная, низменная и болотистая, что рѣчки имѣютъ здѣсь чрезвычайно тихое теченіе, и слѣдовательно мѣстность эта очень удобна для проведенія каналовъ, которые должны соединить Бѣлое озеро съ Онежскимъ **). Объ этомъ думалъ еще и Петръ Великій; самые пожилые изъ окрестныхъ обитателей признались Сиверсу, что сельскіе старшины въ тѣ времена отклонили офицеровъ, посланныхъ для изслѣдованій, частію ложными показаніями, а частію денежными при-

*) Спустя нѣсколько лѣтъ, именно Вянгинская пристань и была обращена въ городъ Вытегру.

**) Тамъ проходитъ теперь Маріинская система каналовъ.

ношеніями: крестьяне боялись, „что ихъ будутъ употреблять на работы безплатно".

Посѣтивъ окрестности озера Ковжи, въ сопровожденіи одного помѣщика, майора Алексѣева, губернаторъ отправился далѣе. Такъ какъ предстояла самая дурная, каменистая часть дороги, то онъ послалъ свой экипажъ въ объѣздъ; а самъ пустился верхомъ на лошади, которою снабдилъ его Алексѣевъ. Сиверсъ проѣхалъ до слѣдующей станціи около 20 верстъ, одинъ, по непрерывному бору, служившему въ старыя времена весьма удобнымъ притономъ для разбойниковъ. „Около полуночи, пишетъ онъ, я былъ пріятно пробужденъ изъ своихъ размышленій, въ тишинѣ мрачнаго лѣса, журчаніемъ воды въ порогахъ рѣки Кемы. Почва здѣсь удивительно камениста, однако хорошо обработана; на поляхъ лежатъ цѣлые холмы камней, кромѣ тѣхъ, которыми обложены полевыя межи. Эта мѣстность заселена маленькими деревнями и извѣстна подъ именемъ Слободской".

Вечеромъ 9-го іюля онъ достигъ Каргополя. Еще на послѣдней станціи губернаторъ былъ встрѣченъ воеводой и почетнѣйшими гражданами, а на полѣ передъ городомъ его ожидали всѣ жители. Но городъ представлялъ печальное зрѣлище мусора и запустѣнія, вслѣдствіе недавняго пожара. (По ходатайству губернатора императрица назначила 10.000 руб. для вспоможенія городу. П. С. З. 12.565). Сиверсъ остановился въ домѣ бургомистра. На слѣдующій день онъ созвалъ погорѣвшихъ жителей, и показавъ имъ высочайше утвержденный планъ новой постройки города съ нумерованными домами, предоставилъ выбирать нумера и записываться на постройку, пока онъ съѣздитъ въ Онежскую гавань. Граждане единодушно отвѣчали, что они не въ состояніи выводить каменные подвалы со сводами, а также платить деньги за наемъ каменныхъ лавокъ, потому что торговля ихъ для этого слишкомъ ничтожна. Губернаторъ нашелъ ихъ представленія основательными, и разрѣшилъ ограничиваться однимъ фундаментомъ изъ бѣлыхъ плитъ, на аршинъ отъ земли; отложилъ также и вопросъ о каменныхъ лавкахъ. Екатерина и Сиверсъ, возобновляя города, потерпѣвшіе отъ пожаровъ, старались при этомъ какъ можно болѣе распространять каменныя постройки. Но исполненіе ихъ плана находило большія препятствія въ бѣдности городовъ и, по всей вѣроятности, еще не меньшія въ самыхъ привычкахъ жителей.

Въ Каргополѣ Сиверсъ оставилъ почтовую дорогу, и поплылъ по рѣкѣ Онегѣ къ ея устью. Онъ хотѣлъ взглянуть на вновь открытую

тамъ гавань и на заведенія англичанина Гома, придворнаго петербургскаго банкира, получившаго привилегію на лѣсную торговлю.

Плаваніе по Онегѣ было безпокойно, по причинѣ мельничныхъ плотинъ и множества пороговъ. Изъ послѣднихъ самыми опасными считаются Бирючевскіе пороги. Теченіе рѣки между ними весьма извилистое и стремительное; дно ея усѣяно камнями, а берега высокіе, обрывистые и заросшіе лѣсомъ. Въ два часа Сиверсъ проплылъ 28 верстъ.

„Отъ Бирючева рѣка еще на 25 верстъ очень быстра; потомъ она идетъ безъ особенной быстрины до мѣста, называемаго Порожки. На половинѣ этой дороги я проѣхалъ мимо погоста Турчесова, гдѣ прежде былъ городокъ, отъ котораго осталась деревянная башня, если только разсказъ о ней жителей справедливъ: почти невѣроятно, чтобъ она могла сохраниться со времени литовскаго разоренія, то-есть съ эпохи самозванцевъ. Я всходилъ на колокольню, и смѣло могу сказать, что окрестности очень красивы. Весною рѣка выходитъ изъ своихъ высокихъ береговъ и оплодотворяетъ луга; а отъ ихъ качества зависитъ и плодородіе полей, потому что безъ скотоводства и большаго удобренія поля, начиная отъ Каргополя, ничего бы не производили. Между тѣмъ, я долженъ сознаться, что нигдѣ почти не видалъ такихъ хорошихъ хлѣбовъ какъ вдоль Онеги; берега ея, за исключеніемъ части занятой Бирючевскими порогами и Порожками, почти всѣ обработаны, и деревни по самой наружности своей показываютъ достаточное состояніе жителей. У многихъ крестьянъ я нашелъ бумажныя обои. Порожки не такъ опасны какъ Бирючевскіе пороги, однако суда много страдаютъ при неискусныхъ лоцманахъ. Это я испыталъ на себѣ, когда лоцманъ посадилъ насъ на камень, отчего сдѣлалась течь; лодка съ остальными моими людьми налетѣла на нашу, и опрокинулась, такъ что люди были спасены съ трудомъ.

„Не доѣзжая верстъ десять до Устьянскаго,—послѣднее поселеніе на Онегѣ, за пять верстъ отъ ея устья,—я почувствовалъ отливъ Бѣлаго моря. Такъ какъ было уже темно, а вода низка, то я былъ принужденъ дожидаться дня и вмѣстѣ прилива; а 15-го числа поплылъ далѣе и счастливо достигъ Онежской гавани. Я съ большимъ удовольствіемъ увидалъ три большіе трехъ-мачтовые корабля, только-что оснащенные; они выстроены здѣсь вмѣстѣ съ другими тремя, стоявшими уже на рейдѣ и нагружавшимися. На лѣвой рукѣ устроены стапели, а на правой лежитъ село Устьянское, обитатели кото-

раго, конечно по собственной винѣ, живутъ бѣдно. *) Подлѣ него находятся зданія Гомовой конторы; они представляютъ рядъ хорошихъ деревянныхъ домовъ. Къ нимъ примыкаетъ устроенный Гомомъ заводъ для приготовленія корабельныхъ снастей, состоящихъ подъ управленіемъ отличнаго англійскаго мастера. Этотъ заводъ можетъ изготовлять до 30.000 пудъ въ годъ. Половина матеріала получается изъ Вологды. На другомъ берегу, позади стапелей, стоятъ двѣ Гомовы лѣсопильныя мельницы, каждая въ восемь рамъ; еще мельница въ четыре рамы находится выше на томъ-же притокѣ. Доски выпиливаются не очень большія; сравнительно онѣ довольно дороги, и повидимому сдѣлаются еще дороже. Крестный островъ, гдѣ собственно находится гавань или рейдъ, и гдѣ грузятся корабли, лежитъ въ 10 верстахъ отъ Онежскаго устья и слѣдовательно въ 15 отъ будущаго города Онеги".

Коммиссіонеръ Гома, Бокъ, проживавшій лѣтомъ на островѣ, при извѣстіи о прибытіи губернатора, немедленно явился къ нему, и они вмѣстѣ поплыли на рейдъ. Сиверсъ пріятно пораженъ былъ видомъ флота более чѣмъ изъ 30 трехъ-мачтовыхъ кораблей. Самый островъ оказался живописною скалой, на которой расположенъ небольшой монастырь, окруженный еловою рощей; **) подлѣ него виднѣлось нѣсколько домовъ и магазиновъ Гома. На одной сторонѣ острова находилась бухта, представлявшая хорошую якорную стоянку, защищенную съ моря цѣпью маленькихъ островковъ; она наполнялась водой только во время прилива, и была вообще дорогимъ подаркомъ для сосѣдняго края, потому что безъ нея невозможно было бы грузить корабли и сплавлять лѣсъ.

Губернаторъ ужиналъ въ обществѣ тридцати корабельныхъ капитановъ; они были по большей части Англичане, и съ удовольствіемъ видѣли въ немъ своего полуземляка (по привязанности къ Англіи и знанію англійскаго языка). На слѣдующее утро онъ всходилъ на бортъ трехъ кораблей; потомъ воротился на островъ, и отсюда предпринялъ обратное плаваніе въ устье Онеги. Прибытіе и отъѣздъ губернатора корабли салютовали дюжиной пушечныхъ залповъ.

---

*) По какой именно винѣ, губернаторъ не говоритъ. По всей вѣроятности, онъ подразумѣваетъ здѣсь пресловутую русскую безпечность. Изъ этого села Устьянскаго образовался потомъ городъ Онега.

**) Этотъ Крестный монастырь основанъ патріархомъ Никономъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда поставилъ крестъ послѣ своего спасенія отъ бури, застигшей его во время плаванія изъ Анзерскаго скита.

На другой день (17-го іюля), Сиверсъ еще разъ объѣхалъ верхомъ окрестности, чтобъ изслѣдовать мѣстность будущаго города. Съ наступленіемъ прилива онъ поднялся на семь верстъ вверхъ по рѣкѣ до вновь строющейся лѣсопильной мельницы, въ сопровожденіи всей англійской колоніи. Тутъ онъ пообѣдалъ, простился съ Англичанами, и поѣхалъ верхомъ до лодки, ожидавшей его за Порожками. „Я долженъ былъ проскакать 18 верстъ по дорогѣ, по которой не проходило колесо. Время отъ времени долетавшій до меня рокотъ быстрины производилъ пріятное впечатлѣніе“. Очевидно губернаторъ возвращался изъ своего далекаго путешествія въ хорошемъ настроеніи, которое навѣяли на него дикія красоты нашихъ сѣверныхъ пустынь и цвѣтущій видъ англійской колоніи Гома.

„19-го вечеромъ. Бирючево. Между тѣмъ какъ работники (тянувшіе лодку) отдыхали, я наслаждался зрѣлищемъ богатой природы; тутъ росли черная и красная смородина, малина, дикія розы, отличная трава, красивыя березы и лиственница. Изъ послѣдняго дерева я вырѣзалъ себѣ трость; его запрещено рубить, потому что оно сохраняется адмиралтействомъ для кораблестроенія. Стволъ его очень высокъ, прямъ и толстъ, какъ ель, и имѣетъ такія же шишки, которыя зимой опадаютъ; оно цѣнится почти какъ дубъ. За 110 верстъ отъ Каргополя эта порода прекращается. Она растетъ на влажной, жирной почвѣ, пускаетъ глубокіе корни и посредствомъ сѣянія могла бы хорошо размножиться въ нашихъ странахъ“. Остальную часть обратной дороги до Каргополя Сиверсъ проѣхалъ также отчасти въ лодкѣ, а отчасти верхомъ или на саняхъ; колеса въ томъ краю не употребляются, по причинѣ гористой почвы.

Въ Каргополѣ, какъ и въ первый пріѣздъ, онъ занятъ былъ преимущественно планомъ города. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ Сиверсъ замѣчаетъ, что знакомство съ мѣстностію, жителями и ихъ средствами подало ему поводъ произвести нѣкоторыя перемѣны въ одобренномъ ею планѣ, и онъ надѣется на подтвержденіе этихъ перемѣнъ, предпринятыхъ ради общественнаго блага. Онъ увѣренъ, что, благодаря щедрости императрицы, черезъ три года въ Каргополѣ не останется и слѣдовъ пожара, и сожалѣетъ только о томъ, что здѣсь, посреди лѣта, приходится потирать руки отъ холода и топить камины.

Изъ Каргополя путешественникъ проѣхалъ по озерамъ Лаче и Воже, посѣтилъ Бѣлозерскъ, Устюжну, и находился въ Боровичахъ въ то время, когда услыхалъ о пожарѣ въ Торжкѣ. Онъ тотчасъ

поспѣшилъ на мѣсто бѣдствія, и нашелъ обгорѣлою всю середину города, то-есть лучшія улицы, съ ратушей и гостинными дворами. „Усердіе жителей, пишетъ онъ, слѣдовать желаніямъ Вашего Величества въ планѣ новыхъ построекъ усугубило мою горесть, возбужденную видомъ дымящихся развалинъ. Какъ скоро планъ будетъ готовъ, я представлю его на утвержденіе сената, и нисколько не сомнѣваюсь въ щедромъ вспоможеніи отъ моей монархини. Этотъ городъ тѣмъ болѣе достоинъ такой милости, что я нашелъ въ немъ предпочтительно передъ другими духъ порядка, согласія и промышленности. Въ хорошіе годы онъ посылаетъ до 200 барокъ въ Петербургъ".

Замѣчательно здѣсь, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что послѣ большихъ пожаровъ одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени хлопочетъ только о планѣ новыхъ построекъ и о вспоможеніи для нихъ изъ казны. Мы не видимъ, чтобъ его занимали вопросы о причинахъ столь частыхъ пожаровъ, то-есть были ли они постоянно слѣдствіемъ неосторожности и несчастныхъ случайностей, или дѣло не обходилось безъ поджоговъ; а въ такомъ случаѣ, кто были поджигатели и какія побужденія руководили ими? Второе обстоятельство, бросающееся въ глаза,—это преобладающая забота о столицѣ и опасеніе, чтобы, воздвигнутая въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, она не очутилась въ затруднительномъ положеніи. Провинціи оцѣниваются прежде всего по отношенію къ Петербургу, то-есть по скольку онѣ доставляютъ ему хлѣба и другихъ необходимыхъ матеріаловъ. Этой заботѣ, какъ извѣстно, мы обязаны нашею системой каналовъ.

Проѣзжая Валдай, Сиверсъ полюбовался красивымъ положеніемъ будущаго города, а Вышній Волочокъ, конечно, занялъ его какъ узелъ водянаго сообщенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ.

Въ концѣ августа того же года мы находимъ губернатора въ Твери. Онъ восхищается новыми зданіями, которыя возникли послѣ большаго пожара, бывшаго предъ тѣмъ года за три. Сиверсъ пишетъ императрицѣ, что къ нимъ остается прибавить еще зданія школъ и академій; такъ какъ нѣжныя попеченія о воспитаніи составляютъ наибольшую славу ея царствованія. Подъ ея благословеннымъ правленіемъ будутъ образовываться и совершенствоваться въ Россіи ученые и государственные мужи, полководцы и художники; только гражданинъ остается еще безъ образованія и безъ надежды его достигнуть. Какъ было бы хорошо, еслибы Тверь,

сдѣлавшаяся уже образцовымъ городомъ по своей постройкѣ, получила бы и зданіе гражданскаго училища, первое въ этомъ необъятномъ государствѣ! Такой памятникъ говорилъ бы отдаленнѣйшему потомству громче нарядныхъ монументовъ! А въ Каргополѣ можно воздвигнуть каменную колонну, которая, подобно Троянской колоннѣ, „спустя 2.000 лѣтъ будетъ возвѣщать потомкамъ, что Екатерина II царствовала человѣколюбиво и славно отъ Балтійскаго моря до предѣловъ Китая, и что городъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые она подняла изъ пепла. Скромность моей государыни да проститъ мнѣ это отступленіе". Сиверсъ нерѣдко увлекается подобными отступленіями, но къ чести его надобно прибавить, что онъ прибѣгаетъ къ деѳирамбамъ особенно тогда, когда ищетъ покровительства императрицы для достиженія какой-либо общеполезной цѣли.

Изъ Твери Сиверсъ отправляется опять въ Торжокъ и Вышній Волочокъ. „Оттуда, пишетъ онъ, я поплыву внизъ по Мстѣ, и утомленный продолжительнымъ путешествіемъ по столь многимъ и разнообразнымъ краямъ, постараюсь достигнуть вашихъ петербургскихъ галлерей, чтобы представить вамъ отчетъ".

Въ Петербургѣ онъ остался большую часть зимы, и конечно, волею-неволею, принималъ участіе въ удовольствіяхъ столицы, гдѣ въ то время праздники слѣдовали за праздниками. Роскошью и разнообразіемъ ихъ Екатерина старалась возвысить блескъ своего двора. Праздники, впрочемъ, не мѣшали обычному теченію дѣлъ и составленію преобразовательныхъ плановъ, которыми такъ богата первая половина Екатерининскаго царствованія. Въ эту зиму императрица по преимуществу была занята задуманнымъ ею созваніемъ законодательной коммиссіи. На аудіенціяхъ, данныхъ новгородскому губернатору, предметъ этотъ, по всей вѣроятности, служилъ главною темой для бесѣды. Блумъ усиливается доказать, что и самая мысль о законодательной коммиссіи явилась не безъ участія Сиверса: она была въ связи съ его стремленіями облегчить участь земледѣльческаго класса и ослабить гнетъ крѣпостнаго права и бюрократіи, главнымъ представителемъ которыхъ онъ считалъ сенатъ. Къ послѣднему губернаторъ питалъ очевидное нерасположеніе, такъ какъ въ своихъ административныхъ начинаніяхъ по большей части встрѣчалъ непреоборимую преграду въ медленности сенатскихъ рѣшеній. Насколько Сиверсъ участвовалъ въ самомъ планѣ законодательной коммиссіи, по недостатку данныхъ, рѣшить трудно. По крайней

мѣрѣ мы видимъ, что онъ относится къ этому предпріятію съ большимъ сочувствіемъ.

Въ февралѣ 1767 г. Екатерина предприняла путешествіе въ Москву. Новгородскій губернаторъ поспѣшилъ въ Тверь, и встрѣтилъ здѣсь императрицу при ея проѣздѣ. Выборы тверскихъ депутатовъ въ коммиссію, по донесенію Сиверса, были встрѣчены общею радостію. „Нашлось только одно благородное или скорѣе неблагородное существо, которое дало отвѣтъ, что въ силу именнаго указа (Петра III) оно свободно отъ всякой службы. Надъ нимъ много смѣялись". Изъ Твери Сиверсъ переѣхалъ въ Торжокъ, гдѣ ожидали его дворяне, собравшіеся для той же цѣли. Затѣмъ послѣдовали выборы въ самомъ Новгородѣ *). Здѣсь новая мѣра была встрѣчена дворянствомъ съ такимъ энтузіазмомъ, что рѣшено построить тріумфальную арку въ честь Екатерины-законодательницы. Сиверсъ передалъ императрицѣ просьбу дворянъ о позволеніи поставить этотъ монументъ, и уже сочинилъ въ общихъ чертахъ его планъ. Онъ долженъ возвышаться въ Новгородскомъ Кремлѣ противъ большаго Волховскаго моста, чтобы быть на виду у всѣхъ, проѣзжающихъ сухимъ путемъ или водою. Сиверсъ болѣе всего заботится о прочности монумента и сохраненіи имени Екатерины; поэтому предлагаетъ поставить массивную каменную арку, не обременяя ее излишними украшеніями; а въ примѣръ не забываетъ привести римскіе памятники, изъ которыхъ наиболѣе украшенные наименѣе сохранились до нашего времени.

При проѣздѣ черезъ Тверь императрица, конечно не безъ участія губернатора, оказала городу милость: позволила жителямъ строить каменные дома въ меньшихъ размѣрахъ противъ утвержденнаго плана; такъ какъ при тѣхъ размѣрахъ, которые были назначены въ этомъ планѣ, улицы обстраивались очень медленно. Весною, когда Екатерина опять посѣтила Тверь, предпринимая свое извѣстное путешествіе въ Казань, она разрѣшила выдать заимообразно 50.000 рублей на вспоможеніе погорѣвшему Торжку. Тогда до сорока торжковскихъ гражданъ изъявили желаніе начать постройку каменныхъ домовъ, и 17-го мая Сиверсъ съ торжественнымъ молебствіемъ заложилъ здѣсь первый камень того дома, который долженъ былъ послужить образцомъ для другихъ. Губернаторъ наблюдалъ при

*) По его представленію императрица разрѣшила въ Новгородской губерніи производить выборы депутатовъ не съ уѣздовъ, а съ пятинъ (П. С. З. 12.819).

этомъ, чтобы новыя улицы были шире прежнихъ и вытягивались „по шнурку“.

Лѣтомъ 1767 года Сиверсъ предпринялъ второе большое путешествіе въ юго-западную половину своей губерніи.

Предварительно онъ сдѣлалъ поѣздку въ Эстляндію, и тамъ провелъ нѣсколько дней въ помѣстьѣ дяди, подлѣ своей кузины и невѣсты, Елизаветы Сиверсъ. (Старый оберъ-гофмаршалъ въ началѣ этого года оставилъ службу и удалился отъ двора). Отсюда Яковъ отправился въ Ригу для заказа водки, въ которой открылся недостатокъ по его губерніи, потомъ проѣхалъ въ родной Бауенхофъ чтобы повидаться съ отцомъ, и затѣмъ уже продолжалъ обозрѣніе своей губерніи.

Первый городокъ, встрѣтившійся при переѣздѣ изъ Лифляндіи въ Псковскую провинцію, былъ Печеры, извѣстный только по монастырю и тремъ ярмаркамъ. Сиверсъ называетъ его „жалкимъ“. „Монастырь разрушается; часть галлерей, ископанныхъ въ песчаныхъ холмахъ, уже обвалилась; но остается еще довольно мѣста, чтобы выманивать деньги у простодушія и суевѣрія для погребенія въ такъ-называемыхъ Святыхъ мѣстахъ“. Далѣе онъ миновалъ Изборскія развалины. Стѣны и башни древняго зàмка мѣстами обвалились. Во внѣшней стѣнѣ былъ еще виденъ рядъ печей, въ которыхъ во времена непріятельскаго нашествія пекли хлѣбъ жители, собиравшіеся сюда изъ окрестныхъ селеній. Въ зàмкѣ жили еще пять священнослужителей, очень бѣдныхъ, потому что число ихъ прихожанъ состояло едва изъ 20 крестьянскихъ семей. Отъ Изборска дорога идетъ холмами до одного возвышеннаго пункта, съ котораго за 30 слишкомъ верстъ открывается все зданіе Псковскаго собора. Отсюда до Пскова путешественникъ ѣхалъ посреди плодоносныхъ полей.

Около этого времени Сиверсъ былъ обрадованъ слѣдующимъ письмомъ императрицы:

„Господинъ Новгородскій губернаторъ!

„Я получила ваши оба письма. Въ одномъ вы увѣдомляете, что граждане Торжка хотя и не очень спѣшатъ постройками, однако уже взяли 40 нумеровъ. Читая это извѣстіе, я сказала про себя: вотъ уже почти половина Нарвы (въ которой было до 100 каменныхъ домовъ); остальное придетъ современемъ. Второе ваше письмо сообщаетъ, что жатва будетъ обильная: это меня очень радуетъ. Со времени моего отъѣзда изъ Ярославля въ Москву сухимъ путемъ,

я нигдѣ не находила недостатка въ хлѣбѣ; есть деревни, въ которыхъ собраны запасы на два и на три года, и настоящій урожай вездѣ хорошъ. Желаю вамъ во время вашего долгаго путешествія найдти много отрадныхъ вещей и изобиліе водки, за которою вы ѣдете въ Лифляндію; желаю также найти легко исполнимымъ извѣстный вамъ Кутузовскій проектъ (водяныхъ) сообщеній, но прежде всего здоровья и спокойствія. Смотрите не забудьте жениться. Москва 1 іюля 1767.

„Екатерина".

Въ отвѣтѣ своемъ губернаторъ говоритъ, что „такія письма и лѣнивому даютъ крылья", и продолжаетъ описывать свои путевыя впечатлѣнія. Онъ осмотрѣлъ Псковъ; полюбовался изъ кремля красивымъ видомъ на городъ и окрестности; взглянулъ на гробницу и мечъ князя Всеволода-Гавріила, хранящіеся въ Троицкомъ соборѣ, и посѣтилъ семинарію, имѣвшую до 120 воспитанниковъ. Онъ упоминаетъ еще о прекрасномъ зданіи въ восемь комнатъ, которое комендантъ, генералъ-майоръ фонъ-Хиршгеймъ, построилъ для школы, гдѣ завелъ хорошіе порядки. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этихъ порядкахъ мы не находимъ. Вообще Сиверсъ хвалитъ мѣстоположеніе Пскова посреди большой равнины, на берегу прекрасной рѣки въ 10 верстахъ отъ озера. Но внутреннее состояніе этого славнаго въ древности города, увы, подобно Новгороду, представляло только упадокъ и разрушеніе. Число гражданъ уменьшалось съ каждою новою ревизіей, и по послѣдней простиралось только до 450. А между тѣмъ край славился своимъ отличнымъ льномъ, который могъ бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ выгодной промышленности. „Очевидно, замѣчаетъ дневникъ, существуютъ физическія, политическія и моральныя причины такого упадка". Но въ изысканіе этихъ причинъ онъ не вдается.

1 августа, путешественникъ оставилъ Псковъ и направился къ югу параллельно съ рѣкою Великой. Дорогой онъ останавливался у майора Назимова и осматривалъ его сельско-хозяйственныя заведенія, устроенныя отчасти на лифляндскій образецъ. Майоръ имѣлъ до десяти ткацкихъ станковъ, которые работали прекрасную холстину; ленъ его слылъ за лучшій въ цѣломъ краѣ и отличался своею вышиной (аршинъ шесть вершковъ).

На слѣдующій день путешественникъ прибылъ въ Островъ. Около этого города виднѣлись остатки валовъ, которые тянулись на многія версты; они служили прежде защитою противъ литовскихъ набѣговъ.

Слѣды старыхъ литовскихъ разореній губернаторъ находитъ почти во всѣхъ городахъ Псковской провинціи, и простодушно считаетъ ихъ одною изъ главныхъ причинъ настоящей бѣдности! Островъ онъ изображаетъ очень несчастнымъ городомъ: его старый замокъ теперь только груда мусора; соборъ похожъ на часовню, а канцелярія и домъ воеводы представляютъ какія-то полуразвалившіяся хижины. Въ городѣ 120 гражданъ и столько же разночинцевъ, всего 150 домовъ. Однако есть значительные купцы, которые ведутъ торговлю льномъ и пенькой, доставляютъ ихъ въ Нарвскую гавань и пользуются тамъ кредитомъ. Въ канцеляріи не нашлось ни одного гражданскаго процесса, никакихъ недоимокъ, и очень мало денегъ, потому что по полученіи онѣ немедленно отправляются въ Псковъ. Арестантовъ, ожидавшихъ рѣшенія при канцеляріи, оказалось трое. Уѣздный воевода не задолго умеръ. Магистратъ помѣщался подъ соломенною кровлей. Въ городѣ не было ни рынка, ни лавокъ. Сиверсъ назначилъ для нихъ мѣсто, и велѣлъ открыть воскресные базары. У жителей нѣтъ ни полей, ни луговъ. Многіе изъ нихъ нанимаютъ сосѣднія помѣщичьи или экономическія земли.

Губернаторъ дорожилъ временемъ, и спѣшилъ все осмотрѣть въ Островѣ въ тотъ же вечеръ, чтобы на другой день ѣхать далѣе; но простудился, и долженъ былъ остаться здѣсь цѣлые восемь дней. Часть этого времени онъ прогостилъ у генерала Валуева, котораго помѣстье лежало въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города.

10 числа Сиверсъ распростился съ Валуевымъ и поѣхалъ далѣе на югъ, вдоль рѣки Великой. Въ семи верстахъ отъ Острова онъ завернулъ къ богатому помѣщику Тимашеву, извѣстному ростовщику, который нажился, ссужая островскихъ обитателей по 12 и 15 процентовъ; при этомъ онъ отличался большою набожностью, и выстроилъ на свой счетъ прекрасную церковь.

Опочку Сиверсъ нашелъ лучше Острова; но замѣчаетъ, что напрасно старались сдѣлать изъ нея крѣпость, чему мѣстоположеніе совсѣмъ не благопріятствуетъ, ибо надъ нею господствуютъ сосѣдніе холмы. Здѣсь кончались тогда русскія владѣнія. Изъ Опочки Сиверсъ направился къ юго-востоку вдоль польской границы, и доѣхалъ до Великихъ Лукъ, которыя, въ качествѣ пограничнаго города, также имѣли крѣпость. „Благодаря этой крѣпости и хорошо выбѣленнымъ церквамъ, Великія Луки выглядываютъ очень недурно“. Отсюда онъ хотѣлъ продолжать путь на Торопецъ, но потомъ передумалъ, и отправился внизъ по теченію Ловати.

Водяныя сообщенія и доставка по нимъ областныхъ продуктовъ въ Петербургъ, какъ мы знаемъ, болѣе всего занимали губернатора во время его путешествія. Вмѣстѣ съ дорожными впечатлѣніями онъ не упускаетъ случая время отъ времени сказать императрицѣ нѣсколько словъ и о московской законодательной коммиссіи. „Извѣстіе о ея открытіи, пишетъ онъ, было праздникомъ для нашихъ вѣрныхъ подданныхъ здѣшней провинціи, которые не всѣ сутяги, однако, большая часть. Долженъ ли я признаться моей монархинѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ ожидаю новыхъ законовъ, болѣе мягкихъ, болѣе соотвѣтствующихъ гуманности и просвѣщенному вѣку вашего величества, рука моя дрожитъ теперь при подписаніи приговоровъ сильнѣе чѣмъ прежде“.

Сиверсъ проплылъ по Ловати до Холма и добросовѣстно изслѣдовалъ ея теченіе. По ней каждую весну отправлялось въ Петербургъ до 200 барокъ, полубарокъ и полуводовиковъ съ кожами, овсомъ и сѣномъ; а еслибъ очистить русло, то навѣрно отправлялось бы болѣе. Ближе къ Холму берега рѣки становятся очень высоки и обрывисты. Сиверсъ всходилъ на возвышенность, на которой былъ построенъ старый зàмокъ; но отъ него оставался только валъ, образующій четырехъ-угольникъ. Въ мѣстечкѣ Холмѣ, лежащемъ при впаденіи Куньи въ Ловатъ, считалось до 700 обывателей, но на лицо оказалось гораздо меньше; изъ нихъ нашелся только одинъ умѣвшій писать. Они занимались земледѣліемъ, разсѣянные по пятнадцати окрестнымъ деревнямъ, или отправлялись зарабатывать хлѣбъ на баркахъ и другихъ подобныхъ промыслахъ. Тутъ не было ни ремесленниковъ, ни чиновниковъ. А между тѣмъ положеніе превосходное и очень выгодное для торговли, такъ какъ отсюда шло прямое водяное сообщеніе съ Старою Русой, Новгородомъ и Петербургомъ. Причины упадка и печальнаго состоянія жителей Сиверсъ, по своему обыкновенію, не ищетъ въ болѣе близкой къ нему исторіи, а объясняетъ ихъ отчасти старинными литовскими опустошеніями и междуусобными войнами, отчасти же собственною безпечностью жителей; сюда „можетъ быть присоединяется и недостатокъ“ поощренія. Онъ предлагаетъ обратить обывателей въ горожанъ, отдѣливъ отъ нихъ коренныхъ земледѣльцевъ. Школа, прядильная фабрика и нѣсколько привиллегій могли бы, по его мнѣнію, значительно оживить будущій городъ. Любопытна замѣтка путешественника о томъ, что онъ нашелъ здѣсь цѣлые магазины наворованной соли.

Изъ Холма губернаторъ направился сухимъ путемъ на югъ, въ Торопецъ. Почва этой мѣстности, образующая водораздѣлъ между

Ловатью и Западною Двиной, мало обработана и очень холмиста; дорога весьма плоха, а помѣщики нисколько не заботятся о ея поддержкѣ, что „ясно указываетъ на ихъ малую общительность". За четырнадцать верстъ отъ Торопца губернаторъ ночевалъ въ имѣніи майора Лопухина, гдѣ встрѣтили его воевода съ магистратомъ и значительными гражданами.

Торопецъ, по словамъ путешественника, „безъ сомнѣнія, богатѣйшій городъ Новгородской губерніи". Онъ занимаетъ прекрасное положеніе на берегу озера, черезъ которое протекаетъ рѣка Торопа, впадающая въ Западную Двину. Городъ построенъ очень хорошо, имѣетъ много красивыхъ каменныхъ домовъ, и въ этомъ отношеніи уступаетъ только Твери, благодаря попеченіямъ о ней императрицы. Отъ Торопца идетъ прямое водяное сообщеніе съ Ригой, и его заграничная торговля довольно значительна, впрочемъ съ примѣсью контрабанды. Отсюда Сиверсъ проѣхалъ на Старую Русу, въ которой соляное дѣло „подвигалось очень медленно впередъ, не смотря на его старанія". Онъ завернулъ не надолго въ свою резиденцію, Новгородъ, и былъ пріятно пораженъ появленіемъ въ немъ двухъ новыхъ каменныхъ домовъ. Изъ Новгорода губернаторъ снова отправился на югъ, и на этотъ разъ спеціально для изслѣдованія предполагаемаго соединенія озера Ильменя съ верховьями Волги. Съ планомъ Кутузова въ рукахъ, онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Полѣ, проѣхалъ озеро Селигеръ, и поплылъ внизъ по Волгѣ. Онъ нашелъ, что существованіе Кутузовскаго плана возможно, но требуетъ слишкомъ много денегъ на шлюзы. Въ эту поѣздку путешественникъ посѣтилъ село Осташково, которое очень понравилось ему превосходнымъ мѣстоположеніемъ и промышленнымъ духомъ жителей. „Одинъ почеркъ высочайшаго пера сдѣлаетъ изъ него значительный городъ".

28 сентября Сиверсъ достигъ Зубцова, у котораго Волга дѣлаетъ поворотъ съ востока на сѣверъ, принявъ рѣку Вазузу; послѣдняя съ своимъ притокомъ Гжатью доставляетъ сюда произведенія Украйны. Городъ вообще расположенъ очень выгодно для торговли; но мало ею пользуется. Бѣдность его объясняется все тѣми же причинами, то-есть собственною апатіей и старыми литовскими опустошеніями, до которыхъ, по преданію, онъ имѣлъ 72 церкви. Если немного помочь жителямъ деньгами и дать имъ клочокъ земли, которую у нихъ отняли казенные крестьяне, то нагрузка судовъ съѣстными припасами (для Петербурга) пойдетъ живѣе, и городъ легко достигнетъ прежняго своего благосостоянія.

29 Сиверсъ поѣхалъ вдоль береговъ Вазузы, чтобъ осмотрѣть ея теченіе. Онъ нашелъ его довольно быстрымъ, однако, безъ значительныхъ пороговъ. Берега холмисты, но хорошо обработаны, и часто встрѣчались помѣщичьи домики; губернаторъ обѣдалъ у майора Кудрявцева, а ночевалъ у помѣщика Чашникова. На слѣдующій день онъ достигъ устья рѣки Гжати. Здѣсь была граница Зубцовскаго уѣзда, слѣдовательно кончалась губернія Сиверса. Но интересъ къ водянымъ сообщеніямъ увлекъ его далѣе, именно въ Вяземскій уѣздъ (Смоленской губ.). Онъ оставилъ Вазузу, и пустился параллельно съ берегомъ Гжати; тутъ мѣстность была ровнѣе, открытѣе, лучше обработана и гуще населена чѣмъ предыдущая. Съ вершины нѣкоторыхъ холмовъ путешественникъ съ удовольствіемъ насчитывалъ на горизонтѣ до двадцати деревень.

1 октября Сиверсъ миновалъ село Пречистое, расположенное въ пятнадцати верстахъ отъ Гжатской пристани. Отсюда до самой пристани тянулись по берегу длинные ряды амбаровъ и сараевъ; въ нихъ складывались разныя туземныя произведенія, которыя купцы привозили сухимъ путемъ изъ сосѣднихъ краевъ для нагрузки на барки, а именно: пенька, тульское желѣзо, украинскій медъ и проч. Вообще путешественникъ съ похвалою отзывается о промышленномъ духѣ и смѣтливости мѣстныхъ купцовъ. Гжатская пристань расположена по обоимъ берегамъ рѣки и имѣетъ до 300 домовъ; изъ нихъ нѣсколько каменныхъ; но селеніе лежитъ чуть не на болотѣ, „потому что никто не понуждаетъ жителей провести хотя маленькую канавку для стока воды“.

Любопытство Сиверса все еще не было вполнѣ удовлетворено. Онъ проѣхалъ далѣе Гжатской пристани, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ источниковъ Гжати и холмовъ, которые служатъ для нея водораздѣломъ отъ рѣки Угры. Въ донесеніи императрицѣ онъ проситъ извиненія, что заѣхалъ въ чужой уѣздъ; при чемъ не упускаетъ случая немного помечтать о томъ, какъ современемъ, когда устранятся нѣкоторыя препятствія, по этому пути потянутся на сѣверъ съ юга, изъ Украйны и сосѣднихъ земель, шелкъ и вино на многіе милліоны!

Отсюда Сиверсъ воротился назадъ, и тѣмъ закончилъ обзоръ своей губерніи, сдѣлавъ 9,000 верстъ въ сѣверной ея половинѣ и около 7,000 въ южной.

Послѣдняя часть его путешествія совершалась подъ благопріятными впечатлѣніями: изъ Москвы приходили извѣстія о торжествен-

ныхъ засѣданіяхъ законодательной коммиссіи, и Сиверсъ заранѣе восхищался ея результатами. Извѣстный *Наказъ* Екатерины, конечно, вызвалъ восторженныя похвалы у новгородскаго губернатора. „Отъ господина Кузьмина, пишетъ онъ, я получилъ эту книгу, которую будущіе вѣка назовутъ золотою буллой Россіи. Пусть тѣ счастливые смертные, которымъ Ваше Величество поручили это доброе дѣло и сообщили Ваши воззрѣнія на благо человѣчества, пусть они покажутъ себя достойными такого прекраснаго подвига“. Не одна Россія, но цѣлая Европа съ любопытствомъ слѣдила тогда за намѣреніемъ Екатерины создать новое законодательство, съ помощію всѣхъ сословій и всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію. Краснорѣчивый *Наказъ* былъ переведенъ на многіе языки. Сиверсъ въ послѣдствіи такъ писалъ объ этомъ предпріятіи: „Собраніе работало съ жаромъ и очевиднымъ успѣхомъ; но въ плохомъ помѣщеніи и безъ надлежащаго поощренія. Императрица уступила разнымъ домогательствамъ и интригамъ старыхъ и знатныхъ чиновниковъ. Послѣдніе говорили о членахъ коммиссіи: „пожалуй, эти господа пошлютъ насъ въ школу“. Князю Вяземскому, и безъ того обремененному занятіями въ качествѣ генералъ-прокурора и министра финансовъ, поручено было соглашеніе коммиссіонныхъ работъ и составленіе новаго законодательнаго свода. Онъ, съ своей стороны, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ опытнымъ секретарямъ, которые отлично знали на память старые законы, но не имѣли никакого понятія ни о Римскомъ правѣ, ни о правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ; а во главѣ ихъ поставленъ былъ нѣмецъ, искатель приключеній, который совсѣмъ не зналъ русскаго языка“.

Въ началѣ зимы мы застаемъ Якова Ефимовича, уже женатаго, въ Москвѣ, куда онъ отправился, конечно, по желанію императрицы, чтобы лично отдать ей отчетъ въ своемъ путешествіи. Здѣсь онъ принялся хлопотать о совершенномъ уничтоженіи пытокъ, которыя въ первой инстанціи были уже отмѣнены Екатериной. Большое количество арестантовъ, ожидавшихъ пристрастныхъ допросовъ, лежало тяжелымъ бременемъ на сердцѣ благодушнаго губернатора. Сиверсъ зналъ какія препятствія полагались для этой реформы со стороны закоренѣлаго чиновничества, и потому пользовался всякимъ случаемъ расположить императрицу къ окончательной отмѣнѣ пытки. Въ числѣ процессовъ, подлежавшихъ пристрастнымъ допросамъ, у него нашлось нѣчто похожее на одно старое дѣло, рѣшенное при отцѣ Григорія Орлова. (Отецъ его занималъ мѣсто новгородскаго

губернатора во времена Елизаветы). Въ протоколѣ записано было, что судьи и прокуроръ опредѣлили произвести пытку, но губернаторъ отвергнулъ ее. Сиверсъ разсказалъ этотъ случай императрицѣ и Григорію Орлову. Оба они были тронуты; Орловъ даже обнялъ Сиверса со слезами на глазахъ, и съ тѣхъ поръ постоянно находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но все чего послѣдній могъ добиться, была тайная инструкція губернаторамъ: въ уголовныхъ дѣлахъ, требующихъ по законамъ пытки, сообразоваться съ IX главой *Наказа*, которая признавала пытку безполезною. Екатерина написала эту инструкцію въ присутствіи Якова Ефимовича, и онъ на колѣнахъ принялъ бумагу еще съ незасохшими чернилами. Узнавъ о томъ, нѣкоторые сенаторы и придворные, если вѣрить Сиверсу, замѣтили, что теперь никто, ложась спать, не можетъ до утра ручаться за свою жизнь. Несмотря на свой секретный характеръ, инструкція скоро сдѣлалась почти всѣмъ извѣстною, и вызвала общую радость.

IV.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ПОЛИТИКѢ.—ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ СТОЛИЦЫ.— КАРАНТИНЫ.

Въ январѣ 1768 года Екатерина оставила Москву, не совсѣмъ довольная результатами своей поѣздки и въ особенности духомъ оппозиціи, который она встрѣтила въ московскихъ жителяхъ. Немного времени спустя, мы видимъ уже явную перемѣну въ настроеніи нашего губернатора: отъ своихъ многочисленныхъ плановъ и свѣтлыхъ надеждъ онъ довольно быстро переходитъ къ разочарованію и жалобамъ на внѣшнія, неодолимыя преграды для его дѣятельности. Главное мѣсто между этими преградами занималъ сенатъ, который представлялъ собою центръ тяжести въ государственномъ механизмѣ: къ нему со всѣхъ сторонъ стекались просьбы, донесенія и проекты, административные, судебные и хозяйственные; но здѣсь нерѣдко и прекращалось ихъ дальнѣйшее движеніе. Въ мартѣ Сиверсъ доноситъ императрицѣ о своемъ затруднительномъ положеніи: ему нуженъ еще одинъ членъ для его канцеляріи, особый секретарь и нѣсколько писцовъ, и онъ безпокоитъ этимъ дѣломъ прямо императрицу, потому что „безполезно было бы обращаться опять къ сенату, куда онъ уже много разъ о томъ писалъ“.

Между тѣмъ дѣла едва подвигаются впередъ, или рѣшаются наскоро безъ надлежащаго разсмотрѣнія. „Уже идетъ четвертый годъ моего управленія, говоритъ онъ, а я еще никогда не имѣлъ удовольствія при концѣ своего рабочаго дня сказать самому себѣ: „смотри, вотъ твои работы совершенно окончены“; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе растутъ передо мною бумаги“.

Другимъ предметомъ жалобы въ томъ же письмѣ являются собственныя финансовыя обстоятельства Сиверса. Губернаторское жалованье составляло 2.500 руб.; кромѣ того, ему ассигнована была 1000 руб. изъ коростинскихъ доходовъ. Но путешествія по губерніи запутали губернатора въ долги. Интересно его откровенное сознаніе въ томъ, что онъ могъ бы легко обогатиться, если бы захотѣлъ. „Одно вино могло бы доставить мнѣ на покупку 20 гаковъ земли. Я отвергъ это средство, и кредитъ мой теперь истощается“. Далѣе встрѣчаемъ признаніе, бросающее не совсѣмъ романтическій свѣтъ на его недавнюю женитьбу. „Не имѣя особыхъ корыстныхъ цѣлей, я однако надѣялся найдти въ женитьбѣ новые источники существованія. Но совершенное разстройство дѣлъ моего тестя слишкомъ поздно вывело меня изъ заблужденія. Мнѣ не остается иного прибѣжища, какъ упасть къ стопамъ Вашего Величества, открывъ мое настоящее положеніе. Соблаговолите, Ваше Величество, назначить другую тысячу изъ коростинскихъ доходовъ“. Не извѣстно, что отвѣчала на это императрица.

При дворѣ, очевидно, уже подулъ другой вѣтеръ. Польскія дѣла начинаютъ увлекать Екатерину во внѣшнюю политику; вниманіе къ начатымъ внутреннимъ вопросамъ замѣтно слабѣетъ. Императрица еще занимается планомъ полицейскихъ, губернскихъ и судебныхъ учрежденій; иногда много работаетъ надъ ними вмѣстѣ съ Сиверсомъ, но уже не съ такимъ одушевленіемъ какъ въ первые годы, а главное, не приходитъ ни къ какимъ рѣшеніямъ. Напрасно Сиверсъ опять возстаетъ противъ сената, который отвѣчаетъ молчаніемъ на его представленія о новомъ раздѣленіи губерніи, объ открытіи новыхъ городовъ, о необходимыхъ мѣрахъ для путей сообщенія. Такъ, его предложеніе объ усиленіи воды въ Тверцѣ и Мстѣ осталось безъ вниманія, и вслѣдствіе того, слѣдующею осенью до двухъ сотъ барокъ застряло въ порогахъ. Та же участь постигла его предложенія о городскихъ школахъ, о губернскомъ банкѣ и пр.

Конецъ 1768 года былъ ознаменованъ важнымъ правительственнымъ актомъ—учрежденіемъ ассигнаціоннаго банка. Сиверсъ, по

его собственнымъ словамъ, былъ главнымъ виновникомъ этого учрежденія. На мысль о банкѣ навело его огромное количество мѣдной монеты; подати, оброки, регаліи уплачивались преимущественно мѣдью, и эти груды мѣди въ извѣстные сроки доставлялись въ Новгородъ цѣлыми транспортами, иногда за 800 или 900 верстъ; такая доставка стоила много времени, большихъ издержекъ и всякаго рода неудобствъ, при нашихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія. Сиверсъ вспомнилъ о датскихъ и англійскихъ вексельныхъ банкахъ, съ которыми познакомился во время своей дипломатической службы за границей. Онъ предложилъ императрицѣ основать подобное учрежденіе въ Россіи, оградивъ его необходимыми мѣрами предосторожности. Мысль ей понравилась, но князь Вяземскій, графъ Панинъ, князь Голицынъ и другіе министры нашли затрудненія, и потому прошелъ годъ въ обсужденіи и спорахъ. Наконецъ, Екатерина рѣшилась. Но оказался недостатокъ въ хорошей бумагѣ для билетовъ; во дворцѣ собрали старыя скатерти и салфетки и отдали для выдѣлки бумаги на Красносельскую фабрику графа Карла, то-есть дяди нашего губернатора. Послѣдній сочинилъ штемпель, и для возбужденія большаго довѣрія, предложилъ, чтобы на билетахъ подписались четыре сенатора. Пока дѣло было окончено, прошелъ еще годъ. 29 декабря 1768 года изданъ манифестъ о двухъ вексельныхъ банкахъ, Московскомъ и Петербургскомъ. По смыслу манифеста банки выпустили на 1.000.000 рублей безпроцентныхъ векселей, пріемъ которыхъ не былъ обязателенъ; постоянный исправный размѣнъ ихъ обезпечивался императорскимъ словомъ. Сиверсъ взялся начать обращеніе билетовъ съ своей губерніи, и успѣхъ превзошелъ ожиданія *).

„Немного лѣтъ спустя, разсказываетъ онъ, въ банкахъ было сложено на 24 милліона мѣди; на такую же сумму находилось въ обращеніи билетовъ, и они стояли пари съ серебромъ до 1781 года, когда я оставилъ службу. Но скоро возникли несогласія между начальникомъ банка, графомъ Шуваловымъ, и княземъ Вяземскимъ. Убѣдили императрицу учредить банкъ на 20 лѣтъ и заразъ выпустить билетовъ на 34 милліона безъ всякаго фонда, а только съ обѣщаніемъ брать ихъ для казенныхъ платежей. Наставшія войны

*) Интересно слѣдить по послѣдующимъ указамъ, какъ количество этихъ билетовъ постепенно растетъ, и какъ они мало-по-малу принимаютъ характеръ бумажныхъ денегъ. *П. С. З.* №№ 13.227, 13.314, 13.385, 13.563, и проч.

скоро принудили взять милліоны, служившіе первоначальнымъ фондомъ“.

Между тѣмъ главныя заботы Екатерины обратились на отношенія польскія и на войну съ Турціей. Въ иностранной исторической литературѣ очень распространено мнѣніе (которое отразилось и въ книгѣ Блума), что война была нужна Екатеринѣ по ея личнымъ обстоятельствамъ, и что диссидентскій вопросъ въ Польшѣ послужилъ ей только благовиднымъ предлогомъ. Около этого времени расшевелились многія страсти, что доказываютъ многочисленные заговоры въ первые годы Екатерининскаго царствованія; реформаціонныя попытки еще болѣе усилили волненія умовъ. Все это, утверждаютъ Нѣмцы, побуждало Екатерину броситься во внѣшнюю политику, чтобы побѣдами и завоеваніями занять общественное вниманіе. Такое мнѣніе, очевидно, преувеличено, хотя и подкрѣпляется внѣшнимъ сочетаніемъ фактовъ. Если и допустить въ данномъ случаѣ вліяніе личныхъ побужденій, то необходимо прибавить, что обстоятельства гармонировали съ ними какъ нельзя лучше. Польскія и турецкія отношенія были дѣломъ наслѣдственной политики. Россія не могла успокоиться, пока не возвратила западнорусскія области и берега Чернаго моря; они были необходимы для нашего дальнѣйшаго развитія, государственнаго и національнаго.

Въ октябрѣ 1768 года новгородскій губернаторъ въ письмахъ къ императрицѣ горько сѣтуетъ на приближающуюся войну, которая отодвигаетъ на задній планъ дѣло законодательной коммиссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старается предупредить слишкомъ тяжелый рекрутскій наборъ, совѣтуетъ брать не болѣе одного съ 300 и послѣдовать примѣру императрицы Анны, которая приказывала отдавать въ рекруты излишнихъ церковнослужителей. Послѣдняя мѣра дѣйствительно принята Екатериною; но наборъ произведенъ всетаки не съ 300, а со 150 *). Сиверсъ расказывалъ въ послѣдствіи, что первая Турецкая кампанія, продолжавшаяся около шести лѣтъ, съ одной его губерніи взяла до 50.000 рекрутъ; изъ нихъ 20.000 онъ принялъ лично. „Рекрутскій наборъ, прибавляетъ Сиверсъ, производитъ всегда родъ лихорадки въ умахъ крестьянъ и горожанъ. Всѣ хотятъ или избѣжать его, или за деньги откупиться отъ вѣч-

---

*) Въ октябрѣ объявленъ наборъ по одному съ 300, а въ ноябрѣ вмѣстѣ съ тѣмъ же наборомъ приказано произвести новый, такой же; слѣдовательно въ результатѣ пришлось по одному со 150, *П. С. З.* № 13.195.

ной разлуки съ мѣстомъ, гдѣ они впервые увидѣли дневной свѣтъ; даже тѣ, которые нанялись за другихъ, проживаютъ свои деньги и бѣгутъ при первомъ удобномъ случаѣ. Лучшій способъ набора когда производятъ его по мірскому приговору; тогда бываетъ менѣе угнетенія, обмана и насилія. Но какихъ слезъ, какихъ стоновъ не приходилось мнѣ видѣть и слышать при словѣ: „лобъ!“ Какая радость если кричали: „затылокъ!“ *).

Въ системѣ наборовъ, подобно тому какъ и въ другихъ частяхъ администраціи, Сиверсъ предлагаетъ нѣкоторыя частныя улучшенія. Мнѣнія свои онъ изложилъ отчасти въ особой запискѣ, лично поданной императрицѣ лѣтомъ 1769 года. Тутъ онъ говоритъ, что удобнѣе всего выдавать указъ о наборѣ въ сентябрѣ, чтобы не помѣшать уборкѣ хлѣба. Но, спустя два года, онъ убѣдительно проситъ императрицу, въ случаѣ новаго набора, не производить его ранѣе ноября, потому что сентябрскіе опыты имѣли печальные результаты, и помѣщики охотнѣе дали бы одного рекрута со ста душъ въ ноябрѣ, нежели со 150 въ сентябрѣ. Губернаторъ, по его мнѣнію, долженъ лично присутствовать при пріемѣ; если мало офицеровъ и солдатъ для караула рекрутъ, то пріемъ надобно производить въ немногихъ пунктахъ; за просрочку, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, назначить пять рублей штрафу въ мѣсяцъ.

Однимъ изъ важныхъ затрудненій во время пріема служили разсчеты за тѣхъ рекрутъ, вмѣсто которыхъ вносились деньги, такъ какъ квитанціи должны были выправляться въ три дня. Сиверсъ, благодаря своей неутомимой дѣятельности и личному надзору за всѣми подробностями, успѣвалъ преодолѣвать подобныя затрудненія; онъ съ гордостію вспоминаетъ объ этомъ въ послѣдствіи, прибавляя, что въ одинъ день онъ принялъ до 800 человѣкъ, и что изъ рекрутъ его губерніи никто не былъ возвращенъ назадъ. Между злоупотребленіями, сопровождавшими наборъ, онъ особенно указываетъ на стачку пріемщиковъ съ винными откупщиками. Вслѣдствіе этой стачки офицеры, провожавшіе большія партіи рекрутъ, съ намѣреніемъ медлили въ городахъ для оживленія питейной торговли. Въ то время, по замѣчанію Сиверса, офицеръ растерявшій на дорогѣ половину своей партіи, оставался безнаказаннымъ, а доставлявшій

---

*) Рекрутамъ брили лбы и не позволяли отращивать волосы, пока не прибудутъ въ свои полки, съ тою цѣлью чтобы затруднить укрывательства въ случаѣ побѣга. (См. *Генеральное учрежденіе о рекрутскомъ наборѣ*, 1766 г. 29 сентября).

ихъ всѣхъ въ исправности—не награждаемымъ. Зло еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что въ сборныхъ пунктахъ накоплялось иногда чрезвычайно большое количество рекрутъ, и они долго ожидали конвойныхъ отрядовъ, которые разводили ихъ по полкамъ.

Далѣе, Сиверсъ жалуется императрицѣ на вопіющій произволъ помѣщиковъ. Они могли ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе, не давая никакого отчета судебнымъ властямъ, и за каждаго ссыльнаго получали рекрутскую квитанцію. Поэтому передъ наборомъ они пользовались своею привилегіей, и безпрерывно ссылали людей негодныхъ въ рекруты. „Признаюсь, пишетъ онъ, дня не проходитъ, чтобы сердце мое не возмущалось противъ такой привилегіи. Какая потеря для военной службы и земледѣлія! А Сибирь выигрываетъ оттого сравнительно немного, если взять въ разсчетъ огромное разстояніе и убыль во время дороги“. Онъ предлагаетъ, оставивъ дворянамъ право ссылки, отмѣнить ихъ привилегію на рекрутскія квитанціи.

Рекрутскій наборъ и другія дѣла собрали значительное число уѣздныхъ дворянъ въ Новгородъ, въ декабрѣ 1769 года. Сиверсъ воспользовался случаемъ и предложилъ имъ слѣдующія мѣры. Во-первыхъ, выбрать изъ своей среды для Новгородскаго уѣзда особаго коммиссара, положивъ ему жалованье, съ тѣмъ, чтобъ онъ наблюдалъ за порядкомъ, за исполненіемъ указовъ и т. п. Дворяне охотно согласились и назначили на жалованье сборъ по копѣйкѣ съ души. Въ этомъ коммиссарѣ мы узнаемъ будущаго земскаго исправника, а въ совѣщаніи дворянъ о мѣстныхъ нуждахъ—будущее организованное дворянское собраніе. Второй пунктъ, также охотно принятый, касался большихъ дорогъ изъ Новгорода въ Псковъ и Смоленскъ. Губернаторъ предложилъ выбрать для нихъ особаго смотрителя и назначить на исправленіе ихъ постоянный сборъ въ нѣсколько копѣекъ; между тѣмъ, прежде дороги обходились отъ 20 до 30 коп. на душу, и все-таки были дурны. Третье предложеніе относилось къ размежеванію, отсутствіе котораго стоило владѣльцамъ столькихъ ссоръ, процессовъ и убытковъ. Губернаторъ совѣтовалъ не дожидаться казеннаго размежеванія, которое должно исполниться въ теченіе многихъ лѣтъ, а предпринять его на собственный счетъ. И это предложеніе встрѣчено было общимъ одобреніемъ.

Въ началѣ 1770 года Яковъ Ефимовичъ получилъ эстафету о близкой кончинѣ своего отца. Онъ тотчасъ поскакалъ на родину, пославъ императрицѣ просьбу простить ему поспѣшность, кото-

рая не дозволяла ожидать высочайшаго разрѣшенія на временную отлучку. Въ апрѣлѣ этого года мы встрѣчаемъ Сиверса въ Петербургѣ; но по первому извѣстію о наводненіи, угрожавшемъ Новгороду, онъ спѣшитъ въ свою губернію. Вслѣдъ затѣмъ онъ уже опять въ Петербургѣ, и по обыкновенію, представляетъ императрицѣ множество дѣлъ на разрѣшеніе. Тутъ снова встрѣчаются вопросы объ учрежденіи городовъ въ Вышнемъ Волочкѣ, Боровичахъ и Осташковѣ, о заведеніи городскихъ училищъ, о строящемся въ Новгородѣ дворцѣ, который уже превысилъ смѣту на 4.000 руб. и требуетъ прибавить къ нимъ еще 12.000. *) Въ то же время Сиверсъ предлагаетъ обратить въ каналъ такъ-называемый Ѳедоровъ ручей, протекающій черезъ Новгородъ, и хлопочетъ о назначеніи новыхъ суммъ на улучшеніе солянаго дѣла въ Старой Русѣ. Новыя издержки по этому поводу навѣрно устрашили бы сенатъ, и потому губернаторъ обращается прямо къ императрицѣ. Между прочимъ, онъ не забываетъ вычислить свои долги и вообще пожаловаться на разстроенныя дѣла. Хотя въ началѣ этого года Сиверсъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика, однако доходы его не умножились; отъ отца онъ наслѣдовалъ значительное помѣстье, но не свободное отъ долговъ; самъ онъ готовился вскорѣ быть отцомъ, и слѣдовательно расходы его должны были увеличиться. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній губернаторъ пишетъ императрицѣ: „Мой тесть владѣетъ по залогу имѣніемъ Остроминскимъ; залогъ по счету, утвержденному сенатомъ, обошелся въ 8.000 талеровъ; имѣніе стоитъ вдвое. Соблаговолите, Ваше Величество, подарить его мнѣ; тесть откажется отъ своихъ правъ, или я обязываюсь его удовлетворить. Остроминское лежитъ подлѣ моего имѣнія (Бауенхофа). Это было бы большою помощью для моихъ домашнихъ дѣлъ, которымъ я не могу посвящать ни минуты времени.“ Кромѣ того Сиверсъ проситъ императрицу отдѣлить отъ его губерніи два уѣзда, Олонецкій и Каргопольскій; первый присоединить къ Петербургской, а второй къ Архангельской губерніи: съ такимъ раздѣленіемъ согласны сенатъ и законодательная коммиссія; жители будутъ болѣе довольны, а нов-

*) Сначала предположено воздвигнуть въ Новгородѣ царскій дворецъ и губернаторскій домъ. Послѣ многихъ плановъ и соображеній наконецъ дѣло уладилось тѣмъ, что императрица разрѣшила вмѣсто двухъ отдѣльныхъ зданій, построить каменный губернаторскій домъ, въ которомъ были бы особыя комнаты для пріѣзда членовъ царской фамиліи.

городскій губернаторъ получилъ бы значительное облегченіе. Екатерина, повидимому, уклонилась пока отъ исполненія этихъ просьбъ. Ея вниманіе было поглощено извѣстіями съ театра войны.

Дворъ и столица въ то время предавались празднествамъ, по случаю блистательныхъ побѣдъ надъ Турками, каковы: Ларгская, Кагульская, Чесменская и взятіе Бендеръ. (При этомъ замѣтимъ мимоходомъ, что иностранные писатели, и въ томъ числѣ Блумъ, главную честь нашихъ побѣдъ приписываютъ талантливымъ иностраннымъ офицерамъ, которыхъ Екатерина умѣла завербовать въ свою службу).

Между тѣмъ губернаторъ находился въ безпрерывныхъ разъѣздахъ; даже довольно трудно понять, какимъ образомъ свои частыя поѣздки, особенно въ Петербургъ, онъ умѣлъ согласовать съ управленіемъ такой обширной губерніи какъ Новгородская. Осенью 1770 года мы опять находимъ его въ столицѣ, въ семейномъ кругу; жена его только что разрѣшилась отъ бремени. Внезапный высочайшій указъ прерываетъ его отдыхъ: въ пограничныхъ польскихъ областяхъ показалась моровая язва; губернатору предписывается собрать о ней точныя свѣдѣнія и немедленно принять мѣры предосторожности, то-есть учредить карантины. Въ самое дурное время года, въ разгаръ придворныхъ празднествъ, Сиверсъ покидаетъ новорожденную дочь и еще не совсѣмъ оправившуюся жену. Послѣдняя шлетъ ему изъ Петербурга длинный рядъ посланій, которыя наполнены трогательными жалобами на разлуку и самыми нѣжными опасеніями за здоровье супруга. По временамъ ея письма сообщаютъ любопытныя извѣстія о высшемъ столичномъ обществѣ.

„Такъ ужъ устроенъ свѣтъ, пишетъ она мужу на другой день его отъѣзда, никогда не бываютъ всѣ довольны: одинъ смѣется, другой плачетъ, третій свирѣпствуетъ. Но меня мало печалитъ все остальное; была бы я только подлѣ моего дорогаго родственника, который называется Яковъ. Но этотъ родственникъ измѣняетъ своимъ клятвамъ. Да, это такъ, мой другъ. Сколько разъ ты обѣщалъ мнѣ и клялся никогда меня не покидать! Ужасный годъ съ этими разъѣздами; я горячо желаю, чтобъ онъ наконецъ прошелъ“. И подобныя письма отправлялись къ нашему губернатору чуть ли не каждый день. „Я думаю, говорится въ одномъ изъ нихъ, ты теперь уже не далеко отъ Новгорода, этого милаго города, въ которомъ господствуетъ нечистота въ высшей степени, вмѣстѣ съ разными кознями и буйствами. Однако, какъ ни отвратителенъ этотъ такъ-называемый го-

родъ, останься въ немъ, не ѣзди дальше, заклинаю тебя, вспомни иногда о моихъ слезахъ".

„Велика была радость, читаемъ въ другомъ посланіи, которую, мой дорогой другъ, возбудилъ во мнѣ видъ твоего письма; но она тотчасъ исчезла, какъ только я дошла до того мѣста, гдѣ ты пишешь о необходимости ѣхать въ несчастныя Великія Луки. Такимъ-то образомъ, мой любезный губернаторъ, вы поступаете со мной? Таковы-то ваши обѣщанія сохранить себя единственно для другой половины вашего существованія, которая, какъ вы говорите, вамъ такъ дорога? Эта новость сильно опечалила моихъ родныхъ; они сказали, что вы не должны были бы жениться. Я говорю то же самое, и повторяю: придетъ время, когда совѣсть ваша будетъ васъ упрекать за меня; да помочь будетъ ужь поздно. Ваше усердіе просто смѣшно; почему не могли бы вы послать генералъ-майора Штирхейта и поручить ему принятіе мѣръ?... Я могу ожидать извѣстія, что вы пожалуй сами подаете лѣкарство больнымъ. Вы на все способны, только не на то чтобы сохранять себя для тѣхъ, которые должны быть вамъ дороже другихъ и которые въ васъ потеряютъ все". Тѣ же жалобы и упреки повторяются въ слѣдующихъ письмахъ. „Я думаю, замѣчаетъ г-жа Сиверсъ, это послѣдняя разлука, которую я терплю; случись еще подобная, перестану быть твоею женой. Со времени нашей свадьбы, большую часть этихъ трехъ лѣтъ мы жили врозь". Въ другомъ мѣстѣ она спрашиваетъ себя, зачѣмъ такъ тоскуетъ о мужѣ, и отвѣчаетъ: „Да, ты заслуживаешь этого, мой милый Емми; у тебя такая прекрасная душа, что она разтрогаетъ каждаго, кто ее узнаетъ".

Какъ ни краснорѣчивы эти письма, въ данномъ случаѣ мы не можемъ принять сторону нѣжной супруги. Если Сиверсъ считалъ своимъ долгомъ ставить безопасность ввѣреннаго края выше своей личной безопасности, то конечно тутъ обнаруживается одна изъ наиболѣе достойныхъ сторонъ его служебной дѣятельности.

Около того времени при Петербургскомъ дворѣ появился прусскій принцъ Генрихъ, братъ Фридриха II. Подъ предлогомъ путешествія въ Стокгольмъ къ сестрѣ своей, шведской королевѣ, онъ, будто мимоходомъ, посѣтилъ и русскую столицу. Но мы знаемъ теперь, что эта поѣздка имѣла очень важныя политическія цѣли. Фридрихъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за успѣхами Россіи въ Турціи и Польшѣ, и спѣшилъ воспользоваться случаемъ округлить собственныя владѣнія насчетъ своихъ сосѣдей. Во время роскошныхъ празд-

ествъ, которыми Екатерина почтила своего гостя, былъ условленъ первый раздѣлъ Польши.

„Вчера, сообщаетъ Елизавета Карловна, отецъ мой пріѣхалъ въ городъ, былъ при дворѣ, и оттуда отправился обѣдать къ графу Алексѣю Разумовскому“. Тамъ онъ узналъ о штурмѣ Бендеръ, и былъ сильно встревоженъ неизвѣстностію, живъ ли его сынъ, находившійся въ дѣйствующей арміи. По порученію отца, губернаторша тотчасъ написала къ полковнику Броуну, который прискакалъ въ Петербургъ курьеромъ. Вечеромъ Броунъ посѣтилъ ее, и объявилъ, что братъ ея совершенно здоровъ. „Отецъ, продолжаетъ губернаторша, переночевалъ у меня, и сегодня рано представлялся принцу (Генриху), имѣя на груди портретъ короля; потомъ поѣхалъ во дворецъ, гдѣ его оставили обѣдать; оба курьера также обѣдали тамъ. Наша добрая государыня, кажется, очень весела и довольна послѣдними извѣстіями, и весь свѣтъ радуется, особенно добрый мой папа; я была такъ счастлива видѣть его со мной и веселымъ, что печаль, въ которой я находилась со времени твоего отъѣзда, нѣсколько облегчилась“.

Оправясь отъ родовъ, г-жа Сиверсъ начала показываться при дворѣ. Блестящія празднества мало по малу увлекаютъ молодую женщину, и жалобы на отсутствіе мужа слышатся рѣже чѣмъ въ началѣ.

„11 октября 1770 г. Въ пятницу я писала тебѣ, что послѣ стола буду благодарить императрицу (которая была крестною матерью новорожденной); что мы и сдѣлали всѣ вмѣстѣ, то-есть я и родители мои. Императрица сказала мнѣ любезность: будто совсѣмъ и не замѣтно что я недавно покинула постель. Я послѣдовала за нею въ театръ и помѣстилась въ ложѣ твоей кузины. Принцъ Генрихъ былъ въ ложѣ государыни, и я видѣла его профиль; онъ одѣтъ въ черное по случаю смерти принца Брауншвейгскаго, который умеръ въ нашей арміи. Сколько я могла замѣтить, въ продолженіе всего спектакля онъ говорилъ очень мало. Въ субботу З. Чернышевъ далъ роскошный ужинъ; отецъ былъ тамъ, а меня не пригласили; думали, что я еще не выхожу изъ комнаты. Отъ отца слышала я о великолѣпіи ужина. Десертъ представлялъ крѣпости, взятыя во время послѣдняго похода, между прочимъ Бендеры. Тутъ былъ изображенъ и графъ Панинъ (завоеватель Бендеръ) съ полковникомъ Броуномъ, который присутствовалъ за ужиномъ. Онъ пользуется теперь большимъ вниманіемъ; государыня говоритъ ему много любезностей.

Вчера, въ воскресенье, по случаю куртага, я не могла благодарить великаго князя (повидимому бывшаго крестнымъ отцемъ). А сегодня послѣ обѣда мы были тамъ, и ждали его; онъ прислалъ намъ чаю, потомъ вышелъ самъ, и принялъ насъ очень ласково.

18-го октября 1770 г. Твое описаніе города Заволочья живописно. Конечно, пріятно проѣзжать по такимъ хорошо обстроеннымъ и населеннымъ городамъ, какъ въ твоей губерніи. Я никогда не забуду Старой Русы, которая оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе, хотя улицы ея имѣютъ чуть не полтора аршина ширины.

„Вчера я во второй разъ ѣздила на куртагъ; собраніе было многочисленное. Я продолжаю носить трауръ (по свекрѣ), и потому съ головы до ногъ одѣта была въ черное, съ брилліантами. Я видѣла принца вблизи. Признаюсь, онъ некрасивъ собою, даже очень дуренъ: ужасно раскосъ, очень малъ и худъ, каблуки страшно высоки, такъ же какъ и напудренное тупе; но, говорятъ, онъ очень уменъ, и это дѣлаетъ его красивымъ въ глазахъ тѣхъ, которые не смущаются наружностію. Онъ получилъ въ подарокъ дорогую соболью шубу, кромѣ того великолѣпную андреевскую ленту, звѣзду всю въ брилліантахъ и такіе же эполеты,—всего болѣе чѣмъ на 30.000 руб. Третьяго дня принцъ посѣтилъ монастырь (Смольный) и, говорятъ, въ восхищеніи отъ этого прекраснаго института; вообще онъ, должно быть, всѣмъ очень доволенъ. Замѣтили, что въ началѣ онъ едва отвѣчалъ на поклоны, а теперь сдѣлался любезнѣе и кланяется ниже.

„Я болѣе не желаю, милый другъ, пріобрѣсти на мои деньги помѣстье, а предпочла бы домъ; въ такомъ случаѣ не нужно будетъ одолжаться квартирою, когда случится пріѣхать въ Петербургъ".

Въ слѣдующихъ письмахъ г-жа Сиверсъ продолжаетъ извѣщать о принцѣ Генрихѣ, о его поѣздкѣ въ Кронштадтъ, несмотря на дурную погоду; о томъ, что его манеры сдѣлались утонченнѣе и пріятнѣе; о маскарадѣ, иллюминаціи и фейерверкѣ въ Царскомъ Селѣ, о затѣйливомъ освѣщеніи дороги при проѣздѣ туда императрицы. Сообщаетъ, что сама она обѣдаетъ всегда у родителей, а дома приказываетъ готовить только для людей. Описываетъ спектакль въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ Бецкій устроилъ изъ кадетъ представленіе морской побѣды графа Орлова; за спектаклемъ слѣдовалъ маскарадъ и т. п.

Нашъ губернаторъ между тѣмъ осмотрѣлъ юго-западныя границы своей губерніи, и устроилъ мѣры предосторожности. Но въ своемъ донесеніи императрицѣ онъ не ручается за послѣдствія, потому что

съ 400-мя инвалидовъ и 200 драгунъ невозможно запереть границу въ 612 верстъ, не считая ея изгибовъ. Къ солдатамъ онъ присоединилъ караулы изъ крестьянъ, и поручилъ начальство отставнымъ офицерамъ. Хотя переговоры съ принцемъ Генрихомъ о Польшѣ производились въ глубокой тайнѣ, однако слухи очевидно предупреждали событіе. По крайней мѣрѣ Сиверсъ въ донесеніи своемъ выражается такимъ образомъ: „сосѣди наши (Поляки) время отъ времени совершаютъ на границѣ большія буйства; надѣюсь, что при слѣдующемъ трактатѣ этимъ провинціямъ Вашего Величества будутъ даны другія, болѣе естественныя границы".

Губернаторъ сдѣлалъ 2.000 верстъ и благополучно воротился въ Новгородъ. Жена его обрадована этимъ возвращеніемъ но въ то же время опечалена извѣстіемъ мужа о предстоявшей ему поѣздкѣ въ Олонецъ.

Дѣло въ томъ, что между крестьянами, приписанными къ желѣзнымъ Петровскимъ заводамъ, произошли безпорядки и сенатъ еще до поѣздки Сиверса на границу предписалъ ему лично возстановить спокойствіе въ Олонецкомъ уѣздѣ. По просьбамъ жены или по собственному нерасположенію къ этому дѣлу, только губернаторъ дѣйствительно донесъ императрицѣ, что онъ очень ослабѣлъ отъ дороги и не можетъ предпринять новое путешествіе въ такое позднее время года. Однако, нѣсколько дней спустя, онъ уже опять въ Петербургѣ, а отсюда поспѣшно скачетъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Крузе, чтобы встрѣтить тамъ принца Генриха при проѣздѣ его въ Москву. Но поспѣшность оказалась излишнею: длинный рядъ торжественныхъ обѣдовъ и ужиновъ разстроилъ желудокъ принца; онъ заболѣлъ, и только въ концѣ декабря пустился въ дорогу. Вообще расточительность придворныхъ праздниковъ, сюрпризовъ и подарковъ достигла въ то время чрезвычайныхъ размѣровъ. Ей подражало, конечно, и высшее общество. Въ этотъ водоворотъ увлеклась и супруга новгородскаго губернатора. Факты скоро обнаруживаютъ, что экономія далеко не составляла принадлежности ея характера; тоска о разлукѣ съ мужемъ смѣняется уже мечтами о путешествіи за границу. „У меня только и въ головѣ, пишетъ она, что наши несчастные долги, путешествіе въ Италію и на воды. Я постоянно расчитываю что бы могла продать. Но итогъ всегда выходитъ ничтожный сравнительно съ нашими долгами. Иногда я рѣшаюсь продать всѣ мои брилліанты, но потомъ думаю, что это намъ не поможетъ; къ тому же я съ дѣтства къ нимъ привыкла, и мнѣ было бы тяжело отъ нихъ отказаться".

После проѣзда принца Генриха, мы опять встрѣчаемъ Сиверса въ Петербургѣ, а нѣсколько недѣль спустя въ Новгородѣ, откуда онъ предпринимаетъ поѣздку въ Старую Русу. Императрица передала управленіе соляными заводами генералу Боуру, и вѣроятно не безъ особыхъ представленій со стороны губернатора, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ генераломъ. Въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Старую Русу онъ говоритъ, что Боуръ такой же знатокъ въ соляномъ дѣлѣ, какъ и въ военномъ искусствѣ. Вскорѣ потомъ (въ мартѣ 1771 года) Сиверсъ принималъ въ Новгородѣ турецкаго сераскира, который отправлялся въ Петербургъ для переговоровъ о мирѣ. Вслѣдъ затѣмъ черезъ Новгородъ проскакалъ чесменскій герой, Алексѣй Орловъ, чтобы лично пожать въ столицѣ лавры за свои подвиги. Съ его прибытіемъ возобновились роскошныя празднества.

При внѣшнихъ войнахъ, Россія испытывала въ эту эпоху и другія физическія бѣдствія: чума уже проникла внутрь государства, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаружился недостатокъ хлѣба.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ Сиверсъ лично доноситъ императрицѣ о дороговизнѣ въ провинціяхъ, пограничныхъ съ Польшей. Но посреди разсужденій объ этомъ вопросѣ онъ внезапно получаетъ приказаніе скакать въ свою губернію и учредить карантины въ Боровичахъ, Старой Русѣ и Тихвинѣ, чтобы предохранить Петербургъ отъ чумы. Едва губернаторъ занялся своимъ порученіемъ, какъ не замедлило новое бѣдствіе. Сильный весенній разливъ произвелъ наводненіе; отъ него пострадали особенно городъ Тверь и гжатскія барки съ хлѣбомъ; многіе мосты на большихъ дорогахъ снесены водой. Волховскій мостъ въ Новгородѣ удержался только тяжестью старыхъ пушекъ и большихъ камней. Сиверсъ вездѣ хлопочетъ, всюду старается помочь горю. Между прочимъ во Псковѣ, Великихъ Лукахъ и Опочкѣ онъ велѣлъ раздать казеннымъ экономическимъ крестьянамъ остатокъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, всего 1.300 четвертей. „Это небольшая поддержка, доноситъ онъ, но для жителей утѣшительно видѣть, какъ правительство отдаетъ имъ все что имѣетъ„.

Ко всѣмъ упомянутымъ бѣдствіямъ присоединились еще внутренніе мятежи. На востокѣ бунтовали казаки, и приближалась Пугачевщина; въ Москвѣ готовился вспыхнуть бунтъ черни. Во многихъ мѣстахъ замѣчались крестьянскія движенія. Къ числу такихъ движеній принадлежали и упомянутые безпорядки на казенныхъ заво-

дахъ Олонецкой провинціи. *) Они причинили много непріятностей новгородскому губернатору. Мы видѣли, что вмѣсто Олонца онъ, по высочайшему повелѣнію, поѣхалъ на польскую границу. Въ то же время Сиверсъ представилъ сенату свое мнѣніе о мѣрахъ, которыми можно успокоить умы заводскихъ крестьянъ. Но сенатъ не обратилъ особаго вниманія на эти мѣры, и отвѣчалъ губернатору только короткимъ извѣщеніемъ, что на мѣсто дѣйствія посылается генералъ Лыкошинъ. Каково же было его огорченіе, когда онъ вскорѣ узналъ, что генералъ Лыкошинъ успокоиваетъ умы крестьянъ огнемъ и мечемъ; а сенатъ, то-есть генералъ прокуроръ Вяземскій, обвиняетъ губернатора передъ верховною властію въ томъ, что онъ уклонился отъ личнаго исполненія своего долга. Сиверсъ горько жалуется императрицѣ на интриги своихъ враговъ, и старается раскрыть ей дѣло заводскихъ крестьянъ въ настоящемъ свѣтѣ.

„Главный предметъ волненія этихъ несчастныхъ, пишетъ онъ, была работа, которую мраморная коммиссія налагала на нихъ произвольно. Едва эта послѣдняя образумилась, какъ другая коммиссія, литейная, обременила ихъ еще болѣе произвольнымъ образомъ, и бѣдствіе крестьянъ достигло высшей степени. Вначалѣ нельзя было обвинить ихъ въ неповиновеніи; въ короткое время они выполнили очень большую работу. Но тяжести, вмѣсто того чтобъ облегчаться, возрастали. Когда, между прочимъ, отъ крестьянъ потребовали 1.000 кучъ угля, хотя они знали, что только треть этого количества можетъ быть потреблена въ будущемъ году, когда ихъ начали принуждать къ постройкѣ еще четырехъ заводовъ, хотя на этотъ годъ для нихъ не имѣлось никакой руды, тогда рвеніе смѣнилось отчаяніемъ. Къ великому ихъ несчастію, тутъ еще случился одинъ пройдоха, по имени Иванъ Елагинъ, извѣстный Вашему Величеству негодяй и банкрутъ. Онъ увѣрилъ крестьянъ, что если они подадутъ просьбу и соберутъ по три рубля съ души, то будутъ уволены отъ работы. Мое мнѣніе, основанное на здравой государственной политикѣ (по которой не слѣдуетъ обременять подданнаго свыше его силъ и сверхъ потребностей государства), было слѣдующее: налагать работы только полезныя и необходимыя, а за оставшіяся неисполненными взыскивать деньги. Сенатъ не принялъ этого мнѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что я не былъ самъ на мѣстѣ. Крайности, употребленныя генераломъ Лыкошинымъ, доказываютъ, что предложенное мною средство было самое лучшее.“ Въ заключеніе Си-

*) Въ П. С. З. см. о томъ №№ 13.589 и 13.712.

версъ пользуется случаемъ снова заявить императрицѣ, что Олонецкій уѣздъ надобно причислить къ Петербургской губерніи, потому что жители тянутъ къ Петербургу своими промыслами и торговлей.

Весну и лѣто 1771 года Сиверсъ провелъ опять въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по своей губерніи, и особенно въ попеченіяхъ о благополучномъ проходѣ барокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ. Въ Твери и Торжкѣ онъ былъ пріятно удивленъ новыми красивыми зданіями, о которыхъ весьма обстоятельно извѣщаетъ императрицу, вполнѣ раздѣляя съ нею пристрастіе къ постройкамъ всякаго рода. Съ особымъ удовольствіемъ онъ доноситъ о томъ, что хутынскій архимандритъ Лаврентій освятилъ только-что оконченный новгородскій дворецъ и благословилъ всѣ его углы.

Лѣто этого года прошло въ немалыхъ хлопотахъ и со стороны юго-западной границы: отъ начальниковъ пограничныхъ командъ присылаются частыя донесенія о движеніяхъ польскихъ конфедератовъ въ сосѣднихъ воеводствахъ. Губернаторъ дѣлаетъ соотвѣтственныя тому распоряженія, направляетъ подкрѣпленія на пункты, наиболѣе въ нихъ нуждающіеся, и ведетъ о пограничныхъ отношеніяхъ дѣятельную переписку съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ *). Во время своего пребыванія въ Торжкѣ Сиверсъ вдругъ получаетъ извѣстіе о появленіи вооруженной банды на нашей границѣ, недалеко отъ Великихъ Лукъ. Онъ спѣшитъ въ Новгородъ, и готовится, въ случаѣ серіозной опасности, лично предпринять походъ на конфедератовъ; причемъ заранѣе подсмѣивается (въ донесеніи императрицѣ) надъ своимъ превращеніемъ изъ мирнаго губернатора въ воинственнаго.

Изъ Москвы приходили все болѣе и болѣе грозныя извѣстія: чума свирѣпствовала тамъ съ полною силой. Въ половинѣ сентября этотъ городъ, покинутый своими главными начальниками, сдѣлался жертвою буйной черни. Убитъ архіепископъ Амвросій. Только энергическія мѣры генерала Еропкина остановили дальнѣйшее развитіе мятежа. Тогда Екатерина отправляетъ графа Григорія Орлова въ

---

*) *Архивъ М. Ин. Д.* „Сношенія коллегіи съ Новгородскою губерніей". Между прочимъ, см. тамъ рапортъ подполковника пограничнаго батальона, Раздеришина, о бывшемъ ночномъ собраніи шляхты у пана Куницкаго; 14-го іюля, верстахъ въ трехъ отъ границы. Собравшіеся заперлись въ особую комнату и завязали конфедерацію; причемъ каждый разрѣзалъ у себя палецъ и подписалъ своею кровью. Ксендзъ-пробощъ далъ панамъ много денегъ; они раздѣлили ихъ между собою; потомъ отправили жида и подводы закупать оружіе, порохъ и свинецъ въ Ригѣ и Митавѣ.

зачумленную столицу, для водворенія спокойствія и принятія гигіеническихъ мѣръ. Въ помощники ему назначены сенаторъ Волковъ и докторъ Тоде, которому въ особенности поручено было заботиться о драгоцѣнной жизни графа.

Орловъ прибылъ съ своею свитою въ Новгородъ ночью. Въ домѣ губернатора, по случаю дня коронаціи, происходило большое празднество, на которое было приглашено все лучшее общество города. Графъ закусилъ, и немедленно поѣхалъ далѣе. Вскорѣ затѣмъ прибыло крымское посольство съ Калгой-султаномъ; губернаторъ задержалъ его, и подвергъ всей строгости карантинныхъ правилъ. Въ это время онъ получилъ высочайшее повелѣніе спѣшить въ Тверь, чтобы принять тамъ всѣ возможныя мѣры противъ чумы, такъ какъ этотъ городъ очень важенъ: сюда отряжены изъ Москвы экспедиціи отъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ; множество частныхъ лицъ также искало здѣсь убѣжища отъ чумы, которая уже проникла въ Клинскій и Дмитровскій уѣзды. Однако Сиверсъ не тотчасъ могъ отправиться въ дорогу: сенатскій курьеръ привезъ множество указовъ относительно принятыхъ и вновь предпринимаемыхъ мѣръ. „Хотя, доноситъ губернаторъ отъ 3 ноября, я заперъ всѣхъ канцелярскихъ писцовъ, числомъ 80, но только сегодня поздно окончатъ они бумаги; послѣ того я проведу цѣлую ночь въ ихъ подписи, и завтра выѣду съ разсвѣтомъ". Спустя три дня, онъ уже доноситъ императрицѣ изъ Твери, что тамъ пока нѣтъ никакихъ признаковъ заразы; тѣмъ не менѣе онъ старается запереть всѣ дороги изъ Московской губерніи въ Петербургскую, и учредилъ уже столько карантиновъ, что не въ состояніи запомнить ихъ число.

Губернаторша извѣщаетъ мужа изъ Новгорода объ отъѣздѣ Калги-султана въ Петербургъ и о его любезности: по поводу ея нездоровья, Калга прислалъ къ ней троихъ Татаръ съ изъявленіемъ своего сожалѣнія о томъ, что онъ уѣзжаетъ не видавъ ея. Калгу-султана сопровождалъ князь Путятинъ, который игралъ потомъ важную роль въ жизни Елизаветы Сиверсъ. Интересны, между прочимъ, ея извѣстія о губернскомъ обществѣ, о его неизбѣжныхъ интригахъ и мелочныхъ ссорахъ. Особенное сожалѣніе возбуждаетъ въ ней жена прокурора, которая страдаетъ ревностію, и не безъ основанія, а мужъ обращается съ нею очень дурно. Потомъ занимаютъ ее два совѣтника, весьма враждебные другъ другу: одинъ изъ нихъ обладаетъ несноснымъ самолюбіемъ, и постоянно не до-

воленъ, что ему не оказываютъ достаточнаго уваженія; а другой не можетъ укрощать своего злаго языка; отсюда у нихъ вѣчная распря. „Весь городъ до послѣдняго крестьянина желаетъ твоего возвращенія“, пишетъ губернаторша. „Со всѣхъ сторонъ кричатъ: дай Боже, чтобы пріѣхалъ нашъ губернаторъ! Это настоящая комедія смотрѣть на обоихъ совѣтниковъ при пріемѣ рекрутъ; скажетъ одинъ, что рекрутъ хорошъ, другой тотчасъ встаетъ и восклицаетъ: „стойте! я не принимаю“. Тогда всѣ говорятъ: „былъ-бы тутъ губернаторъ, онъ бы принялъ“. Однимъ словомъ, все находится въ разладѣ“.

22 ноября графъ Орловъ проскакалъ черезъ Тверь обратно въ Петербургъ. Поѣздка его, какъ извѣстно, имѣла цѣлью принять энергическія мѣры противъ мятежа и чумы, и слѣдовательно строго наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ. Это обстоятельство не помѣшало ему, впрочемъ, проѣзжая Тверь, не обратить никакого вниманія на карантинную заставу. Донося императрицѣ о проѣздѣ графа въ благополучномъ здоровьѣ, Сиверсъ слегка замѣчаетъ, что путешественникъ сдѣлалъ маленькую брешь въ карантинахъ; что относительно графа онъ увѣренъ, но безпокоится за его свиту. Въ столицѣ ожидали Орлова великолѣпныя награды; между прочимъ, въ честь его воздвигнута тріумфальная арка, и выбита медаль съ изображеніемъ римскаго всадника Курціуса, который бросился въ пропасть для спасенія родного города. Дѣйствительно, Григорій Орловъ показалъ въ Москвѣ много рѣшимости и мужества. Блумъ не оспариваетъ у него главной чести подвига (какъ это дѣлаетъ съ братомъ его Алексѣемъ относительно Чесменской побѣды); но весьма досадуетъ на несправедливость, оказанную его помощнику, нѣмцу Тоде, который будто бы остался ненагражденнымъ.

Изъ Твери Сиверсъ отправился осматривать карантины и по другимъ частямъ своей губерніи. Но производившійся въ то время рекрутскій наборъ (по одному со ста душъ) помѣшалъ ему продолжать путешествіе, и заставилъ поспѣшить въ Новгородъ.

Отдавая за истекшій годъ отчетъ о подушномъ сборѣ въ своей губерніи, Сиверсъ старается обратить вниманіе императрицы на постоянное уменьшеніе доходовъ съ экономическихъ крестьянъ. Управленіе ими такъ дурно, и отличается такими притѣсненіями, что оно должно быть совершенно преобразовано; хотя чиновниковъ завѣдывающихъ сборами съ этихъ крестьянъ, и отставляютъ иногда отъ должности, но плоды ихъ грабительства остаются при нихъ.

Губернаторъ не упускаетъ случая снова напомнить о своемъ предложеніи раздать экономическія имущества въ аренду дворянству, по примѣру Лифляндіи. Для наступающаго (1772) года Сиверсъ болѣе всего желаетъ императрицѣ заключить миръ; тогда „онъ снова оживетъ, и опять начнетъ хлопотать о новыхъ городахъ, о размежеваніи, экономіи, каналахъ, большихъ дорогахъ, каменныхъ зданіяхъ“ и т. п. Въ этихъ словахъ ясно выразилось хозяйственное и строительное направленіе его губернаторской дѣятельности.

Какъ неутомимо трудился Сиверсъ, показываютъ отчасти упреки его жены, уѣхавшей съ дочерью въ Петербургъ для безопасности отъ чумы. „Говорятъ, пишетъ она, что ты работаешь отчаянно, безъ отдыха, что ты до четырехъ, до пяти часовъ остаешься въ правленіи. Можно ли такъ дѣлать? Еслибъ я была тамъ, то не допустила бы до этого. Вчера мнѣ сказали, что императрица тобой довольна и даже тронута усердіемъ, которое ты всюду показываешь. Еслибъ она пожелала, то пора бы тебя наградить. Пріѣзжай сюда и куй желѣзо пока горячо“. Мужъ спрашиваетъ Елизавету Карловну, вступаетъ ли съ ней въ разговоръ государыня, на придворныхъ балахъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ жена: императрица, какъ извѣстно, мало разговариваетъ съ дамами; а можетъ быть она не совсѣмъ довольна пребываніемъ въ Петербургѣ г-жи Сиверсъ, которая тянетъ сюда и мужа. На третій день святокъ при дворѣ былъ балъ. „Я танцовала, пишетъ Елизавета, и всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на губернаторшу; государыня бросила на меня благосклонный взглядъ; даже татары (Калга-султанъ со свитой), кажется, замѣтили, что я танцую нѣсколько лучше другихъ“. Вскорѣ она присылаетъ мужу радостное извѣстіе: миръ уже близокъ, потому что на конгрессъ, въ Молдавію, отправляется главнымъ посломъ графъ Григорій Орловъ. Его сопровождаютъ Обрѣзковъ и Боуръ, первый получилъ въ подарокъ 60,000 руб., а Левашовъ 30,000. „Что ты скажешь? прибавляетъ губернаторша. Вѣдь это очень пріятныя суммы?“

Въ январѣ 1772 года былъ совершенъ благодарственный молебенъ о прекращеніи бѣдствія въ старой столицѣ. Однако мѣры противъ чумы все еще продолжали соблюдаться, хотя и въ менѣе строгой формѣ. Сиверсъ снова предпринялъ поѣздку по городамъ для осмотра карантиновъ. Наступившая оттепель не помѣшала ему доѣхать до Каргополя. Здѣсь ожидали его пріятныя впечатлѣнія: вмѣсто обгорѣлыхъ развалинъ, оставшихся послѣ 1766 года, онъ нашелъ

правильно выстроенный городъ и красивыя, по шнурку вытянутыя, улицы; лучшая изъ нихъ, Екатерининская, пересѣкала весь городъ. Жители стеклись къ нему на встрѣчу, и вмѣсто слезъ горести, видѣнныхъ имъ въ первое посѣщеніе, они проливали теперь слезы благодарности, которыя (такъ же какъ и прежнія) раздѣлилъ съ ними благодушный губернаторъ. „Въ эту минуту, доноситъ онъ, я забылъ свои собственныя обстоятельства, свое нездоровье и своихъ завистниковъ“.

Губернаторъ воротился въ Новгородъ совсѣмъ больной. Но тутъ его порадовали извѣстія о началѣ мирныхъ переговоровъ съ Турціей и давно желанный высочайшій указъ объ учрежденіи четырехъ новыхъ городовъ въ его губерніи. Указъ этотъ имѣлъ для Сиверса видъ награды за его неутомимые труды, и конечно вызвалъ съ его стороны горячую благодарность. Жена поспѣшила изъ Петербурга на помощь къ больному мужу, и вмѣстѣ съ тѣмъ для встрѣчи ихъ покровителя Григорія Орлова, на его пути въ Молдавію. Это посольство приписываютъ интригамъ графа Панина, который пользовался случаемъ удалить своего соперника отъ двора. Орловъ отправился съ большою и блестящею свитой. 26 апрѣля онъ достигъ Новгорода, переночевалъ у Сиверса, и на другой день послѣ завтрака поѣхалъ далѣе.

Оказывая знаки преданности сильному любимцу, нашъ осторожный губернаторъ, кажется, не упускалъ изъ виду непрочности его счастія, и умѣлъ въ то же время пріобрѣсти расположеніе противной партіи. Елизавета Карловна послѣ проѣзда Орлова воротилась въ столицу. Между прочими мелочами, которыя обыкновенно такъ плавно текутъ подъ женскимъ перомъ, въ ея письмахъ мы читаемъ разсказы о дружескихъ отношеніяхъ къ Панину. Чаще другихъ она встрѣчаетъ его у Талызиной, одного или съ сестрой, старою княгиней Куракиной, и съ племянницею, княгиней Рѣпниной. Чтобы доставить удовольствіе Панину, губернаторша играетъ для него на фортепьяно, а онъ при случаѣ показываетъ ей драгоцѣнные подарки, получаемые отъ императрицы.

V.

НОВЫЕ ГОРОДА. ВОДЯНЫЯ СООБЩЕНІЯ. ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ.

Въ іюнѣ 1772 года Сиверсъ отправился приводить въ исполненіе указъ 2-го апрѣля объ открытіи четырехъ новыхъ городовъ своей губерніи, именно: Валдая, Боровичей, Вышняго Волочка и Осташкова.

Изъ Петербурга опять сыплются горькія жалобы супруги на его безконечные труды, безсонныя ночи и постоянныя заботы. Она живо воображаетъ себѣ, какъ ея мужъ осажденъ толпою крестьянъ, отнынѣ называющихся „гражданами", какъ онъ все устраиваетъ и всѣхъ оставляетъ довольными. Въ одномъ письмѣ она разсказываетъ о томъ, что читала своимъ родителямъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* описаніе открытія города въ Валдаѣ, и какъ они при этомъ были тронуты. Рядомъ съ жалобами, въ ея письмахъ, по обыкновенію, сообщались мужу и разныя придворныя новости, напримѣръ: о Калгѣ-султанѣ, получившемъ въ подарокъ перстень въ 10.000 рублей и коробочку съ брилліантами; потомъ о поѣздкѣ императрицы на финскіе водопады; о куртагѣ, на которомъ губернаторша слушала дивную итальянскую пѣвицу Габріели. „Въ тотъ же вечеръ, пишетъ она, я ужинала съ госпожею Талызиной у великаго князя. Спращивали про тебя. Господинъ Панинъ говорилъ о тебѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ ты заслуживаешь. Черезъ день потомъ былъ маскарадъ. Я рѣшилась было не танцовать. Но великій князь какъ только увидѣлъ меня, поспѣшно подошелъ и взялъ на танецъ. Потомъ онъ еще разъ вызвалъ меня изъ угла на польскій. Иллюминація по причинѣ дождя не состоялась. Также не было никакихъ производствъ, никакихъ подарковъ и знаковъ милости".

Вообще г-жа Сиверсъ весьма охотно распространяется о придворныхъ удовольствіяхъ. Особенно ей понравился праздникъ, данный Львомъ Нарышкинымъ. „Послѣ ужина сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Государыня переодѣвалась три раза. Было болѣе двухъ тысячъ масокъ. Я такъ устала, что сегодня едва могу двигаться. Танцовали мало; я прошлась только минуэтъ. Императрица сѣла на ту же софу, на которой я отдыхала. Я хотѣла встать; но она приказала мнѣ остаться; спрашивала много объ отцѣ, и говорила раз-

ныя незначительныя вещи о праздникѣ, о паркѣ и т. п. Я оставалась до двухъ часовъ".

Между тѣмъ какъ жизнь въ столицѣ текла посреди увеселеній, губернаторъ нашъ въ потѣ лица трудился надъ устройствомъ новыхъ городовъ *). Онъ началъ съ Валдая, и работалъ здѣсь десять дней. О своемъ процессѣ посвященія крестьянъ въ граждане онъ доносилъ слѣдующее: Вопервыхъ, всѣ обыватели *единогласно* изъявили желаніе записаться въ число гражданъ. Начальникъ губерніи раздѣлилъ ихъ на три гильдіи. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, которую служилъ иверскій архимандритъ, былъ торжественно прочтенъ указъ. Потомъ святили воду, ходили съ образами вокругъ городской черты, воротились въ соборъ и пропѣли благодарственный молебенъ. Далѣе, подъ руководствомъ губернатора, происходило баллотированіе выборныхъ властей: городскаго головы, бургомистра, двухъ ратмановъ, словеснаго судьи и городскаго старосты. Наконецъ, онъ открылъ присутствіе въ двухъ главныхъ органахъ уѣздной администраціи, то-есть въ воеводской канцеляріи о городскомъ магистратѣ. Въ то же время губернаторъ вмѣстѣ съ тверскимъ архитекторомъ, Никитинымъ, и двумя чиновниками путей сообщенія работалъ надъ планомъ, въ которомъ положеніе города потребовало нѣкоторыхъ перемѣнъ. Главной улицѣ во всѣхъ новыхъ городахъ давалось названіе „Екатерининской". „Всѣ, кажется, довольны, пишетъ Сиверсъ, отъ 20-го іюня, и я не менѣе другихъ. Сегодня же вечеромъ уѣзжаю въ Боровичи".

Въ Боровичахъ тотъ же самый процессъ; но радости и торжества повидимому, было еще болѣе. Благодарственный молебенъ пѣли при громѣ маленькихъ мортиръ и безчисленныхъ ура. Самый значительный гражданинъ далъ обѣдъ на 105 приборовъ для дворянъ, собравшихся изъ уѣзда, а вечеромъ того же дня новый городъ былъ иллюминованъ. Губернаторъ увѣдомляетъ, что при отъѣздѣ онъ видѣлъ какъ „многіе проливали слезы благодарности и безпрерывно раздавалось имя матери отечества". Такое же умиленіе и въ Вышнемъ Волочкѣ. Здѣсь ямская канцелярія успѣла было распространить въ народѣ какіе-то неблагопріятные слухи о новыхъ повинностяхъ, но торжественное чтеніе указа тотчасъ ихъ разсѣяло.

Во время пребыванія губернатора въ Боровичахъ случился день восшествія на престолъ (28 іюня). Сиверсъ не нашелъ ничѣмъ лучшимъ заявить свою преданность императрицѣ въ этотъ день, какъ

*) См. *Петербургскія Вѣдомости* 1772 года, №№ 52, 56, 57 и 65.

сѣсть на барку съ „главнымъ командиромъ Боровицкихъ пороговъ“, генераломъ Муравьевымъ, и осмотрѣть его работы по водянымъ сообщеніямъ. Губернаторъ остался ими очень доволенъ. Но вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ шлюзовъ надѣлалъ ему много хлопотъ. Вода испортила часть фундамента, и требовалось нѣсколько недѣль на починку, прежде нежели барки могли проходить свободно. Вышневолоцкій каналъ служилъ тогда единственнымъ сообщеніемъ Волги съ Петербургомъ, и одинъ испорченный шлюзъ не на шутку испугалъ Сиверса: его воображенію представлялась уже вся русская торговля въ застоѣ и столица умирающею съ голоду. Пользуясь случаемъ, онъ напоминаетъ императрицѣ свои прежніе планы о проведеніи двухъ боковыхъ путей: одного на Вытегру и Бѣлое озеро, а другаго на Селигеръ и рѣку Полу.

Изъ вышняго Волочка Сиверсъ спустился по Тверцѣ до самой Твери, и полюбовался постройками въ своемъ любимомъ городѣ. „Тверь, замѣчаетъ онъ, хорошѣетъ съ каждымъ днемъ“. Точно также порадовала его строительная дѣятельность въ промышленномъ Торжкѣ. Здѣсь воздвигались: соляной магазинъ, новыя каменныя лавки и двѣ каменныя больницы. Довольный начальникъ мечтаетъ уже о двухъ небольшихъ водопроводахъ, которымъ положеніе города очень благопріятствуетъ. Первый бассейнъ, по его разчету, можетъ быть устроенъ въ одномъ углу рынка, и будетъ стоить не дороже 300 рублей. „Въ Царскомъ Селѣ, замѣчаетъ Сиверсъ, онъ стоилъ бы три тысячи. Понравится жителямъ это полезное сооруженіе и вмѣстѣ украшеніе для города, тогда я построю имъ и второй бассейнъ съ такими же небольшими издержками.“

Послѣднимъ изъ вновь открытыхъ городовъ былъ Осташковъ. Населеніемъ своимъ онъ превосходилъ три другіе; число гражданъ въ немъ простиралось до 2.600. Положеніе Осташкова рѣшительно плѣняло нашего губернатора; особенно нравилось ему озеро съ чрезвычайно-извилистыми берегами и многочисленными островками, заросшими кустарникомъ. „Я долженъ сознаться, прибавляетъ онъ, что во всѣхъ моихъ путешествіяхъ не видалъ болѣе красиваго мѣста. Еслибы удалось посредствомъ рѣки Полы соединить Селигеръ съ Ильменемъ, то Осташковъ по своему положенію сдѣлался бы второю Венеціей“.

Блумъ съ гордостью указываетъ на города, основанные Сиверсомъ; онъ отдаетъ имъ предпочтеніе передъ остальными изъ двухъ сотъ городовъ, открытыхъ въ царствованіе Екатерины II. Его сравненіе

особенно не лестно для Потемкина, какъ новороссійскаго генералъ-губернатора, „истратившаго милліоны на возведеніе каменныхъ громадъ, которыя большею частію лежатъ теперь въ развалинахъ“.

Воротясь въ Новгородъ, Сиверсъ нашелъ здѣсь архитектора, присланнаго адмиралтействомъ розыскать мѣсто, гдѣ можно было бы завести парусную фабрику. Губернаторъ очень радъ, и пишетъ императрицѣ, что эта фабрика будетъ благодѣяніемъ для мѣстной промышленности. Вообще, по его словамъ, такъ-называемый Великій Новгородъ только великодушіемъ Екатерины выведенъ изъ совершеннаго упадка, и на будущее время существованіе его главнымъ образомъ обезпечено большою Царскосельскою или Московско-Петербургскою дорогой, объ улучшеніи которой онъ прилагалъ всевозможныя старанія. Мы уже знаемъ, какъ новгородскій губернаторъ любилъ разсыпать въ своихъ донесеніяхъ цвѣты краснорѣчія. „Еслибы мнѣ было позволено, пишетъ онъ, то я бы эту дорогу, которая не будетъ имѣть равной себѣ въ Европѣ, назвалъ бы Екатериненскою. Все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы увѣковѣчить священное имя посредствомъ прочныхъ монументовъ, которые говорили бы потомству о счастіи вашихъ народовъ“.

Спустя нѣсколько дней, губернаторъ по этой самой дорогѣ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, по обыкновенію, лично отдать императрицѣ отчетъ въ своей послѣдней поѣздкѣ по губерніи. Но два мѣсяца, проведенные въ столицѣ, повидимому, прошли для него не совсѣмъ пріятно. Время случилось довольно тревожное; при дворѣ было не до Сиверса и его новыхъ городовъ. Наступило совершеннолѣтіе великаго князя Павла Петровича. Панинъ, какъ его воспитатель, пріобрѣлъ еще болѣе вѣсу, и ускорилъ паденіе своего недруга, Григорія Орлова. Послѣдній безпечно проводилъ время за мирными переговорами въ Фокшанахъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что его мѣсто при дворѣ уже занято Васильчиковымъ. Орловъ бросилъ переговоры, и немедленно поскакалъ въ Петербургъ, не отдыхая ни днемъ, ни ночью. Но недалеко отъ столицы его остановили, и показали высочайшій приказъ ѣхать въ свое гатчинское имѣнье. Поведеніе его при этомъ случаѣ произвело не малое безпокойство. Рѣшительность Орловыхъ была еще въ свѣжей памяти. Но безпокойство оказалось излишнимъ: Григорій утѣшился большими денежными подарками, а Алексѣй не переставалъ выражать самую неограниченную преданность своей благодѣтельницѣ. Назамѣтно, чтобы Сиверсъ принималъ какое-нибудь дѣятельное участіе въ этихъ

придворныхъ интересахъ. Мы видимъ только, что онъ умѣлъ сохранить пріязнь обоихъ противниковъ, павшаго Орлова и торжествующаго Панина. Въ концѣ октября онъ покинулъ столицу: вновь объявленный наборъ призывалъ его въ Новгородъ. Губернаторша попрежнему осталась въ Петербургѣ.

„Какъ ни мала моя комната, пишетъ она мужу, но она кажется мнѣ большою пустыней. Въ ней уже нѣтъ бумагъ, которыя ее наполняли, или лучше сказать, я бы желала, чтобы въ ней опять былъ губернаторъ, не смотря на всѣ его планы и бумаги“.

Затѣмъ опять слѣдуетъ рядъ писемъ съ извѣстіями въ томъ же родѣ: о балахъ, объ аріяхъ Габріели и пируэтахъ Сантини, которая „танцуетъ какъ ангелъ“, о дорогихъ подаркахъ, которыми императрица осыпаетъ заѣзжихъ артистовъ и поэтовъ; о томъ, что дѣвицы Озерова и Бёмъ произведены во фрейлины, что графъ Иванъ Чернышевъ каждый понедѣльникъ даетъ концертъ и ужинъ на 30 особъ; о томъ, какъ она, Елизавета Сиверсъ, обѣдала у графини Брюсъ, проводила вечеръ у Марьи Ст. (Строгоновой?). На послѣднемъ вечерѣ общество танцовало подъ игру губернаторши на фортепьяно; при этомъ она подсмѣивается надъ своею тяжелою фигурой. Между прочимъ одинъ вечеръ общество собралось у нея; тутъ былъ и неизбѣжный Калга-султанъ съ своимъ приставомъ, княземъ Путятинымъ. Софья Ст. плѣнила всѣхъ своею граціей, и Татаринъ смотрѣлъ на нее пылающими взорами; съ нею танцовалъ ея двоюродный братъ, Путятинъ, который умѣлъ развеселить все общество. „Нашъ добрый князь Путятинъ уѣзжаетъ, пишетъ она 20-го ноября. И такъ цѣлый годъ онъ ежедневно проводилъ время въ нашемъ обществѣ. Папа и мама жалѣютъ его какъ собственнаго сына; но уже назначенъ день для отъѣзда Калги. Онъ собираетъ здѣсь всѣхъ плѣнныхъ Татаръ, которыхъ ему позволено взять съ собой. Не спѣши очень съ лошадьми; ему было бы лучше ѣхать по зимнему пути“. Спустя двадцать дней, мы узнаемъ изъ ея писемъ, что Калга все еще въ Петербургѣ, частію вслѣдствіе оттепели, а частію вслѣдствіе долговъ, которые онъ здѣсь надѣлалъ, несмотря на роскошные подарки императрицы. Замедленію его не мало способствовало, повидимому, и нежеланіе молодаго Путятина разстаться съ семействомъ Сиверсъ, гдѣ онъ такъ пришелся по вкусу. Губернаторъ между тѣмъ выходилъ изъ себя отъ этого замедленія. Онъ жалуется Панину, и наконецъ обращается къ самой императрицѣ; поздравляя ее съ заключеніемъ выгоднаго Крымскаго трактата онъ проситъ уско-

рить отъѣздъ султана; съ 30-го ноября его ожидало на станціяхъ 2.500 лошадей, а содержаніе каждой лошади стоило бѣднымъ крестьянамъ 25—30 коп. Спустя еще нѣсколько дней Калга и Путятинъ выѣхали изъ Петербурга.

Послѣ ихъ отъѣзда главный интересъ въ письмахъ губернаторши сосредоточивается на извѣстіяхъ о павшемъ любимцѣ, Григоріѣ Орловѣ.

Когда Орловъ принужденъ былъ удалиться въ Гатчину, съ нимъ завязали переговоры чрезъ посредство графа Захара Чернышева, одного изъ его явныхъ непріятелей. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Орловъ взялъ годовой отпускъ отъ своихъ должностей „по разстроенному здоровью"; за нимъ утверждено полученное отъ Австрійскаго двора достоинство имперскаго князя съ титуломъ свѣтлости; назначены, конечно, и соотвѣтственныя суммы на его содержаніе. Для жительства себѣ онъ выбралъ Царское Село, и поселился здѣсь съ своею свитой, состоявшею большею частію изъ Нѣмцевъ, каковы: Пальманъ, фонъ-Лёве и фонъ-Тизенгаузенъ. Скоро однако Царское Село ему наскучило, и остзейскіе пріятели убѣдили его переселиться въ Ревель.

„Князь Григорій четыре дня какъ въ городѣ, пишетъ г-жа Сиверсъ 28-го декабря. Каждый день онъ бываетъ при дворѣ и всѣмъ дѣлаетъ визиты. Третьяго дня онъ былъ у меня; нѣсколько разъ горячо обнималъ меня; сказалъ, что чувствуетъ ко мнѣ большую дружбу и уваженіе, и по обыкновенію, говорилъ много пустяковъ. Князь разыгрываетъ веселаго человѣка; только соотвѣтствуетъ ли тому сердечное его расположеніе? Онъ похудѣлъ, что къ нему очень идетъ. Вчера при дворѣ былъ балъ; я не поѣхала. Отецъ сказывалъ мнѣ, что князь затмилъ собой всѣхъ кавалеровъ".

„Вчера (читаемъ нѣсколько дней спустя) при дворѣ былъ концертъ, на которомъ Габріели пропѣла нѣсколько арій. Князь явился осыпанный съ ногъ до головы бриллiантами. Съ нимъ ласково разговаривали; потомъ сѣли за карты. Богъ вѣсть, куда все это должно повести; но вѣрно то, что дѣла идутъ очень странно".

Наконецъ Орловъ уѣхалъ въ Ревель. Извѣстія о немъ однако не прекращаются. Младшій братъ Сиверса, находившійся въ Ревелѣ, описываетъ губернатору нѣсколько маскарадовъ, которые были устроены сначала городомъ въ честь Орлова, а потомъ Орловымъ въ честь мѣстнаго дворянства и почетнѣйшихъ бюргеровъ. На одномъ изъ нихъ остзейская изобрѣтательность приготовила для князя слѣ-

дующій сюрпризъ: 17 дворянскихъ паръ въ костюмѣ эстонскихъ поселянъ, съ старостой и волынщикомъ впереди, явились въ маскарадъ подъ именемъ крестьянъ замка Лоде, принадлежавшаго Орлову. Женщины поднесли ему цвѣты и другіе сельскіе подарки. У каждаго крестьянина на спинѣ оказалось по одной крупной буквѣ, за ужиномъ они сѣли отдѣльно отъ другихъ, въ такомъ порядкѣ, что составилась фраза: Es lebe Prinz Orlow! Дня три спустя Орловъ далъ особый пиръ для этихъ мнимыхъ крестьянъ. Послѣ стола для крестьянокъ была устроена лотерея: каждому билету соотвѣтствовали разные подарки, цѣною отъ 60 до 80 руб. Между прочими благодѣяніями, которыя князь расточалъ мѣстнымъ обитателемъ, братъ Сиверса упоминаетъ о томъ что ландратъ Тизенгаузенъ получилъ анненскій орденъ. Старикъ отъ радости и неожиданности чуть не упалъ въ обморокъ.

Въ Новгородѣ зима также не обошлась безъ баловъ и маскарадовъ, которые явились здѣсь въ подражаніе столичнымъ увеселеніямъ. Сиверсъ собственнымъ примѣромъ усердно поощрялъ свѣтскія удовольствія съ участіемъ дамскаго общества: они способствовали развитію общежитія и смягченію нравовъ. „Браво, господинъ губернаторъ, пишетъ жена. Вы танцуете, и даже много. Я удивляюсь издали вашимъ баламъ. Самое лучшее при этомъ, что они доставляютъ тебѣ развлеченіе. Но не могу похвалить тебя за то, что ты не садишься за обѣдъ ранѣе четырехъ или пяти часовъ“.

Въ январѣ 1773 года она опять подарила губернатору маленькую дочку. Обрадованный супругъ послалъ эстафету въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что онъ самъ вскорѣ пріѣдетъ.

Лѣтніе мѣсяцы этого года Сиверсъ провелъ въ обычныхъ разъѣздахъ по губерніи. Онъ посѣтилъ, между прочимъ, городъ Порховъ, обстраивавшійся послѣ пожаровъ, которые въ то лѣто съ большою силою свирѣпствовали по цѣлому краю. Многіе уѣздные дворяне изъявили желаніе поселиться въ Порховѣ и построить тамъ дома, чѣмъ губернаторъ очень доволенъ. „Смѣшеніе сословій, доноситъ онъ, способствуетъ лучшему обращенію денегъ, оживляетъ торговлю и ремесла; нравы также выигрываютъ“. Въ августѣ онъ объѣхалъ города, открытые въ прошломъ году; нашелъ тамъ, судя по его донесенію, хорошій порядокъ и благодарность императрицѣ за ея благодѣянія. Онъ тщательно вычисляетъ сколько въ Вышнемъ Волочкѣ и Боровичахъ строится каменныхъ домовъ или по крайней мѣрѣ на каменномъ фундаментѣ; но валдайскіе обыватели по сво-

имъ средствамъ отстали отъ другихъ, и довольствуются только деревянными постройками. Въ ту же поѣздку губернаторъ открылъ воеводскую канцелярію въ Тихвинскомъ посадѣ, и переименовалъ его въ городъ *); а каргопольскаго воеводу отставилъ отъ службы, за казнокрадство.

Осмотръ водяныхъ сообщеній возбудилъ новыя жалобы губернатора на медленность сената въ принятіи необходимыхъ мѣръ: пороги и неисправные шлюзы причинили много вреда торговлѣ. „Какая польза ихъ осматривать и разспрашивать пострадавшихъ! восклицаетъ Сиверсъ. Сенатъ все таки будетъ думать, что онъ издалека лучше видитъ чѣмъ я своими собственными глазами". Особенное негодованіе возбудили въ немъ злоупотребленія надворнаго совѣтника Писарева, который своею небрежностью въ работахъ совсѣмъ разорилъ Сердюковыхъ **). Губернаторъ самъ распорядился очисткой двухъ порожистыхъ мѣстъ въ рѣкѣ Тверцѣ; изъ устья ея онъ приказалъ вынуть огромный камень, и затопилъ двѣ барки, чтобы съузить ея фарватеръ при впаденіи въ Волгу.

Въ октябрѣ Сиверсъ лично отдаетъ императрицѣ отчетъ въ своихъ поѣздкахъ. Въ столицѣ тогда только—что окончились празднества по случаю бракосочетанія великаго князя съ гессенскою принцессой Вильгельминою. Губернаторъ воспользовался наступившимъ при дворѣ затишьемъ, чтобы возобновить свои представленія объ администраціи водяныхъ сообщеній, объ уничтоженіи дворянской привилегіи представлять вмѣсто рекрутъ квитанціи за ссыльныхъ въ Сибирь, объ отчисленіи Олонецкаго уѣзда къ Петербургской губерніи и пр. Изъ этихъ представленій только одно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Указомъ 22-го ноября 1773 года водяныя сообщенія Новгородской губерніи наконецъ были изъяты изъ непосредственнаго вѣдомства сената и поручены „въ главную дирекцію"

---

*) Указъ 21-го марта 1773 года. Открытіе новыхъ городовъ способствовало дробленію Новгородскаго уѣзда, на несоразмѣрную величину котораго постоянно жаловался Сиверсъ.

**) Петръ I поручилъ производство работъ и содержаніе Вышневолоцкихъ шлюзовъ одному купцу калмыцкаго происхожденія, Сердюкову, на его собственныя средства, и за это далъ ему привилегію на 50 лѣтъ съ правомъ взимать въ свою пользу извѣстную плату съ приходящихъ барокъ. Елизавета возвела его въ дворянское достоинство. По смерти Сердюкова каналъ перешелъ къ его наслѣдникамъ; сенатъ назначилъ при нихъ особаго чиновника для завѣдыванія каналомъ (Писарева).

новгородскому губернатору (кромѣ Ладожскаго канала) *). Сиверсъ принялъ указъ съ живѣйшею благодарностью; онъ теперь могъ вполнѣ предаться этому любимому занятію. Его заботы совершенно соотвѣтствовали важности предмета: въ Новгородской губерніи находился главный узелъ водяныхъ сообщеній между столицей и областями государства; черезъ эту губернію направлялась почти вся наша внутренняя торговля.

Первымъ дѣломъ Сиверса послѣ того была просьба къ императрицѣ о присылкѣ ему на помощь Гергарда. Этотъ превосходный инженеръ долго находился въ австрійской службѣ. Но Марія Терезія, какъ извѣстно, не отличалась большою вѣротерпимостью; Гергардъ, какъ протестантъ, подвергся религіознымъ преслѣдованіямъ, и даже попалъ въ тюрьму. Отсюда ему удалось бѣжать. Сиверсъ узналъ его во время своего заграничнаго путешествія, и имѣлъ случай удивляться его работамъ, особенно прекрасному мосту въ Тріестѣ. По указанію того же Сиверса, Екатерина пригласила Гергарда въ свою службу. Губернаторъ проситъ теперь прислать его для совѣтовъ и указаній относительно испорченныхъ Вышневолоцкихъ шлюзовъ и двухъ другихъ проектированныхъ путей, то есть на Селигеръ и Бѣлое озеро. Особенно много ожидаетъ онъ отъ послѣдняго пути: съ открытіемъ его усилится судоходное движеніе по Онежско-Ладожской водной системѣ, и адмиралтейство можетъ быть найдетъ выгоднымъ въ мирное время отпускать сюда морскіе чины для заработокъ и упражненій въ судоходствѣ. При этомъ Сиверсъ проситъ императрицу сказать генералъ-прокурору два слова о томъ, чтобы сенатъ поскорѣе передалъ ему бумаги и планы, относящіеся къ Вышневолоцкой системѣ.

Прошло нѣсколько недѣль въ ожиданіи отвѣта. Наконецъ Гергардъ явился и вручилъ губернатору короткую записку императрицы: она требовала не задерживать долго ея инженера. Губернаторъ былъ нѣсколько смущенъ сухостью записки. Но вслѣдъ затѣмъ почта принесла ему другое письмо, которое своимъ игривымъ тономъ и содержаніемъ совершенно разсѣяло недоумѣнія губернатора. Екатерина замедлила отвѣтомъ, потому что прежде надобно было справиться въ адмиралтействѣ и у генерала Боура, можно ли въ настоящую минуту обойдтись безъ Гергарда. „Однако, писала она,

*) П. С. З. 14.070. Въ слѣдующемъ 1774 году указомъ 1-го декабря Вышневолоцкіе шлюзы отобраны у наслѣдниковъ Сердюкова и отданы въ казенное содержаніе.

между прочимъ, не льстите себя надеждой похитить его у насъ навсегда. Онъ можетъ осмотрѣть ваши шлюзы, можетъ составить вамъ планы, пріѣзжать и уѣзжать. Но мы не отдадимъ вамъ его совершенно, потому что всѣ требуютъ Гергарда, и я первая, для моего бѣднаго Царскаго Села, гдѣ ему надобно время отъ времени бросить взглядъ на безчисленныя плотины, которыя тамъ строятся". Относительно новыхъ водяныхъ путей, замышляемыхъ Сиверсомъ и требующихъ большихъ издержекъ, Екатерина замѣчаетъ, что теперь для нихъ время совсѣмъ неблагопріятное. (То была эпоха Пугачевщины).

Письмо было собственноручное и написано по французски какъ большая часть писемъ Екатерины къ Сиверсу; изрѣдка писала она ему по-нѣмецки и еще рѣже по-русски. Обрадованный губернаторъ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ. „Мои шлюзы и плотины совершенно гармонируютъ съ тѣми, посреди которыхъ отдыхаетъ благодѣтельная фея Царскаго Села. Я ласкаю себя надеждою, что послѣ Вашихъ необъятныхъ трудовъ журчаніе фонтановъ и водопадовъ покажется еще привлекательнѣе Вашему Величеству, если во время прогулки Вы вспомните, что пороги сдѣлались менѣе шумны, и что хорошее распредѣленіе водъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе торговлю Вашего неизмѣримаго государства".

Сиверсъ и Гергардъ дѣятельно принялись за работу. Они скачутъ въ Вышній Волочекъ, осматриваютъ тамъ разрушившійся Цнинскій шлюзъ; сочиняютъ планы какъ поправить его до начала навигаціи; на обратномъ пути осматриваютъ Боровицкіе пороги. Гергардъ спѣшитъ въ Петербургъ, но въ мартѣ опять возвращается въ Новгородъ. Губернаторъ изслѣдуетъ съ нимъ устья Мсты, изъ которой задумалъ провести каналъ въ Волховъ, чтобъ обойдти озеро Ильмень. Онъ очень доволенъ своимъ изслѣдованіемъ и доноситъ, что каналъ, по причинѣ ровной мѣстности, не потребуетъ никакой обшивки, а просто составитъ рукавъ рѣки; большая дорога между Боровичами и Новгородомъ пойдетъ по плотинѣ канала, чѣмъ будетъ выиграно до 14 верстъ. Но прошло еще много лѣтъ прежде нежели осуществился планъ этого новаго канала (Сиверсова). Въ началѣ апрѣля Гергардъ энергически принялся за Вышневолоцкіе шлюзы, потому что наступило уже время навигаціи. Онъ трудился день и ночь съ 200 работниковъ; но весенняя пора много замедляла работу; вода не разъ прорывала плотины.

Губернаторъ по Тверцѣ спустился до Твери на встрѣчу баркамъ,

которыя уже собрались тамъ въ числѣ 1000; онѣ начали проходить вверхъ, пользуясь полою водой. Къ несчастью, вскорѣ наступили сильные жары, и вода стала быстро падать. Въ добавокъ, въ Старорусскомъ уѣздѣ открылось моровое повѣтріе; надобно было запереть сообщенія съ сосѣдними мѣстностями. Болѣе 800 барокъ рисковало подвергнуться той же участи, если не успѣютъ пройдти вовремя Боровицкіе пороги. Губернаторъ лично распоряжается ихъ движеніемъ, и наблюдаетъ за ихъ проходомъ въ каждомъ опасномъ мѣстѣ. Благодаря своей усердной дѣятельности, онъ благополучно провелъ и другіе подоспѣвшіе караваны; затѣмъ побывалъ въ Старой Русѣ, гдѣ мимоходомъ осмотрѣлъ заводы Боура, которые начали вываривать соли отъ 50 и до 60.000 пудъ въ лѣто. Потомъ онъ опять вернулся къ каналу; здѣсь работы Гергарда, при всей его неутомимости медленно подвигались впередъ и были окончены только въ іюнѣ. За то Цнинскій шлюзъ, занимавшій главное мѣсто въ системѣ Вышневолоцкаго канала, получилъ теперь улучшенное русло и двойную каменную обшивку, такъ что многіе годы могъ оставаться безъ поправокъ.

Въ началѣ весны 1774 года, когда Сиверсъ поспѣшилъ на водяныя сообщенія, жена его снова покинула Новгородъ и отправилась въ Петербургъ. Отсюда она по прежнему сообщаетъ мужу придворныя новости, которыя не могли не интересовать его, такъ какъ положеніе государственнаго человѣка прежде всего обусловливалось придворными отношеніями. Именно въ это время въ столицѣ совершалась важная перемѣна: Потемкинъ былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и мало по малу начиналъ забирать въ свои руки преобладающее вліяніе. Не надобно думать, чтобъ это вліяніе досталось ему безъ большихъ усилій; напротивъ, вначалѣ встрѣтились разные авторитеты, которые одолѣть было не легко. На переднемъ планѣ стоялъ Панинъ; онъ сильно противился вмѣшательству генералъ-адъютантовъ въ государственныя дѣла, и старался сдѣлать ихъ простымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Потемкинъ, судя по письмамъ г-жи Сиверсъ, на первыхъ порахъ оказывалъ полное уваженіе Панину, какъ своему прежнему покровителю, и вообще былъ со всѣми любезенъ и привѣтливъ. „Иногда, пишетъ Елизавета, я вижу любимца проѣзжающаго по улицѣ въ шесть лошадей крупною рысью; онъ что-то высматриваетъ“.

Время отъ времени губернаторша продолжаетъ сѣтовать на разлуку съ мужемъ и на его вѣчныя работы, или рисуетъ ему семей-

ныя сцены. Напримѣръ: „завтра мы отправляемся къ причастію съ добрымъ папа; я только что оставила его послѣ того какъ мы вмѣстѣ молились Богу. Катишь, которая была съ нами, сказала, что я должна ее также выучить молиться. Когда папа читалъ, она сидѣла совершенно спокойно на колѣняхъ у бабушки. Папа произносилъ ту самую молитву, которую онъ прочелъ въ минуту кончины твоего отца: воспоминаніе о немъ растрогало его до слезъ". Тесть Сиверса самъ замѣтно слабѣетъ и приближается къ гробу. Къ своему племяннику и зятю онъ продолжалъ питать вполнѣ отеческія чувства, и часто поручалъ дочери передавать ему благословеніе и совѣты беречь свое здоровье.

Безпрерывные труды нашего губернатора, особенно по водянымъ сообщеніямъ, возбуждали не малое безпокойство въ его женѣ, которая пишетъ къ нему, что не можетъ равнодушно слышать слово „барка". „Вѣчные пороги, болота, шлюзы, вѣчныя работы! восклицаетъ она. Никогда покоя, никогда денегъ!" Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторша сообщаетъ мужу и разныя извѣстія о Пугачевѣ, о пораженіи его княземъ Голицынымъ, о смерти генерала Бибикова, послѣ котораго остались жена и дѣти въ жалкомъ положеніи, съ долгами на рукахъ, и т. п. Тяжелая эпоха для Россіи продолжалась; но въ столицѣ пиры и увеселенія не прерывались. Тутъ дѣйствовалъ искусный политическій разчетъ: роскошь питала столичную промышленность, а непрерывныя награды, наружная безпечность и увеселенія поддерживали спокойствіе въ умахъ. Но Екатерина очевидно переживала весьма тревожныя минуты, особенно безпокоила ее мысль, что скажетъ Европа? Въ этомъ отношеніи интересно то собственноручное письмо ея къ Сиверсу (отъ 10 декабря 1773 года), о которомъ мы упоминали, по поводу присылки Гергарда. „Назадъ тому два года, пишетъ императрица, у меня была чума въ самомъ сердцѣ имперіи. Въ настоящую минуту на границахъ Казанскаго царства у меня чума политическая; она задаетъ намъ трудную задачу (qui nous donne du fil à retordre). Вашъ любезный и достойный собратъ, Рейнсдорпъ (оренбургскій губернаторъ), уже два мѣсяца осажденъ шайкою разбойниковъ, производящею страшныя жестокости и опустошенія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками черезъ вашу губернію, чтобы усмирить этотъ ужасъ XVIII столѣтія, который не принесетъ Россіи ни чести, ни славы, ни пользы. Но, наконецъ, съ Божьею помощью, надѣюсь взять надъ нимъ верхъ, потому что на сторонѣ его сволочи (ses canailles) нѣтъ ни ума, ни порядка, ни

искусства; это сбродъ нищихъ, а во главѣ ихъ стоитъ самозванецъ, равно дерзкій и невѣжественный. По всей вѣроятности дѣло кончится висѣлицами; но какая перспектива, господинъ губернаторъ, для меня, которая ненавидитъ висѣлицы! Мнѣніе Европы отнесетъ насъ ко временамъ царя Ивана Васильевича: вотъ какая честь ожидаетъ Имперію отъ этого несчастнаго событія! Я приказала не дѣлать болѣе тайны изъ этой исторіи: пусть люди высказываютъ о ней свои мнѣнія и свои чувства“.

Сиверсъ въ своемъ отвѣтѣ выражаетъ полную увѣренность въ способностяхъ дѣйствующихъ генераловъ. „Я подалъ Бибикову мысль, доноситъ онъ, отъ Бронницъ отправить первый гренадерскій батальйонъ на саняхъ. По его требованію я велѣлъ выдать 2.200 руб. прогонныхъ денегъ, и послалъ впередъ чиновника, чтобы приготовить 200 подставныхъ лошадей. Они будутъ дѣлать по 80 верстъ въ день. Второй батальйонъ съ военными снарядами отправился вчера на 150 лошадяхъ. Гусары уже далеко ушли впередъ. Рота Вятскаго полка, выступившая отсюда перваго декабря, должна быть около Казани; въ два дня она сдѣлала 250 верстъ. Жду кирасировъ, которые не могутъ идти такъ скоро. Съ восхищеніемъ читалъ я превосходныя слова манифеста. Какія истины насчетъ междоусобной войны! Смѣю ли я говорить о томъ? но уже время объявить манифестъ. Народъ жаждетъ извѣстій: за недостаткомъ настоящихъ онъ ихъ выдумываетъ. Мнѣ приходится оспаривать многія забавныя новости. Въ сущности опасаюсь не столько за Оренбургъ, потому что знаю Рейнсдорпа, сколько за Астрахань, которая нѣкогда служила убѣжищемъ Стенькѣ Разину и мятежнымъ стрѣльцамъ.“

Очевидно, пока продолжалась Турецкая война, и провинціи, гдѣ дѣйствовали мятежники, имѣли слишкомъ мало войскъ, трудно было справиться съ этимъ бѣдствіемъ восточной Россіи. Наконецъ, давно желанный миръ съ Турціей заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи. Но почти въ самый день его заключенія Пугачевъ сжегъ Казань, и крестьянское волненіе достигало уже до самаго центра Россіи. Сиверсъ совѣтуетъ императрицѣ немедленно праздновать миръ, и съ возможно большимъ великолѣпіемъ, чтобы произвести успокоительное впечатлѣніе на умы. Это празднованіе Екатерина отложила до возвращенія Румянцева съ частью его арміи, а главное, до окончанія Пугачевскаго мятежа; на первое время ограничились пока благодарственнымъ молебномъ въ Казанскомъ соборѣ. Такой же молебенъ, въ присутствіи Сиверса, отслужилъ въ Твери архіепископъ

Платонъ (потомъ извѣстный митрополитъ московскій). Между тѣмъ черезъ Новгородскую губернію скакали на почтовыхъ полки, вновь отправляемые противъ Пугачева. Дѣло это требовало самыхъ энергическихъ мѣръ. Несмотря на пораженіе, понесенное имъ отъ Михельсона на берегахъ Казанки, паника между помѣщиками усиливалась. Многіе дворяне изъ Москвы бѣжали въ Тверь, и произвели было здѣсь тревогу. Пріѣздъ губернатора, вооружившагося самымъ безпечнымъ видомъ, способствовалъ нѣсколько сохраненію спокойствія въ этомъ городѣ. „Ложные слухи о самозванцѣ продолжаются на-ряду съ настоящими, доноситъ губернаторъ. Народъ толкуетъ, а дворянство смущено. Я стараюсь принудить къ молчанію однихъ и успокоить другихъ. Я желалъ бы, если нѣтъ препятствій, чтобы Вятскій полкъ остался въ Новгородѣ, хотя бы только для вида. Единственный батальйонъ и двѣ гарнизонныя роты на такую губернію, какъ моя, и однако доброе населеніе остается спокойно!“ Далѣе Сиверсъ умоляетъ императрицу отсрочить рекрутскій наборъ, пока волненіе, уже ослабленное славнымъ миромъ, окончательно успокоится съ прекращеніемъ политической язвы. Въ одномъ изъ слѣдующихъ донесеній губернаторъ говоритъ, что посылка князя Рѣпнина въ Турцію породила тревожный слухъ, будто султанъ отказывается подписать Кайнарджійскій миръ; извѣстія съ береговъ Волги также поддерживаютъ безпокойство, и многія толпы бурлаковъ провожавшихъ барки до Петербурга или до Новгорода, отказались подрядиться на новую работу подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ надобно побывать домой; а они большею частію изъ Московской провинціи.“

Екатерина отвѣчала губернатору собственноручно и самымъ успокоительнымъ образомъ. Рѣпнинъ отправленъ въ Константинополь посломъ; на случай болѣзни Румянцева, онъ уполномоченъ принять начальство надъ арміей; но Румянцевъ уже оправился, а относительно мира, Порта изъявляетъ полную готовность подтвердить его. „Маркизъ Пугачевъ, продолжаетъ она, 25-го августа, во ста верстахъ за Царицынымъ, разбитъ на-голову нашимъ героемъ Михельсономъ. Донскіе казаки преслѣдуютъ злодѣя по пятамъ, и майоръ, привезшій это извѣстіе, не сомнѣвается въ его скорой поимкѣ. Впрочемъ, не надобно продавать шкуру медвѣдя, пока онъ не пойманъ. Но вѣрно то, что его пушки, добыча, люди, скотъ,—все въ рукахъ Михельсона. Злодѣй во весь опоръ поскакалъ съ шайкой изъ пятидесяти яицкихъ казаковъ къ Астрахани по этой сторонѣ Волги; тамъ на

низу онъ не замутитъ воды. 1.500 донскихъ казаковъ преслѣдуютъ его на свѣжихъ коняхъ, и подаютъ надежду видѣть его у насъ въ плѣну".

Надежда эта, какъ извѣстно, исполнилась. Измѣна собственныхъ товарищей отдала бѣглеца въ руки правительства.

Тревожное время и усиленныя работы по воднымъ сообщеніямъ не мѣшали однако Сиверсу заботиться и о другихъ предметахъ государственнаго быта. Чрезвычайная скудость образованія въ дворянскомъ сословіи поражала его и наводила постоянно на мысль о школахъ. Въ февралѣ 1774 года, онъ представилъ проектъ о заведеніи дворянскихъ школъ въ каждой губерніи. Проектъ его пока не былъ осуществленъ, но губернаторъ и въ послѣдствіи не упускалъ случая возвращаться къ тому же предмету. На Тверскую семинарію, по его ходатайству, императрица приказала отпускать еще до 1,000 руб. въ годъ. Онъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Платономъ составилъ планъ новаго семинарскаго зданія; но расходы военнаго времени заставили отложить исполненіе этого плана, и семинарія пока помѣстилась въ нижнемъ этажѣ архіерейскаго дома.

Губернаторъ между прочимъ, обращаетъ вниманіе императрицы на исправленіе купола въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, для чего онъ потребовалъ 500 руб. изъ коллегіи экономіи. Съ изображеніемъ Спасителя, находящимся внутри купола, издавна соединена была слѣдующая легенда: „когда благословляющая рука образа раскроется, тогда произойдетъ разрушеніе Новгорода водами озера Ильменя". „Сквозь чудотворную руку, доноситъ губернаторъ, показалась трещина, которая способствуетъ тому, что пальцы удлинняются. Архитекторъ сообщилъ мнѣ это открытіе съ чрезвычайно смущеннымъ видомъ. Однако я не буду нисколько имъ смущаться, и только прикажу исправить стѣнки купола. Осматривая колокольню собора, которая стоитъ отдѣльно отъ него и будитъ меня каждое утро, я чуть не сломилъ себѣ шею. На поправку ея я потребовалъ изъ коллегіи экономіи 400 руб. Если Ваше Величество будете читать мое донесеніе въ свободную минуту, то соблаговолите сказать слово коллегіи, чтобъ она за одинъ разъ выдала всю сумму (900 р.) или полную тысячу."

Далѣе, по поводу колебанія хлѣбныхъ цѣнъ Яковъ Ефимовичъ указываетъ императрицѣ вообще на тѣ затрудненія, которыя терпитъ наша хлѣбная торговля. „Какія злоупотребленія, какую небрежность открываю я каждый день!" восклицаетъ онъ. Между прочимъ,

состоянiе Ладожскаго канала такъ дурно, что одинъ проходъ барокъ по этому каналу увеличиваетъ цѣну куля съ мукой на 25—30 к. Купцы иногда предпочитаютъ продать хлѣбъ дорогой или перезимовать, чѣмъ пускаться лѣтомъ или осенью въ Ладожскiй каналъ. Для устраненiя вреднаго колебанiя цѣнъ, у нашего губернатора готовъ уже и новый проектъ: объ учрежденiи въ Петербургѣ запасныхъ полицейскихъ магазиновъ. Сущность проекта заключалась въ томъ, чтобы правительство покупало для этихъ магазиновъ хлѣбъ, когда онъ очень дешевъ, и отпускало бы его во время дороговизны.

VI.

УЧАСТIЕ ВЪ ОБЛАСТНОЙ РЕФОРМѢ.

Въ концѣ лѣта 1774 года, еще прежде поимки Пугачева, до Сиверса дошелъ слухъ о близкомъ путешествiи императрицы въ Москву. Екатерина въ то время опять занялась планомъ новыхъ областныхъ учрежденiй, и губернаторъ поспѣшилъ высказаться противъ задуманнаго ею путешествiя. Около шести съ половиной лѣтъ тому назадъ, возвращаясь изъ Москвы послѣ открытiя законодательной коммиссiи, Екатерина не скрыла своего неудовольствiя на нашу старую столицу. Объ этомъ-то неудовольствiи напоминаетъ теперь губернаторъ. „Я, пишетъ онъ, никогда не забуду того, что Ваше Величество изволили мнѣ сказать, когда я, имѣлъ честь принимать васъ на своей границѣ, при возвращенiи Вашемъ изъ послѣдняго путешествiя. Чума не истребила всего политическаго яда, коренящагося въ этомъ городѣ. Ваше Величество, вѣроятно, намѣрены трудиться тамъ надъ книгою законовъ, которую съ увѣренностью въ вашей мудрости ожидаетъ все государство: этотъ великiй трудъ, требующiй душевнаго спокойствiя, подвергнется тамъ неблагопрiятнымъ влiянiямъ и задержкамъ, и можетъ утратить свою силу отъ однихъ слуховъ, которые любятъ распространять злые, безпокойные умы, и которые нигдѣ не имѣютъ такого успѣха какъ въ Москвѣ“. Въ заключенiе Сиверсъ превозноситъ Царское Село, какъ тихое, прекрасное убѣжище, гдѣ государыня могла бы съ успѣхомъ завершить свое монументальное законодательство.

Но Екатерина не обратила вниманiя на предостереженiя Сиверса. Она лучше его понимала нацiональное значенiе Москвы, и не теряла надежды появленiемъ въ торжественные моменты своего цар-

ствованія и блескомъ празднествъ изгладить послѣдніе слѣды оппозиціи старой столицы.

Изъ писемъ Елизаветы Карловны губернаторъ вскорѣ убѣдился, что государыня нисколько не думаетъ отказаться отъ своей поѣздки. Неудачный совѣтъ, повидимому, возбудилъ въ немъ нѣкоторое безпокойство относительно высочайшаго расположенія. „Ты утверждаешь, пишетъ жена отъ 1 сентября,—что знаешь, хорошо ли о тебѣ думаютъ при дворѣ; повторяю то что слышу отъ другихъ: о тебѣ постоянно имѣютъ отличное мнѣніе; даже сенатъ отзывается съ хорошей стороны, за исключеніемъ господина Деденева. *) Всѣ купцы превозносятъ тебя до небесъ, и много говорятъ о тебѣ на биржѣ. Все это плоды твоихъ трудовъ, все это очень утѣшительно, но не даетъ никакихъ существенныхъ выгодъ для жизни; впрочемъ, не надобно терять надежды.“ Въ слѣдующемъ письмѣ жена увѣдомляетъ, что отъѣздъ государыни назначенъ на 15 декабря. Въ то же время Сиверсъ получилъ сенатскій указъ—приготовить въ своей губерніи все нужное для высочайшаго путешествія.

Екатерина выѣхала изъ Петербурга не ранѣе 10 января 1775 года—день, въ который совершилась въ Москвѣ казнь Пугачева; очевидно, она ожидала окончательной развязки этого дѣла, чтобъ явиться съ полнымъ торжествомъ, за одинъ разъ отпраздновать всѣ свои побѣды и изгладить впечатлѣнія только-что минувшей эпохи бѣдствій. Новгородскую губернію она проѣхала въ сопровожденіи губернатора и, по всей вѣроятности, много бесѣдовала съ нимъ о предстоявшей реформѣ губернскихъ учрежденій.

Путешествіе императрицы, окруженное большимъ блескомъ, отличалось весьма набожнымъ характеромъ. Государыня не пропускала ни одной церкви, ни одной часовни, не одаривъ ее иконой или другою церковною утварью. За нею слѣдовалъ особый экипажъ съ большимъ образомъ, украшеннымъ дорогою ризой, жемчугомъ и бриллиантами; образъ назначался для Успенскаго собора. Въѣздъ въ Москву совершился чрезъ тріумфальную арку, при огромномъ стеченіи народа, который велъ себя, впрочемъ, довольно сдержанно и съ особою радостью встрѣтилъ только великаго князя.

Что Екатерина во время своего путешествія осталась довольна

* Изъ указа 10 марта 1764 года (П. С. З. № 12.081) видно, что Деденевъ нѣкоторое время занимался изслѣдованіемъ водяныхъ сообщеній Новгородской губерніи. Не произошло ли у него отсюда какихъ непріятныхъ столкновеній съ Сиверсомъ?

новгородскимъ губернаторомъ, это доказывается готовностію, съ которою она, по прибытіи въ Москву, исполнила разныя его просьбы. Такъ, онъ просилъ денегъ на отдѣлку архіерейскаго дома въ Твери,—и ему велѣно отпустить 6.000 рублей; просилъ перенести почтовую повинность съ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ дороги деревень на экономическія, которыя были поближе,—и данъ согласный указъ сенату; просилъ сложить нѣкоторыя недоимки,—и сложили; ходатайствовалъ о вспоможеніи семейству одного капитана, повѣшеннаго Пугачевымъ,—и велѣно выдать 500 рублей, и пр.

Въ январѣ 1775 года послѣдовала кончина графа Карла фонъ-Сиверса. Полное уваженіе и довѣріе къ племяннику онъ высказалъ тѣмъ, что завѣщаніе свое составилъ неиначе какъ съ одобренія Якова, и сдѣлалъ его главнымъ распорядителемъ. Собственные три сына, отличавшіеся расточительностью, причиняли много огорченій старику; чтобы предупредить раззореніе своей фамиліи, онъ съ помощью племянника устроилъ для нихъ три майората. Раздѣлъ наслѣдства доставилъ немало хлопотъ нашему губернатору; однако ему удалось привести дѣла въ такой порядокъ, что теща осталась совершенно довольна и обѣщала постоянно слушаться его совѣтовъ.

Во второй половинѣ марта, Сиверсъ уѣхалъ изъ Петербурга, а вслѣдъ затѣмъ онъ уже былъ вызванъ императрицею въ Москву.

„Сегодня, пишетъ жена вскорѣ по отъѣздѣ мужа изъ столицы,—я сдѣлала съ мама маленькую прогулку въ Приморское. Погода была довольно хороша. Я не могла видѣть этого мѣста, безъ того чтобы не возобновилась сильная тоска о потерѣ дорогаго папа; въ кабинетѣ я нѣсколько минутъ разсматривала его портретъ. Наконецъ, въ глазахъ у меня потемнѣло отъ слезъ, и я вышла, или лучше сказать меня увели. Приморское кажется мнѣ совсѣмъ измѣнившимся: все потеряло свой видъ съ тѣхъ поръ какъ его нѣтъ; но не буду болѣе говорить объ этомъ предметѣ; я знаю, что онъ для тебя такъ же чувствителенъ какъ и для меня...“

„Воображаю себѣ, читаемъ въ другомъ письмѣ,—какъ ты теперь скитаешься по улицамъ Москвы. Курляндская принцесса сказала мнѣ, будто она слышала завѣрное, что Тверь сдѣлаютъ губерніей, а тебя генералъ-губернаторомъ, и для того-то призвали тебя въ Москву. Я отвѣчала, что ничего объ этомъ не знала и не думала...“

„Вчера была я въ Смольномъ монастырѣ, пишетъ она 27 апрѣля.—Господинъ Бецкій пригласилъ меня отъ имени дѣвицъ къ нимъ на балъ. Я была тамъ въ бѣломъ платьѣ, и одѣта почти такъ же

какъ и онѣ; танцовала минуэтъ; всѣ глаза были устремлены на меня, что доставило бы удовольствіе губернатору, еслибъ онъ былъ тамъ. Воспитанницы усердно ласкали меня, и послѣ неотступныхъ просьбъ, взяли обѣщаніе посѣщать ихъ какъ можно чаще. Господинъ Бецкій чрезвычайно любезенъ; онъ такъ часто кричалъ мнѣ „браво“, и такъ много обращалъ вниманія на мои танцы, что мнѣ сдѣлалось просто совѣстно. Надобно признаться, эти дѣвушки очень милы и очень хорошо воспитаны. Я лѣтомъ буду приглашать ихъ въ Приморское.“

Губернаторъ былъ, повидимому, не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ жена замѣчаетъ: „Что дѣлать мой дорогой другъ? Возьми на себя терпѣніе. Ты ей нуженъ, и она навѣрно сдѣлаетъ что-нибудь для тебя.“

Весною 1775 года въ нашей старой столицѣ изготовлялась важнѣйшая изъ реформъ Екатерининскаго царствованія — новыя губернскія учрежденія, которыя явились главнымъ результатомъ законодательной коммиссіи. Образцомъ для этихъ учрежденій послужило устройство Остзейскихъ провинцій. Разумѣется, подобный образецъ имѣлъ большую поддержку въ Остзейцахъ, занимавшихъ многія значительныя мѣста при дворѣ и въ администраціи. Между ними первая роль въ этомъ дѣлѣ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ новгородскому губернатору, который, съ самаго начала своей дѣятельности, при всякомъ удобномъ случаѣ, указывалъ императрицѣ на примѣры родного края. Занявшись въ Москвѣ окончательною обработкой проекта, Екатерина вызвала къ себѣ на помощь Сиверса и одного изъ эстляндскихъ ландратовъ; первому она поручила составить записку о лифляндскомъ устройствѣ, а второму объ эстляндскомъ. Сиверсъ въ послѣдствіи разсказывалъ, что совѣтникомъ императрицы въ настоящемъ случаѣ собственно былъ онъ одинъ, и никто изъ министровъ тутъ не участвовалъ, даже и князь Вяземскій. Екатерина хотѣла сначала ввести новыя учрежденія только въ Твери, въ видѣ опыта. „Но, говоритъ Сиверсъ, совѣтъ, состоявшій изъ придворныхъ льстецовъ, бросился къ ея ногамъ, и со слезами умолялъ немедленно обратить въ законъ такое великое благодѣяніе. Ея Величество уступила, и проектъ сдѣлался закономъ. Я былъ возвышенъ въ званіе генералъ-губернатора тверскаго и новогородскаго. Генералъ Глѣбовъ получилъ то же званіе въ Смоленскѣ. Всеобщая радость, мало-по-малу распространившаяся по всему государству, а

особенно въ новыхъ намѣстничествахъ, показала благодѣяніе и пользу (реформы) для всѣхъ классовъ во всѣхъ отношеніяхъ.“

Мы видѣли неудачную попытку Сиверса отклонить императрицу отъ путешествія въ Москву. Онъ неудовольствовался этою попыткой, и теперь пользуется всякимъ поводомъ, чтобъ убѣдить Екатерину къ скорѣйшему возвращенію въ Петербургъ. Отъ генералъ-прокурора полученъ запросъ, могутъ ли въ настоящемъ году барки безостановочно пройти шлюзы Вышневолоцкаго канала; слухи добавили, что императрица намѣрена возвратиться въ Петербургъ водою. Губернаторъ съ жаромъ схватился за мысль объ этой поѣздкѣ, отъ которой онъ ожидалъ весьма обильныхъ результатовъ для водяныхъ сообщеній. Онъ поскакалъ въ свою губернію, и немедленно занялся приготовленіями къ высочайшему путешествію по каналамъ. Донося о своихъ приготовленіяхъ изъ Вышняго-Волочка (отъ 6 мая), Яковъ Ефимовичъ входитъ въ разсужденіе о томъ, когда лучше предпринять путешествіе: въ августѣ, то-есть послѣ празднованія мира, или ранѣе? Если государыня поѣдетъ въ августѣ, то она увидитъ всѣ подробности водянаго пути и всѣ его недостатки; весною же, пока продолжается разлитіе рѣкъ, она получитъ о немъ неполное понятіе и не замѣтитъ обычной скудости воды въ каналахъ и порогахъ. Но если взять въ разчетъ политическую сторону вопроса, то лучше ѣхать весною. Петербургъ соскучился безъ ея величества, и ее ожидаютъ тихія аллеи Царскаго Села; а въ Москвѣ только немногіе цѣнятъ ея пребываніе, о чемъ можно, напримѣръ, судить потому впечатлѣнію, которое произвелъ указъ объ экипажахъ и ливреяхъ. *) Сиверсъ снова выражаетъ опасеніе какихъ-то московскихъ сплетенъ и ихъ вреднаго вліянія на дѣло реформы. Онъ прислалъ императрицѣ подробное описаніе самаго процесса плаванія барокъ по Вышневолоцкой системѣ, обозначилъ число судовъ, потребныхъ для императрицы, ея свиты, конвоя, кухни и пр.; причемъ увлекся до того, что совсѣмъ исключилъ изъ своего списка политику и дипломатическій корпусъ: „Ваше Величество, прибавляетъ онъ, можетъ-быть, очень довольны не видѣть ихъ недѣли четыре.“

*) Конечно, тутъ разумѣется манифестъ 3 апрѣля 1775 г. (П. С. З. № 14.290). Главнымъ мотивомъ для распредѣленія экипажей и ливрей соотвѣтсвенно разнымъ рангамъ выставлено желаніе уменьшать „день-ото-дня умножающуюся роскошь.“ Сакенъ, саксонскій посолъ, доноситъ своему двору, будто этотъ указъ произвелъ въ Москвѣ бóльшее неудовольствіе нежели бѣдствія чумы и Пугачевщины, а неслужащая часть дворянства, униженная новыми правилами, будто начала немедленно покидать столицу. *Geschichte des Russischen Staats.* von Hermann. V. 713.

Вообще, со времени своего участія въ московскихъ работахъ императрицы, увѣренный въ ея расположеніи, Сиверсъ сдѣлался еще смѣлѣе и откровеннѣе въ своихъ всеподданнѣйшихъ представленіяхъ. Это видно, напримѣръ, изъ того тона, съ которымъ онъ отнесся къ милостивому манифесту 17-го марта. Съ особенною энергіей онъ возсталъ противъ 46 пункта. *) По его мнѣнію, подушная подать весьма унижаетъ достоинство гражданъ, а недобросовѣстнымъ богачамъ и чиновникамъ манифестъ облегчаетъ способы притѣснять мелкихъ торговцевъ. Подобныя возраженія нашъ губернаторъ, конечно, сопровождаетъ увѣреніями, что любовь къ славѣ ея величества не позволяетъ ему молчать объ указѣ, вредномъ для этой славы. Вмѣсто прощенія податныхъ и рекрутскихъ недоимокъ и казнокрадства, онъ совѣтуетъ объявить нѣкоторыя другія милости, между прочимъ, облегчить для бѣдныхъ людей гербовую пошлину и увеличить содержаніе церковнослужителей, о которыхъ „совсѣмъ забыто въ манифестѣ 17-го марта". Хорошо было бы, указываетъ онъ, постановить, чтобы дѣти церковнослужителей не возвращались въ крѣпостное состояніе, а имѣли бы право приписываться къ мѣщанству. Кромѣ того, Сиверсъ возобновляетъ свое предложеніе объ открытіи двухъ банковъ, въ Твери и Новгородѣ; половина процентовъ съ заложенныхъ въ нихъ имуществъ могла бы идти на содержаніе дворянскихъ школъ. Въ городахъ вообще необходимо открыть школы, которыя содержались бы самими гражданами, по примѣру Лифляндіи. При этомъ губернаторъ пользуется случаемъ сказать нѣсколько словъ о возобновленіи Дерптскаго университета и о возвращеніи ему имуществъ, отобранныхъ во время русскаго завоеванія.

Въ іюлѣ 1775 года происходило въ Москвѣ празднованіе мира съ Турками; оно сопровождалось большимъ великолѣпіемъ и роскошными наградами генераламъ. Сиверсъ получилъ орденъ Александра Невскаго и 20,000 рублей. Этотъ подарокъ, довольно скромный въ сравненіи съ другими первостепенными вельможами, долженъ былъ нѣсколько вознаградить губернатора за его обманутую надежду проводить императрицу въ Петербургъ по рѣкамъ и каналамъ Новго-

---

*) Манифестъ: „О высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостяхъ по случаю заключеннаго мира съ Портою Оттоманскою." (П. С. З. № 14.275). 47-мъ пунктомъ предписывалось гражданамъ, не имѣющимъ капитала свыше 500 рублей, называться не купцами, а мѣщанами, и платить по-прежнему подушное; купцы же всѣхъ трехъ гильдій освобождались отъ подушнаго и обязывались платить по одному проценту съ „объявляемаго ими по совѣсти" капитала.

родской губерніи. Приготовленія къ высочайшему путешествію были почти окончены; назначенная для него флотилія доведена до 40 барокъ и множества лодокъ; офицеры уже упражнялись въ управленіи рулемъ. Но вдругъ толки о поѣздкѣ водою замолкли. Наконецъ, Екатерина совсѣмъ отложила ее, подъ предлогомъ беременности великой княгини. Сиверсъ утѣшалъ себя тѣмъ, что уже одинъ слухъ о высочайшемъ путешествіи принесъ водянымъ сообщеніямъ огромную пользу. Милліоны камней, вынутые со дна рѣкъ, безъ этого слуха остались бы на прежнемъ мѣстѣ.

Во время своихъ обычныхъ разъѣздовъ, въ это лѣто Сиверсъ особенно занимался изслѣдованіемъ предполагаемой Бѣлозерской или Шекснинской системы. По Шекснѣ онъ спускался до ея устья, въ Московской губерніи, и отъ его зоркаго взгляда не укрылось торговое значеніе села Рыбно. „Оно очень заслуживаетъ сдѣлаться городомъ“, замѣтилъ губернаторъ. Во второй половинѣ августа онъ находился въ Вышнемъ-Волочкѣ, когда получилъ отъ одного изъ секретарей императрицы, Кузмина, приглашеніе прибыть какъ можно скорѣе въ Москву: государыня ожидаетъ его, потому что еще не все готово; она оканчиваетъ 24-ю главу *).

Окончивъ празднованіе Кайнарджійскаго мира, Екатерина энергически принялась опять за областныя учрежденія. Сиверсъ нашелъ ее въ самомъ разгарѣ работы. Доказательствомъ того, какое непосредственное участіе принималъ нашъ губернаторъ въ этомъ дѣлѣ, служатъ нѣкоторыя сохранившіяся свидѣтельства изъ ихъ современной переписки. Они отчасти вводятъ насъ и въ самый процессъ творенія. „Я хотѣла васъ спросить, пишетъ императрица на оторванномъ клочкѣ бумаги,—вопервыхъ, сколько уѣздовъ полагаете вы на провинцію? Вовторыхъ, почему вы не желаете никакой провинціальной финансовой палаты, между тѣмъ какъ я хочу поручить ей лѣса и управленіе государственными имуществами?“

Вначалѣ Екатерина оставляла безъ перемѣны систему Петровскаго дѣленія губерній на провинціи, а провинцій на уѣзды. Но Сиверсъ рѣшительно отрицалъ провинціи, какъ излишнюю ступень, и настаивалъ, чтобы губерніи, по крайней мѣрѣ небольшія по объему, дѣлились прямо на уѣзды. Мнѣніе его было принято и приведено въ исполненіе.

Вотъ сущность его соображеній; причемъ дѣло идетъ преимущественно о предполагаемой Тверской губерніи:

*) 24-я глава *Учрежденій Губернскихъ* трактуетъ „О судѣ, называемомъ Верхняя Расправа“.

Нижній земскій судъ и уѣздный судъ—эти низшія инстанціи нѣтъ никакой нужды подчинять провинціальнымъ учрежденіямъ; лучше подчинить ихъ прямо губернскимъ, тѣмъ болѣе что трудно найдти достаточное количество судей при условіи трехлѣтнихъ выборовъ. Верхній земскій судъ пусть будетъ только одинъ, въ губернскомъ городѣ; онъ послужитъ второю инстанціей, а третью будутъ составлять губернскія судебныя палаты. Слѣдовательно въ судебномъ отношеніи дѣленіе на провинціи излишне. Точно также и въ финансовомъ отношеніи. До сихъ поръ сборы государственныхъ доходовъ распредѣлялись по провинціямъ; но съ новымъ дѣленіемъ число провинцій въ государствѣ должно увеличиться втрое или вчетверо; вмѣстѣ съ тѣмъ усложнится и распредѣленіе сборовъ. Если же уѣздные казначеи будутъ присылать доходы прямо въ губернскую казенную палату, то государственному казначейству придется имѣть дѣло съ гораздо меньшимъ числомъ областныхъ пунктовъ; сохранятся многіе расходы на жалованье лишнимъ чиновникамъ, на счетныя книги и денежные транспорты. Остается управленіе лѣсами и государственными имуществами. Но казенные лѣса, состоящіе въ вѣдѣніи адмиралтейства, могутъ быть поручены надзору земскаго исправника; а частные будутъ на попеченіи самихъ владѣльцевъ, для которыхъ надобно только поспѣшить размежеваніемъ. Государственные крестьяне пусть остаются въ вѣдѣніи директора экономіи, который присутствуетъ въ казенной палатѣ; но надобно назначить еще совѣтника въ эту палату и сохранить настоящаго кассира экономіи съ титуломъ уѣзднаго эконома. Тутъ губернаторъ сводитъ рѣчь на любимую свою мысль о дворянскихъ арендахъ по примѣру Лифляндіи, гдѣ одинъ генералъ-директоръ съ секретаремъ и писцомъ управляетъ 1.000 гаками, на которыхъ живетъ 25—30.000 душъ; впрочемъ, тамъ дѣло облегчается уже существующимъ размежеваніемъ. Въ заключеніе онъ проситъ императрицу бросить взглядъ на карту; тамъ она увидитъ небольшое протяженіе новой губерніи, а слѣдовательно и излишество дѣленія на провинціи. Въ другихъ губерніяхъ иногда еще можно допустить два верхнихъ земскихъ суда и слѣдовательно двѣ провинціи, напримѣръ: Новгородская самою природой распадается на двѣ области, Новгородскую и Олонецкую, которыхъ управленіе должно быть совершенно раздѣлено.

Въ такомъ видѣ происходилъ тогда обмѣнъ мыслей между законодательницею и ея главнымъ совѣтникомъ въ предстоявшей реформѣ. Теряясь въ массѣ вновь воздвигаемыхъ опекъ и расправъ, верхнихъ,

нижнихъ, уѣздныхъ, совѣстныхъ и сиротскихъ судовъ, и проч., Екатерина принуждена была сильно напрягать свой умъ, чтобы привести все это въ стройную гармонію. Иногда она запросто обращается къ Сиверсу съ просьбой о помощи. Примѣромъ ея откровеннаго, дружескаго тона съ нашимъ губернаторомъ въ то время служитъ слѣдующая собственноручная записка, носящая заглавіе *Искренняя исповѣдь* (Confession sincere):

„Вотъ статья самая глупая изъ всѣхъ; у меня отъ нея болитъ голова. Это безконечное пережевываніе очень сухо и скучно. Право, я уже у конца моей латыни, а не знаю что дѣлать и какъ уладить нижній судъ, приказъ общественнаго призрѣнія и совѣстный судъ. Одно слово отъ вашего превосходительства о названныхъ предметахъ было бы лучемъ свѣта, и изъ глубины хаоса каждая вещь стала бы на свое мѣсто, какъ при сотвореніи міра".

Устройство областнаго управленія давало прекрасный случай правительству заняться положеніемъ громаднаго крестьянскаго сословія. Буря Пугачевщины, едва только затихшая, не должна была пройдти безслѣднымъ урокомъ. Отъ умнаго взгляда Сиверса не укрылось ея дѣйствительное значеніе. Надобно отдать ему справедливость: во время работъ надъ новымъ областнымъ устройствомъ, онъ не упустилъ случая обратить вниманіе императрицы на то, что крѣпостное право было главнымъ источникомъ огромнаго мятежа. Впрочемъ, его эманципаціонные планы немного разнились отъ того положенія, въ которомъ находились Латыши и Эсты на его родинѣ. „Я знаю, говоритъ онъ, что мнѣніемъ своимъ затрогиваю почтенное сословіе, которое, на основаніи государственныхъ законовъ, утверждаетъ, что крѣпостные должны быть у него въ полномъ повиновеніи. Не оспариваю этого права; но нѣтъ права безъ границъ, какъ скоро оно касается того сколько, человѣкъ долженъ работать и платить оброку. Если предоставить это обстоятельство на волю каждаго помѣщика, какъ и было до сихъ поръ, то отсюда вытекаютъ безпорядки, упадокъ сельскаго хозяйства и даже убійство тѣхъ господъ, которые въ своихъ требованіяхъ переступаютъ предѣлы. Въ Лифляндіи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи существуетъ крѣпостное право; но законы полагаютъ границы помѣщичьей власти относительно работы, управленія и наказанія".

Постановленія, которыя предлагалъ Сиверсъ для ограниченія помѣщичьяго произвола, были слѣдующія: запретить продажу мужчинъ безъ земли, дозволить свободу крестьянскихъ браковъ и на-

значить сумму, за которую всякій крестьянинъ имѣлъ бы право откупиться на волю. Предложенія эти, послѣ нѣкоторыхъ преній въ совѣтѣ императрицы, были отвергнуты. Въ послѣднемъ пунктѣ Сиверса поддерживалъ ярославскій генералъ-губернаторъ, Мельгуновъ, который на основаніи одного постановленія стараго Холопьяго приказа хотѣлъ доказать, что право откупаться крестьяне уже имѣютъ. Противники его возражали, что то была только простая полицейская мѣра для города Москвы.

Не достигнувъ улучшенія крестьянскаго быта путемъ законодательнымъ, Сиверсъ, по крайней мѣрѣ при удобномъ случаѣ, пользовался собственною властію, чтобы внушать помѣщикамъ своей губерніи болѣе гуманныя начала въ обращеніи съ крѣпостными, и тѣмъ, по его словамъ, предупредилъ многіе несчастные случаи. Спустя лѣтъ 30, по поводу возобновившагося вопроса о крѣпостномъ правѣ, вотъ что Сиверсъ писалъ правительству Александра I: „Съ какими жестокими отношеніями не приходилось мнѣ бороться въ первые годы моей губернаторской службы въ неизмѣримой Новгородской губерніи! Я уже не хочу говорить о томъ сколько помѣщиковъ было убито, сколько преступниковъ наказано, и сколько сослано въ Сибирь по простому прошенію владѣльца! Въ слѣдующіе 14 лѣтъ былъ только одинъ помѣщикъ, который заплатилъ жизнію за свои жестокости“ *). Въ той же позднѣйшей запискѣ онъ говоритъ, что земская полиція, устроенная на основаніи учрежденія о губерніяхъ, нисколько не ограничивала произволъ помѣщиковъ въ поборахъ и наказаніяхъ.

Блумъ съ особенною любовію указываетъ на эманципаціонныя стремленія Сиверса, но неудачу ихъ находитъ совершенно естественною: крѣпостныя отношенія въ Россіи вытекали, по его мнѣнію, съ одной стороны, изъ несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ, каково въ особенности Монгольское иго; а съ другой — изъ самаго характера русской семьи, которая, по его словамъ, представляетъ собою нѣчто грубое, неразвитое, неразчлененное, гдѣ личность остается затертою, что неизбѣжно задерживаетъ и все національное развитіе. Эти отношенія до того внѣдрились въ русскую жизнь, что

---

*) Кажется, послѣднее не совсѣмъ вѣрно. По крайней мѣры намъ извѣстны два дѣла 70-хъ-годовъ прошлаго столѣтія, въ Новгородской губ.: одно объ убійствѣ помѣщика Вараксина въ Осташковскомъ уѣздѣ, другое объ удушеніи помѣщицы Сысоевой въ Зубцовскомъ (*Москов. Архивъ М. Юстиціи. Дѣла генералъ-прокурорскія*).

прошло съ даннаго времени 70, 80 лѣтъ, а крѣпостное состоянiе еще процвѣтало на Руси, несмотря на новыя либеральныя попытки (при Александрѣ I); слѣдовательно, Екатерина, отказываясь отъ своихъ первоначальныхъ плановъ въ пользу эманципацiи, поступала согласно съ духомъ русской исторiи. Противъ такихъ выводовъ мы замѣтимъ только слѣдующее: во-первыхъ, въ остальной континентальной Европѣ крѣпостное право процвѣтало гораздо болѣе времени чѣмъ на Руси; а во-вторыхъ, когда будетъ разработана наша внутренняя исторiя со времени Петра I, тогда мы увидимъ, что протесты низшихъ слоевъ противъ рабства почти никогда не прерывались.

Оставивъ неизмѣннымъ положенiе крестьянства, Екатерина обратила вниманiе на городское сословiе. Вотъ мѣры, которыя Сиверсъ предложилъ императрицѣ, чтобы поднять это сословiе:

Во-первыхъ, онъ сильно возсталъ противъ подушнаго оклада, который вмѣстѣ съ тѣлесными наказанiями ставилъ горожанъ на одну ногу съ сельскимъ населенiемъ. Чиновники смотрятъ на нихъ какъ на крѣпостныхъ казны, и обходятся съ ними почти такъ же какъ помѣщики съ своими крестьянами. Названiе „подушный окладъ" очень вредно дѣйствуетъ на духъ горожанъ, и законъ, который употребитъ слово „свобода" произведетъ благодѣтельную перемѣну въ ихъ воспитанiи и нравахъ. Далѣе, по мнѣнiю губернатора, каждый городъ, мѣстечко и посадъ должны образовать собою общину, на которую вмѣсто личной подушной подати налагалась бы общая, круглая сумма. Умѣющихъ читать и писать надобно освободить отъ тѣлеснаго наказанiя, за исключенiемъ уголовныхъ преступленiй, а изучавшихъ какое-нибудь ремесло увольнять отъ рекрутства, съ одобренiя общины. Возобновить законы, запрещавшiе торговлю крестьянамъ и вообще крѣпостнымъ людямъ, такъ какъ горожане много теряютъ отъ крестьянской конкурренцiи.

Всѣ эти мѣры, и другiя подобныя имъ, были слишкомъ незначительны, чтобы дѣйствительно вызвать къ политической жизни среднее сословiе. Онѣ ясно опредѣляютъ уровень государственныхъ понятiй у нашихъ передовыхъ дѣятелей того времени.

Относительно духовенства, мы видѣли уже участiе Сиверса къ положенiю церковнослужителей; онъ нѣсколько разъ указывалъ на необходимость поднять образованiе духовнаго сословiя и улучшить его судьбу. Но при обсужденiи областной реформы встрѣчаемъ только его предложенiе о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ духовной администра-

ціи, напримѣръ, чтобы границы епархіи совпадали съ границами губерніи, что и было принято императрицею.

Преобладающее значеніе въ новомъ устройствѣ по-прежнему оставалось за дворянскимъ сословіемъ. Въ послѣдствіи Сиверсъ говорилъ, что съ освобожденіемъ отъ обязательной службы множество мелкихъ дворянъ лишились и тѣхъ скудныхъ средствъ воспитанія, которыя до того времени давала имъ военная служба. Кромѣ военной службы у дворянъ не было никакихъ пунктовъ соединенія; поэтому, въ ихъ средѣ неизбѣжно должны были усилиться праздность, распущенность и усыпленіе энергіи. Одна Новгородская губернія имѣла болѣе 5.000 дворянскихъ семействъ, и изъ нихъ 1.500 помѣщичьихъ, а между тѣмъ не было никакихъ училищъ, никакихъ способовъ воспитанія.

Губернаторъ предложилъ слѣдующія мѣры для этого сословія:

Вопервыхъ, ни одна великая монархія не можетъ существовать безъ титулованной аристократіи, чему примѣръ вся цивилизованная Европа. Равенство дворянъ вредно, какъ это показываетъ Польша. Отчего бы и намъ не имѣть герцоговъ, князей, графовъ, а еще болѣе маркизовъ, виконтовъ, бароновъ и даже баронетовъ, тѣмъ болѣе что эти титулы потребуютъ отъ государства расходу только на пергаментъ для дипломовъ? „Какая, напримѣръ, честь для Испанца титулъ кастильскаго гранда, для французской герцогини—табуретъ подлѣ королевы, для Англичанина, вопреки его притязаніямъ на философію,—мѣсто въ верхней палатѣ и даже ирландскій титулъ, чтобы супруга его называлась ми-леди! О Нѣмцахъ я уже молчу: это ихъ болѣзнь. А Италіянцы? Карлъ V сказалъ о дворянахъ Вероны и Виченцы: они всѣ графы. Тѣ поймали его на словѣ, а въ настоящее время это самые нищіе графы въ мірѣ“.

Далѣе, дворянство, по его мнѣнію, надобно какъ можно болѣе заохочивать къ военной службѣ и вмѣстѣ къ сельскому хозяйству, а также привлекать и въ гражданское вѣдомство. Военную службу надобно обставить разными привилегіями, особенно попеченіями о бѣдныхъ заслуженныхъ офицерахъ, которымъ предпочтительно передъ другими давать аренды изъ государственныхъ имуществъ. Во всякой губерніи пусть каждые три года дворяне собираются для выборовъ изъ своей среды въ должности административныя, полицейскія и судебныя; извѣстные ранги, связанные съ этими должностями, введутъ выборныя лица въ общій классъ чиновниковъ, и привлекутъ тѣхъ, которымъ не по вкусу пришлась бы безмездная служба.

Но, чтобы сдѣлать дворянъ способными къ службѣ, прежде всего должно позаботиться объ ихъ воспитаніи.

Далѣе, Сиверсъ развиваетъ свои мысли о самомъ областномъ дѣленіи государства. Мысли эти уже намъ большею частію извѣстны. Вотъ ихъ сущность: возможно большее раздробленіе государственной территоріи на губерніи, приблизительно равныя по объему, и соединеніе нѣсколькихъ губерній подъ властію одного генералъ-губернатора; недостатокъ административныхъ центровъ при болѣе дробныхъ уѣздахъ восполнить открытіемъ новыхъ городовъ.

7 ноября 1775 года Екатерина подписала свои Учрежденія о намѣстничествахъ (или о губерніяхъ); 12 ноября этотъ указъ вышелъ изъ сенатской типографіи въ Москвѣ. Учрежденія, за небольшими перемѣнами, живутъ до сихъ поръ, или лучше сказать, мы до сихъ поръ еще живемъ посреди этихъ учрежденій. Они не представляли существенной реформы въ нашемъ государственномъ бытѣ. Это ничто иное какъ дальнѣйшая обработка той областной системы, которую началъ вводить Петръ I.

Во многихъ чертахъ своихъ новыя учрежденія, какъ мы сказали, были построены по остзейскимъ образцамъ, конечно, съ примѣненіемъ къ территоріальнымъ и сословнымъ отношеніямъ Русской имперіи. Такъ, дворянскія собранія организованы на подобіе остзейскихъ ландтаговъ, земскіе и уѣздные суды явились подражаніемъ остзейскихъ ландгерихтовъ и орднунгсгерихтовъ, *) и т. п. Впро-

*) Вотъ что писала Екатерина около этого времени одному изъ сановниковъ (Волконскому): „За проектъ вашъ premного благодарствую. Онъ во многомъ сходствуетъ съ тѣмъ положеніемъ, которое уже самымъ дѣломъ готовится и состоитъ въ слѣдующемъ. Окромѣ три государственныя коллегіи, прочія исчезнутъ. Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату я намѣрена обратить коммиссію уложенія, а ея частныя коммиссіи по матеріямъ служить будутъ для разбора ненужныхъ. Оставимъ и переименуемъ прочихъ по-русски. Губерніи будутъ меньше, и сверхъ губернатора къ двумъ или тремъ приставимъ генералъ-губернатора. Губернское правленіе будетъ состоять изъ четырехъ департаментовъ. Вмѣсто коллегіи для апелляціи въ пятую членами въ каждой провинціи будетъ вице-губернаторъ и верхній земскій судъ выбранный дворянствомъ. Въ каждомъ уѣздѣ будетъ уѣздный судъ да нижній земскій судъ; члены всѣ по выбору дворянства. Часть сего уже готова, а прочее пишется, и съ успѣхомъ. Буде Богъ поможетъ, сей годъ ознаменится полезнымъ для государства учрежденіемъ. *Сверхъ того сей порядокъ сходствуетъ съ порядкомъ нашихъ остзейскихъ провинцій*, кои, имѣвъ оный четыреста лѣтъ почитаютъ себя весьма счастливы. Позабыла сказать, что уѣзды не болѣе какъ отъ 25 до 30 тысячъ душъ.“ (*Зритель* 1863 г. № 20).

чемъ, это подражаніе начато было Петромъ I, который въ числѣ другихъ иностранныхъ образцовъ пользовался для своихъ реформъ и остзейскими учрежденіями.

Руководящимъ началомъ въ новомъ территоріальномъ дѣленіи была симметрія: губерніи должны заключать 300—400 тысячъ мужскаго населенія, а уѣзды 30—40 тысячъ, и вездѣ единообразная бюрократическая лѣстница. Мы видѣли, какая это была головоломная работа для императрицы, и какихъ усилій стоило ей привести въ гармоническое соотношеніе между собою всю переспективу административныхъ и судебныхъ инстанцій. Но надобно отдать честь ея архитектурному искусству: трудности побѣждены, и работа окончена съ успѣхомъ. Даже и тѣ мелкіе пункты, которые преимущественно причиняли головную боль, каковы: нижній земскій судъ, приказъ общественнаго призрѣнія и совѣстный судъ,—въ окончательной обработкѣ получили стройную форму и благодѣтельное назначеніе. Для примѣра возьметъ совѣстный судъ. Тутъ кромѣ судьи находятся по два засѣдателя отъ дворянъ, горожанъ и крестьянъ; они выбираются черезъ каждые три года, и такимъ образомъ представляютъ совѣсть цѣлой губерніи. „Совѣстный судъ установляется быть преградою частной или личной безопасности;“ самъ онъ не мѣшается въ дѣла, а беретъ ихъ на себя по порученю правительства, по сообщенію отъ другаго суда или по жалобѣ и просьбѣ частныхъ лицъ. Кто обращается къ нему за полюбовною сдѣлкой, того онъ поддерживаетъ самымъ настойчивымъ образомъ; кто изъ тюрьмы подастъ жалобу, что онъ сидитъ болѣе трехъ дней безъ указанія на причину ареста или безъ допроса, тому совѣстный судъ немедленно долженъ оказать дѣятельную помощь.

Всѣ эти благія по своей цѣли учрежденія, заключающія въ себѣ довольно значительный выборный элементъ, скоро были переработаны народною жизнію и господствующимъ политическимъ строемъ по своему, и получили далеко не тотъ характеръ, который имѣло въ виду законодательство. Многое въ нихъ осталось мертвою буквой. Тѣмъ не менѣе въ учрежденіяхъ губернскихъ есть и другая сторона. Они все-таки были большимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ тою смѣсью иноземныхъ и старомосковскихъ порядковъ, которая осталась послѣ Петровской реформы. А главное, они сообщили огромную силу централизаціи или государственному механизму,—ту силу, которой Франція достигла только вслѣдствіе революціи, съ паденіемъ древняго областнаго дѣленія и съ устройствомъ департаментовъ.

Говоря о реформѣ областнаго управленія и объ участіи въ ней Сиверса, мы необходимо должны упомянуть, что два знаменитые указа Екатерины, *Жалованная грамота дворянству и Городовое положеніе*, были ничто иное какъ послѣдняя глава изъ той же реформы. Они также явились на свѣтъ не безъ участія Сиверса, хотя во время ихъ изданія, то-есть 9 лѣтъ спустя, его уже не было на службѣ. Въ бумагахъ Якова Ефимовича сохранились и указанія на то, что въ 1776 году онъ доставилъ императрицѣ матеріалы для сочиненія жалованной грамоты дворянству.

Въ тотъ самый день, когда подписанъ указъ о губерніяхъ, нашъ Сиверсъ былъ утвержденъ намѣстникомъ Тверскимъ и Новгородскимъ, и ему поручено открыть намѣстничество въ Твери. *)

Екатерина пробыла въ Москвѣ около года; въ половинѣ декабря она отправилась обратно въ Петербургъ, который замѣтно тяготился долгимъ отсутствіемъ двора.

„Угадай, съ кѣмъ я вчера обѣдала? пишетъ Елизавета Сиверсъ въ концѣ августа съ своей петербургской дачи.—Съ г. Деденевымъ у Пастухова. Тамъ былъ также Чичеринъ (петербургскій генералъ-полицеймейстеръ) съ своею дражайшею половиной, которая представляетъ настоящую мумію. Деденевъ за столомъ часто чокался стаканами, и мнѣ кажется, дѣлалъ бы это еще чаще, если бы меня тутъ не было. Я видѣла его въ первый разъ; время отъ времени онъ бросалъ на меня взглядъ съ боку. Чичеринъ спросилъ о тебѣ; я описала ему почти все твое послѣднее путешествіе по губерніи. А тотъ господинъ внимательно слушалъ, не говоря ни слова, и дѣлалъ только плутовскую мину. Дѣйствительно, онъ плутъ, и я чувствую къ нему антипатію. Если бы я могла сдѣлать ему добро, и тогда бы не сдѣлала. Ты навѣрное скажешь: а я бы сдѣлалъ. Но ужь такая моя натура не платить добромъ тому, кто меня ненавидитъ; однако зла я бы ему не сдѣлала“.

17 октября: „Купцы говорятъ: если дворъ еще годъ пробудетъ въ отсутствіи, то петербургская торговля совсѣмъ упадетъ; ужь и теперь это замѣтно“.

15 ноября: „Мнѣ очень досадно, что тебя все еще кормятъ только прекрасными фразами. Безъ сомнѣнія, у тебя есть большіе враги.

*) П. С. З. № 14.400. Оно учреждалось изъ прежней Тверской провинціи, съ присоединеніемъ къ ней Вышневолоцкаго уѣзда отъ Новгородской провинціи и Кашинскаго съ Бѣжецкимъ отъ Московской губерніи. Спустя нѣсколько дней предписано открыть второе „примѣрное“ намѣстничество, въ Смоленскѣ.

Да и возможно ли, чтобы плуты были друзьями честнаго и усерднаго человѣка? Терпѣніе, мой другъ, а между тѣмъ я совѣтую тебѣ всегда откровенно говорить съ тою, отъ которой все зависитъ. Скажи ей, что за тебя никто не будетъ говорить, потому что твое усердіе и поведеніе слишкомъ отлично отъ другихъ".

Но вотъ Яковъ Ефимовичъ назначенъ намѣстникомъ; а слухи еще преувеличили его возвышеніе.

19 ноября: „Поздравляю тебя съ новымъ званіемъ. Ты пишешь мнѣ о немъ очень лаконически; а весь городъ говоритъ, что ты пожалованъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-аншефомъ и сенаторомъ. Однако я знаю, что этого нѣтъ; иначе ты бы мнѣ написалъ. Изъ твоего письма видно только, что ты получилъ должность императорскаго намѣстника".

Въ началѣ декабря Елизавета Карловна, не смотря на свою новую беременность, отправилась въ Новгородъ, чтобы встрѣтить тамъ царскую фамилію, возвращавшуюся изъ Москвы въ Петербургъ. Губернаторша, какъ видно, исполняетъ при этомъ и нѣкоторыя служебныя порученія своего мужа.

15 декабря: „Вчера я получила твое предписаніе, выучила его наизусть, и сообщила коменданту, прокурору и еще кому слѣдуетъ. Все будетъ устроено по вашимъ приказаніямъ, господинъ генералъ. Хорошо, если бы ты хоть за два часа пріѣхалъ прежде государыни. Завтра рано утромъ я перебираюсь на верхъ, и если упаду съ твоей прекрасной лѣстницы, то ужъ твоя вина. Это самая неудобная лѣстница, которую я когда-либо видала. Лошади пришли вчера вечеромъ".

16 декабря: „Guten Morgen, господинъ генералъ! Доношу тебѣ о прибытіи кухни его высочества. Великій князь будетъ здѣсь кушать вечеромъ, а обѣдать въ Бронницахъ".

17 декабря: „Ихъ императорскія высочества пріѣхали около шести часовъ; сегодня хотятъ остаться, а ѣхать завтра рано поутру. Все идетъ хорошо, и они, кажется, довольны. Великая княгиня смотритъ весело. Дай ей Богъ здоровья. Ее очень забавляло найдти меня въ такомъ же состояніи, въ какомъ она сама".

19 декабря: „Ихъ высочества уѣхали вчера поутру въ отличномъ здоровьѣ. Они оба довольны и поручили мнѣ передать тебѣ поклонъ. Они очень рады воротиться въ Петербургъ. Великая княгиня думаетъ, что здѣсь лѣтомъ такъ же дурно какъ въ Москвѣ; я отвѣчала, что оба города похожи другъ на друга. Теперь поскорѣй бы

пріѣхала императрица! Ты легко можешь себѣ представить какъ я скучаю“.

Проѣздъ императрицы, повидимому, обошелся очень благополучно. Вслѣдъ затѣмъ намѣстникъ поспѣшилъ съ женою въ Петербургъ.

VII.

ВВЕДЕНІЕ НОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Въ январѣ 1776 года должно было совершиться открытіе Тверской губерніи, которой предоставлена честь быть первою преобразованною по новому положенію и служить образцемъ для другихъ. Сиверсу не мало пришлось работать надъ картами и планами новаго раздѣленія на уѣзды. Такъ какъ уѣздныхъ городовъ недоставало, то рѣшено открыть три новыхъ города: Колязинъ, Весьегонскъ и Красный Холмъ. Эти пункты, конечно, были выбраны намѣстникомъ и притомъ преимущественно по ихъ важности въ отношеніи къ торговлѣ и путямъ сообщенія: Колязинъ имѣлъ пристань на Волгѣ, Весьегонскъ на Мологѣ, а Красный Холмъ былъ замѣчателенъ своимъ положеніемъ въ хорошо обработанной мѣстности, „изобилующей дворянами“.

Разумѣется, Яковъ Ефимовичъ въ это время былъ весьма чувствителенъ ко всякому отзыву о новомъ Положеніи, на которое онъ смотрѣлъ отчасти какъ на собственное произведеніе. Въ пересудахъ же недостатка не было; главнымъ образомъ они выходили изъ Москвы, которая оставалась вѣрна принятому ею оппозиціонному характеру. Въ своихъ письмахъ императрицѣ Сиверсъ горячо жалуется на этихъ московскихъ критиковъ; онъ также возстаетъ противъ назначенія въ намѣстники людей, которые способны только уронить дѣло; таковъ именно новый смоленскій губернаторъ, Глѣбовъ, находившійся подъ уголовнымъ судомъ за утайку полмилліона рублей. Глѣбовъ однако остался пока на своемъ мѣстѣ *).

Между тѣмъ въ Тверь съѣзжались члены губернскаго дворянства: тамъ происходили дѣятельныя приготовленія къ торжественному открытію новой губерніи и къ выборамъ въ новыя должности. Постараемся теперь изложить самый процессъ этого открытія, устроен-

*) Этотъ Глѣбовъ былъ извѣстный генералъ-прокуроръ сената при Петрѣ III; онъ принадлежалъ къ числу лицъ, помогавшихъ Екатеринѣ въ достиженіи престола.

ный такъ чтобы произвести надлежащее впечатлѣніе на провинціальную публику *).

10 января намѣстникъ прибылъ въ Тверь, и остановился въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ его встрѣтилъ правитель намѣстничества (губернаторъ), Кречетниковъ, съ губернскими и городовыми властями. На слѣдующій день его привѣтствовалъ тверской архіепископъ Арсеній съ духовными чинами и нѣкоторыми дворянами. Въ тотъ же день намѣстникъ осматривалъ дома, приготовляемые для присутственныхъ мѣстъ, а послѣ обѣда отдалъ визитъ преосвященному въ его загородномъ Тресвятскомъ домѣ.

12 числа съѣхались предводители дворянства, и представили намѣстнику съ каждаго уѣзда по одному изъ молодыхъ дворянъ, назначенныхъ для его почетной свиты. Въ слѣдующіе два дня предводители занимались изготовленіемъ дворянскихъ списковъ.

15 числа, по распоряженію Сиверса, предводители всѣ вмѣстѣ отправились со списками въ квартиру намѣстника. Военный караулъ отдалъ имъ честь оружіемъ; адъютанты проводили ихъ въ присутственную комнату, гдѣ находился намѣстникъ съ губернаторомъ и губернскимъ прокуроромъ. Кресла намѣстника стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ портрета государыни, имѣя направо кресла губернатора, а налѣво столъ, покрытый бархатомъ, и подлѣ него прокурора; далѣе, по обѣимъ сторонамъ были разставлены стулья для предводителей. Сиверсъ принялъ корпорацію стоя. Тверской предводитель отъ лица всѣхъ товарищей изъявилъ признательность къ благодѣяніямъ ея императорскаго величества, и намѣстникъ на это высказалъ „свое удовольствіе, что онъ при первомъ случаѣ видитъ ихъ толь ревностно соединенными". Принявъ дворянскіе списки каждаго уѣзда, онъ сѣлъ въ кресла и рукою указалъ присутствующимъ на ихъ мѣста. Тутъ онъ произнесъ слово, которымъ пригласилъ гг. предводителей объяснить своимъ собратіямъ всю важность новыхъ учрежденій и все величіе милостей самодержицы. Предводители единогласно выразили свою готовность усердно исполнить это порученіе. Потомъ намѣстникъ разсмотрѣлъ списки собравшихся дворянъ, которыхъ оказалось 482 человѣка. Онъ спросилъ, не встрѣтилось ли какихъ затрудненій при составленіи списковъ. Два, три члена замѣтили о нѣкоторыхъ владѣльцахъ, которыхъ они не считаютъ дворянами. Сиверсъ напомнилъ, что всякій помѣщикъ и всякій служащій, достигшій офицерскаго ранга, по закону есть дворя-

*) Донесенія Сиверса (въ книгѣ Блума) и *Петербургскія Вѣдомости* за 1776 годъ.

нинъ; это напоминаніе устранило всѣ затрудненія. Затѣмъ, сдѣлавъ наставленія о церемоніи слѣдующаго дня, намѣстникъ отпустилъ предводителей. Ихъ проводили съ тѣми же почестями, съ какими приняли.

17 числа все наличное дворянство собралось сначала въ домѣ губернскаго магистрата. Отсюда оно отправилось въ квартиру намѣстника пѣшкомъ, по два въ рядъ, имѣя во главѣ губернатора. Разставленная по большой улицѣ гарнизонная команда отдавала честь оружіемъ и барабаннымъ боемъ. Губернаторъ представилъ дворянъ намѣстнику; послѣдній отвѣчалъ краткою рѣчью, въ которой говорилъ о своемъ восхищеніи при видѣ „толикаго и знатнаго собранія, чувствительнаго къ благодѣтельнымъ ея императорскаго величества о нихъ попеченіямъ“. Отсюда собраніе отправилось тѣмъ же церемоніальнымъ порядкомъ въ соборъ, уже подъ предводительствомъ самого намѣстника. Богослуженіе было совершено преосвященнымъ Арсеніемъ, который по окончаніи обѣдни и по прочтеніи манифеста, сказалъ приличную случаю проповѣдь. Затѣмъ послѣдовали: благодарственный молебенъ съ водосвятіемъ и колѣнопреклоненіемъ, восклицанія многолѣтія при пушечной пальбѣ и присяга дворянъ на предстоящіе выборы. Манифестъ прочтенъ на всѣхъ площадяхъ города съ барабаннымъ боемъ. По окончаніи церемоніи, намѣстникъ пригласилъ къ своему обѣду архіепископа съ духовенствомъ, губернатора, предводителей и дворянъ штабъ-офицерскаго ранга, всего 180 особъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

18-го дворяне подписывали присяжные листы, а намѣстникъ былъ занятъ приготовленіемъ своей залы для церемоніи слѣдующаго дня, въ который назначено было торжественное чтеніе *Учрежденія о губерніяхъ*. Надъ портретомъ императрицы Сиверсъ устроилъ балдахинъ изъ малиноваго бархата, съ золотымъ позументомъ и бахрамою; подъ портретомъ, на двухъ-ступенномъ возвышеніи, поставлены кресла, изображавшія тронъ; насупротивъ устроено возвышеніе въ одну ступень съ креслами для намѣстника; подлѣ него на столѣ положена книга новыхъ учрежденій, въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ. По бокамъ приготовлены мѣста для губернатора, предсѣдателей и членовъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, далѣе стулья для предводителей и скамьи, покрытыя зеленымъ сукномъ, для дворянства.

Учрежденія поручено читать прокурору попеременно съ двумя губернскими стряпчими. Когда дошла очередь до 26 главы (о со-

вѣстномъ судѣ), намѣстникъ взялъ книгу, и самъ прочелъ всю эту главу, съ большимъ чувствомъ. Чтеніе *Учрежденій* продолжалось болѣе четырехъ часовъ. По окончаніи его высшіе губернскіе чины и значительнѣйшіе дворяне приглашены къ столу намѣстника.

Въ слѣдующіе дни происходили выборы. Они производились баллотированіемъ, посредствомъ шаровъ, по уѣздамъ, въ архіерейскомъ домѣ и въ зданіи губернскаго магистрата, подъ руководствомъ намѣстника, губернатора и другихъ высшихъ чиновъ. Сначала выбирали уѣздныхъ предводителей. Намѣстникъ исключилъ изъ участія въ баллотированіи только тѣхъ дворянъ, которые имѣли за собой менѣе десяти душъ. Хотя въ новомъ учрежденіи ничего не было сказано о дворянахъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, но онъ руководствовался въ этомъ случаѣ положеніемъ о двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Число наличныхъ дворянъ между тѣмъ достигло 562. Затѣмъ послѣдовали выборы исправниковъ, судей и засѣдателей. Когда дошла очередь до выборовъ въ верхній земскій судъ, совѣстный судъ и приказъ общественнаго призрѣнія — учрежденія общія для всей губерніи, намѣстникъ пригласилъ предварительно избрать губернскаго дворянскаго предводителя, который долженъ занимать всегда мѣсто предсѣдателя, въ случаяхъ общаго дворянскаго собранія. Это избраніе пало на бѣжецкаго уѣзднаго предводителя, Олсуфьева. Всѣ произведенные выборы, по порядку, представлялись на утвержденіе намѣстника.

На всѣ вновь открываемыя мѣста находилось очень много желающихъ, и даже между дворянами высшихъ ранговъ, изъ чего Сиверсъ заключилъ о популярности новыхъ учрежденій. Но, по собственному сознанію, ему не легко было соглашать разные интересы, незамѣтнымъ образомъ направлять всѣхъ къ одной цѣли и всюду ввести приличный порядокъ. „Все это труднѣе чѣмъ я думалъ, доноситъ онъ. Но послѣдствія утѣшаютъ меня и придаютъ бодрость“.

Главная трудность, конечно, заключалась въ томъ, что нашему генералъ-губернатору пришлось первому вводить въ жизнь новыя учрежденія и въ потѣ лица вырабатывать для нихъ соотвѣтствующія офиціальныя формы. Надобно отдать справедливость его ловкости и изобрѣтательности въ этомъ дѣлѣ. Оно не ограничивалось одними церемоніями, засѣданіями, выборами и рѣчами: чтобъ усилить популярность реформы, необходимо было *угощать* дворянство и увесе-

лять провинціальную публику. И въ этомъ отношеніи Сиверсъ показалъ значительное искусство. Почти ежедневно онъ приглашалъ къ своему обѣду разные губернскіе чины и около 50 дворянъ, отъ каждаго изъ одиннадцати уѣздовъ, по очереди. Изъ Москвы была выписана театральная труппа, которая давала представленія въ наскоро устроенномъ зданіи и большею частію съ безплатнымъ входомъ для публики. Въ то же время Елизавета Карловна, какъ можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ ея петербургскихъ писемъ, хотя и ожидаетъ уже близкаго разрѣшенія, тѣмъ не менѣе усердно исполняетъ многочисленныя порученія мужа относительно покупокъ и посылокъ.

7 января: „Я только-что отправила Бронзина. Вчера онъ не могъ ѣхать изъ-за бильярда, который надобно было хорошенько упаковать. Посылаю тебѣ съ нимъ полдюжины окороковъ, дюжину копченыхъ языковъ, которые очень были бы тебѣ кстати, еслибы могли говорить, чтобы дать отдыхъ твоему собственному. Далѣе, дюжину копченыхъ колбасъ, архангельскихъ селедокъ,—всего почти на 40 рублей“.

15 января: „Вчера получила твое письмо съ 500 рублей. Пришлю все что могу. Завтра поутру отправлю Тараса“.

16 января: „Вотъ мой милый другъ, 18 дюжинъ фарфоровыхъ тарелокъ, 18 суповыхъ и 10 десертныхъ, почти 1,000 рыбъ, 2 сыра, 3 пуда кофе, 8 ящиковъ сухихъ конфектъ и 40 пудовъ другихъ лакомствъ. Никогда не покупала столько сластей: ихъ всего на 50 рублей. Надѣюсь что ты останешься доволенъ“.

19 января: „Отъ всего сердца сожалѣю о всѣхъ твоихъ затрудненіяхъ. Но что дѣлать? Иначе нельзя. Однако Бронзинъ вполнѣ заслуживаетъ твоего гнѣва. Хотя я не люблю подливать масло въ огонь, когда ты сердишься, но къ нему не имѣю болѣе никакого снисхожденія. Я думаю онъ дорогою просто пьянствуетъ; денегъ съ нимъ довольно, и можетъ-быть онъ еще кое-что положитъ себѣ въ карманъ“.

22 января: „Вотъ твое домино, мой дорогой намѣстникъ; старое я не раззорила, и также тебѣ посылаю. Бѣдные твои курьеры все еще не отправлены“.

28 число, четвергъ, было очень памятно для Твери. Въ этотъ день праздновалось окончаніе дворянскихъ выборовъ. Праздникъ начался обѣднею и благодарственнымъ молебномъ. Преосвященный сказалъ поучительное слово объ обязанностяхъ судей, „съ изъясне-

ніемъ толь великаго монаршаго о вѣрноподданныхъ своихъ попеченія, и сколь велики должны быть признанія со стороны тѣхъ, на коихъ сіи щедроты изливаются". По замѣчанію Сиверса, рѣчь эта всѣхъ растрогала; онъ напечаталъ ее, и отослалъ къ императрицѣ. Между слушателями находилось 120 вновь выбранныхъ въ судейскія должности: „всѣ они равно были проникнуты святостію своихъ обязанностей". Послѣ обѣдни совершено было съ водосвятіемъ открытіе четырехъ главныхъ присутственныхъ мѣстъ: намѣстническаго, или губернскаго правленія, и палатъ казенной, уголовной, и гражданской. Затѣмъ послѣдовалъ у намѣстника обѣдъ на 130 приборовъ; тостъ за царскую фамилію сопровождался пушечною пальбой. Для народа на площади были приготовлены: жареный быкъ, разная живность, хлѣбы, кадки съ виномъ и пивомъ, кромѣ того, мачты съ развѣшеннымъ на нихъ лоцманскимъ платьемъ и деньгами. Вечеромъ въ домѣ намѣстника данъ маскарадъ и ужинъ, въ которыхъ участвовало до 350 особъ. Передъ домомъ сожженъ фейерверкъ, „первый изъ всѣхъ фейерверковъ, видѣнныхъ этимъ городомъ". Генералъ-губернаторъ съ особеннымъ удовольствіемъ доноситъ, что фейерверкъ отлично удался, и что вензель ея величества горѣлъ долѣе обыкновеннаго.

Еще при самомъ началѣ выборовъ дворянство рѣшило выразить свою благодарность государынѣ въ видѣ памятника, который говорилъ бы о ней позднѣйшему потомству. Извѣщая о томъ Екатерину, Сиверсъ прибавляетъ, что онъ уже далъ разрѣшеніе, надѣясь не нарушить тѣмъ ея скромности. Въ то же время онъ обращается къ президенту академіи, Бецкому, съ просьбой о содѣйствіи, и проситъ его сообщить художникамъ, что онъ назначаетъ медаль въ 50 дукатовъ за лучшій планъ памятника и такую же медаль за лучшія надписи. Памятникъ онъ желаетъ поставить въ Твери на перекресткѣ, гдѣ проходитъ большая московско-петербургская дорога; совѣтуетъ проектировать для него простую мраморную колонну, и какъ можно менѣе украшеній. Надписи должны быть на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ; на латинскомъ, потому что это „общій языкъ ученыхъ, вѣроятно, еще на многія столѣтія"; а на нѣмецкомъ, потому что „Россія, вѣроятно, всегда будетъ имѣть въ числѣ своихъ подданныхъ милліоны Нѣмцевъ".

29 числа къ намѣстнику собралось все дворянское общество, и просило его о позволеніи отправить къ ея величеству депутацію, для выраженія своей благодарности и преданности. Сиверсъ разрѣ-

шилъ, и по желанію дворянъ, самъ назначилъ членовъ депутаціи, во главѣ которой поставилъ губернскаго предводителя Олсуфьева.

Того же числа произведены городскіе выборы, то-есть городскаго головы и магистратскихъ членовъ, и, конечно, съ гораздо меньшими церемоніями чѣмъ выборы дворянскіе. Въ слѣдующіе дни продолжалось открытіе остальныхъ присутственныхъ мѣстъ; рѣшено также приступить ко введенію новыхъ учрежденій по уѣзднымъ городамъ, куда назначены для этой церемоніи губернаторъ, вице-губернаторъ (Тутолминъ) и предсѣдатель гражданской палаты (Муравьевъ).

Съ донесеніемъ о благополучномъ окончаніи губернскихъ выборовъ Сиверсъ, по важности предмета, отправилъ въ Петербургъ не простаго курьера, а губернскаго прокурора Свѣчина, который, какъ очевидецъ, могъ передать императрицѣ всѣ любопытныя для нея подробности.

Въ домѣ намѣстника въ теченіе этого времени почти не прерывались торжественные обѣды, съ добавленіемъ иногда маскарадовъ, концертовъ и ужиновъ. 4-го февраля, по приглашенію архіепископа, намѣстникъ, въ сопровожденіи губернскихъ чиновъ, посѣтилъ тверскую семинарію. Здѣсь были приготовлены для посѣтителей пѣніе „приличныхъ стиховъ, диспуты о разныхъ узаконеніяхъ“ и „нѣкоторыя театральныя дѣйствія“; въ заключеніе семинаристы произнесли „пристойныя рѣчи“ на языкахъ русскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и *карельскомъ*. А при выходѣ ректоръ семинаріи, архимандритъ Стефанъ, поднесъ Якову Ефимовичу оду; послѣ чего духовенство и чины приглашены къ столу намѣстника. Этимъ днемъ закончены были церемоніи и увеселенія, сопровождавшія открытіе Тверской губерніи.

Между тѣмъ Сиверсъ, не зная хорошо какой вѣтеръ дуетъ въ Петербургѣ, при частыхъ придворныхъ перемѣнахъ, началъ безпокоиться на счетъ расположенія императрицы: она замедлила отвѣтомъ на донесенія его о тверскихъ выборахъ.

5-го февраля онъ послалъ ей заключеніе своего журнала съ извѣстіемъ, что вновь открытыя присутственныя мѣста занимаются теперь пріемомъ бумагъ изъ прежнихъ провинціальныхъ канцелярій; а самъ онъ принужденъ давать частыя объясненія по разнымъ вопросамъ, возникающимъ изъ непривычнаго порядка. Тутъ онъ не выдерживаетъ, и начинаетъ мрачными красками въ безсвязныхъ выраженіяхъ описывать свое собственное состояніе.

„Было время, пишетъ онъ, когда Ваше Величество милостиво

говорили, что если я пожелаю, то вы сами пріѣдете въ Тверь, чтобы помочь мнѣ, и хотя въ теченіе этой мучительной работы, когда на сценѣ безпрерывно смѣнялось до 600 дѣйствующихъ лицъ,— съ изображеніемъ Вашего Императорскаго Величества передъ глазами, въ виду огромной имперіи и завистливыхъ взоровъ старой столицы, безъ отдыха занятый сохраненіемъ приличной внѣшности, посреди безконечныхъ и шумныхъ обѣдовъ, не получая ни одной строки отъ той высокой руки, которая должна была направлять и поддерживать меня,—это убило бы менѣе твердое мужество при исполненіи священнаго долга, самаго сладкаго для честнаго человѣка,—долга дѣлать добро людямъ“.

Очевидно, Сиверсъ былъ сильно утомленъ физически и морально трехнедѣльною, безпрерывною работой, когда пришлось все устраивать, придумывать всему благовидную форму, за всѣмъ лично наблюдать, когда общественное вниманіе цѣлой имперіи устремлено было на Тверь; а между тѣмъ ему казалось, что изъ Петербурга равнодушно смотрѣли на тверскія событія.

Но едва было отправлено печальное посланіе, какъ Сиверсъ получилъ рескриптъ, въ которомъ императрица изъявляетъ ему свое удовольствіе за благополучное введеніе новыхъ учрежденій. Спустя нѣсколько дней, пришелъ и собственноручный благосклонный отвѣтъ на его посланіе: „Изъ вашихъ писемъ и вашихъ экстрактовъ изъ журналовъ, говоритъ Екатерина, я видѣла, что нѣтъ нужды держать васъ подъ-руки, что вы уже сами довольно велики и сильны. Но что это за отрывочныя фразы, которыя я нахожу въ вашемъ письмѣ, и въ которыхъ я ничего не понимаю, напримѣръ:

„У меня нѣтъ силъ входить теперь въ какія-нибудь подробности“. „Признаюсь, я почти изнемогаю“. „Заботы мои безконечны“. „Душа еще болѣе подавлена чѣмъ тѣло“.

„Что съ вами, и чего вамъ недостаетъ? Моихъ писемъ? Вотъ одно изъ нихъ, и знайте, что я очень довольна вами. Adieu“.

Сиверсъ благодаритъ императрицу, и нѣсколько оправдывается въ своихъ жалобахъ, ссылаясь на трудность задачи, сознаніе своихъ слабыхъ силъ и безсонныя ночи, разстроившія его нервы.

Супруга нашего намѣстника, несмотря на поздній періодъ беременности, чаще обыкновеннаго выѣзжала въ это время въ знакомые кружки и на воскресные придворные вечера, чтобы слышать отзывы о дѣятельности мужа. Но императрица ограничивалась съ нею ласковыми поклонами. А изъ вельможъ, повидимому, только Бецкій

сообщилъ ей, что ея величество чрезвычайно довольна поведеніемъ Якова Ефимовича, и давала ему, Бецкому, читать донесенія изъ Твери. Тверской прокуроръ Свѣчинъ былъ у г-жи Сиверсъ, и разсказалъ ей о милостивомъ пріемѣ императрицы; ему приказано явиться на другой день опять во дворецъ; изъ чего заключили, что его ожидаетъ подарокъ. Дѣйствительно, онъ получилъ изящную табакерку, осыпанную бриллiантами, цѣною въ 1.000 рублей, съ которою прямо изъ дворца отправился къ Елизаветѣ Карловнѣ, чтобы раздѣлить съ нею свой восторгъ. Его удача еще болѣе подстрекнула нашу генералъ-губернаторшу; хотя она и нехорошо себя чувствовала, однако рѣшилась въ слѣдующее воскресенье ѣхать на придворный маскарадъ.

Елизавета Карловна одѣлась возможно удобнѣе и пріѣхала во дворецъ прежде семи часовъ, чтобы застать императрицу еще за картами. Такъ и случилось: столъ былъ окруженъ группой придворныхъ, созерцавшихъ высочайшую игру. Г-жѣ Сиверсъ очень хотѣлось сѣсть подлѣ самой государыни, чтобы вызвать ее на разговоръ; но, боясь слишкомъ обнаружить свое желаніе, она помѣстилась поодаль, впрочемъ, такъ что императрица ее тотчасъ замѣтила, и привѣтливо два раза кивнула ей головой. Вслѣдъ затѣмъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ подошелъ къ генералъ-губернаторшѣ, сообщилъ ей чрезвычайное удовольствіе ея величества относительно генералъ-губернатора, и пригласилъ ее самое подойти къ столу.

Екатерина еще разъ кивнула головой, и въ тѣхъ же выраженіяхъ повторила свое удовольствіе. Сиверсъ отвѣчала такимъ низкимъ поклономъ, какой только позволяло ей сдѣлать ея интересное положеніе. Съ тѣхъ поръ какъ ея мужъ, проговорила она, имѣетъ счастіе служить ея величеству, единственною его цѣлью было пріобрѣсти ея довѣріе своимъ пламеннымъ усердіемъ.

— Да, у него много дѣла, замѣтила императрица.—Имѣете ли вы отъ него новѣйшія извѣстія?

— Сегодня я еще получила письмо.

— Какъ его здоровье?

— Слава Богу, здоровье его не совсѣмъ дурно; впрочемъ, онъ пишетъ мнѣ, что ему некогда быть больнымъ.

Екатерина улыбнулась, и спросила г-жу Сиверсъ, видѣла ли она кого-нибудь изъ тверскихъ депутатовъ. Та отвѣчала утвердительно.

— Они утомлены съ дороги, прибавила государыня:—я дала имъ два дня на отдыхъ.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими словами, она обратилась къ картамъ, а Сиверсъ поспѣшила отступить въ толпу. Съ императрицей въ это время играло двое изъ вельможъ враждебныхъ Якову Ефимовичу: фельдмаршалъ Голицынъ и генералъ-прокуроръ Вяземскій. Послѣдній особенно смущалъ генералъ-губернаторшу своимъ тигровымъ взглядомъ, устремленнымъ на нее во все время разговора. Къ ней потомъ подошелъ Бецкій, взялъ ее за руку, и просилъ передать мужу, что онъ пока не отвѣчаетъ по вопросу о монументѣ, но будетъ писать, когда все устроитъ наилучшимъ образомъ; а императрица не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло, щекотливое для ея скромности.

Вообще Елизаветѣ Карловнѣ показалось, что все идетъ отлично, и что государыню уже давно не видали такою довольною; по крайней мѣрѣ такъ говорили самые приближенные къ ней люди. Остальную часть вечера г-жа Сиверсъ просидѣла въ углу залы, весело болтая съ своею пріятельницей, графиней Брюсъ. Онѣ ужинали за кавалерскимъ столомъ, гдѣ сосѣди ихъ любезно заговорили о Твери. Елизавета Карловна сообщила имъ многія подробности, причемъ не упустила прибавить, что мужъ ея въ двѣ недѣли истратилъ собственныхъ 6.000 рублей, и что она должна была для этого заложить свои брилліанты. Графиня Брюсъ замѣтила, что, безъ сомнѣнія, генералъ-губернаторъ будетъ вполнѣ вознагражденъ за свои расходы.

„Много надобно было бы еще писать, прибавляетъ Елизавета Карловна, еслибы я вздумала передать всѣ разговоры этого вечера. Посылаю тебѣ приходо-расходные счеты. Adieu, милый другъ. Мама велитъ тебѣ сказать, что все это дѣлаетъ ее опять молодою, и прибавляетъ нѣсколько унцій хорошей крови. Ахъ, еслибы живъ былъ папа, онъ выѣзжалъ бы вмѣстѣ со мной ко двору, и какъ многое было бы лучше. Adieu. Твои малютки цѣлуютъ тебѣ руки. Депутаты будутъ у меня сегодня. А завтра, послѣ аудіенціи, они у меня обѣдаютъ. Олсуфьевъ отличный господинъ“.

Но послѣ аудіенціи, 14 февраля, депутатовъ пригласили къ столу ея величества. Императрица была съ ними очень ласкова. Откушавъ кофе, она удалилась, не сказавъ ничего объ ихъ возвращеніи. Тѣмъ не менѣе генералъ-прокуроръ объявилъ губернскому предводителю Олсуфьеву, что онъ можетъ ѣхать: паспортъ его готовъ. Олсуфьевъ отвѣчалъ, что онъ не замедлитъ отъѣздомъ, какъ скоро будетъ отпущенъ ея величествомъ, и что онъ ожидаетъ отъ нея писемъ и

приказаній, для намѣстника. Генералъ-прокуроръ началъ его увѣрять, будто депутація уже отпущена.

Губернскій предводитель въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поспѣшилъ къ Завадовскому, разсказалъ ему, какъ генералъ-прокуроръ гонитъ депутатовъ изъ Петербурга, и просилъ о помощи, чтобъ узнать желаніе императрицы. Завадовскій посовѣтовалъ подождать отъѣздомъ и прислать къ нему секретаря. Съ этими вѣстями Олсуфьевъ въ тотъ же вечеръ явился къ Елизаветѣ Сиверсъ; о результатахъ посредничества Завадовскаго обѣщалъ извѣстить ее назавтра въ девять часовъ утра. Враждебное вмѣшательство Вяземскаго сильно встревожило генералъ-губернаторшу. Въ эту ночь она спала очень безпокойно; ей мерещились все тверскіе депутаты и тигровая физіономія генералъ-прокурора. Поутру Олсуфьевъ сообщилъ, что Завадовскій велѣлъ секретарю депутаціи явиться къ нему въ тотъ день вечеромъ, для полученія письма къ намѣстнику. Елизавета Сиверсъ, однако, не успокоилась; она немедленно сдѣлала визиты пріятелямъ своимъ Бецкому и графинѣ Брюсъ, и развѣдала отъ нихъ, что императрица очень хорошо знаетъ о враждебномъ расположеніи Вяземскаго къ депутаціи, а особенно къ Сиверсу; развѣдала также, что тверской губернаторъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ и въ перепискѣ съ генералъ-прокуроромъ. Въ порывѣ своего негодованія она совѣтуетъ мужу откровенно объясниться обо всемъ съ императрицей, и обнаружить всѣ ковы Вяземскаго, который постоянно лежитъ камнемъ на его дорогѣ, и по своей проклятой зависти мѣшаетъ ему быть вознагражденнымъ за свои заслуги.

„Депутаты твои навѣрно ужь прибыли домой, пишетъ жена, 24 февраля. — А здѣсь все тихо. Я прежде забыла тебѣ сказать, что князь Григорій много о тебѣ разспрашивалъ, просилъ меня кланяться тысячу разъ и увѣрить тебя въ его уваженіи. Выраженіе лица у него сдѣлалось степеннѣе и задумчивѣе. А графъ Иванъ Чернышевъ даетъ праздники, то великому князю, то государынѣ. Онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы войдти въ силу; глаза его бѣгаютъ повсюду; а юная дочка уже помогаетъ отцу, и подаетъ ему надежду, современемъ, оказывать болѣе значительныя услуги. Basta! cosi va il mondo! какъ ты обыкновенно говоришь. Мои дочери, дорогой другъ, должны какъ можно долѣе оставаться невинными, милыми дѣтьми и не имѣть вида актрисы, готовой разыгрывать всѣ роли. Въ послѣдніе дни я сдѣлала визиты всѣмъ штатсъ-дамамъ; всѣ онѣ отвѣчали мнѣ аккуратно, за исключеніемъ генералъ-прокурорши; при дворѣ также она на меня

и не глядитъ; hol' sie der Böse! ist sie doch eine Trunkenboldin, und sieht demnach nicht allzu wohl". Послѣдняя фраза ясно свидѣтельствуетъ, до какой степени простиралось раздраженіе генералъ-губернаторши противъ генералъ-прокурорши.

Вяземскій не даромъ былъ врагомъ Сиверса: какъ отъявленный консерваторъ онъ никоимъ образомъ не могъ сойдтись съ человѣкомъ преобразовательнаго направленія. Почти всѣ современныя извѣстія согласны между собою относительно личности князя Вяземскаго: они изображаютъ его человѣкомъ завистливымъ, сварливымъ и большимъ интриганомъ. Онъ умѣлъ насолить многимъ вельможамъ; но Екатерина дорожила имъ какъ своимъ ученикомъ и усерднымъ слугой; она мало обращала вниманія на жалобы противъ его придирокъ, была довольна тѣмъ, что ни одной придворной партіи не удавалось завербовать въ свои ряды генералъ-прокурора, и щедро награждала его крестьянами, деньгами и орденами *).

Мы видѣли что Сиверсъ, во время своей губернаторской дѣятельности, долженъ былъ имѣть частыя столкновенія съ Вяземскимъ, который въ офиціальныхъ отношеніяхъ стоялъ между губернаторомъ и трономъ. Съ своей стороны Яковъ Ефимовичъ не упускалъ случая обнаруживать недобросовѣстность генералъ-прокурора; но все это оставалось безъ послѣдствій. Наконецъ, положеніе его соперника, повидимому, готово было измѣниться. Въ связи съ областною реформой задумана перестройка едва ли не всего государственнаго механизма; между прочимъ, духъ преобразованія долженъ былъ коснуться и сената. Императрица, съ самаго начала своего царствованія, старалась поднять значеніе сената, сильно упавшее въ періодъ времени отъ Петра до Елизаветы. Екатерина раздѣлила его на шесть самостоятельныхъ департаментовъ (въ 1763 г.), иногда съ большою торжественностью присутствовала на сенатскихъ засѣданіяхъ, давала сенаторамъ аудіенціи и вообще была съ ними очень ласкова. Но сенатъ выигрывалъ только во внѣшней обстановкѣ и расширялся въ объемѣ; количество его членовъ, отдѣленій и экспедицій умножалось, а прочнаго политическаго значенія онъ все-таки не пріобрѣлъ. Самое раздробленіе на департаменты лишало его отчасти того авторитета,

*) Система Вяземскаго не принадлежать ни къ какой партіи вполнѣ согласовалась съ „секретнѣйшимъ" наставленіемъ императрицы. (*Чт. Общ. Ист. и Древ.* 1858 г. т. I). Въ 1790 г., по поводу болѣзни генералъ-прокурора, Храповицкій записалъ слѣдующія слова Екатерины; „Жаль князя Вяземскаго: онъ мой ученикъ, и сколько я за него выдержала". (*Чт. Общ. Ист. и Древ.* 1862 г. т. III).

который пріобрѣтаетъ обыкновенно цѣлая плотная корпорація. Въ общественномъ мнѣніи ему много вредилъ способъ назначенія его членовъ: мало-по-малу вошло въ обычай опредѣлять въ сенатъ губернаторовъ и другія правительственныя лица, почему-либо оказавшіяся непригодными на своемъ мѣстѣ; это былъ родъ почетной отставки. Наконецъ и система Вяземскаго не мало подрывала значеніе корпораціи. Онъ всѣми силами старался привести въ забвеніе законъ Петра о единогласномъ рѣшеніи сенаторовъ, и добился постановленія, чтобы дѣла рѣшались большинствомъ; а подобрать себѣ партію большинства онъ всегда имѣлъ возможность, при извѣстномъ составѣ членовъ. Еслибы и большинство было противъ, то у него въ запасѣ оставалось множество формальностей, чтобы оттянуть или повернуть дѣло какъ ему хотѣлось. Онъ обыкновенно предъявлялъ собственныя предложенія, скрываясь всегда за именемъ императрицы; представлялъ къ рѣшенію нумера дѣлъ не по очереди, а по своему усмотрѣнію; вносилъ въ общее собраніе дѣла, заранѣе рѣшивъ ихъ въ ту или другую сторону; однимъ словомъ, поступалъ совершенно вопреки инструкціи Петра I, по которой генералъ-прокуроръ долженъ былъ стараться только приводить мнѣнія сенаторовъ къ единогласію. Впрочемъ, напрасно было бы приписывать личности Вяземскаго слишкомъ много вліянія на значеніе сената. Причины, конечно, лежали въ общемъ строѣ государственнаго механизма.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, осенью 1775 г., Екатерина составила проектъ сенатской реформы, которую предполагала осуществить въ слѣдующемъ году. И въ этомъ отношеніи, по всей вѣроятности, не обошлось безъ участія Сиверса. Но когда императрица воротилась въ Петербургъ, проектъ подвергся дѣйствію разныхъ интригъ. Потемкинъ и министры убѣдили отложить исполненіе его до окончанія областной реформы въ цѣломъ государствѣ. Задуманное преобразованіе сената, разъ отложенное, потомъ совсѣмъ было оставлено. Вяземскій, конечно, менѣе всѣхъ могъ желать этого преобразованія, направленнаго къ болѣе точному опредѣленію обязанностей сената. Въ реформѣ областнаго устройства онъ не имѣлъ дѣятельнаго участія; ему приходилось только переписывать на-бѣло готовые планы. Онъ ясно видѣлъ, что генералъ-губернаторы становятся ближе къ особѣ государя, чѣмъ прежніе губернаторы; а слѣдовательно генералъ-прокуроръ терялъ часть своего вліянія на областное управленіе. Понятно, что съ этого времени вражда его къ Сиверсу еще болѣе усилилась. Но не онъ одинъ, многіе вельможи

не радовались новымъ учрежденіямъ, которыя вызывали массу провинціальнаго дворянства къ политической дѣятельности, чѣмъ и полагались нѣкоторыя преграды неограниченному господству придворной аристократіи. Вяземскій явился душою и орудіемъ этой глухой оппозиціи. Всѣми зависящими отъ него средствами онъ старался повредить новымъ губернскимъ учрежденіямъ, и добился цѣлаго ряда указовъ, которыми подрывалось ихъ первоначальное назначеніе и авторитетъ намѣстниковъ *). Генералъ-губернаторы охладѣли современемъ къ своей должности. Они, напримѣръ, перестали лично присутствовать въ губернскомъ правленіи, что въ послѣдствіи обратилось въ обычай; между тѣмъ какъ Сиверсъ ежедневно высиживалъ въ правленіи опредѣленное количество часовъ, и самъ подписывалъ всѣ протоколы и донесенія въ сенатъ. Мало того, генералъ-губернаторы въ послѣдствіи нерѣдко отсутствовали изъ своего намѣстничества, и жили въ столицѣ; оставлено было также первоначальное правило не подчинять одному лицу болѣе двухъ губерній.

Однимъ изъ источниковъ столкновеній послужила постройка зданій для новыхъ присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ утвержденіе плановъ и денежныхъ смѣтъ шло черезъ сенатъ. Сиверсъ любилъ строить и былъ знатокъ въ архитектурѣ; онъ пользовался въ этомъ дѣлѣ довѣріемъ государыни, и она иногда обращалась къ нему за совѣтами относительно столичныхъ построекъ. (Напримѣръ, при закладкѣ московскихъ присутственныхъ мѣстъ въ томъ же 1776 году). Сиверсу не разъ приходилось жаловаться императрицѣ на задержку сенатомъ плановъ и смѣтъ для его собственнаго намѣстничества, тогда какъ новый смоленскій намѣстникъ, Волковъ, и калужскій, Кречетниковъ, настойчиво просятъ его сообщить имъ эти планы для руководства въ ихъ губерніяхъ.

Въ мартѣ этого года родилась младшая дочь Сиверса, которая въ послѣдствіи была лучшимъ другомъ и утѣшеніемъ для своего отца. Несмотря на все стремленіе въ Петербургъ, къ своему семейству, Яковъ Ефимовичъ не могъ тогда выѣхать изъ Твери; а весною онъ отправился осматривать каналы и шлюзы.

---

*) Княгиня Дашкова въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что Вяземскій старался, по мѣрѣ возможности, препятствовать изданію новыхъ географическихъ картъ, предпринятыхъ академіей наукъ, и задерживалъ доставку матеріаловъ. Приписывая такой образъ дѣйствій личному къ ней нерасположенію, Дашкова въ этомъ случаѣ очевидно ошибается; поведеніе Вяземскаго вытекало здѣсь прямо изъ его нерасположенія къ областной реформѣ.

Воротясь осенью въ Тверь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, нашъ генералъ-губернаторъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что чиновничій людъ не смущается никакими параграфами новыхъ уставовъ, какъ бы они ни были тщательно обработаны. Съ іюля мѣсяца всѣ дѣла лежали неподвижно. Наибольшіе безпорядки нашлись, конечно, въ области судопроизводства. Тюрьмы въ городахъ переполнены; одинъ городской голова подписываетъ судебные приговоры, другой подвергаетъ тѣлесному наказанію; одна судебная палата посылаетъ депутатовъ въ другую, вмѣсто того чтобы согласно съ положеніемъ соединиться вмѣстѣ; губернаторъ раздаетъ предписанія судебнымъ мѣстамъ, то по собственному побужденію, то по просьбамъ частныхъ лицъ; одинъ предсѣдатель магистрата подвергнутъ суду, а потомъ, по словесной просьбѣ подсудимаго, губернаторъ приказываетъ оставить дѣло безъ послѣдствій,—и много другихъ злоупотребленій, вытекавшихъ главнымъ образомъ изъ превышенія власти. Изъ донесенія Сиверса видно, что и въ этомъ случаѣ онъ подозрѣваетъ интриги князя Вяземскаго. Отвѣтъ императрицы довольно милостивый; она сознаетъ всю трудность новаго дѣла для нашего намѣстника; разсказываетъ о такихъ же затрудненіяхъ Кречетникова въ Калугѣ и сообщаетъ о его оригинальныхъ предложеніяхъ, напримѣръ: онъ желаетъ уничтожить два старыхъ города и вмѣсто нихъ основать два новыхъ, а въ губернаторы себѣ требуетъ человѣка всему свѣту извѣстнаго своею ограниченностью.

Едва Яковъ Ефимовичъ пріѣхалъ въ Новгородъ, какъ онъ уже восклицаетъ: „Какъ много открылъ я здѣсь злоупотребленій, которыя вполнѣ оправдываютъ предпріятіе Вашего Величества! (то-есть областную реформу). Вредное вліяніе петербургскаго воздуха здѣсь еще чувствительнѣе чѣмъ въ Твери московскаго“. Онъ обѣщаетъ плыть противъ волнъ и вѣтровъ, и если потерпитъ кораблекрушеніе, то проситъ не приписывать ему главной вины. Въ то же время онъ приноситъ желобу на графа Румянцева, который хотѣлъ было воспользоваться правомъ выкупа и оттягать у Сиверсовъ Буртенекскую мызу, не обращая вниманія на труды и капиталъ, затраченные для ея улучшенія. Вообще, рядомъ съ официальными донесеніями, нерѣдко повторяются сѣтованія нашего генералъ-губернатора на свои разстроенные финансы. Такъ онъ проситъ уплатить ему 4.000 рублей, истраченныхъ на тверскія празднества сверхъ 6.000 уже уплаченныхъ. Онъ имѣлъ тогда до 90.000 долгу, и чтобы достать эти 4.000 принужденъ былъ заложить брилліанты своей жены; а потомъ,

чтобы выручить ихъ обратно, далъ вексель. Между тѣмъ служебныя обязанности рѣшительно не позволяютъ ему обратить вниманіе на собственное хозяйство, отчего имѣнія его почти не приносятъ доходовъ. Наконецъ, жалобы Якова Ефимовича были услышаны: въ концѣ 1776 года онъ получилъ въ подарокъ 70.000 рублей наличными и бѣлорусское имѣніе Касьянъ, болѣе чѣмъ въ 1.000 душъ.

24 августа 1776 года подписанъ указъ объ открытіи въ декабрѣ Новгородскаго намѣстничества, которое раздѣлялось на двѣ провинціи; Новгородскую и Олонецкую. Тѣмъ же указомъ (№ 14.500) предписано открыть два новыхъ города: Кирилловъ, въ слободѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и Крестецъ, при Крестецкомъ ямѣ. По полученіи указа, нашъ Сиверсъ хлопочетъ прежде всего заготовить въ достаточномъ количествѣ печатныя положеніи о новыхъ учрежденіяхъ, такъ какъ прежніе экземпляры почти всѣ вышли. Этотъ предметъ уже въ Твери не мало доставилъ ему хлопотъ и огорченій, когда пришлось снабжать новыя присутственныя мѣста, особенно судебныя, печатными сборниками узаконеній, а сенатъ, по обычаю, замедлялъ ихъ присылкою. Кромѣ того, генералъ-губернаторъ озабоченъ недостаткомъ помѣщенія: постройка новыхъ зданій еще предстояла впереди, а между тѣмъ надобно было немедленно приготовить помѣщеніе для шестнадцати присутственныхъ мѣстъ. Это затрудненіе кое-какъ улажено при помощи монастырскихъ зданій.

Къ 1-му декабря 1776 года въ Новгородъ собралось губернское дворянство, и притомъ въ такомъ большомъ количествѣ, какого Сиверсъ не ожидалъ. По спискамъ уѣздныхъ предводителей, число наличныхъ дворянъ простиралось до 625, и между ними 150 штабъ-офицеровъ; кромѣ того, безпрерывно подъѣзжали новые. Очевидно, слухъ о тверскихъ празднествахъ произвелъ надлежащій эффектъ.

2-го декабря дворянство собралось у губернатора (Кличка), и вмѣстѣ съ нимъ отправилось къ намѣстнику, которому и было торжествено представлено. Сиверсъ сказалъ нѣсколько словъ, приличныхъ обстоятельствамъ, и повелъ собраніе въ Софійскій соборъ. Обѣдню совершалъ Гавріилъ, архіепископъ новгородскій и петербургскій. По окончаніи ея прочли манифестъ 7-го ноября 1775 года и указъ 24-го августа. Потомъ архіепископъ сказалъ поученіе, и провозгласилъ многолѣтіе, сопровождавшееся 101 пушечнымъ выстрѣломъ. Для духовенства и штабъ-офицерскихъ чиновъ былъ приготовленъ у намѣстника обѣдъ на 120 приборовъ. На слѣдующій день производились подпись присяжныхъ листовъ и рекрутскій пріемъ.

Въ понедѣльникъ, 5-го декабря, происходило торжественное чтеніе уложенія о губерніяхъ; этому чтенію намѣстникъ предпослалъ наставительную рѣчь, которая такъ тронула предводителей, что они тотчасъ просили списать съ нея копіи, чтобъ еще разъ прочесть во время уѣздныхъ выборовъ. Сиверсъ вмѣстѣ съ донесеніемъ препроводилъ императрицѣ и свою рѣчь. Во вторникъ начались выборы предводителей; по словамъ намѣстника, они пали на людей достойныхъ, и онъ утвердилъ ихъ именемъ ея величества. Затѣмъ производились выборы судей, предсѣдателей, засѣдателей и проч., все въ томъ же порядкѣ какъ въ Твери. Тѣ же благодарственные молебны и проповѣди, тѣ же обѣды, маскарады, фейерверки и даровыя зрѣлища. Настроеніе общественное было такое, какое только можно желать.

Яковъ Ефимовичъ рѣшается просить императрицу о собственноручномъ одобреніи, по поводу такого большаго собранія дворянъ. Кромѣ того, онъ выражаетъ сомнѣніе послать къ ней для личнаго донесенія губернскаго прокурора, такъ какъ предыдущій опытъ показалъ неудобства возлагать это порученіе на лицо непосредственно подчиненное князю Вяземскому. Желаніе Сиверса было исполнено: онъ получилъ отъ государыни два письма, одно за другимъ, писанныя по русски. Въ первомъ она изъявила свое удовольствіе новгородскому дворянству за усердіе и готовность, съ какими оно встрѣтило новыя учрежденія; а во второмъ, собственноручномъ, благодарила намѣстника за его примѣрные труды для блага отечества. Вопросъ, кого послать съ донесеніемъ, она предоставляла совершенно на его волю.

По окончаніи выборовъ, дворянство, точно такъ же какъ въ Твери, назначило благодарственную депутацію въ Петербургъ, съ губернскимъ предводителемъ (Будевичемъ) во главѣ. Послѣдовала также и просьба о дозволеніи воздвигнуть монументъ въ память высочайшихъ благодѣяній. Щадя скромность государыни, генералъ-губернаторъ разрѣшилъ монументъ собственною властію, и хлопаты о его постройкѣ принялъ на себя. Для личныхъ донесеній онъ отправилъ на этотъ разъ одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія (полковника Гнѣвашева).

Когда окончились главные хлопоты въ губернскомъ городѣ, намѣстникъ распорядился открытіемъ присутственныхъ мѣстъ по уѣздамъ. Для того онъ послалъ вице-губернатора (Кожина) въ Олонецкую провинцію, предсѣдателя гражданской палаты (князя Путятина)—

въ Устюжну, Кириловъ, Бѣлозерскъ, Тихвинъ и Ладогу; губернатору назначилъ Крестецъ, Валдай и Боровичи, а самъ отправился въ Старую Русу.

Во время наступившихъ святокъ Яковъ Ефимовичъ успѣлъ съѣздить въ Петербургъ, лично побесѣдовать съ императрицей и навѣстить свое семейство. Въ концѣ января онъ воротился въ Новгородъ, гдѣ предстояло еще много работы. Мѣсяцъ спустя, онъ съ удовольствіемъ доноситъ, что въ Новгородской губерніи всѣ присутственныя мѣста уже въ полномъ дѣйствіи и завалены старыми дѣлами, которыхъ здѣсь оказалось вдесятеро болѣе чѣмъ въ Тверской.

Въ тотъ же день, когда былъ подписанъ указъ объ открытіи Новгородскаго намѣстничества, то-есть 24-го августа 1776 года, подписанъ и другой указъ объ отдѣленіи Псковской губерніи отъ Бѣлоруссіи *). Эта губернія ввѣрялась тверскому и новгородскому намѣстнику Сиверсу, пожалованному въ должность и намѣстника псковскаго; но впредь до новаго указа она должна была управляться на старыхъ основаніяхъ.

Въ февралѣ 1777 года Яковъ Ефимовичъ пріѣхалъ въ Псковъ, и писалъ оттуда, что всѣ непріятности зимней дороги были съ избыткомъ вознаграждены удовольствіемъ, какое доставила ему встрѣча мѣстнаго дворянства; при извѣстіи о его прибытіи оно собралось сюда въ числѣ почти 800 человѣкъ. Устройство новой губерніи совершилось довольно легко, благодаря опытности намѣстника въ этомъ дѣлѣ и содѣйствію дворянъ. Но онъ нашелъ, что существующихъ десяти уѣздныхъ городовъ на всю губернію мало; и что слѣдуетъ прибавить два города: одинъ изъ нихъ почти готовъ, это промышленный посадъ Холмъ на Ловати; а другой надобно еще создать, и именно на берегу Луги, на прямой дорогѣ между Гатчиной и Порховомъ. Въ Пусторжевскомъ уѣздѣ необходимо основать новый уѣздный городъ, вмѣсто Заволочья, который почти не имѣетъ гражданъ и лежитъ въ углу губерніи, вдали отъ своихъ уѣздныхъ жи-

*) Въ 1772 году, во время перваго раздѣла Польши, отъ Новгородской губерніи были отдѣлены провинціи Псковская и Великолуцкая; вмѣстѣ съ частью присоединенной Бѣлоруссіи онѣ составили тогда особую Псковскую губернію, и подчинены бѣлорусскому генералъ-губернатору, графу Захару Григорьевичу Чернышеву. Указомъ же 24-го августа Псковская грбернія раздѣлена на двѣ губерніи: Полоцкую и Псковскую; послѣдняя составлена изъ Псковской и Великолуцкой провинцій, съ присоединеніемъ къ ней отъ Новгородской губерніи двухъ уѣздовъ, Порховскаго и Гдовскаго.

телей; надъ нимъ Яковъ Ефимовичъ не мало ломалъ голову когда еще былъ просто новгородскимъ губернаторомъ. Кромѣ того, онъ предложилъ возвысить въ городъ Петрозаводскую слободу, которая могла бы скоро разбогатѣть, благодаря своему мрамору, желѣзу и промышленному духу жителей (въ Олонецкой провинціи).

Въ апрѣлѣ Яковъ Ефимовичъ извѣщаетъ изъ Твери о добрыхъ плодахъ, приносимыхъ новыми учрежденіями, за которыми онъ, конечно, слѣдилъ съ отеческою заботливостію. Напримѣръ, тверская казенная палата уже приняла половину годоваго дохода; изъ 45.000 руб. недоимокъ, бывшихъ при учрежденіи ея, 34.000 руб. уже уплачены. Далѣе, онъ открылъ 110.000 рублей недоимокъ за горнозаводскими крестьянами, о чемъ прежде и не подозрѣвалъ, при всемъ своемъ усердіи въ этомъ отношеніи.

Сиверсъ не ограничивается своими губерніями, но слѣдитъ и за другими, въ которыхъ постепенно вводились новыя учрежденія, и особенно за лицами, отъ которыхъ зависѣлъ большій или меньшій успѣхъ. Такъ онъ ратуетъ противъ всякаго увеличенія генералъ-губернаторской власти, которая могла бы обратиться въ произволъ. Поводъ къ тому подали два намѣстника, смоленскій, Волковъ, и калужскій, Кречетниковъ, которые получили временное право смѣщать судей по своему усмотрѣнію. Подобное право, по мнѣнію Сиверса, прежде всего, унижаетъ достоинство сената, унижаетъ и достоинство судьи, который такимъ образомъ будетъ зависѣть не отъ перваго правительственнаго мѣста въ государствѣ, а отъ воли одного человѣка. Всякій новый генералъ-губернаторъ, пожалуй будетъ ломать все по своему, и никто не будетъ увѣренъ въ своей безопасности. Онъ совѣтуетъ сообщить обоимъ упомянутымъ господамъ, чтобъ они подождали пользоваться этимъ правомъ впредь до особаго распоряженія; а если считаютъ полезнымъ чье-либо смѣщеніе, то представляли бы о томъ сенату по установленнымъ правиламъ.

Яковъ Ефимовичъ напоминаетъ также государынѣ о ея первоначальномъ намѣреніи не давать никому должности свыше его ранга; тогда какъ въ Смоленскѣ одинъ секундъ-майоръ занялъ полковничье мѣсто, что нарушаетъ порядокъ и связь между двумя отраслями государственной службы, военною и гражданскою. Онъ совѣтуетъ дѣлать исключеніе только для должности казначея, которая требуетъ людей достаточныхъ. Напримѣръ, въ Твери у него казначеемъ майоръ, съ имѣньемъ въ 20 душъ, а въ Новгородѣ поручикъ, съ

1.000 душъ; поэтому онъ чувствуетъ себя гораздо болѣе безопаснымъ въ Новгородѣ чѣмъ въ Твери.

Весною Сиверсъ отправился по обыкновенію къ Боровицкимъ порогамъ, навстрѣчу гжатскимъ и ржевскимъ караванамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ и пенькою; послѣднюю онъ называетъ „золотою миной для Россіи и золотою цѣпью для Англіи". Когда эти драгоцѣнные караваны благополучно прошли пороги, намѣстникъ предпринялъ объѣздъ четырехъ новыхъ городовъ Тверской губерніи: Калязина, Бѣжецка, Краснаго-Холма и Весьегонска. Во время этого объѣзда онъ получилъ какую-то царскую награду. Можетъ-быть, послѣднее обстоятельство не осталось безъ нѣкотораго вліянія на тѣ благопріятныя впечатлѣнія, которыми сопровождалось начатое путешествіе. Донесенія о Калязинѣ и его уѣздѣ по преимуществу проникнуты оттѣнкомъ идилліи. Повсюду намѣстника встрѣчали веселыя лица; вездѣ являлись передъ нимъ поразительныя черты порядка и благоденствія, какъ плоды новыхъ учрежденій. Число заключенныхъ по тюрьмахъ не велико; старыя тяжбы въ судебныхъ мѣстахъ покончены, и новыхъ мало; жалобъ ему почти не подавали. Дворянство очень занято сельскимъ хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей, общежитіемъ; повсюду оно проситъ объ отводѣ мѣстъ для поселенія въ городахъ, а купцы о дозволеніи строить лавки, дома и магазины; тамъ и сямъ встрѣчается слово „фабрика". Вездѣ начинаютъ отыскивать камень и выжигать кирпичъ. Поселянинъ благословляетъ провидѣніе и ея императорское величество; размежеваніе земель обезпечиваетъ ему спокойный трудъ. Пониженіе цѣнъ указываетъ на большіе запасы; а яровое и озимое вдобавокъ обѣщаютъ богатую жатву. Но еще болѣе благоденствія предстоитъ спустя нѣсколько лѣтъ, когда города эти покроются каменными зданіями,—чему не мало способствуютъ частые пожары,—украсятся школами, и когда по этому краю пройдетъ предполагаемая большая дорога изъ Ярославля въ Петербургъ, которая сократитъ сообщеніе съ нимъ для цѣлыхъ восьми губерній.

Послѣ четырехнедѣльной поѣздки Сиверсъ поспѣшилъ въ Новгородъ, куда призывали его винные торги, а въ концѣ іюня онъ отправился въ Петербургъ, и здѣсь остался до зимы. Обмѣнъ его мыслей съ императрицею въ это время сосредоточивается главнымъ образомъ на дальнѣйшемъ развитіи областнаго устройства, съ которымъ онъ связывалъ водяныя сообщенія и сбереженіе лѣсовъ. Между прочимъ, онъ предлагалъ отнести къ Тверской губерніи Рыбинскъ.

и Гжатскую пристань, чтобъ эти важные пункты находились подъ непосредственнымъ надзоромъ генералъ-губернатора тверскаго и новгородскаго. Но тогда губернія, долженствовавшая служить образцовою, получила бы слишкомъ неправильную форму и слишкомъ большое населеніе. Вслѣдствіе чего эта мысль была оставлена; ограничились только назначеніемъ въ Рыбинскъ смотрителя, состоящаго подъ вѣдѣніемъ Вышневолоцкой конторы. Далѣе, намѣстникъ предлагалъ: пристань Крохино, при истокѣ Шексны изъ Бѣлоозера, въ интересахъ торговли, возвысить въ достоинство посада, дозволивъ жителямъ приписываться въ купцы и мѣщане; по недостатку административныхъ пунктовъ, въ восточной части Новгородской губерніи образовать новый, одиннадцатый, уѣздъ, и для того открыть городъ Череповецъ. Эти два предложенія осуществились въ томъ же году.

Съ особеннымъ усердіемъ старался Яковъ Ефимовичъ обратить вниманіе императрицы на сбереженіе лѣсовъ, о чемъ онъ хлопоталъ и прежде при всякомъ удобномъ случаѣ. Постройка судовъ и топливо ежегодно истребляли страшное количество дерева, такъ что цѣны на него въ послѣдніе годы сильно поднялись. Барки, наконецъ, сдѣлаются дороже своего груза. Послѣ долгихъ размышленій объ этой отрасли государственнаго хозяйства, Сиверсъ представилъ до 30 пунктовъ, которые отчасти перешли потомъ въ законодательство. Онъ совѣтуетъ: уменьшить вывозъ досокъ изъ петербургской гавани за границу, не позволяя имъ прикрываться именемъ финляндскаго лѣса; назначить премію для тѣхъ барокъ, которыя не останутся въ Петербургѣ, а возвратятся назадъ по тому же водяному пути; возобновить запрещеніе на доски не пиленыя, а рубленыя топоромъ; даже совсѣмъ запретить деревянныя постройки въ городахъ, лежащихъ по водянымъ путямъ, а новые каменные дома освободить отъ податей на 20 лѣтъ; издать для землевладѣльцевъ точныя правила по предмету лѣснаго хозяйства и пр. Вольное экономическое общество назначило премію въ 1.000 рублей за открытіе каменнаго угля. Сиверсъ полагаетъ, что важность предмета требуетъ назначить 10.000, раздѣленныя на разныя степени.

3-го августа 1777 года изданъ указъ объ открытіи Псковскаго намѣстничества, на основаніи учрежденій 7-го ноября. Открытіе назначено произвести въ декабрѣ того же года. При этомъ къ десяти прежнимъ уѣзднымъ городамъ прибавлялось два новыхъ, Холмъ и Луга, а вмѣсто Заволочья главнымъ пунктомъ Пусторжевскаго уѣзда

назначенъ вновь учрежденный городъ Новоржевъ. Все это сдѣлано такъ, какъ предлагалъ Сиверсъ.

Въ ноябрѣ Яковъ Ефимовичъ пріѣхалъ въ Псковъ открывать намѣстничество. Мы не будемъ входить въ подробности этого открытія, которое совершилось по формѣ, уже выработанной нашимъ намѣстникомъ въ предыдущихъ случаяхъ. Тутъ повторялись тѣ же торжественныя аудіенціи предводителямъ дворянства, тѣ же рѣчи, проповѣди, открытіе присутственныхъ мѣстъ, обѣды, маскарады, фейерверки и депутація въ Петербургъ. Дворяне собрались въ большемъ числѣ чѣмъ прежде, потому что здѣсь оказалось болѣе помѣщиковъ, проживавшихъ въ своихъ имѣніяхъ. Разумѣется, почти все это были военные чины; между ними находились: 2 бригадира, 16 полковниковъ, 22 подполковника, 35 премьеръ-майоровъ, 56 секундъ-майоровъ и нѣсколько офицеровъ гвардіи. Сиверсъ не нахвалится тѣмъ, какъ хорошо дворянство вело себя во время выборовъ *). Губернскимъ предводителемъ былъ избранъ генералъ - поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ (Ларіонъ Матвѣевичъ), а уѣзднымъ псковскимъ—камергеръ Валуевъ. Въ самый разгаръ избирательной дѣятельности прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о благополучномъ разрѣшеніи великой княгини сыномъ Александромъ. Сиверсъ увѣдомляетъ императрицу, что дворянство приняло это извѣстіе съ восторгомъ; оно тотчасъ отправилось съ намѣстникомъ въ соборъ слушать благодарственный молебенъ. Богослуженіе въ этотъ день совершалъ Иннокентій, архіепископъ псковскій и рижскій; 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ народу о радостномъ событіи. Потомъ у намѣстника данъ былъ обѣдъ дворянамъ.

Благодаря предупредительности Якова Ефимовича, псковское дворянство удостоено было милостивымъ рескриптомъ. Подъ впечатлѣніемъ рескрипта оно рѣшило, вмѣсто обычнаго монумента, основать въ Псковѣ дворянскую Екатерининскую гимназію, и обратилось къ намѣстнику съ просьбою ходатайствовать о разрѣшеніи. Средства

---

*) Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* за 1777 годъ, въ № 101, помѣщено „Письмо отъ одного пріятеля къ другому изъ Пскова“, отъ 8 декабря. Тутъ описывается восторгъ дворянъ и ихъ признательность къ великимъ благодѣяніямъ государыни. Даже изъ другихъ губерній пріѣхали нѣкоторые, „чтобы участвовать въ нашихъ радостяхъ. Всѣ части города наполнились множествомъ жителей. Въ короткое время уже застроены здѣсь для дворянъ улицы, въ которыхъ нѣсколько вѣковъ до сего случая видны были однѣ развалины“, и проч. Очень можетъ быть, что самъ Сиверсъ не былъ чуждъ редакціи этого письма.

будущей гимназіи по подпискѣ простирались до 45.000 руб. на ея основаніе и до 5.000 руб. на содержаніе, за исключеніемъ платы съ воспитанниковъ.

Екатерина отвѣчала новымъ рескриптомъ на это заявленіе преданности. Даже фаворитъ Зоричъ прислалъ Сиверсу письмо съ пожеланіями такихъ же успѣховъ и на будущее время „для его собственной славы и для пользы отечества". Великій князь Павелъ Петровичъ также удостоилъ нашего намѣстника милостивымъ рескриптомъ за горячее участіе въ его радости. Сиверсъ былъ теперь на верху своего счастья и силы, и надѣялся вполнѣ осуществить свои реформаціонные планы. Но дальнѣйшіе факты скоро обнаружили непрочность его положенія.

Въ Псковѣ Яковъ Ефимовичъ тяжко заболѣлъ. Когда онъ началъ понемногу оправляться, то писалъ императрицѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Сознаюсь, моя болѣзнь произвела остановку въ теченіи дѣлъ, и тѣмъ болѣе что я не нахожу никакой помощи со стороны губернатора, въ выборѣ котораго, говоря откровенно, я сдѣлалъ промахъ" *). Императрица отвѣчала ему собственноручнымъ французскимъ письмомъ, отъ 13 февраля 1778 года: „Я съ сожалѣніемъ узнала, что состояніе вашего здоровья не изъ лучшихъ, и что губернаторъ вашъ на него похожъ. Когда пріѣдете сюда, мы поговоримъ о дѣлахъ; а пока, зная ваше усердіе, я надѣюсь, что вы приведете въ порядокъ все что зависитъ отъ вашей власти, которая, сознайтесь, не маленькая. Прощайте. Будьте здоровы, чего желаю вамъ отъ всего сердца".

По выздоровленіи, Сиверсъ отправился въ Петербургъ. На этотъ разъ пребываніе его въ столицѣ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, а частыя бесѣды его съ императрицей во многихъ придворныхъ возбудили живѣйшее опасеніе его вліянія. Разнаго рода интриги, конечно, не замедлили начать свои подкопы.

Лѣтомъ 1778 года Яковъ Ефимовичъ совершилъ обычный объѣздъ разныхъ городовъ своего намѣстничества, причемъ исправлялъ ихъ планы, осматривалъ казенныя постройки, поощрялъ гражданъ строить каменные дома, лично наблюдалъ за проходомъ судовыхъ каравановъ сквозь Вышневолоцкіе шлюзы, и т. п. Между прочимъ, онъ на мѣстѣ изслѣдовалъ весьма непріятное для него дѣло о крестья-

*) При открытіи намѣстничества губернаторомъ псковскимъ является Христофоръ Романовичъ фонъ-Нолькенъ (См. *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1777 года, № 100).

нахъ графа Апраксина, которые, жалуясь на чрезмѣрные поборы, отказали въ повиновенiи, и подвергнуты были военной экзекуцiи. Сиверсъ нашелъ здѣсь тѣ же симптомы, которые дѣйствовали въ Пугачевскомъ бунтѣ, и какъ на источникъ зла указывалъ на отсутствiе опредѣленныхъ сельско-хозяйственныхъ постановленiй. Но пока этихъ постановленiй нѣтъ, надобно, по его мнѣнiю, оставлять помѣщиковъ на прежнемъ положенiи; иначе, при малѣйшемъ отступленiи въ пользу крестьянъ, нельзя ручаться ни за какiя послѣдствiя.

Въ Торопцѣ намѣстнику встрѣтилась другая непрiятность. Судья оказался виновенъ въ подкупѣ. Виновный просилъ объ отставкѣ. Въ уваженiе къ его ранамъ, полученнымъ на полѣ битвы, Сиверсъ уволилъ его, и согласно съ уложенiемъ о губернiяхъ, предписалъ верхней расправѣ выбрать ему преемника. Онъ не рѣшился предать суду самого судью, и не хотѣлъ поднимать изъ этого дѣла шумъ, „чтобы не опорочить выборъ дворянства“.

VIII.

СЕМЕЙНОЕ НЕСЧАСТIЕ. ОТСТАВКА.

Письма, полученныя отъ жены въ теченiе лѣта 1778 года, попрежнему сообщали Сиверсу о разныхъ придворныхъ и домашнихъ новостяхъ, напримѣръ: объ отъѣздѣ Зорича, о переселенiи двора на лѣто въ Петергофъ, объ улучшенiяхъ въ Приморскомъ, то-есть на дачѣ Елизаветы Карловны, о визитѣ сосѣда ея, графа Ивана Чернышова, у котораго императрица на пути въ Петергофъ изволила кушать; о томъ что этотъ Чернышовъ ѣдетъ въ Таганрогъ и беретъ съ собою инженера Гергарда, чѣмъ послѣднiй не очень доволенъ. Ходятъ слухи о близкой войнѣ съ Турками, и уже назначены командующiе генералы: Румянцевъ, Рѣпнинъ и Салтыковъ. 28 iюня (день восшествiя на престолъ) г-жа Сиверсъ вмѣстѣ съ женою вице-канцлера были единственныя дамы ихъ ранга, которыхъ послѣ обѣдни пригласили къ столу императрицы. Въ этотъ день, по обыкновенiю, розданы нѣкоторыя награды и повышенiя; между прочимъ, „нашъ князь Путятинъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ“. За столомъ архiепископъ Платонъ пилъ здоровье Елизаветы Карловны; государыня замѣтила это и, кажется, что-то ему сказала. Вообще, всѣ болѣе или менѣе спрашивали ее о намѣстникѣ; она отвѣчала, что мужъ по уши погруженъ въ свои барки и водяныя сообщенiя. Въ иныхъ письмахъ

отъ такихъ сообщеній Елизавета переходитъ къ элегическому тону, и разсказываетъ, напримѣръ, о посѣщеніи ближняго имѣнія Гадебуша, гдѣ она проливала слезы при воспоминаніи о своемъ возлюбленномъ родителѣ.

Читая эти письма, кто бы могъ подумать, что надъ головою Якова Ефимовича уже собиралась гроза домашняго несчастія и потери высочайшаго расположенія.

Приближавшіяся невзгоды Блумъ старается поставить въ непосредственную связь съ придворными интригами, которыя тогда были особенно оживлены. Потемкинъ напрягалъ всѣ силы въ борьбѣ съ противною ему партіей Панина, Румянцева и Орловыхъ. Нѣкоторое время можно было думать, что расположеніе къ Григорію Орлову готово возвратиться, и слѣдовательно вліяніе Потемкина рушится. Но безпечность Григорія и его неожиданный бракъ съ одною фрейлиной (Зиновьевой) облегчили побѣду его противнику.

Сиверсъ, какъ извѣстно, находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Панину и Орлову, пользовался расположеніемъ наслѣдника, и уже успѣлъ возбудить противъ себя вражду Потемкина. Самое различіе въ направленіи ихъ дѣятельности питало взаимную антипатію и привело къ неизбѣжнымъ столкновеніямъ: Сиверсъ былъ ревностнымъ поборникомъ мира и старался обращать вниманіе императрицы на улучшенія въ администраціи; Потемкинъ, напротивъ, поддерживалъ завоевательные планы, которые въ эту эпоху взяли рѣшительный перевѣсъ надъ внутреннею политикой. Такъ какъ ихъ взаимная антипатія была слишкомъ извѣстна, то Потемкинъ не рѣшился открыто дѣйствовать противъ Сиверса, а пошелъ окольными путями. Въ усердныхъ помощникахъ недостатка не было. Какими именно средствами дѣйствовали они, источники наши почти не разъясняютъ. Только въ послѣдствіи, въ письмахъ Сиверса, встрѣчаются намеки на особое участіе Бецкаго въ его семейномъ несчастіи и потерѣ высочайшаго довѣрія. Память Бецкаго пользуется у насъ большимъ уваженіемъ за его долговременные труды, посвященные благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ, каковы: воспитательные дома, Смольный монастырь и кадетскій корпусъ. Но Блумъ отрицаетъ искренность и безкорыстіе его благотворительной дѣятельности, а видитъ въ немъ прежде всего ловкаго придворнаго человѣка, тонкаго льстеца и большаго эгоиста. Вообще, онъ съ излишнимъ усердіемъ чернитъ всѣхъ тѣхъ, кого подозрѣваетъ въ интригахъ противъ

своего героя, и по всѣмъ признакамъ, преувеличиваетъ ихъ виновность въ его послѣдующихъ несчастіяхъ.

Поводомъ къ столкновенію съ Бецкимъ, повидимому, послужилъ упомянутый прежде проектъ Сиверса о заведеніи дворянскихъ училищъ въ его трехъ губерніяхъ. Императрица обѣщала, въ качествѣ помѣщицы, дать отъ себя 10,000 рублей на это дѣло; она велѣла также обратить на него и тѣ 10,000, которыя дворянство пожертвовало для ея памятника. Въ Твери уже былъ основанъ кадетскій корпусъ, и набрано около полутораста воспитанниковъ. Дворянство обязалось вносить для него по пяти копѣекъ съ души, и вообще было очень довольно этимъ учрежденіемъ. Число кадетъ предполагалось довести до 300; а содержаніе каждаго опредѣлено было во 100 руб. Но вскорѣ дѣло остановилось. Эти 100 руб. сильно не понравились Бецкому, которому не доставало и 300 на каждаго кадета. Императрицѣ сдѣлали представленіе, что Сиверсъ при основаніи корпуса не соблюлъ утвержденныхъ ею правилъ; на второй годъ она не дала никакого вспоможенія, а на третій годъ кадетскій корпусъ обращенъ въ незначительное заведеніе на 50 мальчиковъ. Зданіе корпуса было отдано подъ межевую канцелярію; въ послѣдствіи въ немъ поселился губернаторъ. Между тѣмъ и въ Новгородѣ Сиверсъ началъ строить для дворянскаго училища прекрасный домъ на берегу Волхова; постройка остановилась на первомъ этажѣ: его покрыли соломенною кровлей и учредили тамъ маленькій дѣтскій пріютъ. Въ Псковѣ намѣстникъ успѣлъ уже выстроить два этажа, и собирался строить флигеля, когда вопросъ о кадетскихъ корпусахъ принялъ неблагопріятный оборотъ. Здѣсь также помѣстили межевую канцелярію и даже не устроили никакого воспитательнаго пріюта.

Супруга Сиверса находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Бецкимъ и въ интимныхъ съ его пріемною дочерью *). Интимность ихъ еще болѣе увеличилась, когда Елизавета потеряла свою мать, въ 1777 году. Эта добрая и дѣятельная женщина привязалась къ своему племяннику Якову, какъ мы видѣли, еще съ ранней его молодости. Его служебная карьера и репутація потомъ сдѣлались ея гордостью и утѣшеніемъ, тѣмъ болѣе что собственные ея сыновья не удались и доставляли ей не мало огорче-

*) Между питомцами своихъ заведеній Бецкій выбралъ одну дѣвушку, которую сдѣлалъ своею пріемною дочерью. По замѣчанію Блума, она походила на него своими качествами, то-есть была хорошо образована и очень хитра. Бецкій потомъ выдалъ ее за своего protégé, итальянскаго выходца Рибаса.

ній. Нашъ намѣстникъ глубоко чувствовалъ свою потерю; онъ оцѣнилъ ее еще болѣе, когда разошелся съ женою. Тутъ стало ясно, что пока была жива мать, она своимъ вліяніемъ не мало сдерживала Елизавету въ границахъ приличія. Блумъ не сомнѣвается, что послѣ ея смерти, Бецкій и его воспитанница много способствовали разрыву жены съ мужемъ.

Явная ссора произошла осенью 1778 года. Собираясь изъ Петербурга въ свою губернію, Яковъ Ефимовичъ хотѣлъ взять съ собой жену. Но она рѣшительно отказалась. Въ происшедшемъ отсюда спорѣ Бецкій и его друзья приняли сторону жены. Тогда начались взаимныя объясненія, во время которыхъ вскрылись всѣ неудовольствія, накопившіяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Невольно припоминаются при этомъ горькія, настойчивыя жалобы Елизаветы Карловны на разлуку съ мужемъ, лѣтъ шесть или семь назадъ. Разлука эта обратилась потомъ въ привычку. При своей наклонности къ разсѣянію, при своемъ желаніи блистать въ великосвѣтскомъ обществѣ, супруга такъ сжилась съ столицею, что провинція уже казалась ей невыносимо скучною. Повидимому, мужъ и самъ долгое время не былъ противъ ея пребыванія въ Петербургѣ, чтобы поддерживать постоянныя связи съ высшимъ столичнымъ обществомъ и имѣть всегда вѣрныя извѣстія о придворныхъ отношеніяхъ; эти отношенія составляли предметъ первой важности для всякаго высокопоставленнаго дѣятеля, и слѣдить за ними было для него необходимостью.

Мы не разъ упоминали о князѣ Путятинѣ, который нѣсколько лѣтъ пользовался расположеніемъ самаго Сиверса, и былъ принятъ въ его домѣ и въ домѣ его тещи какъ родной. Когда Яковъ Ефимовичъ извѣстилъ младшаго брата Карла о своемъ семейномъ несчастіи, то послѣдній замѣтилъ, что давно предвидѣлъ эту разлуку; нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, при свиданіи во Псковѣ, онъ уже предостерегалъ Якова. Карлъ старается утѣшить брата, сильно пораженнаго горемъ, и между прочимъ предлагаетъ къ его услугамъ свое имѣніе, если онъ находится въ нуждѣ. Но Яковъ въ это время не нуждался: онъ только-что получилъ отъ императрицы подарокъ въ 15.000 рублей.

Императрица приняла живое участіе въ семейномъ горѣ Сиверса. Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 17 октября, она обращается къ его прежней умѣренности и мягкости, и совѣтуетъ окончить несчастное дѣло съ возможно-меньшимъ шумомъ. „Я уже сказала вамъ,

прибавляетъ Екатерина, и повторяю опять: изберите безпристрастныхъ судей, которые бы васъ разобрали, потому что взаимное раздраженіе не позволяетъ вамъ ни въ чемъ согласиться. Возвратите мнѣ какъ можно скорѣй моего губернатора такимъ, какимъ я его знаю уже 15 лѣтъ".

Послѣ нѣкотораго колебанія Сиверсъ послѣдовалъ совѣту императрицы относительно посредниковъ. Съ его стороны былъ выбранъ тайный совѣтникъ Олсуфьевъ, а со стороны жены графъ Эрнестъ Минихъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала и самый преданный другъ Бецкаго. Главнымъ предметомъ спора служилъ раздѣлъ долговъ и дѣтей. Любовь къ дѣтямъ выразилась въ этомъ случаѣ у нашего Сиверса съ чрезвычайною силой. Посредники не могли придти ни къ какому соглашенію между собою, и условились выбрать третейскаго судью, который бы рѣшилъ дѣло. Выбрали князя Александра Голицына, кажется, по указанію самой государыни. Но это былъ одинъ изъ недоброжелателей намѣстника и сторонникъ Бецкаго съ товарищами, такъ что Яковъ Ефимовичъ не могъ сомнѣваться въ исходѣ рѣшенія. Нужда заставила его искать помощи у партіи Панина, Орловыхъ и Чернышевыхъ. По крайней мѣрѣ безъ ихъ одобренія онъ, при всемъ своемъ раздраженіи, едва ли бы рѣшился на слѣдующую весьма крутую мѣру.

Однажды, въ сопровожденіи братьевъ Елизаветы Карловны, которые держали его сторону противъ своей сестры, Яковъ Ефимовичъ ворвался въ квартиру жены, и силой взялъ всѣхъ трехъ дочерей. Старшей дочери было тогда восемь лѣтъ, а младшей два съ половиной года.

Вслѣдъ затѣмъ Сиверсъ получилъ отъ императрицы письмо, въ которомъ она строгимъ тономъ упрекаетъ его, и говоритъ, что въ нѣсколько недѣль онъ сдѣлался неузнаваемъ:

„Вы, пишетъ она, объявляете недѣйствительнымъ полномочіе, данное вами третейскому судьѣ. Для васъ недостаточно сдѣлать повсюду извѣстнымъ безчестье дочери вашего благодѣтеля, которая вышла за васъ противъ своей склонности. Вы еще жестоко преслѣдуете ее въ несчастномъ ея положеніи. Назовете ли вы такой образъ дѣйствія благороднымъ? Нѣтъ, мстительность до того овладѣла вашею душей, что изгнала изъ нея послѣдніе слѣды благородства и великодушія; она ослѣпляетъ васъ до такой степени, что вы на моихъ глазахъ совершаете насилія. Предоставляю вамъ самимъ подумать о томъ, какъ я должна оскорбиться, и какими глазами

свѣтъ будетъ смотрѣть на такого человѣка. Уже давно противная сторона обвиняетъ васъ въ стараніи уклониться отъ всякаго соглашенія: чѣмъ вы только убѣдите свѣтъ въ справедливости ея требованій. Вы насильно взяли всѣхъ дочерей, не посовѣтовавшись ни со мною, ни съ кѣмъ другимъ; между тѣмъ какъ дѣло было отдано на третейскій судъ съ моего вѣдома и по моему желанію. Законы, къ которымъ вы теперь хотите обратиться, могутъ на основаніи вашихъ собственныхъ словъ, отнять ихъ у васъ по совѣсти. *) А развѣ у совѣсти два языка? И развѣ можетъ быть полезно то что говоритъ языкомъ ей противнымъ? Послѣ совершеннаго насилія, вы пишите ко мнѣ письмо, исполненное горечи и страсти. Вы жалуетесь на вашихъ арбитровъ; я видѣла ихъ рѣшеніе; они слѣдовали здравому смыслу и разсудку, безпристрастно, безкорыстно, и добродушно. Этотъ-то приговоръ хотите вы уничтожить! Но, подумайте, можете ли вы это сдѣлать? Не будутъ ли законы и справедливость на ихъ сторонѣ? Ваши обидныя жалобы противъ личности арбитровъ суть ничто иное какъ дѣйствіе раздраженія, которое вы обнаружили во всемъ этомъ дѣлѣ. Вся ихъ вина состоитъ въ томъ, что они смягчили (вашъ?) диктаторскій тонъ. Этотъ тонъ мнѣ также не нравится; предупреждаю васъ о томъ. Запрещаю вамъ на будущее время прибѣгать къ какому бы то ни было насилію здѣсь въ моей резиденціи, и гдѣ бы то ни было, подъ страхомъ моего гнѣва. Приказываю вамъ въ теченіе этой недѣли ѣхать въ вашу губернію, чтобъ успокоить порывы вашихъ страстей, и избавляю васъ отъ всякаго отвѣта на это письмо".

Глубокопотрясенный намѣстникъ, однако, не подчинился молча своей участи. На грозное посланіе онъ отвѣчалъ пространнымъ письмомъ (отъ 29 ноября), которое нѣсколько разъясняетъ намъ его прошлыя отношенія къ женѣ. „Хотя Ваше Величество, говоритъ онъ, и поразили меня словами, что избавляете отъ отвѣта; но я былъ бы виноватъ передъ моею повелительницей и моею благодѣтельницей, еслибы замолчалъ: я долженъ обнаружить недоразумѣніе, въ которое другіе ввели мою всемилостивѣйшую государыню. Въ несчастіи, которымъ я удрученъ, не смѣю льстить себя надеждою, что Ваше Величество соблаговолите прочесть такое длинное письмо. Но молчать послѣ обвиненія и не быть выслушаннымъ—это противорѣчило бы вашимъ правиламъ справедливости и милосердія.

*) По остзейскому обычаю, при разводѣ, дѣти мужескаго пола отдаются отцу; а женскаго матери.

„Знаю, какъ вы смотрите на всякое насиліе. Осмѣлюсь сказать, что и я смотрѣлъ точно также. Ваше Величество имѣете тому доказательство. Я отрицаю обвиненіе, и требую отъ моихъ клеветниковъ доказать, что я совершилъ какое-либо насиліе. Я жъ могу доказать, что самъ ему подвергся.

„Увѣряю Ваше Величество, что я не измѣнился. Я также мало озлобленъ теперь какъ и прежде. Я не прибѣгалъ ни къ какимъ друзьямъ, и думалъ, что въ дѣлахъ чести и добродѣтели, почтенный вашимъ довѣріемъ, я не имѣю нужды къ нимъ прибѣгать. Ваше Величество выслушали только моихъ враговъ. Спросите, что думаютъ о моемъ поведеніи въ отношеніи къ женѣ князь Орловъ, графъ Орловъ, графъ Чернышевъ, графъ Панинъ.

„Увѣряю Ваше Величество, что общественное мнѣніе (Publicum),— это немилостивое и суровое мнѣніе,—все за меня, исключая моихъ отъявленныхъ четырехъ враговъ, которые всѣ суть люди безъ гражданской связи съ человѣческимъ обществомъ. Смѣю васъ увѣрить въ томъ, что репутація моя не потеряна, и что всѣ меня жалѣютъ.

„Я оказывалъ и всегда буду оказывать должное уваженіе совѣтамъ моей благодѣтельной государыни. Я доказалъ это выборомъ третейскихъ судей; но такъ какъ они переступили предѣлы своего полномочія, то я былъ бы трусомъ еслибы подписалъ. Я объяснилъ это въ письмѣ, которое передалъ имъ сегодня утромъ.

„Я не оглашалъ стыда дочери моего благодѣтеля.... Она промотала все мое наслѣдство; я перенесъ это. Прошедшимъ лѣтомъ она въ четыре мѣсяца прожила 11.500 рублей; я бы перенесъ и еще разъ, еслибъ она не показала мнѣ двери. Не я покинулъ ее, а она... отказалась слѣдовать за мною въ Тверь, куда призывали меня мои обязанности. Отсюда все несчастье. Читали ли Ваше Величество тѣ приличныя, великодушныя условія, на которыхъ я хотѣлъ принять ее опять. Она пользовалась бы всѣми моими доходами, 20.000 рублей; но она требовала особаго капитала. Меня обвиняютъ въ недостаткѣ щедрости: прошу указать мнѣ мужа, который бы для своей жены сдѣлалъ болѣе. Наконецъ, я предоставлялъ ей пользованіе всѣмъ моимъ имуществомъ, цѣною въ 80.000 рублей. Я еще разъ обременилъ себя сотнею тысячъ долгу, чтобы купить ей домъ, дачу, мебель, карету и лошадей. Я далъ ей 30.000 руб. Вообще она могла бы разсчитывать на 12—15.000 руб. годоваго дохода. Развѣ такого мужа можно упрекать въ недостаткѣ щедрости? Мои благодѣянія ее ослѣпили.

„Ваше Величество утверждаете, что читали мое согласіе на третейскій судъ; но вы не видали полномочія, которое должно было служить ему единственною основой. Законы и справедливость ясно требуютъ, чтобы третейскій судъ не преступалъ своего полномочія. Еслибъ эти господа-судьи рѣшились стать передъ настоящимъ судомъ (не закрываясь высочайшими перунами, которыми мнѣ грозятъ), они были бы посрамлены. Я буду требовать честнаго, приличнаго и полнаго развода въ законныхъ формахъ, какъ уже и сказалъ о томъ въ моемъ сегодняшнемъ письмѣ. Смѣю надѣяться, что Ваше Императорское Величество не будете смотрѣть на это какъ на насиліе; жена моя можетъ выдти замужъ за своего любезнаго, и такимъ образомъ прекратить скандалъ, чему я былъ бы очень радъ“.

Семейное преданіе прибавляетъ, будто послѣ похищенія Сиверсомъ своихъ дѣтей императрица послала къ нему тотчасъ приказаніе возвратить ихъ женѣ, и будто онъ отвѣчалъ, что послѣдняя капля крови его принадлежитъ государынѣ, но что отецъ воленъ въ своихъ дѣтяхъ. Впрочемъ, позднѣе онъ уступилъ просьбамъ жены, и отдалъ ей среднюю дочь.

Административная дѣятельность нашего намѣстника и его заботы объ общественномъ благѣ не прерывались и въ это тяжелое для него время. Въ бытность свою въ Петербургѣ онъ успѣлъ представить императрицѣ цѣлый рядъ плановъ, соображеній и вопросовъ. Такъ, онъ возвращается къ своей прежней мысли, что Олонецкая провинція должна быть обращена въ особую губернію; при этомъ совѣтуетъ городъ Олонецъ перенести ближе къ озеру. По поводу большаго количества циркуляровъ, разсылаемыхъ по уѣздамъ, онъ предлагаетъ завести въ губернскомъ городѣ частную типографію, съ опредѣленною поддержкой отъ казны. Въ связи съ типографіей, онъ думаетъ потомъ основать и губернскую газету, по образцу лифляндской, за основаніе которой Браунъ заслужилъ большую благодарность. Онъ напоминаетъ о прежнемъ намѣреніи императрицы завести въ каждой губерніи библіотеку, и полагаетъ для этого по 3.000 рублей на губернію. Далѣе идутъ его соображенія о новыхъ постройкахъ, дорогахъ, объ увеличеніи числа землемѣровъ, о томъ какія мѣста отрѣзать отъ Псковской губерніи для преобразующейся Петербургской, и пр. Но пока очень немногія изъ этихъ предложеній намѣстника были удостоены вниманія. Мало того, по возвращеніи въ Новгородъ, онъ получилъ отъ Безбородка письмо съ нѣкоторыми нелестными замѣчаніями о состояніи водяныхъ сообщеній. Очевидно, съ нимъ перемѣнили тонъ.

Въ началѣ 1779 года, губернское дворянство собралось въ Твери, для производства новыхъ выборовъ. Они совершились по порядку установленному три года тому назадъ, и при соблюденіи почти тѣхъ же церемоній. По окончаніи ихъ въ Петербургъ отправилась обычная дворянская депутація. Императрица почтила собравшееся дворянство благосклоннымъ рескриптомъ, но не удостоила намѣстника ни одною строкой. Впрочемъ, вскорѣ онъ получилъ отъ нея письмо, заключавшее отказъ на его ходатайство о произведеніи обѣщаннаго сбора съ казенныхъ крестьянъ въ пользу упомянутаго прежде дворянскаго института.

Сиверсъ очень хорошо сознавалъ свое щекотливое положеніе. Но онъ все-таки не подавалъ просьбы объ увольненіи, пока считалъ свою службу полезною для упроченія новыхъ учрежденій, мыслію о которыхъ онъ былъ одушевленъ. Онъ не хотѣлъ уступать своимъ врагамъ безъ борьбы. При этомъ Яковъ Ефимовичъ не забывалъ и своихъ личныхъ обстоятельствъ: онъ зналъ, что если оставитъ теперь свой высокій постъ, то можетъ подвергнуть опасности всю свою будущность и пожалуй лишится тѣхъ выгодъ и наградъ, на которыя давали ему право многолѣтніе труды и заслуги. Впрочемъ, на всякій случай, онъ подумывалъ объ отставкѣ, и заготовлялъ уже себѣ пріютъ въ родномъ Бауэнгофѣ. Тамъ строился для него большой помѣщичій домъ подъ надзоромъ его брата Карла и арендатора бауэнгофскаго помѣстья, Энгельгардта.

Но посреди разныхъ непріятностей, нашему намѣстнику какъ будто снова улыбнулось милостивое расположеніе императрицы. Такъ, онъ получилъ отъ нея благосклонное письмо съ извѣстіемъ о рожденіи великаго князя Константина Павловича. Намѣстникъ тотчасъ отпраздновалъ это событіе и извѣстилъ государыню о всеобщей радости жителей. По этому поводу послѣдовало, наконецъ, высочайшее утвержденіе большей части лицъ, предложенныхъ намѣстникомъ на разныя административныя должности. Между лицами, которымъ въ то время Сиверсъ наиболѣе покровительствовалъ, въ особенности слѣдуетъ упомянуть тверскаго губернатора Тутолмина. Яковъ Ефимовичъ рекомендуетъ его императрицѣ, какъ человѣка способнаго въ скоромъ времени занять еще болѣе важное мѣсто. Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, Сиверсъ ходатайствуетъ о пожалованіи Тутолмину имѣнія въ 500 душъ крестьянъ, по причинѣ его разстроеннаго состоянія и многихъ долговъ *).

*) Тутолминъ, спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ олонецкимъ и архангельскимъ; въ послѣдствіи онъ былъ московскимъ главнокомандующимъ.

Лѣтомъ 1779 года, во время обычной поѣздки на водяныя сообщенія Яковъ Ефимовичъ встрѣтился въ Валдаѣ съ княземъ Рѣпнинымъ, смоленскимъ генералъ-губернаторомъ, и узналъ отъ него, что императрица въ будущемъ году, намѣрена посѣтить пять сѣверозападныхъ губерній и въ числѣ ихъ Псковскую и Новгородскую. Вслѣдствіе того намѣстникъ поспѣшилъ обратиться къ Безбородку и Вяземскому, прося сообщить ему болѣе подробныя инструкціи относительно приготовленій къ высочайшему путешествію. Осенью, когда онъ пріѣхалъ съ отчетомъ въ Петербургъ, то принялся здѣсь хлопотать о немедленномъ ассигнованіи суммы на улучшеніе почтовыхъ станцій въ его губерніяхъ; испрашивалъ также приказовъ относительно поставки лошадей (для упомянутаго путешествія), ихъ числа, запряжки и т. п.

Въ это именно время послѣдовало рѣшеніе на многія представленія намѣстника, на которыя до сихъ поръ отвѣчали молчаніемъ. Обѣщанные 10.000 рублей для дворянскаго института въ Твери приказано выдать, утверждены постройки многихъ церквей и зданій духовнаго вѣдомства, напримѣръ церковь въ Лугѣ, соборъ и архіерейскій домъ въ Олонцѣ, и 10.000 руб. на выкупъ изъ частнаго владѣнія деревни, которую предположено соединить съ городомъ Лугою. Далѣе, утверждены нѣкоторые проекты по водянымъ сообщеніямъ и по торговлѣ лѣсомъ. Сиверса пригласили сообщить директору банка, графу Брюсу, свои замѣчанія о раззореніи тѣхъ имѣній, которыя за долги подвергались секвестру; эти замѣчанія должны были послужить матеріаломъ для новыхъ относящихся сюда указаній, и пр.

Вновь улыбнувшаяся благосклонность немедленно отразилась и въ окружающей сферѣ. Даже князь Вяземскій завязалъ съ Сиверсомъ дружескую переписку. Онъ любезно отвѣчаетъ на вопросы намѣстника, извиняется въ томъ, чего не можетъ исполнить по его желанію, наконецъ, подробно исчисляетъ ему станціи, на которыхъ императрица будетъ обѣдать или ночевать во время своего путешествія. На приготовленія ассигновано ему 42.000 рублей; лошадей приказано выставить къ первому числу будущаго марта.

Сиверсъ покинулъ Петербургъ въ лихорадкѣ. Однако болѣзнь не мѣшаетъ его дѣятельности. Онъ спѣшитъ воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа при дворѣ, и снова представляетъ императрицѣ цѣлый рядъ записокъ и соображеній. Въ особенности онъ старается обратить вниманіе на медленность въ окончаніи задуманныхъ ре-

формъ, которая вредитъ тому, что уже явилось на свѣтъ. Наиболѣе безотлагательныхъ реформъ требуютъ, по его мнѣнію: уголовный сводъ и порядокъ процесса, гражданскій сводъ, вексельное право, инструкція для казенной палаты и дирекціи экономіи, наконецъ, узаконенія о сельскомъ хозяйствѣ. Онъ не упускаетъ случая, гдѣ можно, напомнить о своемъ семейномъ несчастіи и выразить надежду, что императрица со-временемъ признаетъ его невинность.

Отвѣтъ Екатерины, отъ 23 октября, совершенно напомнилъ ея прежній тонъ въ отношеніи къ намѣстнику. Она даже снисходитъ до оправданія, и говоритъ, что ни время, ни средства не позволяли ей до сихъ поръ привести въ исполненіе остальную часть реформъ. Она исчисляетъ тѣ главы узаконеній, которыя уже обработаны, а именно: взаимныя отношенія присутственныхъ мѣстъ (составившія вторую часть *Учрежденія о губерніяхъ*), дворянство, соль, водка; для другихъ собраны матеріалы (рекрутская повинность, земская полиція, сборъ податей, обязанности государственнаго казначея, школы и пр.); относительно сената и подвѣдомыхъ ему присутственныхъ мѣстъ также приготовлены почти всѣ матеріалы. Яковъ Ефимовичъ былъ совершенно утѣшенъ этимъ письмомъ, и съ новою энергіей продолжалъ хлопотать о разныхъ улучшеніяхъ. Онъ представляетъ списки арестантовъ и жалуется на медленность судебной процедуры; особенно возстаетъ противъ системы аппелляцій, которыя допускались въ такомъ количествѣ, что подсудимые имѣли полную возможность затягивать дѣло. Онъ составляетъ цѣлую записку о состояніи тюремъ въ Россіи, и указываетъ на совершенное отсутствіе въ нихъ гигіеническихъ предосторожностей.

Но вскорѣ мы опять видимъ перемѣну въ тонѣ съ Сиверсомъ. Въ январѣ 1780 года происходили новгородскіе выборы, и императрица при этомъ не удостоила его ни одною строкой. Непріятели его, по замѣчанію Блума, искусно умѣли дѣйствовать на весьма чувствительную сторону: они приписывали нашему генералъ-губернатору слишкомъ явныя притязанія раздѣлять съ законодательницею славу совершенныхъ ею реформъ.

Между тѣмъ приготовленія къ высочайшему путешествію приведены къ концу. Это было извѣстное путешествіе въ Могилевъ, навстрѣчу Іосифу II. Съ 1780 года происходитъ очевидный поворотъ во внѣшней политикѣ Екатерины II. До сихъ поръ она держалась постоянно союза съ Фридрихомъ Прусскимъ, и еще недавно, во время вопроса о Баварскомъ наслѣдствѣ, готова была выставить

ему вспомогательную армію, для борьбы съ Габсбургскимъ домомъ. Самымъ усерднымъ поборникомъ прусскаго союза въ кабинетѣ императрицы былъ Никита Ивановичъ Панинъ. Фридрихъ нѣкоторое время умѣлъ сдерживать оппозицію этому союзу со стороны Потемкина, разнаго рода ласками и надеждами (даже подавалъ ему виды на Курляндское герцогство). Но Потемкинъ мало-по-малу увлекся въ противную сторону, къ Іосифу II, съ которымъ его сблизили общіе планы относительно Восточнаго вопроса, тогда какъ Фридрихъ враждебно смотрѣлъ на всякое покушеніе противъ цѣлости Оттоманской имперіи. Австрія спѣшила пользоваться благопріятными обстоятельствами и прислала въ Петербургъ молодаго, талантливаго дипломата, Кобенцеля. Фридрихъ, разумѣется, тотчасъ замѣтилъ перемѣну и противопоставилъ Кобенцелю ловкаго графа Гёрца. Борьба разныхъ вліяній и придворныя интриги оживились съ особою силой. Вниманіе Екатерины въ это время было совсѣмъ увлечено внѣшней политикой, для которой она замѣтно отлагала въ сторону поднятые ею самой вопросы о внутреннихъ реформахъ. Искусство императрицы въ политическихъ дѣлахъ было признано цѣлою Европой, такъ что Петербургскій дворъ въ ея время сдѣлался высшею практическою школой для европейскихъ дипломатовъ. Въ данномъ случаѣ, съ обычною своею дальновидностію, Екатерина не хотѣла слишкомъ круто повернуть дѣло: устраивая въ Могилевѣ свиданіе съ Іосифомъ, она при посредствѣ Панина и Потемкина сообщила Гёрцу желаніе видѣть у себя въ гостяхъ прусскаго принца, по отъѣздѣ германскаго императора. Но Фридрихъ, конечно, угадалъ цѣль свиданія, и косвенно далъ понять свое неудовольствіе.

Могилевское свиданіе происходило въ концѣ мая 1780 года. Изъ Могилева Екатерина и графъ Фалькенштейнъ (Іосифъ) вмѣстѣ проѣхали въ Смоленскъ. Отсюда Іосифъ отправился въ Петербургъ черезъ Москву, а императрица предприняла обратное путешествіе прямо въ столицу.

Одною изъ характеристическихъ чертъ этого высочайшаго путешествія было обиліе піитическихъ восторговъ. Вездѣ, гдѣ показывались коронованныя главы, на нихъ дождемъ лились стихотворныя привѣтствія, и притомъ на разныхъ языкахъ, даже на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ. Нашъ намѣстникъ также не преминулъ принять участіе въ этомъ стихотворномъ дождѣ. На обратномъ пути Екатерина проѣхала въ Старую-Русу, и дорогою останавливалась

въ извѣстномъ намъ селеніи Коростино. Здѣсь въ числѣ прочихъ привѣтствій младшая дочка Сиверса встрѣтила ее стихами. Но посреди своей декламаціи малютка вдругъ запнулась, и остановилась; государыня тотчасъ подняла ее на руки и покрыла поцѣлуями. Въ Новгородѣ Екатерина пробыла нѣсколько часовъ. Намѣстникъ вслѣдъ затѣмъ доноситъ, что это пребываніе внушило жителямъ удивительную ревность къ постройкамъ, такъ что онъ заложилъ уже основаніе осьми каменнымъ домамъ.

Сиверсъ получилъ инструкціи, относящіяся къ проѣзду императора черезъ его намѣстничество. На каждой станціи между обѣими столицами приказано держать въ готовности по сту лошадей, станціонные дома прибрать, снабдить коврами и простою мебелью, дорогу улучшить какъ можно болѣе. Въ городахъ дозволено назначать частные дома для пріема Іосифа II; но такъ какъ онъ любитъ останавливаться только въ гостинницахъ, то велѣно къ этимъ частнымъ домамъ прибить вывѣски. Вообще, мы должны отдать полную справедливость государственнымъ людямъ того времени въ искусствѣ показать высокому путешественнику лицевую сторону предметовъ. По крайней мѣрѣ, по донесенію намѣстника, „графъ Фалькенштейнъ, проѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, увѣрялъ его, что во всѣхъ городахъ онъ былъ пораженъ результатами настоящаго (то-есть Екатерининскаго) управленія.“

Осенью 1780 года Сиверсъ отправился въ Псковъ, гдѣ наступало тогда время выборовъ. Отсюда онъ увѣдомляетъ императрицу о слѣдующемъ столкновеніи съ сенатомъ. Намѣстникъ принужденъ былъ отставить торопецкаго казначея; а такъ какъ у послѣдняго не было помощника, то онъ поручилъ пока его должность городничему. Но генералъ-прокуроръ нашелъ, что это порученіе неправильно, то-есть несогласно съ законами, и что лучше было бы передать дѣла какому-нибудь секретарю. Сиверсъ возражаетъ, что уѣздные секретари по большей части люди молодые, которымъ онъ не повѣрилъ бы и 500 рублей, а не только пріемъ ежегодныхъ государственныхъ доходовъ въ 50—80.000 руб. Онъ уже три недѣли тщетно ищетъ порядочнаго казначея, должность котораго сопряжена съ большою отвѣтственностію, а жалованье очень незначительно. Хотя у намѣстника въ распоряженіи до 30 секретарей, но между ними онъ не находитъ и троихъ, которымъ бы рѣшился ввѣрить кассу! *) Далѣе, Яковъ

---

*) По этому поводу мы можемъ указать на слѣдственное дѣло 1775 года „О

Ефимовичъ жалуется на большую медленность, съ которою подвигался впередъ его процессъ съ женою. Обращаясь снова къ правосудію императрицы, онъ проситъ формальнаго развода и оставленія за нимъ дѣтей. Но какъ на эту просьбу, такъ и на другія его представленія все чаще и чаще отвѣчаютъ молчаніемъ. Мало того, время-отъ-времени ему присылаютъ замѣчанія о неправильномъ образѣ дѣйствія въ какомъ-либо административномъ или судебномъ случаѣ. Напримѣръ, по жалобѣ военной коллегіи (гдѣ президентомъ былъ Потемкинъ), императрица сдѣлала ему запросъ, на какомъ основаніи онъ взялъ 30 человѣкъ изъ карабинернаго полка, расположеннаго въ Великихъ-Лукахъ, 60 изъ эскадрона, стоявшаго въ Торопцѣ, и отдалъ ихъ въ распоряженіе исправниковъ при собираніи недоимокъ. Сиверсъ оправдывается тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ накопилось до полумилліона недоимокъ, и что онъ присоединилъ къ исправникамъ военную команду для внушенія страха, такъ какъ городничій могъ отдать въ ихъ распоряженіе не болѣе четырехъ солдатъ.

Къ тому же времени относятся довольно частыя донесенія новгородскаго прокурора, Остолопова, генералъ-прокурору Вяземскому о разныхъ непорядкахъ въ губерніи и о неправильныхъ дѣйствіяхъ намѣстника: то Яковъ Ефимовичъ въ отсутствіи городничаго поручаетъ его должность казначею, а не начальнику военной команды; то онъ приказываетъ содержать подъ стражею дворянъ и офицеровъ, не повинующихся рѣшенію совѣстнаго суда; казеннымъ крестьянамъ позволяетъ рубить лѣсъ для домашняго употребленія безъ платежа попеннаго сбора, а между тѣмъ въ одномъ 1779 году роздано билетовъ на срубку болѣе 100.000 деревъ; то, вопреки представленію губернскаго прокурора, намѣстникъ по вопросу о наслѣдствѣ помѣщика Дебресана не признаетъ его послѣднимъ въ родѣ, „потому де, что есть у него родная по отцѣ тетка“, и пр. Между разными безпорядками, прокуроръ обвиняетъ комендантскую канцелярію въ подмѣнѣ настоящаго уголовнаго преступника другимъ, который оказался простымъ безпачпортнымъ, и подобный случай былъ не одинъ“. *)

расхищеніи въ преждебывшей Осташевской ратушѣ денежной казны—10,000 руб.,“ самими чиновниками ратуши (*Архивъ Мин. Юстиціи*).

*) Всѣ эти донесенія Остолопова см. въ *Архивѣ Мин. Юстиціи. Дѣла генералъ-прокурорскія.* Еще болѣе непорядковъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ Сиверсова намѣстничества, указываетъ прокуроръ въ то время, когда Сиверсъ уже вышелъ въ отставку. См. *ibidem.* Въ 1781 году, въ Россіи былъ знаменитый филан-

Наконецъ, упорное молчанiе на многiя представленiя Сиверса и частыя столкновенiя съ сенатомъ положили предѣлъ колебанiямъ нашего намѣстника. Особенно огорчилъ его неудачный исходъ дѣла о дворянскихъ училищахъ, которыя въ скоромъ времени должны были закрыться. Въ маѣ 1781 года, едва онъ воротился въ Новгородъ больной лихорадкою, какъ здѣсь произошелъ значительный пожаръ. Сиверсъ тотчасъ обратился къ императрицѣ съ ходатайствомъ о вспоможенiи пострадавшимъ. Въ тотъ же день онъ послалъ ей просьбу объ отставкѣ. Затѣмъ онъ снова отправился въ Псковъ, и въ ожиданiи своей отставки, все еще продолжалъ составлять разные планы и предположенiя, относящiяся къ его губернiямъ. Между прочимъ, онъ пишетъ императрицѣ о необходимости раздѣлить его генералъ-губернаторство: какъ бы ни былъ усерденъ и даровитъ генералъ-губернаторъ, онъ не въ состоянiи выполнить свои обязанности въ отношенiи къ тремъ губернiямъ. Сиверсъ ссылается въ этомъ случаѣ на собственный опытъ: вопреки своему знанiю мѣстностей, вопреки прiобрѣтенному имъ довѣрiю провинцiальнаго общества, онъ долженъ признаться, что дѣлалъ иногда ошибки, и что главная ихъ причина заключалась въ долгомъ отсутствiи изъ одной губернiи, въ то время когда онъ распоряжался въ двухъ другихъ. Поэтому онъ совѣтуетъ отдѣлить Псковскую губернiю отъ Новгородской и Тверской; послѣднiя же двѣ надобно оставить нераздѣльными, по ихъ положенiю между двумя столицами и по ихъ отношенiю къ водянымъ сообщенiямъ, главная дирекцiя которыхъ должна находитьси въ рукахъ генералъ-губернатора. Въ заключенiе Сиверсъ предлагаетъ, если будетъ угодно императрицѣ, то онъ, по полученiи отставки, изложитъ ей подробный отчетъ обо всемъ, что было сдѣлано имъ въ теченiе его семнадцатилѣтняго управленiя губернiей, и что еще оставалось ему сдѣлать.

Отставка Сиверса подписана была 14 iюня 1781 года: онъ увольнялся „по причинѣ разстроеннаго здоровья, вслѣдствiе всеподданнѣйшаго прошенiя“. Хотя этой отставки уже давно ожидали, тѣмъ

тропъ, англичанинъ Говардъ, который совершалъ по Европѣ путешествiе съ спецiальною цѣлью изучать состоянiе тюремъ и заключенныхъ. Между прочимъ, онъ посѣтилъ вновь выстроенную тверскую тюрьму. Тамъ оказалась такая грязь и смрадъ, что докторъ, сопровождавшiй Говарда, не рѣшился идти далѣе первой комнаты, и одинъ только неустрашимый филантропъ осмотрѣлъ и всѣ остальныя. Сиверсъ уже два мѣсяца находился въ отставкѣ; однако, плохое состоянiе тюрьмы нѣкоторымъ образомъ было отнесено къ его управленiю.

не менѣе она произвела впечатлѣніе. Графъ Иванъ Чернышевъ, кажется, первый поспѣшилъ заявить свое сочувствіе Якову Ефимовичу. „Вчера въ Царскомъ Селѣ, пишетъ онъ 15 іюня, — когда узнали о вашемъ увольненіи и назначеніи вамъ преемника, почти всѣ, даже и тѣ, которые, повидимому, васъ не знали, выразили сожалѣніе, и открыто замѣчали, что задача вашего преемника очень трудная, и что ему не скоро удастся изгладить память о вашемъ управленіи“.

Преемникомъ Сиверса назначенъ былъ графъ Брюсъ. Такъ какъ послѣдній находился въ то время за границей, то государыня изъявила желаніе, чтобы Сиверсъ до его возвращенія удержалъ за собою дирекцію водяныхъ сообщеній; на что Яковъ Ефимовичъ отвѣчалъ увѣреніемъ въ своемъ неизмѣнномъ усердіи. Въ іюлѣ онъ отвезъ дѣтей въ Бауенгофъ, куда также отправленъ изъ Пскова цѣлый караванъ съ его вещами и крѣпостною дворнею. Тамъ, благодаря попеченіямъ брата Карла, былъ почти уже оконченъ прекрасный помѣщичій домъ на берегу Буртенекскаго озера. А въ августѣ мы встрѣчаемъ неутомимаго Сиверса уже на Боровицкихъ порогахъ, откуда онъ доноситъ императрицѣ о благополучномъ проходѣ 500 барокъ. Въ октябрѣ онъ снова въ Бауенгофѣ. Тяжкая болѣзнь удержала его слѣдующею весной отъ поѣздки на водяныя сообщенія. Тѣмъ не менѣе лѣтомъ онъ собирался предпринять эту поѣздку, когда получилъ отъ графа Брюса извѣстіе о его скоромъ прибытіи въ Ригу. Брюсъ былъ не болѣе какъ придворный человѣкъ, не привыкшій къ большой дѣятельности и мало свѣдущій въ администраціи. Мѣсяцы и даже годы немного значили въ его препровожденіи времени; но, проѣзжая изъ Риги въ Петербургъ, онъ не нашелъ и нѣсколькихъ свободныхъ часовъ, чтобы сдѣлать пару лишнихъ миль — посѣтить больнаго Сиверса и получить отъ него много полезныхъ указаній для своихъ новыхъ обязанностей. Однако, Яковъ Ефимовичъ не переставалъ письменно снабжать его разными свѣдѣніями и совѣтами, на которые Брюсъ обыкновенно отвѣчалъ письмами, исполненными удивленія къ необыкновенной дѣятельности своего предшественника. Сиверсъ еще продолжалъ руководить изъ Бауенгофа администраціей водяныхъ сообщеній, пока указомъ 27 октября 1782 года императрица не передала и это вѣдомство въ распоряженіе новаго генералъ-губернатора. А указомъ 24 ноября, написаннымъ въ лестныхъ для Сиверса выраженіяхъ, онъ награжденъ за свою службу чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Такимъ образомъ прекратилась на время государственная служба нашего героя, и онъ въ тишинѣ сельскаго уедпненія преимущественно посвятилъ себя воспитанію своихъ дочерей. Въ предъидущемъ году Яковъ Ефимовичъ добился, наконецъ, полнаго и законнаго развода съ своей женой.

Если бросимъ общій взглядъ на поприще, пройденное Сиверсомъ въ теченіе его губернаторской службы, то, конечно, еще разъ отдадимъ полную справедливость его неутомимости, честности, гуманности, теплымъ попеченіямъ о благѣ общественномъ и созидательному направленію его дѣятельности. Одинъ перечень предметовъ, въ которые онъ вникалъ и надъ которыми работалъ лично, можетъ достаточно охарактеризовать эту многостороннюю дѣятельность, таковы: сельское хозяйство, лѣса, соляное дѣло, торфъ, каменный уголь, размежеваніе, управленіе казенными крестьянами, дороги, постройки, школы, рекрутство, водяныя сообщенія, взаимныя отношенія сословій и въ особенности реформа областной администраціи. Его усиліямъ удалось не мало подвинуть впередъ и самое развитіе общежитія въ провинціи. Блумъ (бывшій профессоромъ въ Дерптѣ) зналъ одну почтенную старушку, которая, какъ скоро рѣчь заходила о Псковѣ, всегда съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ воспоминала о временахъ Сиверса, и прибавляла, что никто, ни прежде, ни послѣ, не заботился такъ усердно объ общественныхъ удовольствіяхъ для всѣхъ сословій.

Въ доказательство того какъ долго сохранялась благодарная память о Сиверсѣ въ самомъ населеніи его губерній, Блумъ расказываетъ слѣдующій случай. Однажды внукъ Якова Ефимовича, молодой, беззаботный офицеръ, проѣзжая черезъ Новгородъ, затѣялъ здѣсь игру, и проигрался въ пухъ, такъ что задолжалъ и не могъ выѣхать изъ города. Какъ скоро случай этотъ сдѣлался извѣстенъ, новгородскіе старики объявили, что для нихъ стыдно было бы не выручить изъ бѣды потомка того, кто сдѣлалъ столько добра ихъ городу. Они сложились, и заплатили долги молодаго человѣка; мало того, купили ему коляску, и снабдили порядочною суммою на дорогу.

По словамъ Рамбаха, въ концѣ XVIII столѣтія, когда Сиверсъ былъ генералъ-директоромъ водяныхъ сообщеній и ѣздилъ по мѣстамъ своей прежней губернаторской дѣятельности, жители при его имени сбѣгались къ нему на встрѣчу, и изъявляли радость увидать его снова; ихъ ласки простирались и на его служителей. Подобные факты прекрасно характеризуютъ обѣ стороны, и показываютъ,

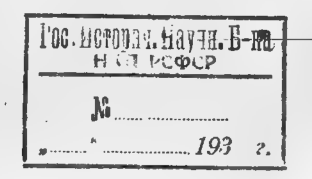
что русскій человѣкъ умѣетъ цѣнить и помнить добраго дѣятеля.

Отдавая справедливость заслугамъ и стремленіямъ нашего героя, мы, однако, не должны преувеличивать его значеніе въ исторіи русской цивилизаціи. Блумъ замѣчаетъ, что огромный край, поступившій въ его управленіе, по своей бѣдности и пустынности, представлялъ обширное поле для новыхъ созиданій, и что этому полю какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ творческій геній Сиверса. Дѣйствительно, его планы и проекты способны удивлять насъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ; почти ничего не оставлено имъ безъ вниманія, все затронуто, для всѣхъ отраслей управленія у него готово свое мнѣніе и указаны способы улучшеній. Но самое это количество и разнообразіе, конечно, мѣшали ему сосредоточиваться и глубже вникать въ сущность каждаго дѣла. Многое въ его проектахъ отзывается увлеченіемъ и излишнею вѣрою въ могущество бюрократіи, въ ея способность легко и быстро измѣнять условія народнаго быта. Мы даже думаемъ, что возраставшее обиліе проектовъ, которыми онъ постоянно осаждалъ императрицу, едва ли не было главною причиной ея охлажденія къ нему, особенно въ то время, когда внѣшняя политика отодвинула на задній планъ вопросы о внутреннихъ реформахъ. Мы нерѣдко видѣли, что въ свои офиціальныя донесенія Сиверсъ вносилъ значительную долю оптимизма и даже сантиментальности; эта черта, не имъ, конечно, изобрѣтенная, но развиваемая имъ съ талантомъ, пришлась, очевидно по вкусу современному строю; она представляетъ намъ краснорѣчивые первообразы тѣхъ отчетовъ, которые потомъ долго и неуклонно воспѣвали наше внутреннее преуспѣяніе.

Что касается собственно личнаго надзора за всѣми отправленіями государственной жизни въ провинціи,—въ чемъ и заключалась главная сущность обязанностей начальника губерніи,—въ этомъ отношеніи Сиверсъ добросовѣстно дѣлалъ все что могъ, и если результаты часто не соотвѣтствовали его усиліямъ, то причина лежала въ томъ, что самая задача превышала силы отдѣльнаго человѣка. Гдѣ дѣло касалось суровости соціальныхъ отношеній, тамъ, конечно, онъ могъ только дѣйствовать на послѣдствія, а на корни его вліяніе не простиралось. За то относительно нѣкоторыхъ матеріальныхъ нуждъ народнаго быта, его благонамѣренныя усилія заслуживаютъ полнаго уваженія; таковы, напримѣръ, его заботы о путяхъ сообщенія. Мы

нисколько не сомнѣваемся, что еслибы во время Сиверса были извѣстны желѣзныя дороги, то онъ не принадлежалъ бы къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которые спокойно ожидали пока вся Европа покроется сѣтью этихъ дорогъ, за исключеніемъ Россіи.

Здѣсь, по обстоятельствамъ, прекратился біографическій очеркъ графа Сиверса, предпринятый мною въ 1865 году. Доскажу въ нѣсколькихъ словахъ дальнѣйшую судьбу этого достойнаго государственнаго дѣятеля. Послѣ отставки болѣе десяти лѣтъ прожилъ онъ въ своемъ лифляндскомъ помѣстьѣ, занимаясь семьей и хозяйствомъ, но внимательно слѣдя за всѣмъ, что совершалось въ Россіи и въ Западной Европѣ. Осенью 1792 года Екатерина назначила Сиверса своимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Польшу, для совершенія ея втораго раздѣла. Этотъ періодъ его дѣятельности подробно описанъ мною въ особой монографіи, озаглавленной *Гродненскій Сеймъ 1793 года.* По совершеніи раздѣла Сиверсъ внезапно получилъ отставку, и снова удалился въ свой Бауенхофъ, откуда еще разъ былъ вызванъ на служебное поприще уже императоромъ Павломъ. Ему поручено было главное опекунство надъ воспитательными домами, Петербургскимъ и Московскимъ, т. е. онъ сдѣланъ преемникомъ Бецкаго, помощникомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны въ управленіи этими благотворительными учрежденіями. Въ тоже время ему ввѣрено было генералъ-директорство водяными сообщеніями. Обѣ эти должности онъ исполнялъ съ обычнымъ ему усердіемъ и добросовѣстностію; по ходатайству императрицы Маріи Ѳеодоровны въ 1798 году Павелъ пожаловалъ ему графское достоинство. Спустя два года, преклонный возрастъ и утомленіе побудили его окончательно покинуть службу. Послѣдніе годы онъ провелъ въ томъ же любимомъ Бауенхофѣ, на берегахъ Буртенекскаго озера, гдѣ и скончался въ іюлѣ 1808 года семидесяти семилѣтнимъ старцемъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРАФЪ ЯКОВЪ СИВЕРСЪ.

———

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Разысканія о началѣ Руси. 3 р.

Исторія Россіи. Ч. I-я. Кіевскій періодъ. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. Ч. II-я. Владимірскій періодъ. 2 р. 50 к.

Исторія Россіи. Ч. III-я. Московско-Литовскій періодъ или Собиратели Руси выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

Очерки и расказы изъ древней Исторіи. 2 р. 50 к.